

Маўкл МУРКОК

Сунны посох



Хроника Хокмуна

Annotation

Романы Майкла Муркока, объединенные общим названием «Рунный посох», написаны в стиле героической фэнтези.

Действие происходит в далеком будущем Земли. Отбушевала ядерная война. Государства, такие как Америка, Англия, Франция и даже Россия, рисуются автором как средневековые страны, где мужчины не расстаются с мечом, где в лесах и болотах водятся страшные чудовища. На Земле вновь появляются колдовство и магия.

Майкл Муркок

Рунный посох

романы



*Настоящее издание осуществлено с любезного разрешения
автора*

I

ДРАГОЦЕННОСТЬ В ЧЕРЕПЕ

Роберту Силвербергу с наилучшими пожеланиями

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Земля старела. Смягчались ее формы и несли на себе знаки времени. Пути ее стали причудливы и неисповедимы, как жизнь человека в его последние, предсмертные годы.

Из «Истории Рунного Посоха»

Глава 1

ГРАФ БРАСС

Граф Брасс, Лорд-Хранитель Камарга, объезжал на рогатой лошади свои владения. Было раннее утро. Возле небольшого холма, вершину которого украшали развалины древней готической церкви, он остановился. За долгие века дождь и ветер отшлифовали толстые каменные стены. Сейчас по ним карабкался плющ и расцвечивал золотом и пурпуром своих цветов темные глазницы окон.

Во время таких прогулок граф неизменно приезжал сюда. Его тянуло к этим развалинам. Он чувствовал странное единение с ними. Они были столь же древними, как и он сам. Но главным было то, что ни он, ни они, столько пережившие и вынесшие, не только не согнулись под натиском неумолимого времени, но, казалось, стали еще мудрее и крепче. Холм, поросший высокой, качающейся под порывами ветра, жесткой травой, походил на волнующееся море. Его окружали бескрайние болота Камарга, где можно было встретить стада диких белых быков, табуны рогатых лошадей и огромных алых фламинго, таких больших, что они с легкостью могли поднять человека.

Темнеющее небо предвещало дождь, но пробившийся сквозь тучи бледный солнечный луч золотил доспехи графа, и медь пламенем сияла на его груди. Широкий боевой меч был пристегнут к поясу графа, голову прикрывал шлем, а тело защищали тяжелые медные доспехи. Сапоги и перчатки графа тоже были сделаны из меди — точнее из тонких медных колец, искусно нашитых на замшу. Граф был человеком большого роста, сильным и широкоплечим. На его суровом, словно отлитом из меди, загоревшем лице выделялись золотисто-коричневые глаза и пышные густые усы, такие же рыжие, как и волосы. В Камарге, как, впрочем, и за его пределами, рассказывали, что граф — это вовсе не человек, а ожившая медная статуя — титан, непобедимый и бессмертный.

Однако те, кто его окружал, прекрасно знали, что это не так; граф олицетворял собой образ настоящего мужчины, в полном и истинном смысле этого слова — верный друг одним и яростный враг другим, бесстрашный боец и непревзойденный наездник, великий мудрец и нежный любовник. Он, с его спокойным звучным голосом и неистощимой энергией, не мог не стать легендарной личностью — ибо каков человек, таковы и его поступки.

Граф Брасс, поглаживая рукой лошадь между острыми, закрученными в спирали рогами, смотрел на юг — туда, где море сливалось с небом. Животное зафыркало от удовольствия, и граф, улыбнувшись, откинулся в седле. Дернув поводья, он направил лошадь с холма к тайной тропинке, что, петляя по болотам, вела к едва различимым северным пограничным башням.

Когда он добрался до первой башни, уже стемнело, и на фоне вечернего неба отчетливо выделялся силуэт часового. Хотя со времени назначения Брасса Лордом-Хранителем на Камарг никто не нападал, но вблизи границ рыскали в поисках добычи остатки армий, некогда разбитых полководцами Темной Империи.

Все стражи башен были вооружены примерно одинаково — огненное копье причудливой формы да четырехфутовый меч. В каждой башне имелись прирученные ездовые фламинго и гелиографы для передачи срочных известий. Там же было установлено и оружие, созданное самим графом. Все знали о нем, но никто не видел его в действии. Графу удалось убедить воинов в том, что новое оружие превосходит своей мощью оружие Темной Империи Гранбретании; они служили, но все-таки относились к странным машинам довольно недоверчиво.

Когда граф Брасс приблизился к башне, стражник повернулся. Его лицо закрывал черный железный шлем, тяжелый кожаный плащ облегал доспехи. Подняв руку, он приветствовал графа.

Брасс поднял руку в ответ.

— Все в порядке?

— Да. Все спокойно, милорд.

Упали первые капли дождя, и стражник, перехватив копье, поднял капюшон.

— Все, кроме погоды.

Граф засмеялся.

— Вот задует мистраль, тогда и будешь жаловаться.

Он направил лошадь к следующей башне.

Мистраль, холодный свирепый ветер, с необузданной силой дул в Камарге месяцами, почти до самой весны. Но граф любил мчаться на коне, подставляя лицо этому буйному обжигающему ветру.

Теперь уже настоящий дождь барабанил по медным доспехам графа. Брасс вытащил из-под седла плащ, накинул его и поднял капюшон. Вокруг клонился под напором дождя камыш, и слышен был плеск дождевых капель в болотных лужах. По воде бежала мелкая рябь.

Тучи становились чернее, можно было ожидать грозы, и граф решил отложить свою поездку до завтра и вернуться в замок Эйгис-Морт, до которого было еще добрых четыре часа езды.

Он повернул лошадь и, полагаясь на ее инстинкт, предоставил самой выбирать путь. Дождь становился сильнее, и плащ графа насквозь промок. Быстро опустилась ночь, вокруг ничего не было видно, лишь серебряные струи дождя пронизывали завесу кромешной тьмы. Лошадь шла медленно, но не останавливалась. Запах пота, исходящий от ее мокрой шкуры, раздражал графа, и он подумал, что добравшись до замка, нужно велеть конюху хорошенько вычистить ее. Граф смахнул воду с гривы лошади и, пристально вглядевшись во тьму, попытался рассмотреть что-нибудь впереди, но видел лишь темные заросли тростника, со всех сторон обступившие тропинку. Изредка до него доносилось то истошное кряканье дикой утки, спасающейся от выдры или болотной лисицы, то кудахтанье сражающейся с совой куропатки. Иногда ему казалось, что он видит пролетающего над ним фламинго. В темноте он заметил стадо белых быков, а немного погодя уловил тяжелое дыхание преследующего их медведя. Только чуткий слух мог разобрать в ночи едва слышные звуки его шагов. Все это было знакомо графу и не тревожило его.

Даже услышав пронзительное ржание перепуганных лошадей и приближающийся топот, он не насторожился, пока его лошадь не остановилась и не стала беспокойно топтаться на месте. Табун лошадей неся прямо на них. Граф уже видел вожака, его полные ужаса глаза и раздувающиеся ноздри.

Граф закричал и замахал руками в надежде, что вожак свернет в сторону, но тот был слишком испуган... Брассу больше ничего не оставалось, как свернуть в болото. Он надеялся, что почва будет достаточно крепкой и хотя бы ненадолго — пока пройдет табун — удержит их. Лошадь ринулась в камыши, пытаясь найти какую-то опору в болотной жиже, не удержалась и, очутившись в воде, поплыла, отважно неся на спине тяжелого седока.

Вскоре с топотом пронесся табун. Граф не на шутку обеспокоился столь странным поведением животных — напугать рогатых лошадей Камарга не так-то просто. Но, когда он направил коня обратно к тропинке, до него донесся звук, который все объяснил ему и заставил схватиться за меч.

Это был голос барагуна — болотного дьявола.

Барагуны — создания прежнего Лорда-Хранителя — держали в страхе жителей Камарга. Граф Брасс и его люди почти полностью истребили их, но те немногие, кто уцелел, стали осторожнее и охотились лишь по ночам, избегая людей.

Когда-то барагуны были обыкновенными людьми, но, попав в тайные лаборатории бывшего Лорда-Хранителя, они превратились в чудовищ около восьми футов ростом, с желтушной кожей и с плечами шириной до пяти футов. Они ползали по болотам, приподнимаясь только затем, чтобы напасть на свою жертву и разодрать добычу твердыми как сталь когтями.

Лошадь выбралась на тропу, и граф увидел барагуна. Почувствовав исходящее от зверя зловоние, он закашлялся.

Барагун замер.

Граф спешил и, взяв в руки меч, стал осторожно приближаться к чудовищу.

Барагун, приподнявшись и взрывая когтями землю, стал издавать резкие свистящие звуки, пытаясь напугать Брасса. На это не остановило графа — ему приходилось видеть и не такое. Однако он прекрасно понимал, что шансов у него немного — соперник хорошо видит в темноте, да и болота — его родной дом. Графу оставалось рассчитывать лишь на свою хитрость.

— Ну, вонючка, — спокойно произнес он. — Это я, граф Брасс, твой кровный враг. Это я уничтожил ваше дьявольское семя и благодаря именно мне у тебя сейчас почти не осталось родственников. Ты скучаешь? Так не хочешь ли присоединиться к ним?

Барагун издал яростный вопль, весь напрягся, но не двинулся с места.

Граф засмеялся.

— Ну, трусливое создание, что молчишь?

Монстр открыл рот и, шевеля толстыми бесформенными губами, произнес что-то нечленораздельное.

С кажущейся беззаботностью граф воткнул меч в землю и оперся о рукоять.

— Я вижу, тебе стыдно. Ты раскаиваешься в том, что напугал беззащитных животных, и поэтому я пощажу тебя. Если уйдешь, я позволю тебе пожить еще несколько дней. Останешься — умрешь здесь.

Он говорил с такой уверенностью, что барагун вновь припал к земле, но не отступил. Граф резко поднял меч, как будто в нетерпении, и решительно двинулся вперед. От едкого зловония ему стало дурно, он остановился и махнул рукой.

— Убирайся в болото, в грязь, там твое место. Я великодушен сегодня.

Чудовище выжидало.

Граф понял, что пришла пора действовать.

— Может быть, это твоя судьба?

Чудовище приподнялось, на задних лапах, но граф опередил его — тяжелый меч уже заканчивал свой путь, опускаясь на шею барагуна.

Барагун ударил сразу обеими лапами, и из его пасти вырвался отчаянный крик, полный ненависти и страха. Раздался металлический скрежет, мощные когти заскользили по доспехам графа, оставляя глубокие царапины. Он едва устоял на ногах. В нескольких дюймах от его лица чудовище судорожно глотало воздух, огромные черные глаза монстра пылали яростью. Отступая, граф освободил меч и нанес еще один удар, вложив в него всю свою силу.

Черная кровь потоком хлынула из раны, раздался еще один звериный вопль. Барагун, обхватив голову лапами, пытался удержать ее, но голова свалилась набок, и монстр рухнул на землю.

Граф стоял неподвижно, и тяжело дышал. На его лице застыло выражение мрачной удовлетворенности. Он тщательно вытер кровь с лица, разгладил пышные усы и поздравил сам себя с тем, что не потерял ни былой сноровки, ни бывшего мастерства. Ему удалось обмануть барагуна, и он не видел в этом ничего недостойного. Если бы они сошлись в честном бою, скорее всего на месте зверя сейчас лежал бы он, обезглавленный и покрытый грязью.

Набрав полную грудь холодного ночного воздуха, граф подошел к мертвому телу. Ему удалось столкнуть барагуна с тропинки, и огромная туша беззвучно погрузилась в болотную жижу.

Граф вскочил на свою рогатую лошадь и добрался до замка Эйгис-Морт уже без всяких приключений.

Глава 2

ИСОЛЬДА И БОГЕНТАЛЬ

Граф Брасс участвовал почти во всех крупных сражениях тех лет. Чуть ли не половина правителей Европы были обязаны ему короной, он возводил королей на престолы и свергал их. Это был мастер интриги, человек, мнение которого ценили и к чьим советам прислушивались самые влиятельные политики. Откровенно говоря, граф был наемником, но наемником, одержимым великой идеей — привести Европу к миру и сделать ее единой. Поэтому он поддерживал любую реальную силу, которая могла хоть что-нибудь для этого сделать. Он не раз отвергал предложения стать правителем той или иной страны, прекрасно понимая, что в столь смутное время можно потратить на создание крепкого государства лет пять и потратить все за каких-то полгода. Он лишь старался хотя бы немного направить ход истории туда, куда считал нужным.

Уставший от бесконечных войн, интриг и даже от своих идеалов, граф, в конце концов, принял предложение жителей Камарга стать их Лордом-Хранителем.

Древняя страна озер и болот лежала у берегов Средиземного моря. Когда-то это была часть государства, называемого Францией, но сейчас Франция представляла собой пару дюжин мелких княжеств с громкими названиями. Камарг, его высокое выцветшее небо, его памятники далекого прошлого, его древние обычаи пришлось по душе старому графу, и он решил сделать эту страну спокойной и богатой.

Побывав почти во всех странах Европы, он многое узнал и многому научился, и именно поэтому мрачные пограничные башни Камарга сейчас были оснащены оружием куда, более мощным, нежели простые мечи или огненные копья.

У южных границ Камарга болота постепенно переходят в море, и иногда в маленькие бухты заходят торговые корабли, хотя путешественники редко отваживаются сойти здесь на берег. Негостеприимна природа Камарга — безлюдные пустоши, непроходимые болота да горные хребты, с трех сторон обступившие страну. Желая попасть в глубь материка обычно плывут дальше на восток и там уже поднимаются вверх по реке Роне. Поэтому до жителей Камарга редко доходят новости из внешнего мира, а если и доходят, то с большим опозданием.

Собственно, это была одна из причин, повлиявших на решение графа поселиться здесь. Такая уединенная жизнь доставляла ему огромное удовольствие: он слишком долго находился в гуще политических событий, чтобы даже самые необычайные новости могли хоть как-то заинтересовать его. В молодости граф командовал целыми армиями в постоянно сотрясавших Европу войнах. Но сейчас он устал от всех этих раздоров и более не желал участвовать в них, что бы ему ни сулили взамен.

К западу от Камарга раскинулась островная империя Гранбретания — с ее полубезумной наукой и жадной завоеваний, единственная страна Европы, не раздираемая междоусобицами. Выстроив из серебра огромный мост, соединивший острова и материк, империя стремилась увеличить свои территории с помощью черной магии и военных машин, таких как медные орнитоптеры, которые могли пролетать более ста миль. Но даже эти притязания Темной Империи не очень беспокоили графа Брасса. Он верил в законы истории и видел ту пользу, которую может принести сила, независимо от того, сколь она жестока и глупа, в великом деле объединения непрестанно воюющих друг с другом европейских государств.

Такова была его философия житейского опыта, философия обыкновенного человека, нежели ученого мужа. И граф не видел причин не доверять ей, тем более что Камарг — его единственная забота — был достаточно силен, чтобы отразить нападение Гранбретании.

Не испытывая страха перед Гранбретанией, граф даже с некоторым восхищением следил за тем, с каким упорством и быстротой империя накрывает своей зловещей тенью все большую и большую часть Европы.

Тень уже накрыла Скандию и все страны европейского севера. Теперь ее граница проходила по знаменитым городам: Пари, Мунхейм, Виена, Кракув, Кернинсбург (за которым лежала загадочная страна Московия). Этот огромный с каждым днем расширяющийся и ползущий в глубь континента полукруг скоро

достигнет границ Италии, Маджарии и Славии. Граф полагал, что вскоре власть Темной Империи будет простирается от Норвежского до Средиземного морей, и только Камарг устоит перед ее натиском. Отчасти поэтому он принял правление Камаргом после смерти прежнего Лорда-Хранителя, отвратительного колдуна из Булгарии, который был разорван на куски собственными же стражниками.

Граф укрепил границы Камарга и уничтожил всякую нечисть, оставшуюся от прежних времен. Лишь несколько барагунов еще бродили по болотам, наводя ужас на жителей отдаленных деревень.

Сейчас граф жил в величественном замке Эйгис-Морт, наслаждаясь простой деревенской жизнью, а народ Камарга первый раз за много лет свободно вздохнул.

Замок, известный как замок Брасс, был возведен несколько веков назад, на вершине правильной пирамиды, высоко возвышающейся над городом. Пирамида была засыпана землей, и сейчас на ее спускающихся террасах склонах цвели пышные сады. Здесь были хорошо ухоженные лужайки, где резвились дети и гуляли взрослые. Рос также виноград, из которого делали лучшее вино в Камарге, а дальше вниз по склону — грядки фасоли, картофеля, цветной капусты, моркови, салата и прочих нехитрых овощей. Но были и более экзотические растения, например тыквенные томаты или деревья сельдерея. Фруктовые деревья и кустарники обеспечивали жителей замка свежими фруктами почти круглый год.

Замок, как и остальные дома в городе, был выстроен из белого камня. Окна из толстого цветного стекла, витиеватые башенки, зубчатые стены... С вершины его самой высокой башни был виден практически весь Камарг. А когда налетал мистраль и проносился сквозь сложную систему отдушин, труб и маленьких дверок, замок начинал петь, и эта музыка, подобно звучанию органа, разносилась ветром на многие мили.

Замок возвышался над красными крышами городских домов и над ареной, построенной, как говорили, много тысяч лет назад еще римлянами для проведения всяческих празднеств...

Граф Брасс наконец добрался на измученной лошади до замка и окликнул стражу. Дождь почти кончился, но ночь была холодной, и графу больше всего хотелось сейчас очутиться возле горящего камина. Он въехал во двор через огромные железные ворота и, спешившись, передал конюху лошадь. Затем он тяжело поднялся по ступенькам, вошел в дом и, миновав короткий коридор, оказался в парадном зале замка.

За каминной решеткой весело плясал огонь, а рядом в глубоких мягких креслах сидели его дочь Исольда и старый друг графа Богенталь. Когда он вошел, они поднялись ему навстречу, и Исольда, привстав на цыпочки, поцеловала отца в щеку. Богенталь улыбался.

— Я вижу, ты не прочь выбраться наконец из доспехов и перекусить чего-нибудь горячего, — сказал он, дергая за шнурок колокольчика.

Граф кивнул с благодарностью, подошел поближе к огню и, стащив с головы шлем, поставил его на каминную полку. Исольда уже стояла перед отцом на коленях, снимая с него наголенники. Это была красивая девятнадцатилетняя девушка, с нежной золотисто-розовой кожей и пышными белокурыми волосами. Сейчас, в длинном огненно-рыжем платье, она была похожа на фею огня.

Слуга помог графу снять кирасу и остальные доспехи и переодеться в свободные домашние брюки и белую шерстяную рубашку.

Маленький столик, который ломился от яств — картофель, бифштексы, салаты, изумительный по вкусу соус, а также кувшин с подогретым вином, — поднесли поближе к камину. Граф вздохнул и начал есть.

Богенталь — стоя, а Исольда — уютно устроившись в кресле, терпеливо ждали, пока он утолит голод.

— Ну, милорд, — сказала она, улыбаясь, — как прошел день? Все ли спокойно на нашей земле?

— Кажется да, миледи, хотя мне не удалось объехать все пограничные башни. Начался дождь, и я решил вернуться домой.

Он рассказал им о встрече с барагуном. Исольда слушала, широко раскрыв глаза. Богенталь лишь покачал головой, хотя вид у него был очень возбужденный. Знаменитый поэт-философ, он не всегда

одобрял подвиги своего друга; иногда ему казалось, что граф сам ищет приключений на свою голову.

— Помнишь, — сказал Богенталь, когда граф закончил рассказ, — я говорил тебе утром — возьми с собой фон Виллаха или еще кого-нибудь.

Фон Виллах был начальником охраны замка, верный старый солдат, побывавший с графом во многих передрягах.

Взглянув на суровое лицо друга, Брасс рассмеялся.

— Фон Виллаха? Он уже не так молод, нехорошо вытаскивать старика из замка в такую погоду.

Богенталь печально улыбнулся.

— Он лишь на два года моложе тебя, граф.

— Возможно, но справился бы он с барагуном?

— Не в этом дело, — твердо продолжал философ. — Если бы ты был не один, встречи с барагуном вообще могло бы не произойти.

Граф махнул рукой, прекращая спор.

— Мне нужно поддерживать форму, иначе я стану таким же дряхлым, как фон Виллах.

— На тебе лежит огромная ответственность, отец, — тихо произнесла Исольда. — Если тебя убьют...

— Меня не убьют!

Граф презрительно улыбался, будто смерть — это нечто вовсе не имеющее к нему отношения. В отблесках огня лицо его походило на отлитую из меди маску какого-нибудь дикого варварского племени и, действительно, казалось нетленным.

Исольда пожала плечами. Она многое унаследовала от отца, в том числе и знание того, что спорить с такими людьми, как граф Брасс, совершенно бессмысленно. В одном из своих стихотворений Богенталь так написал о ней: «Сошлись в ней и крепость и мягкость шелка», и сейчас, с любовью наблюдая за дочерью и отцом, он отмечал их удивительное внутреннее сходство.

— Я узнал сегодня, что Гранбретания захватила герцогство Кельн, — сменил тему Богенталь. — Похоже, это распространяется как чума.

— Довольно полезная чума, — ответил граф. — По крайней мере, она несет миру порядок.

— Политический порядок, возможно, — с некоторой запальчивостью возразил Богенталь, — но едва ли душевный или нравственный. Их жестокость беспрецедентна. Они неслыханно жестоки. И безумны. Это больные души, они любят все дьявольское и ненавидят все благородное.

Граф пригладил усы.

— Такое бывало и раньше. Взять того же колдуна из Булгарии, что был здесь Лордом-Хранителем.

— Булгарец был одиночка, Как и маркиз Пешт или Рольдар Николаеф. Они — исключение, и всегда, рано или поздно, их ждала гибель. Но Темная Империя — это целая нация таких вырожденков, и все ужасы, которые они творят, для них совершенно естественны. В Кельне гранбретанцы забавлялись тем, что насиловали маленьких девочек, оскотничивали юношей и заставляли людей, желающих спасти свою жизнь, совокупляться прямо на улицах. Это ненормально, граф. Их главная цель — унижить человечество.

— Такие истории, как правило, преувеличены, мой друг. Тебе бы следовало это знать. Меня самого когда-то обвиняли в...

— Я думаю, — прервал его Богенталь, — что слухи — это не преувеличение правды, а лишь ее упрощение. Если их деяния столь ужасны, каковы же должны быть их тайные пороки?

— Страшно даже подумать... — с дрожью в голосе сказала Исольда.

— Да, — повернувшись к ней, продолжил Богенталь. — Мало у кого хватит духу рассказать об увиденном и перенесенном. Порядок, который они несут Европе, лишь видимость. На самом деле — это хаос, калечащий людские души.

Граф пожал плечами.

— Что бы они там ни делали, все это временно. Порядок требует жертв. Запомните мои слова.

— Слишком высока цена, граф.

— А чего здесь жалеть! Что мы имеем сейчас? Европа распадается на мелкие княжества, всюду бесконечные войны... Мало кто сумел прожить жизнь, ни разу не подняв меч. Все без конца изменяется. По крайней мере Гранбретания предлагает постоянство.

— И страх, мой друг. Я не могу с тобой согласиться.

Граф налил себе вина, выпил и, зевнув, сказал:

— Ты слишком серьезно смотришь на вещи, Богенталь. Если бы ты повидал с мое, ты бы знал, что зло проходит быстро, либо само — от скуки, либо его уничтожают другие. Лет через сто гранбретанцы станут здоровой и добропорядочной нацией.

Граф подмигнул дочери, но она, видимо соглашаясь с Богенталем, не улыбнулась в ответ.

— Пороки этих варваров слишком укоренились, чтобы столетие излечило их. Один их вид чего стоит. Эти раскрашенные звериные маски, которые они никогда не снимают, эти странные одежды, которые они носят даже в жару, их жесты, их походка... Они безумны, и это безумие заразительно. — Богенталь покачал головой. — И наша пассивность — молчаливое одобрение их деятельности. Нам следует...

— Нам следует пойти и лечь спать, мой друг. Завтра открытие праздника, — сказал граф, поднимаясь с кресла.

Он кивнул Богенталю, поцеловал дочь, легко коснувшись губами ее лба, и покинул зал.

Глава 3

БАРОН МЕЛИАДУС

Обычно в это время года, окончив летние работы, жители Камарга устраивают большой яркий праздник. Дома утопают в цветах; люди надевают нарядно расшитые одежды; по улицам водят молодых быков, важно вышагивают гвардейцы. А ровно в полдень в древнем амфитеатре на краю города начинается коррида.

Зрители, пришедшие сюда, рассаживаются на каменных скамьях, тянувшихся по всему амфитеатру. На южной стороне арены сделана небольшая ложа — красная черепичная крыша, поддерживаемая резными колоннами. С двух сторон ложу закрывают коричневые и алые занавесы. Там расположились граф Брасс, его дочь Исольда, Богенталь и старый фон Виллах.

Отсюда они видели почти весь амфитеатр и слышали взволнованные разговоры публики и нетерпеливое фырканье животных в загонах.

Вскоре с противоположной стороны зазвучали фанфары шестерых стражников в украшенных перьями шлемах и нежно-голубых плащах. Их бронзовые трубы вторили хрипу быков и шуму веселящейся толпы. Граф Брасс поднялся с места и сделал шаг вперед.

Крики и аплодисменты стали еще громче, когда люди увидели его, улыбающегося и поднявшего в приветствии руку. Дождавшись тишины, граф начал традиционную речь:

— Почтенные жители Камарга, хранимые самой судьбой от катастроф и бедствий Страшного Тысячелетия, вы, которым дана жизнь, празднуете ее сегодня. Вы, чьи предки были спасены благословенным мистралем, очистившим небо от погибельных ядов, которые принесли другим народам смерть и вырождение, посвящаете этот фестиваль Ветру Жизни.

Снова раздались восторженные крики и аплодисменты, и зазвучали фанфары. Потом на арену ворвались двенадцать огромных белых быков. С красными горящими глазами, задрав хвосты, они метались по кругу: сверкающие на солнце рога, раздувающиеся ноздри... Быков целый год готовили к сегодняшнему представлению. Каждому из этих свирепых животных будет противостоять безоружный человек, который попытается сорвать повязанные на их шеях и рогах пестрые гирлянды и ленты.

И вот на арену, приветствуя зрителей, выехали всадники. Они принялись загонять быков обратно в стойла.

Когда им наконец удалось загнать животных, на арену, держа в руках золотистый рупор, выехал распорядитель праздника, одетый в раскрашенный всеми цветами радуги плащ и ярко-голубую широкополую шляпу. Его усиленный рупором и стенами амфитеатра голос походил на рев рассвирепевшего быка. Он объявил имя первого быка — Конеруж из Эйгис-Морта, владелец — известный скотовод Понс Ячар, а потом имя тореадора — Мэтан Джаст из Арля. Распорядитель покинул арену, и почти сразу из-под трибун выскочил Конеруж. Его огромные сверкающие рога были увиты алыми лентами.

На арену полетели цветы, некоторые из которых упали на широкую белую спину Конеружа. Огромный бык пяти футов ростом, поднимая пыль, резко повернулся.

Потом, тихо и незаметно, у края арены во всем черном — в черном, вышитом алыми нитями плаще, в черном с золотом камзоле, в черных брюках и высоких сапогах — появился Мэтан Джаст. Его молодое смуглое лицо было настороженным. Сняв широкополую шляпу, он поклонился зрителям и повернулся к Конеружу. Джасту было всего лишь двадцать лет, но он уже успел показать себя на трех предыдущих праздниках. Женщины бросали ему цветы, и он, сняв плащ и размахивая им перед Конеружем, галантно приветствовал своих поклонниц и посылал воздушные поцелуи. Бык сделал несколько шагов навстречу ему и, опустив голову, выставил вперед рога.

Потом он ринулся на человека.

Мэтан Джаст отступил в сторону и ловко сорвал с рога быка первую алую ленту. Толпа

заплодировала. Бык быстро развернулся и снова бросился вперед. И снова Джаст в последний миг увернулся от удара и сорвал ленту. Он зажал оба трофея в зубах и приветствовал сначала быка, а потом — зрителей.

Первые две ленты обычно повязывали высоко на рогах животного, достать их было довольно легко, и Джаст сделал это почти играючи. Чтобы сорвать нижние ленты, требовалась большая ловкость.

Граф Брасс с восхищением смотрел на тореадора. Исольда улыбалась.

— Разве он не прекрасен, отец? Он словно танцует!

— Да, танец со смертью, — сказал Богенталь с притворной серьезностью.

Старый фон Виллах откинулся на спинку сидения и, казалось, нисколько не интересовался происходящим. Хотя может быть, он просто плохо видел, но не желал в этом признаваться.

Бык мчался прямо на человека. Мэтан Джаст ждал его, опустив в пыль плащ. Но когда бык был уже совсем рядом, Джаст высоко подпрыгнул и, сделав сальто, перелетел через Конеружа, чуть не коснувшись его рогов. Бык, упершись копытами в землю, замер в замешательстве. Потом он повернул голову и увидел смеющегося человека.

Не дожидаясь, пока бык развернется, Мэтан вскочил ему на спину. Бык сбросил его, но Джаст успел сорвать с рогов обе оставшиеся ленты и, быстро поднявшись, теперь бежал, высоко подняв руку с зажатými в кулак лентами.

Раздался оглушительный рев толпы; зрители восторженно хлопали в ладоши, кричали и визжали, и на арену хлынул настоящий дождь из ярких, пестрых цветов.

Бык неотступно преследовал человека. Но вот Джаст остановился, как будто не зная, что делать дальше, обернулся и, словно не ожидая увидеть перед собой быка, изобразил на лице крайнее удивление.

Он снова подпрыгнул, но на этот раз плащ зацепился за рог быка, и Джаст потерял равновесие. Ухватившись за шею Конеружа, ему все же удалось спрыгнуть на землю, но упал он так неудачно, что не смог быстро подняться на ноги.

Бык опустил голову и рогом ударил лежащего человека. Сверкнули на солнце капли крови, и толпа застонала от смешанного чувства любопытства и жалости.

— Отец! — Исольда вцепилась в руку графа. — Он убьет его. Сделай же что-нибудь!

Граф покачал головой, но телом невольно подался вперед.

— Это его дело. Он знает, чем рискует.

Бык ударом рога подбросил тело Джаста в воздух, руки и ноги человека болтались как у тряпичной куклы. На арене появились всадники с длинными пиками и попытались оттащить быка от его добычи.

Но Конеруж, замерев, стоял над распростертым телом, словно дикая кошка над своей жертвой.

Граф Брасс, не успев даже осознать, что собственно происходит, выпрыгнул из ложи и бежал вперед в своих тяжелых медных доспехах, и всем казалось, что это бежит медный величественный исполин.

Пропуская графа, всадники расступились. Брасс, вцепившись могучими руками в бычьи рога, начал оттащить животное назад. От напряжения на его лбу вспухли вены.

Бык пошевелил головой, и граф потерял опору под ногами.

Над ареной воцарилась тишина. Исольда, Богенталь и фон Виллах, побледнев, привстали со своих мест. Все замерло. И только в центре круга продолжался молчаливый поединок быка с человеком.

Ноги Конеружа задрожали. Он хрипел и отчаянно рвался из рук графа. Но Брасс не ослаблял хватки. Мышцы на шее графа вздулись и покраснели, и казалось, что его усы и волосы встали дыбом. Но вот бык сдался и медленно опустился на колени.

Мужчины бросились к раненому Джасту, но толпа по-прежнему безмолвствовала.

Граф Брасс могучим рывком уложил Конеружа на бок.

Бык лежал тихо, безоговорочно признавая свое поражение.

Граф отпустил его. Конеруж лежал неподвижно, лишь посматривая на человека мутными глазами, в которых застыло недоумение; хвост чуть шевелился в пыли, огромная грудь тяжело вздымалась.

И только тогда толпа взорвалась аплодисментами, и шум в амфитеатре достиг такой силы, что, казалось, весь мир должен был слышать его.

А когда Мэтан Джаст, пошатываясь, зажимая рукой кровоточащую рану, подошел к графу и с благодарностью пожал ему руку, люди вскочили с мест и с восторгом, стоя, приветствовали своего Лорда-Хранителя.

Под крышей в ложе плакала от гордости и пережитого волнения Исольда и, не стыдясь, вытирал слезы Богенталь. Не плакал только фон Виллах. Он лишь кивнул головой, отдавая должное мастерству Брасса.

Граф подошел к ложе и, перепрыгнув через ограждение, встал рядом с ними. Он от души радовался и размахивал руками, приветствуя жителей Камарга.

Немного погодя он поднял руку, требуя тишины, и когда шум стих, обратился к собравшимся:

— Не мне аплодируйте. Аплодируйте Мэтану Джасту. Это он, проявив чудеса ловкости, сорвал с быка ленты. Смотрите, — он развел в стороны руки и растопырил пальцы, — у меня ничего нет! — Он снова засмеялся. — Давайте веселиться.

И с этими словами граф сел на свое место.

К Богенталю вернулось прежнее хладнокровие. Он наклонился к графу.

— Ну, ты и сейчас будешь утверждать, что предпочитаешь не вмешиваться в чужую драку?

Граф в ответ улыбнулся.

— Ты невозможен, Богенталь. Это же совсем другое дело.

— Нет, это одно и то же. Если, конечно, ты еще не отказался от мыслей об единой мирной Европе. — Богенталь потер подбородок. — Разве не так?

На мгновение Брасс задумался.

— Возможно... — начал он, но затем покачал головой и засмеялся. — Ты хитер, Богенталь. Время от времени тебе удастся ставить меня в тупик.

Но позднее, когда они уже оставили ложу и направлялись обратно в замок, граф хмурился.

Когда граф Брасс и его свита въехали во двор замка, стражник в тяжелых доспехах подбежал к ним, указывая на стоящий в центре двора богатый экипаж, запряженный вороными лошадьми.

— Господин, — выдохнул он, — пока вы были на празднике, пожаловали знатные гости, но я, право, не знаю, примете ли вы их.

Граф внимательно разглядывал карету. Она была сделана из тусклого чеканного золота, стали и меди и инкрустирована перламутром, серебром и ониксом. Экипаж был сделан в виде фантастического чудовища, лапы которого оканчивались длинными, сжимающими оси колес когтями, а сиденьем кучеру служила голова с большими рубиновыми глазами. На дверях экипажа — сложные геральдические гербы с изображениями диких животных, оружия и таинственных символов. Граф узнал и карету, и герб. Карета была творением безумных мастеров Гранбретании, а герб принадлежал одной из самых могущественных фамилий этой империи.

— Это барон Мелиадус из Кройдена, — спешившись, сказал граф. — Интересно, что занесло в нашу глухомань столь важную персону?

Говорил он с иронией, но в голосе чувствовалось беспокойство. Он взглянул на Богенталья.

— Мы будем вежливы и учтивы, Богенталь, — предупреждая друга, сказал граф. — Мы окажем ему гостеприимство. Мы не будем ссориться с лордом Гранбретании.

— Не сейчас, возможно, — сухо ответил Богенталь. Все видели, что он старается быть сдержанным.

Граф Брасс, Богенталь, а следом за ними и Исольда с фон Виллахом, поднялись по лестнице и вошли в зал, где их ждал барон Мелиадус.

Барон оказался почти одного роста с графом. Одет он был во все блестяще-черное и темно-синее. Даже его усыпанная драгоценными камнями звериная маска, закрывающая словно шлем голову, была сделана из какого-то странного черного металла. Маска оскалившегося волка с торчащими, острыми как иглы, клыками. Стоящий в тени, в черном плаще поверх черных доспехов, барон Мелиадус мог бы запросто сойти за одного из мифических полувзверей-полубогов, так почитаемых людьми, живущими за Средним морем. При появлении хозяев он снял маску. Открылось бледное тяжелое лицо, окаймленное черной бородой и усами, тусклые голубые глаза и густые черные волосы. Барон, похоже, был безоружен — возможно, в знак того, что он пришел с миром. Он низко поклонился и заговорил приятным мелодичным голосом:

— Приветствую тебя, славный граф, и прошу простить за столь внезапный визит. Я послал вперед гонцов, но они не застали тебя — ты уже покинул замок. Я — барон Мелиадус Кройденский, магистр Ордена Волка, Главнокомандующий армиями нашего великого Короля-Императора Хаона.

Граф склонил в поклоне голову.

— Я наслышан о ваших подвигах, барон Мелиадус, и сразу узнал герб на дверях вашей кареты. Добро пожаловать. Замок Брасс в вашем распоряжении. Правда, боюсь, что пища наша покажется вам слишком простой в сравнении с тем изобилием, которое, как я слышал, может себе позволить даже самый последний гражданин вашей могущественной империи. Но все, чем мы богаты, — к вашим услугам.

Барон Мелиадус улыбнулся.

— Ваша вежливость и гостеприимство, великий герой, могут служить примером для любого подданного Гранбритании. Я благодарю вас.

Граф представил дочь, и барон, потрясенный ее красотой, подошел к Исольде, низко поклонился и поцеловал ей руку. С Богенталем он был вежлив и дал понять, что знаком с сочинениями прославленного поэта. Фон Виллаху барон напомнил о некоторых известных сражениях, в которых тот отличился, и было заметно, что старый воин искренне польщен.

Несмотря на изысканные манеры и учтивые речи, в зале явственно ощущалось напряжение. Богенталь первым извинился и вышел, за ним, предоставляя барону возможность поговорить с графом, последовали Исольда и фон Виллах. Барон проводил взглядом девушку, когда она выходила из зала.

Принесли вино и легкие закуски.

Мелиадус, удобно устроившись в тяжелом резном кресле, поверх бокала поглядывал на графа.

— Вы великий человек, милорд, — сказал он. — Это действительно так. И поэтому вы должны понимать, что мой визит вызван чем-то большим, нежели простым желанием полюбоваться красотами вашей чудесной природы.

Граф улыбнулся: ему нравилась откровенность барона.

— Да, — согласился он. — Хотя, с другой стороны, для меня это огромная честь — принимать в своем замке такого прославленного лорда.

— Для меня тоже большая честь быть вашим гостем, — ответил барон. — Без сомнения, вы самый знаменитый герой Европы, возможно — самый знаменитый за всю ее историю. Даже как-то удивительно видеть, что вы созданы из плоти и крови, а не из металла.

Он засмеялся. Граф тоже улыбнулся.

— Наверное, мне просто везло, — сказал граф. — Да и судьба была благосклонна ко мне. А так, кто я такой, чтобы судить, хорошо ли это время для меня, и хорош ли я для этого времени?

— Ваша позиция противоречит убеждениям вашего друга — господина Богенталья, — сказал барон, — и еще раз подтверждает то, что я слышал о вашем уме и рассудительности. Мы, гранбританцы, гордимся

своими успехами в философских науках, но нам есть чему поучиться у вас.

— Мне знакомы лишь частности, — сказал граф. — Вы же наделены талантом охватывать происходящее в целом.

Он попытался определить по выражению лица Мелиадуса, к чему тот клонит, но барон оставался неизменно спокойным и вежливым.

— Именно частности нас и интересуют, — сказал барон.

И граф, наконец, понял, что привело сюда посланца Темной Империи. Он налил гостю еще вина.

— Нам суждено править Европой, — сказал барон Мелиадус.

— Кажется, это действительно так, — согласился Брасс. — И я в целом поддерживаю ваши устремления.

— Я рад, граф. Наши многочисленные враги часто искажают истинные цели Империи, распространяя грязную клевету по всему миру.

— Меня не интересует, правдивы эти слухи или нет, — ответил граф. — Я верю в благородство вашей цели.

— Будете ли вы препятствовать действиям Империи? — спросил барон, поглядывая на Брасса.

— Только в одном случае. — Граф улыбался. — В одном-единственном случае. Если это коснется Камарга.

— Тогда, я думаю, для взаимной безопасности мы могли бы заключить мирный договор.

— Я не вижу нужды в нем. Мои пограничные башни — лучшая гарантия безопасности.

Барон хмыкнул и опустил глаза.

— И поэтому вы здесь, дорогой барон? Предложить мирный договор?

— Верно, — кивнул Мелиадус. — Своего рода альянс.

— Барон, я буду сражаться против вас, если только вы нападете на мои земли, но в остальном я не буду препятствовать, потому что верю — Европа должна быть единой.

— Кое-кто будет противиться этому объединению.

Граф засмеялся.

— А вот в это я не верю. Кто сейчас способен противостоять Ганбритании?

Барон поморщился.

— Вы правы. Все это так. Список наших побед велик. Но чем больше мы завоевываем, тем больше нам приходится распылять свои силы. Если бы мы знали Европу как вы, граф, мы могли бы без особого труда определять, кому можно доверять, а кому — нельзя, и концентрировать бы наше внимание на слабых местах. Например, губернатором Нормантии мы назначили великого герцога Зимиона. — Барон посмотрел на графа. — Он хотел занять трон, еще когда его кузен Джевелард правил этой страной. Могли бы вы сказать, граф, разумен ли наш выбор? Будет ли он верно служить Империи?

— Зимион? — Граф Брасс улыбнулся. — Когда-то я помог разбить его под Руэном.

— Я знаю. Но что вы думаете о нем?

По мере того как поведение барона делалось все более беспокойным, все шире становилась улыбка графа. Теперь он точно знал, чего хочет от него Темная Империя.

— Он прекрасный наездник и любимец женщин.

— Но это ни о чем не говорит!

Мелиадус раздраженно поставил бокал с вином на стол.

— Верно, — согласился граф. Он взглянул на большие настенные часы, висящие над камином. Их

позолоченные стрелки показывали одиннадцать. Огромный маятник мерно покачивался, отбрасывая на стену мерцающую тень. Часы начали отбивать одиннадцать ударов.

— Здесь в замке мы рано ложимся, — невозмутимо сказал граф и поднялся. — Слуга проводит вас. Ваши люди будут размещены в соседних комнатах.

Лицо барона помрачнело.

— Граф, мы знаем о вашем бесценном опыте политика, о вашей проницательности, о великолепном знании Европы. Мы хотим воспользоваться этим. В обмен предлагаем — безопасность, богатство, власть...

— Власть и богатство у меня и так есть, а в безопасности я уверен, — тихо ответил граф и дернул шнурок колокольчика. — Прошу меня простить, барон. Я устал и хочу отдохнуть.

— Я взываю к вашему рассудку, граф. Я прошу вас.

Мелиадус старался не выдать своего раздражения.

— Я надеюсь, вы погостите у нас, барон, и расскажете нам о том, что происходит в мире.

Вошел слуга.

— Пожалуйста, покажите нашему гостю комнаты, — обратился к нему граф. Он поклонился барону. — Спокойной ночи, барон Мелиадус. Рад буду видеть вас за завтраком.

Когда барон, следуя за слугой, покинул зал, Брасс позволил себе от души рассмеяться. Приятно было сознавать, что могущественная Гранбретания ищет его содействия, но он не желал ввязываться в политику. Он надеялся, что ему удастся вежливо отклонить предложение барона, у него не было ни малейшего желания ссориться с Темной Империей. Кроме того, ему нравился барон Мелиадус. Чем-то они были похожи.

Глава 4

СХВАТКА В ЗАМКЕ БРАСС

Вот уже целую неделю барон Мелиадус был гостем замка Брасс. Если не считать того самого первого вечера, ему удавалось сохранять хладнокровие в разговорах с графом, хотя граф по-прежнему не соглашался на его предложения.

Но, похоже, не только государственные дела удерживали барона в замке. Уж слишком много времени и внимания он уделял Исольде. Она волновала и привлекала его, хотя ничем не походила на придворных красавиц Европы.

Граф, казалось, не замечал этого. Как-то утром, когда они с Богенталем прогуливались по верхним террасам сада и любовались виноградниками, философ сказал:

— По-моему, барон Мелиадус хочет соблазнить не только славного графа. Если я не ошибаюсь, у него еще кое-что на уме.

— Что же? — Граф повернулся к другу. — Что он еще желает?

— Твою дочь, — невозмутимо ответил Богенталь.

— Ну знаешь... — засмеялся граф. — Что бы он ни сделал, ты видишь в его намерениях лишь порок и зло. Барон — аристократ и джентльмен. И, кроме того, ему нужен я. Вряд ли он позволит себе так глупо рисковать в таком важном деле. Я думаю, ты несправедлив к барону. Мне он очень нравится.

— Тогда, мой друг, тебе самое время возвращаться в большую политику, — с сарказмом ответил Богенталь, — ибо ты разучился разбираться в людях!

Граф пожал плечами.

— Богенталь, ты становишься похож на старую истеричную женщину. Барон ведет себя вежливо и предупредительно. Признаться честно, думаю, он напрасно тратит здесь время, и я был бы не против, если бы он поскорее покинул Камарг, но то, что он проявлял какой-то интерес к моей дочери... Я не замечал этого. Возможно, он и хочет жениться на ней, дабы связать кровными узами Гранбританию и меня, но вряд ли Исольда согласится, да и я буду против.

— А что, если Исольда любит барона?

— Как это любит?

— Ну, в Камарге не так много столь красивых и утонченных мужчин.

Граф хмыкнул.

— Если бы она его действительно любила, то непременно сказала бы мне, так? Так. Поэтому, пока я не услышу об этом из уст самой Исольды, я не поверю тебе.

Богенталь спрашивал себя, чем было вызвано такое стойкое нежелание графа видеть правду: то ли — тайной потребностью не знать ничего о нравах тех, кто правит Темной Империей, то ли — просто обыкновенной неспособностью отца видеть в родном ребенке то, что очевидно другим. Он не мог согласиться с мнением графа об этом человеке — человеке, на совести которого резня в Лиге и разграбление Захбрука. Рассказы об извращенных вкусах барона наводят ужас на людей от Северного моря до Туниса. Философ точно подметил, сказав, что граф слишком долго жил вдали от большой политики, наслаждаясь чистым деревенским воздухом, и сейчас уже не чувствовал запаха разложения, даже когда вдыхал его.

В разговорах с бароном граф оставался сдержанным и немногословным, но гость сам много и охотно рассказывал. Из его слов выходило, что даже в странах, неподвластных пока Гранбритании, есть люди, готовые в обмен на власть сотрудничать с Темной Империей и помогать ей устанавливать порядок. Как оказалось, интересы Гранбритании простираются далеко за пределы Европы. Даже за Средиземным морем уже созданы хорошо организованные вооруженные отряды, готовые в любую минуту поддержать

войска Темной Империи. Восхищение графа Брасса тактикой Империи росло с каждым днем.

— Еще лет двадцать, — говорил барон Мелиадус, — и Европа будет нашей. Лет через тридцать — весь арабский мир. А через пятьдесят лет — мы надеемся, что дойдет очередь и до загадочной земли, которую называют Коммуназией...

— Древнее и очень романтическое название, — улыбнулся граф. — Говорят, эта земля полна волшебного очарования. Там, кажется, хранится Рунный Посох.

— Да, существует легенда, что он установлен на самой высокой вершине мира, где все время лежит снег и дует ледяной ветер, а сторожат его покрытые шерстью человекообразные, необыкновенного ума и десяти футов ростом. — Барон засмеялся. — Впрочем, называют много мест, где он может находиться, например в Амарики.

Граф кивнул.

— Ах, Амарики... Вы и ее хотите сделать частью Империи? Говорят, этот огромный континент, лежащий за океаном, управляется чуть ли не божественными силами. Рассказывают, что люди, населяющие его, ведут спокойную и размеренную жизнь, так непохожую на нашу, и будто бы их цивилизации не коснулись бесчисленные бедствия Страшного Тысячелетия.

Говоря об Амарики, граф не придавал особого значения своим словам, но вдруг он заметил, как вспыхнули обычно тусклые глаза барона.

— А почему бы и нет? — сказал Мелиадус. — Я бы штурмовал ворота рая, если бы нашел их.

Вскоре после этого граф, извинившись, покинул барона и, может быть, первый раз подумал, а так ли уж верно его решение оставаться в стороне, как это ему казалось раньше.

Исольда, хотя и унаследовала ум и проницательность отца, не имела его опыта и плохо знала людей. Поэтому, когда барон разговаривал с ней мягким, нежным голосом, он казался ей красивым и благородным человеком, который в силу своей исторической миссии вынужден быть суровым и жестоким. Она даже находила дурную славу о нем довольно привлекательной.

Сейчас, незаметно выскользнув из своей комнаты, она вот уже третий раз спешила на свидание с ним. Они встречались в западной башне замка, пустовавшей со времени кровавой смерти, которую принял там прежний Лорд-Хранитель.

Их свидания были достаточно невинными — касания рук, легкие поцелуи, нежные слова любви и разговоры о свадьбе. Исольда очень любила отца и чувствовала, что известие о ее браке с бароном глубоко расстроит его, и все же не могла устоять перед обаянием Мелиадуса. Она даже не была уверена, что это любовь. Она просто бездумно отдавалась волнению и чувству какой-то таинственности встреч с бароном.

В одной ночной рубашке она проворно бежала по темным коридорам и лестницам замка, бежала, не зная, — что за ней следует некто в черном плаще, с длинным кинжалом в руке.

С сильно бьющимся сердцем, с полуоткрытым в улыбке влажным ртом Исольда взбежала по винтовой лестнице башни и очутилась в темной комнате, где ее ожидал барон.

Он низко поклонился, потом привлек ее к себе и начал ласкать ее тело через тонкую шелковую рубашку. Его поцелуй на этот раз был более настойчивым, почти грубым, и она, тяжело дыша, вернула его, крепко обнимая широкую обтянутую замшей спину барона. Его рука опускалась все ниже, лаская талию девушки, ее бедра, и Исольда прижалась к барону, но неожиданно почувствовала, как в ней возникает какой-то непонятный страх, и попыталась отстраниться.

Он не отпускал ее. Лунный свет, проходя сквозь узкое окно башни, падал на его лицо и выдавал охватившее барона возбуждение.

— Исольда, ты должна быть моей. Сегодня вечером мы покинем замок и уже завтра будем за границами Камарга. Там твой отец не осмелится преследовать нас.

— Мой отец способен на все, — спокойно ответила она, — да и я сама не желаю доставлять ему

беспокойство.

— Что это значит?

— Только одно — что не выйду замуж без его согласия.

— Он согласится...

— Думаю, что нет.

— Тогда...

Исольда вновь попыталась вырваться, но барон крепко держал ее. Сейчас она была по-настоящему испугана. Она не понимала, как пылкая страсть, так волновавшая сердце, могла столь быстро превратиться в страх.

— Я должна идти. Отпусти.

— Нет, Исольда! Я не привык, чтобы мне отказывали. Сначала твой упрямый отец, теперь — ты! Я скорее убью тебя, чем позволю уйти, не добившись обещания уехать со мной.

Он притянул ее к себе и попытался поцеловать. Она застонала.

Вдруг в комнате появилась темная закутанная в плащ фигура. Стальной клинок блеснул в лунном свете, и барон, не выпуская девушку из объятий, обернулся.

— Отпусти ее, — сказал неизвестный. — Иначе я нарушу законы гостеприимства и убью тебя.

— Богенталь! — зарыдала Исольда. — Беги за отцом. Тебе не справиться с ним!

Барон Мелиадус засмеялся и швырнул Исольду в угол.

— Драться? С тобой? Ты смеешься, философ? Отойди. Я уйду, но только с ней.

— Ты уйдешь один, — ответил Богенталь, — и поскорей, сделай одолжение. Уж очень не хочется отягощать свою совесть убийством. А Исольда останется здесь.

— Она уйдет со мной, причем сейчас же — хочет она того или нет! — Плащ Мелиадуса распахнулся, и Исольда увидела короткий меч, висящий у него на поясе. — В сторону, господин Богенталь, или вам не придется сложить сонет о сегодняшней ночи.

Богенталь не сдвинулся с места.

Гранбританец, взявшись за рукоять меча, почти неуловимым движением обнажил его.

— Это твой последний шанс, философ.

Богенталь молчал. Не мигая, он смотрел на барона, и лишь его рука, сжимающая кинжал, слегка дрожала.

Исольда пронзительно закричала, ее крик эхом прокатился по замку.

Барон, рыча от злости, повернулся к ней и поднял меч.

Богенталь прыгнул вперед и неловко ударил его кинжалом, но кожаные доспехи защитили барона. Презрительно смеясь, Мелиадус обернулся. Он дважды ударил мечом: в голову и в грудь Богенталья, и поэт-философ упал, заливая кровью каменный пол. В отчаянии Исольда снова закричала. Барон наклонился, схватил ее, выворачивая руку так, что девушка застонала, и перекинул через плечо. Потом он вышел из комнаты и начал спускаться.

Для того чтобы попасть в свою комнату, ему надо было пройти через парадный зал, и вот когда он вошел туда, с другой стороны зала до него донесся шум. В отблесках угасающего огня, в дверях, барон увидел графа, одетого в просторный домашний халат, с огромным мечом в руках.

— Отец! — закричала Исольда, и гранбританец, швырнув ее на пол, выставил вперед меч.

— Значит, Богенталь был прав, — прорычал граф. — Ты оскорбил мое гостеприимство, барон.

— Я хочу вашу дочь, граф. Она любит меня.

— Тебе так кажется. — Граф взглянул на рыдающую Исольту. — Защищайся, барон.

Мелиадус нахмурился.

— Мой меч — шило в сравнении с вашим. И кроме того, у меня нет желания драться с человеком ваших лет. Вероятно, мы сможем договориться...

— Отец! Он убил Богенталя!

Услышав это, граф задрожал от гнева. Он подбежал к стене, где висела целая коллекция всевозможного оружия, сорвал с крюка самый большой меч и швырнул его под ноги барону. Меч, упав, загрохотал по каменному полу. Мелиадус нагнулся и схватил брошенное ему оружие. Теперь у него было преимущество — он был в кожаных доспехах.

Граф сделал шаг вперед, поднял меч и атаковал барона, но барон парировал выпад. Они походили на дровосеков, которые рубят огромное дерево, нанося размашистые мощные удары то с одной, то с другой стороны. Лязг оружия разбудил слуг графа и людей барона, которые, выбежав в зал, теперь стояли, не зная, что делать. Вскоре появился фон Виллах со своими стражниками, и гранбретанцы, посчитав, что людей графа значительно больше, решили ничего не предпринимать.

Во тьме зала вспыхивали искры, когда два великана скрещивали мечи, с величайшим мастерством нанося и отражая удары. Пот заливал им глаза, оба тяжело дышали.

Барон слегка задел плечо графа, меч графа скользнул по кожаным доспехам барона. Они обменялись серией молниеносных ударов, после которых, как казалось со стороны, оба должны были развалиться на куски, но когда противники разошлись, то оказалось, что у графа всего лишь разорван халат и слегка поцарапан лоб, барон же отделался распоротым сверху донизу плащом.

Звуки тяжелого дыхания и топот ног на каменных плитах пола сливались с оглушительным звоном мечей.

Неожиданно граф Брасс, задев маленький столик, упал, растянувшись во весь рост, и выпустил из рук оружие. Мелиадус, торжествуя улыбаясь, уже занес над поверженным графом тяжелый меч, но Брасс, успев перекатиться на бок, схватил барона за ноги, и тот упал рядом с ним.

На какое-то время отбросив мечи, они катались по полу, молотя друг друга кулаками и рыча как дикие звери.

Потом барон резко оттолкнул противника и, схватив меч, вскочил на ноги, но граф тоже успел подняться и неожиданным ударом выбил меч из рук барона. Меч воткнулся в деревянную колонну и загудел как органная труба.

Граф был полон решимости убить Мелиадуса. В его глазах не было жалости.

— Ты убил моего самого лучшего, самого преданного друга, — прорычал он, поднимая меч. Барон Мелиадус сложил руки на груди и с бесстрастным лицом, прикрыв глаза, ждал удара.

— Ты убил Богенталя и потому умрешь.

— Граф!

Граф замер, занеся над головой меч.

Это был голос философа.

— Граф, он меня не убил. Удар в голову лишь оглушил меня, а рана в груди не смертельна.

Богенталь с ярко-лиловым синяком на лбу пробирался сквозь толпу, зажимая рану рукой.

— Благодарю за это судьбу, Богенталь, — вздохнул граф. — Но тем не менее... — он повернулся к барону. — Этот негодяй пренебрег моим гостеприимством, оскорбил мою дочь, ранил моего друга...

Барон поднял глаза.

— Прости, граф. Страсть ослепила меня и помутила рассудок. Я не прошу у тебя пощады, но сейчас прошу — поверь и не ищи злого умысла в моих поступках, причиной им — лишь обычные человеческие слабости.

Граф покачал головой.

— Я не могу простить тебя, барон, и не хочу больше слушать твои лживые речи. Через час ты должен покинуть замок, а к утру — пересечь границу Камарга, иначе ты и твои люди умрут.

— Ты рискуешь оскорбить Империю.

Граф пожал плечами.

— Не я оскорбил ее. Если они узнают правду о том, что здесь произошло, ты будешь наказан. Ты не справился с заданием. Ты оскорбил меня, а не я — Гранбретанию.

Барон ничего не ответил. Кипя от бессильной ярости, он выбежал из зала. Не прошло и получаса, как, разгневанный и опозоренный, он уже выезжал из ворот в своей причудливой карете. Барон Мелиадус покидал замок, не попрощавшись.

Граф Брасс, Исольда, Богенталь и фон Виллах, стоя на ступенях парадной лестницы, наблюдали за его отъездом.

— Ты был прав, мой друг, — пробормотал граф. — Этому негодяю удалось обмануть и меня и Исольду. Но теперь ни один посол Гранбретании не переступит порога замка Брасс.

— Теперь-то ты понял, наконец, как опасна Темная Империя? — с надеждой в голосе спросил Богенталь.

— Друг мой, пусть все идет своим чередом. Нас больше не побеспокоит ни Гранбретания, ни барон Мелиадус.

— Ты ошибаешься, — с глубоким убеждением сказал философ.

А в темном экипаже, катящемся в ночи к северным границам Камарга, барон Мелиадус поклялся самой страшной клятвой, какую только знал. Он поклялся Рунным Посохом, что подчинит себе — чего бы это ему ни стоило — графа Брасса, овладеет Исольдой и превратит Камарг в одно огромное пепелище.

Он поклялся Рунным Посохом — ходят легенды, что в нем сокрыты все тайны человеческих судеб. Тем самым судьбы барона Мелиадуса, графа Брасса, Исольды, Темной Империи и судьбы всех, кто уже появлялся или еще появится, так или иначе связав себя с замком Брасс, были решены окончательно и бесповоротно.

Пьеса написана, декорации расставлены, занавес поднят.

Дело — за актерами.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

...Тот, кто осмелился поклясться Рунным Посохом, тем самым неизбежно предопределяет свою судьбу и судьбу мира, в котором живет. Таких клятв за всю историю Рунного Посоха было несколько, но ни одна из «ах не принесла столько бед и горя, как страшная клятва мести барона Мелиадуса Кройденского. Это случилось за год до того, как Дориан Хокмун, герцог Кельнский, впервые появился на страницах этой древнейшей хроники...

Из «Истории Рунного Посоха»

Глава 1

ДОРИАН ХОКМУН

Барон Мелиадус вернулся в Лондру, мрачную столицу Темной Империи, но прошел почти год, прежде чем у него созрел план мести, полностью отвечающий его желаниям. Правда, у барона хватало и других забот — он подавлял возникающие то тут, то там бунты и мятежи, участвовал в битвах и сражениях, создавал марионеточные правительства, устанавливал порядок на вновь завоеванных землях и многое другое.

Барон ревностно служил Империи, но страсть к Исольде и ненависть к ее отцу ни на миг не оставляли его. И хотя он не был наказан за неудачу в Камарге, каждое воспоминание о перенесенном позоре выводило его из себя. Кроме того, ему часто приходилось сталкиваться с трудностями, которые были бы легко разрешимы, если бы он склонил на свою сторону графа Брасса. И поэтому каждый раз, когда барон попадал в такую ситуацию, в его разгоряченном мозгу возникало множество коварных планов мести, но ни один из них не удовлетворял его. Барон хотел всего сразу: заручиться помощью графа в европейских делах, получить Исольду, а главное — стереть с лица земли Камарг. Желания были явно несовместимы.

В высокой башне из обсидиана, возвышающейся над Кроваво-красными водами реки Таймы, по которой легкие баржи из бронзы и черного дерева доставляли в столицу грузы, барон Мелиадус беспокойно вышагивал по своему рабочему кабинету, заставленному темной полированной мебелью, глобусами и астролябиями из железной фольги, меди и серебра, а также многочисленными безделушками из драгоценных камней и металлов. Стены кабинета украшали выцветшие от времени коричневые; черные и голубые гобелены, а пол был устлан толстыми коврами цвета осенних листьев.

А вокруг, на всех стенах, на каждой полке, в каждом углу висели, стояли и лежали часы. Все они шли секунда в секунду, и все отбивали четверть часа, полчаса и полный час, причем некоторые — с музыкой. Часы, разнообразнейших форм и размеров, из всех мыслимых материалов — некоторые были так причудливы, что по ним было совершенно невозможно определять время. Они были собраны практически из всех стран Европы и Ближнего Востока, как символы покоренных земель. Из всех трофеев барон Мелиадус больше всего на свете любил часы. Не только этот кабинет, но также все комнаты и прочие помещения башни были забиты ими. А на вершине башни были установлены огромные куранты с четырьмя циферблатами, выполненные из бронзы, оникса и драгоценных металлов, и когда по чашам колоколов, отбивая каждый час, искусно сделанные в натуральную величину фигурки обнаженных девушек ударяли молоточками, по всей Лондре разносился гулкий звон. Коллекция часов барона соперничала с коллекцией его зятя Тарагорма, хозяина дворца Времени, которого Мелиадус люто ненавидел и ревновал к своей сумасбродной сестре.

Наконец барон остановился и взял со стола лист пергамента. Это было последнее донесение из Кельна, провинции, которую почти два года назад Мелиадус решил проучить, но, как оказалось — немного перестарался. Сын старого герцога Кельнского, лично казненного Мелиадусом на главной площади столицы, собрав войско, поднял восстание и почти разгромил размещенные в Кельне гарнизоны Гранбритании. И если бы не орнитоптеры, вооруженные огненными копьями большого радиуса действия, то Кельн, пусть и временно, но все же вышел бы из-под контроля Темной Империи.

Однако восстание было подавлено, а сам молодой герцог — схвачен и вскоре будет доставлен в Лондру на потеху знати. Это был именно тот случай, когда сотрудничество с графом Брассом пришлось бы очень кстати, поскольку задолго до того, как поднять мятеж, герцог Кельнский сам перешел на сторону Гранбритании. Его приняли, и он храбро сражался на стороне Империи, возглавлял войско, состоящее, главным образом, из солдат, когда-то служивших его отцу. А теперь он повернул эту армию против Империи.

Барон Мелиадус был разгневан — молодой герцог подал пример, которому могут последовать и другие. Поговаривают, что в германских землях его уже почитают как героя. До него мало кто осмеливался противостоят Темной Империи.

Если бы только граф Брасс согласился...

Неожиданно лицо барона озарилось улыбкой — в его мозгу возник и в доли секунды оформился долгожданный план. Он подумал, что герцога Кельнского, возможно, удастся использовать несколько иначе, нежели для дешевой забавы.

Барон швырнул бумагу на стол и потянул за шнурок колокольчика. В кабинет вошла девушка-рабыня; ее обнаженное тело было густо покрыто румянами. Ожидая приказаний, она опустилась на колени. Барон держал рабов только женского пола. Опасаясь предательства, он не допускал в башню мужчин.

— Пойдешь к начальнику тюрьмы, — сказал он рабыне, — и передашь, что барон Мелиадус хочет лично допросить пленного Дориана Хокмуна, герцога Кельнского, как только его доставят в город.

— Хорошо, господин, — девушка поднялась и, пятась, вышла, оставив барона стоящим у окна, с едва заметной улыбкой, играющей на полных губах.

Дориан Хокмун, закованный в золоченые цепи, приличествующие в глазах гранбретанцев его знатному положению, спотыкаясь, сошел по трапу и теперь стоял, щурясь на вечернем солнце, и рассматривал громадные башни Лондры. Если раньше ему просто не требовалось искать каких-либо подтверждений безумия жителей Темного Острова, то сейчас он имел полное тому доказательство. Было что-то неестественное в архитектуре каждого здания, в выборе цвета и формы. Но все же в них ощущалась огромная сила, мощь и интеллект. Неудивительно, подумал герцог, что так трудно разобраться в психологии людей империи — в них слишком много противоречивого.

Охранник в белом кожаном плаще и белой металлической маске в виде черепа, указывающей на принадлежность к определенному Ордену, легонько подтолкнул его вперед. Хокмун покачнулся и едва не упал, так как уже неделю ничего не ел и сильно ослаб. Со времени своего поражения в битве при Кельне с ним никто не разговаривал. Рассудок его помутился, и Хокмун с трудом осознавал ужас своего положения. Почти все это время он провел в корабельном трюме в крошечной тьме, изредка утоляя жажду из стоящего рядом корыта с грязной водой. Его прекрасные длинные волосы свалились, глаза потускнели, кольчуга была разорвана, а штаны заляпаны грязью. Цепи до крови натерли шею и руки, но он не чувствовал боли. В действительности он не чувствовал почти ничего: двигался словно лунатик и видел все будто во сне.

Он сделал два шага по кварцевым плитам причала, споткнулся и упал на колени. Охранники подхватили его под руки и помогли добраться до черной стены, возвышающейся над причалом. В стене была маленькая зарешеченная дверь, охраняемая солдатами в масках. Тюрьмами Лондры заведовал Орден Вепря. Стражники обменялись между собой несколькими словами на странном хрюкающем языке своего Ордена, и один из них, засмеявшись, схватил Хокмуна за руку и втолкнул в открывшуюся дверь.

Внутри было темно. Дверь захлопнулась за ним, и на несколько секунд пленник остался один. Затем в слабом, проникающем из-под двери, свете он увидел маску Вепря, но более изысканную, чем у стражников. Потом появилась другая маска, за ней — еще одна. Хокмуна схватили и потащили по вонючим темным коридорам тюрьмы. Он знал, что жизнь его кончена, и нимало не беспокоился об этом.

Потом он услышал, как открывается другая дверь. Хокмуна втолкнули в крошечную комнатку, и вскоре до него донесся скрип задвигаемого засова.

Стены и каменный пол камеры были покрыты липкой пленкой грязи, в воздухе чувствовалось зловоние. Хокмун сначала стоял, прислонившись к стене, а затем постепенно сполз на пол. Уснул ли он или потерял сознание, Дориан Хокмун не знал, но глаза его закрылись, и пришло столь желанное забытие.

Всего неделю назад он был героем Кельна, борцом против захватчиков, храбрым воином, человеком недюжинной силы и острого ума. Сейчас же люди Империи его превратили в животное — животное, у которого не осталось ничего, даже желания жить. Человек менее знатный, возможно, стал бы, подогреваемый ненавистью, искать пути спасения, но Хокмун, потеряв все, не хотел уже ничего.

Может быть, он сумеет очнуться и выйти из этого состояния. Но даже если это и произойдет, он станет уже совсем другим человеком, совершенно непохожим на того Дориана Хокмуна, что с такой доблестью

сражался в битве при Кельне.

Глава 2

СДЕЛКА

Свет факела и блеск звериных масок — ехидная свинья и оскалившийся волк; красный и черный металл; белые бриллиантовые и голубые сапфировые насмешливые глаза. Резкий шорох плащей и невнятный шепот.

Хокмун слабо вздохнул и закрыл глаза, затем, когда шаги раздались уже совсем близко, вновь открыл их и увидел склонившегося над ним Волка. Жар факела обжигал лицо, но Хокмун даже не пытался отвернуться.

Волк выпрямился и сказал Вепрю;

— Сейчас с ним бесполезно разговаривать. Накормите и вымойте его. Пусть он немного придет в себя.

Вепрь и Волк ушли, дверь захлопнулась, и Хокмун закрыл глаза.

Очнувшись, он увидел, что его несут по освещенному факелами узкому коридору, а потом он очутился в небольшой ярко освещенной комнате, где стояла покрытая дорогими мехами и шелком кровать; резной столик ломился от всевозможной снеди, в углу возвышалась сделанная из какого-то блестящего желтого металла ванна, наполненная горячей водой. Его уже ждали две девушки-рабыни.

С Хокмуна сняли цепи, одежду и осторожно положили его в воду. Кожу немилосердно саднило, когда рабыни, касаясь мягкими, нежными руками, мыли его. Потом его побрили и подстригли. Хокмун едва воспринимал все происходящее. Он лежал неподвижно, уставившись бессмысленным взглядом в пестрый мозаичный потолок. Он позволил одеть себя в мягкое тонкое белье, шелковую рубашку и бархатные штаны, и чувство блаженства, пока еще очень слабое, зашевелилось в нем. Но когда его усадили за стол и впихнули в рот какой-то фрукт, желудок его судорожно сжался, и герцога вырвало желчью. Ему дали немного теплого молока со снотворным и уложили в постель. Потом все ушли, оставив лишь одну рабыню присматривать за ним.

Прошло несколько дней, прежде чем Хокмун начал принимать пищу и осознавать роскошь своего нынешнего положения. В его распоряжении были книги и женщины, но он пока еще не желал ни того, ни другого.

Хокмуну потребовалось немало времени, чтобы вспомнить хоть что-нибудь о прошлой жизни. Правда, теперь та жизнь представлялась ему полузабытым сном. Как-то раз он открыл книгу, но буквы показались ему совершенно незнакомыми, хотя разбирал он их достаточно хорошо. Просто они представлялись ему бессмысленными, а в словах отсутствовали определенность и значимость, хотя книга была написана одним из почитаемых когда-то Хокмуном философов. Он пожал плечами и бросил книгу на стол. К нему подбежала одна из девушек-рабынь и, прижавшись, погладила его по щеке. Он мягко отстранил ее, подошел к кровати и улегся, положив руки под голову. Потом он спросил:

— Почему я здесь?

Это были первые слова, произнесенные им со времени прибытия в Гранбретанию.

— О, господин, я не знаю. Но вы, кажется, очень почетный узник.

— Да, на потеху лордам Гранбретании.

Хокмун говорил без всяких эмоций. Голос его был ровным и спокойным. Даже слова, которые он произносил, казались ему странными. Он посмотрел на девушку пустыми, остекленевшими глазами, и та задрожала. Это была блондинка, с длинными пышными волосами и хорошей фигурой; судя по акценту, родом из Скандии.

— Я знаю только то, господин, что должна выполнять любое ваше желание.

Хокмун слегка кивнул и обвел взглядом комнату.

— Можно догадаться, для чего они готовят меня, — тихо пробормотал он.

В комнате не было окон, но воздух был немного сыроватым, и поэтому Хокмун решил, что помещение находится под землей. Он отсчитывал время по лампам — ему казалось, что их заправляют один раз в день. И по его подсчетам, он провел здесь уже две недели, прежде чем снова увидел Волка.

Дверь резко распахнулась, и в комнату вошел высокий человек, затянутый с головы до ног в черную кожу и вооруженный длинным, широким мечом с черной рукояткой. Из-под маски донесся приятный мелодичный голос — тот самый, что Хокмун слышал тогда, в полубморочном состоянии.

— Ну, наш узник выглядит совсем неплохо.

Рабыни низко поклонились и исчезли. Хокмун, ловко подпрыгнув, соскочил с кровати.

— Замечательно. Вы в отличной форме, герцог Кельнский.

— Да, ничего.

Он беззастенчиво зевнул и, решив, что мало проку в топтании на месте, снова улегся на кровать.

— Я полагаю, вы знаете, кто я такой, — сказал Волк с ноткой нетерпения в голосе.

— Нет.

— И не догадываетесь?

Хокмун не ответил.

Волк подошел к столу, на котором стояла огромная хрустальная ваза с фруктами; рукой, затянутой в перчатку, взял гранат и наклонился, будто рассматривая его.

— Вы полностью оправились, милорд?

— Похоже на то, — ответил Хокмун. — Я чувствую себя превосходно. Все мои желания удовлетворяются. И теперь, я полагаю, вы намерены позабавиться со мной?

— Кажется, это не особенно беспокоит вас?

Хокмун пожал плечами.

— Все когда-нибудь кончается.

— Ну, это может длиться всю вашу жизнь. Мы, гранбретанцы, — народ изобретательный.

— Человеческая жизнь не такая уж длинная.

— Так случилось, — начал Волк, перекидывая гранат из одной руки в другую, — что мы решили помиловать вас.

Хокмун безучастно молчал.

— Вы не очень-то разговорчивы, дорогой герцог, — продолжал Волк. — Забавно, но вы до сих пор живы лишь по прихоти одного из ваших смертельных врагов, так жестоко расправившегося с вашим отцом.

Хокмун нахмурился, как будто что-то вспоминая.

— Я помню, — нерешительно сказал он. — Мой отец. Старый герцог.

Волк бросил гранат на пол и поднял маску. Под ней скрывалось красивое широкое лицо.

— Я убил его. Я — барон Мелиадус Кройденский.

Жестокая улыбка играла на его полных губах.

— Барон Мелиадус?.. Э... убили его?

— Вся мужественность, похоже, оставила вас, милорд, — зло пробормотал барон. — Или вы снова хотите обмануть нас?

Хокмун поморщился.

— Я устал, — сказал он немного погодя.

Мелиадус удивленно посмотрел на него.

— Я убил твоего отца!

— По-моему, вы это уже говорили.

— Ну, знаете ли...

Приведенный в замешательство, барон повернулся и направился к двери, но затем остановился.

— Конечно, я не об этом хотел поговорить с вами. Однако мне кажется странным, что вы совершенно не испытываете ко мне ненависти и не стремитесь отомстить за отца.

Хокмуну стало скучно, он хотел лишь, чтобы Мелиадус поскорее оставил его в покое. Резкие жесты и истеричные вопли барона раздражали его, как жужжание мухи или комара раздражает человека, пытающегося заснуть.

— Я ничего не испытываю и ничего не чувствую, — ответил Хокмун, надеясь, что его ответ удовлетворит гранбретанца.

— В вас не осталось ничего! — гневно воскликнул Мелиадус. — Ничего! Даже желания жить. Поражение и плен сломили вас!

— Возможно. Но сейчас я устал...

— Я пришел предложить вам вернуться домой, — продолжал Мелиадус. — Кельн будет суверенным государством в составе нашей Империи. Такого мы еще никому не предлагали.

Только теперь в голосе Хокмуна зазвучали нотки любопытства.

— С чего это вдруг? — спросил он.

— Мы хотим заключить с вами сделку. К взаимной выгоде, конечно. Нам нужен такой опытный и искусный воин, как вы, — тут барон нахмурился и покачал головой. — Во всяком случае, вы нам таким кажетесь. Но главное, нам нужен человек, которому будут доверять те, кто не доверяет Империи. — Мелиадус собирался несколько иначе разговаривать с Хокмуном, но его сбивало с толку странное безразличие герцога. — Мы хотим, чтобы вы кое-что для нас сделали. В обмен на это мы возвращаем вам ваши земли.

— Я хотел бы вернуться домой, — кивнул Хокмун. — Туда, где родился.

Он улыбнулся нахлынувшим воспоминаниям.

Эта неуместная улыбка поразила барона, но он решил, что это просто сентиментальность, и гневно ответил:

— Что вы будете делать, когда вернетесь, — плести веночки или строить замки, — нам безразлично. Но вы вернетесь туда, только если будете преданно служить нам.

Хокмун взглянул на Мелиадуса.

— Вы, возможно, думаете, что я сошел с ума, милорд?

— Не знаю. Но у нас есть средства проверить это. Наши ученые проведут необходимое обследование...

— Я в здравом уме, барон Мелиадус, может, как никогда раньше. Вам нечего меня опасаться.

Барон Мелиадус возвел глаза к небу.

— Клянусь Рунным Посохом, безгрешных людей нет. — Он открыл дверь. — Мы еще поговорим о вас, герцог Кельнский. За вами придут сегодня.

Хокмун продолжал лежать и после того, как ушел барон. Разговор быстро вылетел у него из его головы, и поэтому, когда часа через три в комнату вошли охранники и велели Хокмуну следовать за ними, он едва помнил слова Мелиадуса.

Хокмуна вели по нескончаемым коридорам и лестницам, пока, наконец, охранники не остановились возле огромной железной двери. Один из них постучал тупым концом копья, и дверь открылась, пропуская дневной свет и свежий воздух. За дверью ждали стражники в пурпурных плащах и масках Ордена Быка. Хокмуна передали им, и он, осмотревшись, увидел, что стоит на зеленой лужайке во дворе какого-то огромного замка. Двор со всех сторон окружали высокие стены, по которым медленно вышагивали охранники из Ордена Вепря. Из-за стен виднелись мрачные башни города.

Хокмуна повели по усыпанной гравием дорожке к узким железным воротам в дальнем углу двора, и через них вывели на улицу. Там герцога ждал покрытый позолотой экипаж из эбенового дерева в виде двухголовой лошади. Он сел в него, сопровождаемый двумя молчаливыми стражниками; коляска тронулась, и через щель в оконных занавесках Хокмун мог рассмотреть Лондру. Солнце уже садилось, и огненно-красный свет заливал город.

Наконец экипаж остановился. Хокмун позволил стражникам вытащить себя из коляски и увидел, что стоит перед Дворцом самого Короля-Императора.

Построенный ярусами Дворец был огромен. Его венчали четыре величественные башни, сияющие густым золотистым светом. Стены Дворца украшали барельефы, изображающие какие-то таинственные ритуалы, батальные сцены, эпизоды из богатой событиями истории Гранбретании; горгульи, статуи, бессмысленной формы фигуры — в общем, довольно нелепое и фантастическое сооружение, которое строилось не один век. Казалось, при его строительстве использовали все мыслимые материалы и краски, так что теперь он переливался всеми цветами радуги. Один цвет наползал на другой, и эта цветовая вакханалия утомляла глаза и раздражала мозг. Дворец сумасшедшего, затмевающий своим безумием весь город.

У ворот Дворца Хокмуна ждала другая группа стражников, одетых в форму Ордена Богомола — Ордена, к которому принадлежал сам Король Хаон. Их искусно сделанные маски насекомых с усиками из тонкой платиновой проволоки были усыпаны драгоценными камнями. У воинов были длинные худые ноги и тонкие руки, их стройные тела были затянуты в доспехи, раскрашенные в цвета этого насекомого черный, золотой и зеленый. Тайный язык Ордена, на котором они переговаривались между собой, напоминал щелканье и шуршанье насекомых.

И вот, когда стражники ввели его в нижний ярус Дворца, где стены были выложены отполированными до зеркального блеска ярко-красными металлическими пластинками, Хокмун впервые почувствовал беспокойство.

Наконец они вошли в большой с высоким потолком зал, стены которого казались мраморными и были испещрены белыми, зелеными и розовыми прожилками. Но эти прожилки постоянно двигались и мерцали, создавая иллюзию подвижности стен.

Зал, длиной в добрую четверть мили и почти такой же ширины, был заставлен с равными промежутками какими-то конструкциями, которые Хокмун вначале принял за машины, хотя и не понимал их назначения. Как и все, что ему приходилось видеть в Лондре, эти машины имели причудливую форму и были созданы из драгоценных металлов и полудрагоценных камней. Встроенные в них приборы, незнакомые Хокмуну, что-то считали, регистрировали, измеряли; их обслуживали люди в змеиных масках и пятнистых плащах с поднятыми капюшонами. В Орден Змеи входили только колдуны и ученые и подчинялись они лично Королю-Императору.

Человек, шедший по центральному проходу навстречу Хокмуну, велел стражникам уйти.

Хокмун решил, что, судя по изысканности маски, этот человек стоит высоко в иерархии Ордена. А по его манере держаться он мог быть и самым магистром.

— Приветствую вас, герцог.

Хокмун в ответ поклонился — многие из его прошлых привычек все еще напоминали о себе.

— Я — барон Калан Витальский, Главный ученый императора. Насколько я понимаю, день или два вы будете моим гостем. Добро пожаловать. Я покажу вам мои лаборатории.

— Благодарю. Что вы хотите от меня? — рассеянно спросил Хокмун.

— Прежде всего, я надеюсь, мы поужинаем вместе.

Барон Калан любезно пропустил герцога вперед, и они, пройдя по всему залу мимо многочисленных механизмов, вскоре очутились у дверей, за которыми, очевидно, находились личные покои ученого. Стол был уже накрыт. Еда оказалась менее изысканной по сравнению с тем, что Хокмун ел последние две недели, но хорошо приготовленной и очень вкусной. Покончив с ужином, барон, к тому времени снявший маску и открывший бледное усталое лицо с небольшой белой бородкой, разлил вино. Во время ужина они почти не разговаривали.

Хокмун попробовал вино, оно оказалось превосходным.

— Мое изобретение. Чудо-вино, — сказал Калан и самодовольно улыбнулся.

— Да, вкус необыкновенный, — признал Хокмун. — Из каких сортов винограда...

— Не виноград. Зерно. Совершенно иной процесс.

— Крепкое.

— Крепче многих вин, — согласился барон. — Ну что ж, перейдем к делу. Вы уже знаете, герцог, что мне поручено проверить вашу психику, определить ваш темперамент и дать заключение: подходите ли вы для службы Его Величеству Королю Хаону.

— Да, по-моему, нечто подобное говорил мне барон Мелиадус. — Хокмун слабо улыбнулся. — Мне и самому будет интересно узнать о результатах ваших исследований.

— Хм... — барон Калан внимательно посмотрел на герцога. — Теперь я понимаю, почему меня попросили заняться вами. Должен сказать, вы кажетесь вполне нормальным человеком.

— Спасибо, — под влиянием странного вина к Хокмуну вернулась прежняя ирония.

Барон Калан зашелся мелким сухим кашлем. С тех пор как он снял маску, во всем его поведении чувствовалась некоторая нервозность. Хокмун успел заметить, что жители Империи предпочитают не снимать масок. Сейчас барон вновь надел ее, и кашель сразу прекратился. Хотя Хокмун и знал, что принимать высокопоставленных гостей в маске — это нарушение гранбретанского этикета, он предпочел не показывать своего удивления.

— Ах, дорогой герцог, — донесся до Хокмуна шепот барона, — кто я такой, чтобы судить, что есть здравый смысл, а что — безумие? Есть люди, которые считают нас, гранбретанцев, безумными...

— Не может быть.

— Да, да. Это те, что неспособны своим притупленным восприятием охватить грандиозность наших идей и не верят в благородную цель нашего крестового похода. Вы знаете, они говорят, что мы безумны, ха-ха! — Барон поднялся. — Ну, а сейчас, если не возражаете, мы, пожалуй, начнем.

Они снова прошли через весь машинный зал и очутились в другом зале, размерами чуть меньше первого. Там были такие же темные стены, но они пульсировали, меняя цвет от фиолетового к черному и обратно. В зале стояла только одна машина — аппарат из блестящего голубого и красного металла, с выступами, многочисленными рычагами и прочими приспособлениями. Самой удивительной частью машины было большое, похожее на колокол сооружение, подвешенное на замысловатом крюке. С корпусом машины соединялся пульт. Обступив его со всех сторон, у пульта стояла дюжина мужчин в форме Ордена Змеи. Отблески света играли на их металлических масках. Машина издавала какой-то непонятный, едва уловимый шум, похожий на дыхание зверя.

— Машина для определения интеллекта, — гордо сказал барон Калан.

— Что-то уж очень большая, — заметил Хокмун, подходя к ней.

— Одна из самых больших наших машин. Так и должно быть. На нее возложено решение целого комплекса задач. Это результат научного колдовства, дорогой герцог, а не каких-то там варварских заклинаний, которые и сейчас можно нередко встретить на континенте. Именно наука дает нам неоспоримое преимущество перед низшими нациями и расами.

По мере того, как проходило действие алкоголя, к Хокмуну возвращались прежние чувство

отрешенности и скуки, и он уже не ощущал ни беспокойства, ни любопытства, когда его, подведя к машине, поставили под опускающийся колокол.

Вскоре колпак полностью накрыл его, плотно обволакивая своими мягкими стенками. Объятие машины было довольно неприятным и могло бы привести в ужас того Дориана Хокмун, что так храбро сражался в битве при Кельне, но новый Хокмун от всего этого испытывал лишь нетерпение и некоторое неудобство. Он чувствовал слабое покалывание в голове, словно невероятно тончайшие щупальца проникли в череп и теперь ощупывают мозг. Потом у него начались галлюцинации. Он видел океаны света, перекошенные лица людей, дома и деревья в каком-то неестественном виде. Лет сто лил дождь из драгоценных камней и бушевал черный ветер, срывая пелену с глаз; вскрывались замерзшие моря, вздымая ледяные глыбы, и из ниоткуда появлялись милые и симпатичные звери и женщины удивительной доброты. Потом перед ним прошла вся его жизнь вплоть до той минуты, как он вошел в эту машину. Кусочек за кусочком воспоминания выстраивались в единое целое. Но он не узнавал свою жизнь. Когда колпак, наконец, убрали, Хокмун продолжал безучастно стоять на месте и был уверен, что видел жизнь другого человека.

Калан подошел к нему и, взяв за руку, увел от машины.

— Предварительные данные говорят, что вы более чем нормальны, дорогой герцог, — если я не ошибся в показаниях приборов. Окончательные результаты машина сообщит через несколько часов. А сейчас вы должны отдохнуть. Завтра утром мы продолжим.

На следующий день Хокмуна вновь подвергли исследованиям, только на этот раз он лежал на спине и смотрел вверх, в то время как у него перед глазами одна за другой вспыхивали цветные картинки. Вызываемые ими ассоциации появлялись на специальном экране. Хокмун видел страшные сны, в которых то встречался с огромной акулой-убийцей, то попадал в снежный обвал в горах, то сражался один против трех вооруженных воинов, то прыгал с третьего этажа горящего дома, и каждый раз он проявлял чудеса ловкости и сноровки и ему удавалось спастись. Он не испытывал страха. Таких тестов было великое множество, и Хокмун перенес их, оставаясь совершенно спокойным. Даже когда машина заставляла его плакать, смеяться, любить или ненавидеть, реакции его были сугубо физиологическими — эмоции в них не участвовали.

Но вот машина отпустила его, и герцог увидел над собой маску барона.

— Кажется, что вы, дорогой герцог, слишком нормальны, — прошептал Калан. — Парадокс? Да. Слишком нормальны. Такое впечатление, что какая-то часть вашего мозга атрофировалась или исчезла совсем. Однако, как бы то ни было, мне остается передать барону Мелиадусу, что вы в высшей степени подходите для исполнения его замысла, при условии, конечно, что будут приняты определенные меры предосторожности.

— Какого замысла? — без интереса спросил Хокмун.

— Это он вам расскажет сам.

Барон Калан попрощался с Хокмуном, и два стражника из Ордена Богомола повели герцога по длинному коридору. У блестящих дверей из полированного серебра они остановились. Дверь открылась. За ней оказалась просторная комната, стены, пол и потолок которой, за исключением большого окна с балконом, были сплошь покрыты зеркалами. У окна стоял человек в черной маске Волка. Это был не кто иной, как барон Мелиадус.

Барон повернулся и приказал стражникам уйти. Потом он потянул за висящий рядом шнурок, и сверху, скрывая зеркала, опустились портьеры. Правда, если бы Хокмуну вдруг захотелось увидеть свое отражение, он мог бы посмотреть вверх или вниз. Вместо этого он выглянул в окно.

Плотный туман окутывал город, темно-зелеными воронками закручиваясь вокруг каменных башен. Был вечер; солнце уже почти село, и башни в наступающих сумерках походили на некие древние фантастические строения, торчащие из первобытного моря. И казалось, что если сейчас из тумана вылезет гигантская рептилия и прильнет своим страшным глазом к окну, это никого не удивит.

Без настенных зеркал комната стала еще мрачнее. Барон, стоя у окна, что-то тихо мурлыкал себе под нос и не обращал на Хокмуна никакого внимания.

Откуда-то из недр города, сквозь туман, донесся слабый крик. Потом все стихло. Барон поднял маску и взглянул на Хокмуна, которого сейчас уже почти не было видно в сумраке комнаты.

— Подойдите поближе, милорд, — сказал он.

Хокмун подошел, по дороге споткнувшись о край ковра.

— Я разговаривал с бароном Каланом, — начал Мелиадус. — Он говорит о загадке, тайне, которую не в состоянии объяснить. Ему кажется, что какая-то часть вашего мозга отмерла. Хотелось бы мне знать — от чего? От горя? От унижений? От страха? Честно говоря, я не ожидал таких сложностей. Я просто намеревался заключить с вами сделку, как человек с человеком. И хотя мое предложение остается в силе, я не знаю, с чего мне начать. Что вы думаете, дорогой герцог?

— Прежде всего, чего вы от меня хотите? — спросил Хокмун, глядя на темнеющее небо сквозь грязное стекло.

— Вы слышали о графе Брассе?

— Да.

— Он сейчас — Лорд-Хранитель провинции Камарг.

— Я слышал об этом.

— Так вот, граф воспротивился воле Короля-Императора и оскорбил Гранбританию. Мы хотим образумить его. Один из способов добиться этого — похитить его дочь, которая очень дорога ему, и использовать ее как заложницу. Однако граф не пустит на порог своего замка ни посланного нами эмиссара, ни просто незнакомца. Но он наверняка слышал о ваших подвигах, милорд, и, без сомнения, относится к вам с определенной симпатией. Поэтому, если вы прибудете в Камарг, спасаясь от Темной Империи, и попросите убежища, он скорее всего примет вас. А вы, оказавшись в замке, выберете подходящий момент и похитите девушку, что для такого человека, как вы, не составит труда. За границами Камарга мы, естественно, поможем вам. Камарг — маленькая страна. Вам легко удастся сбежать.

— Это все, что вы от меня хотите?

— Совершенно верно. В свою очередь, мы возвратим вам ваши земли, и вы сможете управлять ими как пожелаете — с условием, конечно, что не будете выступать против Империи.

— Мой народ живет сейчас в страшной нищете под гнетом Гранбритании, — с неожиданной откровенностью сказал Хокмун. — Для него было бы лучше, если бы я вернулся.

— Отлично! — воскликнул, улыбаясь, барон. — Я рад, что мое предложение показалось вам разумным.

— Да, хотя я не верю, что вы сдержите слово.

— Почему нет? Для нас же лучше, если страной, доставляющей нам столько беспокойства, будет править человек, которому доверяют люди и которому доверяем мы.

— Итак, я отправлюсь в Камарг. Я попрошу у них убежища. Я украду девушку и доставлю ее сюда. — Хокмун вздохнул и посмотрел на барона. — Почему бы и нет?

Сбитый с толку странным поведением герцога, Мелиадус нахмурился. Он не знал, как вести себя с этим человеком.

— Мы не можем, дорогой герцог, быть уверенными, что вы не попытаетесь каким-нибудь хитрым способом провести нас. Хотя работа этой машины до сих пор была абсолютно безупречной, может оказаться так, что вы, владея определенными колдовскими способностями, сумели провести ее.

— Я не разбираюсь в колдовстве.

— Я верю вам. Почти.

Так или иначе, но барон Мелиадус стал более приветлив.

— Правда, нам нет нужды особенно беспокоиться. На случай вашей возможной измены мы предпримем соответствующие меры предосторожности, и они либо приведут вас обратно к нам, либо вы погибнете — как только у нас появятся хоть малейшие сомнения в вашей лояльности. Это одно устройство, недавно созданное бароном Каланом, хотя, насколько я понимаю, идея принадлежит не ему. Оно называется «Черный Камень». Но это — завтра. Этой ночью, герцог, вы будете спать во Дворце. И еще: Прежде чем покинуть Лондру, вы будете представлены его величеству Королю-Императору. Мало кто из иностранцев удостоивается такой чести.

После этих слов Мелиадус вызвал стражников и приказал им проводить Хокмуна в отведенные для него покои.

Глава 3

ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ

На следующее утро Дориана Хокмуна вновь привели к барону Калану. Барон какое-то время пристально рассматривал его, и Хокмуну казалось, что на змеиной маске лорда застыло циничное выражение. Потом они молча шли, минуя коридоры и комнаты, пока наконец не добрались до железной двери. Когда дверь открылась, за ней оказалась еще одна точно такая же дверь, а за второй — третья. Последняя дверь вела в маленькую тускло освещенную комнату со стенами из белого металла, где была установлена какая-то конструкция дивной красоты и гармонии. Она почти целиком состояла из тонких изящных паутинок, красные, золотые и серебряные нити которых сейчас легко касались лица Хокмуна. Нити плавно раскачивались, и тихая музыка исходила от них.

— Совсем как живая, — сказал Хокмун.

— Она и есть живая, — с гордостью прошептал барон. — Живая.

— Это какое-нибудь животное?

— Это создано при помощи колдовства. Я и сам толком не знаю, что это. Я сделал ее по описанию, изложенному в одной древнейшей рукописи, которую купил мною много лет назад у одного путешественника с Востока. Это машина Черного Камня. И очень скоро вы познакомитесь с ней поближе, дорогой герцог.

Где-то в глубине души Хокмуна шевельнулся страх, но он сдержался и позволил красным, золотым и серебряным нитям ласкать его.

— Ближе, — сказал Калан. — Это еще не все. Она должна сплести Черный Камень. Подойдите ближе, милорд. Да. Прямо в нее. Я уверяю вас, вы не почувствуете боли. Она должна сплести Черный Камень.

Хокмун шагнул вперед. Паутинки зашелестели вокруг него и начали петь. Чарующая музыка ласкала слух герцога, и он завороченно смотрел на мелькающие разноцветные нити. Машина Черного Камня, словно усыпляя, нежно гладила его, и Хокмуну казалось, что она проникает в него, становясь его плотью, а он становится ею.

Он ощутил сильное давление в голове, и невыразимое чувство теплоты и легкости охватило его. Будто невесомый, он плыл, теряя всякое представление о времени. Но он понимал, что машина плетет нечто твердое и плотное и вживляет это в его череп — в самую середину лба. Хокмуну показалось, что во лбу у него появился третий глаз и теперь он видит мир совсем по-иному. Но затем все куда-то пропало, и герцог увидел перед собой барона Калана, даже снявшего маску, чтобы получше рассмотреть его.

Хокмун почувствовал острую боль в голове, но она почти сразу прошла. Он посмотрел на машину — ее краски поблекли и ажурные паутинки сморщились. Он поднес руку ко лбу и с ужасом обнаружил там то, чего не было раньше — нечто твердое и гладкое. Сейчас это было частью его самого. Он содрогнулся.

Барон Калан выглядел обеспокоенным.

— Ну? Вы выдержали это? Я был уверен в успехе! Вы ведь не сошли с ума?

— Я не сошел с ума, — ответил Хокмун. — Но я боюсь.

— Со временем вы привыкнете к Камню.

— Значит, у меня в голове камень?

— Да. Черный Камень. Подождите.

Калан повернулся и отдернул занавес из алого бархата, закрывавший овальной формы плоский кусок молочно-белого кварца, около двух футов в длину. На нем стал проступать какие-то линии, и Хокмун увидел изображение барона Калана, рассматривающего кусок кварца. Экран в точности показывал то, что видел Хокмун. Стоило герцогу слегка повернуть голову, и изображение на экране соответственно менялось.

— Работает... Потрясающе... — бормотал в восторге Калан. — Камень видит все, что видите вы, дорогой герцог. Куда бы вы не пошли и чтобы вы не сделали, мы будем знать об этом.

Хокмун попытался было что-то сказать, но не смог — перехватило дыхание и сдавило грудь. Он снова коснулся теплого камня, столь схожего с его плотью и столь чуждого ей.

— Что вы со мной сделали? — спросил он после долгого молчания. Голос его был по-прежнему спокойным.

— Мы просто обезопасили себя, — засмеялся Калан. — Сейчас у вас во лбу — часть живой машины, и стоит нам захотеть, вся ее энергия перейдет Черному Камню, и тогда...

Хокмун оцепенел.

— И что тогда?

— Он разрушит ваш мозг, герцог Кельнский.

Барон Мелиадус вел Дориана Хокмуна по сверкающим коридорам Дворца. К поясу герцога был пристегнут меч, и одет был в те самые доспехи, что были на нем при Кельнской битве. Коридоры становились все шире и шире, и вот, наконец, барон ввел его в огромное помещение, больше похожее на широкую городскую улицу. Вдоль стен стояли воины в масках Ордена Богомола. Массивные, сложенные из мозаичных плит двери преградили им путь.

— Тронный Зал, — прошептал барон. — Сейчас ты увидишь Короля-Императора.

Двери начали медленно открываться. Тронный Зал ослепил Хокмуна своим великолепием. Все кругом блестело и сверкало. Откуда-то доносилась музыка. С балконов, что рядами поднимались к куполообразному потолку, ниспадали пышные знамена пятисот самых благородных семей Гранбритании. Выстроившись вдоль стен и салютуя огненными копьями, стояли солдаты Ордена Богомола в масках и черно-зелено-золотых доспехах. За ними толпились придворные. Сейчас они с любопытством рассматривали вошедших: барона Мелиадуса и герцога Хокмуна.

В противоположном конце зала висело нечто, что Хокмун поначалу никак не мог рассмотреть. Он нахмурился.

— Тронная Сфера, — прошептал Мелиадус. — Теперь внимательно следи за мной и делай то же самое.

Он направился вперед.

В Зале царило настоящее буйство красок; здесь было множество удивительных вещей, но Хокмун ничего не замечал. Не отрываясь, он смотрел на Сферу.

Кажущиеся карликами в огромном Тронном Зале, Хокмун и Мелиадус размеренным шагом приближались к ней. Справа и слева от них в боковых галереях звучали фанфары.

Вскоре, подойдя поближе, Хокмун смог рассмотреть Тронную Сферу. То, что он увидел потрясло его. Сфера была заполнена молочно-белой жидкостью, которая слегка колыхалась. Временами казалось, что на поверхности жидкости появляется радужное сияние, исчезающее и возвращающееся вновь. В центре Сферы плавал древний-древний старец с непропорционально большой головой. Он напоминал Хокмуну зародыша. Кожа его сморщилась; конечности атрофировались. Но глаза были живыми.

Следуя примеру Мелиадуса, Хокмун опустился перед Сферой на колени.

— Встаньте, — раздался голос.

Услышав его, Хокмун вздрогнул. Голос шел из сферы, и это был прекрасный, мелодичный, полный жизни голос молодого человека — человека в расцвете сил и здоровья. Хокмун на мгновение задумался: неужели это голос самого Императора?

— Король-Император, я представляю вам Дориана Хокмуна, герцога Кельнского, выбранного мной для выполнения вашего задания. Помните, Благородный Сир, я рассказывал вам мой план... — Мелиадус почтительно склонил голову.

— Мы прилагаем немало усилий и изобретательности, чтобы добиться от графа Брасса сотрудничества с нами, — звучал прекрасный голос. — Мы полагаемся на вас, барон Мелиадус.

— У вас есть для этого все основания. Вы знаете о моих прежних заслугах, Ваше Величество, — сказал Мелиадус, вновь кланяясь.

— Был ли герцог предупрежден о неизбежном наказании, которое ждет его в случае измены? — зловеще прозвучал мелодичный голос. — Ему сказали, что мы можем уничтожить его, где бы он ни находился?

Мелиадус кивнул.

— Он предупрежден, Могуущественнейший Император.

— Вы сказали ему, что Камень в его черепе, — продолжал с наслаждением голос, — все видит и все передает нам?

— Да, Благородный Монарх.

— И вы хорошо объяснили ему, барон, что стоит нам только заметить хотя бы малейшие признаки неверности — а сделать это будет очень легко, наблюдая за лицами его собеседников — и мы передадим Камню всю энергию машины. Вы сказали ему, что в этом случае Камень разрушит его мозг и превратит его в жалкое безумное существо?

— Он знает об этом, Великий Император.

Существо в Сфере захихикало.

— Посмотрите на него, барон. По-моему, угроза безумия его вовсе не страшит. Вы уверены, что Камень еще не действует в полную силу?

— Он всегда такой, о Бессмертный Владыка.

Сейчас глаза старца пристально смотрели на Дориана Хокмуна.

— Вы заключили сделку, герцог Кельнский, с бессмертным Императором Гранбритании. Это знак нашего великодушия — предложить такое, по существу, одному из наших рабов. И вы должны служить нам верно и преданно, помня, что теперь вы связаны с судьбой величайшей расы, когда-либо появлявшейся на этой планете. Наш интеллект и могущество дают нам право царствовать на Земле, и скоро мы воспользуемся этим правом в полной мере. Тот, кто поможет нам в осуществлении этой благородной цели, получит наше одобрение. Так иди, герцог Кельнский, и заслужи его.

Морщинистая голова повернулась, изо рта высунулся острый язычок и коснулся крошечного шарика, плавающего возле стенки Сферы. Сфера начала гаснуть, и вот уже виден был лишь силуэт похожего на зародыш тела Императора, последнего и бессмертного потомка династии, основанной почти три тысячи лет назад.

— Помни о силе Черного Камня, — сказал на прощание старец. Светящаяся Сфера превратилась в тусклый черный шар.

Аудиенция закончилась. Кланяясь, Мелиадус и Хокмун попятились к дверям, потом повернулись и покинули Тронный Зал. Однако последствий этой аудиенции не предвидел ни барон, ни его господин. В измученном мозгу Хокмуна, в глубинах его сознания зародилось неясное возбуждение. И причиной тому не был Черный Камень.

Возможно, это означало, что к Хокмуну возвращается его прежняя сущность. Возможно, это зарождалось новое и совершенно неизвестное свойство; возможно, это было воздействие Рунного Посоха.

Глава 4

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЗАМОК БРАСС

Дориана Хокмуна вернули в подземную тюрьму, и он провел там два дня, прежде чем вновь увидел барона Мелиадуса. Барон принес доспехи из черной кожи, сапоги, латные рукавицы, тяжелый кожаный плащ с капюшоном, меч и черную маску оскалившегося волка. Очевидно, одежда и все остальное когда-то предназначались для самого барона.

— Теперь о том, что ты будешь говорить в замке, — начал Мелиадус. — Твой рассказ должен убедить графа Брасса. Ты был моим пленником, но какой-то раб помог тебе, и ты бежал, усыпив меня и переодевшись в мою одежду. Прежде чем я пришел в себя, тебе под видом барона Мелиадуса удалось покинуть границы Гранбритании и ее владений. В общем, чем проще, тем лучше. И это не только объяснит, как ты выбрался отсюда, но и возвысит тебя в глазах тех, кто меня ненавидит.

— Я понял, — сказал Хокмун, рассматривая доспехи, — но как я объясню Черный Камень?

— На тебе ставили эксперимент, но ты бежал раньше, чем это смогло причинить тебе какой-либо серьезный вред. Постарайся достоверно рассказать свою историю, Хокмун. От этого зависит твоя жизнь. Мы будем наблюдать, как это примет граф и, в особенности, этот хитрый рифмоплет Богенталь. Мы, конечно, не услышим, о чем вы будете говорить, но мы достаточно хорошо умеем читать по губам. Малейшее подозрение в предательстве — и мы доем Камню жизнь.

— Я понял, — повторил Хокмун таким же спокойным голосом.

Мелиадус нахмурился.

— Они, несомненно, заметят твои странности, но, надеюсь, отнесут их на счет тех несчастий, которые тебе пришлось пережить. Это сделает их даже более внимательными и заботливыми.

Хокмун рассеянно кивнул.

Мелиадус внимательно посмотрел на него.

— Ты внушаешь мне опасения, Хокмун. Но тем не менее я уверен в твоей преданности. Черный Камень — лучшая тому гарантия. — Он улыбнулся. — Ну, орнитоптер ждет. На нем ты доберешься до города Дю-Вер, что на побережье. Собирайтесь, дорогой герцог, и достойно служите Империи. Справитесь с заданием — и земли ваши.

Орнитоптер стоял на лужайке у самого входа в подземелье. Сделанный в форме гигантского грифона из меди, серебра и латуни, сидящего на мощных львиных лапах, со сложенными на спине сорокафутовыми крыльями, он потрясал своей красотой. За орлиной головой в маленькой кабине сидел пилот в маске Ордена Ворона — Ордена, к которому принадлежали все пилоты Гранбритании. Его руки в перчатках лежали на украшенном драгоценными камнями пульте управления.

С некоторой опаской Хокмун, одетый в доспехи Мелиадуса, забрался в кабину и занял место за спиной нилота. Ему пришлось изрядно повозиться, прежде чем удалось более или менее сносно расположиться на длинном узком сиденье и пристроить свой большой меч.

Едва он успел ухватиться за ребристые металлические бока машины, как пилот нажал на рычаг, и крылья, раскрывшись, начали бить по воздуху со странным, отдающимся в ушах гулом. Орнитоптер задрожал и начал было валиться набок, но пилот сумел выровнять его. Хокмун знал, что полеты на этих аппаратах — дело довольно опасное, во время битвы под Кельном он сам не раз видел, как они складывали крылья и камнем падали на землю. Но несмотря на все недостатки, орнитоптеры оставались основной силой Темной Империи, и именно благодаря им она смогла так стремительно покорить почти всю Европу Ни у одной другой страны не было ничего подобного.

Грифон, с силой оттолкнувшись от земли, взлетел. Крылья били по воздуху — жалкая пародия на летящую птицу — и машина поднималась все выше и выше, пока, наконец, они не оставили внизу самые

высокие башни Лондры и не направились на юго-восток. Хокмуна мучила тошнота, он тяжело дышал.

Вскоре летающий монстр вырвался из плотного слоя облаков, и яркий солнечный свет, искрясь, заиграл на его металлической чешуе. Лицо Хокмуна закрывала маска, и в ее хрустальных глазах он видел тысячи крошечных радуг. Он закрыл глаза.

Прошло какое-то время, и герцог почувствовал, что орнитоптер снижается. Открыв глаза, он увидел, что они вновь окружены облаками. Когда машина опустилась ниже, взору Хокмуна открылись пепельно-серые поля, очертания небольшого города и сине-лиловое море.

Неуклюже развернувшись, орнитоптер направился к большому плоскому камню, возвышающемуся в центре города. Неистово хлопая крыльями, он приземлился, сильно ударившись о каменную плиту, и замер.

Пилот дал знак вылезать. Герцог выбрался из машины и, нетвердо стоя на ногах, стал разминать затекшее тело. На площадке стояло еще несколько орнитоптеров. Один из них взлетел, и Хокмун почувствовал сильный порыв ветра от взмахов его крыльев.

— Дю-Вер, — сказал пилот, закрывая кабину. — Этот город отдали нашим воздушным силам, хотя военные корабли все еще заходят в его гавань.

Вскоре Хокмун заметил в каменной плите круглый люк. Пилот остановился и несколько раз постучал по стальной крышке люка. Это был какой-то условный сигнал. Немного погодя крышка ушла вниз, показалась каменная лестница, они стали спускаться. В люке было темно и мрачно.

Наконец они вышли на мощенную булыжником улицу, которая тянулась между большими квадратными зданиями. Казалось, весь город заполнен солдатами. Здесь можно было встретить пилотов в масках Ворона, матросов с военных кораблей в масках Рыбы или Морской Змеи, пехотинцев и кавалеристов в самых разнообразных масках: Вепря, Волка, Черепа, Богомола, Быка, Собаки, Козла и многих других. Мечи били по закованным в латы ногам, ударялись друг о друга огненные копья, и повсюду слышался звон боевых доспехов.

Пробираясь через толпу, Хокмун сначала не мог понять: почему перед ним все расступаются, но потом вспомнил, что на нем доспехи барона Мелиадуса.

У ворот города Хокмуна уже ждала приготовленная для него лошадь. К ее седлу были приторочены туго набитые сумки. Герцога заранее предупредили какой дорогой ему надлежит ехать. Он вскочил в седло и направился к морю.

Скоро облака рассеялись, пропуская солнечный свет, и Дориан Хокмун впервые увидел Серебряный мост. Мост, прекрасный и такой хрупкий на вид, сверкал на солнце и изящной дугой исчезал за горизонтом. В ширину он имел почти четверть мили. Ограждением служили сложные переплетения тонких серебряных тросов, поддерживаемые многочисленными пилонами.

На мосту царило оживленное движение. Хокмун видел кареты лордов, настолько изысканные, что трудно было поверить в то, что они могут двигаться; эскадроны кавалеристов — лошади были в таких же пышных и красивых доспехах, как всадники; батальоны пехоты, марширующие с невероятной четкостью; торговые караваны; вьючных животных, нагруженных тюками со всевозможными товарами — здесь были меха, шелка, фрукты, овощи, сундуки со всяческим скарбом, канделябры, подсвечники, кровати, мебельные гарнитуры и многое другое. И почти все из этого, как догадался Хокмун, было награблено в странах, завоеванных армиями Темной Империи.

Он видел также и военную технику — машины из железа и меди, некоторые из них были оснащены страшными, напоминающими птичьи клювы острыми шипами для разрушения стен, другие — вышками для ведения осады, третьи — длинными балками для метания ядер и камней. Рядом с машинами, в масках Крота, Барсука и Хорька, шли их создатели — инженеры темной Империи. Своим могучим телосложением и большими руками они походили на собственные детища. Но в сравнении с величием Серебряного моста, который как и орнитоптеры считался одной из главных причин столь стремительных побед Гранбритании, все они казались крошечными муравьями.

Страже, стоящей у моста, было приказано пропустить Хокмуна, и герцог беспрепятственно въехал на

вибрирующий от движения транспорта мост. Копыта лошади звонко загрохотали по металлу. Мост, если смотреть на него вблизи, несколько терял в своем великолепии. Проезжая часть его была покрыта выбоинами и царапинами, то тут, то там можно было видеть кучки лошадиного навоза, грязное тряпье, солому и прочий мусор. Конечно, невозможно было поддерживать столь оживленную магистраль в идеальной чистоте, но так или иначе загаженный мост символизировал в какой-то мере истинный дух этой странной цивилизации, называемой Гранбретания.

Хокмун перебрался по Серебряному мосту на другой берег и направился в глубь материка к недавно павшему под натиском имперской мощи Хрустальному городу Пари, где он собирался немного отдохнуть.

Но до Хрустального города — день езды, и поэтому он решил не останавливаться в Карли — в ближайшем от моста городе, а найти какую-нибудь деревню и заночевать там, а утром отправиться дальше. Уже близился вечер, когда он въехал в небольшую деревню с милыми аккуратными домиками и садами. Повсюду были видны следы недавнего сражения, вокруг стояла тревожная тишина. Хокмун добрался до постоянного двора и, увидев, что двери закрыты, спешил и забарабанил по ним кулаком. Прошло несколько минут, прежде чем заскрипел засов и показалось детское личико. Увидев маску Волка, ребенок испугался. Он неохотно распахнул двери и впустил Хокмуна. Войдя в дом, Хокмун снял маску и попытался улыбнуться, стараясь успокоить ребенка, но, так как он уже позабыл, как это делается, улыбка вышла несколько натянутой. Мальчик, кажется, принял его гримасу за знак недовольства и отпрянул, словно ожидая удара.

— Я не сделаю тебе ничего плохого, — сказал Хокмун. — Ты только присмотри за моей лошадью, приготовь постель и дай мне чего-нибудь поесть. На рассвете я уеду.

— Господин, у нас есть только самая простая пища, — пробормотал мальчик, немного успокоившись.

За годы бесконечных войн люди в Европе уже привыкли ко всему, и нашествие гранбретанцев, в сущности, не было для них чем-то новым. Но неожиданной была свирепость гранбретанцев, и было совершенно ясно, что ребенок боится и ненавидит Хокмуна, не ожидая от него даже обычной справедливости.

— Я неприхотлив. Принеси хоть что-нибудь. Мне лишь нужно утолить голод и немного поспать.

— Господин, у нас все забрали. Если мы...

Хокмун прервал его жестом.

— Меня это не интересует, мальчик. Я жду.

Он обвел взглядом комнату и заметил в углу двух стариков, которые что-то пили из больших кружек. Они старательно избегали его взгляда. Он подошел к маленькому столику в центре зала и, сняв плащ и рукавицы, тяжело опустился на стоящий рядом стул.

Маску Волка он положил на пол возле ножки стула, что было довольно необычно для лорда Темной Империи. Он заметил, что один из мужчин с некоторым удивлением смотрит на него. Потом они начали шептаться, и Хокмун понял, что они увидели Черный Камень. Мальчик принес кружку жидкого эля и несколько жалких кусочков жареной свинины. Похоже, что ничего лучшего у них действительно не было. Поужинав, Хокмун попросил, чтобы ему показали комнату. Оставшись один, он снял доспехи, умылся, забрался под грубые простыни и вскоре крепко заснул.

Ночью он почему-то проснулся и, не совсем понимая, что делает, вылез из постели и выглянул в окно. Ему показалось, что в лунном свете он увидел темную фигуру всадника. Это был воин, с ног до головы закованный в латы; забрало шлема закрывало его лицо. Хокмун был уверен, что заметил блеск золота и что-то черное на латах незнакомца. Затем воин повернул коня и исчез.

Чувствуя что-то неладное, Хокмун вернулся в постель. Он снова уснул, так же крепко, как и прежде, а утром никак не мог решить, приснился ему воин или нет. Со времени своего пленения Хокмун ни разу не видел снов. Какие-то слабые ростки любопытства заставили его слегка задуматься, пока он одевался, но он быстро все забыл и, спустившись в зал, попросил завтрак.

Хокмун добрался до Пари только к вечеру. Хрустальный город, выстроенный из чистейшего кварца,

был залит светом, и кругом стоял звон стеклянных украшений, которыми жители Пари щедро увешивали свои дома, городские здания и памятники. Город был настолько красив, что даже военачальники Темной Империи не осмелились разрушить его, предпочтя быстрому штурму многомесячную осаду.

Но следы новой власти были заметны повсюду, начиная с важно расхаживающих по улицам воинов и страха, застывшего на лицах местных жителей, и заканчивая боевыми знаменами, что развевались на домах, принадлежавших когда-то знатным семействам города. Сейчас здесь были флаги Йорика Нанкенсена, магистра Ордена Мухи; Адаза Промпа, магистра Ордена Собаки; Мигеля Хольста, эрцгерцога Лондры, и Азровака Микосеваара, наемника из Московии, командира Легиона Стервятников, предателя и убийцы, служившего Гранбретании еще тогда, когда планы завоевания Европы были только на бумаге. Этот сумасшедший москвит был под стать своим хозяевам. Знаменитое знамя наемника, с вышитым на нем алыми шелковыми нитями лозунгом «Смерть во имя Жизни», вселяло ужас в сердца его врагов. Хокмун решил, что Азровак Микосеваар, должно быть, отдыхает сейчас в Хрустальном городе. Трупы притягивали москвита, как розы — пчел, и он всегда старался быть в гуще сражения.

Солнечный закат, казалось, залил городские улицы кровью, и Хокмун, слишком утомленный для того, чтобы продолжать путь, вынужден был остановиться в гостинице, о которой говорил ему Мелиадус, и заночевать там. Проснулся он к полудню и, позавтракав, отправился дальше. Ему нужно было преодолеть еще больше половины пути.

За городом Лионс наступление Империи было приостановлено, но сама дорога казалась дорогой в ад. По ее обочинам стояли виселицы и деревянные кресты, на которых висели мужчины и женщины, дети и даже, вероятно для забавы — домашние животные: кошки, собаки, кролики. Можно было видеть людей, целыми семьями, от крошечного младенца до дряхлого старика, распятых на стоящих в ряд крестах.

Лошадь Хокмуна едва тащилась по Лионской дороге, и запах гниения жег герцогу ноздри и мутил рассудок. Огонь спалил города и деревни и превратил поля и леса в пепелища. Воздух отяжелел от гари и пепла. Уделом выживших в этом кошмаре людей, независимо от их прежних заслуг и званий, стало нищенство. Правда, для молодых женщин еще оставалась возможность сделаться шлюхами, а мужчины могли, стоя на коленях, принести клятву верности Королю-Императору.

Как чуть раньше любопытство, так сейчас слабое чувство отвращения зашевелилось в душе Хокмуна. В маске Волка он ехал к Лионсу, никто не останавливал его, и никто его ни о чем не спрашивал. Солдаты, служившие в Ордене Волка, воевали, в основном, на севере, и поэтому Хокмун чувствовал себя более или менее спокойно, не опасаясь, что какой-нибудь его «собрат» обратится к нему на тайном языке Ордена.

Дорога за Лионсом патрулировалась отрядами гранбретанцев, и Хокмун, решив не рисковать, свернул в поле. Он убрал маску в одну из опустевших седельных сумок и стремительно поскакал вперед. Он находился сейчас на свободной земле, и воздух был удивительно душист и свеж. Но все же и в нем уже чувствовался затаенный страх — страх перед будущим.

В городе Валенсе, жители которого готовились дать отпор войскам Темной Империи, многословно обсуждая стратегию и строя несбыточные планы, Хокмун получил возможность проверить, насколько достоверно звучит его рассказ.

— Я — Дориан Хокмун из Кельна, — сказал он капитану, когда его привели в переполненный трактир.

Капитан, поставив ногу на большую деревянную скамью, пристально рассматривал его.

— Герцог Кельнский попал в плен к гранбретанцам и должно быть давно уже мертв, — сказал он. — Я думаю, что ты — шпион.

Хокмун не спорил. Он рассказал историю, придуманную Мелиадусом, описав свой плен и то, как ему удалось бежать, и странный тон его голоса убедил капитана в правдивости рассказа больше, чем сама история. Затем сквозь толпу, выкрикивая имя Хокмуна, пробрался какой-то мужчина в изорванной кольчуге. Обернувшись, Хокмун узнал эмблему на плаще воина. Это был герб Кельна. Это был один из немногих солдат, кому удалось уцелеть в сражении под Кельном. Он поведал капитану и всем собравшимся о Хокмуне, расписав яркими краскам его храбрость и мастерство, и Дориан Хокмун в тот вечер в Валенсе был провозглашен героем.

Ночью, когда праздновали его возвращение, Хокмун рассказал капитану, что направляется в Камарг в надежде убедить графа Брасса выступить против Империи.

Капитан покачал головой.

— Граф Брасс не хочет участвовать в этом, — сказал он. — Но вас он может и выслушает. Надеюсь, вам улыбнется удача, дорогой герцог.

На следующее утро Хокмун покинул Валенс и направился на юг. Навстречу ему шли и ехали воины, готовые сражаться с Темной Империей. Лица их были суровы.

По мере того как Хокмун приближался к цели своего путешествия, ветер дул все сильнее и сильнее. И вот, наконец, он увидел знаменитые болота Камарга. Блестела в озерах вода, и камыш клонился под напором мистраля.

Когда он подъехал к одной из высоких старинных башен и увидел вспышки гелиографа, ему стало ясно, что в замке Брасс узнают о прибытии гостя задолго до того, как он туда доберется.

Лошадь не спеша брела по петляющим в болотах тропинкам, и Хокмун, крепко держась в седле, бесстрастно рассматривал красоты Камарга. По болотной воде бежала рябь, и несколько птиц парили в тусклом выцветшем небе.

Уже наступали сумерки, когда Хокмун увидел замок Брасс, его террасы и изящные башенки, которые четкими силуэтами выделялись в предзакатном небе.

Глава 5

ПРОБУЖДЕНИЕ

Граф Брасс передал Дориану Хокмуну еще один кубок с вином и тихо произнес:

— Пожалуйста, продолжайте, милорд.

Хокмун уже второй раз рассказывал свою историю. В парадном зале замка Брасс его собрались послушать сам граф, прекрасная Исольда, молчаливый Богенталь и фон Виллах, который все время приглаживал усы и безучастно смотрел на огонь.

— И поэтому, граф Брасс, я ищу помощь в Камарге, зная, что только здесь буду в безопасности, — закончил свой рассказ Дориан Хокмун.

— Добро пожаловать, — сказал граф. — Если убежище — это все, что вам нужно.

— Это все.

— И вы не просите нас выступить против Гранбретании? — раздался голос Богенталья.

— Я достаточно настрадался, сделав эту глупость, и не желаю уговаривать других бессмысленно рисковать жизнью, — ответил Хокмун.

Исольда выглядела почти разочарованной. Было ясно, что все собравшиеся в зале, за исключением мудрого графа, желали войны с Гранбретанией. Хотя, возможно, они хотели этого по разным причинам: Исольда, вероятно, надеялась отомстить Мелиадусу, Богенталь считал, что зло должно быть уничтожено, фон Виллах хотел размяться и помахать мечом, как в старые добрые времена.

— Замечательно, — ответил граф, — а то я устал от всех этих многочисленных просьб. Ну, а сейчас... Вы выглядите очень утомленным, милорд. Боюсь, мы своими расспросами совсем замучили вас. Пойдемте, я покажу ваши комнаты.

Обман удался, но Хокмун не испытывал от этого ни малейшей радости. Он лгал, как ему было приказано.

Граф показал Хокмуну его покои — спальню, ванную комнату и небольшой кабинет.

— Надеюсь, вам это подойдет, дорогой герцог.

— Разумеется, — ответил Хокмун.

Граф собрался было уходить, но у двери остановился.

— Этот камень, — медленно произнес он, — что у вас во лбу... Вы говорите, Мелиадусу не удался эксперимент?

— Да.

— Ага... — сказал граф и задумчиво посмотрел на пол. — Возможно, я мог бы помочь вам удалить его, если он вас беспокоит...

— Да нет, не беспокоит, спасибо, — ответил Хокмун.

— Ага, — снова сказал граф и вышел из комнаты.

Ночью Хокмун неожиданно проснулся. Это походило на то, что произошло с ним несколько дней тому назад в деревенском трактире. Ему показалось, что он увидел в комнате человека — того самого воина, закованного в черные с золотом доспехи. Но его тяжелые, сонные, веки сомкнулись, и когда он снова открыл глаза, в комнате никого не было.

В душе Хокмуна зародилось противоречие — возможно, противоречие между человеколюбием и его отсутствием, а возможно, — между совестью и отсутствием ее, если, конечно, такие противоречия вообще возможны.

Но что бы ни послужило тому причиной, несомненно было одно — характер Хокмуна снова начал

меняться. Это был уже не тот Дориан Хокмун, что так бесстрашно сражался в битве под Кельном, и не тот, что, впад в состояние апатии, готов был сгнуться в вонючем подzemелье Лондры, а совершенно иной, словно рожденный заново человек.

Но признаки этого перерождения были пока еще едва заметными и нуждались в своего рода толчке, как, впрочем, и в определенном окружении.

Однако Хокмун проснулся ранним утром с одной-единственной мыслью в голове — как бы побыстрее выкрасть Иsoleду и вернуться в Гранбританию, дабы избавиться там от Черного Камня и получить обратно земли своих предков.

В коридоре его встретил Богенталь.

— Ах, мой дорогой герцог, — начал философ, взяв его под руку, — может быть, вы расскажете мне немного о Лондре. Я много путешествовал, но побывать там мне не довелось.

Хокмун обернулся и посмотрел на него, прекрасно зная, что лицо поэта видят сейчас лорды Гранбритании. Но в глазах Богенталья читался неподдельный интерес, и Хокмун решил, что в просьбе философа — лишь простое человеческое любопытство.

— Огромный, мрачный город, — ответил Хокмун. — Сложная архитектура и много непонятного.

— А его дух? Дух Лондры? Ваше впечатление?

— Сила, — сказал Хокмун. — Уверенность...

— Безумие?

— Боюсь, я не тот человек, который может определить, что безумно, а что — нет, господин Богенталь. Хотя, кажется, вы меня самого находите довольно странным, не так ли?

Застигнутый врасплох таким поворотом разговора, Богенталь удивленно посмотрел на Хокмуна.

— Ну, я... Почему вы спрашиваете об этом?

— Потому что я нахожу ваши вопросы совершенно бессмысленными. Я говорю это, не желая обидеть вас... — Хокмун потер подбородок. — Поверьте, я, правда, нахожу их бессмысленными.

Они начали спускаться по лестнице в парадный зал, где уже был накрыт стол для завтрака и где старый фон Виллах уже перекладывал себе в тарелку с принесенного слугой подноса большой кусок жареного мяса.

— Смысл... — пробормотал Богенталь. — Вы не знаете, что такое безумие. Я не знаю, что такое смысл.

— Мне нечего вам сказать, — ответил Хокмун.

— Вы замкнулись в себе. Это неудивительно — столько вынести, — с симпатией в голосе сказал Богенталь. — Такое случается. В душе словно что-то отмирает. И вам сейчас просто необходимы хорошая пища и приятная компания. Хорошо, что вы приехали именно сюда, в замок Брасс. Возможно, само провидение послало вас.

Хокмун слушал философа без всякого интереса, наблюдая за спускающейся по противоположной лестнице и улыбающейся им Иsoleдой.

— Вы хорошо отдохнули, герцог? — спросила она.

Опережал Хокмуна, Богенталь сказал:

— Ему досталось больше, чем мы предполагали, и мне думается, нашему гостю понадобится не меньше двух недель, чтобы полностью оправиться.

— Вы не хотите составить мне компанию сегодня утром, милорд? — предложила Иsoleда. — Я покажу вам сад. Он прекрасен даже зимой.

— С удовольствием, — ответил Хокмун.

Богенталь улыбнулся, поняв, что пылкое сердце Иsoleды было тронут жалким состоянием Хокмуна. И он подумал, что для герцога не может быть лучшего лекарства, чем живое внимание милой,

очаровательной девушки.

Они не спеша брели по террасам сада. Здесь росли вечнозеленые растения, зимние цветы и овощи. Небо было ясным, и ярко светило солнце. Тяжелые меховые плащи защищали их от холодного ветра. Они смотрели на крыши домов. Кругом царили тишина и покой. Исольда взяла Хокмуну под руку и весело болтала, не ожидая ответа от своего красивого, но печального спутника. Сначала, правда, ее немного смущал Черный Камень, но потом она решила, что он немногим отличается от диадемы из драгоценных камней, под которую она иногда убирает волосы.

Юная душа Исольды ждала любви, и страсть, разбуженная в ней бароном Мелиадусом, жаждала излиться. И Исольда рада была предложить ее этому молчаливому и суровому герою Кельна, надеясь, что это поможет исцелить его душевные раны.

Она заметила, что в глазах герцога появляется интерес, лишь когда она упоминает о его родине.

— Расскажите мне о Кельне, — попросила она. — Не о том, каков он сейчас, а каким он был раньше или каким в один прекрасный день он станет.

Ее слова напомнили Хокмуну об обещании Мелиадуса. Он отвернулся от девушки и, сложив руки на груди, стоял и молча смотрел в чистое зимнее небо.

— Кельн, — спросила она тихо. — Похож он на Камарг?

— Нет... — Он посмотрел на крыши домов далеко внизу. — Нет... Камарг — дикий и всегда был таким. В Кельне же во всем чувствуется рука человека — возделанные поля, каналы, узкие петляющие дороги, фермы, деревни... Кельн — это маленькая страна, где тучные коровы и откормленные овцы пасутся на заливных лугах с мягкой и сочной травой, дающей приют кроликам и полевым мышам, среди стогов душистого сена. Жители Кельна — добрые, скромные люди, они очень любят детей. Дома там старые и такие же простые, как и их хозяева. В Кельне не было ничего мрачного, пока туда не пришли гранбританцы. Это было похоже на лавину огня и металла. Темная Империя оставила на теле Кельна свой след — след лезвия меча и пламени факела.

Он вздохнул. В его голосе слышалась тоска.

— Огонь и меч вместо плуга и бороны. — Он повернулся и посмотрел на нее. — Изгороди пошли на изготовление крестов и виселиц, трупы животных заполнили каналы и отравили землю, камни домов стали снарядами для катапульта, а людям пришлось или стать солдатами, или умереть — другого выбора у них не было.

Она коснулась его плеча.

— Вы говорите так, словно это было очень давно.

Его глаза снова погасли.

— Так оно и есть. Так оно и есть. Как давний сон. Сейчас это мало что для меня значит.

Но Исольда почувствовала, что нашла способ проникнуть в его душу и помочь ему.

Хокмун же вспомнил, чего он может лишиться, если не доставит девушку лордам, и с готовностью принял ее участие, хотя по совершенно иным причинам, нежели она себе представляла.

Во дворе их встретил граф. Он осматривал старую лошадь и разговаривал с конюхом.

— Она свое отслужила, — сказал граф. — Пускай пасется на травке. — Затем он подошел к дочери и Хокмуну. — Господин Богенталь сказал мне, что вы более слабы, чем мы думали, — сказал он, обращаясь к Хокмуну. — Вы можете оставаться в замке Брасс, сколько вам будет угодно. Надеюсь, Исольда не слишком утомила вас разговорами.

— Нет, что вы. Я отдыхаю, гуляя с ней.

— Отлично! Вечером у нас будет небольшой праздник, Я попросил Богенталья почтить нас что-нибудь из его последних сочинений. Он обещал нечто легкое и остроумное. Надеюсь, вам понравится.

Хокмуну показалось, что граф смотрит на него с каким-то особым вниманием. Неужели он

догадывается о цели его визита? Брасс славился своим умом и проницательностью. Но если уж сам барон Калан не смог разобраться в герцоге, то несомненно, это должно и графу оказаться не по силам. Хокмун решил, что бояться нечего, и позволил Исольде увести себя в замок.

В этот вечер был устроен торжественный ужин, и граф не поскупился на угощение. За столом собрались наиболее почтенные граждане Камарга, несколько самых известных скотоводов и тореадоров, в том числе и уже полностью оправившейся от ран Мэтан Джаст, которого год назад спас граф.

Рыба и дичь, несколько сортов мяса, всевозможные овощи, разнообразнейшие напитки, эль и множество превосходных соусов и гарниров — все это было выставлено на длинном широком столе. По правую руку от графа сидел Дориан Хокмун, по левую — Мэтан Джаст, победитель в последней корриде. Джаст просто обожал графа и так благоговел перед ним, что тому порой было неловко. Рядом с Хокмуном сидела Исольда, а напротив нее — Богенталь. На другом конце стола расположился одетый в пышные меха старый Зонзак Элькарэ, знаменитый быковод Камарга. Он много ел и часто смеялся. Рядом с ним сидел фон Виллах, и оба почтенных мужа, казалось, были чрезвычайно довольны друг другом.

Когда пиршество уже подходило к концу и пирожным, конфетам и знаменитому камаргскому сыру было оказано должное внимание, перед каждым гостем поставили по три кувшина с вином, маленький бочонок эля и большой кубок. Перед Исольдой стоял один кувшин и маленький кубок, хотя за ужином она пила наравне с мужчинами.

От вина Хокмун немного расслабился и стал чуть более оживленным. Раз или два он даже улыбнулся и если уж не отвечал на шутки других, то хотя бы не подавлял гостей своим угрюмым видом.

— Богенталь! — раздался голос графа. — Ты обещал нам балладу!

Богенталь, улыбаясь, встал. Лицо его, как, впрочем, и лица остальных гостей, покраснелось от вина и обильной пищи.

— Баллада называется «Император Глаукома»; надеюсь, она вас позабавит, — сказал он и начал читать:

Император Глаукома
Миновал безмолвных стражей,
Что застыли вдоль аркады,
И спустился в гул базара.
Там в тиши храмовых пальм
Властины Альказара
И великий Оттоман,
Рыцари Святого Храма
И могущественный хан, —
В ожидании решения
Горькой участи своей
Опускались на колени
И просили снисхождения,
И протягивали руки.
Но ни отклика, ни взгляда
Не дождались от монарха
Побежденные владыки
Завоеванных им стран...

Граф Брасс с легкой усмешкой следил за серьезным выражением на лице Богенталья, который с большим чувством читал свое, щедро разукрашенное напыщенными выражениями и сложными рифмами творение. Хокмун оглянулся по сторонам и увидел, что некоторые гости удивлены, другие, уже достаточно опьяневшие, весело улыбаются. Сам он оставался невозмутимым. Исольда наклонилась к нему и что-то прошептала, но он не услышал...

Он послу из Ватикана
Демонстрировал стигматы,

А из бухты доносились
Орудийные раскаты,
Извещая всех на свете
Об открытии регаты.
В честь великого монарха...

— О чем это он? — проворчал фон Виллах.

— О давних временах, — шепнул в ответ Зонзак Элькарэ, — еще до Страшного Тысячелетия.

— Лучше бы спел военную песню.

Зонзак Элькарэ жестом попросил его не шуметь. Богенталь продолжал...

И вручал посол дары
(Среди них — булат дамасский,
Амфора из алебаstra.
Драгоценная лепнина
Из гробницы Зороастра,
Где вокруг цветет маслина
И чернеет спелый терн.)

Хокмун почти не разбирал слов, но ритм стиха, странным образом действовал на него. Сначала он думал, что это — вино, но потом понял, что временами его мозг начинает как бы пульсировать и давно забытые чувства пробуждаются в его груди. Он покачнулся на стуле.

Богенталь пристально взглянул на Хокмуна и продолжал читать, сопровождая слова выразительными жестами...

А один царедворец —
Молодой стихотворец, —
Судьбою лелеем,
Умщен елеем,
В лавровом венке
И с лютней в руке,
В рубинах, алмазах.
Опалах, топазах,
В парче златотканной,
С улыбкой жеманной...

— Вам нехорошо, милорд? — наклонившись к Хокмуну, обеспокоенно спросила Исольда.

— Со мной все в порядке, спасибо.

Он встревоженно спрашивал себя, не прогневал ли он чем-нибудь лордов Гранбритании и не дали ли они жизнь Черному Камню. Перед глазами у него все поплыло...

Без чувств распростерся
Среди мостовой.
Гудели тромбоны,
Им вторил гобой.
Под звуки осанны
В сей миг император
По телу прошествовал
В туфлях из золота.
Не дрогнула смертного бога стопа,
Вокруг восхищенно ревела толпа...

Теперь Хокмун видел только фигуру и лицо Богенталья и не слышал ничего, кроме ритма и рифм

баллады. Он удивлялся их очарованию. Даже если предположить, что Богенталь действительно хочет околдовать его... но непонятно, зачем ему это понадобилось...

В этот день великий город
Был гирляндами украшен,
А из окон,
Острых башен
Дети розы рассыпали,
Гиацинты и пионы.
На мощные дорожки
Вниз со шпилей, с парапетов
Градом падали букеты
Желтых лилий
И фиалок.
И нередко
В упоении
Человек бросался с крыши
Пред идущим
Глаукомой...

Хокмун глотнул вина и, пристально глядя на Богенталья, глубоко вздохнул...

Зажглась звезда,
Взошла луна,
И гимн пробудил
Серафимов
От сна.
Но солнце, чей жар не угас,
Зари отдаляло час.
Был близок тот миг,
Когда царь владык
Достигнет священных руин,
Не зная, что он один
Вправе обряд отменить,
Прервав вековую нить...

Хокмун судорожно вздохнул, как человек, неожиданно попавший в ледяную воду. Исольда коснулась рукой его мокрого от пота лба. В ее ласковых глазах читалось беспокойство.

— Милорд...

Хокмун завороченно смотрел на Богенталья...

Он прошел через портал,
Колоннаду миновал.
Звезды в небе загорались,
Без конца тромбон играл,
Храм дрожал, и Запах амбры
В жарком воздухе витал...

Хокмун смутно чувствовал прикосновение Исольды, но ее слова не долетали до него. Не отрываясь, смотрел он на Богенталья и слышал только его. Бокал выпал из рук герцога. Ему стало плохо, но сидящий рядом граф Брасс даже не пошевелился, чтобы помочь ему. Он посмотрел сначала на Хокмуна, потом — на Богенталья, и в глазах его мелькнула ирония...

И вот император
Голубя ввысь отпускает.

О голубь,
Белый как снег,
Ты прекрасен.
Как белый свет,
И вряд ли еще в целом мире
Найдется птица такая...

Хокмун застонал. На другом конце стола фон Виллах ударил кубком по столу.

— Я согласен с ним. А почему не «Кровопролитие в горах»? Это замечательная...

Белоснежного голубя
Он отпустил на волю,
И тот помчался стрелою,
И взмыл над крышей,
Летел все выше,
Все выше и выше,
В воздухе тая,
С ветром играя,
Солнцу навстречу,
Над облаками,
В самое пламя,
Чтобы погибнуть
В честь Глаукомы.[\[1\]](#)

Хокмун с трудом поднялся на ноги и хотел что-то сказать Богенталю, но тут же рухнул на стол, разбрызгивая по сторонам вино.

— Он что, пьян? — с ноткой отвращения в полосе спросил фон Виллах.

— Ему плохо! — вскричала Исольтда. — Он болен!

— Не думаю, что он пьян, — сказал граф, наклонившись над телом Хокмуна и приподнимая ему веко. — Но он, вне всяких сомнений, без сознания.

Он посмотрел на Богенталья и улыбнулся. Философ улыбнулся ему в ответ и пожал плечами.

— Надеюсь, граф, для вас это не было неожиданностью — сказал он.

Всю ночь Хокмун был в беспамятстве и очнулся лишь под утро. Он увидел склонившегося над ним Богенталья, который, видимо, был в замке лекарем. Чем был вызван обморок, Хокмун не знал: то ли выпитым вином, то ли Черным Камнем, то ли — Богенталем. Как бы то ни было, чувствовал он себя прескверно.

— У вас лихорадка, дорогой герцог, — тихо сказал Богенталь. — Но мы вылечим вас. Не беспокойтесь.

Затем в комнату вошла Исольтда и присела к нему на кровать. Она улыбалась.

— Богенталь говорит, что это не страшно. Я буду ухаживать за вами, и скоро вы будете совершенно здоровы.

Хокмун посмотрел на нее, и волна давно забытых чувств захлестнула его сердце.

— Леди Исольтда...

— Да, милорд?

— Я... благодарю вас...

В смущении он обвел взором комнату. Вдруг он услышал позади голос графа:

— Больше ничего не говорите. Отдыхайте. Следите за своими мыслями. И постарайтесь уснуть.

Исольтда поднесла к губам герцога кубок, он выпил какую-то прохладную жидкость и вскоре снова

уснул.

На следующий день лихорадка прошла, но Дориан Хокмун чувствовал какое-то странное оцепенение — словно все внутри онемело. Он даже подумал, не действие ли это какого-нибудь наркотического средства.

Когда он позавтракал, к нему подошла Исольтда, поговорила о погоде и спросила, не хочет ли он пойти с ней на прогулку.

Он потер лоб, почувствовал под рукой пугающее тепло Черного Камня. С некоторой тревогой он опустил руку.

— Вам все еще нехорошо, дорогой герцог? — спросила Исольтда.

— Нет... Я... — Хокмун вздохнул. — Я не знаю. Со мной происходит что-то непонятное...

— Свежий воздух пойдет вам на пользу.

Хокмун покорно поднялся...

Воздух был напоен чудесными ароматами. На фоне яркого зимнего неба резко выделялись очертания кустов и деревьев.

Прикосновение руки Исольтды всколыхнуло, казалось, умершие уже чувства. Это было прекрасно, как касание ветерка или вид зимнего сада. Но в то же время он чувствовал страх — страх перед Черным Камнем, поскольку ни секунды не сомневался, что Камень уничтожит его, стоит только тому, что зарождалось сейчас в его душе, хоть чем-то выдать себя. И еще его не покидало ощущение, что граф Брасс и все остальные что-то скрывают от него и, видимо, догадываются о цели его приезда. Он мог бы сейчас схватить девушку, выкрасть лошадь, и, возможно, у него был бы неплохой шанс бежать из Камарга. Он взглянул на Исольтду.

— Она приветливо улыбнулась ему.

— Ну как, вам лучше, милорд?

Он, не отрываясь, смотрел на нее, и в душе его бушевали противоречивые чувства.

— Лучше? — хрипло переспросил он. — Лучше ли? Я, право, не уверен...

— Вы устали?

— Нет.

Заболела голова, и Хокмуну снова стало страшно. Он протянул руку к девушке. Думая, что ему плохо, Исольтда попыталась поддержать. Руки герцога опустились, он ничего не мог с собой поделать.

— Вы очень добры ко мне, — сказал он.

— Вы странный человек, — ответила она, как бы разговаривая сама с собой. — И очень несчастный.

— Да...

Он отстранился от нее и зашагал по дорожке к краю террасы. Могут ли лорды Империи знать, что происходит в его душе? Вряд ли. Но, с другой стороны, они слишком подозрительны и могут в любую минуту дать Камню жизнь. Он глубоко вдохнул, набирая холодный воздух, и расправил плечи, вспоминая слова, сказанные графом Брассом вчера утром. «Следите за своими мыслями», — сказал тогда граф.

Головная боль усилилась. Он вернулся к Исольтде.

— Я думаю, нам лучше вернуться в замок.

Она кивнула в ответ, взяла его под руку, и они направились обратно.

В парадном зале их встретил граф. Улыбка на его лице выражала лишь дружеское участие, и ничто в поведении графа не подтверждало подозрений Хокмуна. Но, может быть, подумал Хокмун, граф Брасс догадывается о природе Черного Камня, но не показывает этого, желая обмануть и сам Камень, и лордов Темной Империи.

— Герцог еще не совсем здоров, — сказала Исольтда.

— Я искренне огорчен, — ответил граф. — Вам что-нибудь нужно, милорд?

— Нет, — быстро ответил Хокмун. — Ничего. Спасибо.

Направляясь к лестнице, он старался ступать твердо и уверенно. Исольда шла рядом, поддерживая его под руку.

У дверей в свои покои он остановился и посмотрел на нее. Глаза девушки были широко раскрыты и полны сочувствия. Она подняла свою нежную руку и на мгновение коснулась его щеки. От этого прикосновения по телу Хокмуна пробежала дрожь, и он глубоко вздохнул. Затем она повернулась и проворно сбежала вниз.

Хокмун вошел в комнату и бросился на кровать. Все тело его было напряжено. Он часто дышал и отчаянно пытался понять, что с ним происходит и откуда эта адская боль в голове. В конце концов ему удалось заснуть.

Проснулся он около полудня, чувствуя в теле странную слабость. Но боль почти прошла. Рядом с его кроватью сидел Богенталь.

— Я ошибался, полагая, что вы уже выздоровели, — сказал он.

— Что со мной? — прошептал Хокмун.

— Насколько я могу судить, этот приступ лихорадки вызван невзгодами, что выпали на вашу долю, и, боюсь, нашим гостеприимством. Вам нельзя было есть так много жирной пищи и пить так много вина. Нам следовало бы помнить об этом. Но не расстраивайтесь, дорогой герцог, скоро все пройдет.

Хокмун не поверил ни единому его слову, но промолчал. Неожиданно слева от себя он услышал кашель, но повернув голову, увидел лишь приоткрытую дверь, ведущую в кладовую. Там кто-то был. Он вопросительно посмотрел на Богенталья, но философ сделал вид, что ничего не слышал, и продолжал проверять его пульс.

— Ты не должен бояться, — донесся из кладовой голос графа. — Мы хотим помочь тебе. Мы знаем происхождение Камня у тебя во лбу. Когда ты почувствуешь себя лучше, спускайся в зал. Там тебя встретит Богенталь и заведет с тобой какой-нибудь пустяковый разговор. И ничему не удивляйся, если его поведение покажется тебе немного странным.

Богенталь вздохнул и поднялся со стула.

— Ну, скоро вы будете совсем здоровы, милорд. Теперь я вас оставлю. Отдыхайте.

Хокмун наблюдал за философом, пока тот не скрылся за дверью. Потом он услышал, как хлопнула еще одна дверь — ушел граф Брасс. Как они узнали правду и чем это может для него обернуться? Лорды, должно быть, уже раздумывают над неожиданным поворотом событий и наверняка что-нибудь подозревают. В любую минуту они могут дать Камню жизнь. Почему-то сейчас это встревожило его куда больше, чем прежде.

Хокмун решил, что ему ничего не остается, как послушаться графа Брасса, хотя, если граф действительно узнал, зачем он приехал в Камарг, то месть его, вероятно, будет не менее жестокой, чем месть лордов Гранбретании.

Вечером, когда стемнело, Хокмун встал с кровати и спустился в парадный зал. Там никого не было. Он озираясь по сторонам в мерцающем свете каминного пламени и размышлял, в какую историю он попал на этот раз.

Вскоре из дальней двери вышел Богенталь и, улыбаясь, подошел к нему. Губы философа беззвучно шевелились. Потом Богенталь, склонив голову, сделал вид, что внимательно слушает ответ Хокмуна, и тогда герцог, наконец, понял, что это представление предназначено для тех, кто с помощью Черного Камня наблюдает за ними.

Услышав за спиной шаги, Хокмун не обернулся, продолжая притворяться, будто участвует в разговоре с философом.

Немного погодя раздался голос графа:

— Дорогой герцог, мы знаем, что такое Черный Камень, и знаем, зачем вас сюда послали. Правда, мы также понимаем, что вас заставили сделать это. Я попробую объяснить вам...

Хокмун было несколько растерялся от такой странной ситуации: Богенталь, старательно изображающий разговор, голос графа, исходящий словно ниоткуда.

— Сразу, как вы оказались в замке, — продолжал граф, — я понял, что Черный Камень — это нечто большее, чем вы рассказали нам тогда, хотя, возможно, вы и сами не знали этого. Оказывается, лорды в Гранбритании не очень-то высокого мнения обо мне — я много времени посвятил изучению магии и других наук и у меня есть древняя рукопись, в которой описана машина Черного Камня. Сначала я не мог понять, что вы сами знаете о возможностях Камня, и постарался выяснить это, не вызвав подозрения у лордов. Для этого нам пришлось лишить вас сознания и тем самым хоть на какое-то время отключить Черный Камень.

В строчках сочиненной Богенталем баллады, столь вдохновенно им прочитанной, было скрыто заклинание — руна. Рунический стих с его особым ритмом и размером был создан специально для вас, дорогой герцог. И своей цели — вызвать у вас обморок — мы достигли. Мы надеялись, что лорды не будут искать причину вашей неожиданной слабости в замечательных стихах Богенталья, а подумают, что вы просто слишком много выпили. Пока вы спали, нам с Богенталем удалось проникнуть в ваши тайные мысли, и должен сказать, что сделать это было не просто — уж слишком глубоко они у вас скрыты — как зверек, который от страха зарывается в землю так глубоко, что начинает задыхаться и умирает от недостатка воздуха. Но зато мы узнали все или почти все из того, что произошло с вами в Лондре. Признаться, что я готов был убить вас, когда узнал, зачем в действительности вы приехали в Камарг. Но затем я понял, что внутри вас идет борьба, о которой вы даже не подозреваете. И если бы это состояние не было столь очевидным, я был бы вынужден убить вас или позволить Черному Камню сделать это.

Хокмун, который все это время поддерживал немой разговор с Богенталем, услышав эти слова, вздрогнул.

— Но вы не виноваты в случившемся — продолжал граф, — и я подумал, что, убив вас, я убью потенциального и очень опасного врага Гранбритании. Я сохраняю нейтралитет, но Гранбритания глубоко оскорбила меня, и поэтому я не желал бы смерти такого человека, как вы. Итак, нам все известно. Но именно поэтому, дорогой герцог, ваше положение не столь безнадежно. Я могу на некоторое время лишить силы Черный Камень. Когда я закончу говорить, вы спуститесь в мои покои, и там мы займемся этим. У нас мало времени, поэтому поторопитесь.

Хокмун услышал удаляющиеся шаги графа. Богенталь улыбнулся герцогу и громко сказал:

— Если хотите, я покажу вам те части замка, в которых вы еще не были. Мало кому довелось побывать, например, в личных покоях графа.

Хокмун понял, что эти слова предназначены для наблюдателей — там, в Лондре. По всей видимости, Богенталь надеялся возбудить в них любопытство и таким образом выиграть время.

Богенталь вывел его из зала и повел по длинному коридору, который упирался в занавешенную гобеленами стену. Раздвинув их, Богенталь прикоснулся к маленькой кнопке в каменной плите, и тут же часть стены озарилась ярким светом, потом свет начал меркнуть, и в стене открылась небольшая дверца. Хокмун вошел первым, за ним — Богенталь. Они оказались в комнате, стены которой были увешаны старыми картами и какими-то схемами. Пройдя эту комнату, они очутились в следующей, чуть больше первой. Там стояло множество странных аппаратов, а вдоль стен тянулись большие книжные полки с толстыми старинными фолиантами по химии, магии и философии.

— Сюда, — прошептал философ, отодвигая занавес и открывая темный коридор.

Хокмун напрягал зрение, пытаясь разглядеть что-нибудь в темноте, но безуспешно. Он осторожно пробирался по коридору, и вдруг яркий белый свет ослепил его.

Четким силуэтом на свету выделялась огромная фигура графа, держащего в руках какое-то странное оружие, нацеленное точно в голову Хокмуна.

Хокмун судорожно вздохнул и попытался отпрыгнуть в сторону, но проход был слишком узким.

Раздался треск, который, казалось, разорвал ему барабанные перепонки, потом до него донесся таинственный мелодичный звук, и он рухнул на пол, теряя сознание.

Хокмун проснулся с улыбкой и с удовольствием потянулся, лежа на металлической койке. Чувствовал он себя так, словно заново родился. Кроме него, в комнате никого не было. Коснувшись рукой лба, он обнаружил, что Черный Камень хоть и остался на месте, но не был частью тела, а походил на обыкновенный камень — твердый, гладкий и холодный.

Дверь открылась, и вошел граф Брасс. Было видно, что он доволен.

— Простите, если я напугал вас вчера вечером, — сказал он, — но я должен был действовать очень быстро, чтобы успеть парализовать Черный Камень. Сейчас с помощью науки и волшебства мне удастся удерживать его силу, но, к сожалению, я не смогу делать это бесконечно — она слишком велика. Однажды она вырвется из моих оков и вернется к вашему Камню, дорогой герцог, где бы вы ни находились.

— Значит, приговор лишь отсрочен, — сказал Хокмун. — И как надолго?

— Точно не знаю. На шесть месяцев — почти наверняка, возможно — на год или два. Но затем это дело нескольких часов. Я не могу обманывать вас, Дориан Хокмун. И все же у вас есть надежда: на Востоке живет чародей, который может вынуть Черный Камень. Он не сторонник Темной Империи и поможет вам, если, конечно, вы найдете его.

— Как его имя?

— Малагиги из Хамадана.

— В Персии?

— Да, — кивнул граф. — Это так далеко, что туда почти невозможно добраться.

Хокмун вздохнул и сел на койке.

— Ладно. Ваше колдовство дает мне хоть какое-то время. Я покидаю Камарг и возвращаюсь в Валенс. Там собирают армию, чтобы дать бой Гранбретании. Мы, конечно, проиграем, но, прежде чем меня убьют, я, по крайней мере, отомщу за все, что они со мной сделали, и отправлю на тот свет несколько этих поганных псов Короля-Императора.

Граф криво усмехнулся.

— Я вернул вам жизнь, и вы тут же спешите расстаться с нею. Я бы на вашем месте немного подумал, прежде чем совершить столь бессмысленный шаг. Как вы себя чувствуете, герцог?

Дориан Хокмун спустил ноги на пол и снова потянулся.

— Превосходно, — сказал он. — Я чувствую себя новым человеком. — Он нахмурился. — Да... Новым человеком... — пробормотал он задумчиво. — Вы правы, граф. Месть может и подождать.

— Чтобы спасти вас, — почти печально сказал граф, — я взял у вас молодость. Больше ее у вас не будет.

Глава 6

БИТВА ЗА КАМАРГ

Прошло около двух месяцев...

— Смотрите, они не растягиваются ни на восток, ни на запад, — сказал Богенталь. — А движутся точно на юг. Видимо, граф, лорды все поняли и намерены отомстить вам.

— Скорее они мстят мне, — произнес Хокмун, сидевший в глубоком мягком кресле у самого камина. — Ведь они считают меня предателем.

Граф Брасс покачал головой.

— Насколько я знаю барона Мелиадуса, то он жаждет крови всех нас. Он и его Волки стоят во главе этих армий, и они не успокоятся, пока не доберутся до нас.

Фон Виллах отвернулся от окна, за которым виднелись крыши города, и сказал:

— Пусть приходят. Мы сметем их, как мистраль сметает листья с деревьев.

— Будем надеяться, что все будет именно так, — неуверенно произнес Богенталь. — Они собрали почти все свои силы и, кажется, впервые решили отступить от своей тактики.

— Глупцы, — пробормотал граф. — Я восхищался их мастерством и дальновидностью. Двигаясь полукругом, они могли подтягивать дополнительные силы из тылов, прежде чем наступать дальше. А сейчас с флангов у них свободные земли, и враждебные Империи силы могут воспользоваться этим и попытаются окружить их. Если мы разобьем Мелиадуса, ему придется туго. Жажда мести ослепила барона и лишила его разума.

— Но если они победят, — тихо сказал Хокмун, — они расчистят себе дорогу от океана до океана. И дальше для них все будет просто.

— Возможно, действия Мелиадуса этим и объясняются, — согласился Богенталь. — И боюсь, что у него есть все основания рассчитывать на успех.

— Ерунда! — отмахнулся фон Виллах. — Нашим башням это нипочем.

— Башни созданы, чтобы противостоять атакам с суши, — напомнил ему Богенталь. — Мы тогда и думать не думали об орнитоптерах.

— У нас тоже есть воздушная армия, — сказал граф.

— Фламинго — существа из плоти и крови, — ответил Богенталь.

Хокмун поднялся. На нем была черная кожаная одежда Мелиадуса. При каждом его движении кожа скрипела.

— Через несколько недель армии Темной Империи будут у границ Камарга, — сказал он. — Надо что-то делать.

— Прежде всего нам следует внимательно изучить вот это, — сказал Богенталь и похлопал рукой по свернутой в рулон карте, которую держал под мышкой.

— Что ж, посмотрим, — сказал граф.

Богенталь аккуратно разложил карту на столе, прижав края винными кубками, и граф Брасс, фон Виллах, и Хокмун склонились над ней. Это была карта Камарга и окружающих его земель.

— Они двигаются вдоль реки, по восточному берегу, — сказал граф, указывая на Рону. — Из рассказа разведчика следует, что они должны быть здесь, — он указал пальцем на предгорья Цевенн, — примерно через неделю. Необходимо послать туда наблюдателей, чтобы знать о всех перемещениях врага, и к тому времени, когда они достигнут Камарга, мы уже сгруппируем наши основные силы в нужном месте.

— Они могут послать вперед орнитоптеры, — сказал Хокмун. — Что тогда?

— Мы выпустим наших фламинго, и они расправятся с этими летающими железками, — прорычал фон Виллах. — Остальное сделают башни.

— Ваши силы невелики, — возразил фон Виллаху Хокмун, — вы почти целиком будете зависеть от башен, и вся борьба сведется к обороне.

— Именно это нам и надлежит делать, — сказал граф, обращаясь к Хокмуну. — Мы будем ждать их у границы, расположив пехоту между башнями. Используя гелиографы, мы будем управлять башнями и направлять их силу туда, где это будет необходимо.

— Мы хотим лишь остановить их, — с нескрываемым сарказмом произнес Богенталь. — Больше нам ничего не нужно.

Граф взглянул на него и нахмурился.

— Ты совершенно прав, Богенталь. Надо быть последним дураком, чтобы атаковать их. Нас слишком мало, и единственная наша надежда — это башни. Мы должны показать Королю-Императору с его сворой, что Камаргу не страшна вся их мощь и что попытки проникнуть на нашу землю — с суши, с моря, с воздуха — совершенно бессмысленны.

— А что вы на это скажете, Хокмун? — спросил Богенталь. — У вас все-таки уже есть опыт войны с Империей.

Хокмун задумчиво рассматривал карту.

— Я полностью согласен с графом. Сражаться с Империей в открытом бою — безумие. Я узнал это на собственной шкуре. Тем не менее не мешало бы подыскать удобное для нас место сражения. Где самые сильные укрепления Камарга?

Фон Виллах указал на область к юго-востоку от Роны.

— Здесь. Здесь самые мощные башни и удобная местность. Мы можем собрать свои войска на высоком холме, тогда как противнику придется вязнуть в болоте, что создаст для него определенные трудности. — Он пожал плечами. — Но вообще-то я не понимаю, при чем здесь это. Место для атаки будут выбирать они, а не мы.

— Если только кто-нибудь не приведет их туда, куда нам нужно, — сказал Хокмун.

— Как вы себе это представляете? — улыбнулся граф. — И что может заставить их поступить так, а не иначе?

С помощью пары сотен хорошо вооруженных всадников, — ответил Хокмун, — я сделаю это, не ввязываясь с ними в открытый бой, а постоянно нанося удары с флангов, мы сможем, если, конечно, повезет, направить их туда, куда надо. Так ваши собаки пасут стадо. Одновременно мы будем наблюдать за ними и сообщать вам об их передвижениях.

Граф пригладил усы и с уважением посмотрел на Хокмуна.

— Мне нравится ваше предложение. Наверное, с возрастом я становлюсь слишком осторожным. Но будь я помоложе, я бы тоже придумал что-нибудь подобное. План может сработать, дорогой герцог, но для этого на нашей стороне должна быть удача.

Фон Виллах откашлялся.

— Да — удача и терпение. Вы представляете, за что беретесь, Дориан? Вам все время придется быть начеку, не будет времени даже для сна. Это будет очень тяжело. Хватит ли у вас сил? И выдержат ли солдаты? Нельзя забывать и об этих летающих машинах...

— Нам надо будет только следить за их разведчиками, — ответил Хокмун, — и мы сможем наносить удары и уходить быстрее, чем они успеют поднять в воздух основные силы. К тому же ваши люди лучше знают местность и укрытия.

Богенталь поджал губы.

— Вот еще что — их транспортные баржи. Их войска продвигаются так быстро, потому что им

подвозят по реке провиант, лошадей, военную технику, орнитоптеры, вот если бы заставить их отойти от реки...

Хокмун на минуту задумался, а потом, широко улыбаясь, сказал:

— Ну, это не так уж трудно сделать. Вот смотрите...

На следующий день Хокмун и Исольда отправились на прогулку по болотам. Они проводили много времени вместе, и герцог сильно привязался к девушке, хотя со стороны казалось, что он уделяет ей не так уж много внимания. Исольда, хотя и рада была просто находиться рядом с ним, была все же слегка уязвлена его холодностью. Ей не приходило в голову, что Хокмун умышленно скрывает свои чувства, а сам он ни на секунду не забывал, что в любой момент может превратиться в безмозглое существо. Он все время помнил, что энергия Черного Камня может вырваться из созданных графом оков, и тогда лорды Гранбритании смогут дать Камню жизнь, и Камень выест его мозг.

И поэтому он не говорил Исольде, что любит ее, что эта любовь пробудила его ото сна, и что лишь поэтому граф сохранил ему жизнь. Исольда же была слишком застенчива, чтобы сказать ему о своих чувствах.

Они скакали по болотным тропам, закутавшись в плащи и подставляя лица ветру, мимо трясин и озер, распугивая куропаток и уток, с шумом взлетающих в небо, встречая табуны диких лошадей и тревожа белых быков. Они мчались по длинным пустынным пляжам под недремлющим оком башен. Наконец они остановились и словно обращаясь к морю, заговорили, пытались перекричать пение мистраля.

— Богенталь сказал мне, что вы завтра уезжаете, — прокричала она.

Ветер на секунду стих, и внезапно наступила тишина.

— Да. Завтра, — ответил он, посмотрев на нее, и отвернулся. — Завтра. Но я скоро вернусь.

— Берегите себя, Дориан. Я умоляю вас.

Успокаивая ее, он улыбнулся.

— Похоже, судьба хранит меня. Иначе я уже не раз должен был бы умереть.

Она начала что-то говорить, но вновь с ревом налетел ветер и, подхватив волосы Исольды, разметал их по ее лицу. Хокмун наклонился, чтобы убрать их. Он почувствовал под рукой ее мягкую гладкую кожу, и ему страстно захотелось прикоснуться губами к ее губам. Она попыталась удержать его, но он уже мягко отстранился, повернул лошадь и направился в сторону замка.

Над примятым тростником и подернутыми рябью озерами плыли редкие облака. Заморосил дождь. Назад они ехали медленно; каждый думал о своем.

С головы до ног обтянутый металлической кольчугой, в стальном шлеме, закрывающем голову и лицо, с длинным острым мечом на боку и щитом без каких-либо знаков или гербов, Дориан Хокмун поднял руку, давая знак своим людям остановиться. Его отряд был вооружен до зубов. Все что, убивает на расстоянии: луки, пращи, огненные копья, дротики, топоры — висело за спинами воинов, было приторочено к седлам, привязано к постромкам лошадей... Хокмун спешил и следом за проводником направился к ближайшему холму, низко пригибаясь и двигаясь с большой осторожностью.

На вершине холма он лег на живот и заглянул вниз, в долину, где текла река. Сейчас он впервые увидел мощь Темной Империи во всей ее жуткой красоте.

Огромные орды, казалось посланные самим адом, медленно двигались на юг — маршировала пехота, гарцевала кавалерия. Все воины были в масках, и поэтому казалось, что на Камарг надвигаются полчища зверей.

Колыхались боевые знамена, металлические штандарты покачивались на длинных шестах. Среди них было и знамя Азровака Микосеваара с изображением оскалившегося трупа со шпагой в руке, на плече которого сидит ястреб, и с вышитым на полотнище девизом «Смерть во имя Жизни». Крошечным человечком на коне у самого знамени, должно быть, был сам Азровак Микосеваар. После барона Мелиадуса этот москвит был самым жестоким из всех военачальников Гранбритании. Рядом развевались

знамя Кошки герцога Венделя, магистра этого Ордена, знамя Мухи лорда Йорика Нанкенсена и сотня других знамен и стягов прочих Орденов. Даже знамя Ордена Богомола было здесь, хотя магистр этого Ордена отсутствовал — им был сам Король-Император Хаон. Но впереди ехал барон Мелиадус со штандартом Ордена Волка — стоящий на задних лапах волк, с разинутой пастью. Даже лошадь барона была закована в медные латы, и голову ее закрывал специальный шлем, формой напоминающий голову огромного волка.

Дрожала земля, и вокруг разносился звон и бряцание оружия. В воздухе стоял запах пота.

Но Хокмуну было некогда разглядывать войско Империи. Он внимательно осматривал реку, по которой медленно плыли тяжелые баржи. Их было так много, что, двигаясь, они касались бортами друг друга. Хокмун улыбнулся и прошептал лежащему рядом воину:

— Это как раз то, что нам надо. Смотри, здесь весь их транспортный флот. Нужно успеть обойти их.

Они сбежали с холма. Нельзя было терять ни минуты. Хокмун вскочил в седло и дал знак отряду следовать за ним.

Они мчались почти весь день, и к вечеру армия Гранбритании превратилась в облачко пыли далеко на юге, и река была свободна от кораблей Империи. Здесь Рона сужалась и становилась мельче, проходя по древнему каналу с каменными берегами. Здесь же был низкий каменный мост. На одном берегу реки местность была ровной, на другом — плавно шла под уклон, спускаясь в долину.

В наступивших сумерках Хокмун перебрался вброд на другой берег, внимательно осмотрел каменную кладку, опоры моста, проверил дно реки. Вода, проникая сквозь звенья кольчуги, леденила ноги. Построенный еще до наступления Страшного Тысячелетия, канал с тех пор ни разу не восстанавливался и теперь был в очень плохом состоянии. Его строителям, видимо, нужно было зачем-то изменить русло реки, Хокмун намеревался найти каналу иное применение.

На берегу, ожидая его сигнала, с огненными копьями в руках, стояли несколько воинов. Хокмун выбрался на берег, распределил солдат по определенным местам на мосту и берегах. Солдаты отсалютовали и, подняв оружие, направились туда, куда им было указано.

И вот, когда совсем стемнело, из огненных копий вырвалось алое пламя, вгрызаясь в камень и превращая воду в пар.

За ночь огненные копья сделали свое дело — мост с грохотом упал в воду, подняв целое облако брызг. Затем солдаты перешли на западный берег. Огнем они вырезали из него каменные блоки и сбрасывали их в реку, которая уже бурлила, огибая загородивший русло упавший мост.

К утру река спокойно текла по широкой долине. По прежнему руслу бежал лишь крошечный, едва заметный ручеек.

Удовлетворенные этим зрелищем, Хокмун и его люди вскочили на лошадей и отправились обратно. Они нанесли Гранбритании первый удар. Первый и очень действенный.

Позволив себе несколько часов отдыха, они вернулись, чтобы следить за войском Империи.

Хокмун улыбался, лежа под кустом и наблюдая за растерянностью гранбританцев.

Там, где раньше была вода, теперь лежал толстый слой темного ила, и в нем, словно выброшенные на берег киты, лежали боевые корабли и баржи Гранбритании с торчащими вверх носами. Повсюду валялась разбросанная техника, провизия, метался в панике скот. Среди всего этого бегали солдаты, лихорадочно пытающиеся вытащить увязшие баржи и спасающие барахтающихся в грязи животных.

Над рекой стоял невообразимый шум. Строгие четкие ряды наступавших армий были нарушены. Даже надменным кавалеристам пришлось использовать своих лошадей как тяговую силу, чтобы подтаскивать баржи поближе к берегу. Начали ставить палатки — видно, Мелиадус понял: нельзя двигаться дальше, пока не будет спасен Груз. Хотя вокруг лагеря и была выставлена охрана, все свое внимание она обращала на реку, а не на холмы, где ждали своего часа Хокмун и его люди.

Было уже довольно темно, и так как орнитоптеры не могут летать по ночам, барону Мелиадусу придется дожидаться утра, чтобы выяснить причину внезапного обмеления реки. Затем он пошлет туда

(так думал Хокмун) инженеров, чтобы разобрать плотину. Хокмун был готов к этому, и сейчас было самое время подготовить людей. Он спустился ползком по склону холма и оказался в маленькой ложине, где отдыхали его солдаты. У него возник замысел, успешное выполнение которого, как ему казалось, должно было парализовать войско Империи.

Наступила ночь. Люди в долине продолжали свою работу при свете факелов — вытаскивали на берег тяжелые военные машины и многочисленные мешки и корзины с провиантом. Мелиадус горел желанием побыстрее добраться до Камарга и не давал солдатам ни минуты отдыха. Огромный лагерь раскинулся почти у самой реки. Каждый Орден образовывал свой круг палаток, в центре которого устанавливался свой штандарт. Но сейчас палатки пустовали. Все люди были заняты работой.

Охрана не заметила приближающихся к лагерю вооруженных всадников, закутанных в темные плащи.

Хокмун остановил коня, вытащил из ножен меч — тот самый, что дал ему Мелиадус, на мгновение поднял его над головой и затем указал вперед. Это был сигнал к атаке.

Без боевых кличей, молча — слышен был лишь топот копыт и бряцанье оружия — воины Камарга, ведомые Хокмуном, устремились вперед. Герцог мчался, низко пригнувшись к шее коня, прямо на опешившего от неожиданности часового. Удар мечом пришелся в горло солдата, и тот, захлебываясь кровью, упал на землю. Они уже ворвались в первый круг палаток, рубя на скаку натянутые веревки и шеи тех, кто пытался остановить их. Хокмун выехал на центр круга и одним могучим ударом перерубил древко установленного там знамени. Это был штандарт Ордена Собаки, и, поднимая сноп искр, он рухнул в горящий рядом костер.

Хокмун, ни на секунду не останавливаясь, направил коня в самое сердце огромного лагеря. На берегу реки еще не знали о нападении — там было слишком шумно.

Три всадника мчались навстречу Хокмуну. Ему удалось выбить меч у одного из них, но двое других атаковали его. Ловким ударом Хокмун отрубил одному кисть руки, второй было попятился, но герцог не дал ему уйти, нанеся удар в грудь.

Конь под Хокмуном поднялся на дыбы, и герцогу стоило немалых усилий удержать его и направить вперед, к следующему кругу палаток. Воины Камарга ехали следом. Вырвавшись на открытое место, Хокмун увидел, что путь им преградила группа воинов, одетых лишь в ночные рубахи и вооруженных короткими мечами и небольшими круглыми щитами. Хокмун закричал что-то своим людям, и те, выставив перед собой мечи, выстроились полукругом. Для того чтобы опрокинуть преградивших им путь гранбретанцев, потребовалось не много времени, и скоро отряд Камарга ворвался в новый круг палаток, круша все на своем пути.

Размахивая блестящим от крови мечом, Хокмун пробился к центру лагеря и там увидел то, что так настойчиво искал — знамя Ордена Богомола. Драгоценное полотнище со всех сторон окружали солдаты в шлемах, со щитами в руках. Не медля, Хокмун с яростным криком ринулся вперед. Дрожь пробежала по его руке, когда удар меча пришелся в щит ближайшего воина, но он снова поднял свое смертоносное оружие, и на этот раз щит раскололся. Солдат упал, кровь заливала его маску. Следующий взмах меча, и еще одна голова скатилась с плеч. Меч Хокмуна поднимался и опускался, словно часть какой-то безжалостной и неутомимой машины. Воины Камарга присоединились к герцогу, и они теснили гранбретанцев все дальше и дальше, заставляя их пятиться и отступать к знамени.

В разорванной кольчуге, потеряв щит, Хокмун продолжал сражаться, и вот уже у штандарта остался лишь один защитник.

Хокмун, усмехнувшись, острием меча сорвал с головы воина шлем и молниеносным ударом рассек череп солдата надвое. Затем он выдернул из земли знамя, поднял его высоко над головой и, повернув коня, повел отряд прочь из лагеря. Боевые лошади Камарга легко перепрыгивали через валяющиеся повсюду трупы и опрокинутые палатки.

Неожиданно за спиной Хокмуна раздался крик:

— Ты видел его?! У него во лбу Черный Камень!

И Хокмун понял, что очень скоро барон Мелиадус узнает, кто разгромил его лагерь и выкрал самое

священное из знамен Грانبретании.

Он повернулся на крик и, потрясая знаменем, громко засмеялся.

— Хокмун! — закричал он. — Хокмун!

Это был боевой клич его предков, и он сейчас непроизвольно вырвался из его груди, видимо, под воздействием неосознанного желания объявить своему врагу, с кем тот имеет дело.

Вороной жеребец под герцогом поднялся на дыбы и понесся вперед через разгромленный лагерь.

За ним, взбешенные смехом Хокмуна, устремились воины. Империи.

Отряд вскоре, достиг холмов и направился к укрытию. За ними, неуверенно продвигаясь в темноте вперед, следовали люди Мелиадуса. Обернувшись, Хокмун увидел, что на берегу реки поднялся переполох. Огоньки сотен зажженных факелов торопливо двигались к лагерю.

Люди Хокмуна превосходно знали местность, отряд быстро оторвался от преследователей и вскоре уже был возле замаскированного входа в пещеру. Пещера была большая, со множеством коридоров, и в ней легко было устроиться самим и разместить лошадей. В зале, где хранились запасы пищи, протекал небольшой ручеек. Такие тайные стоянки были подготовлены заранее на всем пути до Камарга.

Кто-то зажег факелы. Хокмун, рассмотрев на свету знамя Богомола, швырнул его в угол и улыбнулся круглолицему Пилэйру, командиру отряда Камарга.

— Завтра, сразу как вернутся с разведки орнитоптеры, Мелиадус пошлет инженеров к плотине. Нужно сделать так, чтобы наша работа не пропала даром.

Пилэйр кивнул.

— Да, но даже если мы уничтожим один отряд, он пошлет другой...

Хокмун пожал плечами.

— А за ним еще один, наверняка... Но я все-таки рассчитываю на его нетерпение и желание поскорее достигнуть Камарга. И, возможно, он, наконец, поймет бессмысленность такой траты времени и сил. Тогда он наверняка попытается уничтожить нас. Если повезет и мы уцелеем, возможно, нам и удастся направить его к юго-восточным границам Камарга.

Пилэйр начал пересчитывать вернувшихся солдат.

Хокмун подождал, когда он закончит, и потом спросил:

— Сколько мы потеряли?

На лице Пилэйра было написано смешанное чувство восторга и недоверия.

— Ни одного, милорд. Мы не потеряли ни одного человека!

— Хороший знак, — сказал Хокмун, хлопая Пилэйра по плечу. — А сейчас нам надо отдохнуть. Утром предстоит долгий путь.

На заре часовой, оставленный у входа в пещеру, принес плохие новости.

— Летающая машина, — сообщил он Хокмуну. — Она крутится здесь уже минут десять.

— Ты думаешь, пилот заметил что-нибудь? — спросил Пилэйр.

— Это невозможно, — сказал Хокмун. — Вход не виден даже с земли. Просто надо подождать — орнитоптеры не могут долго оставаться в воздухе — им нужна дозаправка.

Но час спустя часовой доложил, что на смену этому орнитоптеру прилетел другой. Хокмун закусил губу. Через минуту он принял решение.

— Время уходит. Мы должны быть у плотины раньше, чем люди Мелиадуса. Видимо, придется рискнуть.

Он подозвал одного из воинов и что-то сказал ему, потом дал указания двум солдатам, вооруженным огненными копьями, и велел остальным седлать коней.

Чуть погода из пещеры выехал одинокий всадник и начал медленно спускаться по отлогому каменистому склону.

Хокмун видел, наблюдая из пещеры, как скользнули по медной поверхности орнитоптера солнечные лучи, когда тот, шумно хлопая крыльями, начал снижаться. Хокмун рассчитывал на любопытство пилота. Он сделал знак рукой, и два солдата подняли свои длинные громоздкие копья, стволы которых уже начали накаляться. Огненные копья были неудобны тем, что из них нужно было стрелять мгновенно, иначе они нагревались так сильно, что их нельзя было держать в руках.

Орнитоптер, описывая круги, спускался все ниже и ниже. Уже можно было разглядеть пилота в маске Ворона.

— Пора, — прошептал Хокмун.

Две красные огненные, струи ударили одновременно. Первая лишь слегка опалила борт орнитоптера. Но вторая попала точно в пилота, и он мгновенно загорелся. Сбивая с себя пламя, он отпустил рычаги управления, и крылья огромной машины захлопали вразнобой, орнитоптер закрутился в воздухе, наклонился набок и начал стремительно падать. Пилот попытался удержать машину, но было уже поздно. Она ткнулась в склон ближайшего холма и, дергая крыльями, развалилась на куски. Тело пилота отшвырнуло на несколько ярдов. Затем что-то взорвалось. Обломки разлетелись по всему склону, но огня не было — похоже, это была одна из особенностей двигателей, используемых в орнитоптерах.

Хокмун вскочил на коня и выехал из пещеры, остальные последовали за ним. Отряд направился к плотине.

Зимний день выдался солнечный и ясный. Холодный свежий воздух пьянил, и они ехали, окрыленные вчерашним успехом и уверенные в себе. Забравшись на вершину холма, с которого было видно текущую по новому руслу реку, плотину и ползающих по берегам людей, они на мгновение остановились, а затем лавиной устремились вниз. Впереди, приподнявшись на стременах, мчались воины с огненными копьями, выставив перед собой это аде кош оружие.

Десять огненных струй ударили по опешившим гранбретанцам, превращая людей в живые факелы. Огонь не щадил никого — ни инженеров в масках Крота и Барсука, ни наемников из отряда Азровака Микосеваара. Люди Хокмуна сцепились с ними — зазвенело оружие, взлетали над головами окровавленные мечи. Кричали в смертельной агонии люди; фыркали и ржали лошади.

Конь Хокмуна, защищенный кольчугой, покачнулся, когда великан-гранбретанец попал в него большим топором, и упал, увлекая за собой седока. Наемник, сделав шаг вперед, занес боевой топор над головой придавленного конем Хокмуна. Но герцог успел высвободить руку с мечом и парировать удар наемника. Жеребец поднялся на ноги. Хокмун вскочил и, отбиваясь от ударов топора, ухватился за поводья.

Раз за разом сходились меч и топор, и рука Хокмуна, сжимающая оружие, онемела от напряжения. Но вот его меч, скользнув по рукоятке топора, ударил по рукам противника. Наемник выпустил оружие, и Хокмун, не мешкая ни секунды, опустил на его голову меч, расколов металлическую маску. Воин застонал и пошатнулся. Хокмун ударил еще раз. Маска развалилась, открывая залитое кровью лицо московита. Глаза Хокмуна сузились от гнева, ибо он ненавидел наемников даже больше, чем гранбретанцев. Не обращая внимания на мольбы о пощаде, исторгаемые из окровавленных уст московита, Хокмун ударил третий раз, разрубая его голову надвое. Тот замертво рухнул на землю.

Хокмун вскочил на коня и повел своих людей против остатков Легиона Стервятников. Вскоре с наемниками было покончено. Инженеры, вооруженные лишь короткими мечами, не могли оказать почти никакого сопротивления и были убиты. Их тела сбросили в реку, течение которой они еще совсем недавно пытались изменить.

Когда отряд возвращался обратно, Пилэйр посмотрел на Хокмуна и сказал:

— В вас совсем нет жалости, милорд!

— Верно, — сухо ответил Хокмун. — Никакой. Мужчина, женщина, ребенок, если они — гранбретанцы или слуги Темной Империи, мои заклятые враги.

Отряд в сражении потерял восьмерых. Врагов погибло гораздо больше, можно было считать, что удача снова была на стороне Камарга. Гранбретанцы безжалостны к своим врагам, но они теряются, когда с ними поступают так же. Возможно, этим и объяснялись те небольшие потери, которые понес отряд Хокмуна.

Еще четырежды посылал Мелиадус экспедиции, надеясь разобрать плотину, и каждый раз увеличивая количество солдат, и все они были разгромлены неожиданными атаками воинов Камарга. Из двухсот всадников Хокмуна осталось около ста пятидесяти. Они должны были выполнить вторую часть замысла, а именно — постоянными набегами заставить обремененное военными машинами и обозом войско повернуть на юго-восток.

Отряд Хокмуна атаковал теперь только по ночам. Пламя огненных копий сжигало палатки и их обитателей. Стрелы его воинов десятками убивали часовых и вооруженных всадников, рыскавших вокруг в поисках тайных стоянок отряда. Кровь на мечах не успевала высыхать, и топоры затупились от смертоносной работы. Изможденные, с воспаленными глазами, Хокмун и его люди временами едва держались в седле и в любой момент могли быть обнаружены. Они делали все, чтобы выбранная ими для войска Империи дорога была усеяна трупами ее же солдат.

Как Хокмун и предполагал, Мелиадус, не стал тратить много времени на поиски неуловимого отряда. Его желание поскорее добраться до Камарга пересилило ненависть к герцогу Кельнскому, и, вероятно, он решил, что расправившись с Камаргом, он найдет время заняться Хокмуном.

Лишь однажды они встретились друг с другом. В один из набегов, когда Хокмун и его отряд уже собирались отступить, — уже светало — навстречу им выехала группа всадников в волчьих масках. Возглавлял ее барон Мелиадус. Увидев Хокмуна, добивающего мечом поверженного солдата, Мелиадус бросился к герцогу.

Хокмун заметил барона, отбил его удар и, мрачно улыбаясь, начал теснить противника.

Мелиадус захрипел.

— Примите мою благодарность, барон, — сказал Хокмун. — Прием, оказанный мне в Лондре, кажется, только прибавил мне сил...

— Послушайте, Хокмун, — ответил тихим, но дрожащим от ярости голосом Мелиадус. — Я не знаю, как вам удалось ускользнуть от Черного Камня, но поверьте, вам предстоит испытать нечто худшее, когда вы снова попадете ко мне в руки.

Неожиданно Хокмун ловко подцепил рукоятку меча Мелиадуса и вырвал оружие из рук барона. Он уже занес свой меч, чтобы нанести смертельный удар, но увидел, что на помощь Мелиадусу спешит большой отряд.

— К сожалению, мне пора, барон. Но я припомню вам ваше обещание — когда вы станете моим пленником.

Он развернул коня и, смеясь, усакал прочь. Мелиадус спешил, чтобы подобрать меч.

— Дерьмо! — прорычал он. — Не пройдет и месяца, как ты будешь валяться у меня в ногах.

И вот настал день, когда отряд Хокмуна быстро мчался по болотистой местности, что простиралась перед длинной грядой холмов — туда, где его ждали граф Брасс, Леопольд фон Виллах и армия Камарга. Высокие темные башни, почти такие же древние, как и сам Камарг, возвышались над полем предстоящей битвы. Из всех щелей и бойниц торчали стволы какого-то странного оружия.

Завидев на вершине одного из холмов одинокую фигуру графа Брасса, Хокмун направился туда. Граф радостно улыбался.

— Я рад, что сохранил вам тогда жизнь, герцог Кельнский, — весело пошутил он. — Ты сделал все, как хотел, Дориан, и сберег большую часть людей. Даже я в молодости не сделал бы лучше.

— Благодарю вас, граф Брасс. Но сейчас не время разговаривать. Мелиадус будет здесь самое большее через двенадцать часов.

Хокмун с вершины холма увидел, как начала растягиваться цепью пехота Камарга.

Армия Камарга насчитывала около тысячи человек, и это было ничтожно мало в сравнении с огромным войском Империи. Гранбританцев было в двадцать, а может и в сорок раз больше.

Граф Брасс заметил, что Хокмун немного растерялся.

— Не бойся, мой мальчик. У нас есть оружие получше, нежели простые мечи.

Хокмун ошибался, полагая, что армия Гранбритании доберется до границ Камарга за двенадцать часов. Видимо, они решили остановиться на ночь лагерем и отдохнуть перед наступлением. Только к полудню следующего дня камаргцы увидели приближающееся войско. Каждый из отрядов пехоты или кавалерии принадлежал определенному Ордену, и каждый член Ордена давал клятву защищать своего собрата, живого или мертвого. Это тоже в значительной степени объясняло мощь имперской армии — ни один солдат не покидал поле боя без приказа магистра.

Граф Брасс, сидя на лошади, наблюдал за наступлением неприятеля. Рядом с ним с одной стороны стоял Дориан Хокмун, с другой — Леопольд фон Виллах. Командовал здесь граф.

— Сейчас начнется, — подумал Хокмун, ему было непонятно, как они могут победить в этом сражении. Не слишком ли самоуверен граф?

Но вот огромная колонна из людей и машин остановилась примерно в полумиле от границы Камарга, от нее отделились две фигуры и направились к холму. Когда они подъехали ближе, Хокмун увидел штандарт барона Мелиадуса, а мгновение спустя признал в одной из фигур и самого барона, которого сопровождал герольд с бронзовым мегафоном в руках. Похоже, Мелиадус собрался вести переговоры.

— Не собирается же он сдаваться... Или ждет, что мы запросим пощады? — раздраженно сказал фон Виллах.

— Не думаю, — зло усмехнувшись, ответил Хокмун. — Это один из его трюков. Он славится ими.

Заметив состояние герцога, граф счел нужным предупредить его:

— Будь осторожен, Дориан Хокмун. Не позволяй ненависти затмить рассудок, как это произошло с Мелиадусом.

Хокмун смотрел прямо перед собой и ничего не ответил.

Тем временем герольд поднес мегафон ко рту.

— Я говорю от имени барона Мелиадуса, магистра Ордена Волка, Главнокомандующего армиями нашего великого Короля Хаона, правителя Гранбритании и, волею судьбы, будущего правителя всей Европы.

— Скажи своему хозяину, пусть он снимет маску и сам поговорит с нами, — ответил граф.

— Мой хозяин предлагает вам почетный мир. Если вы сейчас сдадитесь, он обещает, что помилует всех и назначит себя от имени Короля Хаона губернатором вашей провинции, чтобы добиться порядка и справедливости в вашей плохо управляемой стране. Мы предлагаем вам прощение. Если же вы откажетесь, Камарг будет уничтожен, все будет сожжено и затоплено морем. Барон Мелиадус говорит, что вы прекрасно знаете, что он может сделать это. Ваше упорство послужит причиной смерти и вас самих, и всех ваших близких.

— Передай барону Мелиадусу, трусливо прячущему свое лицо, что он лишь жалкий пес, оскорбивший мое гостеприимство и побежденный мною в честном бою. Скажи ему, что мы тоже можем оказаться причиной его смерти и смерти ему подобных и что тысяча таких как он не справятся с одним камаргским быком. Скажи ему, что его предложение — глупый трюк, на который мог бы купиться разве что ребенок. И еще скажи, что нам не нужен губернатор. Скажи ему...

Граф презрительно захохотал, когда увидел, что барон Мелиадус в ярости повернул коня и помчался обратно к своему войску. За ним поспешил герольд.

Прошло около четверти часа, и в воздухе появились первые орнитоптеры. Хокмун, увидев их, глубоко вздохнул. Один раз ему уже досталось от этих летающих машин. Не хотелось бы испытать это еще раз.

Граф Брасс поднял меч, подавая сигнал, и Хокмун услышал за спиной громкий звук. Обернувшись, он

увидел стремительно взлетающих алых фламинго. Их грациозный полет не шел ни в какое сравнение с неуклюжими движениями механических птиц. На спинах фламинго в высоких седлах сидели наездники, держащие в руках огненные копы.

Набрав высоту, птицы получили преимущество перед орнитоптерами, но трудно было поверить, что они могут причинить какой-нибудь вред машинам из металла. Струи огня, едва видимые с земли, полоснули по орнитоптерам, и пилот одного из них превратился в горящий факел и, вывалившись из кабины, упал на землю. Неуправляемая машина накренилась, крылья ее сложились, и она рухнула в болото у подножия холма. Потом Хокмун увидел, как из огненной пушки одного из орнитоптеров вырвался сноп огня, попал во фламинго, и алая птица дернулась в воздухе, перевернулась и упала на землю, теряя перья. Воздух раскалился и наполнился звуками битвы. К холму стремительно приближался отряд неприятельской кавалерии.

Граф какое-то время стоял неподвижно, молча наблюдая за тем, как враг подходит все ближе и ближе. На вот он снова поднял меч и закричал:

— Башни — огонь!

Стволы неизвестного оружия, торчащие из башенных бойниц, повернулись в сторону всадников, и раздался оглушительный звенящий звук. Хокмуну показалось, что у него раскалывается голова. Чем стреляло это оружие, он так и не понял — из стволов ничего не вылетало.

Потом он увидел, что лошади гранбританцев, уже добравшихся до болота, резко остановились и попятись, вставая на дыбы и сбрасывая седоков. Глаза животных округлились, на губах выступила пена. Солдаты, барахтаясь в грязи, пытались удержать лошадей.

Граф Брасс повернулся к Хокмуну.

— Оружие испускает невидимый луч, сопровождаемый звуком. Ты тоже почувствовал это. Лошадям же здорово досталось.

— Может, нужно атаковать? — спросил Хокмун.

— Нет, в этом нет нужды. Наберись терпения.

Лошади замертво падали в болотную жижу.

— К сожалению, это убивает их, — сказал граф.

Вскоре все лошади полегли, а их седоки, громко ругаясь, выбрались на берег и в нерешительности топтались на месте.

В воздухе продолжался бой. Но все больше и больше грациозных птиц падало на землю — гораздо больше, чем клацающих крыльями орнитоптеров.

Рядом с башнями на землю начали падать огромные камни.

— Боевые машины. Они пустили в ход катапульты! — закричал фон Виллах. — Что делать?..

— Терпение, — невозмутимо ответил граф.

Их обдало жаром, и они увидели, как огромный огненный шар ударил в стену ближайшей башни.

— Огненная пушка. Такой большой я еще не видел! Она всех нас уничтожит!

Граф Брасс быстро направился к башне. Они видели, как он, прыгнув с лошади, вошел в здание. Прошло совсем немного времени, и башня начала поворачиваться, все быстрее и быстрее. Хокмун в изумлении заметил, что она уходит под землю и огонь не достигает цели. Тогда огненные шары устремились к другой башне, но и она, быстро вращаясь, скрылась под землей, в то время как первая вновь появилась на поверхности и нанесла ответный удар из установленного на ее зубчатых стенах диковинного оружия. Оно переливалось зеленым и пурпурным цветами. Ствол был сделан в форме колокола. Несколько белых шаров вылетело из него и упало возле огненной пушки. Хокмун видел, как они прыгают среди управляющих орудием солдат.

Но его внимание отвлек орнитоптер, упавший совсем рядом, и он поспешил отъехать подальше, пока

двигатель не взорвался. К нему присоединился фон Виллах.

— Что это за шары? — спросил его Хокмун, но фон Виллах лишь покачал головой, удивленный ничуть не меньше своего молодого друга.

Немного погодя Хокмун увидел, что белые шары перестали скакать и огненная пушка больше не стреляет. Люди возле нее застыли в самых неестественных позах. Хокмун был потрясен, когда понял, что они заморожены. Невиданное оружие продолжало посылать белые шары, и вскоре камни перестали падать на позиции камаргцев: некому стало обслуживать катапульты и прочие боевые машины.

Граф выбрался из башни и вернулся к ним.

— У нас есть что показать этим идиотам, — сказал он, улыбаясь.

— Но их слишком много, — сказал Хокмун.

Он увидел огромную колонну пехоты, надвигающуюся на них. Солдат было так много, что, казалось, никакое — даже самое мощное — оружие не сможет остановить их.

— Ну, это мы еще посмотрим, — ответил граф, давая сигнал дозорному на ближайшей башне.

Небо над ними потемнело от множества летающих машин и птиц. Куски металла и окровавленные перья фламинго падали на землю. И невозможно было сказать, кто побеждает в этой схватке.

Первые ряды пехотинцев были уже совсем рядом, когда граф Брасс взмахнул мечом и башня повернулась к нападавшим какими-то широкоствольными орудиями. Голубые стеклянные шары полетели в приближающихся солдат. Хокмун увидел, что гранбританцы, ломая стройные ряды, принялись бешено метаться из стороны в сторону. Некоторые из них судорожно срывали с себя маски и, обхватив головы руками, падали в грязь.

— Что происходит? — спросил графа Хокмун.

— Шары начинены газом, вызывающим галлюцинации, — ответил граф. — Людям начинают мерещиться всякие ужасы.

Потом он повернулся в седле и махнул ждущим внизу всадникам. Отряд кавалерии выступил вперед.

— Ну вот пришло время и для простого оружия, — сказал он.

Оставшиеся в строю солдаты Империи выпустили по камаргцам тучи стрел и встретили их огнем копий. Лучники и копьеносцы графа ответили тем же. У камаргцев появились первые жертвы. В воцарившемся хаосе пехота Гранбритании уверенно теснила воинов графа, несмотря на свои поредевшие ряды. Приостановилась она, лишь когда ступила на заваленную трупами лошадей болотистую почву.

Граф Брасс позвал своего герольда. Воин подошел, высоко подняв фамильное знамя Брассов — красная латная рукавица на белом фоне.

С вершины холма граф Брасс, Хокмун и фон Виллах наблюдали за тем, как ползли по болоту солдаты Империи.

Сначала Хокмун увидел Мелиадуса, а чуть позже и Азровака Микосеваара. Московит одним из первых перебрался через болото и уже приближался к подножию холма.

Хокмун выехал ему навстречу.

И вот он увидел перед собой ястребиную маску с рубиновыми глазами.

— Ага! Хокмун! Тот самый пес, что нападает исподтишка! Сейчас мы увидим, каков ты в открытом бою, предатель!

— И это ты называешь меня предателем! — гневно ответил Хокмун. — Ты, вонючий пожиратель падали!

Микосеваар взревел от ярости и, взяв в обе руки боевой топор, пошел на Хокмуна. Герцог спрыгнул с коня и приготовился защищаться.

Первый удар пришелся в щит, и Хокмун вынужден был попятиться, чтобы не потерять равновесия.

Следующий удар отколол кусок от его щита. Но герцог в долгу не остался. Взмахнув мечом, он опустил его на закованное в доспехи плечо москвиты — раздался звон и брызнул сноп искр. Соперники стояли друг друга. Не обращая внимания на кипящую вокруг битву, они обменивались могучими ударами. Потом краешком глаза Хокмун заметил фон Виллаха, бьющегося с Мигелем Хольстом, эрцгерцогом Лондры, равным ему и по силе, и по возрасту. Граф же, ловко расправляясь с менее искусными противниками, искал в толпе Мелиадуса, но тот, видимо, наблюдал за ходом сражения со стороны.

Занимавшие более выгодную позицию воины Камарга успешно сдерживали атаки гранбретанцев.

Щит Хокмуна превратился в бесполезный кусок металла, и он, отбросив его в сторону, взял в обе руки меч и уже им отражал удары Микосеваара. Оба хрипели от напряжения, то толкая соперника в надежде сбить его с ног, то нанося колющие удары.

Хокмун вспотел и тяжело дышал. Неожиданно он поскользнулся и упал на колено. Микосеваар, не мешкая ни секунды, шагнул вперед и занес топор над его головой. Хокмун бросился ему под ноги, Микосеваар упал, и они, вцепившись друг в друга, покатались по склону.

Очутившись в болотной жиже, они остановились. Ни один не потерял оружия, и, поднявшись на ноги, оба были готовы продолжать поединок. Хокмун оперся о труп лошади, размахнулся и ударил. Не отклонись москвит вовремя, удар мог бы сломать ему шею, а так он лишь сбил шлем с головы, открывая горящие безумные глаза и пышную белую бороду, наемник попытался топором распороть Хокмуну живот, но герцог вовремя успел отразить смертоносную сталь. Выпустив из рук меч, Хокмун изо всей с илы толкнул Микосеваара в грудь, и тот упал навзничь, и пока он, барахтаясь в грязи, пытался встать, Хокмун высоко поднял меч и опустил ему на голову. Москвит взвыл от боли. И снова взлетел и опустил меч Хокмуна. Азровок Микосеваар издал короткий душераздирающий вопль и умолк, но Хокмун продолжал наносить удар за ударом до тех пор, пока не заметил, что перед ним уже лежит совершенно обезображенное тело. И лишь тогда он обернулся, чтобы посмотреть, как идет сражение.

Разобраться сразу было трудно. Повсюду валялись трупы людей и животных. Битва в воздухе была почти окончена — несколько орнитоптеров еще кружили в воздухе, но фламинго было намного больше.

Неужели Камарг одерживает победу?

Хокмун обернулся и увидел двух бегущих к нему наемников. Он наклонился и поднял окровавленную маску Микосеваара. Показав ее им, он рассмеялся:

— Смотрите! Ваш командир мертв! Я убил его!

Воины остановились в нерешительности, затем попятились и обратились в бегство. В Легионе Стервятников не было такой железной дисциплины, как в Орденах Темной Империи.

Хокмун устало перешагивал через трупы. Сражение здесь почти закончилось. Лишь на склоне холма фон Виллах, издав победный клич, добивал Мигеля Хольста и готовился встретить бегущих к нему солдат эрцгерцога. Кажется, фон Виллаху помощь не требовалась. Тогда Хокмун побежал на вершину холма, чтобы оттуда увидеть полную картину сражения.

Трижды обагрил он кровью меч, прежде чем смог добраться туда. Огромная армия, приведенная Мелиадусом, поредела по меньшей мере в шесть раз, но боевые порядки Камарга держались крепко.

Половина знамен Темной Империи пали и были втоптаны в грязь. Четкие боевые порядки имперской пехоты сломались, и Хокмун увидел нечто необычайное — формирования разных Орденов смешались, тем самым приводя в настоящее смятение воинов, привыкших сражаться бок о бок лишь со своими «братьями».

Хокмун видел графа, бьющегося сразу с несколькими всадниками, и вдалеке — штандарт Мелиадуса. Со всех сторон знамя обступили люди Ордена Волка. Барон неплохо позаботился о себе. Потом Хокмун увидел и других военачальников, среди них были Адаз Промп и Йорик Нанкенсен. Они направлялись к Мелиадусу, и было ясно, что они уже готовы отступить, но вынуждены ждать приказа барона.

Хокмун догадывался, о чем они говорят Мелиадусу, — о том, что цвет армии, лучшие ее воины погибли и что такие потери не стоят какой-то крошечной провинции.

Но трубы глашатаев молчали; очевидно, Мелиадус продолжал упорствовать.

Подъехал фон Виллах. Он снял шлем и широко улыбнулся Хокмуну.

— Думаю, что мы побеждаем, — сказал он. — А где граф?

— Там, — улыбнувшись, указал Хокмун. — Во всей своей красе. Надо бы узнать у него, что делать дальше. По-моему, гранбретанцы в растерянности, и они явно хотят покинуть поле боя. Неплохо бы немножко подтолкнуть их к этому.

Фон Виллах кивнул.

— Пусть граф решает. Я пошлю к нему кого-нибудь.

Он повернулся к ближайшему всаднику, что-то сказал ему, и тот быстро стал спускаться по склону.

Минут через десять граф подъехал к ним.

— Я зарубил пятерых военачальников, — сказал он с видимым удовлетворением, — но Мелиадусу удалось ускользнуть.

Хокмун повторил то, что говорил фон Виллаху.

Граф согласился, и вскоре пехота Камарга пошла в наступление, уверенно тесня гранбретанцев.

Хокмун нашел себе нового коня и поскакал впереди. Он мчался, нанося сокрушительные удары, снося головы с плеч и отрубая конечности. С ног до головы он был забрызган кровью. Пробитая во многих местах кольчуга едва держалась на нем. Грудь покрывали синяки и царапины, рука кровоточила, боль в ноге причиняла сильнейшие муки, но он не обращал на это внимания — жажда крови овладела им, и он убивал врагов одного за другим.

Сражающийся рядом фон Виллах сказал ему в минуту относительного затишья:

— По-моему, ты решил в одиночку расправиться с ними.

— Я не остановлюсь, даже если их кровь затопит эту долину, — ответил Хокмун. — Я буду истреблять их, пока все они не подохнут.

— Ты такой же кровожадный, как и они, — с иронией в голосе сказал фон Виллах.

— Нет. Я кровожаднее! — крикнул Хокмун, вырываясь вперед. — Для них-то это забава!

И он продолжал беспощадно убивать.

Но вот наконец военачальники, кажется, убедили Мелиадуса: герольды затрубили отбой и оставшиеся в живых гранбретанцы обратились в бегство.

Некоторые из них бросали оружие и, стоя на коленях, молили о пощаде, но Хокмуна это не останавливало.

— Мне не нужны живые гранбретанцы, — говорил он и убивал безоружных.

Но, в конце концов, Хокмун удовлетворил свою ненависть и, присоединившись к графу и фон Виллаху, наблюдал, как гранбретанцы, перестроив ряды, покидают поле боя.

Хокмуну показалось, что он услышал крик ярости, донесшийся оттуда, и, признав в нем голос Мелиадуса, он улыбнулся.

— Мы еще встретимся с бароном, — сказал он. Граф, соглашаясь, кивнул. — Сейчас он понял, что Камарг неприступен для его армий, и знает, что мы не поддадимся на его уловки. Но он найдет какой-нибудь другой способ. Скоро Темная Империя захватит все земли вокруг Камарга, и нам придется быть все время настороже.

Когда они ночью вернулись в замок, Богенталь снова решил поговорить с графом Гранбретании.

— Теперь ты понял, что Гранбретания безумна? В ее силах изменить ход истории. А это приведет не только к гибели человечества, но и к уничтожению всего разумного во Вселенной.

Граф Брасс улыбнулся.

— Ты преувеличиваешь, Богенталь. С чего ты взял?

— Это мое ремесло — понимать силы, творящие то, что мы называем судьбой. Я повторяю, граф: Темная Империя уничтожит мир, если ее не остановить.

Хокмун сидел, вытянув ноги, стараясь дать отдых натруженным мышцам.

— Я не понимаю тех философских принципов, что служат основой ваших убеждений, господин Богенталь, — сказал он, — но интуитивно я чувствую, что вы правы. Мы все еще воспринимаем Гранбританию как просто могущественную силу, стремящуюся править миром, — нечто подобное бывало и раньше, — но Темная Империя — это совсем другое. Не забывайте, граф, я провел какое-то время в Лондре и воочию видел куда более наглядные доказательства их ненормальности. Вы видели лишь их армии — они мало чем отличаются от прочих, разве что своей жестокостью и дисциплиной. Но что вы, например, скажете об их Короле-Императоре, этом живом трупе? Или об их манере общения друг с другом? Город буквально пропитан безумием...

— Ты думаешь, мы видели еще не самое худшее из того, на что они способны? — серьезно спросил граф Брасс.

— Думаю, что так, — ответил Хокмун. — Не только месть заставляла меня столь безжалостно убивать их, а нечто большее. Я словно чувствую в них угрозу самой Жизни.

Граф вздохнул.

— Возможно, ты и прав. Не знаю. Только Рунный Посох может знать это.

Хокмун тяжело поднялся.

— Я еще не видел Исольду, — сказал он.

— Думаю, она уже спит, — ответил ему Богенталь.

Хокмун был разочарован. Он так желал встречи с ней.

Он хотел рассказать ей о своих победах, и ее отсутствие неприятно удивило его.

Он пожал плечами.

— Ладно, думаю, пора и мне. Спокойной ночи, господа.

Они почти не говорили о своей победе — сказывались нечеловеческое напряжение и усталость. Свой триумф они, без сомнения, отпразднуют завтра.

Когда Хокмун вошел в свою комнату, там было темно. Он почувствовал чье-то присутствие и, прежде чем подойти к столу и зажечь стоящую там лампу, вытащил из ножен меч.

На кровати лежала Исольда.

— Я слышана о ваших подвигах, — сказала она, улыбаясь, — и решила сама поприветствовать вас. Вы великий герой, Дориан Хокмун.

Хокмун почувствовал, как дыхание его учащается и сердце начинает бешено биться.

— О, Исольда...

Он медленно подходил к раскинувшейся на кровати девушке.

— Я знаю, что ты любишь меня, Дориан, — тихо сказала она. — Или ты будешь отрицать это?

Он не стал делать этого.

— Ты... очень... смелая, — хрипло произнес он в ответ.

— Ну, а ты такой застенчивый, что я вынуждена быть нескромной.

— Я... Я не застенчивый, Исольда. Просто из этого не выйдет ничего хорошего. Я обречен — Черный Камень, он...

— Что это — «черный камень»?

И он все рассказал ей.

— Теперь ты понимаешь, — сказал он, заканчивая свою историю, — что не должна любить в меня... Будет только хуже.

— Но этот Малагиги... Почему бы тебе не найти его?

— Путешествие может продлиться месяцы. И я могу потратить оставшееся у меня время на бесплодные поиски.

— Если ты любишь меня, — сказала она, когда он присел на кровать и взял ее за руку, — ты должен попытаться.

— Да, — ответил он задумчиво. — Возможно, ты и права...

Она потянулась к нему, обхватила руками за шею и поцеловала в губы.

Хокмун больше не мог сдерживаться. Прижав к себе Исольду, он страстно поцеловал ее.

— Я поеду в Персию, — сказал он наконец, — хотя путь будет очень опасным. Стоит мне покинуть границы Камарга, и люди Мелиадуса попытаются выследить меня...

— Ты вернешься, — убежденно сказала Исольда. — Я верю. Моя любовь будет хранить тебя.

— Может быть, так оно и будет.

Он нежно коснулся ее лица.

— Завтра, — сказала она. — Уезжай завтра, не теряй времени. А сегодня...

Она снова поцеловала его, и он пылко ответил ей.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Далее история рассказывает о том, как Дориан Хокмун, покинув Камарг, отправился на восток. Огромная алая птица унесла герцога за тысячи миль, до самых гор, что на границе Греческих и Булгарских земель...

Из «Истории Рунного Посоха»

Глава 1

ОЛАДАН

Как и уверял граф Брасс, лететь на фламинго было удивительно легко. Птица управлялась, как лошадь, поводьями, закрепленными на ее изогнутом клюве. В полете она была настолько грациозна, что Хокмуну даже в голову не приходило, что он может свалиться с нее. Летела она только в светлое время суток, почти не отдыхая, и покрывала расстояние раз в десять быстрее лошади. Ночью и она, и Хокмун спали.

Хокмун удобно сидел, пристегнувшись ремнями, в высоком мягком седле. По обе стороны седла были приторочены сумки с провизией. Прямо перед ним вытягивалась шея фламинго. Птица медленно взмахивала огромными крыльями, и Хокмун старался ничем не сдерживать ее полет.

Время от времени у него сильно болела голова, словно напоминая о том, что нужно торопиться. Но по мере того как крылатый красавец уносил его все дальше и дальше на восток, а воздух становился теплее, настроение у Хокмуна поднималось, и ему казалось, что все кончится хорошо.

Прошла неделя с того дня, как Хокмун покинул Камарг. Они летели над скалистым горным хребтом. Вечерело, и герцог высматривал место для ночлега. Птица, устав за день, опускалась все ниже и ниже, и вот уже грозные каменные пики окружили их. Вдруг Хокмун увидел внизу, на горном склоне, фигуру человека, и почти сразу же закричал фламинго. Покачнувшись, он отчаянно замахал крыльями. Хокмун заметил длинную стрелу, застрявшую в боку птицы. Вторая стрела попала ей в шею, и птица с пронзительным криком начала стремительно падать. Хокмун приник к седлу; в ушах у него свистел ветер. Он увидел несущуюся навстречу скалу, почувствовал сильный удар и словно провалился в черный бездонный колодец.

Он очнулся и со страхом ощутил невыносимую боль, раздирающую голову.

Он ясно представил, как Черный Камень пожирает его мозг, словно крыса — мешок с зерном, и, обхватив голову, приготовился к самому худшему. Но, нащупав многочисленные царапины и шишки, Хокмун с облегчением понял, что дело совсем не в этом, — просто он сильно ударился головой о скалу. Вокруг было очень темно, и ему показалось, что он лежит в пещере. Всмотревшись в темноту, он увидел огонек костра. Он с трудом поднялся и направился туда.

У самого выхода из пещеры он обо что-то споткнулся и, посмотрев вниз, увидел свои вещи. Все было аккуратно сложено — седло, сумки, меч и кинжал. Он потянулся за мечом, стараясь не шуметь, вытащил его из ножен и осторожно вышел из пещеры.

Жар разложенного неподалеку огромного костра обжег лицо. На большой вертел над огнем была насажена общипанная туша фламинго. Возле костра сидел человек, ростом раза в два меньше Хокмуна, и время от времени поворачивал вертел, с помощью сложного приспособления из кожаных ремней.

Когда Хокмун приблизился, маленький человек, увидев меч в его руке, истошно заорал и отпрыгнул в сторону. Герцог был изумлен — все лицо и тело карлика покрывали густые рыжие волосы. Одет он был в кожаную куртку и такую же юбку, подпоясанную широким ремнем. На ногах он носил башмаки из замши, а на голове его нелепо сидела шапочка с воткнутыми в нее четыремья большими перьями фламинго.

Карлик попятился от Хокмуна.

— Простите меня, господин. Поверьте, мне очень жаль, что так получилось. Я, конечно, не стал бы стрелять в птицу, если бы знал, что она несет седока. Но все, что я тогда видел, — это ужин, который я не хотел упустить...

Хокмун опустил меч.

— Кто вы? Или — что вы? — спросил он. От жара костра и перенесенных волнений закружилась голова.

— Я — Оладан, из рода Горных Великанов, — начал маленький человек. — Хорошо известный в этих

краях...

— Великан? Великан! — Хокмун хрипло засмеялся и упал, потеряв сознание.

На этот раз он очнулся, почувствовав восхитительный запах жареной дичи. Какое-то время он лежал, наслаждаясь им, и только потом понял, откуда этот запах. Он лежал почти у самого края пещеры. Меч его исчез. Маленький покрытый шерстью человек нерешительно приблизился к нему, протягивая огромный кусок мяса.

— Съешьте это, господин, и вы почувствуете себя лучше, — сказал Оладан.

Хокмун взял мясо.

— Хорошо. Делать нечего. Вы лишили меня сейчас самого дорогого.

— Вы так любили эту птицу, господин?

— Нет, но... Мне грозит смертельная опасность, и этот фламинго был моей единственной надеждой.

Он вонзил зубы в жесткое мясо птицы.

— Кто-то преследует вас?

— Не кто-то, а что-то — нелепый и страшный рок... — ответил Хокмун.

И вдруг, сам не зная почему, он начал рассказывать о себе этому странному существу, которое, пусть и невольно, но еще больше приблизило роковой конец. Было в карлике что-то располагающее, когда он, чуть склонив голову, внимательно слушал рассказ герцога, — глаза его расширялись от ужаса, когда Хокмун, рассказывал что-нибудь страшное, и невольно герцог позабыл о своей замкнутости.

— И вот я здесь, — закончил он, — и ем ту самую птицу.

— Да... — вздохнул Оладан, вытирая жир с лица. — Это очень печальная история, милорд, и я с великой грустью думаю о том, что это мой ненасытный желудок привел к столь страшному несчастью. Но завтра я постараюсь исправить свою ошибку и найти вам средство передвижения.

— Какую-нибудь птицу?

— К сожалению, нет. Я имел в виду всего лишь козла. — И прежде, чем Хокмун смог что-то возразить, Оладан продолжил: — Я обладаю в этих местах кой-каким влиянием — на меня смотрят, как на нечто редкое и очень любопытное. Видите ли, я родился в результате странной связи между неким юным путешественником — своего рода волшебником — и Горной Великаншей. Но сейчас я, увы, сирота. В одну из голодных зим мама съела папу, а потом и она, в свою очередь, была съедена дядей Баркиосом — самым большим и свирепым из Горных Великанов. С тех пор я живу один. Компанию мне составляют лишь книги моего несчастного отца. Я урод, и меня не принимают ни те, ни другие. Я живу сам по себе. Если бы я не был таким маленьким, дядя Баркиос давно бы уже съел меня.

Печальное лицо Оладана выглядело таким забавным, что Хокмун больше не сердился на карлика. Кроме того, тепло костра и сытный ужин совсем разморили его.

— Достаточно, друг Оладан. Давай забудем все и ляжем спать. А утром мы поищем что-нибудь, на чем я мог бы добраться до Персии.

Проснувшись на заре, они увидели, что костер все еще горит, а вокруг него сидят закутанные в шкуры вооруженные люди и завтракают жареным фламинго. Слышно было, что там царит веселье.

— Разбойники! — закричал Оладан и в тревоге вскочил на ноги. — Зачем я оставил на ночь костер!

— Куда ты дел мой меч? — спросил его Хокмун, но было поздно — два разбойника, вытаскивая на ходу грубо сделанные короткие мечи, уже направлялись к ним. Хокмун не спеша поднялся.

— Я знаю тебя, Рекнер, — неожиданно сказал Оладан, указывая на самого высокого разбойника. — И ты наверняка знаешь, кто я такой. Я — Оладан, один из Горных Великанов. Поэтому теперь, когда ты позавтракал, будь любезен — уходи, или придет моя родня и убьет вас всех.

Рекнер на это лишь ухмыльнулся, ковыряя в зубах грязным ногтем.

— Я действительно слышал о тебе, крошка, но честно говоря, не знаю, чего мне бояться. Мне говорили, правда, что жители ближайших деревень стараются избегать тебя. Но крестьяне не слишком храбры, не так ли? Так что ты лучше помолчи, если не хочешь умереть в мучениях.

Оладан, казалось несколько сник, но продолжал пристально смотреть на главаря. Рекнер засмеялся.

— Ну, а теперь показывай, что ты там прячешь в своей пещере?

Оладан побледнел, словно охваченный смертельным страхом, и тихо забормотал что-то. Хокмун смотрел то на него, то на разбойников, не зная, что делать. Бормотание Оладана стало громче. Улыбка застыла на лице Рекнера, и глаза его стекленели под пристальным взглядом карлика. Неожиданно Оладан резко выкинул вперед руку, указывая на разбойника, и холодным голосом произнес:

— Спать, Рекнер!

Рекнер свалился на землю. Разбойники, изрыгая проклятия, бросились было к ним, но остановились перед поднятой рукой Оладана.

— Бойтесь меня, ибо я — Оладан, сын волшебника.

Разбойники стояли в нерешительности, глядя на распростертое тело своего главаря. Хокмун какое-то время в изумлении смотрел на маленького человека, одним движением руки сдерживающего кровожадных разбойников, потом нырнул в пещеру и принялся искать меч. Меч нашелся почти сразу, и Хокмун, прицепив его вместе с кинжалом к поясу, быстро вернулся к Оладану. Карлик уголком рта прошептал ему:

— Вытащи вещи из пещеры. Лошади разбойников у подножия горы. Рекнер может проснуться в любую секунду, и тогда я не смогу удержать их.

Хокмун вынес из пещеры сумки, и они с Оладаном, пятась, начали спускаться по склону, цепляясь за кусты и камни. Рекнер пошевелился и застонал. Ему помогли подняться.

— Ну теперь держись, — сказал Оладан, повернулся и побежал.

Хокмун помчался за ним и с изумлением увидел у подножия горы, не лошадей, как говорил Оладан, а полдюжины козлов размером с пони. На каждом из них было седло из овечьей шкуры. Оладан ловко вскочил на ближайшего козла и протянул уздечку другого Хокмуну. Герцог криво усмехнулся и вскочил в седло. Рекнер и его люди стремительно спускались по склону. Хокмун несколько раз ударил плоской стороной меча по спинам оставшихся животных, и те бросились врассыпную.

— Не отставай! — закричал Оладан и направил своего козла к узкой горной тропинке.

Но разбойники нагнали Хокмуна, и ему пришлось пустить в ход свой сверкающий меч. Одного он заколол ударом в сердце, другого — в бок, ударил Рекнера по макушке и помчался за Оладаном. В спину ему неслись громкие проклятия.

Козел двигался прыжками, и совсем скоро у Хокмуна с непривычки начало ломить все тело. Они выбрались на тропинку и дальше ехали по ней. Крики преследователей становились все тише и тише. Оладан, широко улыбаясь, повернулся к Хокмуну.

— Лучше ехать, чем идти, а, лорд Хокмун? Я не думал, что это нам так легко удастся. Это хороший знак! Следуй за мной. Я покажу тебе дорогу.

Хокмун улыбался; сам не зная чему. Ему нравился Оладан. Любопытство вместе с растущим уважением и благодарностью заставили Хокмуна забыть, что этот родственник Горных Великанов стал причиной его новых несчастий.

Оладан настоял на том, чтобы проводить его через горы, и несколько дней спустя они выехали к краю широкой желтой равнины. Оладан, указывая куда-то вдаль, сказал:

— Тебе нужно вон туда.

— Спасибо тебе, — сказал Хокмун, глядя вперед. — Мне очень жаль расставаться с тобой.

— Ага! — улыбнулся Оладан, приглаживая рыжий мех на лице. Потом он ненадолго задумался и

сказал: — А я, пожалуй, составлю тебе компанию, чтоб ты не очень скучал.

И с этими словами направил козла вперед.

Хокмун засмеялся, пожал плечами и поехал следом.

Глава 2

КАРАВАН АГОНОСВОСА

Едва они выбрались на равнину, как начался дождь, и козлы по ровной вязкой земле двигались очень медленно. Они ехали уже целый месяц, закутавшись в плащи и дрожа от сырости и холода. У Хокмуна к тому же часто болела голова. Когда начиналась боль, он ничего не говорил Оладану, а просто закрывал голову руками и старался ничего не видеть. Он знал, что там, в замке Брасс, сила Камня начинает прорываться сквозь возведенные графом преграды, и в душе он уже отчаялся когда-либо опять увидеть Исольту.

Дождь лил не переставая, неистовый ветер бушевал. Впереди, сквозь плотную стену дождя, Хокмун видел лишь бескрайнюю равнину. Изредка встречались кусты можжевельника и черные карликовые деревья. Небо было затянуто тучами, и Хокмун совсем не представлял, куда им следует двигаться. Единственным указателем направления могли служить редкие кусты, ветви которых здесь тянулись всегда на юг. Он никак не ожидал, что так далеко на востоке бывают места с таким ужасным климатом, и решил, что все это результат одной из многочисленных катастроф страшного тысячелетия.

Хокмун откинул со лба мокрые волосы и, почувствовав твердую поверхность Черного Камня, содрогнулся. Он посмотрел на грустное лицо Оладана и отвернулся. На горизонте виднелись темные очертания леса, где они надеялись найти защиту от дождя. Копыта козлов скользили по мокрой траве. У Хокмуна звенело в ушах, и он вновь почувствовал сильную головную боль и тошноту. Он глубоко вздохнул, прижимая руку ко лбу. Оладан смотрел на него с глубоким сочувствием.

Наконец они достигли кромки леса. Сейчас они ехали еще медленнее, поскольку приходилось постоянно объезжать большие темные лужи. Стволы и ветви лесных деревьев, казалось, тянулись вниз, а не вверх. Кора их была черной или темно-коричневой, и листьев почти не было, но несмотря на это, лес выглядел густым и труднопроходимым. На краю его в мелкой канаве блестела вода.

Они въехали в чащу. Копыта козлов шлепали по грязной воде. Земля намокла, и у деревьев образовались лужи. Искать укрытие от непрекращающегося ливня здесь было бесполезно.

Выбрав относительно сухой клочок земли, они остановились на ночлег. Хокмун сначала порывался помочь Оладану развести костер, но потом вынужден был привалиться к дереву и, обхватив голову руками, ждать, пока маленький человек не закончит работу.

Утром они продолжили путь по лесу. Хокмун еле держался в седле, и Оладан вел его козла. Неожиданно они услышали голоса и, недолго думая, повернули в том направлении.

Это был своего рода караван. Около пятнадцати мокрых разноцветных фургонов медленно тащились по грязи и лужам. Быки и мулы, выбиваясь из сил, тянули фургоны. Ноги животных скользили в грязи и мышцы перекачивались под кожей, когда погонщики хлестали их бичами и острыми палками. Фургоны со всех сторон обступали люди: одни толкали их, другие прокручивали колеса. И все же караван еле двигался.

Но не столько это зрелище поразило друзей, сколько сами люди.

Без преувеличения можно было сказать, что это люди очень и очень странные. Карлики и лилипуты, гиганты и толстяки, покрытые мехом и совершенно без волос, один мужчина с тремя руками, другой — с одной, двое с копытами на ногах, бородатые дети, гермафродиты, одни — с пятнистой змеиной кожей, другие — с хвостами, уродливыми конечностями и искривленными телами; с лицами без глаз, носов, ртов, горбуны, люди без шеи, с короткими руками и ногами, один даже с пурпурными волосами и рогом во лбу. Все они были разные, и только выражение глаз было общим. В глазах этих людей читалось тупое отчаяние, когда они, выбиваясь из сил, пытались хоть немного протолкнуть караван по вязкой грязи.

Хокмуну казалось, что он видит обреченных, направляющихся в ад.

Лесные запахи смешивались сейчас с запахами каравана. Здесь был и запах людей, и запах животных, запахи духов и острых специй и, кроме всего, было еще что-то, что заставило Оладана содрогнуться. Хокмун приподнял голову и принюхался, словно насторожившийся зверь. Он, нахмурившись, взглянул на

Оладана. Станные люди продолжали молча толкать фургоны и не замечали их. Слышно было лишь поскрипывание колес, фыркание животных да плеск воды.

Оладан дернул поводья, намереваясь проскочить перед караваном, но Хокмун не двинулся. Он продолжал задумчиво рассматривать таинственную процессию.

— Поехали, — сказал Оладан. — Я чувствую опасность.

— Мы должны узнать, где мы находимся и как долго нам еще тащиться по этой равнине, — хрипло прошептал Хокмун. — Кроме того, у нас почти кончилась провизия...

— Может, мы наткнемся на какую-нибудь дичь в лесу.

Хокмун покачал головой.

— Нет. И потом мне кажется, я знаю, чей это караван.

— Чей же?

— Человека, о котором я много слышал, но никогда не видел. Мой соотечественник и даже — родственник, который покинул Кельн девять веков назад.

— Девять веков? Это невозможно!

— Возможно. Агоносвос бессмертен, или почти бессмертен. Если это он, он поможет нам. Я как-никак все еще являюсь законным правителем Кельна.

— Ты думаешь, по прошествии девяти веков он сохранил верность Кельну?

— Посмотрим.

Они направились к голове каравана, туда, где, покачиваясь, катился высокий фургон с тентом из золотистого шелка. На передке фургона, укрывшись от дождя, в богатой медвежьей шубе сидел человек. Простой черный шлем закрывал его голову, оставляя открытыми лишь глаза. Завидев Хокмуна, человек зашевелился и издал слабый глухой звук.

— Господин Агоносвос, — произнес Хокмун. — Я — герцог Кельнский, последний потомок династии, начавшей править тысячу лет назад.

— А, Хокмун. Безземельный, да? Я слышал, Гранбретания захватила Кельн, — сказал человек.

— Да...

— Итак, мы оба изгнанники. Я — по воле твоих предков, ты — по воле завоевателей.

— Ну, как бы то ни было, я все еще герцог Кельнский и поэтому твой господин. — Хокмун не отрываясь смотрел на Агоносвоса.

— Господин — так, кажется, ты сказал? Власть в лице герцога Дитриха отвергла меня, выслав на дикие земли. Я больше не признаю власти Кельна.

— Но вы же знаете, что ни один кельнец не смеет отказать своему герцогу.

— Не смеет, говоришь? — Агоносвос тихо засмеялся. — Не смеет?

Хокмун собрался было повернуть прочь, но Агоносвос, подняв худую, с длинными тонкими пальцами руку, остановил его.

— Остановись. Я обидел тебя и хочу загладить свою вину. Чем я могу помочь тебе?

— Ты признаешь меня своим господином?

— Я признаю только, что был невежлив. Ты, кажется, устал. Я, пожалуй, остановлю свой караван. Кто твой слуга?

— Это не слуга. Оладан — мой друг.

— Друг? Он же не человек. Ну ладно, пусть присоединяется к нам.

Агоносвос повернулся и слабым голосом дал своим людям команду остановиться. Они сразу же

перестали работать и теперь неподвижно стояли, опустив руки. В глазах их было все то же тупое отчаяние.

— Как тебе моя коллекция? — спросил Агоносвос Хокмуна, когда герцог и Оладан спешили и залезли в темный фургон. — Они когда-то забавляли меня, но сейчас наскучили и поэтому должны работать, чтобы оправдывать свое существование. У меня есть, по крайней мере, по одному экземпляру каждого типа. — Он взглянул на Оладана. — Включая твой. Некоторых я сам вывел путем скрещивания.

Оладан беспокойно заерзал на месте. В фургоне казалось неестественно тепло, но не было видно ни печки, ни плиты. Агоносвос налил им вина из голубой тыквенной бутылки. Вино было такого же цвета. Древний изгнанник оставался в шлеме, и его черные насмешливые глаза с интересом рассматривали Хокмуна.

Хокмун всячески старался не показывать вида, что жестоко страдает от боли, но Агоносвос сразу все понял.

— Выпей. И ты почувствуешь себя лучше, — сказал он, протягивая Хокмуну кубок с вином.

Вино, действительно, благотворно подействовало на герцога, и боль вскоре совсем прошла. Агоносвос спросил, что привело его в эти края, и Хокмун рассказал ему большую часть своей истории.

— Так, — сказал Агоносвос, — и ты хочешь моей помощи, да? Хорошо, я подумаю. Отдыхайте, а завтра мы поговорим об этом.

Хокмун и Оладан уснули не сразу. Они еще долго сидели, укутавшись в меха, что дал им Агоносвос, и обсуждали этого странного колдуна.

— Он немного напоминает тех лордов Темной Империи, о которых ты рассказывал мне, — сказал Оладан. — Мне кажется, он хочет нам зла. Возможно, он желает отомстить тебе за зло, что причинили ему твои предки, а может быть — хочет получить новый экземпляр для своей коллекции. — Оладан даже задрожал.

— Да... — задумчиво сказал Хокмун. — Но было бы неразумно сердить его без причины. Он может быть нам полезен. А сейчас давай спать.

— Ладно. Только ты постарайся спать не слишком крепко, — предупредил его Оладан.

Но Хокмун спал крепко и, проснувшись, обнаружил, что лежит связанный по рукам и ногам толстыми кожаными ремнями. Он попытался вырваться, но тщетно. Из-под шлема, закрывающего лицо его бессмертного родственника, донесся тихий смех.

— Ты узнал меня, последний из рода Хокмунов, но ты ничего не знаешь обо мне. Ты не знаешь о тех годах, что я провел в Лондре, обучая лордов Гранбритании премудростям волшебства. Мы давно уже заключили союз: Темная Империя и я. Когда я последний раз видел барона Мелиадуса, он много рассказывал о тебе. Теперь я получу от него все, что пожелаю.

— Где мой друг?

— Этот мохнатый? Умчался в лес, лишь только слышал наши шаги. Они все такие — эти полулюди-полузвери — трусливые и малодушные.

— Значит, ты намерен доставить меня к барону?

— Ты же слышал. Именно это я и собираюсь сделать.

Я оставлю ненадолго этот неповоротливый караван, пусть ползет пока без меня. А мы отправимся вперед на более быстрых скакунах. Я храню их ради таких случаев. Я уже послал человека с вестью к барону. Так что... Эй, вы! Несите его.

По команде Агоносвоса два лилипута схватили Хокмуна и вытащили из фургона.

Дождь все еще моросил. Хокмун увидел двух величественных лошадей голубого цвета, с умными глазами и стройными и мощными ногами. Подобной красоты ему еще видеть не приходилось.

— Я сам вывел эту породу, — сказал Агоносвос, — но сделал это, как видишь, не ради забавы. Скоро мы будем в Лондре.

Он снова засмеялся. Хокмуна закинули в седло и крепко привязали к стременам.

Агоносвос залез на вторую лошадь и, взяв поводья лошади Хокмуна, помчался вперед. Хокмун был не на шутку встревожен. Лошадь бежала легко и почти так же быстро, как летел фламинго. Но если птица несла его к спасению, то лошадь — наоборот, к роковому концу. С ужасом Хокмун решил, что участь его решена.

Долгое время они мчались по лесу. Грязь залепила лицо Хокмуна, и он почти ничего не видел.

Затем, много позже, он услышал гневный крик Агоносвоса:

— Прочь с дороги! Прочь!

Хокмун пытался разглядеть что-нибудь впереди, но видел лишь лошадь Агоносвоса и край его плаща. Он смутно слышал другой голос, но разобрать, что он говорит, не мог.

— Ааа! Да выест Колдрин твои глаза!

Хокмуну показалось, что Агоносвос покачнулся в седле. Лошади замедлили бег, потом остановились. Он увидел, как старец наклонился вперед и свалился на землю. Ползая в грязи, Агоносвос пытался подняться. В боку его застряла стрела. Хокмун, совершенно беспомощный, не мог понять, какая новая опасность подстерегла его. И неизвестно, что лучше: быть убитым сейчас или дожидаться суда Короля Хаона.

Появился Оладан и, перепрыгнув через барахтающегося в грязи Агоносвоса, подбежал к Хокмуну. Он перерезал ремни, и Хокмун свалился с лошади. Оладан широко улыбался.

— Твой меч — в сумке у старца.

Хокмун, поднимаясь и распирая онемевшие руки и ноги, облегченно вздохнул.

— Я думал, ты убежал обратно в горы.

Маленький человек начал было что-то говорить, но Хокмун прервал его криком:

— Агоносвос!

Старец, зажимая рану рукой, приближался к карлику. Хокмун, позабыв о боли, бросился к лошади колдуна. Ему пришлось перерыть почти весь багаж Агоносвоса, прежде чем он нашел меч. Оладан с колдуном уже боролись, катаясь в грязи.

Хокмун подбежал к ним, но ударить мечом не рискнул, боясь задеть друга. Он наклонился и, вцепившись в плечо Агоносвоса, стал оттащить рассвирепевшего старца. Сначала он слышал рычание из-под шлема и лишь потом заметил в руке Агоносвоса меч. Меч со свистом рассек воздух. Хокмун, едва держась на ногах, с трудом отразил удар. Колдун ударил еще раз.

Хокмун не растерялся. В ответ он попытался попасть в голову Агоносвоса, но промахнулся и едва успел парировать новый выпад. Потом он увидел незащищенное место на теле противника и вонзил меч в живот колдуна. Агоносвос вскрикнул, попятился на негнущихся ногах и, схватившись руками за меч Хокмуна, попытался вывернуть его из рук герцога. Затем он широко развел руки, начал что-то говорить и упал навзничь в грязное месиво.

Тяжело дыша, Хокмун прислонился к стволу дерева. Кровь начала приливать к онемевшим конечностям, и боль в них усилилась.

Оладан поднялся из грязи. Его трудно было узнать. Колчан со стрелами валялся на земле, и карлик, подняв его, осматривал оперение стрел.

— Некоторые поломаны, но я заменю их, — сказал он.

— Откуда они у тебя?

— Ночью я решил побродить по лагерю Агоносвоса. В одном из фургонов я нашел лук и стрелы и подумал, что они могут пригодиться. Потом я вернулся к нашему фургону и заметил, что туда вошел Агоносвос. Я догадался о его намерениях и спрятался.

— Но как тебе удалось не отстать от лошадей? — спросил Хокмун.

— Я нашел себе даже более быстрого союзника, — улыбнулся Оладан и указал на появившееся из-за деревьев удивительное 'существо. У существа были невероятно длинные ноги, хотя остальные части тела казались совершенно нормальными. — Это Влеспин. Он ненавидит Агоносвоса и охотно согласился помочь мне.

Влеспин посмотрел на них с высоты своего роста.

— Ты убил его, — сказал он. — Хорошо.

Оладан осмотрел багаж Агоносвоса и вытащил оттуда свиток пергамента.

— Карта, И провизии вполне достаточно, чтобы мы могли добраться до побережья. — Он развернул карту. — Это недалеко. Смотрите.

Они склонились над картой. Хокмун увидел, что до Мермианского моря им осталось чуть больше сотни миль. Влеспин отошел к лежащему неподалеку телу Агоносвоса. Секундой позже они услышали его крики, обернувшись, увидели колдуна, живого и невредимого. Он угрожающе размахивал мечом Хокмуна и шел прямо на длинноногого человека. Меч вошел в грудь Влеспина, ноги его подкосились, и он, дергая ими словно кукла, рухнул на землю. Вскоре он затих. Хокмун был потрясен. Из-под шлема донесся сдавленный смех.

— Глупцы! Я прожил уже девятьсот лет. И за это время я кое-чему научился.

Не раздумывая, Хокмун прыгнул на него. Он понимал, что это, пожалуй, его единственный шанс спастись. Агоносвос, хотя и перенес удар, который должен был стать смертельным, заметно ослабел. Они боролись, сцепившись, на краю большой лужи. Оладан бегал вокруг них и, улучив подходящий момент, запрыгнул на спину колдуну и сорвал с его головы шлем. Агоносвос взвыл, и Хокмун, увидев перед собой белую голову старца, почувствовал, как тошнота подступает к горлу. Это было лицо трупа, давно обглоданного могильными червями. Агоносвос закрыл лицо руками и попытался.

Хокмун подобрал меч и вскочил на голубую лошадь. Из леса до него донесся голос:

— Я не забуду этого, Дориан Хокмун. Когда ты попадешь в руки барона Мелиадуса, я приду посмотреть на твои мучения.

Хокмун содрогнулся и направил коня в сторону Мермианского моря.

Через два дня небо просветлело и засияло яркое солнце. Впереди, у самого моря, лежал город, где они смогут сесть на корабль и добраться до Турции.

Глава 3

РЫЦАРЬ В ЧЕРНОМ И ЗОЛОТОМ

Тяжело груженное торговое судно двигалось по спокойным водам океана, летели пенные брызги, и треугольный парус натягивался, словно птичье крыло, под напором сильного ветра. Капитан судна в вышитой золотыми нитями шапочке, ярком жакете и длинных шароварах, схваченных на лодыжках золотыми пряжками, стоял вместе с Хокмун и Оладаном на корме.

— Отличные лошади, господа, — сказал капитан, указывая на двух огромных голубых лошадей, помещенных в загон на нижней палубе. — Я таких еще не видел. — Он пригладил свою остроконечную бородку. — Вы не продаете их? Я дам вам хорошие деньги.

Хокмун покачал головой.

— Эти лошади мне дороже любых сокровищ.

— Охотно вам верю, — ответил капитан, совершенно неправильно истолковывая слова герцога.

Дозорный на мачте что-то закричал и замахал рукой, указывая на запад.

Хокмун взглянул туда и увидел три маленьких паруса на горизонте. Капитан поднял подзорную трубу.

— Клянусь Ракаром — это корабли Темной Империи.

Он передал трубу герцогу, и сейчас Хокмун отчетливо видел черные паруса кораблей. Каждый парус был украшен изображением акулы — символом военного флота Империи.

— Эта опасно для нас? — спросил он.

— Это опасно для всех, — мрачно ответил капитан. — Нам остается только молиться, чтобы они нас не увидели. В море становится тесно от их кораблей. Еще год назад...

Он остановился, чтобы отдать приказ своим матросам. Подняли стаксели, и корабль рванулся вперед...

— Да, еще год назад их почти не было и торговля шла замечательно. Сейчас они властвуют на море. Вы найдете их армии в Турции, Сирии, Персии — повсюду. Они провоцируют мятежи и вооруженные восстания против законных правителей. Еще год-другой, и они подомнут под себя весь Восток, как это уже сделали с Западом.

Вскоре корабли Гранбритании исчезли за горизонтом, и капитан облегченно вздохнул.

— Я все равно не успокоюсь, — сказал он, — пока не увижу порт.

Туркский порт они увидели только к вечеру и, бросив якорь недалеко от берега, дожидались утра, и утром с приливом вошли в городскую бухту.

Немного погодя там же оказались и три гранбританских боевых корабля. Путешественники не стали задерживаться в городе, запаслись провизией и поскорей отправились на восток, в Персию.

Неделю спустя, миновав город Анкару и переправившись через реку Кызыл-Ирмак, они уже мчались по выжженной солнцем стране. Несколько раз они видели вдалеке отряды Гранбритании, но им удавалось избегать встреч с ними. В основном, местные солдаты-наемники, но встречались и регулярные части имперских войск. Хокмун был очень обеспокоен этим — он никак не ожидал, что Темная Империя проникла уже так далеко. Однажды они издали наблюдали за битвой и видели, с какой легкостью расправлялись войска Гранбритании с противником. Хокмун в отчаянии все сильнее и сильнее погонял коня.

Месяцем позже, когда лошади вынесли их на берег огромного озера, Оладан и Хокмун неожиданно столкнулись с появившимся из-за холма отрядом. Гранбританцев было человек двадцать. Их звериные маски сверкали на солнце, и это придавало воинам еще более свирепый вид. Солдаты принадлежали к Ордену Волка.

— Ха! Так это те самые, которых ищет наш господин! — закричал один из них. — За того, что повыше, немало заплатят, если доставить его живым.

— Боюсь, лорд Дориан, что мы пропали, — тихо заметил Оладан.

— Им придется нас убить, — мрачно сказал Хокмун и обнажил меч. Не будь лошади так измучены долгой дорогой, а так...

Воины в волчьих масках окружили их. Они хотели взять Хокмуна живым, и поэтому он имел перед ними некоторое преимущество — он мог убивать. Одному он проломил голову рукоятью меча, второму отрубил руку, третьему проткнул живот, четвертого выбил из седла. Они бились на мелководье, и вода плескалась под копытами лошадей. Хокмун видел, что Оладан сражается совсем неплохо, но вот — мохнатый человечек вскрикнул и упал с лошади. Хокмун не видел, что произошло, но с громкими проклятиями принялся наносить удары с удвоенной яростью.

Всадники так плотно обступили его, и Хокмун понял, что скоро его схватят. В ушах стоял звон металла, от запаха крови тошнило.

Но тут он почувствовал смятение в рядах гранбретанцев и увидел, что у него появился еще один союзник. Он и раньше встречал этого человека — но только во снах. Это был тот самый воин, которого он видел во Франции, а позднее — в Камарге. Он был закован в доспехи из золота и черного янтаря, и большой шлем закрывал его лицо. На могучем белом коне, размахивая огромным мечом, он прокладывал себе дорогу к Хокмуну. Солдаты падали один за другим под его страшными ударами, и вскоре от всего отряда гранбретанцев осталась лишь жалкая кучка всадников, которые, наконец, не выдержали и обратились в бегство, бросив убитых и раненых.

Хокмун заметил, что один из упавших воинов поднялся на ноги. Потом он увидел, что рядом поднимается еще кто-то, и понял, что это Оладан. Карлик отчаянно защищался от гранбретанца. Хокмун бросился к другу и, высоко взмахнув мечом, ударил солдата в спину. Меч, распоров кольчугу и кожаную рубаху, глубоко вошел в тело. Застонав, гранбретанец упал, и хлынувшая из раны кровь окрасила воду.

Хокмун повернулся к неожиданному спасителю.

— Благодарю вас, милорд, — сказал он. — Вы прошли за мной длинный путь.

— Длиннее, чем тебе кажется, Дориан Хокмун, — донесся из-под шлема спокойный приглушенный голос. — Вы направляетесь в Хамадан?

— Да. Мы ищем волшебника Малагиги.

— Отлично. Я поеду с вами. Это недалеко отсюда.

— Кто вы? — спросил Хокмун. — Кого мы должны благодарить?

— Я — Рыцарь в Черном и Золотом. Не благодари меня за то, что я спас тебе жизнь. Ты не знаешь, зачем я это сделал. Поехали.

И они двинулся вперед.

Немного погодя, когда они остановились, чтобы передохнуть, Хокмун спросил Рыцаря:

— Вы знаете Малагиги? Он сможет помочь мне?

— Я знаю его, — ответил Рыцарь в Черном и Золотом. — Возможно, это в его силах. Но ты должен знать — в Хамадане идет гражданская война. Брат королевы Фробры, Нахак, замыслил против нее заговор, и ему помогают люди в звериных масках.

Глава 4

МАЛАГИГИ

Неделю спустя они смотрели вниз с высокого холма на белый, сверкающий на ярком солнце город Хамадан — на шпили, купола и минареты, разукрашенные золотом, серебром и перламутром.

— Здесь я покину вас, — сказал загадочный Рыцарь, поворачивая коня. — Счастливого пути, Дориан Хокмун. Мы еще встретимся.

Хокмун проводил его взглядом, и они с Оладаном направились к городу.

Но едва они добрались до городских ворот, как услышали громкий шум, доносящийся из-за стены. Крики людей, визг животных и лязг оружия безошибочно выдавали шум сражения. Ворота внезапно распахнулись и из города вырвалась толпа солдат, многие были ранены. Хокмун и Оладан попытались отъехать в сторону, но не успели и вскоре были окружены бегущими воинами. Мимо них промчалась группа всадников, и Хокмун услышал крик:

— Все пропало! Нахак победил!

За всадниками из ворот выехала огромная боевая колесница, запряженная четверкой вороных лошадей. В колеснице стояла женщина с черными как смоль волосами и громкими криками призывала солдат остановиться. Она была молода и прекрасна, с большими раскосыми глазами, сверкающими от гнева и отчаяния. В руке она держала ятаган и энергично размахивала им.

Заметив оторопевших друзей, она, натянув поводья, остановила колесницу.

— Кто вы? Наемники Темной Империи?

— Нет, я враг Империи, — ответил Хокмун. — Что здесь происходит?

— Мятаж. Мой брат Нахак и его люди через тайный подземный ход прорвались в город и застали нас врасплох. Если вы враг Империи, то вам лучше побыстрее убраться отсюда! Они привели с собой боевых зверей, которые... — Она не договорила, дернула поводья и, закричав что-то своим солдатам, помчалась вперед.

— Нам лучше вернуться к холмам, — пробормотал Оладан, но Хокмун покачал головой.

— Я должен найти Малагиги. Он где-то в городе. У меня осталось совсем мало времени.

Они с трудом пробрались через толпу и въехали в город. На улицах кое-где еще продолжалось сражение, но волчьих масок воинов Империи было гораздо больше, чем остроконечных шлемов защитников Хамадана. Друзья свернули на боковую улицу, где было потише, и по ней добрались до городской площади. На другой стороне площади они увидели черных крылатых зверей, похожих на гигантских летучих мышей. Они бросались на бегущих солдат и, раздирая добычу длинными кривыми когтями, тут же пожирали ее.

Неожиданно один из зверей увидел их, и Хокмун, заметив это, быстро потащил Оладана в узкую боковую улочку, но было поздно. Зверь уже мчался за ними: он полубежал-полулетел, хлопая могучими крыльями. Из его пасти вырывался мерзкий свистящий звук, от тела исходило ужасное зловоние. Они успели повернуть за угол, но гигантская мышь проползла между домами и продолжала преследовать их. В это время на другом конце улицы появилось с полдюжины воинов в масках Волка. Хокмун вытащил меч и бросился вперед. Выбирать не приходилось.

Первого же всадника он могучим ударом вышиб из седла. Потом чей-то меч, тяжело опустившись на его плечо, пробил кольчугу и вошел в тело, но Хокмун, не обращая внимания на боль, продолжал сражаться. Раздался рев зверя, и солдаты в панике повернули лошадей.

Хокмун и Оладан прорвались сквозь них и оказались на большой, совершенно безлюдной площади. Повсюду на булыжной мостовой валялись трупы. Вдруг Хокмун увидел, как из дверей ближайшего дома выскочил человек в желтом халате и, склонившись над трупом, ловким движением срезал с ремня

кошелек и украшенный драгоценными камнями кинжал. Заметив двух друзей, человек попытался скрыться в доме, но Оладан преградил ему путь, Хокмун приставил меч к горлу.

— Где дом Малагиги?

Мужчина вытянул дрожащую руку и прохрипел:

— Там, господа. Дом с куполом и знаками зодиака на серебряной крыше. Вдоль по улице. Только не убивайте меня. Я... — Он облегченно вздохнул, когда Хокмун убрал меч и повернул свою лошадь в указанном направлении.

Вскоре они действительно увидели дом с куполом и знаками зодиака. Подъехав к воротам, Хокмун с силой постучал в них рукоятью меча. Голова раскалывалась от боли, и он чувствовал, что еще немного — и заклинания графа будут бессильны против энергии Черного Камня. Он также отлично понимал, что следовало бы поучтивее вторгаться в дом волшебника, но у него было слишком мало времени: по городу бродили солдаты Империи, и гигантские летучие мыши кружили в поисках добычи.

Наконец ворота распахнулись, и появились четыре огромных негра, вооруженных пиками. Хокмун попытался было въехать во двор, но негры преградили ему путь.

— Какое у тебя дело к нашему господину? — спросил один из них.

— Я пришел просить его о помощи. Дело огромной важности.

На ступенях, ведущих в дом, появился человек, одетый в простую белую тогу. Длинные седые волосы обрамляли лицо старика, но удивительно — он был чисто выбрит, и кожа казалась гладкой, как у юноши.

— Почему ты думаешь, что Малагиги поможет тебе? — спросил он Хокмуна. — Я вижу, ты с Запада. Вы принесли в Хамадан вражду и кровь. Убирайся! Я не приму тебя!

— Вы — господин Малагиги? — спросил Хокмун. — Я сам — жертва этих страшных людей. Помогите мне, и я смогу сразиться с ними. Я умоляю вас...

— Убирайся! Это ваши дела. Я не желаю участвовать в них.

Слуги оттеснили Хокмуна, и ворота закрылись.

Хокмун снова забарабанил было в ворота, но Оладан схватил его за руку и указал на что-то впереди. По улице к ним направлялась группа из шести всадников в волчьих масках. Возглавлял ее сам барон Мелиадус.

— Ха! Ну вот мы и встретились, Хокмун! — закричал торжествующе Мелиадус и, обнажив меч, ринулся к герцогу.

Хокмун повернул лошадь. Он по-прежнему яростно ненавидел барона, но сразиться с ним он сейчас не мог. Вместе с Оладаном они помчались по улице, быстро отрываясь от преследователей.

Агоносвос или его человек, должно быть, успели рассказать Мелиадусу о Хокмуне, и барон, видимо, лично решил встретить его.

Они еще долго кружили по узким улицам города, пока, наконец, не оказались совсем одни.

— Мы должны уйти из города, — сказал Оладану Хокмун. — Иначе нам не уцелеть. Может быть, потом нам и удастся вернуться и убедить Малагиги...

Он замолчал, увидев, что одна из гигантских летучих мышей стремительно бросилась вниз, опустилась на мостовую и, вытянув длинные когти, быстро приближается к ним.

Доведенный до отчаяния отказом Малагиги, Хокмун пришпорил коня и, опередив зверя, первым нанес удар. Мышь издала неприятный свистящий звук и, взмахнув лапой, зацепила когтями раненую руку Хокмуна. Но герцог наносил снова и снова удары, пока, наконец, не перерубил сухожилия на лапе зверя, и из открытой раны не хлынула черная кровь. Чудовище дернуло головой, лошадь попятилась, и Хокмун, вложив в удар всю свою силу, вонзил меч в огромный круглый глаз зверя. Мышь истощно завизжала. Из глаза хлынула желтая слизь.

Хокмун ударил еще раз и чудовище, покачнувшись, рухнуло. Хокмун едва успел отъехать — еще немного, и зверь раздавил бы его. Немедля герцог направился к городским воротам. Ехавший следом Оладан прокричал:

— Ты убил его, Дориан! Ты убил его!

И маленький человек радостно засмеялся.

Вскоре они добрались до холмов. Там собрались остатки разбитого Нахаком войска. На краю небольшой долины они заметили бронзовую колесницу королевы Фробры и усталых солдат, лежащих на земле. Около колесницы Хокмун увидел Рыцаря в Черном и Золотом. Похоже, он ждал герцога.

Подъехав к Рыцарю, Хокмун спешил, к колеснице подошла королева. Глаза ее сверкали гневом.

Из-под шлема донесся голос Рыцаря:

— Я вижу, Малагиги не помог тебе?

Хокмун покачал головой, без особого интереса разглядывая женщину. Разочарование и усталость переполняли его.

— Я конченный человек, — сказал он. — Но я найду способ вернуться в город и убить Мелиадуса.

— У нас с вами общие намерения, — вмешалась женщина. — Я — королева Фробра. Мой вероломный брат жаждет взобраться на трон и сделать это собирается с помощью вашего Мелиадуса. Возможно, что это ему уже удалось. Шансов вернуться в город у нас почти нет.

Хокмун задумчиво посмотрел на нее.

— А если бы был хоть небольшой шанс, вы бы рискнули?

— Я бы рискнула, даже если бы шансов вообще не было, — ответила королева. — Но не знаю, поддержат ли меня мои солдаты!

К лагерю подъехали еще три всадника. Королева окликнула их:

— Вы из города?

— Да, — ответил один из них. — Они уже грабят город. Их свирепость не знает границ. Они ворвались в дом Малагиги и схватили волшебника.

— Что?! — вскричал Хокмун. — Все пропало.

— Ерунда, — сказал Рыцарь. — Пока Малагиги жив, у тебя есть надежда. А я думаю, что именно так оно и есть: Мелиадусу нужны секреты колдуна, он не станет убивать его. Веди войска королевы на город и спаси волшебника.

Хокмун пожал плечами.

— Но время? Я уже чувствую тепло Камня. Его сила возвращается. Я скоро превращусь в идиота...

— Тем более тебе нечего терять, Дориан, — вмешался в разговор карлик. Он положил мохнатую руку на плечо Хокмуна. — Совсем нечего.

Хокмун горько улыбнулся, стряхивая руку друга.

— Ты прав. Нечего. Ну, королева Фробра, а вы что скажете?

— Да, но сначала нужно постараться с солдатами, — ответила королева.

Немного позже, поднявшись на боевую колесницу, Хокмун обратился к измученным солдатам:

— Жители Хамадана! Я проехал много сотен миль, прежде чем оказался здесь. На Западе, откуда я прибыл, господствует Темная Империя. Мой отец был замучен до смерти тем самым бароном, что сейчас помогает вашим врагам. Я видел земли, превращенные в пепел, и людей, превращенных в скотов. Я видел невинных детей, распятых на крестах. Я видел храбрых воинов, ставших трусливыми псами, и мне знакомо то чувство безнадежности и отчаяния, которое охватывает человека при виде этих свирепых солдат в звериных масках. Но я знаю и то, что они не всемогущи. Знаю, потому что сам участвовал в великом сражении, когда маленькая армия всего в тысячу человек разгромила огромное войско Гранбретании.

Наша воля и жажда жизни помогли нам сделать это. Да, воля... И еще знание, что стоит нам только дрогнуть и отступить, нас выловят поодиночке и всех убьют на потеху лордам. По крайней мере, если вы и умрете, то умрете как подобает настоящим мужчинам. И помните — они не всесильны.

Он продолжал говорить что-то в таком духе и дальше, и постепенно солдаты воспряли духом, слышались одобрителные возгласы. Некоторые из них одобрителными криками приветствовали его. Потом и королева Фробра призвала своих воинов следовать за Хокмуном и атаковать врагов, пока они празднуют победу и делят добычу.

Речи Хокмуна вернули солдатам боевой пыл, а в словах королевы они увидели здравый смысл. Поднявшись с земли, они стали приводить в порядок оружие и искать своих лошадей.

— Мы ударим сегодня ночью, — сказала королева. — Пока они не пронюхали о наших планах.

— Думаю, мне стоит поехать с вами, — сказал Рыцарь в Черном и Золотом.

И ночью они направились к Хамадану. Завоеватели бурно праздновали победу. Городские ворота почти не охранялись, а боевые звери крепко спали, за день плотно набив мясом желудки.

Глава 5

ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ ОЖИВАЕТ

Они ворвались в город и застали вчерашних победителей врасплох. Хокмун скакал впереди. Голова герцога раскалывалась от боли — Черный Камень уже пульсировал во лбу. От адских мук и напряжения Хокмун смертельно побледнел, и в его облике появилось нечто такое, что заставляло гранбританцев, едва завидев его, в панике бежать, бросая оружие, прежде чем он, поднимая на дыбы лошадь, взмахивал мечом и с криками «Хокмун! Хокмун!» начинал рубить все на своем пути, в безумной жажде убийства.

Рядом с ним сражался Рыцарь в Черном и Золотом. Он оставался неизменно бесстрастным и орудовал мечом с удивительной точностью и расчетливостью. Не отставала и королева Фробра, врывающаяся на своей колеснице в самую гущу перепуганных солдат, и Оладан, который, привставая в стремени, посылал стрелу за стрелой в мечущихся врагов.

Освобождая улицу за улицей, они гнали по городу солдат Нахака и наемников в звериных масках. Но вот Хокмун увидел купол дома Малагиги и, не теряя ни секунды, направился туда. Подъехав к воротам дома, он встал на спину коня и, ухватившись за край стены, перелез через нее во двор.

Спрыгивая на землю, он едва не упал на лежащий у стены труп одного из слуг. Дверь была сорвана с петель, а в комнатах царил страшный беспорядок — все было перевернуто и разбито.

Спотыкаясь о разбросанные повсюду обломки мебели, Хокмун пробрался к узкой лестнице, судя по всему, ведущей в лабораторию волшебника. Он уже был на середине лестницы, когда наверху открылась дверь и два воина в масках Волка, выхватив мечи, ринулись ему навстречу. Хокмун приготовился защищаться. На лице его застыла злая усмешка, и в глазах, горящих безумием, были гнев и отчаяние. Выпад, удар, второй... Блеснул, словно молния, меч, и два трупа покатались по вниз ступеням. Хокмун поднялся по лестнице и вошел в комнату. Малагиги, со следами пыток на теле, был крепко привязан к стене.

Герцог, не мешкая, перерезал ремни и, подхватив волшебника, осторожно положил его на стоящую в углу узкую кровать. И только потом он осмотрелся. Вся комната была заставлена широкими длинными столами со всевозможными алхимическими аппаратами и какими-то миниатюрными приборами. Малагиги пошевелился и открыл глаза.

— Вы должны помочь мне, господин, — заплетающимся от усталости языком пробормотал Хокмун. — Я спас вам жизнь. Так и вы хоть попытайтесь спасти мою.

Малагиги, морщась от боли, приподнялся.

— Я, кажется, сказал тебе, что не желаю участвовать в ваших расправах. Ты можешь пытать меня, если хочешь, но я...

— Черт тебя подери! — в отчаянии прохрипел Хокмун. — У меня раскалывается голова. Может быть, я не доживу и до рассвета. Не отказывайте мне. Чтобы найти вас, я проехал две тысячи миль. Неужели зря? Я такая же жертва, как и вы. Даже больше. Я...

— Докажи это, и тогда, быть может, я помогу тебе, — сказал Малагиги. — Освободи город от непрошенных гостей и возвращайся сюда.

— Но будет уже слишком поздно. Камень сделает свое дело. В любой момент...

— Докажи это, — сказал Малагиги и, тяжело вздохнув, опустился на кровать.

Ослепленный яростью и отчаянием, Хокмун готов был зарубить старца, но сдержался и, выбежав из комнаты, помчался вниз. Очутившись во дворе, он открыл ворота и вновь вскочил на лошадь.

Вскоре ему удалось найти Оладана.

— Как идет сражение? — проорал он, пытаясь перекричать шум битвы.

— Не очень удачно, — прокричал в ответ карлик. — Мелиадусу и Нахаку удалось привести своих

солдат, и, перегруппировав силы, они удерживают сейчас большую часть города. Их основные отряды — на центральной площади, там, где дворец. Королева и твой могущественный друг атаковали его, но боюсь, что безуспешно.

— Поехали туда, — сказал Хокмун и, дернув поводья, направил коня по запруженной сражающимся людом улице.

Оладан последовал за ним, и вскоре они оказались возле центральной площади, где встретились лицом к лицу и замерли в тревожном ожидании две армии. Во главе имперской армии стояли Мелиадус и Нахак. Войско Хамадана возглавляли королева Фробра и Рыцарь в Черном и Золотом. В дрожащем свете факелов место предстоящего сражения выглядело зловеще.

Выехав на площадь, друзья услышали крик Мелиадуса:

— Где же этот трус Хокмун? Небось забился в какую-нибудь нору и дрожит там?

Хокмун пробрался сквозь строй воинов Хамадана, с беспокойством отмечая, что их осталось очень мало.

— Я здесь, Мелиадус. Я пришел убить тебя.

Барон засмеялся.

— Меня? Разве ты не знаешь, герцог, что твоя жизнь сейчас в моих руках? Чувствуешь Черный Камень?

Невольно Хокмун поднес ко лбу дрожащую руку и, ощутив зловещую теплоту Камня, понял, что Мелиадус говорит правду.

— Так что ж ты медлишь? — спросил он угрюмо.

— Потому что я снова предлагаю тебе сделку. Скажи этим глупцам, что все кончено. Пусть они сложат оружие, и я спасу тебя от самого худшего.

Только сейчас Хокмун понял, что сохраняет разум лишь благодаря прихоти своих врагов. Мелиадус обуздал свое желание немедленно отомстить ему — в надежде, что воспользовавшись этим, удастся избежать лишних потерь.

Хокмун попытался привести мысли в порядок. Он лихорадочно думал. Армии замерли в напряженном ожидании. Над площадью воцарилась тишина. Все ждали. И он знал, что судьба Хамадана сейчас находится в его руках. Тут его в бок локтем толкнул Оладан и прошептал:

— Возьми вот это.

Хокмун взглянул на то, что предлагал ему мохнатый друг. Это был шлем. Герцог не сразу узнал его. Этот шлем когда-то принадлежал Агоносвосу. Хокмун вспомнил старца, вспомнил его лицо, похожее на лик смерти, и вздрогнул.

— Убери эту мерзость.

— Послушай. Мой отец был колдуном, — напомнил ему Оладан. — Он кое-чему научил меня. Это не простой шлем, он волшебный. Его магические кольца на какое-то время защитят тебя от силы Черного Камня. Надень! Я умоляю тебя.

— Но...

— Надевай, и ты все почувствуешь сам.

Хокмун осторожно снял свой шлем и надел шлем колдуна. Он был немного мал ему и сжимал голову, но Камень во лбу перестал пульсировать. Боль прошла, и Хокмун улыбнулся. Чувство невыразимого восторга охватило его. Он обнажил меч.

— Вот мой ответ, барон Мелиадус! — воскликнул он и бросился на опешившего лорда.

Мелиадус выругался и схватился за свой меч. Он едва успел вытащить меч, как Хокмун сбил с его головы маску, открыв злобное лицо барона. Вслед за Хокмуном армия Хамадана бросилась на врага и начала теснить его к воротам дворца.

Краем глаза Хокмун увидел, как королева, стоя на колеснице, стащила с лошади своего брата. Дважды поднялась и опустилась ее рука, сжимающая окровавленный кинжал, и труп Нахака рухнул на землю, под копыта боевых лошадей.

Хокмуна вело вперед неистовое отчаяние. Он помнил, что шлем Агоносвоса не сможет долго защищать его, и наносил Мелиадусу удар за ударом, один страшнее другого. Но барон быстро и ловко отражал их. Лицо лорда сейчас походило на маску Волка, которую он потерял, и ненависть, горевшая в его глазах, ничуть не уступала ненависти Хокмуна.

Они словно исполняли боевой танец, настолько совершенны и точны, были их движения, настолько ритмично лязгали, сходясь, грозные мечи. И казалось, что они могут продолжать так до бесконечности, продолжать, пока один из них не упадет, от усталости. Но вдруг что-то напугало лошадь Хокмуна. Она поднялась на дыбы, отбросив герцога назад, он потерял ногами стремя, и Мелиадус, ухмыляясь, ударил его в незащищенную грудь. Удар был несильным, но он выбил Хокмуна из седла. Герцог очутился на земле как раз под копытами лошади Мелиадуса.

Барон попытался добить его! но Хокмун успел откатиться в сторону и, с трудом поднявшись на ноги, старался увернуться от ударов торжествующего гранбретанца.

Дважды меч Мелиадуса попадал в шлем Агоносвоса, сминая его. Хокмун почувствовал, что Камень вновь оживает, и задыхаясь от ярости, он пронзительно закричал и бросился на врага.

От неожиданности Мелиадус на мгновение растерялся, и этого вполне хватило герцогу, чтобы нанести ему чувствительный удар. Меч рассек Мелиадусу висок, и кровь залила лицо барона. Рот его перекосясь от боли. Он пытался смахнуть с глаз кровавую пелену, но Хокмун, не давая ему опомниться, схватил его за руку и стащил с лошади. Мелиадус вырвался, попятился назад и, собравшись с силами, бросился на Хокмуна, выставив перед собой меч. Хокмун отразил удар, и оба меча сломались.

Два непримиримых врага замерли, тяжело дыша и испепеляя друг друга взглядами; потом, вытащив длинные кинжалы, они принялись кружить, выбирая момент для удара. Когда-то красивое лицо Мелиадуса было обезображено. Так что доведись барону выжить в этой схватке, на его виске навсегда останется шрам от удара Хокмуна. Кровь все еще сочилась из раны, пятная нагрудник кирасы.

Но Хокмун тоже быстро уставал. Раненое плечо все больше беспокоило его, а голову словно сжимали раскаленными клещами. Боль почти ослепила его, и он уже дважды спотыкался, едва успевая уклониться от стремительных выпадов Мелиадуса.

Но вот соперники сошлись, отчаянно надеясь нанести решающий удар и положить конец этой смертельной схватке.

Мелиадус целился в глаз Хокмуну, но промахнулся, и острое кинжала лишь скользнуло по шлему. Кинжал Хокмуна был направлен барону в горло, но Мелиадус перехватил руку герцога и, вывернув ее, отвел удар.

Страшный танец продолжался. Из глоток вырывались хриплые стоны, и мышцы сводило от усталости, но яростной ненавистью горели глаза, и погасить их могла только смерть.

Вокруг кипело сражение. Армия королевы все больше и больше теснила врага, и лишь трупы окружали место поединка.

А на небе уже разгоралась заря.

Хокмун пытался освободиться от хватки барона. Его вторая рука заметно слабела, и тогда он из последних сил ударил закованным в доспехи коленом противника в пах. Барон покачнувшись, зацепился ногой за упряжь лежащей поблизости убитой лошади и, взмахнув руками, упал. Он отчаянно пытался вырваться, но только больше запутывался в ремнях. Он со страхом смотрел, как Хокмун, сам едва держась на ногах, медленно приближается к нему.

Хокмун занес кинжал. От резкого движения закружилась голова. Он бросился на барона, но вдруг почувствовал, как огромная, лишаящая воли и сознания слабость навалилась на него, и кинжал выпал из онемевшей руки.

Уже теряя сознание, он пытался нащупать оружие, но... Хокмун застонал от гнева, но даже гнев его уже слабел, и он с ужасом понял, что сейчас Мелиадус убьет его, убьет, когда Победа была уже совсем близка.

Глава 6

СЛУГА РУННОГО ПОСОХА

Хокмун, щурясь, смотрел сквозь глазницы шлема на яркий свет. Голова по-прежнему горела, но гнев и отчаяние, кажется, оставили его. Чуть повернув голову, он увидел склонившихся над ним Оладана и Рыцаря в Черном и Золотом. Карлик выглядел сильно обеспокоенным.

— Я еще... жив? — тихо спросил Хокмун.

— Похоже на то, — лаконично ответил Рыцарь. — Хотя, кто знает...

— Ты просто сильно истощен, — торопливо сказал Оладан, укоризненно посмотрев на Рыцаря. — Рану на руке тебе перевязали, и она скоро заживет.

— Где я? — спросил Хокмун. — Эта комната...

— Мы во дворце королевы Фробры. Город снова принадлежит ей. Враг разбит, уничтожен. Мы нашли тебя распростертым на теле Мелиадуса и сначала подумали, что вы оба мертвы.

— Значит, Мелиадус мертв?!

— По всей видимости, да. Вернувшись за его трупом, мы обнаружили, что он исчез. Вероятней всего, гранбретанцы забрали его.

— Наконец-то он мертв, — с чувством огромного удовлетворения произнес Хокмун.

Сейчас, когда Мелиадус получил сполна за свои преступления, Хокмун почувствовал, несмотря на боль, продолжавшую терзать его воспаленный мозг, что душа его находит успокоение. И тут он вспомнил о волшебнике.

— Где Малагиги? Вы должны найти его. Передайте ему...

— Малагиги уже направляется сюда. Прослышав о твоих подвигах, он решил прийти во дворец.

— Он поможет мне?

— Не знаю, — сказал Оладан и посмотрел на Рыцаря в Черном и Золотом.

Вскоре в комнату вошли королева Фробра и сопровождавший ее Малагиги. Волшебник держал в руках некий завернутый в покрывало предмет, размером с человеческую голову.

— Господин Малагиги, — пробормотал Хокмун, пытаясь приподняться на кровати.

— Ты — тот самый молодой человек, что так преследовал меня все эти дни? Из-за шлема я не вижу твоего лица, — раздраженно сказал Малагиги, и Хокмун почувствовал, то к нему возвращается отчаяние.

— Я — Дориан Хокмун. И я доказал свою дружбу жителям Хамадана. Мелиадус и Нахак мертвы, и их армия разбита.

— Хм? — нахмурился Малагиги. — Мне рассказали об этом камне в твоей голове. Я когда-то встречался с подобными вещами. Но сказать сейчас, можно ли отобрать энергию у Камня, я не могу...

— Но как же? Мне сказали, что вы — единственный, кто может сделать это! — прохрипел Хокмун.

— Мог — это верно. Могу ли? Не знаю. Силы уже не те. Я старею. И я не уверен, что...

Рыцарь в Черном и Золотом подошел к волшебнику и коснулся его плеча.

— Вы знаете меня, волшебник?

Малагиги кивнул.

— Да. Знаю.

— И вы знаете, кому я служу?

— Да, — нахмурившись, ответил Малагиги, переводя взгляд с Рыцаря на Хокмуна. — Но какое это

имеет отношение к лежащему здесь молодому человеку?

— Он служит тому же, хотя и не знает об этом.

Кажется, слова Рыцаря подействовали на Малагиги.

— Тогда я помогу ему, — твердо сказал он, — даже если это плохо кончится для меня.

Хокмун снова приподнялся на кровати.

— Что все это значит? Кому я служу? Я ничего...

Малагиги снял покрывало с принесенного им предмета.

Это был шар, покрытый мелкими неровностями, каждая из которых сияла своим цветом. У Хокмуна зареяло в глазах от разноцветных бликов.

— Прежде всего ты должен сконцентрировать свое внимание, — сказал ему Малагиги, поднося шар к его голове. — Смотри на него. Смотри пристально, не отрывая глаз. Смотри, Дориан Хокмун, на эти цвета, на игру красок...

Хокмун вдруг осознал, что не может отвести взгляда от бегающих по поверхности шара ярких цветовых пятен. Он ощутил, как его охватывает чувство абсолютной невесомости. Ощущение, близкое к блаженству. Он заулыбался, потом внезапно перед глазами все поплыло, и ему показалось, что он повис в теплом мягком тумане вне времени и пространства. Но он по-прежнему сохранял ясное сознание, хотя и не воспринимал окружающий его мир.

Он довольно долго оставался в таком состоянии, чувствуя, что его тело, которое, казалось, уже не принадлежит ему, переносится с одного места на другое.

Цвет тумана иногда менялся от розовато-красного до небесно-голубого и светло-желтого — это было все, что он различал, и он вообще ничего не чувствовал. Разве что — умиротворенность, как будто он был младенцем и лежал на коленях у матери.

Затем нежные тона стали меняться на более темные, мрачные, и по мере появления черных и кроваво-красных молний, пронзающих туман перед его глазами, чувство умиротворенности постепенно исчезло. Хокмун ощутил, будто из него что-то вынимают, острая боль пронзила его, и он громко вскрикнул.

Он открыл глаза и с ужасом увидел рядом с собой машину, точно такую же, что стояла в лаборатории барона Калана. Неужели он снова в Лондре? Возможно ли это?

Черные, золотые и серебряные паутинки, слегка раскачиваясь, что-то нашептывали ему, но не ласкали, как делали тогда, а, наоборот, отодвигались от него, сморщиваясь и сжимаясь все плотнее и плотнее, пока не превратились в крошечный комочек. Хокмун осмотрелся и увидел, что находится в той же комнате, где чуть раньше он спас волшебника от солдат.

Сам Малагиги тоже был здесь. Он выглядел очень утомленным, но лицо его выражало огромное удовлетворение. Он собрал машину Черного Камня, положил ее в металлическую коробку и, плотно захлопнув крышку, закрыл коробку на замок.

— Эта машина, — едва ворочая языком, пробормотал Хокмун. — Откуда она у вас?

— Я сделал ее, — улыбнувшись, сказал Малагиги. — Сделал, дорогой герцог. Потребовалась почти неделя напряженной работы. На это время заклинаниями мне удалось частично защитить тебя. Хотя в какой-то момент мне показалось, что я не смогу сделать ее, но этим утром я закончил, правда, за исключением одного элемента...

— Какого же?

— Ее жизненной силы. Это был самый опасный момент. Я не знал, смогу ли точно подобрать заклинания. И мне ничего не оставалось делать, как пропустить энергию Черного Камня через твой мозг и надеяться, что моя машина поглотит ее раньше, чем Камень разрушит его.

Хокмун облегченно улыбнулся:

— И она успела!

— Да. И ты сейчас наконец свободен.

— Теперь я готов к любым опасностям и встречу их достойно, — сказал Хокмун, поднимаясь с кровати. — Я ваш должник, Великий Малагиги. И если я могу что-нибудь сделать для вас...

— Нет. Ничего не надо, — ответил волшебник. — Я рад, что мне удалось сделать эту машину. — Он похлопал по коробке. — Может, когда-нибудь она еще пригодится. Кто знает... Кроме того... — Он нахмурился, задумчиво рассматривая герцога.

— Что?

— Да так, ничего. — Малагиги пожал плечами.

Хокмун коснулся рукой лба. Камень был на месте, но холодный и мертвый.

— Вы не вытащили его?

— Нет. Но если ты хочешь, это можно сделать. Он больше не таит в себе никакой опасности. Любой хирург сможет без труда удалить его.

Хокмун хотел спросить Малагиги, как это сделать, но передумал.

— Нет, — сказал он. — Пусть останется как символ моей неугасимой ненависти к Темной Империи. И я надеюсь, что вскоре они научатся бояться его.

— Ты намерен и дальше бороться с Империей?

— Да. И сейчас, когда вы освободили меня, я буду драться еще яростней.

— Верно. Этой темной силе следует дать отпор, — сказал Малагиги. Он глубоко вздохнул. — А сейчас мне надо поспать. Я очень устал. Ты найдешь своих друзей во дворе. Они ждут тебя.

Стояло чудесное утро. Хокмун спустился во двор, под лучи яркого теплого солнца. Там его ждали улыбающийся Оладан и Рыцарь в Черном и Золотом.

— Ну, теперь ты в полном порядке? — спросил Рыцарь.

— Да.

— Замечательно. Тогда я покидаю вас. Прощай, Дориан Хокмун.

— Благодарю тебя за помощь, — сказал Хокмун вслед воину, направившемуся к своему красавцу — скакуну. Но когда Рыцарь уже готов был вскочить в седло, память окончательно вернулась к герцогу и он крикнул:

— Подожди!

— Что ты хочешь? — обернулся Рыцарь.

— Ты убедил Малагиги помочь мне, сказав, что я служу кому-то, кому служишь и ты. Но я ничего не знаю об этом.

— Когда-нибудь узнаешь.

— Кому ты служишь?

— Рунному Посоху, — сказал Рыцарь в Черном и Золотом и, зазвенев поводьями, направил коня к воротам. И прежде чем Хокмун успел спросить еще что-нибудь, он был уже на улице.

— Он сказал — Рунному Посоху? — нахмурившись, пробормотал Оладан. — Я думал, это миф...

— Да, миф. Я думаю, Рыцарь любит тайны. Несомненно, он пошутил, — сказал Хокмун и, широко улыбаясь, хлопнул Оладана по плечу. — Если мы когда-нибудь еще увидим его, то обязательно спросим об этом. А сейчас я хочу есть, и хороший обед был бы...

— Королева Фробра устраивает сегодня пир во дворце. — Оладан подмигнул другу. — Такого изобилия я еще не видел. И потом, я думаю, что интерес королевы к тебе объясняется не только чувством благодарности.

— Выдумаешь тоже... Надеюсь, она не очень огорчится, когда узнает, что я уже принадлежу другой.

— Как?!

— Да, мой дорогой друг. Идем. Отобедаем за королевским столом и будем готовиться к отъезду.

— Зачем так торопиться? Мы здесь — герои и, кроме того, по-моему, заслужили хотя бы небольшой отдых.

Хокмун улыбнулся.

— Оставайся, если хочешь. А я спешу на свадьбу — на свою свадьбу.

— Ладно, — притворно вздохнул Оладан. — Я не могу пропустить такое событие. Придется и мне поспешить.

Наутро королева проводила их до ворот.

— Подумай хорошенько, Дориан Хокмун. Я предлагаю тебе трон — тот самый, которого так домогался мой брат.

Но Хокмун уже смотрел на запад. Где-то там, в двух тысячах милях и нескольких месяцах путешествия отсюда, его ждала Исольда, ждала, не зная, что с ним, жив ли он... Граф Брасс тоже ждал, и Хокмуну не терпелось поскорее поведать ему о новом поражении Гранбретании. А Богенталь, наверное, и сейчас стоит рядом с Исольдой в башне, возвышающейся над пустынным ландшафтом Камарга, и пытается утешить бедную девушку, которая ждет своего суженого и не знает, вернется ли он.

Хокмун поклонился, сидя в седле, и поцеловал руку королевы.

— Я благодарю вас, ваше величество, и очень тронут вашим предложением, но я дал слово и должен держать его — и ради этого готов отказаться даже от двадцати тронов. Поэтому я должен ехать. Да и потом, мой меч нужен тем, кто борется против Темной Империи.

— Тогда иди, — с печалью в голосе сказала Фробра, — но помни город Хамадан и его королеву.

— Я никогда не забуду вас.

Он дернул поводья и направил своего голубого коня по простирающейся перед ним каменистой равнине. Оладан, обернувшись, послал королеве воздушный поцелуй, подмигнул и поспешил за другом.

Дориан Хокмун, герцог Кельнский, возвращался на запад.

II

АМУЛЕТ БЕЗУМНОГО БОГА

Джиму Кауторну за вдохновение и поддержку

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Дориан Хокмун, последний из герцогов Кельнских, не подчинился Черному Камню и помешал Гранбретании покорить город Хамадан. Обратив в бегство армию своего заклятого врага барона Мелиадуса, Хокмун вновь отправился на запад, к осажденному Камаргу, где его ждала невеста — дочь графа Брасса Исольда. Вместе с Оладаном, зверочеловеком с Булгарских гор, Хокмун ехал верхом через Персию к Кипрскому морю, надеясь найти там моряков, которые согласятся перевезти их в Камарг.

Но в Сиранийской пустыне они сбились с пути. Умирая от жажды и усталости, Хокмун и Оладан увидели вдали гряды зеленых холмов. На склонах холмов мирно паслись дикие овцы, а у подножия лежали развалины Сориандума...

Тем временем в Европе росла грозная сила Темной Империи, а где-то пульсировал Рунный посох, и могущество его, растекаясь на тысячи миль окрест, меняло судьбы людей, совсем несхожих нравом и устремлениями...

Из «Истории Рунного посоха»

Глава 1

СОРИАНДУМ

На развалинах города лежала пыль веков. Выветрелые камни, рассыпающаяся кладка, полуразрушенные башни. Дикие овцы щипали траву, пробивавшуюся между растрескавшимися плитами мостовой, а на колоннах с осыпавшейся мозаикой свили гнезда пестрые южные птицы. Некогда величественный и грозный, город был прекрасен в своей безмятежности. Под ногами стелился густой утренний туман. По безмолвным древним улицам гулял легкий ветерок. Копыта коней, идущих в поводу мимо позеленевших от старости башен, вдоль развалившихся стен, заросших оранжевыми, охряными и фиолетовыми цветами, приглушенно цокали по камням. Это был Сориандум — город, покинутый жителями.

Под густым слоем пыли люди и кони походили на ожившие статуи, выкрашенные в бурый цвет. Двое путников неторопливо шагали по мостовой, очарованные красотой мертвого города.

Один из них был высок и худощав; усталая, но легкая походка выдавала в нем опытного воина. Его длинные волосы выгорели на солнце, а в выцветших глазах затаилось безумие. Но самым примечательным в его облике был тусклый черный камень во лбу, прямо над переносицей. Этим клеймом его наградили ученые-колдуны Гранбритании. Звали этого несчастного Дорианом Хокмун, герцогом Кельнским. Властелины Темной империи, замыслившие подчинить себе весь мир, лишили его земель, и Хокмун поклялся отомстить гранбританцам — самому могущественному народу на истерзанной войнами планете.

Следом за ним брело существо с длинным луком и колчаном за спиной. Он был одет только в бриджи и высокие сапоги из мягкой кожи, да и зачем ему одежда, если он с ног до головы зарос жесткой рыжей шерстью? Ростом он едва доходил Хокмуну до плеча. Это был Оладан, сын колдуна и великанши из Булгарских гор.

Отряхнувшись от пыли и песка, Оладан сказал;

— В жизни не видел города прекраснее. Но почему он обезлюдел? Как могли жители покинуть такое чудесное место?

Хокмун потер камень во лбу. Он всегда так делал, когда бывал озадачен.

— Может быть, поветрие... Кто знает. Будем надеяться, что зараза — если это так — выкосила всех подчистую. Но об этом подумаем потом, а сейчас мне слышится плеск воды. Вода, друг мой Оладан, это как раз то, что нам нужно в первую очередь. Во вторую очередь нам нужна еда, в третью — сон, а уж размышления — в четвертую...

На одной из площадей они обнаружили стелу из голубовато-серого камня с рельефным изображением пловцов. Из глаз каменной девы в небольшой бассейн под стелой струилась ключевая вода.

Утолив жажду, Хокмун провел мокрыми ладонями по запыленному лицу и уступил место Оладану. Потом он напоил лошадей.

Достав из седельной сумки истрепанную карту, которую ему дали в Хамадане, он водил по ней пальцем, пока не наткнулся на слово «Сориандум». Вдохнув с облегчением, он улыбнулся.

— Мы не так уж сильно отклонились. Сразу за холмами течет Евфрат, а за ним, примерно в неделю пути — Тарабулас. Отдохнем здесь денек и двинемся дальше.

— А перед отъездом вам 'захочется осмотреть город, это как пить дать, — ухмыльнулся Оладан.

Он побрызгал на грудь водой и поднял с земли лук и колчан.

— Вы говорили, что во вторую очередь нам нужна еда. Я тут неподалеку приметил хорошего барана. Скоро вернусь. Сегодня на ужин у нас будет жареная баранина.

Он сел в седло и направил коня к разрушенным городским воротам.

Не теряя даром времени, Хокмун разделся и опустил руки прохладную воду. Постановивая от

удовольствия, он вымылся и достал из седельной сумки чистую одежду — шелковую рубашку, подаренную королевой Хамадана, и синие расклешенные штаны. Радуюсь возможности отдохнуть от доспехов из кожи и стали, которые он, опасаясь погони, носил даже в пустыне, Хокмун оделся в чистое и обул легкие сандалии. Вряд ли преследователи доберутся сюда, а сам город, похоже, не таит в себе опасности... Только меч, помня о постоянной опасности, он оставил при себе.

Расседлав коня, он улегся в тени полуразрушенной башни, привалившись спиной и затылком к стене, и стал ждать Оладана с добычей. Миновал полдень. Вскоре Хокмуна одолел сон, но через час тревога, не покидавшая его душу, разбудила его.

Куда запропастился Оладан? Много ли времени нужно меткому стрелку, чтобы убить одного-единственного дикого барана? Уж не попал ли он в беду? Но откуда здесь взяться опасности? Может быть, Оладан убил барана и решил отдохнуть часок-другой?

«Нечего рассуждать, надо идти искать его», — решил Хокмун.

Оседлав коня, он проехал по улицам, миновал пролом в городской стене и поднялся на холм. Конь будто обрел прежние силы, коснувшись копытами травы, и Хокмун пустил его легким галопом.

Он догнал стадо овец, бредущее за крупным, упитанным вожакom — очевидно, тем самым бараном, о котором говорил Оладан. Но маленького горца поблизости не было.

— Оладан? — закричал Хокмун, озираясь. — Оладан!

Но ответом ему было лишь слабое эхо.

Нахмуясь, Хокмун пришпорил коня и направил его на соседний, более высокий холм, в надежде увидеть с вершины своего друга. Овцы бросились перед ним врассыпную; упругая трава заглушала топот копыт. На вершине Хокмун натянул поводья и огляделся, прикрыв ладонью глаза, но Оладана нигде не было видно.

Обернувшись к городу, он уловил движение на восточной стороне площади, где бил ключ. На самом ли деле заметил он человека, прячущегося в тени домов, или это обман зрения? Если Оладан возвратился другой дорогой, почему он не ответил на зов Хокмуна?

Его душу снова охватила тревога, но Хокмуну по-прежнему не верилось, что в городе скрывается враг.

Он поворотил коня, спустился по склону, перемахнул через разрушенную до основания стену.

Копыта глухо простучали по пыльным улицам. Зовя друга, Хокмун въехал на площадь. Но снова ему отвечало только эхо, и на площади он не встретил маленького горца.

Хокмун нахмурился. Он чувствовал, что в городе кто-то есть.

Он снова повернул коня, и вдруг сверху до него донесся слабый звук. Задрвав голову, он окинул взглядом небо, не сомневаясь, что узнал звук. Вдали показалась черная точка, вскоре заблестел на солнце металл и Хокмун отчетливо услышал шелест огромных бронзовых крыльев и тарахтение мотора. Сердце его замерло.

С неба спускался роскошный сине-красно-зеленый орнитоптер в виде гигантского кондора. Такая машина могла принадлежать только Темной Империи.

Теперь ясно, почему не вернулся Оладан. В Сориандуме прячутся воины Темной Империи. Возможно, они узнали Оладана и поняли, что Хокмун — их самый ненавистный враг — где-то неподалеку.

Глава 2

ХЬЮЛАМ Д'АВЕРК

Надеясь, что с орнитоптера его не заметили, Хокмун скрылся в узком переулке.

Значит, гранбретанцы все-таки шли по его следам. Как еще объяснить, что они оказались в мертвом городе посреди пустыни?

Достав из ножен длинный меч, Хокмун спешил. Без доспехов он чувствовал себя беззащитным и спешил найти укрытие.

Орнитоптер парил чуть выше башен Сориандума. Пилот наверняка высматривал Хокмуна, которому Король-Император Хаон поклялся отомстить за «измену». Барон Мелиадус, быть может, погиб под Хамаданом, но король Хаон послал на охоту за герцогом Кельнским другого человека.

Покидая Хамадан, молодой герцог Кельнский, конечно, понимал, что путь будет трудным и опасным, но не ожидал, что неприятности начнутся так скоро.

Он кинулся к полуразрушенному темному зданию. Переступив через порог, он оказался в прихожей со стенами, облицованными светлым камнем, изукрашенным резьбой, отчасти скрытой под мягким мхом и цветущим лишайником. С мечом в руке Хокмун поднялся по скользким от мха ступенькам винтовой лестницы в тесную комнатку, освещенную лучами солнца, падающими сквозь пролом в стене. Прижимаясь к камням, Хокмун выглянул в пролом и увидел город и парящий над улицами орнитоптер, а в нем — пилота в маске грифа. Пилот пристально смотрел вниз.

Неподалеку высилась башня из потускневшего зеленого гранита. Она стояла почти в центре Сориандума. Орнитоптер сделал над ней несколько кругов, и Хокмун подумал, что пилот должно быть высматривает его за бойницами, но вскоре летательный аппарат опустился на плоскую, окруженную каменными зубцами крышу. Через отверстие в крыше навстречу пилоту выбралось несколько человек.

По тяжелым доспехам, длинным плащам и широким металлическим маскам — и это в такую-то жару! — Хокмун узнал гранбретанцев. Но такова уж была извращенная натура этих людей, что почти ни при каких обстоятельствах они не расставались с тускло-желтыми масками, изображающими морды разъяренных кабанов со сверкающими глазами из прозрачного камня и загнутыми костяными бивнями, торчащими из-под раздутых ноздрей. Видимо, с этими страшными украшениями на лицах подданные Темной Империи чувствовали себя увереннее.

Своей свирепостью Орден Вепря, воинов которого Хокмун сейчас видел, прославился на всю Европу. На крыше стояли семеро вепрей — двое поддерживали под руки высокого, стройного человека в более изящной, чем у остальных, маске из золота и бронзы. Один из тех, кто его поддерживал, был приземист и грузен, зато другой — настоящий великан с обнаженными руками и ногами, покрытыми необычайно густыми и длинными волосами.

«Что это с ним? — удивился Хокмун, глядя на человека в маске из золота и бронзы. — Болен или ранен?» Было нечто неестественное в том, как он опирался на руки своих помощников. Хокмун догадывался, кто он: изменник Хьюлам д'Аверк. Когда-то этот француз был прославленным поэтом и архитектором, но задолго до нападения Гранбретании на его родину перешел под знамена Короля-Императора Хаона. Загадочный д'Аверк... и очень опасный человек, хотя и прикидывается больным.

Предводитель вепрей сказал несколько слов пилоту орнитоптера, и тот отрицательно покачал головой — по-видимому, он не обнаружил Хокмуна. Зато он смог показать то место, где Хокмун оставил коня. Д'Аверк — если это действительно был он — вяло махнул рукой одному из воинов. Тот исчез внизу и вскоре выволок рычащего, сопротивляющегося Оладана.

Хокмун с облегчением наблюдал, как двое вепрей тащат его друга к краю башни. Оладан жив — значит, есть надежда, что его удастся спасти.

Предводитель дал знак пилоту, и тот достал из кабины орнитоптера и передал воину-великану мегафон в виде колокола. Великан приблизил мегафон ко рту д'Аверка, и над безмятежным городом раскатился усталый, полный вселенской тоски голос:

— Герцог фон Кельн, мы захватили твоего слугу и знаем, что ты в городе. Если до захода солнца ты не сдашься, твоему другу придется несладко...

Теперь Хокмун не сомневался, что человек под бронзово-золотой маской — д'Аверк. Да и с кем его можно спутать? Великан вернул мегафон пилоту, затем он и его приземистый товарищ подвели хозяина к изъеденным временем каменным зубцам башни. Опершись на один из зубцов, д'Аверк стоял прямо напротив него.

Хокмун с трудом поборол желание броситься туда. Он мог бы, наверное, подняться на башню — надо только выскочить через пролом, добраться по крышам домов до каменной осыпи и вскарабкаться по ней до самого парапета. Но ведь его заметят, едва он покинет укрытие. Лучше бы дожидаться темноты, но Оладана начнут пытаться засветло...

Не зная, что делать, Хокмун тер пальцем свое клеймо — черный камень во лбу. Если он сдастся, его убьют на месте или отвезут в Гранбританию, а там его тоже ждет смерть, правда, ужасно медленная, мучительная смерть на глазах у глумливых садистов — властелинов Темной Империи. Хокмун подумал об Исольде, ждущей его в Камарге, о графе Брассе, которому он обещал помочь в борьбе с Гранбританией, и об Оладане, маленьком зверочеловеке, однажды спасшем ему жизнь.

Неужели он способен предать друга? Неужели его остановит голос рассудка, твердящий, что для борьбы с Темной Империей последний герцог Кельнский куда нужней, чем какой-то горец? Нет, Хокмун знал, что в таких делах логика ничего не решает. Но что проку лезть в петлю, ведь захватив его, предводитель вепрей не пощадит и Оладана?

Хокмун закусил губу и стиснул рукоять меча. Наконец он решился: встал в проломе и, держась одной рукой за стену, взмахнул своим сверкающим мечом. Д'Аверк медленно поднял голову.

— Прежде чем я поднимусь к тебе, ты должен отпустить Оладана, — крикнул Хокмун. — Гранбританцы — лжецы, и я не поверю тебе на слово. Отпусти Оладана, и я сдамся без боя!

— Может быть, мы и лжецы, — апатично произнес д'Аверк, — но не дураки. С какой стати я должен тебе верить?

— Я герцог Кельнский, — просто ответил Хокмун. — В нашем роду не было лжецов.

Из-под кабаньей маски раздался язвительный смех.

— Герцог Кельнский, не суди по себе о сэре Хьюламе д'Аверке — он не столь наивен. Предлагаю компромисс.

— Ну? — устало спросил Хокмун.

— Подойди к башне на выстрел «огненного копья», и я отпущу твоего слугу. — Д'Аверк нарочито закашлялся и сгорбился над парапетом. — Что скажешь?

— Какой же это компромисс, если ты сможешь пристрелить нас обоих, ничем не рискуя?

— Дорогой мой герцог, Королю-Императору ты нужен живым. Не надо лукавить: тебе это прекрасно известно. Да и мне не все равно, что я получу: титулом принца за Хокмуна живого и невредимого или, в лучшем случае, титул барона — за мертвого. Разве тебе не говорили, что я дьявольски честолобив?

Довод д'Аверка казался убедительным, но Хокмун был наслышан о коварстве француза...

— Ладно, сэр Хьюлам, будь по-твоему, — сказал он со вздохом и присел, чтобы перепрыгнуть через узкую улочку на ближайшую крышу.

— Герцог Дориан, не надо! — закричал Оладан, — Пусть меня убьют! Моя жизнь ничего: не стоит!

Спрыгнув на крышу дома, Хокмун упал на четвереньки. Ветхая кровля затрещала, но выдержала. Хокмун выпрямился и осторожно двинулся к башне.

Оладан снова крикнул: «Не надо!», стараясь вырваться из рук воинов. Хокмун шел вперед, не глядя на друга и словно забыв о мече, который держал в руке.

Маленькому горцу все-таки удалось вырваться. Он метнулся к противоположному краю крыши, следом с проклятиями мчались двое вепрей. Оладан на мгновение задержался на краю и перепрыгнул через парапет.

У Хокмуна кровь застыла в жилах. Несколько секунд он стоял, не в силах поверить в случившееся, стиснув рукоять меча и устремив пылающий взор на д'Аверка и его воинов.

Заметив, что «огненное копье» на носу орнитоопера поворачивается в его сторону, он пригнулся и бросился назад. Луч с громким шипением рассек воздух над его головой, обдав Хокмуна жаром. Ухватившись за карниз, герцог Кельнский повис над улицей.

Он висел высоко, но, к счастью, чуть левее от него начинался ряд небольших барельефов, идущий наискось почти до мостовой. Но выдержит ли его хрупкий камень?

Не раздумывая ни секунды, Хокмун ухватился за ближайший барельеф. Камень крошился под пальцами и с треском вываливался из стены, как гнилой зуб из десны. Хокмун немедленно вцепился в соседний барельеф. Он спускался, роняя каменное крошево, пока не решил, что может спрыгнуть, не сломав ног.

Он упал на четвереньки, вскочил и бросился бежать — но не в укрытие, а к башне. Скорее наверх, отомстить за друга, погибшего по вине д'Аверка!

Он разыскал вход в башню и, перепрыгнув через порог, услышал клацанье металлических подков по каменным ступеням. Хокмун выбрал узкое место, где враги могли нападать только по одному.

Первым появился д'Аверк. Увидев Хокмуна, он застыл на месте. Рука в латной рукавице потянулась к рукояти длинного меча.

— Напрасно ты не воспользовался дурацким подвигом своего дружка, — с презрением сказал наемник в маске вепря. — Придется все-таки тебя убить...

Он согнулся от кашля и привалился к стене, делая вид, что совершенно обессилел.

— Мой дорогой герцог Дориан, я вынужден просить прощения... Проклятая хворь, всегда напоминает о себе в неподходящую минуту.

Он с усилием поднял руку и ткнул пальцем в невысокого, крепко сбитого воина, что поддерживал его на крыше.

— Экардо, может быть, ты...

Крепыш Экардо пружинисто шагнул вперед и вытащил из-за пояса боевой топор с короткой рукояткой. Другой рукой он обнажил меч.

— Спасибо, хозяин, — сказал он с довольным смешком. — Ну-ка, поглядим, как заплешет этот красавчик.

Он двинулся на Хокмуна мягкой кошачьей поступью. Герцог Кельнский не шевелился, давая противнику возможность первым нанести удар.

Гранбританец с диким воплем ринулся вперед. Лезвие топора со свистом рассекло воздух и зазвенело, встретив меч Хокмуна. Ослабевший от голода и усталости, Хокмун с трудом увернулся от короткого меча, ощутив прикосновение к бедру холодной стали, пропоровшей штанину.

Выскользнув из-под топора, его меч рубанул по маске, сломав бивень и оставив глубокую борозду. Экардо выругался и снова сделал выпад мечом, но Хокмуну удалось схватить его за руку.

Прижав гранбританца к стене, Хокмун выкручивал ему руку, сжимавшую топор. Его собственный меч болтался на темляке. Едва не закричав от боли, когда стальной наколенник ударил его в пах, Хокмун рванулся назад, увлекая за собой противника, развернулся, толкнул его вниз... Скатившись по лестнице, Экардо растянулся на каменных плитах. Удар был столь силен, что стены башни содрогнулись.

Хокмун перевел взгляд на д'Аверка.

— Ну как, сэр, вам легче?

Тот поднял изящную маску, и Хокмун увидел бледное лицо и бесцветные глаза тяжелобольного человека. Бескровные губы д'Аверка тронула улыбка.

— Я сделаю все, что смогу, сэр, — ответил француз.

Он стал спускаться по ступенькам. Вялости в движениях как не бывало — напротив, в них угадывались ловкость и собранность.

На сей раз поединок начал Хокмун. Француз явно не ожидал удара, но все же успел парировать. За его болезненной внешностью скрывалась превосходная подготовка.

Пожалуй, он не менее опасен, чем силач Экардо, подумал Хокмун. А вдруг Экардо не убит, а только оглушен? Что, если он очнется до конца поединка?

Со стороны могло показаться, что между ним и д'Аверком нависло тускло-серое марево — так быстро мелькала в воздухе сталь. Д'Аверк улыбался из-под сдвинутой на голову маски, глаза его сияли. Как будто он не сражался, а слушал волшебную музыку.

Слабея с каждой минутой, Хокмун понимал, что долго в таком темпе он не выдержит. Как ни искал он брешь в защите противника, тот казался неуязвимым. Даже оступившись на выщербленной ступеньке, француз сумел отразить молниеносный удар и оцарапать Хокмуну предплечье.

За спиной д'Аверка на узкой лестнице нетерпеливо топтались вепри с обнаженными мечами.

Хокмун быстро уставал. Вскоре он вынужден был перейти к защите, едва успевая отбивать смертоносные удары, направленные то в лицо, то в горло, то в грудь, то в живот. Он сделал назад шаг, другой... и услышал позади себя стон. Экардо приходил в себя. Еще несколько минут — и вепри расправятся с ним.

Но неужели Хокмун даст себя убить, не отомстив за Оладана? Он усилил натиск, но д'Аверк лишь улыбался, уверенный в скорой победе.

Забыв об Экардо, Хокмун отпрыгнул и наткнулся спиной на чье-то плечо. Он резко повернулся, замахиваясь мечом... и едва не выронил его от неожиданности.

— Оладан!

Маленький человек занес меч вепря над изуродованной маской.

— Да, я жив. Не спрашивай почему. Самому не верится.

Он с лязгом опустил меч на маску Экардо. Вепрь, успевший сесть, замертво растянулся на полу.

Но времени для разговоров не была. Хокмун с трудом отразил очередной удар д'Аверка, ему удалось наконец рубануть по наплечнику француз. Д'Аверк отскочил и поспешно опустил маску.

Спустившись с лестницы, Хокмун лишился выгодной позиции. Он спохватился, но было поздно — мимо д'Аверка успели проскочить несколько воинов.

Хокмун и Оладан отступили к двери, но почти ничего этим не выиграли. Минут десять они яростно сражались, убили двоих и ранили троих гранбретанцев, но силы их иссякали...

С трудом удерживая в руке меч, Хокмун смутно различал сквозь кровавую пелену рассвирепевших вепрей. Он услышал ликующий крик француз: «Взять живыми!» И горячая волна металла опрокинула его...

Глава 3

ПРИЗРАЧНЫЙ НАРОД

Скованных пленников тащили вниз по лестнице, казавшейся бесконечной. Лестница вела во мрак подземелья, на глубину не меньшую, чем высота башни.

Наконец их втолкнули в помещение, которое когда-то служило погребом, но стало теперь темницей. Они упали ничком на шероховатые каменные плиты и лежали, пока обутая в сапог нога не заставила обоих перевернуться на спину. Над ними с факелом в руке стоял Экардо в помятой маске. Казалось, изувеченное кабанье рыло скалится в злобной радости. Между Экардо и волосатым великаном, которого Хокмун видел на башне, сгорбился д'Аверк; его шея была обмотана широким парчовым шарфом. Он опирался на руку гиганта.

д'Аверк притворно закашлялся, затем улыбнулся, глядя на пленников.

— Боюсь, господа, вскоре мне придется вас покинуть. Воздух подземелья мне вреден, хотя таким здоровым молодым людям, как вы, он не страшен. Впрочем, долго вы здесь не задержитесь, самое большее на сутки. Я вызвал большой орнитоптер, чтобы отвезти вас обоих на Сицилию, — там стоят лагерем мои основные силы.

— Вы захватили Сицилию? — спросил Хокмун бесстрастным тоном.

— Совершенно верно. Темная Империя времени зря не теряет. Не сочтите за бахвальство, но я... — д'Аверк откашлялся в шарф, — я герой Сицилии. В том, что остров покорен так быстро, — моя заслуга. Но особо гордиться нечем, у Гранбретании много способных полководцев. В последние месяцы мы одержали немало славных побед в Европе... Да и на Востоке...

— Но Камарг все еще стоит, — перебил Хокмун. — Наверное, это раздражает Короля-Императора?

— Долго Камарг не продержится, смею вас уверить, — бодро возразил д'Аверк. — Мы уделяем этой маленькой провинции особое внимание. Кто знает, может быть, городишко уже пал...

— Пока жив граф Брасс, этому не бывать, — улыбнулся Хокмун.

— Кстати, о графе Брассе. Я слышал, что он тяжело ранен, а его помощник, лейтенант фон Виллах, недавно погиб.

Хокмун не знал, верить французам или нет. Новость ошеломила его, но он постарался не показать этого. Неужели Камарг действительно вот-вот падет? Что тогда ждет Исольду?

— Похоже, мои слова вас огорчили, — ухмыльнулся д'Аверк. — Не волнуйтесь, герцог. Когда Камарг сдастся, никто не будет обижен. Я попрошу эту провинцию в награду за поимку изменника Хокмуна. А мои славные друзья, — он показал на Экардо и волосатого великана, — будут править в ней, если я заболею. Это очень достойные люди, я поверяю им все свои тайны и радости. Надо же как-то их отблагодарить. Наверное, я назначу Экардо управляющим, а Петера пожалую графским титулом.

Из-под маски великана послышалось урчание. д'Аверк улыбнулся.

— С мозгами у Петера туго, зато силы в избытке, а преданность свою... он доказал. Пожалуй, он будет неплохой заменой графу Брассу.

Звеня цепями, Хокмун гневно выкрикнул:

— д'Аверк, ты хитрая бестия, но слез и мольбы ты от меня не дождешься! Погоди, настанет день, и ты будешь на моем месте!

— Боюсь, вы слишком оптимистичны, герцог. Ну, ладно, лежите, отдыхайте, наслаждайтесь покоем. В Гранбретании вам этого не позволят.

И отвесив насмешливый поклон, д'Аверк удалился. Хокмун и Оладан остались лежать во тьме.

— Ах, — услышал вскоре Хокмун голос друга, — после того, что нынче со мной приключилось, трудно

поверить, что я жив... Не знаю, наяву это все или во сне...

— Что с тобой произошло, Оладан? Почему ты не разбился насмерть, прыгнув с башни?

— Разбился бы непременно, не подхвати меня призраки...

— Призраки? Шутишь?

— Ничуть. Из бойниц башни вылетели существа, похожие на призраков, подхватили меня и мягко опустили на землю. Они похожи на людей, но почти неосязаемы...

— Ты ушиб голову, когда упал, вот тебе и померещилось.

— Наверное, ты прав. — Оладан помолчал. — Но если так, то мне до сих пор мерещится. Посмотри налево.

Повернув голову, Хокмун не удержался от возгласа изумления. Неподалеку стояла человеческая фигура. Но сквозь нее, как сквозь матовое стекло, можно было разглядеть стену.

— Классический призрак, — заключил Хокмун. — Странно, что он мерещится нам обоим...

Его перебил тихий, мелодичный смех.

— Я не призрак, чужеземцы. Мы — такие же люди, как и вы. Просто мы, жители Сориандума, существуем в иной форме.

— Так вы не покинули город?! — воскликнул Оладан. — Но как вам удалось перейти в эту иную форму?

Призрак снова рассмеялся.

— Контроль над психикой, научный эксперимент, ну и знание природы времени и пространства. К сожалению, яснее не объяснить, так как нам, помимо всего прочего, пришлось создать совершенно новый язык. Многие в нашей жизни изменилось, но понятия о человечности остались прежними, и не сомневайтесь: мы можем отличить друга от врага.

— У вас есть враги? — удивился Хокмун.

— Да, но об этом позже. — Человек-призрак поплыл вперед и навис над Хокмуном. Молодой герцог Кельнский ощутил необычное прикосновение и обнаружил, что висит в воздухе. Призрак, казавшийся неосязаемым, обладал сверхчеловеческой силой.

Из тьмы появились еще двое. Один поднял Оладана, другой простер руку над головой, и ладонь засияла — неярко, но вполне достаточно, чтобы осветить подземную тюрьму. Теперь Хокмун мог как следует разглядеть незнакомцев; высокие, стройные, с красивыми тонкими лицами и огромными глазами, которые казались незрячими.

Его предположение, что обитатели Сориандума могут проходить сквозь стены, не подтвердилось — они опустились сверху, проникнув в темницу через отверстие в стене под потолком. Когда-то через это отверстие, скатываясь по наклонному желобу, в погреб попадали мешки с провизией.

Несомые призраками, Хокмун и Оладан медленно поднимались по желобу и наконец увидели впереди сияние луны и звезд.

— Куда мы летим? — шепотом спросил Хокмун.

— Туда, где никто не помешает снять с вас цепи.

У выхода из туннеля они остановились. Призрак без ноши отправился разведать, нет ли поблизости гранбретанцев. Вскоре он вернулся и дал знак следовать за ним. Хокмуна и Оладана перенесли над безмолвным городом к трехэтажному зданию, которое сохранилось лучше остальных.

Через широкое окно на втором этаже призраки внесли людей в дом. В комнате с голыми стенами Хокмуна и Оладана бережно опустили на пол.

— Что это за дом? — спросил Оладан. Он все еще не мог поверить в происходящее.

— Наше жилище, — ответил призрак. — Нас осталось совсем мало. Мы живем веками, но у нас нет детей. Мы очень многое потеряли.

Через двери в комнату влетело еще несколько призраков, среди них были и женщины. Их обнаженные тела, словно слепленные из густого тумана, были прекрасны. Хокмун не мог судить о возрасте хозяев города, однако, пока он смотрел на них, его охватило удивительное чувство покоя.

Один из призраков принес инструмент величиной с указательный палец. Звенья цепи, на которые он направлял этот инструмент, с треском разлетались. Вскоре с Хокмуна и Оладана спали оковы.

Хокмун сел, разминая ноющие мышцы.

— Спасибо, — сказал он. — Вы нас избавили от незавидной участи.

— Всегда рады помочь, — сказал низенький призрак. — Меня зовут Ринал. Когда-то я был главой городского Совета. — Улыбаясь, он шагнул вперед. — Наверное, вам покажется странным, что и мы надеемся получить от вас помощь.

— Буду счастлив оказать вам любую услугу, — с готовностью ответил Хокмун. — Пожалуйста, говорите, не стесняйтесь.

— Нам тоже грозит опасность от этих воинов в уродливых звериных масках, — сказал Ринал. — Они хотят сровнять Сориандум с землей.

— Сровнять с землей? Но зачем? Город и так лежит в руинах, а здешние края не нужны Темной Империи.

— Ошибаетесь. Мы подслушали разговоры этих людей и знаем, что Сориандум им нужен. Они хотят построить здесь огромное хранилище для сотен и сотен летающих машин, чтобы нести смерть и порабощение соседним странам.

— Понятно, — пробормотал Хокмун. — Вот, значит, почему здесь бывший архитектор Хьюлам д'Аверк. Разумно. Строительный материал под рукой — надо только разобрать город. Место безлюдное, кругом пустыня — никто и не заметит, как у них под носом враги построят базу для орнитоптеров» А потом Темная Империя нанесет им внезапный и сокрушительный удар. Надо остановить гранбретанцев, иначе они...

— Иначе мы погибнем! — воскликнул Ринал. — Мы не можем жить без этого города. Мы — его душа. Если город разрушат, то и мы...

— Но как их остановить? — перебил Хокмун. — И чем могу помочь я? Вы — ученые, у вас, наверное, есть хитроумные механизмы, а у меня что? Только меч, да и тот остался у д'Аверка.

— Вся беда в том, что мы не можем удалиться от города, — сказал Ринал. — Раньше у нас было много таких неудобных штук, как машины, но мы давным-давно спрятали их в катакомбах недалеко от города. Сейчас нам нужна одна-единственная машина, но отправиться за ней некому. Это может только смертный. Возьметесь?

— Охотно, — ответил Хокмун. — Объясните поточнее, как найти машину, и мы вам ее доставим. Только надо спешить, пока Аверк нас не хватился.

— Вы правы, медлить ни к чему, — согласился Ринал. — Но я обязан предупредить вас вот о чем. В ту пору, когда мы решили отказаться от машин, мы еще могли преодолевать небольшие расстояния. На всякий случай мы поставили в хранилище зверь-машину — жуткий механизм, способный отпугнуть любого постороннего. Но беда в том, что это металлическое страшилище не только пугает. Оно умеет убивать, и убьет любого человека не нашей расы, который отважится проникнуть на склад.

— Как же быть? — спросил Оладан.

— Я вижу только один способ, — вздохнув, сказал Ринал. — Надо сразиться со зверь-машинной. И уничтожить ее.

— Ясно, — улыбнулся Хокмун. — Похоже, я попал из огня да в полымя.

Ринал протестующе поднял руку.

— Нет. Мы не настаиваем. Если считаете, что ваша жизнь слишком дорога, чтобы рисковать ею ради нас, — ступайте своей дорогой.

— Уехать, зная, что Сориандум будет разрушен, что ваша раса вымрет, а Темная Империя zalьет кровью весь Восток? Никогда! Моя жизнь принадлежит вам, и я сделаю все, что могу, хотя, боюсь, без оружия от меня мало проку.

По мановению руки Ринала один призрак выплыл из комнаты и вскоре вернулся с иззубренным в битвах мечом Хокмуна и оружием Оладана: луком, колчаном со стрелами и мечом.

— Выкрасть ваше оружие было проще простого, — улыбнулся Ринал. — Но у нас найдется кое-что еще. — Он вручил Хокмуну крошечное устройство, разрушившее его оковы.

— Эта вещица способна сломать любой замок. Надо только нацелить ее. С ее помощью вы попадете в главное хранилище, где механический зверь стережет машины Сориандума.

— Какая из этих машин нужна вам? — спросил Оладан.

— Она невелика, примерно с человеческую голову. Это нечто вроде восьмигранного кристалла на ониксовой подставке. Вы без труда узнаете ее по радужной окраске. Там два таких устройства. Если удастся, принесите оба.

— А как они действуют? — поинтересовался Хокмун.

— Вернетесь — увидите.

— Если вернемся, — уныло произнес Оладан.

Глава 4

МЕХАНИЧЕСКИЙ ЗВЕРЬ

Подкрепив силы едой и вином, которые призраки украли у воинов д'Аверка, Хокмун и Оладан собрались в дорогу.

Двое жителей Сориандума вынесли их за окно и бережно опустили на землю.

— Быть может, вас защитит Рунный Посох, — прошептал один из них Хокмуну на ухо. — Говорят, вы служите ему.

Хокмун повернулся, чтобы посмотреть, кто говорит, но призраки уже исчезли. Герцог Кельнский нахмурился: он уже слышал однажды, что служит Рунному Посоху. Сам он так не считал.

Углубясь в холмы на несколько миль, Хокмун остановился и огляделся в поисках ориентира — гигантской пирамиды из гранитных блоков, много веков назад сложенной предками нынешних обитателей города Сориандума. Вскоре он увидел ее. В лунном свете древний камень блестел как серебро.

— Теперь — на север, — сказал молодой герцог. — Ищем холм, из которого брали этот гранит.

Через полчаса они отыскивали нужный холм, словно рассеченный огромным мечом какого-то великана. Но трава, которой зарос карьер, делала его похожим на обычный овраг.

По упругому дерну Хокмун и Оладан подошли к зарослям кустарника на дне оврага, Раздвинув кусты, они обнаружили узкое отверстие потайного хода. Этот ход привел их в просторную пещеру. Оладан зажег принесенный с собою факел, и мерцающее пламя осветило большой квадратный зал со сводчатым потолком, безусловно, созданный руками человека.

Помня наставления Ринала, Хокмун подошел к противоположной стене и отыскал на ней незнакомые письмена, а чуть ниже — крошечное отверстие.

Достав из-за пазухи маленький инструмент — подарок жителей Сориандума — Хокмун направил его на отверстие. Нажав на рукоятку, он ощутил легкое Покалывание в ладони. Скала перед ним задрожала, от сильного порыва неведь откуда взявшегося ветра заколебалось и едва не погасло пламя факела. Стена засветилась, стала прозрачной и вскоре исчезла.

С мечами в руках Хокмун и Оладан медленно двинулись по широкому туннелю, где от стен, как от расплавленного стекла, исходило зеленоватое свечение.

Еще одна стена, с красным светящимся пятном посередине, преградила им путь. Хокмун прицелился в пятно, и снова — порыв ветра, на этот раз такой силы, что люди с трудом устояли на ногах. Стена засветилась — сначала молочно-белым, затем голубым — и пропала.

Они вошли в туннель, пронизанный голубыми лучами. И снова на их пути оказалась стена, на этот раз черная. Потом — туннель, выложенный желтыми каменными плитами, и белая стена, за которой находилось хранилище машин, а в нем — сторож-убийца.

Возле белой стены Хокмун остановился.

— Надо действовать быстро и с умом, — сказал он Оладану. — Как только это создание услышит нас, оно включится...

Он замолк — из-за стены доносилось приглушенное лязганье и топот. Затем она содрогнулась от удара чудовищной силы.

— Может быть, не следует спешить? — спросил Оладан, с опаской глядя на стену. — Что толку, если мы здесь погибнем?

Но Хокмун уже сдвинул рукоятку инструмента, и в туннеле загудел холодный ветер. За стеной раздался жуткий вой, полный боли и изумления. Стена порозовела, пропала, и Хокмун и Оладан увидели зверь-машину.

Механическое чудовище не двигалось — по-видимому, его ошеломило внезапное исчезновение стены. Оно было огромно и все покрыто блестящей разноцветной чешуей; из спины торчали длинные шипы. Фигура механического зверя напоминала обезьяню: задние лапы — короткие, передние — длинные. Глаза — как у мухи, фасеточные, с радужным блеском, а пасть полна острых металлических зубов.

Позади механического зверя вдоль стен стояли машины. В центре хранилища Хокмун заметил устройства, описанные Риналом. Он молча показал на них Оладану и бросился к ним мимо чудовища.

Уловив движение, зверь очнулся. Завывая и источая зловоние, он вразвалку двинулся следом за людьми. Краешком глаза Хокмун заметил, что к нему тянется гигантская когтистая лапа. Он увернулся, опрокинув хрупкий механизм из стекла и металла.

Лапа мелькнула в дюйме от лица Хокмуна. Зверь снова попытался схватить его, но герцог Кельнский успел отскочить.

Внезапно в морду зверя ударила стрела, но ее острый наконечник даже не оцарапал ее. Взревев, механическое чудовище бросилось к Оладану, и тот не успел увернуться. Чудовище схватило его, оторвало от пола и подняло над разинутой пастью.

Хокмун закричал и ударил зверя мечом в низ живота. Тот фыркнул и отшвырнул пленника. Растянувшись на полу, Оладан не шевелился. «Оглушен? — мелькнула мысль у Хокмуна. — Или убит?»

Зверь снова направился к Хокмуну. Герцог отступал, пока не решился на тактический маневр: он пригнулся и неожиданно проскочил между ногами зверя. Когда тот, удивленный, начал поворачиваться, Хокмун повторил свой трюк.

Металлическое чудовище злобно фыркало и размахивало лапами, хватая пустоту. Потом оно подпрыгнуло, приземлилось с оглушительным лязгом и погналось за Хокмуном. Юркнув в тесный проход между машинами и стеной, герцог Кельнский подбирался к устройствам, за которыми пришел, а зверь могучими лапами крушил механизмы у него за спиной.

Одна из машин была похожа на оружие. Хокмун остановился возле колоколообразного раструба, торопливо потянул на себя рычаг, но машина отозвалась только тихим гулом.

А зверь уже навис над ним.

Герцог Кельнский приготовился защищаться. Он решил метнуть меч зверю в глаз — Ринал говорил, что механического сторожа убить нельзя, а можно только ослепить.

Внезапно зверь пошатнулся и хрюкнул. Он стоял напротив раструба — видимо, машина испускала невидимый луч, воздействующий на механизм зверя. Хокмун воспрянул духом, но ненадолго — зверь вскоре встряхнулся и медленно, неуверенно двинулся вперед. К нему постепенно возвращались силы.

Хокмун понял: если он сейчас же не расправится с чудовищем, другой возможности не представится. Пока оно медленно поворачивало голову, герцог Кельнский подпрыгнул, обхватил его руками за короткую, толстую шею, вскарабкался по чешуйчатой броне и уселся на плечи. Заревев, чудовище подняло гигантскую лапу, но Хокмун, не дожидаясь, пока зверь схватит его, наклонился вперед и рукояткой меча разбил оба глаза.

Завизжав, чудовище схватилось за глазницы. Молодой герцог спрыгнул и бросился к механизмам, за которыми его послали жители Сориандума. Он выдернул из-за пояса свернутый мешок и бережно опустил в него оба устройства.

Зверь носился по залу, размахивая лапами, круша все вокруг. Ослепнув, он не утратил своей чудовищной силы.

Проскользнув мимо него, Хокмун подбежал к Оладану, взвалил маленького горца на плечи и бросился к выходу. Механический зверь услышал его шаги и помчался вдогонку. Хокмун бежал что было сил, сердце билось так, что, казалось, вот-вот вырвется наружу.

Он пронесся по туннелю, пересек пещеру и протиснулся в спасительный узкий лаз. Здесь механический сторож был ему не страшен.

Выбравшись из подземелья и вдыхая свежий ночной воздух, Хокмун немного успокоился и уложил Оладана на траву. Зверочеловек дышал ровно — ребра, по-видимому, были целы. Зато на его лбу багровел огромный синяк, и Хокмун понял, почему его друг потерял сознание. Вскоре веки Оладана затрепетали. Тихо застонав, он открыл глаза.

— Оладан, ты цел? — с тревогой в голосе спросил Хокмун.

— Цел, только... голова ужасно болит. Где мы?

— Мы в безопасности. Ты сможешь встать? Надо вернуться в Сориандум, пока не рассвело.

Кряхтя, Оладан поднялся на ноги. Из пещеры доносились глухой рев и топот металлических ног. Зверь-машина искала своих врагов.

— Мы в безопасности? — переспросил Оладан, показывая на склон позади Хокмуна. — Надолго ли?

Хокмун обернулся. Скала начинала трескаться — это механический зверь пытался выбраться наружу.

— Тем более нужно спешить. — Хокмун подхватил мешок с добычей, и они бегом двинулись в сторону Сориандума.

Они не пробежали и полумили, когда позади с оглушительным грохотом раскололась скала и над холмами раздался жуткий вой.

— Зверь ослеп и вряд ли будет преследовать нас, — успокоил Оладана Хокмун. — А в Сориандуме, наверное, он и вовсе будет нам не страшен.

Они побежали быстрее и вскоре достигли окраины города.

С первыми лучами зари Хокмун и Оладан добрались до здания, где жили призраки.

Глава 5

МАШИНА

Возле дома их встретили и быстро внесли внутрь трое призраков.

Над горизонтом уже багровел край солнца; в рассветных лучах, проникающих в окна, люди-призраки казались совершенно нереальными. Ринал, дрожа от нетерпения, вынул из мешка машины и подлетел к окну, чтобы рассмотреть их получше.

— Все в порядке, — пробормотал он. — Ну, теперь нам не страшны чужеземцы в масках — в любую минуту мы можем исчезнуть...

— Помнится, вы говорили, что вам нельзя покидать город, — сказал Оладан.

— Да. Но эти машины дадут нам возможность забрать город с собой.

Хокмун не успел его ни о чем спросить — с улицы донеслись крики и топот. Он подкрался к окну и осторожно выглянул наружу. Внизу стояли д'Аверк, оба его помощника и десятка два воинов, один из которых показывал на окна.

— Нас заметили! — хрипло произнес Хокмун. — Надо бежать. Их слишком много.

Ринал нахмурился.

— Если мы включим машину, то спасемся, но вы снова попадете в плен. Не знаю, что и делать.

— Включайте. С д'Аверком мы как-нибудь справимся.

— Мы не можем бросить вас! Если бы не вы, нам...

— Включайте машину! — снова крикнул Хокмун. Но Ринал колебался.

Под окном что-то негромко стукнуло в стену.

— Они ставят лестницы! Еще минута, и они будут здесь! Ринал, решайтесь!

— Решайся, Ринал! — тихо повторила женщина-призрак. — Если то, что мы слышали о герцоге, — правда, д'Аверк не причинит ему вреда. Во всяком случае, сейчас.

— О чем это вы? — подозрительно спросил Хокмун. — Откуда вы знаете?

— У нас есть друг, который приносит нам новости о том, что происходит в мире, — ответила женщина. — Он тоже служит Рунному Посоху...

— Воин в доспехах из золота и черного янтаря? — перебил Хокмун.

— Да. Он рассказывал о тебе...

— Герцог Дориан! — закричал Оладан, показывая на окно, за которым появилась голова в маске Вепря.

Выватив меч из ножен, Хокмун бросился к окну и вонзил острие в щель между маской и латным воротником воина. Захлебываясь кровью, тот полетел вниз. Хокмун попытался столкнуть лестницу, но ее крепко держали внизу. Второго воина Оладан оглушил ударом по голове, но тот повис, держась за перекладину. Хокмун рубанул по пальцам в латных рукавицах, и Вепрь с воплем рухнул на землю.

— Включайте машину! — крикнул Хокмун в отчаянии. — Долго нам не продержаться!

Сзади раздался мелодичный звон, и у герцога Кельнского закружилась голова. Но он все же сумел сразить еще одного Вепря.

Затем все кругом задрожало и окрасилось в алый цвет. Воины внизу завопили от удивления или, скорее, от страха. Багровые развалины дрожали — казалось, город вот-вот рассыплется в прах. Наконец машина умолкла и Сориандум исчез. Хокмун медленно полетел на восток. В ушах, слабея, звучал голос Ринала:

— Сориандум не достанется нашим врагам. Вы спасли нас от верной гибели, и за это мы дарим вам вторую машину. Она может переместить в иное пространство-время большую территорию.

Хокмун опустился на каменистую землю, напоминавшую свежевспаханное поле. От города не осталось и следа. Где-то в стороне вопили гранбретанцы. Оглянувшись, Хокмун увидел то, что их так испугало.

Над толпой латников высилась зверь-машина. Вокруг нее валялись раздавленные и истерзанные тела. Потрясая мечом, д'Аверк гнал своих солдат в бой.

Металлические шипы на спине зверя сотрясались от яростного рева, челюсти щелкали, а длинные когти вспарывали доспехи и рвали плоть.

— Зверь сделает все, что нужно, — сказал Хокмун. — Смотри, Оладан, — наши кони!

Ярдах в трехстах стояли два напуганных скакуна. Через минуту Хокмун и Оладан вскочили на них и помчались прочь от механического чудовища, терзавшего Вепрей д'Аверка.

Снова двое отважных путешественников ехали к морю. В седельной сумке Хокмуна, бережно завернутый в лоскут материи, лежал подарок призраков.

По склонам холмов, покрытых жестким дерном, лошади шли гораздо быстрее, чем по песку пустыни. Вскоре путники достигли широкой долины реки Евфрат.

На берегу они сделали привал. Это место не годилось для переправы — река здесь была широка, а течение — слишком сильное. Ближайший брод, отмеченный на карте Хокмуна, находился на несколько миль южнее.

Устремив неподвижный взгляд вдаль, Хокмун сидел у реки, окрашенной закатным солнцем в алый цвет. Оладан, разжигавший костер, услышал его тяжкий вздох и поднял голову.

— Что тревожит тебя, герцог Дориан?

— Будущее, Оладан. Если д'Аверк не солгал, что Камарг осажден, фон Виллах убит, а граф Брасс ранен, то боюсь, барон Мелиадус сумеет выполнить свое обещание и оставит от Камарга только пепел и грязь.

— Рано горевать, герцог Дориан, — бодро сказал Оладан. — Просто д'Аверк хотел отравить вам последние часы жизни. Камарг наверняка еще держится. Помните, вы мне рассказывали о мужестве и доблести его защитников? Я уверен, что они выстоят. Вот увидите...

— Увижу ли? — глядя на темнеющий вдали берег, спросил Хокмун. — Увижу ли, Оладан? Я знаю: д'Аверк не лгал о других успехах гранбретанцев. Если Сицилия пала, то они наверняка уже вторглись в Итолию и Испанию. Ты понимаешь, что это значит?

— Признаюсь, я слаб в географии, — смущенно ответил Оладан.

— Это значит, что орды Темной Империи перерезали все пути в Камарг. И на суше, и на море. Теперь мало добраться до моря и найти корабль — надо еще пройти по Сицилийскому каналу, а там, должно быть, полным-полно гранбретанских судов.

— Если так, почему бы нам не выбрать другой путь? Например, тот, которым вы пробирались на Восток?

Хокмун нахмурился.

— Тогда я большую часть пути летел. Если возвращаться этой дорогой, уйдет вдвое больше времени. Да и гранбретанцы проникли в те края.

— Но земли, где они правят, можно обойти, — возразил Оладан. — На суше у нас будет хоть какой-то шанс, а в море мы обречены.

— Ты прав, — задумчиво произнес Хокмун. — Но нам придется пересечь Туркию, а это займет несколько недель. Потом надо будет переплыть Черное море — я слышал, там еще нет кораблей Темной

Империи. Он сверился с картой. — Да, через Черное море в Румынию. Но чем ближе к Франции, тем опаснее будет наш путь. Там повсюду враги. И все же ты прав — так у нас будет больше шансов. Пожалуй, надо убить двух гранбретанцев и надеть их маски. У нас перед ними есть одно преимущество: мы можем по лицу узнать друга или врага, а они — нет. Эх, знать бы нам их тайные языки — тогда бы мы где угодно могли путешествовать в чужих' доспехах и масках.

— Вы решили отправиться другим путем? — спросил Оладан.

— Да. Утром поедem на север.

Много долгих дней ехали они по берегу Евфрата и наконец пересекли сирийско-туркскую границу и остановились в тихом городке Бирачеке.

Хозяин постоялого двора явно заподозрил в них слуг Короля-Императора и сказал, что свободных мест нет ткнув пальцем в Черный Камень, Хокмун представился: «Я — герцог Дориан, заклятый враг Гранбретании, последний из герцогов Кельнских». Оказалось, что даже в этом далеком маленьком городке знают о нем, — в тот же миг перед путниками гостеприимно распахнулась дверь.

Позже они сидели в общей комнате и пили сладкое вино, беседуя с караванщиками. Караванщики были смуглые, с иссиня-черными шевелюрами и бородами, лоснящимися от масла. Одеждой им служили кожаные блузы шерстяные кильты ярких расцветок и шерстяные же накидки с узором из фиолетовых, красных и желтых геометрических фигур. Такие наряды, сказали они, носят только слуги Иенахана, богатого анкарского купца. Каждый из караванщиков был вооружен кривой саблей без ножен, но с богато украшенным эфесом и гравированным клинком.

Караван-баши Салим, человек с пронзительным» голубыми глазами и похожим на ястребиный клюв носом, перегнувшись через стол, тихо спросил у Хокмуна с Оладаном:

— Вы слышали, что в Истамбул прибыли посланцы Темной Империи? Они подкупили алчного калифа и его приближенных, и те позволили расположиться в городе большому отряду воинов в масках.

Хокмун отрицательно покачал головой.

— Я плохо знаю, что творится в мире. Но я верю тебе. В обычаях гранбретанцев сначала покупать за золото, а потом отбирать силой.

Салим кивнул.

— И мне так кажется. Думаете, северные волки точат зубы, чтобы напасть на Туркию?

— Не только на Туркию — на весь мир. Даже на Амарик. Они мечтают покорить даже те страны, которые существуют разве что в сказках. Они хотят завоевать Коммуназию — хотя эту страну надо еще найти. Аравию и Восток они считают всего-навсего плацдармом.

— Но где они возьмут столько сил? — удивился Салим.

— Сил у них достаточно, — уверенно ответил Хокмун. — Кроме того, они безумны — а безумие делает их свирепыми, коварными и изобретательными. Я бывал в Лондре — столице Гранбретании. Ее архитектура напоминает дурной сон. Я видел Короля-Императора в Тронной Сфере с белой как молоко жидкостью. Это дряхлый старик со звонким голосом юноши. Я видел лаборатории ученых-чародеев, подаривших ему бессмертие. Этим лабораториям нет числа, в них полным-полно необыкновенных машин. Сами ученые не знают всего, на что способны их машины. Я беседовал кое с кем из знати, и я знаю их желания — тебе, человеку со здоровым рассудком, даже не вообразить, насколько они безумны. В них не осталось почти ничего человеческого, они равнодушны друг к другу и уж тем более к тем, кого считают «низшей расой» — то есть ко всем негранбретанцам. Они завоевывают страну за страной, оставляя на своем пути распытия с трупами мужчин, женщин, детей и даже животных...

— Полно, герцог Дориан! Вы преувеличиваете.

Пристально посмотрев Салиму в глаза, Хокмун медленно, с нажимом произнес:

— Ошибаешься, торговец. Невозможно преувеличить зло, творимое гранбретанцами.

Салим содрогнулся.

— Я... Я вам верю, — пробормотал он, помрачнев. — Правда, верить не хочется. Как же нашей маленькой Турции устоять против таких жестоких и могучих завоевателей?

Хокмун тяжело вздохнул.

— Я могу посоветовать только одно: не продавайтесь гранбретанцам, не пускайте их на вашу землю. Но убеждать вас в этом — напрасная трата слов. Люди алчны и не видят истины за блеском золота. Сопровитесь — вот что я бы вам посоветовал. Встречайте беду, как подобает людям чести — отважным, гордым и мудрым людям. Но и это не выход — тех, кто бросает вызов Темной Империи, ждут пытки и казни. Их жены на глазах у них будут изнасилованы и растерзаны, а дети брошены в пламя, которое охватит целые города... Но вас ждет та же судьба, если вы не решитесь взять в руки оружие. Или хуже того — судьба рабов, готовых на любую подлость, лишь бы спасти свою шкуру. Я говорил о чести, и честь запрещает мне красивыми речами вдохновлять вас на благородную битву и героическую смерть. Я ненавижу гранбретанцев и мечтаю всех их уничтожить; у меня есть могущественные союзники и удача, но все же я чувствую, что рано или поздно Король Хаон мне отомстит. Тем, у кого есть мужество и кто готов бороться, я бы посоветовал действовать хитростью. Хитрость, мой друг, — это единственное наше оружие.

— То есть, делать вид, что ты на их стороне? — задумчиво спросил Салим.

— Да. Я поступил так и, как видишь, жив и пока на свободе.

— Я запомню ваши слова, герцог.

— Запомни еще вот что: решив сделать вид, что заключил сделку с совестью, ты уже заключил эту сделку. Нередко ложь становится правдой задолго до того, как ты это осознал.

Салим пригладил бороду.

— Я понял. — Он окинул взглядом комнату, освещенную факелами. Казалось, тени в углах таят опасность. — Хотелось бы знать, когда придет наша очередь... Ведь под ними, почитай, вся Европа...

— Ты слышал что-нибудь о провинции Камарг?

— Камарг? Да, слышал. Страна рогатых оборотней и могучих полулюдей, которая не поддается Темной Империи. Ее властелин — Медный Граф, металлический великан...

Хокмун улыбнулся.

— Почти все, что ты говоришь, — вымысел. Граф Брасс — человек из плоти и крови, а чудовищ в Камарге совсем немного. Правда, там есть болотные быки и рогатые лошади. А больше ты ничего не знаешь? Живы ли граф Брасс, его дочь Исольт и его помощник фон Виллах?

— Говорят, граф и фон Виллах погибли. О девушке я ничего не слышал, но Камарг вроде бы устоял.

Хокмун потер Черный Камень.

— Не могу поверить, что без графа Камарг способен выстоять. Вряд ли это правда.

— За что купил, за то и продаю, — с улыбкой сказал Салим. — Мы, торговцы, хорошо разбираемся только в местных делах, но о том, что творится на западе, знаем только понаслышке. Сами-то вы из Камарга?

— Да, это моя вторая родина, — хмуро кивнул Хокмун. — Если только ее еще не уничтожили...

Оладан положил ему на плечо ладонь.

— Не горюйте, герцог Дориан. Вы же сами сказали, что это вряд ли похоже на правду. Рано падать духом, надо сначала добраться до Камарга.

Хокмун попытался выбросить из головы тоскливые мысли. Он заказал еще вина, отварной баранины и свежее испеченного хлеба. Но как он ни бодрился, его не покидал страх за тех, кого он любил, и за красивую болотистую страну, уже превращенную, быть может, в выжженную пустыню.

Глава 6

КОРАБЛЬ БЕЗУМНОГО БОГА

С караваном Салима Хокмун и Оладан вскоре добрались до Анкары, а оттуда они направились в Зонгулак — город на берегу Черного моря. В порту им удалось (не без помощи хозяина Салима, снабдившего их необходимыми документами) договориться с капитаном корабля, который собирался идти в город Симферополь. «Улыбающаяся девушка» оказалась не бог весть какой красавицей, с нижних палуб несло гнилью, капитан и команда были похожи на оборванцев, а наполненная ядовитыми испарениями каюта стоила безумно дорого. Но Хокмуна и Оладана все это ничуть не огорчало, поскольку другие суда к берегам Крыма из Зонгулака не ходили.

Капитан Маусо — человек с вислыми жирными усами и бегающими глазками — не внушал доверия, равно как и его помощник, не выпускавший из волосатой лапы бутылку крепкого вина. Но Хокмун рассудил, что едва ли на такое корыто, как «Улыбающаяся девушка», польстятся пираты или гранбретанцы. Незадолго до отплытия Оладан и Хокмун поднялись на борт.

Утром, в прилив, «Улыбающаяся девушка» медленно отошла от причала. Вскоре латанные-перелатанные паруса наполнились ветром, мачты угрожающе заскрипели и корабль лениво двинулся под холодным, пасмурным небом в направлении норд-норд-ост.

Плотный туман приглушал звуки; вскоре в нем растаяли очертания пристани. Кутаясь в плащ, Хокмун стоял на полубаке и смотрел на исчезающий вдаль Зонгулак.

На лицо герцога упали первые крупные капли дождя. Оладан поднялся на палубу и направился к другу, переступая через канаты.

— Герцог Дориан, я немного прибрал в каюте. Но от вони не избавиться — она просачивается сквозь щели. И крыс вряд ли удастся разогнать — больно уж они наглые и жирные.

— Ничего, вытерпим, — уверенно сказал Хокмун. — Бывало хуже. Да и плыть нам всего два дня. — Он посмотрел на помощника капитана, который, шатаясь, вышел из рулевой рубки. — Хотя, конечно, я бы предпочел, чтобы наши морские волки были чуть понадежнее. Если капитан так и будет валяться на койке, а помощник пьянствовать, нам самим придется командовать на этой посудине.

Весь день убогий корабль как щепку носило по волнам. Ветер крепчал, угрожая превратиться в шторм. Время от времени капитан, оступаясь, выходил на палубу и приказывал сменить паруса, подгоняя матросов пинками и проклятиями. Хокмуну и Оладану его распоряжения казались совершенно бессмысленными.

Вечером Хокмун поднялся к капитану на мостик.

— Добрый вечер, сударь, — вытирая рукавом длинный нос, приветствовал его Маусо. — Надеюсь, вас не слишком утомило путешествие?

— Благодарю, все в порядке. Много мы уже прошли?

— Порядочно, сударь. — Шкипер отвернулся, чтобы не смотреть Хокмуну в глаза. — Хотите, я распоряжусь, чтобы вам приготовили ужин?

— Да.

На палубу из-под мостика, мурлыкая что-то себе под нос, вышел помощник капитана. Он едва держался на ногах.

Внезапно корабль накренился от сильного порыва ветра. Хокмун вцепился в поручни, чувствуя, как они затрещали под его весом. Капитан, похоже, не заметил, что его судно едва не опрокинулось, а помощник лежал ничком на палубе, выронив бутылку, и постепенно съезжал к борту.

— Надо бы ему помочь, — сказал Хокмун.

Маусо рассмеялся.

— Ничего с ним не сделается. Пьяному море по колено.

Через минуту помощника прижало к фальшборту. Голова и плечи свесились над морем. Хокмун бросился по трапу на палубу и оттащил бесчувственное тело, от борта. И вовремя: корабль снова сильно накренился, и соленая волна лизнула палубу.

Хокмун посмотрел на спасенного им человека. Помощник капитана лежал на спине, закрыв глаза, и шевелил губами, еле слышно напевая.

— Вы правы, капитан, — пьяному море по колено, — усмехнулся герцог Кельнский.

Внезапно за бортом, на гребне волны, что-то мелькнуло. Хокмун выпрямился.

— Капитан, вы видели? — крикнул он, подходя к борту и всматриваясь в темные волны.

— Кажется, плот, — отозвался Маусо.

Через несколько мгновений Хокмун снова увидел плот, на сей раз ближе. Он был совсем маленьким. На нем лежали трое людей.

— Похоже, их корабль затонул, — небрежно заметил Маусо. — Бедняги. Впрочем, нас это не касается.

— Надо их спасти, — сказал Хокмун.

— В сумерках-то? Ничего не выйдет. Только время зря потеряем. А мне надо успеть в Симферополь — забрать груз, пока меня кто-нибудь не опередил.

— Надо их спасти, — решительно повторил Хокмун. — Оладан, веревку!

Зверочеловек поспешно притащил из рулевой рубки бухту каната. Плот был еще виден, люди лежали ничком, вцепившись в его края. Время от времени они исчезали за высоким валом воды, но появлялись снова. С каждым мгновением расстояние между плотом и кораблем увеличивалось.

Обвязав один конец каната вокруг мачты, а другой — вокруг талии, Хокмун снял плащ и меч и бросился в море.

И тотчас понял, как сильно он рискует. Плыть среди огромных волн было очень трудно. Любая из них могла ударить его о борт корабля, и, оглушенный, он сразу захлебнулся бы. Но он упорно боролся с волнами, не теряя из виду плот и стараясь, чтобы вода не попадала в рот и глаза. Трое несчастных увидели корабль и, вскочив, закричали и замахали руками. Плывающего к ним Хокмуна они не замечали.

— Держитесь! — закричал Хокмун. Собрав последние силы, он поплыл быстрее и вскоре добрался до плота, который швыряло как скорлупку.

Ухватившись за край, он увидел, что двое дерутся не на жизнь, а на смерть, а третий сидит и смотрит на них.

Еще Хокмун увидел маски с кабаньими бивнями. На плоту находились гранбретанцы — воины ордена Вепря.

В тот миг Хокмун едва не поддался искушению бросить их на произвол судьбы. Но тотчас одумался — подобный поступок был бы достоин только гранбретанца. Сначала он должен их спасти, а уж потом решать, как с ними быть.

Он крикнул дерущимся; «Прекратите!» Но его не услышали. Вепри кряхтели и ругались, пытаясь столкнуть друг друга с плота, и у Хокмуна мелькнула мысль, что у них помутился рассудок.

Он попытался забраться на плот, но не смог — мешал канат. Сидящий поднял голову и небрежно помахал ему рукой.

— Помоги мне, — прохрипел Хокмун. — Иначе я не смогу помочь тебе.

Человек встал и осторожно двинулся к нему, но наткнулся на дерущихся. Пожав плечами, он схватил их за шеи и, выждав, когда плот накренится, толкнул в море.

— Хокмун, дружище! — раздался из-под маски Вепря знакомый голос. — До чего же я рад вас видеть! Вы просили помочь — и я помог, сбросил лишний груз...

Хокмун попытался схватить одного из тонущих, но не дотянулся. Он заворуженно смотрел, как Вепри, облаченные в тяжелые доспехи и маски, с жуткой медлительностью исчезают под водой.

Потом он перевел взгляд на уцелевшего гранбретанца, который протягивал ему руку.

— Д'Аверк, вы утопили своих друзей! Мне кажется, будет справедливо, если вы разделите их судьбу.

— Друзей? Что вы, мой дорогой герцог! Это всего-навсего слуги. — Плот подскочил на волне, и д'Аверк испуганно присел. — Они были верными слугами, но и занудами, каких поискать, — продолжал француз как ни в чем ни бывало. — А занудства я не переношу. Позвольте, я помогу вам подняться. Мое суденышко невелико, но все же...

С помощью д'Аверка Хокмун вскарабкался на плот. Повернувшись к кораблю, едва различимому в полумраке, он помахал рукой. Канат тотчас натянулся — значит, Оладан заметил сигнал.

— Это просто счастье, что вы проходили мимо, — хладнокровно заметил д'Аверк, пока плот медленно подтягивали к кораблю. — Я уж, признаться, считал себя покойником и простился с надеждой осуществить мои великие замыслы. И тут, откуда ни возьмись, наш благородный герцог Кельнский на своем замечательном корабле. Гора с горой не сходится, а человек...

— Вы правы, но если не прикусите язык, то отправитесь следом за верными слугами, или кто они вам, — прорычал Хокмун. — Ну-ка, держите канат!

Плот погрузился в волну и ударился о полусгнивший борт «Улыбающейся девушки». Сверху сбросили веревочный трап. Хокмун поднялся по нему и перевалился через борт.

Пока он переводил дух, сидя на палубе, над фальшбортом появилась голова спасенного. Увидев ее, Оладан с проклятьем выхватил меч.

— Он наш пленник, и нужен живым! — остановил Хокмун друга. — Если мы попадем в ловушку, он нам пригодится.

— Как это мудро! — восхищенно сказал д'Аверк и закашлялся. — Прошу прощения — тяготы, выпавшие на мою долю, изнурили меня. Боюсь, сейчас вам от меня мало проку. Но если я переоденусь, выпью горячего грога и проведу ночь в постели...

— Скажите спасибо, если мы позволим вам гнить в трюме, — проворчал Хокмун. — Оладан, отведи его в нашу каюту.

В крошечной каюте, в тусклом свете подвешенного к потолку фонаря, Хокмун и Оладан смотрели, как д'Аверк снимает маску, доспехи и мокрое платье.

— Как вы оказались на плоту? — спросил Хокмун, пока француз энергично растирался полотенцем.

Этот человек оставался для него загадкой. Его хладнокровие было достойно восхищения, и вообще, д'Аверк вызывал у Хокмуна симпатию — видимо, потому, что не скрывал честолюбивых замыслов, не желал оправдываться за свои преступления, даже за бессмысленное убийство слуг.

— О, это долгая история, мой дорогой друг. Оставив солдат разбираться со слепым чудовищем, которое вы на нас натравили, мы с Экардо и Петером удалились в горы. Вскоре прилетел орнитоптер — помните, я послал за ним, чтобы доставить вас к Королю-Императору, — и стал кружить над тем местом, где только что стоял Сориандум... Пилота явно удивило исчезновение целого города, да и нас, признаться, тоже... Надеюсь, когда-нибудь вы мне объясните, в чем тут дело. Так вот, мы сразу поняли, что попали в затруднительное положение... У вас найдется что-нибудь перекусить? — спросил вдруг француз.

— Кок готовит ужин, — ответил Оладан. — Продолжайте...

— Поскольку находились в пустынном краю, а лошадьми не располагали. Кроме того, мы не смогли захватить вас. К счастью, об этом знал только пилот орнитоптера...

— И вы убили его? — спросил Хокмун.

— Увы. Но это было необходимо. Потом мы забрались в машину в надежде добраться до ближайшего города.

— И не справились с управлением?

Д'Аверк улыбнулся.

— Вы угадали, герцог. Из меня неважный пилот. Я поднял машину в воздух, но вскоре эта шельма закапризничала и занесла нас... один Рунный Посох знает куда. Признаюсь, я изрядно струхнул. Эта чертовка металась из стороны в сторону и в конце концов полетела вниз, и я с трудом посадил ее на песок у берега реки. К счастью, мы отделались легкими ушибами. Потом Экардо и Петер закатили истерику, разругались друг с другом — в общем, забыли всякие приличия. Даже меня перестали слушаться. Но все же они помогли мне соорудить плот — мы решили спуститься по реке к ближайшему городу...

— Этот самый плот? — спросил Хокмун.

— Совершенно верно.

— Как же вы попали в море?

— Отливы, мой дорогой друг, — небрежно махнув рукой, ответил д'Аверк. — Течения. Я ведь не знал, что мы находимся возле самого устья реки. Течение подхватило нас и мигом вынесло в открытое море. На этом плоту... На этом проклятом плоту мы провели несколько дней, и все это время Петер и Экардо ныли, обвиняя друг друга в нашем бедственном положении, тогда как упрекать им следовало меня. О, я просто не нахожу слов, насколько тяжелым было это испытание.

— И поделом вам! — проворчал Хокмун.

Раздался стук в дверь. Оладан впустил в каюту неряшливого кока с подносом, на котором стояли три миски с подозрительно пахнущим серым тушеным мясом.

Хокмун забрал у него поднос и дал д'Аверку миску и ложку. После недолгих колебаний француз принялся за еду. Съев все до последней крошки, он поставил миску на поднос и сказал:

— Восхитительно. Для корабельной кухни совсем неплохо.

Хокмун, которого от этой стряпни затошнило, протянул французу свою миску, и Оладан последовал его примеру. Но д'Аверк вежливо отказался:

— Благодарю вас. Во всем надо знать меру.

Хокмун незаметно улыбнулся, снова восхитившись его хладнокровием. Только острый голод мог заставить д'Аверка есть такую гадость, но при этом француз ухитрился не потерять достоинства.

Д'Аверк потянулся, напрягив мускулы, совершенно не соответствовавшие его показной немощи.

— Господа, прошу меня простить, — зевая, сказал он. — Мне необходимо выспаться.

— Могу предложить вам свою постель. — Хокмун показал на узкую койку, не упомянув, что в ней гнездятся полчища клопов. — А я одолжу гамак у капитана.

— Огромное вам спасибо, — сказал д'Аверк, и Хокмун удивился серьезности его тона.

— За что?

Д'Аверк закашлялся, а потом поднял глаза и произнес прежним насмешливым тоном:

— Как за что, мой дорогой герцог? За то, что спасли мне жизнь.

К утру шторм утих. Море еще волновалось, но намного меньше, чем накануне.

Хокмун и д'Аверк встретились на палубе. Француз вышел из каюты в куртке и зеленых бархатных штанах, но без доспехов. Он поклонился Хокмуну.

— Как спалось? — поинтересовался герцог Кельнский.

— Превосходно, — усмехнулся д'Аверк, и Хокмун понял, что ему здорово досталось от клопов.

— Вечером будем в порту, — сказал Хокмун. — Вы — мой пленник, или заложник, как вам больше нравится.

— Заложник? Думаете, Темной Империи небезразлично, жив я или мертв?

— Увидим. — Хокмун потер Черный Камень. — Но предупреждаю: если попытаетесь бежать, я вас убью. Убью, не моргнув глазом — так же, как вы прикончили своих людей.

Д'Аверк откашлялся в носовой платок и торжественно произнес:

— Вы спасли мне жизнь, и она принадлежит вам. Можете забрать ее, когда пожелаете.

Хокмун нахмурился. Д'Аверк был слишком хитер, и герцог подумал, что, пожалуй, напрасно спас его. Хлопот с ним, похоже, не оберешься, а будет ли выгода — еще не известно.

К ним подбежал встревоженный Оладан.

— Герцог Дориан! — тяжело дыша после бега, он протянул руку. — Парус! Двигается нам навстречу!

— Ну и что? — улыбнулся Хокмун. — Для пиратов мы не добыча.

Но через несколько секунд он заметил волнение среди экипажа и схватил за руку ковылявшего мимо капитана.

— В чем дело, капитан Маусо?

— Беда, сударь! — прохрипел шкипер. — Большая беда. Разве вы не видите парус?

Хокмун всмотрелся в очертания чужого корабля. Он заметил эмблему на черном парусе, но разглядеть ее не смог.

— Не станут они с нами связываться, — сказал он. — Вы говорили, на борту нет груза. Зачем им рисковать ради пустого корыта?

— Им все равно, есть у нас груз или нет. Они, как киты-убийцы, нападают на всех без разбора. Им бы только кровь пустить, а грабеж — дело десятое...

— Кто они? — спросил д'Аверк. — Похоже, это не гранбретанцы.

— Как раз гранбретанцы-то и не тронули бы нас, — с дрожью в голосе произнес Маусо. Это москвиты из секты Безумного Бога. Они уже несколько месяцев рыскают в этих местах.

— Они определенно собираются напасть, — без тени страха заметил д'Аверк. — Герцог Дориан, с вашего позволения я спущусь за своим оружием и доспехами.

— Я тоже возьму оружие, — сказал Оладан. — И вам принесу меч.

— Драться бесполезно! — выкрикнул помощник капитана, размахивая бутылкой. — Лучше сразу броситься в море.

— Он прав, — кивнул капитан Маусо, провожая взглядом д'Аверка и Оладана. — Их слишком много. Нас разорвут на куски, а если захватят в плен, будут долго пытаться.

Хокмун обернулся, услышав всплеск. Помощник капитана исчез — видимо, у этого человека слово не расходилось с делом. Герцог Кельнский бросился к борту и всмотрелся в темную воду, но ничего не увидел.

— Он поступил мудро, — вздохнул шкипер. — Не пытайтесь его спасти, лучше прыгайте следом.

Корабль москвитов быстро приближался к «Улыбающейся девушке». На его черном парусе алели два огромных крыла и между ними — звериная морда с разинутой в диком беззвучном хохоте пастью. На людях, толпившихся на палубе, не было ничего, кроме поясов и металлических ошейников. Над водой разносились странные звуки. Хокмун разобрал их не сразу — лишь посмотрев еще раз на парус, он понял, что слышит дикий безумный хохот — должно быть, так хохочут грешники в аду.

— Корабль Безумного Бога, — глухо произнес капитан Маусо, и на его глазах выступили слезы. — Мы пропали!

Глава 7

КОЛЬЦО

Хокмун, Оладан и д'Аверк плечом к плечу стояли у борта. К противоположному борту жалась охваченная паникой команда «Улыбающейся девушки».

Чужой корабль уже нависал над ними. Глядя на дико выпученные глаза голых матросов, Хокмун подумал, что одолеть такую толпу безумцев вряд ли удастся.

В прогнивший борт «Улыбающейся девушки» впились абордажные крючья. Трое ее защитников бросились рубить канаты.

— Заставьте людей подняться на мачты! — крикнул Хокмун капитану. — Разверните корабль!

Перепуганные матросы не шевелились.

— Наверху безопаснее! — бросил Хокмун. Матросы полезли на ванты, но к парусам не прикасались.

Уговаривать их не было времени — через борт вражеского корабля уже лезли, оглушительно хохоча, сумасшедшие матросы.

Один из них прыгнул на Хокмуна, занес над головой герцога Клинок — и встретил грудью острие меча. Но еще до того, как труп упал в узкую щель между кораблями, на палубу «Улыбающейся девушки» посыпались обнаженные тела. Они, как обезьяны, перепрыгивали с палубы на палубу, перелезали по абордажным канатам, перелетали на свисающих с мачты веревках.

Трое защитников корабля кололи и рубили без устали, и вскоре все вокруг казалось им кроваво-красным. Но москвиты только усиливали натиск, оттесняя противников от борта. Они сражались неумело, но отчаянно, видимо, ни в грош не ставя свою жизнь.

Вскоре Хокмун потерял д'Аверка с Оладаном из виду. Он не знал, живы они или убиты, но крепко сжимал меч, раз за разом описывая им длинную смертоносную дугу. Герцог был с ног до головы залит кровью; только его голубые глаза сверкали из-под забрала.

Адский смех не утихал ни на минуту, даже погибая, нагие воины хохотали. Беззвучно смеялись их головы, слетая с плеч.

Хокмун понимал, что рано или поздно он не выдержит такого напора. У него дрожали колени, меч казался свинцовым. Прижавшись спиной к стене рубки, он снова и снова останавливал оцетинившиеся саблями людские волны, которым, казалось, не будет конца.

Удар — и падает обезглавленное тело. Удар — и отлетает отрубленная рука. Но с каждым взмахом меча силы Хокмуна таяли.

Отражая два удара, направленные на него одновременно, он упал на колени, и люди Безумного Бога захохотали громче. Торжествуя, они бросились вперед, спеша прикончить ослабевшего противника.

Собрав последние силы, Хокмун рванулся, схватил и выкрутил запястье одного из нападающих, заставив его выпустить саблю. Теперь у него было два клинка; чужим он колол, а своим рубил. Расшвыряв врагов, он поднялся на ноги, отбросил кого-то пинком ноги и быстро сбежал по трапу на мостик. Голые безумцы карабкались по ступенькам следом за ним.

Он увидел на вантах Оладана и д'Аверка — им пока удавалось сдерживать натиск москвитов. Он посмотрел на корабль Безумного Бога. Его еще соединяли с «Улыбающейся девушкой» абордажные крючья, но на палубе никого не было — все матросы перебрались на торговое судно. В мозгу у Хокмуна забрезжила спасительная мысль.

Он круто повернулся, бросился к противоположному краю мостика и, перегнувшись через леера, схватил свисающий с салинга канат.

— Оладан! Д'Аверк! — закричал он. — Быстро — делайте, как я!

Увидев его, д'Аверк и Оладан забрались на нок-рею и осторожно двинулись к ее краю. Воины Безумного Бога ринулись вверх, густо облепив ванты.

Тем временем щель между кораблями стала увеличиваться.

д'Аверк прыгнул первым и угодил в путаницу снастей под черным парусом. Ухватившись одной рукой за канат, он раскачивался над палубой, рискуя сорваться и разбиться насмерть.

Оладан не прыгнул, а, последовав примеру Хокмуна, перелетел на свисающем с мачты канате. Но силы оставили его: выпустив канат из рук, он растянулся на палубе и остался лежать неподвижно.

Несколько хохочущих безумцев помчались вдогонку за врагами, и некоторым из них удалось перебраться на палубу своего корабля. Они дружно набросились на Хокмуна, по-видимому, сочтя Оладана мертвым.

Герцог Кельнский едва успевал отражать сыплющиеся градом удары. Вскоре лезвие сабли рассекло ему руку, другая сабля сквозь прорезь в забрале ужалила в лицо. Но тут неожиданно подоспела помощь: кто-то спрыгнул с мачты в гущу обнаженных маньяков, хохоча так же безумно, как и они.

Это был д'Аверк в маске кабана и доспехах, забрызганных вражеской кровью. А с тыла на воинов Безумного Бога с боевым кличем горцев обрушился Оладан.

Через несколько минут на палубе не осталось живых москвитов. Последние безумцы со смехом прыгали в воду с «Улыбающейся девушки» и пытались вплавь добраться до своего корабля.

Хокмун посмотрел на торговое судно. Большая часть экипажа каким-то чудом уцелела — в последний момент матросы залезли на бизань-мачту.

д'Аверк бросился к штурвалу. Корабль Безумного Бога стал разворачиваться, обрывая абордажные канаты и удаляясь от барахтающихся в воде москвитов.

— Отлично, — сказал Оладан, тяжело дыша. Сунув меч в ножны, он осмотрел свои раны. — Похоже, мы легко отделались. К тому же, добыли неплохой корабль.

д'Аверк умело разворачивал судно, направляя его на север. Вскоре черный парус наполнился ветром и корабль понесся по волнам, оставив за кормой тонущих безумцев. Даже захлебываясь и уходя на дно, они продолжали хохотать.

Хокмун и Оладан помогли д'Аверку закрепить штурвал и занялись осмотром судна. Трюмы его ломились от сокровищ, награбленных, по-видимому, на десятках мирных кораблей. Но кроме сокровищ там были кучи всякого хлама: сломанное оружие, негодные плотницкие инструменты, рваное тряпье. Повсюду валялись полуразложившиеся трупы, некоторые — с отрубленными конечностями.

Новые владельцы решили первым делом избавиться от трупов. Завернутые в тряпье, мертвецы летели за борт; туда же отправлялись и мешки с конечностями. Эта неприятная работа заняла много времени, потому что некоторых покойников приходилось выкапывать из-под беспорядочно сваленных в трюмы вещей.

Внезапно Оладан застыл на месте, устремив взгляд на высохшую кисть человеческой руки. Нерешительно подняв ее, он рассмотрел кольцо на мизинце и позвал Хокмуна:

— Герцог Дориан!

— Что это? Не надо снимать. Выброси.

— Нет, вы посмотрите, какой странный узор...

Хокмун неохотно подошел — и, узнав кольцо, закричал:

— Нет! Не может быть!

Это было кольцо Исольты. Граф Брасс надел его на палец дочери в день ее помолвки с Хокмуном.

Потрясенный, Хокмун взял у маленького горца высохшую кисть.

— Что с вами? — прошептал Оладан.

— Это ее рука. Исольты.

— Но как она оказалась здесь, в сотнях миль от Камарга? Нет, герцог Дориан, это невозможно.

— Это ее кольцо. — У Хокмуна вдруг отлегло от сердца. — Но рука — чужая. Видишь, кольцо едва налезло на мизинец? А граф Брасс надевал его Исольте на средний палец, и то оно оказалось велико... Это рука вора. — Он снял кольцо с пальца и отшвырнул кисть. — Наверное, он побывал в Камарге и украл там кольцо. Как иначе это объяснить?

— Может быть, она отправилась искать вас? — предположил Оладан.

— Чтобы она сделала такую глупость? Впрочем, все может быть. Но если так, где ее искать?

Оладан не успел ответить — наверху послышалось тихое хихиканье. Все трое подняли головы. Сверху на них глядели безумные глаза.

Одному москвиту удалось-таки вскарабкаться на борт корабля. Теперь он стоял над люком, приготовившись к прыжку.

Хокмун едва успел выхватить меч, чтобы отразить удар безумца. Сталь зазвенела о сталь.

Оладан и д'Аверк бросились герцогу на помощь. Но тот закричал:

— Живым! Он нужен мне живым!

Пока Хокмун сражался с обнаженным воином, д'Аверк и Оладан убрали мечи в ножны и напали на москвиту сзади. Дважды он вырывался, но затем его повалили на пол и крепко связали. Вскоре он успокоился, только продолжал хихикать с пеной вокруг рта, тупо глядя в потолок.

— Какая нам от него польза? — вежливо поинтересовался д'Аверк. — Почему бы не перерезать ему глотку?

— Я только что нашел вот это кольцо, — сказал Хокмун. — Оно принадлежало Исольте, дочери графа Брасса. Я хочу знать, как оно сюда попало.

— Странно. — Д'Аверк нахмурился. — Я полагал, девушка по-прежнему в Камарге — ухаживает за раненым отцом.

— Так он все-таки ранен?

Д'Аверк улыбнулся.

— Да. Но Камарг еще не покорен. В тот раз я просто хотел вас огорчить. Не знаю, насколько тяжело ранен граф, но точно знаю, что он жив. Его советник Богенталь командует войсками, выполняя распоряжения графа. Насколько мне известно, войска Темной Империи крепко там увязли.

— А об Исольте вы что-нибудь слышали? Она не покидала Камарга?

— Нет, — ответил д'Аверк и, нахмурясь, добавил: — Хотя кое-что припоминаю... Да, в армии графа Брасса нашелся человек, которого нам удалось склонить к измене. Он должен был похитить девушку, но не сумел этого сделать.

— Откуда вам это известно?

— Тот человек, Жуан Зинага, исчез бесследно. Видимо, граф Брасс разоблачил его и казнил.

— Мне не верится, что Зинага — предатель. Я с ним немного знаком — кажется, он был капитаном конницы.

— Во втором сражении за Камарг он попал в плен, — улыбаясь, пояснил д'Аверк. — Он был немцем, а его семья находилась у нас...

— Вы его шантажировали!

— Насчет шантажа вы правы, хотя ваш покорный слуга тут совершенно ни при чем. Просто я слышал эту историю в Лондре, когда Король Хаон собрал полководцев и велел им доложить о своих успехах в Европейской кампании.

Хокмун нахмурился.

— А может быть, Зинага все-таки похитил Иsoleду, но на пути в Лондру его остановили люди Безумного Бога?

Д'Аверк отрицательно покачал головой.

— Московиты никогда не забирались в глубь южной Франции. Мы бы знали об этом.

— Но как кольцо Иsoleды оказалось здесь?

— Почему бы не спросить у этого джентльмена? — Д'Аверк кивнул на безумца, который уже почти затих.

— Думаете, он способен сказать хоть что-нибудь вразумительное? — с сомнением спросил Оладан.

— Надеюсь, боль прояснит ему мозги, — сказал Д'Аверк.

— Вряд ли, — возразил Хокмун. — Эти люди ничего не боятся. Надо придумать что-нибудь другое. — Он с отвращением посмотрел на пленника. — Оставим его ненадолго — может, успокоится.

Они поднялись на палубу и закрыли крышку люка. Солнце уже садилось, вдали виднелся берег Крыма — черные зубцы скал на фоне багрового неба. По морской глади скользили меркнущие солнечные отблески. Попутный ветер нес корабль на север.

— По-моему, надо выправить курс, — сказал Д'Аверк. — Похоже, мы слегка отклонились к северу.

Хокмун рассеянно кивнул. Сдвинув маску на затылок, француз уверенно взялся за штурвал.

— На ночь придется встать на якорь, — сказал Оладан. — А утром войдем в гавань.

Хокмун промолчал. В его воспаленном мозгу метались тревожные мысли. Усталость, накопившаяся за последние несколько суток, валила с ног, а страх за Иsoleду грозил свести с ума.

Той же ночью в свете фонарей, подвешенных к потолку трюма, они рассматривали лицо пленника.

Фонари покачивались, бросая тени на переборки и на кучи награбленного добра. Где-то возилась крыса, но никто не обращал на это внимания.

Опустившись на колени возле связанного человека, Хокмун дотронулся до лица пленника, и глаза его тотчас открылись. Во взгляде, которым пленник окинул каюту, больше не было безумия. Он казался слегка удивленным.

— Как тебя зовут? — спросил Хокмун.

— Кориантум из Керчи. Кто вы? И где я нахожусь?

— Тебе бы следовало это знать, — сказал Оладан. — Ты на своем корабле. Разве ты не помнишь, как вы напали на наше судно? Как мы сражались, а потом бежали, и ты гнался за нами вплавь?

— Я помню, как ставили парус, — недоуменно ответил Кориантум. — И все. — Он попытался сесть. — Почему я связан?

— Потому что ты опасен, — весело ответил Д'Аверк. — Ты сошел с ума.

Кориантум рассмеялся — но то был смех совершенно нормального человека.

— Я сумасшедший? Что за чушь?!

Хокмун, Оладан и Д'Аверк удивленно переглянулись. Пленник ничем не напоминал безумца, который недавно пытался их убить.

Внезапно Хокмуна осенило.

— А что еще ты помнишь? Самое последнее?

— Последнее? К нам обратился капитан.

— И что вам сказал?

— Предложил участвовать в обряде... Выпить какой-то особый напиток. Больше ничего не помню.

— Какой парус был на вашем корабле? — спросил Хокмун.

— Парус? А что?

— Было в нем что-нибудь особенное?

— Не помню. Кажется, обычный парус из темно-синей парусины.

— Ты плавал на торговых судах?

— Да.

— А на этом — первый раз?

— Верно.

— А когда ты нанялся на него?

Кориантум озадаченно нахмурился.

— Вчера вечером, кажется. В день Лошади по керченскому календарю.

— А по всеобщему?

Моряк наморщил лоб.

— Одиннадцатого числа третьего месяца.

— Три месяца назад, — заключил д'Аверк.

— Ну да? — Кориантум изумленно уставился на француза. — Три месяца? Как же это?

— Вас опоили, — объяснил Хокмун. — А потом сделали пиратами, и вы совершали гнусные преступления. Ты что-нибудь слышал о культе Безумного Бога?

— Кое-что слышал. Это где-то в Украине. Вроде как они начали путешествовать. Говорят, даже в море выходят.

— А ты знаешь, что на этом судне — парус Безумного Бога? И несколько часов назад ты бесился и хохотал? Да ты погляди на себя... — Хокмун наклонился и перерезал веревки. — Посмотри, что у тебя на шее.

Кориантум из Керчи медленно поднялся, с изумлением разглядывая свое обнаженное тело, ощупал шею и коснулся обруча.

— Я... ничего не понимаю. Это шутка?

— Злая шутка, но мы тут ни при чем, — ответил Оладан. — Вас одурманили, а потом послали в море убивать и грабить мирных моряков. Наверное, на вашем судне только капитан оставался в здравом рассудке. А скорее всего, его здесь и не было. Куда вы должны были привести корабль, Кориантум? Вспомни еще хоть что-нибудь.

— Не помню.

— Я думаю, капитан рассчитывал попасть на корабль позднее и привести его в нужный порт, — заметил д'Аверк. — Должно быть, существуют и другие суда с экипажами из таких дураков, как наш приятель, и эти суда встречаются друг с другом.

— На борту наверняка есть большой запас зелья, которым опоили матросов, — сказал Оладан. — Команда, видимо, пила его регулярно. Да и Кориантум непременно «опохмелился» бы, не свяжи мы его.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Хокмун моряка.

— Ослаб... как будто из меня все жилы вытянули.

— Понятно, — кивнул Оладан. — Видать, дурман не только сводит с ума, но и убивает в конце концов. Как это ужасно! Нанять ни в чем не повинных людей, опохмелить их зельем, превратить в безумцев и убийц, а потом, когда они перемрут, забрать добычу! В жизни не слышал ничего подобного. Я думал, Безумному Богу служат фанатики, но оказывается, среди них есть трезвый, холодный ум.

— Во всяком случае, на море, — сказал Хокмун. — Хотелось бы мне повстречаться с тем, кто все это придумал. Возможно, только он знает, какая связь между этим кораблем и Исольдой.

— Прежде, чем мы отправимся его искать, не мешало бы убрать парус, — посоветовал д'Аверк. — Течение все равно затянет нас в бухту, но прием будет не слишком радушен, если местные жители увидят нашу эмблему. И еще: надо придумать, что делать с этими сокровищами. Ведь мы теперь богачи.

— Д'Аверк, вы — мой пленник, не забывайте. Но вы правы: эти сокровища наши, поскольку их владельцы мертвы. Кое-что мы возьмем себе, а остальное отдадим какому-нибудь честному человеку, чтобы распределить между родственниками и близкими этих безумных моряков.

— А что потом? — спросил Оладан.

— Снова выйдем в море и будем ждать встречи с хозяином корабля.

— А вы уверены, что эта встреча состоится? Вдруг он узнает, что мы побывали в Симферополе? — спросил Оладан.

Хокмун хмуро улыбнулся.

— Тогда он тем более захочет с нами увидеться.

Глава 8

СЛУГА БЕЗУМНОГО БОГА

Они продали добычу в Симферополе и на часть вырученных денег купили провизию, снаряжение и коней, а остаток передали на хранение купцу, которого все рекомендовали как самого честного человека в Крыму. Вскоре в бухту приплелась потрепанная «Улыбающаяся девушка», и Хокмун поспешил заплатить капитану Маусо за молчание о встрече с кораблем под черным парусом. Забрав все свое имущество, в том числе седельную сумку с подарком Ринала, герцог Кельнский поднялся на борт своего корабля в сопровождении Оладана и Хьюлама д'Аверка. С вечерним отливом они вышли в море. Кориантум остался у купца — набираться сил.

Больше недели блуждал по морю черный корабль, то резво скользя над волнами, то попадая в мертвый штиль. По расчетам Хокмуна, они находились поблизости от пролива, соединяющего Азовское и Черное моря, у берега Керчи, где нанялся на судно Кориантум.

Д'Аверк блаженствовал в гамаке, подвешенном над палубой, время от времени кашляя и жалуясь на скуку. Оладан проводил время в «вороньем гнезде», обводя взглядом горизонт, а Хокмун расхаживал по палубе, погруженный в раздумья. Он уже сомневался, что его решение разумно. «Я напрасно теряю время, — с горечью думал герцог Кельнский. — Все равно ничего не узнаю об Исольде. Да и вряд ли это ее кольцо. Наверное, в Камарге таких колец было несколько...»

Но однажды утром на горизонте показался парус.

Первым его заметил Оладан и позвал Хокмуна. Герцог Кельнский быстро поднялся на мостик и стал всматриваться вдаль.

Возможно, это был тот самый корабль, который они ждали.

— Вниз! — крикнул он. — Укрыться в трюме!

Оладан полез вниз по вантам, а д'Аверк живо соскочил с гамака и побежал к трапу, ведущему в средний трюм. Там, в темноте, они затаились и стали ждать.

Спустя час раздался глухой удар в борт. Потом по палубе загремели сапоги. Кто-то медленной, размеренной поступью прошел от кормы до носа и обратно. Затем шаги стихли — видимо, гость вошел в каюту или поднялся на мостик.

Трое людей в темноте затаили дыхание, когда шаги раздались снова. Незнакомец шел напрямик к люку среднего трюма.

Откинулась крышка, и в проеме показался силуэт человека. Гость постоял, нагнувшись над люком и вглядываясь в сумрак, потом стал осторожно спускаться по трапу. Хокмун бесшумно двинулся вперед.

Как только незнакомец ступил на днище, Хокмун прыгнул и обхватил его рукой за шею.

Гость оказался настоящим великаном — ростом выше шести с половиной футов. У него была длинная, заплетенная в косы борода, медный нагрудник покрывал рубашку из черного шелка. Удивленно крикнув, он круто развернулся всем телом, едва не стряхнув Хокмуна. Это был настоящий богатырь. Обхватив толстыми пальцами руку Хокмуна, он почти освободился от захвата, но герцог позвал на помощь:

— Быстрее! Хватайте его, а то вырвется!

Оладан и д'Аверк набросились на великана, и тот не устоял на ногах.

Д'Аверк вытащил меч. В маске Вепря и металлическом облачении воина Гранбритании он выглядел очень грозно. Острие его меча прижалось к горлу пленника.

— Имя! — громогласно потребовал француз.

— Капитан Шарагов. Где мой экипаж?

Чернобородый капитан угрюмо смотрел на своих недругов. Он был скорее зол, чем испуган.

— Где мой экипаж? — повторил он.

— Ты о тех безумцах, которых послал на смерть? — спросил Оладан. — Все они пошли ко дну. Но перед этим успели рассказать нам о твоём гнусном замысле.

— Дураки! — выругался Шарагов. — Вас всего трое, а у меня на корабле целая армия. Неужели вы надеетесь меня удержать?

Д'Аверк усмехнулся.

— С одной армией, как видишь, мы справились, нам не привыкать.

В глазах Шарагова мелькнул страх, но он взял себя в руки.

— Я вам не верю. Команда этого корабля жила только для того, чтобы убивать. Не лгите, что сумели с ней...

— Справились, не сомневайся, — перебил д'Аверк. Огромная кабанья маска повернулась к Хокмуну. — Ну что, поднимемся на палубу и доведем дело до конца?

— погоди! — Хокмун нагнулся над Шараговым. — Я хочу задать ему один вопрос. — Скажи-ка, Шарагов, твои люди когда-нибудь захватывали девушек?

— Им приказано не убивать девушек, а доставлять мне.

— Зачем?

— Не знаю. Мне велено отправлять девушек Ему, вот я и отправляю. — Шарагов засмеялся. — Нет, не удержите вы меня. И жить вам осталось не больше часа. Скоро мои ребята заподозрят неладное.

— Почему же ты никого не взял с собой? Уж не потому ли, что им не понравилось бы содержимое трюмов?

Шарагов пожал плечами.

— Я позову их и они придут.

— Возможно, — кивнул д'Аверк. — Ну-ка, поднимись, будь любезен.

— Куда ты отправлял девушек? — допытывался Хокмун. — Кому?

— На материк, конечно. Безумному Богу, моему господину.

— Ты — слуга Безумного Бога? Значит, правда, что именно вы разбойничаете на море?

— Да, я его слуга, хотя в секте не состою. Просто они хорошо платят, чтобы я потрошил корабли и отсылал им добычу.

— Зачем им это?

Шарагов ухмыльнулся.

— В секте нет моряков. Поэтому жрецы и обратились ко мне, когда придумали этот план. Хотя, сказать по правде, я не знаю, зачем им сокровища. — Он поднялся на ноги. — Ну, пошли. Забавно будет посмотреть, что вы затеяли.

Д'Аверк кивнул Хокмуну и Оладану. Те исчезли во тьме и вернулись с тремя длинными незажженными факелами. Д'Аверк подтолкнул Шарагова, и капитан следом за Оладаном двинулся к трапу.

Они медленно поднялись на палубу и увидели в свете заката большой трехмачтовый корабль.

Матросы, стоявшие на палубе, сразу поняли, что произошло, и бросились к борту. Но Хокмун закричал, прижав к спине Шарагова острое меч:

— Не двигайтесь, иначе мы убьем вашего капитана!

— Если убьете меня, они убьют вас, — проворчал Шарагов. — Кому от этого польза?

— Молчать! — сказал Хокмун. — Оладан, зажигай!

Оладан ударил кресалом о кремень. Факел вспыхнул.

Запалив два других, зверочеловек раздал их своим спутникам.

— Слушайте! — закричал Хокмун. — Наше судно пропитано нефтью. Если кто-нибудь из нас опустит факел, оно загорится. Тогда и вам несдобровать.

— Так, значит, мы все сгорим, — хмыкнул Шарагов. — Да вы такие же сумасшедшие, как и те ослы, которых убили.

Хокмун отрицательно покачал головой.

— Оладан, готовь ялик.

Горец прошел на корму, к самому дальнему люку, развернул над ним лебедку, откинул крышку и, прихватив конец троса, исчез внизу.

Заметив движение на чужом корабле, Хокмун опустил факел. Пламя отражалось в его глазах, бросало багровые отблески на лицо.

Оладан снова поднялся на палубу и, держа в одной руке факел, другой стал вращать ворот лебедки.

Увидев поднимающийся над люком огромный ялик с тремя оседланными лошадьми, Шарагов крикнул от изумления. Лошади испуганно глядели на море. Ялик медленно проплыл в воздухе и, покачиваясь, повис над водой.

Закончив работу, Оладан привалился к лебедке спиной. Он вспотел и тяжело дышал, но ни на секунду не опускал факела.

Шарагов ослабился.

— Неплохо придумано. Но ничего не выйдет. Вас всего трое. Что теперь будете делать?

— Повесим тебя, — ответил Хокмун. — На глазах у экипажа. Я устроил эту ловушку по двум причинам. Первая: мне нужно кое-что от тебя узнать. Вторая — я решил свершить правосудие.

— Какое еще правосудие? — закричал перепуганный Шарагов. — Что ты суешься в чужие дела?

— Правосудие Хокмуна, — твердо ответил герцог Кельнский. На его бледное лицо упал солнечный луч, и казалось, Камень во лбу ожил.

— Матросы! — завопил Шарагов. — Спасите меня! Убейте их, матросы!

— Если вы пошевелитесь, мы убьем его и подожжем корабль! — Крикнул д'Аверк. — Вы погибнете напрасно. Мой вам совет: уходите, пока целы. Мы казним только Шарагова.

Как они и рассчитывали, матросы не испытывали особой любви к своему капитану и не желали ради него рисковать жизнью. И все же они не рубили абордажных канатов, выжидая, что предпримут трое смельчаков.

С веревкой в руке Хокмун забрался на салинг. Сделав петлю и надежно укрепив веревку, он спустился обратно на палубу.

Наступила мертвая тишина. Шарагов наконец сообразил, что помощи от своей команды он не дожидается.

За кормой покачивался над морем ялик с лошадьми. Скрипели тали, потрескивая, горели факелы.

Шарагов отчаянно закричал и попытался вырваться, но пирата остановили острия трех мечей, прижатые к его горлу, груди и животу.

— Вы этого не сделаете... — пробормотал он, но умолк, увидев мрачную решимость на лицах своих врагов.

Оладан подцепил петлю мечом и подтянул ее к борту, Хокмун расширил ее, а д'Аверк подтолкнул к ней Шарагова. В тот миг, когда петля опустилась на плечи пирата, он взревел и ударил Оладана, сидевшего на планшире. Тот с криком полетел в воду. Охнув от неожиданности, Хокмун бросился к борту. Шарагов повернулся к д'Аверку и выбил из его руки факел, но француз отступил на шаг, и у глаз капитана заблестела сталь меча.

Пират плюнул д'Аверку в лицо, прыгнул на борт, лягнув Хокмуна, который попытался его остановить, и бросился в воду.

Петля затянулась, край нок-реи опустился и взметнулся вверх, хрустнули позвонки, и тело задержалось на веревке.

Д'Аверк кинулся к упавшему факелу, но пропитанная нефтью палуба уже вспыхнула. Пока он пытался затоптать огонь, Хокмун бросил Оладану канат, и мокрый зверочеловек вскарабкался на борт корабля. Похоже, морская ванна ничуть не повредила ему.

Матросы на корабле Шарагова зашумели и подступили к борту. «Почему они не отплывают?» — удивленно подумал Хокмун.

— Отходите! — крикнул он. — Ваш капитан мертв, и вы тоже погибнете!

Но матросы не двигались.

— Пожар, остолопы! — Оладан показал на пламя, от которого пятился д'Аверк. Огненные языки взметнулись вверх и лизали мачту и надстройку.

— Пора в лодочку, — усмехнулся д'Аверк.

Бросив свой факел в пламя, Хокмун поспешил к ялику.

— Почему они не уходят? — спросил он француза.

— Сокровища, — пояснил тот, крутя ворот лебедки. — Думают, награбленное добро еще в трюмах.

Ялик опустился на воду. Напуганные лошади фыркали, чуя запах дыма.

Соскользнув по таям на дно ялика, трое воинов налегли на весла. Вскоре судно превратилось в огромный костер. Над волнами стелился маслянистый дым, на фоне которого раскачивалось, словно пытаясь избежать адского пламени, тело Шарагова.

Трое смельчаков поставили парус, и тот наполнился ветром, унося их прочь от горящего судна. Они видели, что на пиратском корабле занялся парус, и матросы лихорадочно затапывали падающие на палубу головы, а другие с большой неохотой рубили абордажные канаты. Но с ялика не было видно, велика ли грозящая кораблю опасность.

Прямо по ходу ялика был виден берег Крыма. Дальше лежала Украина. Быть может, где-то там трое путников найдут Безумного Бога, его приверженцев и, возможно, Исольду...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В то время, как ялик с Дорианом Хокмуном и его спутниками приближался к скалистому берегу Крыма, маленькая страна

Камарг изнемогала под натиском армий Темной Империи. Король Хаон приказал своим войскам во что бы то ни стало уничтожить смелый народ, дерзнувший бросить ему вызов.

По Серебряному мосту, протянувшемуся над морем на тридцать миль, шагали воины Орденов Вепря и Волка, Грифа и Собаки, Богомола и Лягушки. На них были необычные доспехи; их оружие ярко сверкало в лучах солнца. А Император, подобно зародышу свернувшись в своей Тронной Сфере, скрежетал зубами от ненависти к Хокмуну, графу Брассу и всем тем, кого он до сих пор не сумел подчинить, хотя почти весь мир лежал у его ног. Казалось, ему противостоит какая-то таинственная сила, кто-то невидимый повелевает всеми недругами Императора — и эта мысль сводила Хаона с ума... Многое, очень многое зависело от тех смельчаков, с которыми не мог совладать Король Хаон: от Хокмуна, Оладана и, быть может, д'Аверка; от загадочного Рыцаря в Черном и Золотом; от Исольты, графа Брасса и еще горсточка храбрецов. От всех, на кого пал выбор Рунного Посоха...

Из «Истории Рунного Посоха»

Глава 1

ВСТРЕЧА НА БЕРЕГУ

Ялик быстро приближался к черным скалам. Хокмун с любопытством посмотрел на д'Аверка, который улыбался, подняв кабанью маску и устремив вдаль задумчивый взгляд. Словно почувствовав, что на него смотрят, он обернулся.

— Похоже, что вы чем-то озадачены, герцог Дориан.

Неужели вас ничуть не радует исход нашего приключения?

— Радует, — кивнул Хокмун. — Но я озадачен вами, д'Аверк. Ведь вы к нам присоединились случайно. Я уверен, вы не были заинтересованы в том, чтобы свершить правосудие над пиратом, да и судьба Исольты вас не тревожит. И все же вы не пытались сбежать.

Улыбка д'Аверка стала чуточку шире.

— А зачем мне бежать? Убивать меня, насколько я могу судить, вы не собираетесь. Совсем напротив — вы спасли мне жизнь. Сказать по правде, мне кажется, что сейчас моя судьба теснее связана с вашей, чем с судьбой Темной Империи.

— Но вы не преданы мне и моему делу.

— Дорогой герцог, я уже объяснял вам, что я предан только своим замыслам и желаниям. А что касается вашего дела, то признаюсь, я уже не считаю его безнадежным. Вам чертовски везет, и порой мне кажется, что в борьбе с Темной Империей вы способны одержать верх. Если бы я был в этом уверен, то охотно принял бы вашу сторону.

— Вот как? А по-моему, вы просто ждете, когда мы снова поменяемся ролями и у вас появится возможность загладить вину перед гранбретанцами.

— Переубеждать вас бесполезно, — улыбнулся д'Аверк, — поэтому я не стану этого делать.

Выслушав этот уклончивый ответ, Хокмун помрачнел. Д'Аверк согнулся в приступе кашля, а потом, тяжело дыша, лег на дно лодки. Видимо, этим он давал понять, что не прочь сменить тему.

— Герцог Дориан! — крикнул стоявший на носу ялика Оладан. — Смотрите! Вон там, на берегу!

Хокмун обернулся. Под утесом, нависшим над полоской гальки, он разглядел человека на коне. Всадник не двигался, следя за приближением ялика, словно ожидал, когда пассажиры высадятся на берег.

Наконец киль ялика заскрежетал о гальку. Спрыгнув с носа лодки, герцог Кельнский направился к всаднику. Он издали узнал этого рыцаря, с головы до ног закованного в латы.

— Вы встречаете меня? — спросил Хокмун.

— Я предполагал, что вы сойдете на берег именно здесь, — ответил Рыцарь в Черном и Золотом. — Поэтому я и ждал.

— Ясно, — Хокмун окинул всадника взглядом, не зная, что сказать. — Ясно...

Хрустя галькой, к ним приблизились д'Аверк и Оладан.

— Вы знаете этого господина? — спросил д'Аверк.

— Мы с ним старые знакомые.

— Вы — сэр Хьюлам д'Аверк, — звучным голосом произнес Рыцарь. — Я вижу, вы еще не избавились от доспехов гранбретанского полководца.

— Они вполне соответствуют моим вкусам, — парировал д'Аверк. — Между прочим, вы не представились.

Пропустив эти слова мимо ушей, Рыцарь указал на Хокмуна рукой в тяжелой латной рукавице.

— Я должен поговорить с этим человеком. Вы ищете свою невесту Иsoleду. А еще — Безумного Бога.

— Иsoleда в заточении у Безумного Бога?

— Да, если можно так выразиться. Но вы должны найти Безумного Бога не только поэтому.

— Что с Иsoleдой? Она жива? — допытывался Хокмун.

— Жива. Но прежде, чем вы с ней встретитесь, необходимо убить Безумного Бога. И не только убить, но и сорвать с его шеи Аlый Амулет, по праву принадлежащий вам. Безумный Бог похитил у вас две драгоценности — девушку и Амулет, и вы должны их вернуть.

— Насчет Иsoleды я знаю, что она моя, но об Амулете я первый раз слышу. С чего вы взяли, что он принадлежит мне?

— Аlый Амулет — ваш. Безумный Бог не должен его носить, но он владеет им, и оттого безумен.

Хокмун улыбнулся.

— И пусть владеет, если только в этом и заключается свойство Амулета.

— Это не тема для шуток, герцог Дориан. Безумный Бог украл Аlый Амулет у слуги Рунного Посоха и в наказание лишился разума. Но слуга Рунного Посоха, если он владеет Амулетом, обладает великим могуществом. А значит, ни я и никто другой не должны отнимать его у Безумного Бога. Это надлежит сделать только Дориану Хокмуну Кельнскому, слуге Рунного Посоха.

— Опять вы называете меня слугой Рунного Посоха! А я, между прочим, даже не знаю своих обязанностей. И вообще, я не уверен, что Рунный Посох, Амулет и все остальное — не плод вашего воображения. Может быть, вы тоже безумен?

— Думайте, что хотите. Все равно вам придется найти Безумного Бога. Ведь ничего другого вам не остается, верно?

— Да, я хочу разыскать Иsoleду и того, кто ее захватил...

— Пусть так. Главное — мне не нужно вас уговаривать. Вы все равно выполните свое предназначение.

Хокмун нахмурился.

— С того дня, как я покинул Хамадан, меня преследуют странные совпадения. Как вы это объясните?

— Там, где над судьбами людскими властвует Рунный Посох, совпадений не бывает. Иногда вы замечаете закономерность, иногда — нет. — Рыцарь повернулся и указал рукой на вьющуюся по утесу тропинку. — Здесь мы сможем подняться. Наверху заночуем, а утром отправимся в крепость Безумного Бога.

— Вы знаете дорогу? — встрепнулся Хокмун, мигом забыв все сомнения.

— Да.

В душу Хокмуна закралось новое подозрение.

— А вы... случайно, не тот человек, из-за которого Иsoleда попала в плен? Не вам ли я обязан тем, что вынужден искать Безумного Бога?

— Иsoleду похитил изменник Жуан Зинага. Он вез ее в Темную Империю, но по пути у него вышла стычка с гранбретанцами, которые хотели убить его и получить причитающуюся ему награду. Пока они дрались, Иsoleда сбежала. Скитаясь по Европе, она встретила в Итолии караван изгнанников, добралась с ним до Адриатического моря и попала на корабль, который, как ей сказали, направлялся в Прованс. Но корабль оказался невольничьим — на нем везли девушек в Аравию. В заливе Сидра его захватили карпатские пираты...

— Это невероятно. Что было потом?

— Потом пираты решили получить за Иsoleду выкуп. О том, что Камарг осажден, они узнали значительно позже. Тогда они направились в Истамбул, чтобы продать Иsoleду на невольничьем рынке. Но в гавани оказалось много кораблей Темной Империи, и они не решились зайти в порт. Они прошли

дальше, в Черное море, и там на свою беду повстречали корабль, который вы недавно сожгли.

— Остальное мне известно. Та рука принадлежала пирату, отнявшему у Исольты кольцо. И все же, Рыцарь, ваша история слишком похожа на вымысел. Слишком много совпадений...

— Еще раз говорю: там, где действует Рунный Посох, совпадений не бывает. Хотя иногда некоторые закономерности становятся заметны.

Хокмун вздохнул.

— Исольта невинна?

— Относительно.

— Что значит — относительно?

— Будете в крепости Безумного Бога — увидите.

Загадочный Рыцарь умолк и больше на вопросы не отвечал. Он сидел в седле, задумчиво опустив голову, и ждал, пока Хокмун, д'Аверк и Оладан выведут на берег напуганных коней и выгрузят припасы и вещи, в том числе потертую седельную сумку Хокмуна, чудом не потерявшуюся в долгом и трудном пути.

Затем Рыцарь повернул коня и поехал по узкой горной тропе. Остальным вскоре пришлось спешиться и вести лошадей в поводу. Подъем оказался трудным; время от времени человек или конь оступались и едва не падали в пропасть; иногда камень, задетый ногой или копытом, срывался с обрыва.

Наконец они добрались до края обрыва и увидели холмистую равнину, простиравшуюся, казалось, в бесконечность. Рыцарь показал на запад.

— Туда мы отправимся утром. Там, за Пульсирующим мостом — Укrania, а крепость Безумного Бога — в глубине материка. Будьте осторожны, в этих краях рыщут воины Темной Империи.

Он подождал, пока трое путников разобьют лагерь.

— Не угодно ли вам, сударь, принять участие в нашей скромной трапезе? — насмешливо обратился к нему д'Аверк.

Но огромная голова в шлеме, склоненная над лукой седла, не поднялась. Всадник и конь были неподвижны как изваяние. Всю ночь Рыцарь провел в седле, словно охранял покой своих спутников или, может быть, следил, чтобы они не сбежали под покровом темноты.

Лежа в палатке с откинутым пологом, Хокмун смотрел на силуэт Рыцаря и гадал, есть ли в этом создании хоть что-нибудь человеческое. Чем объяснить такое пристальное внимание к Хокмуну? Друг он ему или враг?

Герцог Кельнский вздохнул. Он хотел всего-навсего разыскать Исольту, освободить ее и отвезти в Камарг. Да еще убедиться, что провинция не покорилась Темной Империи. Но все оказалось гораздо сложнее. Выяснилось, что перед Хокмуном стоит некая цель и к ней его ведет таинственный Рунный Посох. Хотя Рунный Посох — это предмет, а не разумное существо. Как он может кого-то вести? Или все-таки это существо? Посох обладает величайшей силой, и тот, кто дает ему клятву, может рассчитывать на его помощь. Ходят слухи, что он вершит судьбы всего человечества. Но, в таком случае, зачем Рунному Посоху слуги, если все люди и так в его власти?

Наверное, не все. Видимо, время от времени появляются какие-то силы, вроде Темной Империи, которые противятся ему. И тогда возникает нужда в слугах.

Мысли путались. Хокмун не привык ломать голову над неразрешимыми загадками. Вскоре его сморил сон.

Глава 2

КРЕПОСТЬ БЕЗУМНОГО БОГА

Через два дня они подъехали к Пульсирующему мосту, протянувшемуся на несколько миль между двумя скалистыми берегами.

Мост представлял собой потрясающее зрелище: он был создан не из твердого вещества, а из великого множества цветных лучей — золотистых, голубых, зеленых, алых и желтых, — которые пересекались и даже как будто переплетались друг с другом. Внизу, среди острых рифов, бурлила и пенилась вода, а мост все время пульсировал, словно живое существо.

— Что это? — спросил Хокмун Рыцаря. — Не похоже, что этот мост создан природой.

— Да, он построен людьми, давным-давно ушедшими в небытие и унесшими с собой знания, с помощью которых им удалось сотворить такое чудо. Народ этот обитал на земле после Дождя Смерти, но до возникновения Княжеств. Что это были за люди и какова их судьба, мне не известно.

— Да неужели? — усмехнулся д'Аверк. — Вы меня разочаровали. Я-то думал, вы знаете все.

Рыцарь промолчал. На доспехах всадников играли отсветы Пульсирующего моста. Кони храпели, пятась и вставая на дыбы. Хокмун натянул поводья, пришпорил скакуна, и конь успокоился, как только его копыта окунулись в мерцающий свет, — видимо, почувствовав под ногами надежную опору.

Рыцарь неторопливо ехал впереди, окруженный радужным сиянием. Конь под ним тоже светился, с каждым шагом все ярче. Хокмун оглянулся на д'Аверка и Оладана — они сияли и тоже казались неземными существами. Внизу, под переплетением лучей, пенилось море, а в ушах, нарастая, звучал странный гул — довольно мелодичный и приятный, если бы не дрожь, которая шла от него по всему телу.

Добравшись до берега, Хокмун почувствовал необыкновенный прилив сил, словно он отдыхал несколько дней. Он рассказал об этом Рыцарю, и тот кивнул.

— Да, мне говорили, что путешествие по Пульсирующему мосту снимает усталость.

Четверо всадников поехали дальше. Между ними и логовом Безумного Бога больше не осталось водных преград.

На третий день зарядил мелкий дождь. Продрогшие всадники упали духом, а усталые кони еле брели по украинской степи, которой, казалось, нет ни конца ни края.

Ехавший впереди Рыцарь вдруг поднял голову, натянул поводья и жестом велел спутникам остановиться. Все застыли, прислушиваясь.

Спустя некоторое время Хокмун услышал дробный топот копыт, и вскоре на невысокий холм слева от него вылетело десятка два конников в овчинных папах и бурках, с длинными пиками наперевес и саблями за спиной. Было похоже, что они спасаются бегством, хотя Хокмун не видел преследователей. Седоки не щадили коней, несущихся во весь опор, и с конских боков, исхлестанных нагайками, стекали капельки крови.

— Что случилось? — крикнул Хокмун. — Кто вас преследует?

— Армия Темной Империи! — обернувшись в седле, ответил один из всадников и пришпорил коня.

Нахмурился, Хокмун спросил Рыцаря:

— Поедем дальше? Или поищем другую дорогу?

— Безопасного пути не существует, — ответил Рыцарь. — Нет смысла сворачивать.

Через полчаса они увидели вдаль густой маслянистый дым, стелющийся по земле. Хокмун сразу понял, что это означает, но не проронил ни слова, пока маленький отряд не приблизился к горящему городу, где они увидели посреди площади огромную пирамиду из трупов. Все мертвецы — мужчины,

женщины, дети — были раздеты догола. Среди человеческих тел было немало трупов животных.

Пирамида горела, источая зловонный дым. Сотворить такое могли только воины Темной Империи. Всадник в бурке не ошибся — где-то поблизости действительно находились гранбретанцы, причем, — судя по тому, что они сделали с городом, — числом не меньше батальона.

Путешественники обогнули город, жителям которого уже ничем не могли помочь, и поехали дальше. Теперь они держались настороже — в любую минуту могли появиться враги.

Оладан, который видел не так уж много зверств, творимых воинами Темной Империи, был потрясен сильнее всех.

— Разве обычные люди... могут...

— А они вовсе не считают себя обычными людьми, — возразил д'Аверк. — Они мнят себя полубогами, а своих правителей — богами.

— И этим оправдывают все свои преступления, — подхватил Хокмун. — Кроме того, им нравится разрушать, запугивать, убивать и мучить. У них, как у росوماхи, стремление убивать сильнее стремления жить. Остров Гранбретания взрастил народ безумцев, и тем, кто не родился среди них, не дано понять их помыслы и поступки.

Вскоре завеса дождя скрыла от всадников город и чадающую пирамиду.

— Отсюда до крепости Безумного Бога рукой подать, — сказал Рыцарь.

Утром они спустились в широкую низину и подъехали к берегу небольшого озера, окутанного серым туманом. За озером темнел мрачный силуэт крепости, сложенной из грубо отесанных камней.

У озера стояла рыбацкая деревенька — несколько ветхих лачуг, рядом — лодки и растянутые на жердях сети, но нигде не было видно ни одного человека.

День выдался холодным, пасмурным; озеро, деревня и крепость навевали гнетущие мысли. Рыцарь поехал к лачугам, и остальные неохотно последовали за ним.

— Что это за бог такой? — шепотом спросил Оладан у Хокмуна. — Сколько у него приверженцев? И все ли они свирепы, как те матросы? Может, Рыцарь недооценивает их силу или переоценивает нашу доблесть?

Хокмун промолчал, пожав плечами, — в ту минуту он мог думать только об Исольде. Он не спускал глаз с черной громады крепости, гадая, где томится его нареченная.

Почему в рыбацкой деревне царит тишина, они поняли, когда въехали на окраину. Все жители были зверски зарублены — лезвия мечей и топоров остались в черепах мужчин и женщин.

— Темная Империя! — глухо произнес Хокмун.

Рыцарь отрицательно покачал головой.

— Гранбретанцы тут ни при чем. У них не такое оружие. И другие привычки.

— Но... кто же тогда? — вздрогнув, прошептал Оладан. — Какая-нибудь секта?

Рыцарь не ответил. Он остановил коня, спешил и, тяжело ступая на песок, приблизился к лежащему поблизости мертвецу. Спутники Рыцаря, оглядываясь, разбрелись по деревне.

С озера наползал туман, его холодные потоки, словно щупальца гигантского спрута, оплетали ноги людей и коней.

— Все эти люди принадлежали секте, — сказал Рыцарь. — Некоторые снабжали крепость провизией, остальные там жили.

— Передрались между собой? — предположил д'Аверк.

— В некотором смысле.

— Что вы имеете в...

Хокмун не договорил — за лачугами раздался пронзительный крик. Четверо воинов выхватили мечи и образовали круг, готовые к нападению с любой стороны.

Но увидев нападавших, Хокмун так растерялся, что опустил оружие.

Они бежали между домами, подняв над головами мечи и топоры. На них были нагрудники и кожаные юбки; в глазах горел свирепый огонь; с губ, распяленных в зверином оскале, падали клочья пены.

Но не это поразило Хокмуна и его спутников; их потрясло, что все эти обезумевшие воины были женщинами необычайной красоты.

Став в защитную позицию, Хокмун с ужасом смотрел, нет ли среди них Исольты. Увидев, что ее здесь нет, он с облегчением вздохнул.

— Вот, значит, зачем Безумному Богу понадобились женщины, — проворчал д'Аверк.

— Насколько я могу судить, он извращенец, — сказал Рыцарь, отразив удар подбежавшей к нему «амазонки».

«Амазонки» сражались неумело, но Хокмун только отбивался и пятился, не в силах нанести разящий удар. Отступали и его товарищи. Получив небольшую передышку, Хокмун оглянулся, и ему в голову пришла спасительная мысль.

— Отходим к сетям! — крикнул он. — Я знаю, как победить без кровопролития.

Мужчины пятились до шестов, на которых висели сети. Отбивая удары, Хокмун свободной рукой ухватился за край одной из них. Оладан понял его замысел и взялся за другой край. Хокмун крикнул: «Давай!» И они набросили сеть на женщин.

Многие запутались сразу, но некоторым удалось высвободиться. Они снова бросились в бой, но сразу угодили под другую сеть, брошенную Рыцарем и д'Аверком. Затем Хокмун и Оладан набросили на эту вопящую, брыкающуюся кучу еще одну сеть, и вскоре женщины запутались окончательно. Хокмуну и его товарищам оставалось лишь обезоружить их. Это оказалось несложно.

Тяжело дыша, Хокмун поднял с песка и забросил в озеро чужой меч.

— По-моему, этот Безумный Бог не так уж и безумен. Воины-женщины куда опаснее мужчин. Неспроста это все...

— Вы полагаете, что на деньги, вырученные за награбленное добро, Безумный Бог собирает армию амазонок? — спросил Оладан.

— Похоже на то, — вмешался д'Аверк. — Но почему эти женщины убили своих же?

— Наверное, мы узнаем это в крепости, — сказал Рыцарь. — Мы... — Он умолк: одна женщина выбралась из-под сетей и с воплем бросилась на своих врагов, протягивая к ним руки со скрюченными пальцами. Д'Аверк обхватил ее за талию и приподнял над землей, а Оладан подошел сзади и рукояткой меча ударил ее в основание черепа.

— Как бы это ни оскорбляло мои рыцарские чувства, — заметил д'Аверк, опуская обмякшее тело на песок, — мне кажется, иного обращения эти очаровательные убийцы не заслуживают. — Подойдя к барахтающимся в сетях женщинам, он неторопливо, методично оглушил их всех. — Вот так — и они живы, и мы. И это главное.

— Я не удивлюсь, если окажется, что это еще не все, — проворчал Хокмун.

— Вы об Исольте?

— Да, об Исольте. Поехали. — Хокмун вскочил в седло и галопом помчался вдоль берега. Следом за ним тронулся Оладан, затем — Рыцарь и последним — д'Аверк. Лошадь француза неслась легким галопом, а сам Хьюлам д'Аверк имел такой беззаботный вид, словно он выехал на утреннюю прогулку.

Невдалеке от крепости Хокмун перестал погонять коня, а у подъемного моста и вовсе натянул поводья. Крепость была погружена в тишину и покой, башни окутаны легкой дымкой, а у опущенного моста лежали трупы стражников.

С зубца самой высокой башни слетел ворон и, хлопая крыльями, исчез в тумане над озером.

Сквозь плотные облака не проникало ни единого солнечного луча. Казалось, путешественники попали в другое измерение, где навеки воцарились безнадежность и смерть.

Черная пасть распахнутых ворот зияла перед Хокмуном.

Во внутреннем дворе, создавая уродливые фигуры, клубился туман. Ничто не нарушало гнетущей тишины. Набрав полную грудь холодного, сырого воздуха, Хокмун обнажил меч, пришпорил коня и понесся по мосту в логово Безумного Бога.

Глава 3

ВЫБОР ХОКМУНА

Просторный двор крепости был завален мертвыми телами, преимущественно мужскими. У всех мертвецов на шее были обручи Безумного Бога. Там, где не было скорчившихся в уродливых позах трупов, на мостовой запеклась кровь.

Трупный запах щекотал ноздри. Конь испуганно храпел, но Хокмун заставлял его двигаться вперед. Герцог Кельнский со страхом всматривался в лица мертвецов, боясь увидеть среди них Иsoleду.

Спешившись, он бродил по двору, переворачивая окоченевшие тела женщин, но не находил своей невесты.

Вскоре во двор въехал Рыцарь, за ним появились Оладан и д'Аверк.

— Ее здесь нет. Она жива и находится в замке.

Хокмун дрожащей рукой взял коня под уздцы.

— Рыцарь, он... Он ничего с ней не сделал?

— Это вы узнаете сами, герцог Дориан. — Рыцарь показал на парадный вход. — Через эту дверь вы попадете в покои Безумного Бога. Сразу за дверью короткий коридор, ведущий в главный зал. Там он сидит и ждет вас...

— Он знает обо мне?

— Он знает, что однажды к нему придет законный владелец Красного Амулета и потребует его обратно...

— Мне нет дела до Амулета. Мне нужна только Иsoleда. Где она, Рыцарь?

— Она в крепости. Ступайте, требуйте у него и девушку, и Амулет. Они оба важны для замыслов Рунного Посоха.

Повернувшись, Хокмун бросился к двери и исчез во мраке.

Внутри было невероятно холодно. В коридоре капала с потолка ледяная вода, стены обросли мхом. Ожидая нападения, Хокмун крался в полумраке с мечом в руке.

Но ничего не случилось. Он подошел к высокой (футов двадцать пять) двери и остановился, прислушиваясь.

За дверью раздавались странные звуки, похожие на громкое, но невнятное бормотание. Хокмун осторожно налег на дверь, и она приоткрылась. Просунув голову в щель, он увидел необыкновенную картину.

Пропорции зала были причудливо искажены. Кое-где потолок спускался почти до пола, в других местах поднимался футов на пятьдесят. Окон не было; помещение освещалось несколькими факелами, укрепленными на стенах. В центре зала, окруженное трупами, лежащими здесь, видимо, уже давно, стояло огромное кресло черного дерева, а перед ним покачивалась подвешенная к потолку огромная клетка, похожая на птичью. В клетке, сгорбившись, сидел человек.

Кроме него, в этом странном зале не было ни души. Хокмун осторожно вошел и приблизился к клетке.

Именно из нее и доносились звуки, которые он слышал за дверью, — бормотание и стоны. Казалось невероятным, что человек способен так громко говорить и стонать. Хокмун решил, что причиной тому — необыкновенная акустика зала.

В тусклом свете факелов человек в клетке был едва различим.

— Кто вы? — спросил Хокмун. — Узник Безумного Бога?

Стоны прекратились, и человек пошевелился. Затем Хокмун услышал глубокий тоскливый голос:

— Да, можно сказать и так. Самый несчастный из его узников.

Хокмун уже привык к темноте и смог разглядеть незнакомца как следует. Он был долговяз и очень худ, с длинной цыплячьей шеей. Седые волосы сваялись колтуном; грязная борода выдавалась вперед почти на фут. У него был длинный скрюченный нос, а в глубоко посаженных глазах светилось тоскливое безумие.

— Я могу вас спасти? — спросил Хокмун. — Может быть, удастся раздвинуть прутья решетки?

Человек пожал плечами.

— Дверь клетки не заперта. Моя тюрьма — не клетка, а мой череп. О, горе мне!

— Кто вы?

— Когда-то меня называли Стальниковым. Я из древнего рода Стальниковых.

— И вы — в плену у Безумного Бога?

— Да. В плену. Да, именно так. — Узник медленно повернул огромную голову и уныло уставился на Хокмуна. — А вы кто?

— Дориан Хокмун, герцог Кельнский.

— Германец?

— Когда-то Кельн принадлежал стране, которую называли Германией.

— Я боюсь германцев. — Стальников отодвинулся подальше от Хокмуна.

— Меня вы можете не бояться.

— Да ну? — Стальников захихикал, и эхо этого безумного смеха раскатилось по залу. — В самом деле?

Он сунул руку за пазуху и вытащил предмет, висевший у него на шее. Этот предмет был похож на огромный рубин, сияющий темно-красным светом. Хокмун увидел на нем символ Рунного Посоха.

— Разве ты не тот немец, который должен лишить меня могущества?

— Алый Амулет?! — воскликнул потрясенный Хокмун. — Откуда он у вас?

— Что значит — откуда? — зловеще ухмыляясь, переспросил Стальников и поднялся на ноги. — С трупа воина, тридцать лет назад проезжавшего по этим землям. Его подстерегли и убили мои слуги. — Он гладил Амулет, и тот разгорался ярким, слепящим светом. — Это и есть Безумный Бог. Это и есть источник моей болезни и моего могущества. Я у него в плену.

— Ты — Безумный Бог! Где моя Исольда?

— Исольда? Девушка? Новенькая девушка со светлыми волосами и нежной белой кожей? А почему ты о ней спрашиваешь?

— Она — моя!

— Тебе не нужен Амулет?

— Мне нужна Исольда.

Смех Безумного Бога прогремел в зале, отдаваясь многоголосым эхом.

— Так ты ее получишь, германец!

Он захлопал в ладоши, похожие на клешни, и заметался по клетке, словно кукла, которую дергают за одну-единственную нить.

— Исольда, девочка моя! Исольда! Иди-ка сюда, сделай одолжение своему господину!

Из ниши в стене, где потолок почти соприкасался с полом, вышла девушка. Ее силуэт был знаком Хокмуну, но герцог не был уверен, что это его невеста. И все же... «Да, это она. Ее походка, ее осанка».

Его губы растянулись в счастливой улыбке. Он шагнул к ней, протягивая руки.

С диким звериным визгом девушка бросилась к нему.

На ее пальцах были наперстки с металлическими когтями, из одежды торчали шипы, лицо исказила гримаса.

— Убей-ка его, красотка Исольтда! — хихикал Безумный Бог. — Убей его, цветочек мой, и получишь в награду его потроха!

Хокмун едва успел закрыть глаза руками. Металлические когти рассекли кожу на тыльной стороне его ладони. Он отпрянул от девушки.

— Исольтда, опомнись! Я — Дориан, твой жених...

Но безумные глаза не узнавали его, а из оскаленного рта текла слюна. Острые когти снова метнулись к лицу герцога, и он едва увернулся.

— Исольтда...

Безумный Бог хохотал, вцепившись в прутья решетки.

— Убей его, мой цыпленочек! Разорви ему горло!

— Что за сила лишила ее воли? Что заставило ее забыть о любви?

— Сила Безумного Бога, подчинившая и меня, — ответил Стальников. — Алый Амулет всех обращает в рабство.

— Да — если он в недобрых руках... — Хокмун снова увернулся от когтей Исольтды и бросился к клетке.

— Руки, в которые он попадет, обязательно станут недобрыми, — со смехом произнес Стальников, когда когти разорвали Хокмуну рукав. — Любые руки!

— Только не руки слуги Рунного Посоха! — произнес гулкий голос. В дверном проеме стоял Рыцарь в Черном и Золотом.

— Помоги! — крикнул ему Хокмун.

— Я не вправе, — ответил Рыцарь.

Убегая от разъяренной Исольтды, Хокмун споткнулся, и тотчас когти впились ему в плечи. Он схватил ее за запястья и вскрикнул от боли — в ладони вонзились острые шипы. Но все же он сумел высвободиться и отшвырнуть девушку, а потом бросился к клетке, где верещал от восторга Безумный Бог.

Подпрыгнув, он ухватился за прутья решетки и подтянулся. Потом ударил Стальникова, и тот упал. Клетка дергалась и кружилась; Исольтда приплясывала внизу, пытаясь дотянуться до Хокмуна.

С круглыми от ужаса глазами Стальников жался к прутьям. Подобравшись к двери, Хокмун распахнул ее и протиснулся в клетку. Внизу в бессильной злобе выла Исольтда; алый свет Амулета отражался в ее глазах.

Глядя на чудовище, в которое превратилась его любимая, Хокмун заплакал. Потом с ненавистью посмотрел на Безумного Бога.

По залу разнесся глухой, скорбный голос Стальникова, который направлял в глаза Хокмуну луч Амулета:

— Назад, смертный! Повинуйся мне! Повинуйся могуществу Амулета...

Хокмун застыл, не сводя глаз с сияющего Амулета и чувствуя, как слабеет его тело, как тает воля...

— Спускайся! — властно сказал Стальников. — Иди навстречу своей гибели!

Но Хокмун напряг все свои силы и шагнул вперед. Безумный Бог от изумления открыл рот.

— Прочь! — взвизгнул он. — Я повелеваю... именем Алого Амулета...

— Над ним Амулет не властен, — твердо произнес Рыцарь. — Только над ним. Герцог Кельнский имеет право носить его.

Стальников вскрикнул и заметался по клетке. У Хокмуна подкашивались ноги, но он решительно приближался к Безумному Богу.

— Назад! — закричал Стальников. — Прочь отсюда!

Исольда ухватила за прутья и полезла вверх, не сводя с горла Хокмуна остекленевших глаз.

— Назад! — Стальникову удалось проскочить мимо Хокмуна к двери и распахнуть ее.

Исольда вскарабкалась наверх и висела снаружи, скаля зубы и корча страшные гримасы. Безумный Бог стоял к ней спиной, направляя свет Амулета Хокмуну в лицо.

Просунув руку между прутьями, Исольда ударила Стальникова по затылку. Завизжав, он спрыгнул на пол. Исольда увидела Хокмуна и стала пробираться к двери в клетку.

Хокмун понимал, что сейчас не время убеждать свою обезумевшую возлюбленную. Он проскочил мимо когтистой руки, спрыгнул на неровные плиты пола и несколько мгновений лежал, отдыхая.

Видя, что Исольда тоже вот-вот спрыгнет, он с трудом поднялся. Безумный Бог вскарабкался на высокое кресло и уселся на спинке, как петух на насесте. С его шеи свисал Амулет, а по плечам текла кровь из ран, оставленных когтями Исольды.

Вереща от страха, он смотрел, как Хокмун приближается к креслу и забирается на подлокотник.

— Умоляю, оставь меня... — забормотал Стальников. — Я не причиню тебе зла...

— Ты уже причинил мне много зла, — мрачно произнес Хокмун. — Очень много. Достаточно, чтобы месть стала бальзамом для моей души...

— Исольда, стой! — закричал Стальников. — Стань такой, как прежде! Повелеваю — именем Алого Амулета!

Обернувшись, Хокмун увидел, что Исольда застыла на месте. Потом обвела изумленным взглядом зал. С ужасом посмотрела на когтистые наперстки, на шипы, покрывающие все ее тело.

— Что это? Что со мной сделали?

— Тебя околдовало это чудовище, — хрипло произнес Хокмун, показывая на Стальникова мечом. — Но я отомщу ему!

— Нет! — закричал Стальников. — Это нечестно!

Исольда зарыдала. Стальников в страхе озираясь.

— Слуги! Где мои воины?!

— Перебили друг друга в угоду своему гнусному хозяину, — ответил Хокмун. — А тех, кто остался жив, мы взяли в плен.

— Где мои амазонки? Я хотел, чтобы красота покорила всю Украину! Я хотел вернуть наследство Стальниковых...

— Вот твое наследство, — сказал Хокмун, поднимая меч.

Стальников спрыгнул с кресла и помчался к двери, но резко свернул, увидев Рыцаря. Он промчался по залу и исчез в нише.

Хокмун спустился с кресла и повернулся к Исольде, лежавшей, рыдая, на полу. Опустившись рядом с ней на колени, он осторожно снял с ее тонких пальцев наперстки с окровавленными когтями.

Она подняла голову.

— О, Дориан! Как ты меня нашел? Любимый...

— Благодаря Рунному Посоху, — ответил за герцога Рыцарь.

Хокмун с облегчением засмеялся.

— А вы настойчивы в своих притязаниях, Рыцарь.

Рыцарь промолчал. Таинственный и неподвижный как статуя, он стоял, загородив собой дверь.

Хокмун расстегнул застёжки костюма с шипами и стал раздевать девушку.

— Найди Безумного Бога, — сказал Рыцарь. — Помни, Амулет — твой. Он даст тебе великую силу.

Хокмун нахмурился.

— И сведет с ума?

— Нет, болван! Он принадлежит тебе по праву!

Хокмун помолчал, удивляясь раздраженному тону Рыцаря. Исольда коснулась руки жениха и сказала:

— Остальное я сделаю сама.

Спрятав меч в ножны, Хокмун посмотрел во мрак — туда, где исчез Безумный Бог.

— Стальников!

В темноте мелькнуло крошечное пятнышко красного света. Опустив голову, Хокмун вошел в узкий коридор и услышал рыдания, вскоре ставшие очень громкими. Все ближе и ближе подкрадывался герцог Кельнский к источнику красного света; все громче и громче звучали рыдания. Наконец он увидел сияющий Амулет на шее человека, стоящего возле стены из грубо отесанного камня. В руке у Безумного Бога был меч.

— Тридцать лет я ждал тебя, германец, — сказал вдруг Стальников тихим, спокойным голосом. — Я знал, что ты придешь. Придешь, чтобы погубить мои замыслы, разрушить мечты, уничтожить все, что мне удалось создать. Но я надеялся одолеть тебя. Возможно, мне это удастся.

И пронзительно взвизгнув, он взмахнул мечом.

Хокмун без труда парировал удар и легко выбил оружие из руки Стальникова. Потом прижал острие своего меча к груди Безумного Бога.

Несколько мгновений Хокмун смотрел в полные ужаса глаза сумасшедшего. Амулет окрашивал лица обоих в алый цвет. Стальников кашлянул, словно прочищая горло, — наверное, хотел взмолиться о пощаде. Но не успел.

Повернувшись на каблуках, Хокмун пошел прочь от мертвеца.

Глава 4

СИЛА АМУЛЕТА

Хокмун набросил плащ на обнаженные плечи Исольты. Девушка дрожала и всхлипывала, не только от испуга, но и от радости. У выхода неподвижно стоял Рыцарь в Черном и Золотом.

Внезапно он пошевелился. Пройдя через зал, Рыцарь исчез в темном алькове, где лежал труп Безумного Бога.

— О, милый Дориан! Если бы ты знал, что мне пришлось пережить! Меня носило по всему свету, я попадала в плен то к одной, то к другой шайке разбойников... Я даже не знаю, что это за место... и что было со мной в последние дни. Помню только какой-то кошмарный сон, будто я хотела убить тебя, и это желание было почти непреодолимым...

Хокмун прижал к себе Исольту.

— Ты права, это был сон. Пойдем отсюда. Мы вернемся в Камарг, и все будет хорошо. Что с твоим отцом? И с остальными?

Она широко раскрыла глаза от удивления.

— Как, ты не знаешь? А я думала, ты уже бывал там и отправился искать меня...

— Я там не был, но кое-какие слухи до меня дошли. Что с Богенталем, фон Виллахом, графом Брассом?

Она потупилась.

— Фон Виллах погиб от огненного копья в бою на северной границе. Граф Брасс...

— Что с ним?

— В последний раз, когда я его видела, он был очень плох, и даже Богенталь не мог его исцелить. Отец был ко всему равнодушен, казалось, ему больше не хочется жить. Он сказал, что Камарг скоро падет. Он считал тебя погибшим — ведь ты не вернулся в назначенный срок, и никаких известий о тебе не было...

У Хокмуна потемнели глаза.

— Я должен вернуться — хотя бы для того, чтобы вселить надежду в сердце графа. Ведь после твоего исчезновения он, наверное, совсем пал духом.

— Если он вообще жив, — прошептала Исольта.

— Жив. Камарг еще держится — значит, граф Брасс жив.

В коридоре, по которому Хокмун вошел в зал, раздался топот бегущих ног. Герцог Кельнский заслонил собой Исольту и выхватил меч.

Дверь распахнулась. За ней стояли Оладан и — чуть дальше — д'Аверк. Они тяжело дышали.

— Воины Темной Империи! — сказал Оладан. — Нам с ними не справиться, их слишком много. Похоже, это мародеры.

Д'Аверк подошел и остановился рядом со зверочеловеком.

— Я пытался их образумить. Говорил, что я выше рангом, чем их командир. Но увы, — он пожал плечами, — похоже, гранбретанцы уже не считают д'Аверка за своего. Проклятый пилот умер слишком поздно, успев рассказать, что я вас упустил. Теперь я вне закона, как и вы...

Хокмун помрачнел.

— Входите и запирайте дверь на засов. Надеюсь, гранбретанцы не сумеют ее высадить.

— Это единственный выход? — спросил д'Аверк.

— Похоже на то.

Из темноты вышел Рыцарь. Он очень осторожно, за ремешок, нес Алый Амулет, направляясь к Хокмуну.

— Возьми, — сказал Рыцарь. — Он твой.

Герцог Кельнский отпрянул.

— Не возьму. Он мне не нужен. Это дурная вещь, из-за нее многие погибли. А кто не умер, тот сошел с ума. Даже Стальников, и тот — несчастная жертва Амулета. Носи его сам, или найди другого дурака.

— Носить его можешь только ты, — прозвучал из-под забрала твердый голос. — И никто другой.

— Не буду! — Хокмун кивнул на Иsoleду. — Он превратил эту нежную девушку в бешеного, кровожадного зверя. Он повинен в смерти всех, чьи трупы мы видели в деревне. Это он лишил рассудка женщин, которые напали на нас. А по чьей вине мертвы люди, что лежат во дворе замка? — Он выбил Амулет из руки Рыцаря. — Я не возьму его! Если Рунный Посох творит зло, я не желаю служить ему!

— Сила Рунного Посоха гибельна только из-за глупцов. — Голос Рыцаря звучал по-прежнему твердо. — Его дарами надо уметь пользоваться, и уж тем более нельзя их отвергать. Ты — слуга Рунного Посоха, и ты обязан взять Амулет. Он не причинит тебе вреда. Он даст тебе силу.

— Чтобы убивать и сводить с ума?

— Чтобы творить добро. Чтобы сражаться с ордами Темной Империи.

Хокмун презрительно фыркнул. И тут дверь вздрогнула от сильного удара. Воины Темной Империи обнаружили их укрытие.

— Нас слишком мало, — сказал Хокмун. — Может ли Амулет спасти нас? Ведь выход отсюда один — через эту дверь.

— Может, — заверил Рыцарь, поднимая и снова протягивая Хокмуну Амулет.

Дверь трещала под бешеным натиском гранбретанцев.

— Если этот Амулет — такая хорошая штука, почему бы тебе самому им не воспользоваться? — спросил Хокмун.

— Я не должен к нему прикасаться. Иначе со мной случится то же, что и с беднягой Стальниковым. — Рыцарь шагнул вперед. — Возьми. Ведь ты пришел сюда за ним.

— Ошибаешься. Я пришел спасти Иsoleду.

— Но она оказалась здесь не случайно.

— Так, значит, меня заманили?

— Нет, это было предопределено. А сейчас ты противоречишь сам себе. Говоришь, что пришел спасти Иsoleду, — и не делаешь этого. Отвергаешь Амулет, без которого ты почти бессилён. Скоро сюда ворвутся два десятка свирепых воинов, и смерть девушки будет куда страшней, чем наша...

От двери отлетали щепки. Оладан и д'Аверк попятились, выставив перед собой мечи. д'Аверк сказал:

— Еще минута — и они будут здесь. Прощай, Оладан... и вы, герцог, прощайте. С вами было не так скучно, как...

Хокмун в нерешительности смотрел на Амулет.

— Я не знаю...

— Поверь мне, — сказал Рыцарь. — Однажды я спас тебе жизнь. Неужели только затем, чтобы отнять ее?

— Не отнять, а подчинить злой воле, — возразил Хокмун. — Откуда я знаю, что ты действительно посланец Рунного Посоха? С какой стати я должен верить тебе?

— Дверь вот-вот рухнет! — с отчаянием закричал Оладан. — Герцог Дориан, идите к нам! Пусть Рыцарь и девушка спасаются, если смогут!

— Держи! — Рыцарь снова протянул Амулет. — Не теряй времени — надо спасти девушку.

Еще мгновение Хокмун колебался, но затем все-таки взял Амулет. Держать его на ладони было очень удобно, словно именно для этого он и был предназначен. Казалось, он светит все ярче, заливая алым сиянием огромный зал с кривыми стенами и причудливым потолком. У герцога возникло ощущение, будто в его тело вливается удивительная сила, и он почувствовал необыкновенную легкость. Движения стали точными, мозг освободился от тяжести тревог и сомнений. Улыбнувшись, герцог Кельнский надел на шею окровавленный ремешок, а затем поцеловал Иsoleду, испытав при этом небывалое блаженство. Выхватив меч, он повернулся к гранбретанцам, доламывавшим огромную дверь.

Наконец дверь сорвалась с петель и рухнула. В проеме столпились воины в тигриных масках, сверкающих эмалью и драгоценными камнями. Воины сопели, угрюмо рассматривая своих недругов.

Их предводитель вышел вперед.

— Эге, да их тут по пальцам можно пересчитать! Стоило силы тратить. Ладно, ребята, — они заплатят нам за работу!

Глава 5

ПОБОИЩЕ В ЗАЛЕ

— Ну и сила у меня, клянусь Рунным Посохом! — прошептал Хокмун и прыгнул вперед.

Огромный боевой меч со свистом рассек воздух и обрушился на незащищенную шею предводителя Тигров. Затем лезвие скользнуло влево, и второй воин покатился по полу. Удар вправо — и разящая сталь разрубает доспехи на третьем гранбретанце...

И вот уже повсюду — кровь и исковерканный металл. По маскам и доспехам воинов скользили багровые отблески Амулета... Хокмун вел своих спутников вперед, и гранбретанцы растерялись от неожиданности.

Лучи Амулета слепили Тигров, и те отступали, прикрывая глаза ладонями и выставив перед собой оружие, ошеломленные необыкновенной быстротой Хокмуна, яростным напором Оладана и д'Аверка и неторопливой, но грозной поступью Рыцаря, который раз за разом описывал смертоносный круг огромным двуручным мечом. Казалось, он не ведает усталости.

На Хокмуна набросились шесть человек с топорами. Грязно ругаясь, они пытались навалиться на него со всех сторон, не дать ему размахнуться. Но герцог Кельнский одного отшвырнул ногой, другого — локтем, а третьему пронзил маску вместе с черепом — кровь и мозги брызнули из раны, когда он выдернул меч.

От таких ударов меч очень скоро затупился и уже не пронзал доспехов; им можно было только рубить, как топором. Улучив момент, Хокмун вырвал оружие у одного из нападающих. Теперь своим мечом он рубил, а чужим — колол.

— Эге! — воскликнул он. — А этот Амулет — стоящая вещь!

Амулет болтался у него на шее, и алые лучи превращали потное, искаженное свирепой радостью лицо герцога в демоническую маску.

Уцелевшие Тигры бросились бежать, но Рыцарь и д'Аверк преградили им дорогу.

Убивая гранбретанцев, Хокмун мельком глянул на Исольту. Она стояла, закрыв лицо ладонями, не желая смотреть на резню, в которой участвовали ее жених и его товарищи.

— До чего же приятно карать эту нечисть! — крикнул ей Хокмун. — Не прячь глаза, Исольт! Смотри, пришел наш час!

Но девушка упорно прятала глаза.

Повсюду валялись скорченные трупы. Тяжело дыша, Хокмун огляделся — никто из врагов не ушел живым. Внезапно силы покинули его. Он сунул меч в ножны и поднес к глазам Амулет. И увидел на нем контуры тех же узоров, что и на Рунном Посохе, только менее причудливые.

— Первое, что ты для меня сделал, — это помог пролить кровь, — пробормотал он. — Я благодарен тебе, но все-таки боюсь, что ты предназначен не для добрых дел...

Амулет вдруг замерцал. Хокмун вопросительно посмотрел на Рыцаря в Черном и Золотом.

— Он тускнеет. Почему?

— Он получает энергию издалека и накапливает ее постепенно. Придет срок, и он снова засветится. — Рыцарь помолчал, наклонил голову, прислушиваясь, затем добавил: — Я слышу шаги. Кажется, мы убили не всех.

— Так пойдем, устроим им взбучку! — д'Аверк склонился в поклоне, жестом приглашая Хокмуна пройти вперед. — Уступаю вам путь, друг мой. Похоже, вы вооружены лучше всех нас.

— Нет, — воспротивился Рыцарь. — Первым пойду я. Сила Амулета на время исчерпана. Пойдем!

Он направился к дверному проему. д'Аверк и Оладан устало двинулись следом. Хокмун встретился

взглядом с Исольдой.

— Хорошо, что ты их убил, — твердо произнесла она.

— Они жили, как псы, и умерли собачьей смертью, — тихо сказал Хокмун. — Так и должны умирать слуги Темной Империи. А нам сейчас снова придется биться с подобными им. Крепись, любимая, — нам грозит большая опасность.

Новый отряд ворвался в коридор — и тут же отхлынул от закованного в броню Рыцаря. Воины были потрясены, увидев, что из схватки с двадцатью их товарищами пятеро чужаков вышли целыми и невредимыми.

Солдаты Гранбретании с криками высыпали во двор, усеянный трупами, и попытались построиться. Четверо воинов, стоявших перед ними, выглядели устрашающе, с ног до головы забрызганные кровью и мозгами.

Было холодно, по-прежнему моросил серый дождь. Во дворе Хокмун и его спутники почувствовали себя бодрее, только что одержанная победа придала им уверенности в себе. Хокмун, д'Аверк и Оладан по-волчьи скалили зубы, глядя на врагов, и презрительно ухмылялись. Гранбретанцы топтались на месте, не решаясь напасть на них, хотя их было значительно больше. Рыцарь показал на подъемный мост.

— Прочь! — гулко выкрикнул он. — Или вы умрете.

«Любопытно, — подумал Хокмун, — он блефует или всерьез верит, что без помощи Амулета мы способны одолеть такую толпу?»

Это так и осталось для него загадкой, потому что по мосту в замок вбежал новый отряд. Они быстро расхватали разбросанное по двору оружие.

Это разъяренные женщины Безумного Бога выбрались из сетей.

— Покажи им Амулет, — прошептал Хокмуну Рыцарь. — Женщины привыкли подчиняться ему. Именно ему, а не Безумному Богу.

— Но ведь он погас, — возразил Хокмун.

— Неважно. Покажи.

Сорвав с шеи Алый Амулет, Хокмун помахал им над головой.

— Остановитесь! Именем Алого Амулета повелеваю уничтожить их... — Он показал на воинов Темной Империи. — Вперед, за мной!

Хокмун прыгнул вперед, и затупившееся в недавней битве лезвие меча обрушилось на стоявшего поблизости воина. Солдат упал замертво.

Женщин было ненамного больше, чем гранбретанцев, но они с радостью взялись за дело и быстро добились успеха. Д'Аверк вскоре закричал:

— Пусть они сами заканчивают... Мы можем бежать.

Хокмун пожал плечами.

— Наверняка поблизости рыщет не одна стая гранбретанских псов. Вряд ли они дадут нам уйти далеко.

— Идите за мной, — вмешался Рыцарь. — Пора, наконец, выпустить на волю зверей Безумного Бога...

Глава 6

ЗВЕРИ БЕЗУМНОГО БОГА

Рыцарь подвел своих спутников к двум огромным, обитым железом створкам люка. Оттащив в стороны лежащие на них трупы, они ухватились за большие железные кольца и подняли створки. Их глазам открылся длинный каменный скат, ведущий в сумрак.

Снизу поднимался теплый воздух, насыщенный запахом, который показался Хокмуну знакомым. Он застыл в нерешительности, уверенный, что этот запах означает опасность.

— Не бойтесь, — сказал Рыцарь. — Спускайтесь. Только так мы можем выбраться отсюда.

Хокмун медленно двинулся вниз, остальные — за ним. Вскоре они оказались в длинном темном зале. В конце зала находилось что-то огромное и непонятное. Хокмун хотел подойти и посмотреть, но Рыцарь остановил его.

— Не спеши. Сначала — к зверям. Они в стойлах.

Хокмун сообразил, что длинный зал — это нечто вроде хлева. Из четырех огромных стойл, примыкающих к стенам, доносились возня и урчание. Внезапно одна дверь содрогнулась, словно изнутри на нее навалилась огромная туша.

— Это не кони, — сказал Оладан. — И не волы. Сдается мне, тут пахнет кошками.

— Да, верно, — кивнул Хокмун, сжимая эфес меча. — Это запах кошек. Но какой нам от них прок?

Сняв со стены факел, д'Аверк возился с кремнем и огнивом. Вскоре факел вспыхнул и Хокмун разглядел в конце хлева огромную колесницу, достаточно большую, чтобы увезти их всех.

— Откройте стойла, — приказал Рыцарь, — и запрягите кошек.

— Кошек? В колесницу? — Хокмун резко обернулся. — Да где это видано? Я бы не удивился, услышав такое от Безумного Бога, но от вас... Они же дикие, если выпустить их, они растерзают нас в клочья.

Словно в подтверждение его слов, в стойле раздался душераздирающий вой, подхваченный остальными животными. Спустя мгновение в хлеву бушевал такой кошачий концерт, что люди не слышали друг друга.

Когда шум слегка утих, Хокмун пожал плечами и направился к скату.

— У нас есть кони. Если кто и вывезет нас отсюда, то только они.

— Неужели ты еще не понял, что мне можно верить? — спросил Рыцарь. — Разве я обманул тебя, когда говорил о силе Алого Амулета? И обо всем остальном?

— Я еще не уверен, можно ли тебе доверять во всем, — возразил Хокмун.

— Ты же не станешь отрицать, что безумные женщины подчинились Амулету?

— Не стану.

— Так вот, звери Безумного Бога тоже приучены подчиняться владельцу Амулета. Какой мне смысл лгать тебе, Хокмун?

Герцог Кельнский пожал плечами.

— С тех пор, как я впервые повстречался с подданными Темной Империи, мне повсюду мерещится обман. Не знаю, выгодно тебе лгать или нет, но все же... — Он подошел к ближайшему стойлу и взялся за деревянный брус. — Я устал спорить. Сейчас увидим, прав ты или нет.

Едва он отодвинул засов, дверь стойла распахнулась от удара огромной лапы. В проеме показалась голова — крупнее бычьей, страшнее тигриной — с острыми ушами, узкими желтыми глазами и длинными желтыми клыками. Урча, огромная кошка бесшумно выскользнула из стойла и окинула людей алчным взглядом. Вдоль спины чудовища от затылка до кончика хвоста росли двухфутовые шипы.

— Господи, я думал, это сказки! — ахнул д'Аверк, утративший на миг свой бесстрастный вид. — Боевой ягуар-мутант из Коммуназии. Я видел изображения таких тварей в одном старом зверинце. Говорят, их и на свете-то никогда не было, а если и были, то тысячи лет назад. Будто бы они появились в результате какого-то мерзкого биологического эксперимента и не могли размножаться...

— Да, не могли, — перебил его Рыцарь, — зато живут они чуть ли не вечно...

Кошка повернула к Хокмуну огромную морду. Длинный колючий хвост бил по полу, желтые глаза застыли на амулете, который висел у герцога на шее.

— Прикажи ей лечь, — сказал Рыцарь.

— Лежать! — скомандовал Хокмун, и горящие глаза зверя в тот же миг погасли, а пасть закрылась. Кошка покорно опустилась на пол.

Хокмун улыбнулся.

— Рыцарь, я прошу прощения. Давай выпустим остальных. Оладан, д'Аверк...

Его товарищи открыли остальные двери, а Хокмун обнял Иsoleду за плечи.

— Любимая, эта колесница отвезет нас домой. — Вдруг он спохватился. — Рыцарь, а как же мои седельные сумки? Наверное, они еще там, если их не взяли эти псы...

— Подожди здесь, — сказал Рыцарь, поворачиваясь и направляясь к скату. — Я посмотрю.

— Я сам взгляну, — возразил Хокмун. — Я знаю, где...

— Нет, — сказал Рыцарь. — Пойду я.

В душе Хокмуна проснулись подозрения.

— Почему — ты?

— Только тебе и Амулету подчиняются звери Безумного Бога. Если ты выйдешь отсюда, они растерзают всех.

Хокмун неохотно шагнул назад. Рыцарь решительно поднялся по скату и исчез наверху.

Из стойл выбрались еще три кошки, похожие на первую.

Оладан нервно кашлянул.

— Герцог Дориан, вы бы напомнили им, что они должны вас слушаться, — сказал он.

— Лежать! — рявкнул Хокмун, и звери лениво выполнили приказ. Подойдя к одной из кошек, герцог Кельнский положил ладонь на толстую шею и почувствовал, как под густой, жесткой шерстью перекачиваются твердые как сталь мускулы. Кошки были ростом с коня, но весили намного больше и, судя по всему, обладали чудовищной силой. Очевидно, эту породу вывели не для того, чтобы возить колесницы.

— Разверните повозку, — велел Хокмун спутникам, — и запрягите в нее этих тварей.

д'Аверк и Оладан выкатили колесницу на середину зала. Она была сделана из черной меди и зеленого золота и выглядела очень древней. Только упряжь была сравнительно новой. Ягуары-мутанты ворчали, когда люди слишком туго затягивали ремни на их мордах и плечах.

Когда все было готово, Хокмун велел Иsoleде садиться в колесницу.

— Дождемся возвращения Рыцаря, — сказал он, — и отправимся в путь.

— А куда он пошел? — поинтересовался д'Аверк.

— За моими вещами.

д'Аверк пожал плечами и опустил на лицо огромную маску.

— Боюсь, ждать придется долго. А я, признаюсь, буду очень рад, когда этот замок останется далеко позади. Здесь пахнет смертью и злом.

Оладан показал вверх, доставая меч.

— Вот откуда идет этот запах, д'Аверк.

Наверху стояли шесть или семь воинов из Ордена Ласки. Казалось, их длинномордые маски дрожат от нетерпения, охватившего кровожадных гранбретанцев при виде новых жертв.

— Живо в колесницу! — приказал Хокмун, как только Ласки двинулись по скату вниз.

На колеснице было сиденье для кучера, а рядом лежал кнут с длинным кнутовищем.

Вскочив на сиденье, Хокмун схватил кнут и щелкнул им над головами животных.

— Вставайте, красотки! Ну, живо!

Кошки медленно поднялись на лапы.

— А ну, пошли! Вперед, вперед!

Колесница рванулась и, кренясь, понеслась вверх по скату. Ласки завопили от ужаса и бросились врассыпную. Кому-то из них удалось спрыгнуть со ската, но большинство нашло свою смерть под могучими когтистыми лапами и железными ободами колес.

Необыкновенная колесница выехала в серый свет дня и врезалась в толпу Ласок, собравшуюся у люка.

— Где Рыцарь? — закричал Хокмун, перекрывая вой охваченных ужасом гранбретанцев. — Где мой конь?

Но ни Рыцаря, ни своего коня Хокмун не увидел.

Воины Темной Империи опомнились и бросились на колесницу с обнаженными мечами. Хокмун стал хлестать их кнутом, а Оладан и д'Аверк — рубить мечами.

— К воротам, герцог! — закричал д'Аверк. — Быстрее! Они нас вот-вот одолеют!

— Где Рыцарь? — озираясь вокруг, повторил Хокмун.

— Снаружи, где же еще?! — в отчаянии крикнул д'Аверк. — Герцог Дориан, не теряйте времени, не то мы погибнем!

В этот миг Хокмун увидел вдали своего коня. Седельных сумок на нем не было, и куда они пропали, можно было только догадываться.

— Где Рыцарь? — снова закричал охваченный паникой герцог. — Надо его найти! Мне нужны сумки! В них спасение Камарга!

Оладан схватил его за плечи и настойчиво произнес:

— Зато нас ничто не спасет, если мы сейчас же не уедем отсюда. Подумайте об Исольде, герцог Дориан!

Хокмун словно обезумел от отчаяния, но постепенно слова Оладана дошли до его сознания. Громко закричав, герцог Кельнский обрушил кнут на спины животных. Колесница вылетела за ворота, прогромыхала по мосту и помчалась вдоль берега. Звери Безумного Бога неслись, словно за ними гнались все орды Гранбретании.

Потом кошки свернули и, словно ураган, понесли колесницу прочь от замка и озера, окутанного туманом, прочь от деревни с ее лачугами и трупами, к подножию холмов, по разбухшей от дождя дороге между мрачными обрывами, и дальше — по широкой равнине. Там дорога обрывалась, но бег ягуаров-мутантов не замедлился.

— Если я и могу на что-нибудь пожаловаться, — заметил д'Аверк, вцепившийся в борт колесницы, — то лишь на слишком быструю езду.

Оладан попытался ухмыльнуться, но ухмылки не вышло — слишком уж сильно их трясло. Скорчившись, зверочеловек сидел на дне колесницы и придерживал Исольду, когда повозка подскакивала на ухабах.

Хокмун промолчал. Бледный от гнева, он крепко сжимал поводья. Он был уверен, что человек,

которого он считал своим главным союзником, человек, казавшийся воплощением честности, обвел его вокруг пальца.

Глава 7

СХВАТКА В КОРЧМЕ

— Хокмун, заклинаю вас Рунным Посохом — остановитесь! Остановитесь, дружище! Вы с ума сошли!

Встревоженный не на шутку, д'Аверк дернул Хокмуна за рукав. Колесница неслась уже несколько часов, пересекла вброд две реки и углубилась в лес. В любую минуту она могла налететь на дерево и разбиться вдребезги, и это означало бы верную гибель седоков. Даже могучие кошки выбились из сил, но в Хокмуна словно дьявол вселился, он снова и снова хлестал зверей.

— Хокмун! Ты сошел с ума!

— Меня предали! — закричал в ответ Хокмун. — Предали! В тех сумках я вез Камаргу спасение, а Рыцарь украл их! Он обманул меня! Всучил мне никчемную побрякушку, а забрал машину, которая может творить чудеса! Вперед, звери! Вперед, будьте вы прокляты!

— Дориан, послушайся д'Аверка! — взмолилась Исольда. — Ты нас погубишь и сам погибнешь, — а какая польза графу Брассу и Камаргу от мертвецов?

Колесница взлетела и с грохотом ударилась о землю, едва не развалившись на части.

— Дориан! Опомнись! Рыцарь не предал нас! Он нам помогал! Наверное, его убили враги... Убили и забрали сумки.

— Нет! Я еще там догадался, что он замыслил измену! Он сбежал и унес подарок Ринала!

Однако слова девушки подействовали на Хокмуна отрезвляюще. Длинный кнут перестал гулять по бокам животных, и те сразу умерили свой бег. Усталость брала свое.

Молодой герцог передал вожжи д'Аверку, медленно опустился на дно колесницы и закрыл лицо ладонями.

Д'Аверк остановил кошек, и те, тяжело дыша, без сил повалились на землю.

Исольда пригладила растрепанные волосы Хокмуна.

— Дориан, милый, Камаргу нужен только ты. Не знаю, на что способна машина, о которой ты говоришь, но уверена, что от нее мало проку. Зато у тебя есть Алый Амулет, а уж он-то нам наверняка пригодится.

Сквозь сплетение ветвей светила луна. Выбравшись из колесницы, д'Аверк и Оладан размялись, растерли ушибленные места и отправились за хворостом.

Хокмун запрокинул голову. В лунном свете лицо его было белым, а Черный Камень во лбу зловеще поблескивал.

Герцог Кельнский грустно посмотрел на Исольду и вымученно улыбнулся.

— Спасибо, что веришь в меня, Исольда. Но боюсь, одного Дориана Хокмуна недостаточно, чтобы победить Гранбританию. Теперь, после предательства Рыцаря, я сомневаюсь, что нам удастся...

— Дорогой, его предательство не доказано.

— Не доказано, но я был уверен, что он сбежит от нас, как только завладеет машиной. И он догадывался о моих подозрениях. Знаю, машина у него, и он уже далеко. Не знаю, зачем она ему понадобилась и какие у него цели. Может, они благороднее и важнее моих, но простить его я не смогу. Он меня обманул. Он меня предал.

— Он служит Рунному Посоху и знает больше, чем ты. Может быть, он хочет сохранить эту вещь. А может, считает, что она опасна для тебя.

— Я не уверен, что он служит Рунному Посоху. С таким же успехом он может служить Темной Империи. А я стал орудием в его руках!

— Любовь моя, нельзя быть таким подозрительным.

— Приходится, — вздохнул Хокмун. — Я буду в каждом видеть врага, пока не падет Темная Империя, или пока я не погибну. — Он привлек девушку к себе и положил голову ей на грудь. Вскоре он заснул и проспал до утра.

Утро выдалось холодное, но солнечное. Мрачное настроение Хокмуна рассеялось, его спутники, выспавшись, тоже повеселели. Все проголодались, даже звери-мутанты высунули языки и следили за людьми жадными, злыми глазами. Проснувшись раньше всех, Оладан смастерил лук и несколько стрел и отправился на поиски дичи.

Покашливая, д'Аверк натирал свой огромный шлем найденным в колеснице лоскутом сукна.

— Как бы этот западный воздух не повредил моим слабым легким, — пожаловался он. — Я бы предпочел снова оказаться где-нибудь на востоке, хотя бы в Коммуназии. Я слышал, это благородная, цивилизованная страна, и там моим талантам нашлось бы достойное применение. Возможно, я бы дослужился там до высокого ранга.

— А от Короля-Императора вы уже не надеетесь получить награду? — насмешливо спросил Хокмун.

— Разве что подобную той, которую он обещал вам, — ответил д'Аверк. — Ах, если бы проклятый пилот скончался чуть раньше... К тому же, есть свидетели, что в замке я дрался на вашей стороне... Пожалуй, не стоит связывать с Гранбританией мои дальнейшие планы.

Пошатываясь под тяжестью двух оленей — по одному на каждом плече, — из чащи вышел Оладан. Хокмун и д'Аверк поспешили к нему на помощь.

— Два выстрела — два оленя, — похвастал зверочеловек. — А оружие, между прочим, сделано наспех.

— А зачем два оленя? — удивился д'Аверк. — Нам и одного-то не съесть.

— А звери? Если их не накормить, то к вечеру они накинутся на нас, и даже Алый Амулет их не остановит.

Разделив одну тушу на четыре части, они бросили мясо тихо рычащим мутантам, а сами занялись изготовлением вертела.

После еды Хокмун вздохнул и улыбнулся.

— Говорят, сытная трапеза избавляет от всех тревог. Признаюсь, я только сейчас в этом убедился. Давно я так не завтракал. Как, все-таки здорово — свежая оленина, да еще в лесу...

— У вас превосходное здоровье, Хокмун, — сказал д'Аверк, не без ловкости разделившись с огромной порцией мяса и брезгливо вытирающий пальцы. — Мне бы ваш аппетит.

— А мне — ваш, — засмеялся Хокмун. — Того, что вы съели, мне хватило бы на неделю.

д'Аверк укоризненно поглядел на него.

Исольда, положив на траву кость с остатками мяса, неожиданно спросила:

— Интересно, здесь есть поблизости город или село? Мне бы надо одеться... — девушка, чью наготу скрывал лишь плащ Хокмуна, заметно дрожала.

— Мы раздобудем одежду, милая, хотя, боюсь, это будет не просто, — смущенно произнес Хокмун. — Похоже, здесь полно гранбританцев, и лучше бы нам не задерживаться, а напрямик ехать на юго-запад, в Камарг. Неподалеку отсюда — граница Карпатии. Быть может, там по пути мы заедем в какой-нибудь город.

— Боюсь, жители не обрадуются, увидев нас на этой повозке, — заметил д'Аверк, ткнув большим пальцем в сторону колесницы. — Другое дело — если один из нас пойдет в город пешком. Но где взять денег?

— У меня есть Амулет, — сказал Хокмун. — Его можно продать...

д'Аверк сразу помрачнел.

— Глупец! Этот Амулет — ваше спасение. И наше. Он не только защищает нас — без него нам не справиться с ягуарами. Сдается мне, вам не Амулет ненавистен, а ответственность, которую он на вас налагает.

Хокмун пожал плечами.

— Возможно. Наверное, я сказал глупость, но все равно, эта вещь мне не нравится. Если б вы видели, что она сделала с человеком, носившим ее тридцать лет!

— О чем вы спорите? — вмешался Оладан. — Я знал, что рано или поздно нам понадобятся деньги, и пока в замке Безумного Бога вы рубили наших недругов, выковырял у покойников несколько глаз...

— Глаз? — изумленно переспросил Хокмун, но успокоился, увидев в руке зверочеловека пригоршню драгоценных камней, которые еще недавно украшали тигриные маски.

— Очень предусмотрительно, — кивнул д'Аверк, — нам нужны припасы, а леди Исольде еще и одежда. Остается решить, кому идти за покупками, когда мы доберемся до Карпатии. На кого из нас горожане обратят меньше внимания?

— Разумеется, на вас, сэр Хьюлам, — усмехнулся Хокмун. — Если, конечно, вы избавитесь от гранбританских доспехов. Сейчас вы скажете, что у меня во лбу Черный Камень, а у Оладана — шерсть на лице... Но не забывайте, что вы — мой пленник.

— Вот как? Вы меня огорчаете, герцог Дориан. Я-то думал, мы — союзники, сражающиеся с общим врагом, связанные пролитой в бою кровью, спасшие друг другу жизнь...

— Что-то не припоминаю, чтобы вы меня спасали.

— Непосредственно от гибели не спасал, но все-таки...

— Я не расположен отпускать вас на свободу с пригоршней драгоценностей, — продолжал Хокмун, придав голосу суровость. — И вообще, сегодня я очень недоверчив.

— Герцог Дориан, я бы поклялся своей честью. — Взгляд француза стал твердым, хотя тон оставался беспечным.

— Он — с нами, и не раз доказал это в бою, — вполголоса произнес Оладан.

Хокмун вздохнул.

— Ладно, д'Аверк. Будь по-вашему — доберемся до Карпатии, пойдете в город.

Д'Аверк закашлялся.

— Проклятый воздух! Он сведет меня в могилу!

Они поехали дальше. Шипастые кошки бежали вполсилы, но все же быстрее любого скакуна. В полдень колесница выехала из леса, а к вечеру впереди показались Карпаты. Внезапно Исольда заметила на севере крошечные фигурки приближающихся всадников.

— Они увидели нас, — сказал Оладан, — и, похоже, мчатся наперерез.

Хокмун схватил кнут.

— Быстрее! — крикнул он зверям, и гигантские кошки понеслись огромными прыжками.

Чуть позже д'Аверк закричал, перекрывая грохот колес:

— Нет сомнений — это конница Темной Империи! Похоже, Орден Моржа!

— Видать, Король-Император всерьез взялся за Украину, — заметил Хокмун. — Готовится вторжение — иначе зачем здесь столько гранбританских банд? Это означает, что все земли к западу и югу уже покорены.

— Кроме Камарга, надеюсь, — сказала Исольда.

Колесница неслась по степи. Всадники, мчавшиеся наперерез, быстро приближались. При мысли, что Моржи не сомневаются в своей победе, Хокмун мрачно улыбнулся.

— Оладан, готовь лук, — сказал он. — Есть возможность поупражняться в стрельбе.

Как только воины в уродливых масках из черного дерева и слоновой кости приблизились на выстрел, Оладан выпустил стрелу. Передний всадник упал. В колесницу полетело несколько дротиков, но ни один не достиг цели.

Потеряв троих, Моржи отстали, а кошки повлекли колесницу к ближайшему отрогу Карпат.

Через два часа стемнело, и седоки решили остановиться на ночлег.

Спустя три дня они с тоской рассматривали склон горы. Два дня из этих трех были потрачены на тщетные поиски пути для колесницы, и теперь ничего не оставалось, как оставить ее и дальше идти пешком.

Если всадники-Моржи преследовали их, то сейчас должны были находиться совсем близко. Они наверняка узнали Хокмуна, приговоренного Королем-Императором к смерти, и стремились во что бы то ни стало настичь его.

Спотыкаясь и падая, Хокмун и его спутники карабкались, оставив позади колесницу и выпряженных зверей.

Приближаясь к огибающему гору карнизу, по которому, похоже, можно было спускаться без особого риска, Хокмун услышал за спиной лязг оружия и конский топот. Обернувшись, он увидел внизу несколько всадников из тех, что преследовали колесницу на равнине.

— На таком расстоянии они без труда перебьют нас дротиками, — мрачно произнес д'Аверк. — И укрыться негде.

— У нас тоже есть для них кое-что, — улыбнулся Хокмун и закричал: — Звери! Взять! Убейте их, мои кошечки! Повинуйтесь воле Амулета!

Взгляды ягуаров-мутантов устремились на гранбретанских воинов, которые с торжествующими воплями приближались к своим врагам, не замечая шипастых хищников.

И когда предводитель Моржей поднял дротик, звери прыгнули.

Исольда шла вперед, не оборачиваясь на крики ужаса и боли. Вскоре крики стихли, но над горами долго разносилось эхо звериного рыка, от которого стыла кровь. Ягуары пировали, терзая тела своих жертв.

На другой день путники перевалили через хребет и спустились в зеленую долину. Перед ними как на ладони лежал мирный городок с крытыми красной черепицей домами.

Полубоовавшись на городок, д'Аверк протянул руку.

— Камешки, друг мой Оладан. Надо идти. Клянусь Рунным Посохом, без доспехов я себя чувствую почти голым.

Он забрал у горца камни, подбросил их на ладони, подмигнул Хокмуну и пошел вниз по склону.

Его товарищи лежали в траве и смотрели, как он, насвистывая, идет к городу. Затем д'Аверк исчез среди домов.

Прошло четыре часа. Перехватив мрачный негодующий взгляд Хокмуна, Оладан поджал губы и потупился.

Вскоре появился д'Аверк, но он был не один. Встревоженный, Хокмун не сразу сообразил, что воины, сопровождавшие его, — из грозного Ордена Волка, прежде подчинявшиеся барону Мелиадусу. Неужели они узнали д'Аверка и захватили его? Нет! Совсем напротив — д'Аверк, похоже, в самых дружеских отношениях с Волками. Махнув рукой солдатам, он повернулся и направился к укрытию, где лежали Хокмун и Оладан.

Хокмун с удивлением смотрел, как воины в волчьих масках возвращаются в городок.

— Вот пройдоха! — ухмыльнулся Оладан. — Наверное, убедил их, что он — невинный

путешественник. Похоже, здесь гранбретанцы пока еще ведут себя прилично.

Приблизившись, д'Аверк сбросил с плеча большой узел. В нем оказались несколько рубашек и бриджей, а также изрядный запас еды: сыр, хлеб, колбаса, отварное мясо и тому подобное. Потом он выгреб из кармана и вернул Оладану большую часть камней.

— Все это стоило недорого, — пояснил француз и нахмурился. — Герцог Дориан, в чем дело? Вы чем-то недовольны? К сожалению, я не достал платья для леди Исольды, но бриджи и рубашка должны ей подойти.

— Мне не нравится, что с вами шли гранбретанцы. — Хокмун ткнул большим пальцем в сторону городка. — Похоже, вы с ними подружились.

— Признаюсь, я изрядно струхнул, повстречав их, — сказал д'Аверк. — Но они, судя по всему, здесь не зверствуют. Видимо, они хотят сначала соблазнить карпатцев прелестями своего режима. Наверное, у короля Карпатии сейчас гостит какой-нибудь гранбретанский вельможа. Обычная тактика: сначала золото, а уж потом — сила. Они меня допросили, но без пристрастия. Я узнал, что сейчас идет война в Шекии и эта страна почти покорена — осталось взять один-два крупных города.

— Надеюсь, о нас вы не упомянули? — спросил Хокмун.

— Ну что вы!

Хокмун немного успокоился.

— Смотрите — четыре плаща с капюшонами, под которыми никто не разглядит наших лиц, — сказал д'Аверк, расправляя один из плащей. — Здесь многие ходят в такой одежде. Я выяснил, что ближайший большой город — на юге, до него всего день пути. Там можно купить коней. Если мы сейчас выйдем, то к утру как раз успеем. Как вам моя идея?

Хокмун медленно кивнул.

— Разумно. Кони нам нужны.

Город назывался Зорванями и славился конской ярмаркой. На окраине располагались загоны, где можно было выбрать коня на любой вкус — от породистого скакуна до тяжеловоза.

Но к тому времени, как четверо путников пришли в город, торги закончились, и они остановились в корчме неподалеку от загонов, чтобы поужинать, переночевать и утром купить все необходимое. Идя по улицам, они то и дело встречали воинов Темной Империи, но на четверых монахов никто не обращал внимания. И неудивительно — в городе их было довольно много.

В корчме путники заказали вина и еды и склонились над картой, выбирая кратчайший путь в Южную Францию.

Внезапно дверь распахнулась и в помещение ворвался холодный ночной ветер. Сквозь шум голосов и хохот герцог Кельнский услышал хриплый возглас: «Эй, хозяин!» И сразу насторожился. Один из вошедших потребовал вина и намекнул, что неплохо бы привести женщин.

Хокмун оторвал глаза от карты. У входа стояли Вепри — воины Ордена, к которому раньше принадлежал д'Аверк. Коренастые, в огромных шлемах с клыкастыми масками, закованные в броню, они казались в темноте самыми настоящими кабанами, которые научились ходить на задних лапах и говорить человеческим голосом.

Нервно кашлянув, хозяин корчмы спросил, какое вино они предпочитают.

— Хмельное и крепкое! И чтобы вволю! То же самое относится и к девкам. Надеюсь, девки у вас ядреней, чем кобылы? Пошевеливайся, любезный! Мы целый день трудились не покладая рук, покупали коней, способствуя процветанию твоего города. Окажи и ты нам услугу.

По-видимому, Вепри покупали коней для армии, покоряющей соседнюю Шекию.

Накинув капюшоны, Хокмун, Оладан, д'Аверк и Исольда молча прихлебывали вино.

В корчме прислуживали три женщины и трое мужчин, в том числе сам хозяин. Когда одна из служанок проходила мимо предводителя Вепрей, тот схватил ее и прижал кабанье рыло к ее щеке.

— А ну-ка, малютка, чмокни старого хряка!

Девушка вскрикнула и попыталась высвободиться, но не тут-то было.

— Пошли со мной! — проревел Вепрь. — У меня брачный сезон!

— О, нет! Отпустите меня, пожалуйста! — взмолилась девушка. — У меня свадьба через неделю.

— Свадьба? — воин расхохотался. — Так я кое-что покажу, а ты потом мужа научишь.

Девушка завизжала, вырываясь. Кругом все молчали.

— Пойдем, — хрипло повторил воин. — Ну, не ломайся, детка...

— Ни за что! — девушка зарыдала. — До свадьбы — ни за что!

— Вот незадача! — усмехнулся воин в кабаньей маске. — Ладно, я сам на тебе женюсь, коль уж тебе так пристало замуж. — Резко обернувшись к четверем путешественникам, сидящим на скамье, он прорычал: — Эй, монахи! Обвенчайте-ка меня с этой красоткой!

Прежде чем Хокмун и его товарищи, успели вмешаться, он подошел, схватил за плечо сидевшую с краю Исольду и встряхнул ее.

— Обвенчай нас, монах, не то... Да какой же ты монах, клянусь Рунным Посохом?!

Капюшон упал с головы Исольды, и прекрасные волосы рассыпались по плечам.

Хокмун поднялся со скамьи. Положение было безвыходным, оставалось только драться. Рядом встали Оладан и д'Аверк.

Они одновременно выхватили спрятанные под плащами мечи. И одновременно бросились на воинов, крича женщинам: «Бегите!»

Пьяные солдаты не ожидали нападения, и это было единственным преимуществом лжемонахов. Скользя между нагрудником и латным воротником, меч Хокмуна поразил предводителя Вепрей прежде, чем тот успел схватиться за оружие. Другому воину Оладан рассек коленные сухожилия, рубанув по незащищенным ногам. Третьему д'Аверк отрубил руку.

Нижний зал превратился в поле боя. Постояльцы разбежались — кто выскочил в дверь, кто взобрался на галерею и оттуда следил за схваткой.

Оладан, не любивший фехтовать в тесном помещении, подобрался к здоровяку-Вепрю сзади и запрыгнул ему на спину. Солдат вертелся, безуспешно пытаясь сбросить маленького горца, а тот норовил воткнуть кинжал в глазное отверстие маски.

Д'Аверку пришлось сражаться с достаточно искусным фехтовальщиком, загнавшим француза на лестницу. На Хокмуна наседали верзила с топором, а герцогу никак не удавалось избавиться от плаща, сковывавшего движения. Хокмун едва успевал уворачиваться от тяжелого лезвия, крушившего перила лестницы.

Пытаясь отскочить, он наступил на полу плаща и упал. Воин зарычал и замахнулся для последнего удара.

Хокмун едва успел откатиться, и лезвие топора разрубило край плаща и застряло в полу. Пока Вепрь выдергивал топор, герцог Кельнский вскочил на ноги и что было сил ударил солдата по затылку. Оглушенный, тот упал на колени. Пинком откинув маску с красного, искаженного бешенством лица, Хокмун всадил меч в разинутый рот; хлынула струя крови. Герцог выдернул меч, и маска с лязгом опустилась.

Он оглянулся. Рядом боролся со своим противником Оладан. Схватив горца за руку, воин уже почти стащил его.

Сжимая обеими руками рукоять меча, Хокмун подскочил к Вепрю и ударил его в живот. Клинок пронзил доспех, кожаный колет глубоко вошел в тело. Истошно завопив, воин упал на пол.

Затем Хокмун и Оладан напали сзади на противника д'Аверка и рубили Вепря, пока тот не растянулся на полу.

После этого им осталось прикончить однорукого, который лежал, привалясь спиной к скамье, и с плачем приставлял к культе отрубленную кисть.

Тяжело дыша, Хокмун обвел корчму взглядом.

— Неплохо поработали, святые отцы, — заметил он.

— А не сменить ли нам наше обличье на более полезное? — задумчиво произнес д'Аверк.

Хокмун обернулся к нему.

— О чем это вы?

— Здесь как раз доспехов на четверых, тем более что у меня есть свои. Кроме того, я знаю тайный язык Ордена Вепря. Мы можем путешествовать под видом Вепрей. Помните, мы искали способ пробраться через враждебные земли? Вот он, этот способ.

Поразмыслив, Хокмун вынужден был признать, что предложение д'Аверка — дельное.

— Ладно, — согласился он. — Пожалуй, вы правы. Если мы сможем ехать, не опасаясь гранбретанцев, то доберемся до Камарга довольно скоро.

— Можно не опасаться, что хозяин или кто-нибудь из посетителей проболтается о драке. Гранбретанцы их не пощадят, если узнают, что горожане не помешали нам убить шестерых солдат.

Потирая ушибленную руку, Оладан смотрел, как его товарищи снимают с трупов доспехи.

— А жаль, — заключил он. — Такому подвигу не грех войти в историю.

Глава 8

ЛАГЕРЬ ГРАНБРЕТАНЦЕВ

— Клянусь горными великанами, я задохнусь в этой кастрюле, не проехав и мили, — раздался приглушенный уродливым шлемом голос Оладана. Зверочеловек пытался стащить его с головы. Он и его друзья примеряли трофейные доспехи в комнате над корчмой.

Хокмун тоже был не в восторге от обноры. Мало того, что доспехи оказались велики, — вдобавок он еще испытывал в них клаустрофобию. Ему случалось надевать доспехи Волка из стаи барона Мелиадуса, но броня Вепрей оказалась куда тяжелее. Можно было только пожалеть бедняжку Исольту. Один лишь д'Аверк охотно облачился в привычный наряд и теперь не без удовольствия разглядывал своих товарищей.

— Не удивительно, что вы жалуетесь на здоровье, — сказал Хокмун. — У меня сильное искушение отказаться от вашей затеи.

— Вы быстро привыкнете, — заверил д'Аверк. — В доспехах немного тесно и душно, но вскоре вам не захочется с ними расставаться. Без них вы будете чувствовать себя голым.

— Уж лучше голым, — возразил Оладан, стащив, наконец, шлем и швырнув его на пол.

Д'Аверк погрозил ему пальцем.

— Поосторожнее! Ему и так досталось.

Оладан зло пнул шлем ногой.

Спустя сутки они ехали по Шекии. Все говорило о том, что Темная Империя уже завоевала эту провинцию: обезлюдившие и разрушенные деревни и города, вдоль дорог — кресты с распятыми на них мертвецами, темное от стервятников небо и черная от трупов земля. Светла была лишь ночь — от пламени пожаров, охвативших города и села, фермы и поместья. А по разоренной земле, завывая, словно демоны преисподней, носились черные всадники с мечами и факелами.

Уцелевшие жители попрятались, а те, кого маленький отряд встречал на своем пути, бросались наутек. Четверо всадников во весь опор скакали по охваченной ужасом земле, боясь, что несчастные шеки примут их за грабителей и убийц. Но никто не догадывался, кто они на самом деле, потому что воинов в звериных масках кругом было немало.

Наступило утро, затянутое черным дымом, согретое пожарами, — утро покрытых пеплом полей и вытопанных посевов, обычное утро страны, раздавленной железным каблуком Гранбретании.

По разбухшей от дождя дороге навстречу четверым спутникам ехали на крепких черных скакунах всадники в темных холщовых плащах с капюшонами. Они сутулились, словно несколько дней не покидали седла.

Когда они приблизились, Хокмун прошептал:

— Наверняка это гранбретанцы. Похоже, мы их заинтересовали...

Предводитель темных всадников откинул капюшон, под которым оказалась огромная кабанья маска, более причудливая, чем у д'Аверка. Он натянул поводья, и его солдаты тоже остановили коней.

— Молчите! — шепотом приказал д'Аверк спутникам. — Говорить буду я.

Внезапно предводитель хрюкнул и зафыркал. Хокмун догадался, что это и есть тайный язык Ордена Вепря. Такие же странные звуки посыпались и из уст д'Аверка.

Разговор длился несколько минут. Француз махал рукой назад, Вепрь дергал головой, указывая рылом в другое направление. Потом он пришпорил коня, и гранбретанцы проехали мимо четверых всадников и понеслись дальше.

— Что ему было нужно? — спросил Хокмун.

— Спрашивал, не видели ли мы по пути какого-нибудь скота. Это фуражиры, ищут провиант для лагеря.

— Какого лагеря? Где?

— Он говорит, милях в четырех впереди — большой лагерь. Гранбританцы готовятся к штурму последнего города — Брадичлы. Я знаю этот город, там замечательная архитектура.

— Значит, мы недалеко от Остерланда, — сказала Исольда. — За Остерландом — Итолия, а за ней — Прованс...

— Правильно, — кивнул д'Аверк. — Вы весьма сильны в географии. Но до Камарга, увы, еще далеко, и мы должны преодолеть самую опасную часть пути.

— Что будем делать? — спросил Оладан. — Обогнем лагерь или попытаемся проехать через него?

— Лагерь огромен, и лучше всего было бы проехать напрямик, да еще заночевать там и разведать планы гранбританцев, — сказал д'Аверк. — Интересно, знают ли они, что мы путешествуем в этих краях?

Из-под шлема раздался приглушенный голос Хокмуна:

— Я не думаю, что это безопасно. Но рискнуть, пожалуй, стоит.

— А нам не придется снимать маски, Дориан? — спросила Исольда.

— Не бойтесь, — усмехнулся д'Аверк. — Многие гранбританцы даже спят в масках. Их и под страхом смерти не заставишь открыть лицо.

Лагерь оказался намного больше, чем они ожидали. В отдалении высились стены Брадичлы; отчетливо виднелись шпили и фасады зданий.

— Какая красота! — вздохнул д'Аверк. — Ужасно жаль, что завтра город погибнет. Надо быть безумцами, чтобы сопротивляться такой армии.

— Неужели для взятия этого города нужно столько войск? — удивился Оладан.

— Темной Империи требуется быстрая победа, — объяснил Хокмун. — Я встречал и большие армии. Не думаю, что этот лагерь охраняется надежно, он слишком велик.

Надеюсь, если мы поставим здесь палатку, то ни у кого не вызовем подозрений.

Повсюду стояли палатки, шатры и даже лачуги; на кострах готовилась всевозможная снедь; в загонах паслись кони, буйволы и мулы. Под присмотром саперов Ордена Муравья рабы волокли по грязи огромные стенобитные машины. На вонзенных в землю древках развевались знамена и значки, отмечая расположение того или иного Ордена. Кого здесь только не было: Волки, Кроты, Осы, Вороны, Хорьки, Крысы, Лисы, Вепри, Мухи, Собаки, Барсуки, Козлы, Росомахи, Выдры и даже несколько Богомолов — отборных гвардейцев, чьим магистром был сам Король-Император.

Хокмун узнал знамя Адаза Промпа, толстого магистра Ордена Собаки; пестрый флаг Вреналя Фарно, барона Гранбритании и магистра Ордена Крысы; длинный штандарт Шенегара Тротта, графа Суссекского.

Хокмун понял, что Шекия завоевана почти целиком, — вот почему под Брадичлой собралось столько солдат и знаменитых полководцев: почти вся армия Темной Империи. Он увидел Шенегара Тротта, которого несли к его шатру в паланкине. Наряд графа Суссекского был расшит золотом и драгоценностями; его маска из белого серебра казалась пародией на человеческое лицо.

Шенегар Тротт выглядел изнеженным аристократом, но Хокмун видел его в сражении у брода Вайзна на Рейне, когда граф под водой проскакал по дну реки до вражеского берега. Вельможи Темной Империи оставались для герцога Кельнского загадкой. Они казались ленивыми и изнеженными, но при этом были бесстрашны как звери, с которыми себя отождествляли, а зачастую и свирепее их. Однажды Шенегар Тротт отрубил руку у кричащего младенца и обглодал ее на глазах у несчастной матери.

— Ну что ж, — вздохнул Хокмун. — Поедем напрямик через лагерь. На том конце заночуем, а утром попробуем выбраться.

Они медленно ехали по лагерю. И время от времени д'Аверк отвечал на приветствие какого-нибудь Вепря. На противоположном краю лагеря они спешили и достали походное снаряжение воинов, убитых ими в корчме.

Стоя в стороне, д'Аверк смотрел, как его товарищи готовят ночлег.

— Иначе нельзя, — объяснил он. — Военачальнику моего ранга не пристало трудиться наравне с подчиненными.

Несколько оружейников из Ордена Барсука подкатили к ним тележки, нагруженные запасными топорщами, эфесами, наконечниками для стрел и копий. Был там и точильный станок.

— Не нужна ли вам наша помощь, братья Вепри? — спросил один из них.

Хокмун смело вытащил из ножен затупившийся меч.

— Надо его наточить.

— А я потерял лук и колчан со стрелами, — сказал Оладан, заметив на тележке связку луков.

— А ваш товарищ? — спросил солдат в барсучьей маске, показывая пальцем на Исольту. — У него и вовсе нет меча.

— Так дай ему меч, болван! — рявкнул д'Аверк, и Барсук торопливо подчинился.

Когда они полностью вооружились, Хокмун почувствовал, что к нему возвращается уверенность. Он был доволен своим хладнокровием, но Исольта приуныла.

— Еще немного железа, и я свалюсь с ног, — пожаловалась она, ощупывая тяжелый меч, который ей пришлось пристегнуть к поясу.

— Забирайся в палатку, — посоветовал Хокмун. — Там ты можешь снять оружие и часть доспехов.

д'Аверк казался подавленным и молча смотрел, как Оладан и Хокмун разводят костер.

— Вы чем-то расстроены? — спросил Хокмун, взглянув на него сквозь щели в маске. — Садитесь, скоро будем ужинать.

— Мне что-то не по себе, — пробормотал француз. — Я всегда чувствую опасность...

— Почему? Думаете, Барсуки заподозрили неладное?

— Нет... — д'Аверк окинул взглядом лагерь.

Сгущались сумерки, и воины укладывались спать. На городских стенах рядами стояли войска, готовые сразиться с армией, которой никто, кроме народа Камарга, еще не смог дать отпор.

— Нет, — повторил д'Аверк, — но мне стало бы гораздо легче, если бы...

— Если бы что?

— Если бы вы позволили мне побродить по лагерю и послушать, что говорят солдаты...

— Думаете, это разумно? А если к нам подойдут воины Ордена Вепря? Как мы с ними объяснимся?

— Я не задержусь. А вы, как закончите стряпать, укройтесь в палатке.

Он повернулся и пошел прочь. Хокмун хотел было остановить его, но побоялся привлечь к себе внимание. Он проводил француза настороженным взглядом.

Внезапно за спиной у него раздался голос:

— Какая роскошная колбаса у вас, братья!

Хокмун повернулся и увидел Волка.

— Да, брат, — откликнулся Оладан. — Угощайся.

Он отрезал кусок колбасы и протянул солдату. Тот поднял маску и, сунув колбасу в рот, сразу опустил ее.

— Спасибо, брат, — прожевав, сказал он. — А то у меня несколько дней крошки во рту не было.

Командир наш — сущий зверь, гнал нас от самого Прованса, как проклятых французов.

— От Прованса? — невольно переспросил Хокмун.

— Ага. Бывали там?

— Случалось. Камарг уже наш?

— Почитай, что взяли. Говорят, он и двух недель не продержится. Его уже защищать некому — офицеров не осталось, да и провиант на исходе. Хоть они и убили миллион наших своим чудо-оружием, теперь им крышка...

— А что слышно об их вожде, графе Брассе?

— Говорят, помер, или вот-вот помрет. А войска охвачены паникой. Когда мы туда вернемся, наверное, все уже будет кончено. Хорошо бы, верно? Знали бы вы, сколько месяцев я там проторчал... С самого начала этой распроклятой кампании. Ну, спасибо за колбасу, братья. Хорошей вам драки завтра!

Волк побрел прочь и вскоре исчез в сумраке, испещренном тысячами костров. Хокмун вздохнул и забрался в палатку.

— Ты слышала? — спросил он Исольту.

— Да. — Девушка сняла шлем и наголенники и теперь расчесывала волосы. — Я верю, что отец жив.

Даже в темноте Хокмун увидел, что глаза у нее блестят от слез. Он обнял ее и сказал:

— Не бойся, Исольта. Еще несколько дней, и мы будем рядом с ним...

— Если он доживет...

— Он ждет нас. Он доживет.

Спустя некоторое время Хокмун вышел из палатки. Оладан сидел у гаснущего костра, положив руки на колени.

— Д'Аверк что-то задерживается, — сказал горец.

— Да... — рассеянно произнес Хокмун, глядя на городские стены. — Не попал ли он в беду?

— Больше похоже на бегство... — Оладан умолк, увидев несколько фигур, появившихся из темноты.

Это были Вепри. Хокмун похолодел.

— Быстро в палатку! — приказал он, но было поздно — к нему обратился один из воинов. Ничего не разобрав в его ворчании и хрюканьи, но приняв эти звуки за приветствие, Хокмун кивнул и поднял руку. Голос воина зазвучал настойчивее. Хокмун повернулся и шагнул к палатке, но его остановила сильная рука.

Вепрь снова что-то произнес. Хокмун кашлянул, показывая на свое горло.

— Брат, я спросил, не выпьешь ли ты с нами вина. А ну, подними маску!

Хокмун знал, что ни один гранбретанец не вправе требовать этого от брата по Ордену — если только не заподозрил в нем чужого. Отступив на шаг, он выхватил меч.

— Извини, брат, я не стану с тобой пить. Но от драки не откажусь.

Оладан вскочил на ноги и встал рядом с мечом в руке.

— Кто ты такой? — прорычал Вепрь. — Почему на тебе чужой шлем?

Хокмун откинул маску, и воины увидели бледное лицо с блестящим Черным Камнем во лбу.

— Я Хокмун, — кратко ответил герцог и бросился на изумленных воинов.

Хокмун и Оладан убили пятерых, прежде чем на шум схватки сбежались другие. Галопом прискакали всадники. Слыша крики боли и возгласы изумления, Хокмун поднимал и опускал меч, пока в его руку не вцепилась дюжина чужих рук. Несколько секунд он вырывался, затем его ударили по шее древком копья, и он упал лицом в грязь.

Оглушенного, его поставили на ноги и подтащили к высокому всаднику в латах, смотревшему на схватку издали. Маску Хокмуна подняли, и всадник всмотрелся в его лицо.

— Какая приятная встреча! — произнес он ласковым и вместе с тем зловещим голосом, и Хокмун ушам своим не поверил, услышав его. — Герцог Кельнский собственной персоной. Выходит, я не зря совершил такое далекое путешествие, — добавил всадник, обращаясь к человеку, стоящему рядом с ним.

— Я очень рад, — отозвался тот. — Надеюсь, мне удастся оправдаться перед Королем-Императором.

Хокмун вздрогнул и посмотрел на второго всадника. На нем была маска д'Аверка!

— Ты все-таки предал нас! — задыхаясь, произнес он. — Опять измена! Неужели в этом мире никому нельзя доверять?

Он рванулся, мечтая добраться до горла француза, но воины удержали его.

Д'Аверк рассмеялся.

— До чего же вы наивны, герцог Дориан...

— Остальных взяли? — спросил всадник. — Девчонку и коротышку?

— Да, ваше превосходительство, — ответил один из солдат.

— Приведите их ко мне. Я хочу посмотреть на них поближе. Сегодня у меня удачный день, — добавил он, поворачивая коня.

Глава 9

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЮГ

Под гром начинающейся грозы, по грязи и мусору, мимо воинов с блестящими в прорезях масок глазами, сквозь шум голосов и суматоху Хокмуна, Оладана и Исольту вели к огромному знамени, трепещущему на ветру.

Внезапно черный небосвод расколола изломанная молния, и Хокмун вскрикнул, узнав эмблему на знамени. Но сообщить о своем открытии Оладану или Исольте он не успел — его втащили в большой павильон, где в резном кресле сидел человек в маске Ордена Волка. На полотнище, что развевалось над его головой, была эмблема магистра Ордена — одного из знатнейших вельмож Гранбритании, главнокомандующего армий Темной Империи, правой руки Короля Хаона — барона Кройденского, которого Хокмун давно считал мертвыми.

— Барон Мелиадус! — проворчал он. — Так вы не погибли под Хамаданом!

— Нет, Хокмун, я не умер, хотя вы нанесли мне серьезную рану. К счастью, мне удалось выбраться оттуда.

Губы Хокмуна тронула улыбка.

— Мало кому из ваших это удалось. Ведь тогда мы перебили почти всех.

Мелиадус повернул голову в изящной волчьей маске и сказал стоящему поблизости капитану:

— Принесите цепи для этих собак. Самые прочные и тяжелые. И никаких замков — только заклепки. На этот раз я должен быть уверен, что они не сбегут по пути в Гранбританию.

Он встал, подошел к Хокмуну и сквозь щели в маске впился взглядом в его лицо.

— А тебя часто вспоминали при дворе Короля Хаона.

Каких только казней мы не придумывали! Гордись, изменник, — тебя ждут самые изысканные, изощренные пытки! Ты будешь умирать несколько лет, и ужасная боль ни на миг не покинет твоего разума, души и тела.

Он отошел и, протянув руку в латной рукавице, поднял за подбородок искаженное ненавистью лицо Исольты. Девушка резко отвернулась.

— А что касается вас, дорогая, то я, помнится, предлагал вам стать моей супругой. На сей раз вы не дождетесь от меня такой чести. Я не стану вас упрашивать, но все равно буду владеть вами, пока не потеряю к вам всякий интерес или вы не умрете от моих ласк.

Он повернулся и окинул взглядом Оладана.

— Ну а эта тварь, имеющая наглость ходить на двух ногах, скоро будет ползать и выть. Она у нас живо вспомнит, как должно себя вести животное...

— Еще бы — ведь у меня есть превосходный образец для подражания, — сказал Оладан и плюнул в волчью маску.

Мелиадус круто повернулся, закутался в мантию и отошел к креслу.

— Скоро вы предстанете перед Тронной Сферой, — произнес он срывающимся голосом. — Я не убью вас — на несколько дней у меня хватит терпения. Завтра на рассвете мы отправимся в Гранбританию. А по пути сделаем небольшой крюк — я хочу, чтобы вы увидели падение Камарга. Между прочим, я провел там целый месяц, любуясь гибелью его защитников и падением башен. Теперь уже недолго ждать. Я приказал войскам отложить решающий штурм до моего возвращения. Думаю, вам приятно будет взглянуть на свою родину... вернее, на то, во что мы ее превратили. — Он засмеялся, склонив голову набок. — А вот и цепи!

В павильон вошли воины Ордена Барсука, внеся массивные цепи, жаровню, молоты и заклепки.

Хокмун, Исольта и Оладан сопротивлялись, но вскоре тяжесть цепей увлекла их на пол. Затем Барсуки

заклепали цепи раскаленным докрасна железом, и Хокмун с тоской осознал, что ни одно человеческое существо не в силах разорвать такие оковы.

Когда кузнецы закончили работу, к пленникам подошел барон Мелиадус.

— Мы доберемся по суше до Камарга, а оттуда — до Бордо, где нас будет ждать корабль. К сожалению, я не могу вам предложить летающую машину. Почти все наши орнитоптеры сейчас разрушают Камарг.

Хокмун закрыл глаза. Больше он никак не мог выразить свое презрение к врагу.

Утром узников бросили в открытый фургон. Их не кормили до тех пор, пока усиленно охраняемый караван во главе с бароном Мелиадусом не отправился в путь. Время от времени Хокмун мельком видел своего заклятого врага, ехавшего впереди рядом с сэром Хьюламом д'Аверком.

Погода была по-прежнему пасмурная. На лицо Хокмуна упало несколько крупных капель дождя.

Фургон покачивался и подпрыгивал на ухабах, а вдали, на фоне городских стен, маршировали войска Темной Империи.

Хокмуну казалось, что его предали все, кто только мог. Он доверился Рыцарю в Черном и Золотом — и лишился седельных сумок. Он поверил д'Аверку — и оказался в руках барона Мелиадуса. Герцог тяжело вздохнул, подумав, что и Оладан, возможно, способен предать его, чтобы спасти свою жизнь...

Он погрузился в чуть ли не сладостную апатию, которую уже испытывал несколько месяцев назад, в Германии, когда был разбит и попал в плен к барону Мелиадусу. Мускулы его лица онемели, глаза потухли, мысли стали вялыми...

Иногда к нему обращалась Исольтда, но он отвечал односложно, не стараясь ее утешить, — зная, что это все равно не удастся. Иногда Оладан пытался приободрить своих спутников, но и он в конце концов затаих. Пленники проявляли признаки жизни только когда их кормили.

Караван быстро приближался к Камаргу. Много месяцев Хокмун, Оладан и Исольтда мечтали вернуться домой, но такое возвращение не несло им радости. Хокмун корил себя за невезение, за доверчивость, за то, что не сумел спасти Камарг.

Однажды, поравнявшись с фургоном, барон Мелиадус крикнул:

— Дня через два будем в Камарге. Мы только что пересекли границу Итолии и Франции.

И он захохотал, пришпорив коня.

Глава 10

ПАДЕНИЕ КАМАРГА

— Усадите их повыше, пусть видят все, — приказал барон Мелиадус потным солдатам, возившимся с тремя узниками в доспехах и цепях. — Неважно они выглядят, — добавил он, свесившись с седла и заглядывая в повозку. — Я думал, они выносливей.

Сопровождавший его д'Аверк закашлялся.

— Да и вам, я вижу, все еще нездоровится, сэр Хьюлам. Разве мой аптекарь не приготовил микстуру, которую вы заказали?

— Приготовил, милорд, — жалобно ответил француз, — да только пользы от нее пока мало.

— Странно, ведь травы, которых он туда намешал, вылечат кого угодно. — Мелиадус перевел взгляд на пленников. — Мы не случайно остановились на этом холме, герцог. Отсюда ваша страна видна как на ладони.

Хокмун поднял голову и сощурился от лучей полуденного солнца. Перед ним до самого горизонта расстилалась болотистая равнина его любимой страны. Невдалеке высились мрачные сторожевые башни — в них находилось смертоносное оружие, тайну которого знал только граф Брасс. А пространство между башнями и холмом заполняла огромная черная толпа — тысячи и тысячи отборных воинов Темной Империи, готовых ринуться в бой.

— О, нет! — всхлипнула Исольтда. — Их слишком много! Они сомнут наших солдат!

— Вы совершенно правы, моя дорогая, — усмехнулся барон Мелиадус.

Главнокомандующий и его свита остановились на склоне холма. Внизу, на равнине, стояла армия Гранбритании. Хокмун видел конницу, пехоту, инженерные батальоны и огромные боевые машины, в том числе гигантскую огненную пушку.

Против Камарга были брошены все виды войск. Здесь были все металлы: медь и железо, бронза и сталь, золото и серебро, платина и свинец, а также прочные сплавы, способные выдержать выстрел огненного копья. В одном строю здесь стояли Стервятники и Лягушки, Кони и Кроты, Волки и Кабаны, Олени и Кошки, Орлы и Вороны, Барсуки и Ласки. Сырой, теплый ветер трепал шелковые полотнища знамен двух десятков вельмож, съехавшихся сюда со всех концов Темной Империи: желтые, фиолетовые, черные, красные, зеленые, синие и ярко-розовые. Сотни тысяч «глаз» — драгоценных камней на масках воинов — блестели на солнце.

— Вот такая у меня армия, — рассмеялся барон Мелиадус. — Помните тот день, когда граф Брасс отказался нам помочь? Если бы не его глупость, вы были бы сейчас победоносными союзниками Темной Империи. Но вы предпочли сопротивляться и будете за это наказаны. Вы думали, что чудо-оружия, башен и храбрости ваших солдат достаточно, чтобы устоять против Гранбритании? Нет, Дориан Хокмун, недостаточно. Сейчас ты увидишь, как эта армия, набранная и обученная мною, отмстит Камаргу за все. Сейчас ты убедишься, что твой народ совершил непростительную глупость. — Он запрокинул голову и захохотал. — Трепещи, Хокмун! И ты, Исольтда, трепещи, как трепещут ваши друзья, знающие, что еще до заката башни рухнут, а от Камарга останутся только пепел и грязь. Если понадобится, я положу всю свою армию, но уничтожу эту страну!

И Хокмун с Исольтдой затрепетали — но не от страха, а от горя. Казалось, на этот раз безумный барон выполнит свою угрозу.

— Граф Брасс мертв, — сказал барон, поворачивая коня. — А теперь умрет Камарг. — Он махнул рукой своим всадникам, охранявшим фургон. — Подвезите их поближе. Пусть увидят, как мы потрошим их друзей.

Фургон понесся по склону холма, подпрыгивая на ухабах. Потемневшими от горя глазами пленники смотрели на равнину. Д'Аверк скакал рядом.

— Барон прав: его аптекарь — настоящий волшебник, — сказал он вдруг, покашливая. — Мне его лекарство, правда, не помогло, но надеюсь, солдатам поможет.

Произнеся эти загадочные слова, он пустил коня галопом и обогнал фургон.

По плотным рядам наступающих войск из башен били необыкновенные лучи. Там, где только что шагали воины, оставались лишь борозды взрытой, дымящейся земли. Хокмун видел боевые порядки камаргцев — редкую цепочку усталых гвардейцев с огненными копьями за плечами, верхом на рогатых конях; за ними — ополчение из горожан и крестьян, вооруженных топорами и мечами. Но ни графа Брасса, ни фон Виллаха, ни философа Богенталя среди них он не заметил. В свой последний бой камаргцы шли без предводителей.

До герцога Кельнского донесся боевой клич камаргцев, рев и вой их врагов, треск пушечных выстрелов, лязг и скрежет разрываемого, разрубаемого металла; Хокмун вдыхал смрадный запах битвы.

Потом стена огня преградила путь черным полчищам, над которыми летели алые фламинго с наездниками, стреляющими из огненных копий в орнитоптеры.

Словно ледяная рука сдавила сердце Хокмуна. Он рванулся, пытаясь сбросить цепи, горя желанием отбить у врагов меч и коня, добраться до армии Камарга и повести ее за собой. Камаргцев осталась лишь горстка, у них не было вождя, но они продолжали сражаться с ордами Темной Империи. А Хокмун мог лишь в бессильной злобе звенеть цепями и проклинать своих врагов.

Наступил вечер, а битва все не кончалась. На глазах у Хокмуна в огромную старинную башню разом вонзились тысячи огненных лучей, дрогнув, она покачнулась и через мгновение превратилась в груды развалин. Ее крушение гранбретанцы встретили торжествующим ревом.

Ночную тьму пронзали мириады огненных стрел; воздух был таким горячим, что лица пленников покрылись потом. Вокруг них, оживленно переговариваясь и смеясь, сидели часовые-Волки. Они не сомневались в своей победе. Воспользовавшись тем, что их магистр умчался в самую гущу наступающих войск, они достали бурдюк и, не поднимая масок, потягивали вино. Постепенно болтовня и смех утихли, и Хокмун понял, что часовые спят.

— Волки — опытные вояки, странно, что они уснули все разом, — сказал ему Оладан. — Наверное, они уверены, что мы не убежим.

— Ну и что с того? — спросил Хокмун, вздохнув. — Нам не избавиться от этих проклятых цепей.

— Что такое? — Послышался голос д'Аверка. — Неужели Хокмун утратил свой оптимизм? Не могу в это поверить.

— Убирайтесь, — проворчал Хокмун. — Ступайте лизать сапоги своему господину.

— А я вам кое-что принес, — как ни в чем не бывало продолжал д'Аверк. — Может, пригодится? — На его протянутой ладони лежал какой-то длинный предмет. — Между прочим, это мое лекарство усыпило часовых.

Хокмун сощурился.

— Что там у вас?

— Одна редкая вещица, которую я нашел на поле боя. По-видимому, она принадлежала крупному военачальнику. Это своего рода огненное копье. Как видите, его можно поднять одной рукой.

— Я слышал о таких копьях, — кивнул Хокмун. — Но какой нам от него прок? Разве не видите, сколько на нас цепей?

— Разумеется, я обратил на это внимание. Но если вы все-таки готовы рискнуть, я попытаюсь вас освободить.

— Новая ловушка? — поинтересовался Хокмун. — Вы ее с Мелиадусом придумали?

— Хокмун, вы меня оскорбляете. Что заставляет вас так думать?

— Вы предали нас. Выдали Мелиадусу. Видимо, вы заранее подстроили ловушку, еще в карпатском

городишке, когда повстречали там Волков. Через них вы передали весть своему хозяину, а сами повели нас в лагерь, зная, что там с нами легко отразиться.

— Вы рассуждаете логично, — согласился д'Аверк, — но можно допустить и такое: Волки узнали меня и поехали за нами следом, а их гонец нас опередил. В лагере я услышал от солдат, что Мелиадус вот-вот схватит вас, и решил опередить события, сказав Мелиадусу, что я заманил вас в ловушку. Ведь это позволило одному из нас остаться на свободе. Что вы на это скажете?

— Скажу, что врать вы мастер.

— Не стану с вами спорить. Времени у нас мало, так что разрешите, я попытаюсь снять с вас цепи, не причинив вам вреда. Или вы предпочитаете остаться здесь, чтобы понаблюдать за ходом сражения?

— Снимите с меня эти проклятые кандалы, — разрешил Хокмун. — Чтобы я мог придушить вас, если вы лжете.

Направив огненное копьё под углом к скованным рукам Хокмуна, д'Аверк нажал кнопку на рукоятке. Из ствола ударил тонкий луч. Почувствовав острую боль, Хокмун стиснул зубы, но боль становилась все сильнее, и он чуть было не застонал. Наконец одно из звеньев со звоном отскочило и упало на дно фургона, и боль сразу отпустила. Правая рука была свободна. Он вытер со лба пот и едва не вскрикнул, задев ожог.

— Быстрее, — шепнул д'Аверк. — Оттяните рукой эту цепь. Теперь будет легче.

Сбросив цепи, Хокмун помог д'Аверку освободить Иsoleду и Оладана. Заканчивая работу, д'Аверк заметно нервничал.

— Вот ваши мечи и кони, а это новые маски, — сказал он. — Ступайте за мной. Поторопитесь — с минуты на минуту вернется барон.

В темноте они пробрались к своим коням, надели шлемы, пристегнули к поясу мечи и вскочили в седла.

Внезапно послышался конский топот — по дороге на холм поднимались несколько десятков всадников. Затем раздались возгласы изумления и яростный рев — Мелиадус и его свита узнали о бегстве пленников.

— Поехали! — прошипел д'Аверк. — В Камарг!

Кони бешеным галопом понесли их туда, где кипел бой.

— Дорогу! — кричал д'Аверк. — Дорогу резервному отряду!

Солдаты разбежались по сторонам, осыпая проклятиями четырех всадников, во весь опор несущихся по лагерю.

— Дорогу! Пропустите герольдов командующего! — Повернув голову к Хокмуну, он пояснил: — Неинтересно повторять одно и то же.

Пришпорив коня, снова заорал во весь голос:

— В лагере чума! Пропустите лекарей!

Позади стучали копыта и вопили всадники. Впереди шел бой, но уже не такой яростный, как прежде.

— Дорогу! — ревел д'Аверк. — Дорогу барону Мелиадусу!

Кони перепрыгивали через головы людей, огибали боевые машины, неслись под огнем к башням Камарга. Вскоре беглецы достигли поля боя и поскакали вперед по трупам, оставив позади главные силы гранбретанцев.

— Поднимите маски! — крикнул д'Аверк. — Если камаргцы не узнают Хокмуна или Иsoleду, они изжарят нас заживо...

В этот миг из темноты ударило огненное копьё. Его луч едва не задел д'Аверка. Следующий луч попал в отряд Мелиадуса. Хокмун судорожно дергал ремешки шлема. Стащив, наконец, шлем с головы, он швырнул его на дорогу.

— Стойте! — кричал им вслед Мелиадус. — Вас убьют свои же! Стойте, глупцы!

Впереди засверкали вспышки: навстречу всадникам, разгоняя мрак, потянулось множество огненных лучей. Д'Аверк опустил голову к лошадиной шее, Исольтда и Оладан тоже пригнулись, но Хокмун выхватил меч и, размахивая им, закричал:

— Воины Камарга! Это я, Хокмун! Я вернулся!

В них по-прежнему стреляли, но башни были уже близко.

Д'Аверк выпрямился в седле.

— Люди Камарга! С нами Хокмун, он... — По нему хлестнуло пламенем, и француз, вскрикнув, покачнулся и упал бы, не подхвати его Хокмун. Доспехи д'Аверка были раскалены докрасна, а кое-где даже расплавились, но француз был еще жив. С губ, мгновенно покрывшихся волдырями, сорвался тихий смех.

— Как все-таки с моей стороны было весьма неосторожно, герцог, связать с вами судьбу...

Оладан и Исольтда остановились и обернулись; напуганные кони гарцевали под ними. Барон Мелиадус и его свита быстро приближались.

— Оладан, возьми поводья, — велел Хокмун другу. — Я буду его поддерживать. Надо поближе подобраться к башне.

Снова к ним метнулось пламя, на этот раз со стороны гранбретанцев.

— Хокмун, остановись!

Хокмун пришпорил коня и поехал дальше, поддерживая д'Аверка. Кругом бушевала огненная смерть.

Когда из самой высокой башни ударил широкий луч, он закричал;

— Воины Камарга! Это я, Хокмун! Со мной Исольтда, дочь графа Брасса!

Луч угас. Воины Мелиадуса были уже совсем близко. Исольтда покачнулась в седле — от усталости она едва не теряла сознания. Хокмун повернул коня навстречу Мелиадусу и его Волкам.

Но тут со стороны башен показалось несколько десятков гвардейцев-латников на белых рогатых конях. Спустившись с холма, они окружили беглецов.

Один из них всмотрелся в лицо Хокмуна, и его глаза радостно заблестели.

— Это же милорд Хокмун! И с ним леди Исольтда! Ну, теперь удача нам улыбнется!

Воины Мелиадуса остановились. Немного помедлив, они повернули коней и исчезли во тьме.

В замок графа Брасса беглецы приехали утром, когда на озера с топкими берегами упали первые солнечные лучи. Дикие буйволы поднимали головы и провожали их долгим взглядом. Дул сильный ветер, и по камышу, как по водной глади, бежали волны. В садах, на склоне холма, что высился над городом, зрел виноград, а на вершине стоял замок графа Брасса — прочная старая крепость, похоже, ничуть не пострадавшая от войн, бушевавших на границах провинции. Они поднялись по белому серпантину во двор замка, где их встретили обрадованные слуги. Им помогли спешиться и пригласили в зал, обильно украшенный трофеями графа. В зале царили необычный холод и тишина. У камина в одиночестве стоял мудрый сэр Богенталь, поэт и философ.

Он улыбался, но в глазах его застыл страх, а лицо с тех пор, как Хокмун видел его в последний раз, постарело и осунулось.

Богенталь обнял Исольтду и пожал руку Хокмуну.

— Как здоровье графа? — спросил Хокмун.

— Рана зажила, но он утратил волю к жизни. — Богенталь жестом велел слугам поднять д'Аверка. — Перенесите его в северную башню. Скоро я туда приду. Пойдемте, — сказал он Хокмуну и Исольтде. — Сами увидите...

Оладан остался с д'Аверком, а герцог Кельнский и девушка поднялись по выщербленным каменным

ступеням в покои графа Брасса. Богенталь отворил дверь, и они вошли в опочивальню.

Там стояла простая солдатская койка — широкая, квадратная, с обычными простынями и плоскими подушками. На подушках покоилась огромная, словно отлитая из металла голова. С того дня, как Хокмун расстался с графом, в его рыжих волосах почти не прибавилось седины, а лицо, покрытое бронзовым загаром, не стало бледней. Высокий выпуклый лоб по-прежнему казался каменным выступом над пещерами, скрывавшими сияющие золотисто-карие глаза. Но взгляд этих немигающих глаз был прикован к потолку, а губы были плотно сжаты.

— Граф Брасс, — прошептал Богенталь, — смотрите...

Казалось, гигант не слышал его. Взгляд графа по-прежнему был устремлен в потолок. Склонившись над ним, Хокмун произнес:

— Граф Брасс, к вам вернулась дочь. И я, Дориан Хокмун.

Губы разжались и Хокмун услышал громкий шепот:

— Снова видения... Богенталь, я думал, лихорадка прошла...

— Это не призраки, граф.

Взгляд золотисто-карих глаз обратился на Хокмуна и Исольту.

— Дети мои! Наконец-то я умер и встретился с вами...

— Вы живы, граф, — возразил Хокмун.

Исольта нагнулась и поцеловала графа в губы.

— Ты чувствуешь, отец? Самый обычный, земной поцелуй.

Прямая линия сомкнутых губ постепенно превратилась в широкую улыбку. Граф пошевелился, затем резко сел.

— Так это правда! Какой же я глупец, что потерял надежду. — Он засмеялся.

Его чудесное исцеление вызвало изумленный возглас Богенталья:

— Граф, я не верю своим глазам! Мне казалось, вы на пороге смерти!

— Так и было, старина... Но теперь, как видишь, я отошел от этого порога. Ну, что скажете, Хокмун?

— Плохо, граф. Но теперь мы снова вместе, и удача, надеюсь, вернется к нам.

— Богенталь, вели-ка принести мои доспехи и меч.

— Но, граф, вам нужно набраться сил...

— Верно. Так прикажи принести еды, и побольше. Подкреплюсь за беседой. — Он вскочил с кровати и обнял дочь и Хокмуна.

За едой Хокмун поведал графу обо всех испытаниях, выпавших на его долю с тех пор, как он покинул замок. Граф тоже рассказал о своих неудачах в войне с Темной Империей, о гибели старика фон Виллаха, уложившего в своем последнем бою два десятка гранбретанцев. Рассказал он и том, как сам был ранен и совершенно пал духом, узнав об исчезновении Исольты.

Потом Хокмун представил Оладана, спустившегося к тому времени в зал. Маленький зверочеловек сообщил, что рана д'Аверка тяжела, но Богенталь надеется, что француз выживет.

Единственное, что омрачало радость возвращения, — это сражение на границе Камарга, где гвардейцы и ополченцы вели почти безнадежный бой с превосходящим их врагом.

Облачась в медные доспехи и пристегнув к поясу огромный двуручный меч, граф Брасс сказал:

— Дориан и сэр Оладан, нам пора ехать. Сейчас мы должны быть на поле боя и вести наших воинов к победе.

Богенталь вздохнул.

— Еще два часа назад мне казалось, что вы при смерти... А сейчас вы стремитесь в бой. Вы хорошо себя чувствуете, сэр?

— Дружище, я хворал не телом, а душой, но теперь она исцелена, — раскатился под сводами зала громоподобный голос графа. — Коней! Сэр Богенталь, прикажите оседлать коней!

Выйдя вслед за старым графом во двор, Хокмун чувствовал, что к нему возвращаются силы. Послав Исольде воздушный поцелуй, он вскочил в седло и пришпорил коня.

Они мчались по тайным болотным тропкам, пугая диких рогатых коней и гигантских фламинго. Придержав на миг коня, граф Брасс обвел вокруг себя рукой в латной рукавице:

— Разве эта страна не стоит того, чтобы отдать за нее все, что имеешь? Даже жизнь?

Вскоре они услышали шум сражения и поскакали быстрее, спеша на помощь своим войскам. Но увидев, что произошло самое страшное, они остановились.

— Этого не может быть! — глухо произнес граф Брасс.

Но это случилось. Башни рухнули и превратились в груды, дымящихся камней. Воодушевленные их падением, воины Темной Империи с ревом шли в атаку, тесня уцелевших защитников.

— Это — конец Камарга! — сказал граф сорвавшимся голосом.

Глава 11

ВОЗВРАЩЕНИЕ РЫЦАРЯ

К ним направил коня один из капитанов. Его доспехи были изрублены, меч сломан, но он сиял от счастья.

— Граф Брасс! Наконец-то! Поехали, сэр, надо скорее построить людей и задать жару этим псам!

Граф заставил себя улыбнуться и обнажил огромный меч.

— Да, капитан. Постарайтесь найти герольда, а лучше двух. Пусть оповестят всех, что вернулся граф Брасс.

Появление своего вождя и Хокмуна камаргцы встретили восторженными криками. Воодушевленные, они кое-где даже потеснили врага. Граф, Хокмун и Оладан въехали в ряды войска, которое с возвращением полководца снова стало несокрушимым.

— Посторонитесь, ребята! — крикнул граф. — Дайте мне добраться до врага!

Выхватив у всадника-знаменосца свой потрепанный штандарт, он упер древко в бедро и, размахивая мечом, ринулся в гущу звериных масок.

Два всадника врубались в плотные ряды гранбретанцев. На одном из них были сверкающие медные доспехи; у другого — тускло блестел камень во лбу. Вражеским пехотинцам они казались ожившими героями мифов, а когда к двум всадникам присоединился третий, маленький человек с лицом, покрытым шерстью, со сверкающей как молния саблей, ошеломленные воины Темной Империи дрогнули и попятились.

Дав себе клятву на этот раз во что бы то ни стало убить барона Мелиадуса, Хокмун высматривал его среди врагов, но не находил.

К нему тянулись руки, пытаясь стащить его с коня, но меч Хокмуна вонзался в глазные щели, разрубал шлемы и сносил головы.

Близился вечер, а битва не утихала. Хокмун едва держался в седле от усталости и потери крови, сочившейся из десятка порезов. Толпа врагов была такой плотной, что конь, убитый под Хокмуном, не падал добрых полчаса.

Сколько врагов убил он сам, а сколько — защитники Камарга, герцог Кельнский не знал. Гранбретанцы во много раз превосходили их числом и медленно, но упорно теснили камаргцев.

— Эх, нам бы несколько сотен свежей пехоты — и мы бы победили! О Рунный Посох, нам нужна помощь!

Он вздрогнул, осознав, что невольно обратился за помощью к Рунному Посоху. Алый Амулет, висевший у него на шее, вдруг засветился, бросая алые отсветы на доспехи врагов. Хокмун засмеялся, чувствуя необычайный прилив сил, и принялся с фантастической быстротой рубить гранбретанцев. Вскоре у него сломался меч, но Хокмун вырвал пику у налетевшего на него всадника, самого всадника выбил из седла и, размахивая пикой как мечом, вскочил на коня и ринулся в атаку.

— Хокмун! Хокмун! — разносился над полем древний боевой клич герцогов Кельнских. — Эге-гей! Оладан, граф Брасс, я иду к вам! — Он направил коня к своим друзьям, прорубая дорогу сквозь толпу воинов в звериных масках.

Граф Брасс все еще держал в руке трепещущий на ветру штандарт.

— Гоните этих псов! — крикнул ему Хокмун. — Тесните их к границе!

Он носился по всему полю сражения, словно гибельный смерч. Он прорубался сквозь ряды врагов, оставляя позади только трупы.

Дрогнув, гранбретанцы попятились, а некоторые обратились в бегство. И тогда на поле появился

барон Мелиадус.

— Назад! — закричал он бегущим. — Назад, трусы! От кого вы бежите? Ведь их совсем мало!

Но прилив уже окончательно превратился в отлив, и толпа охваченных паникой солдат понесла прочь своего полководца.

За ними скакал бледный воин, во лбу его сверкал Черный Камень, а на шее сиял Амулет. Поднимая коня на дыбы, он выкрикивал имя давно уже для всех умершего Хокмуна, сам являясь тем мертвецом, который почти разгромил гранбретанцев при Кельне, бросил вызов самому Королю-Императору и едва не убил в бою барона Мелиадуса. Хокмун! Единственное имя, которое наводило ужас на воинов Темной Империи...

— Хокмун! Хокмун! — Воин поднял меч над головой, и его конь снова взвился на дыбы.

Герцог Кельнский, которому Алый Амулет дал силу исполина, с безумным хохотом преследовал своих врагов. За ним мчались грозный граф Брасс в блестящих медных латах, Оладан, улыбающийся сквозь густую шерсть, размахивающий окровавленной саблей, а за ними шагали торжествующие воины Камарга — горстка храбрецов, смеющихся вслед обращенной в бегство могучей армии.

Хокмун почувствовал, что сила Амулета угасает в нем. Возвращались боль и усталость, но теперь, когда враг был отогнан за разрушенные башни, это не имело значения.

Оладан рассмеялся.

— Герцог Дориан, мы победили!

— Победили, но не до конца, — возразил граф Брасс, нахмурясь. — Надо отступить, перестроить войска и найти удобные позиции. На открытом месте нам не разбить их.

— Вы правы, — кивнул Хокмун. — Башни разрушены, и нам нужны другие укрепления. Насколько мне известно, в Камарге осталась лишь одна надежная твердыня... — Он выжидающе смотрел графу в глаза.

— Да, мой замок, — подтвердил граф Брасс. — Надо оповестить всех жителей, чтобы перебирались с припасами в Эйгис-Морт, под защиту замка...

— Но удастся ли нам выдержать долгую осаду? — спросил Хокмун.

— Посмотрим, — задумчиво произнес граф, глядя на остановившихся вдали гранбретанцев, которые снова строились. — Но нельзя же обрекать жителей на верную смерть...

Со слезами на глазах он повернул коня и направился в замок.

С балкона восточной башни Хокмун смотрел, как жители Камарга стекаются в старый город Эйгис-Морт. Многие из них устраивались в амфитеатре на краю города. Солдаты приносили туда провиант и помогали крестьянам разгружать повозки. Хокмун молился, чтобы не случилось чумы или паники, потому что поддерживать порядок в такой огромной толпе было почти невозможно.

Оладан вышел к нему на балкон и показал на северо-восток.

— Смотрите, летающие машины, — сказал он.

Хокмун разглядел на горизонте зловещие очертания гранбретанских орнитоптеров — верный признак того, что с той стороны надвигается армия Темной Империи.

С наступлением темноты они увидели на подступах к городу бивачные костры.

— Завтра — наш последний бой, — сказал Хокмун.

Они спустились в зал, где беседовали Богенталь и граф Брасс. Стол был уже накрыт — как всегда с роскошью. Собеседники обернулись навстречу Хокмуну и Оладану.

— Как себя чувствует д'Аверк? — спросил герцог Кельнский.

— Ему лучше. У него необычайно крепкий организм. Он уже попросил поесть, и я разрешил.

В зал вошла Исольтда.

— Я говорила с женщинами, — сказала она. — По их словам, весь народ уже в городе. Если забить скот, нам хватит провизии на целый год...

Граф Брасс грустно улыбнулся.

— Осада так долго не продлится. А как настроение в городе?

— Отличное. Их очень ободрило то, что вы оба живы. И вчерашняя победа тоже.

Граф вздохнул.

— К счастью, они не знают, что завтра нам всем предстоит умереть. А если не завтра, то послезавтра. Против такого огромного войска нам долго не продержаться. Мы потеряли много фламинго и остались почти без прикрытия с воздуха. Большинство гвардейцев погибло, а оставшиеся войска почти не обучены.

Богенталь вздохнул.

— А мы-то думали, что Камарг непобедим...

— Вы слишком рано убедили себя в обратном, — послышался голос с лестницы. В зал, хромая, спустился бледный д'Аверк, одетый в просторный желтовато-коричневый халат. — С таким настроением сражений не выигрывают. Нельзя думать о поражении.

— Вы правы, сэр Хьюлам. — Граф Брасс заставил себя улыбнуться. — Не будем говорить о поражении, лучше отведем этих великолепных яств, ведь нам нужно набраться сил для завтрашней битвы.

— Вам легче? — спросил Хокмун д'Аверка, усевшись за стол.

— Весьма, — бодро ответил француз, — но слегка подкрепиться, я думаю, не мешает. — И он положил себе на тарелку огромную порцию жаркого.

За ужином все молчали, смакуя еду столь сосредоточенно, словно эта трапеза была последней в их жизни.

Утром, выглянув в окно, Хокмун увидел на болотах великое множество воинов. Ночью войска Темной Империи бесшумно подобрались к стенам города и теперь готовились к штурму.

Хокмун поспешно вооружился и спустился в зал, где увидел д'Аверка в залатанных доспехах, Оладана, точащего меч, и графа Брасса, беседующего с двумя оставшимися в живых капитанами.

— Дориан... — произнесла за спиной у Хокмуна Исольтда. Он повернулся и бегом поднялся на площадку лестницы, где стояла его невеста. — Дориан, давай поженимся, прежде чем...

— Да, — тихо сказал он. — Надо найти Богенталья.

Они нашли философа в его покоях. Богенталь читал книгу. Оторвавшись от нее, он улыбнулся, а услышав, что от него хотят, отложил книгу и встал.

— Я надеялся, что церемония бракосочетания будет торжественной и пышной, — сказал он, — но ничего не поделаешь...

Он велел молодым соединить руки и опуститься на колени. Потом попросил произнести вслед за ним слова клятвы, которые он сам сочинил, слова, звучащие на всех свадьбах с тех пор, как Богенталь и его друг граф поселились в замке Брасс.

Когда церемония завершилась, Хокмун встал, поцеловал Исольтду и сказал:

— Богенталь, позаботьтесь о ней.

Покинув гостиную философа, он спустился во двор замка, где его друзья садились на коней.

Внезапно на них упала огромная тень. Над головами стрекотала и лязгала металлическая птица — гранбританский орнитоптер. С неба в мостовую, едва не задев Хокмуна, ударил яркий луч. Испуганный выстрелом конь герцога взвился на дыбы, раздувая ноздри и выпучив глаза.

Граф Брасс вскинул огненное копье и нажал на спуск. К летающей машине метнулось красное пламя. Раздался пронзительный крик пилота, и крылья орнитоптера замерли. Машина заскользила вниз, исчезла

за стеной замка и вскоре с грохотом разбилась на склоне холма.

— Надо поставить в башнях стрелков с огненными копьями, — заметил граф Брасс. — С башен удобнее отстреливаться от орнитоптеров. Вперед, господа.

Спускаясь по склону холма в город, они видели, как на городские стены хлынула огромная человеческая волна. Воины Камарга отчаянно пытались ее остановить.

Похожие на уродливых металлических птиц, кружили над городом орнитоптеры, поливая улицы огнем: крики защитников города, вопли атакующих, треск выстрелов и лязг металла слились в невообразимую какофонию. Над Эйгис-Мортом клубился черный дым горящих домов.

Хокмун пробирался сквозь толпу перепуганных женщин и детей, спеша на помощь защитникам города. Он потерял из виду графа Брасса, д'Аверка и Оладана, но знал, что они уже вступили в бой.

В стороне слышались крики отчаяния и торжествующий рев, и Хокмун, повернув коня, увидел в стене брешь, через которую в город врывались солдаты в волчьих и медвежьих масках.

Столкнувшись с Хокмуном, они попятились, вспомнив о его подвигах в предыдущих сражениях. Пользуясь их замешательством, он выкрикнул свой боевой клич: «Хокмун! Хокмун!» — и бросился на них с мечом, круша плоть и металл, тесня врагов к пролому в стене.

Защитники города сражались весь день. Их число стремительно уменьшалось, и хотя в сумерках войска Темной Империи отступили, Хокмун и его соратники понимали, что завтрашний бой станет для них последним.

Спотыкаясь от усталости, Хокмун и его друзья по извилистой дороге поднимались в замок, ведя коней в поводу. На сердце у них было тяжело — завтра им всем придется погибнуть. Если, конечно, им посчастливится пасть в бою.

Внезапно они услышали топот скачущего галопом коня и обнажили кечи. По склону холма к замку поднимался рослый всадник в высоком шлеме, полностью скрывающем лицо, и в доспехах из золота и черного янтаря.

Хокмун сжал кулаки.

— Что тебе нужно, предатель?! — воскликнул он.

Подъехав к ним, Рыцарь остановил своего огромного скакуна. Из-под забрала зазвучал знакомый гулкий голос:

— Приветствую вас, защитники Камарга. Вижу, сегодня у вас был тяжелый день. Завтра барон Мелиадус разобьет вас.

Хокмун вытер лоб платком.

— Незачем так настойчиво утверждать очевидное, Рыцарь. Что ты решил украсть на этот раз?

— Ничего, — ответил Рыцарь. — Я хочу кое-что вернуть. — Он протянул Хокмуну его потертую седельную сумку.

Хокмун бросился к нему, выхватил сумку и поспешно расстегнул ее. В ней, завернутая в лоскут материи, лежала машина, подаренная ему когда-то Риналом. Развернув лоскут, Хокмун убедился, что машина в целости и сохранности.

— Зачем же ты ее унес? — спросил он.

— Я все объясню, когда мы приедем в замок, — пообещал Рыцарь.

Рыцарь стоял у камина, остальные сидели вокруг и слушали.

— В замке Безумного Бога я решил расстаться с вами, поскольку знал, что вскоре вы окажетесь в безопасности. Но я знал также, что впереди вас ждет немало испытаний, в том числе, возможно, и плен. Поэтому я решил взять подарок Ринала с собой и вернуть его вам в Камарге.

— А я-то считал тебя вором! — вздохнул Хокмун. — Извини, Рыцарь.

— Что это за штука? — поинтересовался граф Брасс.

— Это старинная машина, — ответил Рыцарь, — созданная великими учеными одного из самых мудрых народов, когда-либо обитавших на этой земле.

— Оружие? — поинтересовался граф.

— Нет. Это устройство, способное перемещать в другое пространство и время огромные территории. Но перемещенный участок обязательно вернется обратно, если с машиной что-нибудь случится.

— А как она действует? — спросил Хокмун, поймав себя на мысли, что он этого не знает.

— Это очень трудно объяснить — вы наверняка ничего не поймете. Но Ринал научил меня обращаться с этой машиной.

— Но зачем? — удивился д'Аверк. — Чтобы отправить барона и его войско в какую-нибудь преисподнюю, откуда им вовек не выбраться?

— Нет, — сказал Рыцарь. — Я объясню...

В этот момент распахнулась дверь и в зал вошел израненный солдат.

— Милорд! — обратился он к графу Брассу. — Там у стены барон Мелиадус с флагом парламентария. Он предлагает вам выйти на переговоры.

— Мне не о чем с ним говорить, — ответил граф.

— Он сказал, что его армия готова к ночному штурму.

Теперь у него много свежих войск, и он возьмет город меньше, чем за час. Он предлагает вам сдаться вместе с дочерью, Хокмуном и д'Аверком и обещает взамен пощадить всех остальных.

Граф задумался было, но Хокмун вмешался:

— Идти на такую сделку бессмысленно. Уж кто-кто, а вы знаете, что Мелиадус — лжец и негодяй. Просто он хочет посеять раздоры среди нас.

Граф Брасс тяжело вздохнул.

— Но если он не солгал насчет ночного штурма, то скоро все мы погибнем.

— Погибнем — но с честью, — возразил д'Аверк.

— Да, — ответил граф с грустной улыбкой. — С честью. — Он повернулся к солдату. — Скажи барону, что переговоров не будет.

Воин поклонился.

— Слушаюсь, милорд. — Он удалился.

— Пожалуй, надо вернуться в город, — сказал граф Брасс, поднимаясь.

— Отец! Дориан! Вы живы! — воскликнула вошедшая в зал Исоolda.

Хокмун обнял ее.

— Да, милая, но сейчас мы должны уйти. Мелиадус готов возобновить штурм.

— Погодите, — остановил их Рыцарь. — Я еще не все рассказал вам.

Глава 12

БЕГСТВО В ПРЕИСПОДНЮЮ

Узнав ответ графа, барон Мелиадус усмехнулся.

— Ну что ж, — сказал он свите, — передайте войскам мой приказ: город разрушить, а людей вырезать. Впрочем, можно взять немного пленных, чтобы не пришлось скучать, праздную победу.

Он направил коня к свежим полкам, ожидающим приказа к наступлению.

— Вперед! — скомандовал он, и полки двинулись к обреченному городу.

Барон видел костры, горящие на городских стенах. Возле костров стояли воины, они знали, что в скором времени им предстоит погибнуть. Над городом высился красивый замок, некогда надежно защищавший Эйгис-Морт, а теперь обреченный. Барон засмеялся при мысли, что наконец-то отомстит за свое позорное бегство из этих стен.

Первые ряды пехоты уже достигли городских стен, и барон поскакал вперед, чтобы лучше видеть битву.

Внезапно он остановил коня. «Что это за мерцание? — удивленно подумал он, нахмурясь. — Почему дрожат стены замка?»

Он поднял маску и протер глаза.

Замок Брасс и стены Эйгис-Морта излучали розовое сияние, сменившееся вскоре красным, а потом — пурпурным. У барона закружилась голова. «Уж не схожу ли я с ума?» — с тревогой подумал он, облизывая пересохшие губы.

Наступающие войска замерли. Солдаты зароптали и кое-где попятились. Город, замок и склон холма испускали уже не багровые, а ярко-голубые лучи. Вскоре свет стал угасать, и вместе с ним таяли очертания замка Брасс и Эйгис-Морта. Внезапно налетел ужасающей силы ветер, едва не опрокинувший барона вместе с конем.

— Стойте! — закричал он. — Что случилось?

— Город... город и замок исчезли, милорд, — услышал он чей-то испуганный голос.

— Исчезли? Этого не может быть! Куда мог исчезнуть целый город вместе с холмом? Они все еще там! Эти прохвосты окружили себя какой-то завесой!

Барон Мелиадус помчался вперед, туда, где только что высились городские стены. Он ожидал столкновения с невидимой преградой, но не встретил ее. От города осталась только изрытая глина, в которой вязли копыта коня.

— Сбежали! — взвыл барон. — Но как же? Кто им помог? Кто способен творить такие чудеса?

Солдаты отступали. Многие из них бежали. Но барон шел вперед, вытянув руки, пытаясь нащупать стены исчезнувшего города. Рыдая в бессильной ярости, он упал на колени в грязь и закричал, потрясая кулаками:

— Хокмун, я найду тебя! Я призову на помощь всю гранбретанскую магию! Клянусь Рунным Посохом, куда бы ты ни спрятался, я найду тебя и отомщу!

Поднявшись на ноги, барон Мелиадус огляделся в поисках коня.

— О, Хокмун! — процедил он сквозь зубы. — О, Хокмун! Я найду тебя!

Послышался конский топот, мимо барона промелькнула призрачная фигура всадника в доспехах из золота и черного янтаря. Всадник исчез, но в ушах барона еще долго звучал его презрительный смех.

Барон снова поклялся Рунным Посохом, как в то злосчастное утро два года назад. Преведняя клятва дала начало новому витку истории, а нынешняя еще крепче связала самого барона и Хокмуна с неведомым им обоим предназначением.

Барон Мелиадус поймал своего коня и направился в лагерь, твердо решив как можно скорее вернуться в Гранбританию и посетить лаборатории Ордена Змеи. «Куда бы ни исчез замок Брасс, рано или поздно я найду в него дорогу», — пообещал он себе.

Исольда зачарованно глядела в окно. Улыбаясь, Хокмун прижимал ее к себе.

Позади них граф Брасс кашлянул и произнес:

— Дети мои, честно говоря, меня это немного сбilo с толку. Я ровным счетом ничего не понял из объяснений Рыцаря. Куда мы попали?

— В какой-нибудь другой Камарг, отец, — ответила Исольда.

За окном клубился туман. В нем невозможно было разглядеть что-либо, кроме смутных очертаний города.

— Он обещал, что мы привыкнем к этому месту, — произнес Хокмун. — Наверное, этот Камарг вполне реален. Надо выйти, осмотреться.

— Пожалуй, я пока останусь в городе, — подал голос д'Аверк. — А ты что скажешь, Оладан?

Зверочеловек ухмыльнулся.

— Ты прав. Надо малость обвыкнуться.

— Я тоже останусь с вами, — сказал граф Брасс. И рассмеялся: — Значит, больше нам нечего опасаться? Народ спасен?

— Да, — задумчиво сказал Богенталь. — Но не следует недооценивать ученых Гранбритании. Если существует возможность проникнуть сюда, они ее не упустят.

— Вы правы, Богенталь, — кивнул Хокмун. Указав на подарок Ринала, который лежал на обеденном столе в лучах льющегося через окна необыкновенного голубого света, он сказал: — Надо хранить эту вещь как зеницу ока. Помните, Рыцарь говорил: если с ней что-нибудь случится, мы вернемся в прежнее время и пространство.

Богенталь осторожно поднял машину и пообещал, что позаботится о ее сохранности.

После его ухода Хокмун снова повернулся к окну, задумчиво ощупывая Алый Амулет.

— Рыцарь обещал вернуться и сказать, что я должен делать, — произнес он. — Теперь я твердо знаю, что служу Рунному Посоху. Рано или поздно мне придется покинуть замок Брасс и возвратиться в тот мир. Ты должна быть к этому готова, Исольда.

— Не будем об этом говорить, — сказала она. — Лучше отпразднуем нашу свадьбу.

— Правильно, — кивнул он, улыбаясь.

Но все же избавиться от мыслей, что где-то рядом, отделенный от него загадочным барьером, находится мир, которому по-прежнему угрожает Темная Империя, Хокмуну не удавалось. Он понимал, что придет время и он снова выйдет на бой с кровожадными ордами Темной Империи. Но в те минуты, окруженный друзьями, он обнимал любимую женщину и наслаждался покоем и счастьем.

Он заслужил передышку.

III

МЕЧ ЗАРИ

Эду Гамильтону и Ли Брэкетт

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Сорвав Алый Амулет с шеи Безумного Бога и оставив себе этот могущественный талисман, Дориан Хокмун, последний из герцогов Кельнских, вместе с друзьями Хьюламом д'Аверком и Оладаном с Булгарских гор вернулся в Камарг, осажденный старым врагом Хокмуна — бароном Мелиадусом Кройденским. Граф Брасс, ею дочь Исольда и философ Богенталь с нетерпением и тревогой ожидали их возвращения. Хорошо защищенный Камарг мог пасть со дня на день — столь могучей стала Темная Империя. Барон Мелиадус не знал пощады... И лишь при помощи древней машины, способной высвободить огромную энергию и проходить сквозь пространство и время, друзьям удалось спастись. Они нашли убежище в другом измерении Земли, где не существовало ужасной Гранбретании. Но если чудесная машина будет разрушена, они вновь окажутся в своем мире... А пока дни летели беззаботно, и ничто не напоминало о той страшной участи, которой они избежали. Однако Хокмун все чаще задумывался о судьбе, постигшей его родину, все чаще вспоминал данную им клятву...

Из «Истории Рунного Посоха»

Глава 1

ПОСЛЕДНИЙ ГОРОД

Зловещие всадники пришпорили коней и, кашляя от едкого черного дыма, поднимающегося из долины, помчались по слякотному склону холма.

Солнце клонилось к западу, фигуры всадников отбрасывали длинные причудливые тени. В наступающих сумерках казалось, что коней оседлали исполины со звериными головами.

Каждый из шести всадников в одной руке держал выцветшее за время боевых походов знамя, другой сжимал рукоять меча, испещренную множеством зарубок — в память о поверженных врагах. Лица всадников были скрыты под металлическими масками зверей, усыпанными драгоценными камнями, а тела защищены исцарапанными, запятнанными кровью доспехами из стали, серебра и бронзы, украшенными гербом владельца.

Добравшись до вершины, наездники спешили и воткнули древки знамен в землю. Полотнища затрепетали в порывах горячего ветра — словно крылья степных птиц.

Шесть воинов в масках Волка, Мухи, Обезьяны, Козла, Крысы и Собаки гордо смотрели с холма на горящий город, раскинувшийся у их ног, откуда доносились крики и мольбы о помощи. Исадья Темной Империи, предводители многих тысяч воинов, глядели на долину и на море, виднеющееся за горами.

Солнце скрылось за горизонтом, огни пожаров стали ярче. Отблески играли на масках владык Гранбритании.

— Итак, господа, мы покорили Европу, — сказал барон Мелиадус, магистр Ордена Волка, Главнокомандующий армии завоевателей.

Худой, как скелет, Мигель Хольст, эрцгерцог Лондры, магистр Ордена Козла, глухо рассмеялся:

— Каждая пядь этой земли принадлежит нам. Вся Европа и большая часть Азии! — В рубиновых глазах его маски сверкнул отсвет пожара.

— А скоро мы завоюем мир, — прорычал Адаз Промп, магистр Ордена Собаки. — Весь мир!..

Бароны Гранбритании, хозяева континента, искусные полководцы, бесстрашные и неутомимые воины, люди с черными душами и черными мыслями, властелины, не Знающие морали и справедливости, ненавидящие все, что еще не превращено в руины, с мрачным ликованием смотрели на последний город Европы, охваченный огнем. Это был очень древний город, и назывался он — Афины.

— Да, весь мир... — сказал Йорик Нанкенсен, магистр Ордена Мухи, и прибавил: — Кроме уцелевшего Камарга.

Барон Мелиадус в ярости сжал кулаки. Повернувшись к нему, Нанкенсен насмешливо поинтересовался:

— Разве не достаточно того, что мы изгнали их, мой господин?

— Нет, не достаточно! — проревел Мелиадус.

— Они не причинят нам вреда, — донесся из-под маски крысы голос барона Вреналя Фарно. — Ученые установили, что наши враги скрылись в ином измерении. Мы не можем добраться до них, они не могут добраться до нас. Так давайте же не будем омрачать победу мыслями о Хокмуне и графе Брассе!..

— Я не в силах забыть их!

— А может, другое имя не дает тебе покоя, дружище барон? — поддел Мелиадуса Нанкенсен — всегдашний его соперник в любовных делах. — Имя красавицы Исольты? Может, тебя сжигает любовь — нежная и сладостная?

Некоторое время Волк молчал, сжимая эфес. Но затем самообладание вернулось к нему, и он почти равнодушно ответил:

— Месть, барон. Вот какое чувство гложет мое сердце.

— Ты очень чувствительный человек, — сухо отозвался Нанкенсен.

Внезапно Мелиадус освободил меч от ножен и выдернул древко знамени из земли.

— Они оскорбили нашего императора, нашу страну... Они оскорбили лично меня! Я, конечно, развлекусь с девчонкой, но о нежных чувствах не может быть и речи.

— О, разумеется, — пробормотал Нанкенсен с оттенком превосходства в голосе.

— И с остальными я славно позабавлюсь... в подземной тюрьме Лондры. Хокмун, граф Брасс, этот умник Богенталь, нелюдь Оладан, предатель д'Аверк — они даже представить себе не могут, какие муки их ждут... клянусь Рунным Посохом!

Сзади послышался топот множества ног. В зареве пожара всадники увидели, как дюжина пленных афинян тащит в гору портшез, в котором развалился сидит Шенегар Тротт — граф Суссекский.

Граф редко носил маску — он не любил этот обычай; но если того требовал этикет, то он надевал серебряную, карикатурно повторяющую черты его собственного лица. Шенегар Тротт не принадлежал ни к одному из Орденов, при дворе его терпели только из-за несметного богатства и почти нечеловеческой храбрости в сражениях. Глядя на его украшенные драгоценностями одежды и ленивые телодвижения, многие думали, что граф — непроходимый тупица. Однако это впечатление было обманчивым: граф частенько давал советы императору по некоторым щекотливым вопросам и, судя по всему, пользовался доверием монарха — даже большим, нежели Мелиадус.

Шенегар Тротт, очевидно, услышал обрывок разговора и добродушно проговорил:

— Страшная клятва, барон! Вы подумали, что может произойти, если не сдержите ее?

— Не сомневайтесь, граф. Я найду беглецов.

— Собственно, я здесь не для того. Император сгорает от нетерпения услышать из наших уст приятное известие. Известие о том, что вся Европа лежит у его ног.

— В таком случае я немедленно отправляюсь в Лондру! — вскричал Мелиадус. — Заодно встречусь с учеными чародеями и выясню, как обнаружить наших недругов. До встречи, господа!

Он сел на коня и помчался прочь.

Некоторое время собраты по оружию смотрели барону вслед, потом вновь обратили взор к пожару.

— Его безрассудство погубит нас...

— Подумаешь! — усмехнулся граф Тротт. — Ведь вместе с нами погибнет мир...

В ответ раздался взрыв дикого хохота. Ненависть к целой Вселенной слышалась в этом безумном смехе... ибо секрет могущества Темной Империи заключался в том, что ни к кому на свете ее властелины не испытывали теплых чувств, даже к самим себе. Всю жизнь они посвятили войне, и только в битвах и грабежах находили свое счастье...

Глава 2

ТАНЕЦ ФЛАМИНГО

На рассвете, когда стаи гигантских пурпурных фламинго покинули свои камышовые гнезда и, поднявшись в небо, закружились в причудливом танце, граф Брасс стоял у болота и задумчиво разглядывал темные заводи и коричневые островки, они казались ему иероглифами какого-то древнего языка.

Контуры этого пейзажа, скрывающие, как представлялось графу, тайну бытия, всегда притягивали внимание, и граф был уверен, что наблюдая за полетом птиц, всматриваясь в очертания тростниковых зарослей, он сможет найти ключ к тайнописи ландшафта и понять наконец, откуда возникает это давящее чувство опасности, разъедающее его душу и тело.

Вставало солнце, заливая побережье тусклым светом.

Услышав стук копыт, граф обернулся. Его дочь, златовласая Исольтда, мчалась к нему на рогатом камаргском жеребце, белом как снег, и улыбалась — словно ей давно уже была известна тайна, которую граф так тщетно пытался раскрыть. В облаке развевающихся на ветру голубых одежд она напоминала сказочную фею. Брассу не хотелось сейчас встречаться с девушкой, и он торопливо пошел вдоль болота, но Исольтда уже была близко и манула ему рукой.

— Отец, ты опять поднялся ни свет ни заря...

Брасс пожал плечами и вновь повернулся к зарослям тростника, изредка бросая взгляд на птиц — как будто пытаясь застать их врасплох и таким образом понять секрет странного, завораживающего танца.

Исольтда спешила и встала рядом с отцом.

Это не наши фламинго, — заметила она, — но очень похожи. Что ты тут высматриваешь?

Граф беспомощно улыбнулся, вслушиваясь в шелест крыльев над головой.

— Ничего. Где Хокмун?

— В замке. Еще спит... Какой прекрасный восход!

Граф передернул плечами.

— Ты не понимаешь... — начал он и осекся.

Он знал, что дочь никогда не сможет увидеть этот пейзаж его глазами. Как-то раз он попытался описать ей свои ощущения, однако Исольтда быстро потеряла всякий интерес к словам отца и не стала вникать в подробности. В узорах, которые мерещились графу всюду — в воде, тростниках, деревьях, в движениях животных, — был скрыт смысл бытия, а дочь просто смотрела на новый мир и радовалась его девственной красоте. Только старый друг Брасса, философ и поэт Богенталь, понимал его, но и тот считал, что дело не в пейзаже, а в самом графе.

— Ты взволнован, растерян, — говорил Богенталь, — мозг работает слишком напряженно... Все эти узоры — лишь плод твоего беспокойного воображения.

Граф отвергал подобные объяснения. Непонимание дочери и друзей раздражало его. Надев свои медные доспехи, он часто бродил по окрестностям, целыми днями изучая этот новый мир — так похожий на покинутый Камарг, если не считать того, что на многие мили вокруг здесь не было ни единой живой души.

— Брасс — человек действия, как и я, — говорил Дориан Хокмун, муж Исольтды. — Долгое безделье претит его натуре. Ему нужно настоящее дело, чтобы уйти в него с головой.

— Настоящее дело, как правило, опасно, — отвечал Богенталь, и на этом разговор обычно заканчивался, потому что Хокмун тут же замолкал и уходил, положив ладонь на рукоять меча.

И в замке, и в деревне царила напряженная атмосфера. Радость спасения от захватчиков сменилась

тревогой.

Люди не были уверены в том, что навсегда избавились от ужасов Темной Империи. Поначалу эта земля казалась им точной копией Камарга... Правда, краски здесь были слишком яркие, слишком сочные, но впоследствии они потускнели — будто память людей наложила свой отпечаток на пейзаж, и разница уже не воспринималась. Вокруг мирно паслись табуны рогатых лошадей, стада белых быков; фламинго легко приручались, и люди летали на них верхом. Однако страх, что темные силы сумеют проникнуть и в этот тихий уголок, не покидал души поселян.

Впрочем, Хокмуна и графа Брасса такая опасность не пугала, порой они даже были готовы приветствовать нападение Гранбретании...

Итак, каждое утро граф Брасс изучал пейзаж и пытался разгадать его тайну, а Дориан Хокмун объезжал побережье в поисках достойного противника. Но ему встречались только стада коров и табуны боязливых лошадей; стаи испуганных фламинго поднимались в небо при его приближении...

И вот однажды, возвращаясь на взмыленной лошади из одной такой экспедиции, Хокмун увидел парящих в небе фламинго — они то взмывали вверх, то падали к самой земле. Был полдень, а фламинго танцевали только на заре. Казалось, гигантские птицы испуганы, и Хокмун решил выяснить, в чем дело.

Пришпорив лошадь, он поскакал по извилистой тропке и вскоре увидел, что птицы кружат над маленьким островком, поросшим высоким тростником. Пристально разглядывая островок, герцог заметил в тростнике красное пятно — скорее всего, чью-то одежду.

Поначалу Хокмун решил, что это какой-нибудь крестьянин охотится на уток, но тогда он наверняка бы окликнул герцога или, на худой конец, помахал бы рукой.

Хокмун направил лошадь в воду, и вскоре сильное тело Животного уже раздвигало тростник, где по-прежнему мелькало что-то красное. Хокмун окончательно понял: это человек.

— Эй! — крикнул Хокмун. — Кто здесь?

В ответ только сильнее закачался тростник, человек во весь дух бросился наутек, отбросив всякую осторожность.

— Кто ты? — закричал Хокмун, с ужасом подумав, что Темной Империи все же удалось добраться сюда и что повсюду в тростниковых зарослях прячутся люди, готовые напасть на замок Брасс.

Устремившись вслед за человеком в красном, он увидел, как тот кинулся в воду и поплыл к берегу.

— Стой! — крикнул Хокмун, но незнакомец продолжал плыть.

Хокмун вновь погнал лошадь в воду, подняв фонтаны брызг. Человек уже выбрался на другой берег, оглянувшись, увидел, что Хокмун настигает его, и выхватил блестящий тонкий меч невероятной длины.

Но сильнее меча Хокмуна поразило другое.

Под длинными спутанными волосами лица не было!

Герцог судорожно глотнул воздуха. Кто это? Неизвестный ему обитатель здешних мест? Хокмун выбрался из седла, обнажил меч и вышел на берег. Пристально вглядевшись в незнакомца, он вдруг расхохотался, сообразив, в чем дело.

Это же просто маска! Маска из светлой кожи. Щели для глаз и рта очень узкие и, конечно, незаметны с большого расстояния.

— Что тут смешного? — с вызовом осведомился незнакомец. — Не советую тебе смеяться, друг мой, ибо смерть твоя близка!

— А кто ты такой? — спросил Хокмун. — Пока что ты кажешься просто хвастунишкой.

— Я тот, кто владеет мечом лучше тебя, — ответил незнакомец. — Так что сдавайся без боя.

— Сожалею, но поверить на слово не могу, — улыбнулся Хокмун. — Как же случилось, что великий воин прозябает в нищете?

И Хокмун указал мечом на залатанный красный камзол, рваные штаны и сапоги из потрескавшейся

кожи. Даже свое оружие человек извлек не из ножен, а из веревочной петли на поясе. Рядом с петлей болтался тощий кошелек.

Человек был высок, худ, с бледной, нездоровой кожей, очевидно, от недоедания. Хокмун также заметил, что его пальцы незнакомца унизаны перстнями с крупными, но наверняка фальшивыми камнями.

— А, да ты нищий... Эй, бродяга, где ты стащил этот меч? — усмехнулся Хокмун. И чуть не вскрикнул, когда человек сделал внезапный выпад. Движение было неуловимо быстрым. Почувствовав легкий укол, Хокмун коснулся щеки — из неглубокой ранки шла кровь.

— А ведь я мог и не отдернуть руку, — презрительно заявил незнакомец. — Короче, бросай-ка свой тяжелый меч и сдавайся.

Хокмун искренне рассмеялся:

— Прекрасно! Наконец-то мне встретился достойный противник. Ты даже не представляешь, как я рад, дружище! Я так давно не слышал звона стали!

И с этими словами он бросился на незнакомца в маске.

Незнакомец отбил его атаку серией парирующих ударов, после чего перешел в контрнаступление. С большим трудом Хокмуну удалось сдержать этот стремительный натиск. Ноги сражающихся увязали в болотистой почве, но ни один не сдвинулся со своего места ни на дюйм.

Не жалея сил, они сражались около часа — молча, беспощадно, однако не получив и не нанеся ни одной раны.

Тогда Хокмун переменял тактику и стал медленно пятиться к берегу.

Решив, что противник отступает, незнакомец почувствовал еще большую уверенность в себе, и Хокмуну пришлось призвать на помощь все свое искусство, чтобы отражать молниеносные удары.

Затем он сделал вид, что поскользнулся, и упал на одно колено, а когда человек в маске прыгнул на него, Хокмун быстро перехватил клинок и рукоятью ударил незнакомца по запястью. Взыв, человек выронил свое оружие. Хокмун вскочил на ноги и, наступив на меч врага, приставил к его горлу свой клинок.

— Прием, недостойный настоящего бойца, — проворчал человек в маске.

Хокмун пожал плечами.

— Просто мне наскучила эта игра.

— Ну и что теперь?

— Имя, — сказал Хокмун. — Сначала я хочу услышать твое имя, потом увидеть твое лицо, потом узнать, что ты здесь делаешь, и, наконец, самое важное, — выяснить как ты вообще сюда попал.

— Мое имя тебе известно, — гордо ответил человек. — Я — Эльвереццо Тоузе!

— Ну и ну! — герцог Кельнский не смог скрыть изумления.

Глава 3

ЭЛЬВЕРЕЦЦО ТУЗЕ

По мнению Хокмуна, величайший драматург Гранбретании должен был выглядеть совсем иначе. Пьесы Эльвереццо Тузе пользовались успехом по всей Европе; ими восхищались даже те, кто ненавидел Гранбретанию. Но в последнее время, возможно, из-за войны, об авторе «Короля Сталина», «Трагедии Катины и Карны», «Последнего из Бралдуров», «Анналов», «Чиршиля и Адульфа», «Комедии о Стали» ничего не было слышно.

Хокмун полагал, что известнейший драматург должен быть элегантно одет, уверен в себе, спокоен и остроумен. Этот же человек, казалось, лучше владеет мечом, чем словами, он тщеславен, глуповат, болтлив и к тому же одет в лохмотья.

По тропе через болото они направились в замок Брасс. Хокмун шел сзади, сжимая рукоять меча. Говорит ли человек правду? Если нет, то почему выдает себя именно за прославленного драматурга?

Весело посвистывая, Тузе шел впереди. По-видимому, его совсем не беспокоил такой поворот дел.

— Минутку, — Хокмун остановился и взял за повод коня, который брел следом.

Тузе обернулся. Лицо его все еще скрывала маска. Хокмун вспомнил, что, услышав имя драматурга, он от удивления даже не заставил незнакомца снять ее.

— Да, — сказал Тузе, оглядываясь вокруг. — Красивая страна. Но, думается, зрителей маловато.

— Э, да, — в замешательстве ответил Хокмун. — Да... Садитесь-ка в седло, господин Тузе. Кажется, лучше нам поехать верхом.

Тузе забрался в седло. Сев позади пленника, Хокмун взял поводья и пустил коня рысью.

Вскоре они миновали городские ворота, медленным шагом проследовали по извилистым улочкам и по скользкой дороге направились к замку Брасс.

Спешившись во внутреннем дворе, Хокмун бросил повод конюху и пошел к двери, ведущей в главный зал замка.

— Следуйте за мной, — сказал он Тузе.

Чуть заметно пожав плечами, человек в маске вошел в зал, поклонился двум мужчинам, стоявшим у большого камина, в котором горел огонь. Хокмун тоже кивнул им.

— Доброе утро, господа. Со мной пленник...

— Видим, — ответил д'Аверк. На его осунувшемся, но по-прежнему красивом лице мелькнул интерес. — Воины Гранбретании снова у стен Камарга?

— Насколько я могу судить, пока только один, — сказал Хокмун. — Он утверждает, что его имя — Эльвереццо Тузе...

— В самом деле? — Даже сдержанный Богенталь не мог скрыть любопытства. — Автор «Чиршиля и Адульфа»? Что-то не верится.

Тузе дернул за ремешок маски.

— Я знаю вас, сэр, — сказал он. — Мы встречались лет десять назад, когда я приезжал в Малагу со своей пьесой.

— Да, припоминаю. Мы говорили о стихах, которые вы незадолго до этого опубликовали и которые мне очень понравились. — Богенталь покачал головой. — Вы в самом деле Эльвереццо Тузе, но...

Тузе снял маску, и окружающие увидели худое лицо, бегающие глаза; длинный острый нос и нездорового цвета кожу, усеянную оспинками, куцая борода не могла скрыть безвольный маленький подбородок.

— Я вспоминаю вас, но тогда вы выглядели цветущим, преуспевающим... Боже, что случилось, сэр? — тихо произнес Богенталь. — Вы подверглись гонениям и стали беженцем?

— Ах, — вздохнул Тоузе, бросая взгляд на Богенталья. Казалось, он обдумывает план действий. — Можно и так сказать... Не найдется ли у вас стаканчика вина, сэр? После встречи с вашим воинственным другом у меня в горле пересохло.

— Что? — подал голос д'Аверк. — Вы сражались?

— Насмерть, — мрачно ответил Хокмун. — Он прятался в камышах... Боюсь, господин Тоузе прибыл в Камарг с недобрыми намерениями. Думаю, это шпион.

— С какой стати великому драматургу становиться шпионом?

Этой фразе, сказанной Тоузе в презрительном тоне, явно не доставало уверенности.

Богенталь закусил губу и позвонил слуге.

— Это вам предстоит объяснить, сэр, — весело сказал Хьюлам д'Аверк и притворно закашлялся. — Прошу прощения: легкая простуда. В замке полно щелей, и такие сквозняки гуляют...

— Я бы и сам желал объясниться, — ответил Тоузе, — если, конечно, найду щелочку для себя. — Он выжидательно взглянул на них. — Щелочку, которая помогла бы нам забыть о щели, если вы меня понимаете...

— Посмотрим, — отозвался Богенталь и приказал вошедшему слуге принести вина. — Вы голодны, господин Тоузе?

— «Я буду есть хлеб Бабея и мараханское мясо... — мечтательно ответил Тоузе. — Ибо все, что подают дураки, просто...»

— В этот час мы можем предложить вам сыру, — с иронией прервал его д'Аверк.

— «Анналы», акт шестой, сцена пятая, — сказал Тоузе. — Помните эту сцену?

— Помню, — кивнул д'Аверк. — Мне всегда казалось, что эта часть слабее всего остального.

— Утонченнее, — важно ответил Тоузе. — Утонченнее...

Слуга принес вино. Без зазрения совести Тоузе налил себе полный кубок.

— Смысл литературы, — сказал он, — не всегда понятен простым людям. Через сто лет они поймут, что последний акт «Анналов» — это на самом деле не плохо продуманное и написанное в спешке произведение, как посчитали некоторые тупые критики, а сложная структура...

— Я тоже немного пишу, — сказал Богенталь, — но должен признаться, что тоже не увидел никакого скрытого смысла. Может быть, вы объясните нам?

— В другой раз, — сказал Тоузе, безразлично махнув рукой. Он выпил вино и снова налил полный кубок.

— А пока, — твердо сказал Хокмун, — расскажите, как вы попали в Камарг. Мы считали, что сюда невозможно проникнуть, но теперь...

— О, не беспокойтесь, — ответил Тоузе. — Сделать это смог только я — благодаря силе своего ума.

Д'Аверк скептически посмотрел на него и почесал подбородок.

— Благодаря силе вашего... ума? И каким образом?

— Древнее искусство, которому меня обучил один философ, живущий в недоступных долинах Йеля... — Тоузе рыгнул и налил себе еще вина.

— Йель — это юго-западная провинция Гранбретании, не так ли? — спросил Богенталь.

— Да. Далекая, почти безлюдная страна. Несколько темнокожих дикарей, живущих в землянках, и больше никого. После того, как моя пьеса «Чиршиль и Адульф» вызвала недовольство некоторых лиц при дворе, я решил исчезнуть на какое-то время и оставил моим врагам имущество, деньги и всех своих любовниц. В таких мелочах, как политика, я не разбираюсь. Почем мне было знать, что я описал в пьесе

кое-какие придворные интриги?

— Вы впали в немилость? — спросил Хокмун, пристально разглядывая Тоузе. Этот рассказ мог быть частью заранее придуманной лжи.

— Более того, я чуть не лишился головы. Да и деревенская жизнь почти доконала меня, потому что...

— И вы встретили философа, который научил вас путешествовать сквозь измерения? И прибыли сюда искать защиты? — Хокмун внимательно следил, какотреагировал Тоузе на эти вопросы.

— Нет, ну да... — ответил драматург. — Я хочу сказать, что точно не знал, куда попаду...

— Думаю, господин Тоузе, вы лжете, — сказал Хокмун. — Вас послал Король Хаон.

— Лгу? А что такое ложь? И что такое правда? — Тоузе кисло улыбнулся Хокмуну и икнул.

— Правда — это то, что по вашей шее плачет веревка, — спокойно заметил Хокмун. — Вас надо повесить. — Он коснулся рукой тусклого Черного Камня у себя во лбу. — Я знаю, на что способна Темная Империя. Я много раз попадал в ее ловушки и не желаю быть обманутым еще раз. — Он посмотрел на остальных. — Короче, я за то, чтобы его повесить.

— Сначала надо узнать, не сможет ли еще кто-нибудь добраться до нас, — резонно возразил д'Аверк. — Не стоит торопиться, Хокмун.

— Клянусь, я единственный! — Тоузе заволновался. — Скажу откровенно, добрый господин, мне приказали проникнуть сюда. У меня был выбор: либо соглашаться, либо до самой смерти гнить в тюремных подвалах дворца. Узнав секрет старика, я вернулся в Лондру, полагая, что приобретенная способность позволит договориться с теми, кто был недоволен мною. Я только хотел, чтобы мне вернули прежнее положение при дворе, а у моих пьес вновь появились зрители. Однако когда я рассказал о том, чему научился, владыки Гранбритании стали угрожать мне. Поэтому пришлось пообещать, что я перенесусь сюда и разрушу машину, которая помогла вам ускользнуть... И вот я здесь. Признаюсь, я рад, что убежал от них. Очень не хочется рисковать своей шкурой, досаждая вам, добрые люди, но...

— Неужели они не сделали все возможное для того, чтобы вы выполнили приказ? — спросил Хокмун. — Странно.

— Сказать по правде, — ответил Тоузе, потупив взор, — я не думаю, чтобы они поверили мне — просто хотели проверить. Когда же я согласился и мгновенно исчез, они, наверное, были потрясены.

— Не похоже, чтобы властелины Темной Империи были настолько неосмотрительны, — задумчиво сказал д'Аверк и нахмурился. — Однако, если, вы не можете убедить нас, то нет основания полагать, что и они вам поверили. Тем не менее, я сомневаюсь в вашей искренности.

— Вы ведь рассказали им об этом старике? — спросил Богенталь. — Значит, они сами смогут узнать его секрет!

— Отнюдь, — гордо ответил Тоузе. — Я сказал им, что приобрел эту способность за много месяцев одиночества.

— Не мудрено, что они не приняли ваши слова всерьез, — улыбнулся д'Аверк.

Тоузе казался оскорбленным. Он выпил еще вина.

— Трудно поверить, что вы оказались здесь только благодаря силе воли, — признался Богенталь. — Вы уверены, что не пользовались никакими другими средствами?

— Никакими.

— Мне это совсем не нравится, — хмуро сказал Хокмун. — Даже если Тоузе сказал правду, владыки Гранбритании уже думают над тем, где он приобрел эту способность, и будут следить за каждым его шагом. — Я почти уверен, что они найдут старика — и тогда у них будет возможность перенестись сюда со всем своим войском. Мы обречены!

— Да, тяжкие времена, — сказал Тоузе, вновь наполняя кубок. — Вспомните «Короля Сталина», акт четвертый, сцена вторая: «Безумные дни, безумные всадники, и смрад войны по миру всему!» Да, я был

провидцем, сам того не сознавая!

Он явно захмелел. Хокмун внимательно посмотрел на пьяницу с безвольным подбородком, все еще не веря, что перед ним великий драматург.

— Вижу, вы удивлены моей бедностью, — сказал Тоузе заплетающимся языком. — В этом, как я уже говорил, виноваты несколько строк в «Чиршиле и Адульфе». О, превратности судьбы! Несколько честных строчек, и вот я здесь, и меня грозятся повесить. Вы, конечно, помните эту сцену и слова? «Двор и король, продажны тот и этот...» Акт первый, сцена первая. Пожалейте меня, сэр, не вешайте. Перед вами великий художник, погубленный силой своего таланта.

— Этот старик, — сказал Богенталь, — кто он? Где именно он живет?

— Старик... — Тоузе влил в себя еще вина. — Старик напоминал мне Йони из «Комедии о Стали». Акт второй, сцена шестая...

— Кто он? — нетерпеливо спросил Хокмун.

— «Он души не чаял в механизмах, он отдавал им все свое время и не заметил, как постарел». Понимаете, он живет только наукой. Делает кольца... — Тоузе умолк и прикрыл рот рукой.

— Кольца? Какие кольца? — быстро спросил д'Аверк.

— Вы должны простить меня, — сказал Тоузе и поднялся, тщетно пытаясь сохранить гордую осанку. — Вино оказалось не под силу моему пустому желудку. Пожалейте меня и разрешите выйти.

Его лицо на самом деле приняло зеленоватый оттенок.

— Хорошо, — устало сказал Богенталь, — я провожу вас.

— Прежде, чем он уйдет, — раздался немного приглушенный, ироничный голос, — заставьте его снять кольцо со среднего пальца левой руки.

Хокмун сразу же узнал говорившего и обернулся.

У Тоузе отвисла челюсть, он в испуге закрыл кольцо ладонью и спросил:

— Что вы знаете об этом? Кто вы такой?

— Герцог Дориан, — сказал вошедший, кивнув Хокмуну, — называет меня Рыцарем в Черном и Золотом.

Рыцарь казался выше любого из присутствующих и был одет в доспехи черного и золотого цветов. Рыцарь поднял руку и указал на Тоузеа:

— Отдайте герцогу это кольцо.

— Это же стекляшка, ничего особенного...

Д'Аверк сказал:

— Он упоминал какие-то кольца. Значит, кольцо перенесло его сюда?

Тоузе все еще колебался. От волнения и выпитого вина лицо его приняло глупое выражение.

— Говорю вам, это стекло, дешевая безделушка...

— Приказываю тебе именем Рунного Посоха! — грозно прокричал Рыцарь.

Драматург-неудачник нервно снял кольцо и бросил на каменный пол. Д'Аверк поднял его и, повертев в пальцах, сказал:

— Это хрусталь, а не стекло. Что-то он мне напоминает...

— Оно сделано из того же минерала, что и машина, которая перенесла вас сюда, — сказал Рыцарь. Он поднял руку в латной рукавице — на среднем пальце блестело такое же кольцо. — И оно обладает теми же свойствами — может переносить человека в иные измерения.

— Я так и думал, — сказал Хокмун. — Не сила ума перенесла сюда этого писаку, а кусок хрусталя. Ну, Тоузе, теперь-то уж точно я тебя повешу! Где ты достал перстень?

— У одного человека... Майгана из Лландара. Клянусь, это правда! У него много таких... и он может еще сделать! — закричал Тоузе. — Не вешайте меня, умоляю. Я скажу, где найти старика.

— Да уж, извольте, — задумчиво сказал Богенталь. — Мы должны добраться до него раньше Темной Империи. Он и его секреты будут принадлежать нам — для нашей же безопасности.

— Что? Так мы отправляемся в Гранбританию? — удивленно спросил Д'Аверк.

— Боюсь, это необходимо, — объявил Хокмун.

Глава 4

ФЛАНА МИКОСЕВААР

Флана Микосеваар, графиня Канберийская, поправила сплетенную из золотых нитей маску и огляделась. От пестро разодетых гостей рябило в глазах.

Оркестр в центре бальной залы играл быструю, сложную мелодию — одно из последних произведений Лондена Джона, величайшего композитора Гранбритании, почившего два века тому назад.

Графиня носила богато украшенную маску Цапли, которая сверкала тысячами граней редких драгоценных камней. Тяжелое парчовое платье переливалось всеми цветами радуги. Будучи вдовой Азровака Микосеваара, погибшего от меча Дориана Хокмуна в первой битве за Камарг, Флана Канберийская не оплакивала супруга и не держала зла на его убийцу. В конце концов, он был ее двенадцатым мужем, и, хотя любовные утехы этого злого, кровожадного человека долгое время доставляли ей удовольствие, но после того, как он отправился на войну с Камаргом, Флана, разумеется, не стала вести жизнь затворницы. Поэтому образ графа быстро потускнел в ее сердце — впрочем, как и воспоминания о многих других любовниках: Флана была ветреной натурой.

Она привыкла к тому, что мужья и фавориты, как только начинают надоедать, немедленно исчезают со сцены. Однако, повинаясь скорее инстинкту, нежели соображениям морали, она не прибегала к убийству наиболее влиятельных из них...

Это вовсе не означало, что графиня не знала любви. О, Флана могла любить страстно, беззаветно... просто ее не хватало надолго. И слово «ненависть» было для нее таким же пустым звуком, как и слово «жалость».

Женщина с грацией дикой кошки и холодной душой паука... Многие мечтали отомстить ей — за отравленного брата, за уведенного мужа (и, несомненно, отомстили бы, не будь она двоюродной сестрой императора Хаона — бессмертного монарха, пребывающего в чреве Тронной Сферы); другие видели в ней лишь единственную живую родственницу короля и хотели использовать в своих интересах — ведь она могла стать императрицей в случае гибели Хаона...

Флана не подозревала о плетущихся вокруг нее заговорах. Впрочем, узнав о них, она бы и глазом не моргнула — какое ей дело до чужих забот, если они не приносят наслаждения, не облегчают странное томление духа, в котором она сама не может разобраться? Многие подкупали слуг, чтобы только увидеть Флану без маски — в надежде узнать тайну ее обаяния. Но прекрасное лицо графини — чистое, с чуть впалыми щеками, с большими золотистыми глазами — неизменно хранило загадочное, отрешенное выражение и скрывало куда больше, чем маска.

Музыка смолкла. Разноцветные пятна одежд задвигались. Гости поднимались со своих мест. Изящные женские маски собрались вокруг воинственных шлемов, скрывающих лица владык Гранбритании.

Графиня не двинулась с места. Издалека она узнавала многих мужчин по их маскам, и среди всех выделялась маска Мелиадуса — магистра Ордена Волка, который был ее мужем пять лет тому назад и не так давно развелся с ней (чего Флана даже не заметила). Был в зале и Шенегар Тротт — в серебряной маске, пародирующей черты его собственного лица; он возлежал на подушках, в окружении нагих рабынь с опахалами. Был там и Пра Фленн, герцог Лаксдежский, которому едва исполнилось восемнадцать, но который уже покорил десять городов; он носил маску Дракона. Флана знала и остальных — всех этих великих полководцев, вернувшихся, чтобы отпраздновать победу, поделить завоеванные земли, и принять поздравления от своего Императора... Воины громко смеялись, когда к ним приближались дамы, и только Мелиадус стоял в стороне, беседуя со своим зятем Тарагормом, хозяином дворца Времени, и Каланом Витальским, магистром Ордена Змеи, главным придворным ученым. Флана чуть не прыснула от смеха, ибо Мелиадус всегда недолюбливал Тарагорма.

Глава 5

ТАРАГОРМ

— Ну, братец Тарагорм, как поживаешь? — с преувеличенной сердечностью спросил Мелиадус.

— Хорошо, — коротко ответил женившийся на сестре барона Тарагорм, недоумевая, почему вельможа заговорил с ним — ведь всем было известно, что Мелиадус очень ревновал Тарагорма, сумевшего добиться расположения его сестры. Тарагорм высокомерно вздернул подбородок, и его маска тяжело качнулась. Она была сделана в виде гигантских часов из бронзы, покрытой эмалью, с жемчужным циферблатом и серебряными стрелками; коробка с маятником спускалась на широкую грудь Тарагорма, сквозь голубоватое стекло виднелся качающийся золотой маятник. Часы были снабжены сложным механизмом балансировки, приспособленным к шагу Тарагорма. Они били каждые час, полчаса и четверть часа, а в полночь и в полдень исполняли первые восемь тактов «Антипатий Времени» Шеневена.

— А как поживают твои часы? — продолжал в той же несвойственной ему дружелюбной манере Мелиадус. — По-прежнему тик-так, тик-так, а?

Тарагорму понадобилось некоторое время, чтобы понять — его шурин пытается шутить. Он промолчал. Мелиадус откашлялся.

Из-под маски змеи донесся голос Калана:

— Лорд Тарагорм, я слышал, ты проводишь эксперименты с машиной, которая может перемещать предмет во времени. А я, кстати, построил двигатель...

— Брат, я хочу расспросить тебя об этих экспериментах... — перебил его Мелиадус. — Насколько они успешны?

— Достаточно успешны, брат.

— Ты уже можешь путешествовать во времени?

— Нет, для людей это пока неосуществимо.

— Так вот, мой двигатель, — тем временем бесцеремонно продолжал барон Калан, — может нести корабли с огромной скоростью на гигантские расстояния. Теперь мы сможем завоевать любую страну на Земле, как бы далеко она ни находилась...

— Когда же будет получен окончательный результат? — спросил Мелиадус, наклоняясь к Тарагорму. — Когда человек сможет путешествовать в прошлое и будущее?

Барон Калан пожал плечами и отвернулся.

— Я должен вернуться в лабораторию, — сказал он. — Император убедительно просил меня как можно быстрее завершить работу. Всего доброго, милорды.

— Всего доброго... — равнодушно ответил Мелиадус. — А теперь, брат, ты должен подробнее рассказать мне о своей работе. Может быть, покажешь, чего ты уже достиг?

— Слушаю и повинуюсь, — улыбнулся Тарагорм. — Но моя работа засекречена. Я не могу привести тебя во дворец Времени без разрешения Короля. Спроси у него.

— Ты уверен, что мне так уж нужно это разрешение?

— Никто из нас не имеет права действовать без соображения Императора.

— Но тут дело чрезвычайной важности, брат, — сказал Мелиадус с ноткой отчаяния в голосе. — Возможно, наши враги укрылись в другом измерении. Они угрожают безопасности Гранбритании.

— Ты говоришь об этих людишках, которых не смог одолеть в битве за Камарг?

— Победа была за нами... но в последний момент им удалось бежать. При помощи науки... или волшебства. Никто еще не упрекнул меня в неудаче.

— Вот как? А сам себя ты не упрекаешь?

— Мне не в чем себя винить. Я просто хочу покончить с нашими врагами, избавить Империю от этих отщепенцев. Что здесь предосудительного?

— Поговаривают, что, устраивая личные дела, ты не думаешь о благе Империи. Говорят также, что ты хитрил и изворачивался, лишь бы отомстить обитателям Камарга.

— Это только слухи, брат, — сказал Мелиадус. — Я забочусь только о благополучии Империи.

— Тогда расскажи о своих планах королю Хаону, и; быть может, он даст тебе разрешение посетить мой дворец... — Часы на маске начали отбивать время, что сделало дальнейшую беседу невозможной. Тарагорм отвернулся и пошел прочь. Мелиадус бросился было следом, но передумал и неторопливо покинул зал.

Графиня Флана, окруженная молодыми поклонниками, пытавшимися привлечь ее внимание, видела, как ушел Мелиадус. По его торопливой походке она поняла, что барон в плохом настроении. Вскоре она забыла о нем и вернулась к претендентам на свою благосклонность, слушая скорее не слова, а просто звучание голосов, напоминающих ей старые, любимые мелодии.

А Тарагорм уже разговаривал с Шенегаром Троттом.

— Утром я собираюсь к Королю, — говорил Тротт хозяину дворца Времени. — Он хочет дать мне какое-то секретное поручение. Мы должны все время заниматься делом, не так ли?

— Разумеется, граф Шенегар, иначе мы просто умрем со скуки.

Глава 6

АУДИЕНЦИЯ

На следующее утро барон Мелиадус в нетерпении стоял перед Тронным Залом. Вчера вечером он попросил об аудиенции, и ему было назначено на одиннадцать часов.

Уже пробило двенадцать, и никто пока его не пригласил. Двери, ведущие в огромное помещение, где всегда царил сумрак, были покрыты мозаикой, изображающей сцены из древних легенд. Пятьдесят стражников в масках Богомолов, с пиками наготове застыли перед входом. Мелиадус прохаживался перед ними взад-вперед.

Он старался не выказать своего раздражения. Почему Король не принял его вовремя? В конце концов, разве не его, барона, армии завоевали Европу? Разве не он, Мелиадус, повел эти армии на Средний Восток, и разве не он подарил Императору новые земли? Почему же Хаон заставляет ждать?! Мелиадусу, первому из воинов Гранбритании, должно быть отдано предпочтение перед любым смертным, кем бы тот ни был!.. Барона терзали сомнения: здесь явно нечисто и пахнет заговором. Тарагорм ясно намекал на возможность опалы. Но ведь только идиот не понимает, какую угрозу несут Хокмун, граф Брасс и Хьюлам д'Аверк! Если они ускользнут от заслуженной расплаты, это послужит сигналом к восстанию остальных, замедлит завоевание всего мира. Разумеется, Хаон не станет слушать всяких клеветников, Император мудр и справедлив. Но даже если это и не так, то его действия не подлежат обсуждению...

Мелиадус в панике потерял нить рассуждений.

Наконец огромные двери приоткрылись — ровно настолько, чтобы мог пройти один человек, — и в проеме возникла высокая тучная фигура.

— Шенегар Тротт! — воскликнул Мелиадус. — Так это ты заставил меня так долго ждать?

Серебряная маска графа блестела в свете, льющемся из коридора.

— Примите мои извинения, барон Мелиадус, мои глубочайшие извинения. Но надо было многое обсудить... Теперь я закончил. Мой дорогой барон, мне поручено дело. Дело! И какое, ого-го!

И прежде, чем Мелиадус смог расспросить его, Тротт ускользнул.

Из глубины Тронного Зала раздался юношеский вибрирующий голос — голос Императора Хаона:

— Можешь войти, барон Мелиадус.

Стража разомкнула ряды и пропустила барона в гигантский сияющий зал, охраняемый тысячей застывших вдоль стен воинов в масках Богомолов, с яркими знаменами пятисот самых знатных родов Гранбритании, перед которыми барон Мелиадус Кройденский преклонил колени.

Богато украшенные галереи переходили одна в другую, плавно сбегая к выпуклому возвышению в центре зала. Доспехи солдат Ордена Богомола отливали черным, зеленым и золотым. Поднявшись с колен, барон Мелиадус увидел в отдалении Тронную Сферу — белое пятно на фоне пурпурно-зеленой стены.

Медленным, почтительным шагом барон Мелиадус дошел до Сферы и еще раз преклонил колени. Сфера была заполнена молочно-белой пульсирующей жидкостью и пронизана нитями кроваво-красного и голубого цветов.

В центре Сферы находился сам Император — дряхлое, сморщенное создание, похожее на зародыш — бессмертное, единственной живой частичкой которого казались глаза: черные, колющие, злобные.

— Барон Мелиадус, — раздался звонкий голос, принадлежавший юноше, обязанностью которого было говорить за Императора.

— Ваше Величество, — прошептал Мелиадус, — я благодарю вас за любезность предоставить мне эту аудиенцию.

— И чего же ты хочешь, барон? — Тон был язвительный, несколько раздраженный. — Получить

дозволение завоевать Европу?

— Наши завоевания огромны... Но я должен предупредить, что со стороны Европы нам по-прежнему угрожает опасность.

— Как, разве ты не завоевал для нас весь континент?

— Вы знаете, что Европа принадлежит вам, Великий Император, — от побережья до побережья; до самых границ Московии и даже дальше. Много врагов погибло, многие стали рабами... Но я говорю о тех, кто сумел ускользнуть...

— Хокмун и его друзья?

— Да, Могушественный...

— Ты изгнал их, и теперь они нам не страшны.

— Ваше величество, пока они живы, жива и надежда в сердцах остальных, и эта надежда угрожает всем нашим завоеваниям... тем более что уже сейчас возникли некоторые трудности...

— Трудности были и раньше. И ты с ними великолепно справлялся. Однако мы боимся, барон, что ты ставишь свои интересы выше интересов Империи...

— Мои интересы совпадают с вашими, Великий Король, а ваши — с моими. Разве не я самый преданный ваш слуга?

— Может быть, барон Мелиадус, может быть...

— Что вы хотите сказать, Могушественный Монарх?

— Мы хотим сказать, что твоя навязчивая идея отыскать Хокмуна и его друзей, возможно, не совпадает с нашими интересами. Они не вернуться. А если и осмелятся — что ж, тогда ты проучишь их. Мы боимся, что тобой движет только жажда мести. Ты думаешь, вся Темная Империя должна мстить тому, кому вознамерился отомстить ты.

— О, это не так, Повелитель! Клянусь, это не так!

— Оставь их в покое, Мелиадус. Если наши враги вернутся, тогда и будешь с ними разбираться.

— Великий Король, они несут угрозу Империи. Им кто-то помогает — ведь раздобыли же беглецы машину, переместившую Камарг в иное время!.. Пока у меня нет доказательств, но если вы позволите мне работать с Тарагормом и при его содействии узнать все о Хокмуне и его приспешниках — тогда я найду эти доказательства! Тогда вы мне поверите!

— Сомнительно, барон Мелиадус, очень сомнительно... — в мелодичном голосе послышались зловещие нотки. — Но если это не помешает другим придворным обязанностям, которые мы собираемся возложить на тебя... Ладно, можешь посетить дворец лорда Тарагорма и попросить его о помощи в розысках твоих врагов...

— Наших врагов, Повелитель.

— Не знаю, барон, не знаю...

— Благодарю вас за доверие, Ваше Величество. Я буду.

— Аудиенция не окончена, барон Мелиадус, ибо мы еще не сказали, о каких придворных обязанностях идет речь.

— Я буду счастлив исполнять их, Ваше Величество.

— Ты считаешь, что Камарг является угрозой нашей безопасности. А мы полагаем, что опасность исходит из других частей света. Точнее, нашим наиболее вероятным недругом является Восток, по-видимому, столь же сильный, как и Темная Империя. Может статься, ты прав, и это как-то связано с пресловутыми союзниками Хокмуна. Сегодня послы этих союзников будут приняты во дворце...

— Великий Король, значит ли это...

— Дай нам договорить, барон Мелиадус!

— Прошу прощения, Ваше Величество...

— Вчера у ворот Лондры появились двое незнакомцев, назвавшихся эмиссарами империи Коммуназии. Их прибытия никто не заметил. Видимо, они пользовались неизвестным способом перемещения в пространстве, поскольку послы сообщили, что покинули свою столицу всего два часа назад. Очевидно, они прибыли из той части земли, которая скоро станет областью наших жизненных интересов. Послы прибыли, чтобы узнать о силах Темной Империи. Однако мы тоже должны иметь представление о мощи их государства, ибо, пусть и не завтра, но настанут времена, когда мы объявим им войну. Несомненно, они знают о наших завоеваниях на Ближнем и Среднем Востоке, и весьма обеспокоены этим. Необходимо выведать как можно больше сведений об их стране, попытаться убедить послов в том, что мы не держим камня за пазухой, и в свою очередь отправить к ним наших эмиссаров. Если это удастся, то ты, Мелиадус, станешь одним из них, поскольку ни один наш подданный не имеет такого опыта в дипломатии.

— Неприятные новости, Великий Император.

— Ну, надо извлекать пользу из любой неприятности... Расскажи послам о наших достижениях, будь предупредителен... и попытайся развязать им языки. Необходимо выяснить и размеры силы Коммуназии, численность армий, мощь оружия и способы перемещения в пространстве... Как ты понимаешь, этот визит таит в себе гораздо больше опасности, нежели исчезнувший замок Брасс.

— Возможно, Ваше Величество.

— Безусловно, барон Мелиадус! — Из морщинистого рта высунулся маленький язычок. — Это самое важное твое поручение. А свободное время, если оно останется, можешь посвятить Дориану Хокмуну.

— Но, Могущественный Король...

— Точно следуй инструкциям, барон Мелиадус. Не разочаруй нас.

Тон приказа был категоричным. Император коснулся языком крошечного драгоценного камня, плавающего возле его головы, и Сфера начала тускнеть, терять прозрачность, пока не превратилась в матовый черный шар.

Глава 7

ПОСЛЫ

Мелиадус не мог отделаться от чувства, что впал в немилость и Король просто хочет навязать ему свою точку зрения. Правда, Хаон достаточно убедительно доказал, почему барон должен заняться странными посланниками Коммуназии, и даже польстил ему, — мол, только Мелиадус может справиться с этой задачей, а в случае успеха станет Главнокомандующим армии завоевателей не только Европы, но и Коммуназии. Однако Восток интересовал барона гораздо меньше, нежели замок Брасс, поскольку Мелиадус по-прежнему был уверен, что Камарг представляет значительную угрозу Темной Империи, тогда как монарх не привел никаких веских аргументов в пользу того, что и Коммуназия, в свою очередь, таит в себе серьезную опасность.

Надев свою лучшую маску и самые роскошные' одежды, Мелиадус шел по сияющим коридорам Дворца к залу, где вчера он разговаривал со своим зятем. Сейчас зал был приготовлен для церемонии встречи гостей-из восточной страны.

Как доверенное лицо Короля, барон Мелиадус был наделен большими полномочиями, ибо это назначение делало его второй после Хаона персоной в Империи, но даже это не облегчило его мук: барон был поглощен мыслями о мести.

Он вошел в зал под звуки фанфар, лившихся с галерей. Все самые знатные дворяне Гранбритании собрались здесь в сиянии и блеске богатых нарядов. О прибытии послов еще не объявили. Барон Мелиадус подошел к возвышению, на котором стояли три золотых трона, взошел по ступенькам и сел на средний. Зал замер в ожидании. Мелиадус сам еще не видел послов — их должен был привести Виель Фонг, капитан Ордена Богомола. Мелиадус оглядел зал: Тарагорм, графиня Канберийская, Адаз Промп, Мигель Хольст, Йорик Нанкенсен, Вреналь Фарно... Что-то не так. Не было Шенегара Тротта. Граф что-то говорил о своем новом поручении. Может быть, он уже отбыл? Почему же его, Мелиадуса, не посвятили в планы Тротта? Что за секреты?! Или он и вправду потерял доверие Императора? В смятенных чувствах Мелиадус обернулся на новый звук фанфар. Двери зала раскрылись, чтобы впустить две невероятно разодетые фигуры.

Удивленный их внешним видом, Мелиадус машинально поднялся, приветствуя вошедших. В послахе не было ничего аристократического: гиганты более семи футов ростом,двигающиеся на негнущихся ногах, точно механизмы. «Может, они какие-нибудь нелюди?» — подумал Мелиадус. Он бы нисколько не удивился, если бы так и оказалось. Или это чудовища, порожденные Страшным Тысячелетием? Или народ Коммуназии вообще не принадлежит к роду человеческому?

Как и дворяне Гранбритании, они носили маски, если нелепые сооружения на их плечах можно было считать масками, поэтому нельзя было понять, человеческие ли у послов лица. Маски были высокими, размаляванными в яркие цвета — голубой, зеленый, желтый и красный, с нарисованными мордами чудищ: свирепые глаза и зубастые пасти. На балахонах, сделанных из похожего на кожу материала и свисавших до самых пят, были изображены различные человеческие органы, напоминавшие Мелиадусу рисунки, которые он однажды видел в анатомическом атласе.

Герольд объявил:

— Лорд-коминсар Као Шалан Гатт, Полномочный представитель Президента-Императора Коммуназии, избранного Принца Солнечной Орды Йон Ман Шеня.

Первый посол сделал шаг вперед, гордо развернув плечи шириной не менее четырех футов. Рукава его одеяния были украшены разноцветным шелком. В правой руке эмиссар держал золотой посох. Этот посох мог оказаться даже Рунным, судя по тому, как бережно посол с ним обращался.

— Лорд-коминсар Оркай Хеон Фунь, Полномочный представитель Президента-Императора Коммуназии, избранного Принца Солнечной Орды Йон Ман Шеня.

Второй человек, если это и правда был человек, сделал шаг вперед. Он был одет так же, но посоха не

имел.

— Я приветствую благородных послов Президента-Императора Йон Ман Шеня и хочу уверить их в том, что Гранбритания будет рада пойти навстречу их предложениям, — провозгласил Мелиадус.

Остановившись перед возвышением, человек с посохом заговорил — со странным, почти неуловимым акцентом.

— От всей души благодарим вас за радушный прием. Мы хотели бы узнать, кто этот высокородный господин, который приветствовал нас?

— Я — барон Мелиадус Кройденский, Магистр Ордена Волка, Главнокомандующий армии завоевателей Европы, доверенное лицо Бессмертного Короля-Императора Хаона Восемнадцатого, Правителя Гранбритании, Европы и всех колоний Средиземного моря, Магистра Ордена Богомола, Вершителя Судеб, Создателя Истории, Бесстрашного и Могущественного Короля всего сущего. Я приветствую вас от его имени, поскольку, как вы, очевидно, знаете, будучи бессмертным, он не может покинуть волшебной Тронной Сферы, которая защищает его и днем и ночью охраняется тысячей стражников.

Мелиадус сразу дал понять, что покушение на жизнь императора невозможно. Он указал на троны по обе стороны от себя:

— Прошу вас, располагайтесь.

Послы взошли по ступеням и с видимым усилием разместились на золотых тронах. Банкета не ожидалось, ибо дворяне Гранбритании считали еду сугубо личным делом — ведь при этом необходимо снимать маски, а от одной мысли предстать на людях с открытыми лицами приходили в ужас. Только три раза в год снимали они маски и одежды, проходили в Тронный Зал и целую неделю предавались оргиям под похотливым взглядом Императора, или же устраивали кошмарные кровавые церемонии, названия которых существуют только в лексиконе их Орденов.

Барон Мелиадус хлопнул в ладоши, давая знак к началу представления; придворные заняли свои места вдоль стен зала. С галерей грянула дикая музыка, появились акробаты, гимнасты и клоуны. Воздвигались, рушились и вновь возводились живые пирамиды; клоуны кривлялись и жестоко издевались друг над другом — чего, впрочем, от них и ждали; акробаты и гимнасты с невероятной скоростью кувыркались вокруг них, ходили по натянутой между галереями проволоке, летали на трапециях под самым потолком...

Флану Канберийскую не занимали акробаты, не находила она ничего смешного и в шутках клоунов: ее маска Цапли была повернута в сторону незнакомцев. Графиня разглядывала послов с несвойственным ей, и тем не менее, искренним любопытством, подумывая о том, что неплохо было бы узнать их ближе, поскольку, если они не во всем похожи на людей, а скорее всего так оно и есть, тесное знакомство с ними может принести новые, невиданные доселе ощущения.

Мелиадус, которого не покидала мысль о том, что Короля настроили против него и что он стал жертвой заговора, изо всех сил старался быть любезным с гостями. При желании он мог произвести хорошее впечатление на любого человека, как, например, это случилось с графом Брассом, но на этот раз все попытки оказались тщетны, и барон опасался, что послы слышат фальшь в его голосе.

— По душе ли вам это представление, лорды? — спрашивал он и получал в ответ вялый кивок. — Разве клоуны не забавны? — Легкое движение руки Као Шалана Гатта, выражающее согласие. — Какое мастерство! Мы привезли этих гимнастов из Итолии. А эти акробаты были любимцами герцога Кракува... Наверное и у вас в императорском дворце есть такие искусники?..

В ответ — брезгливое движение другого посла — Оркай Хеон Фуня.

Барон Мелиадус чувствовал все возрастающее раздражение. Ему казалось, что эти истуканы считают себя выше него, что им противны его потуги быть дружелюбным... Все труднее было вести непринужденную беседу.

Наконец барон поднялся и вновь хлопнул в ладоши:

— Достаточно! Уберите артистов. Давайте насладимся более экзотическим зрелищем!

В зал вошли эротические гимнасты. Их незамысловатое искусство пользовалось в Империи неизменным успехом, возбуждая похотливых лордов. Мелиадус посмеивался, узнавая некоторых исполнителей, и указывал на них послам:

— Этот был князем Маджарии, а те две близняшки — сестрами короля Турции. Вон ту блондиночку я лично взял вместе с тем жеребцом в Бугарии. Многих из них я сам обучал.

Представление несколько успокоило нервы барона Мелиадуса, однако послы оставались безучастными.

Наконец представление подошло к концу, исполнители покинули зал и эмиссары, казалось, вздохнули с облегчением. Воспрявший духом Мелиадус, по-прежнему раздумывая, кровь ли течет в жилах этих существ или вода, отдал приказание начинать бал.

— А теперь, господа, — сказал он, вставая, — пройдемся по залу. Познакоимся с теми, кто приглашен в вашу честь, и предоставим им честь познакомиться с вами.

На негнущихся ногах послы Коммуназии двинулись вслед за бароном Мелиадусом; их головы возвышались над собравшимися дворянами.

— Не хотите ли потанцевать? — спросил барон.

— Сожалею, но мы не танцуем, — бесстрастно проговорил Као Шалан Гатт, а поскольку этикет требовал, чтобы именно высокие гости открывали бал, то танцы откладываются. Мелиадус нахмурился. Чего от него ждет император Хаон? Это же бездушные автоматы!

— У вас в Коммуназии не танцуют? — спросил, он с едва сдерживаемой яростью.

— Танцуют, но не так, как вы себе представляете, — ответил Оркай Хеон Фунь, и хотя его тон не был пренебрежительным, у барона создалось впечатление, что знать Коммуназии презирает столь низменные развлечения... Ох, как трудно оставаться вежливым с этими гордыми незнакомцами! Мелиадус, не привыкший сдерживать свои чувства, особенно перед какими-то чужеземцами, поклялся расквитаться с ними — именно с этими двумя, — если ему будет дарована привилегия возглавить одну из армий для завоевания Востока.

Барон Мелиадус остановился перед Адазом Промпом:

— Разрешите представить нашего великого полководца, графа Адаза Промпа, магистра Ордена Собаки, принца Парийского и Протектора Мунхейма.

Человек в маске собаки поклонился.

— Граф Промп находился в авангарде войск, которые завоевали весь европейский континент за два года, хотя на это было отпущено целых двадцать лет, — продолжал Мелиадус. — Его Псы непобедимы!

— Барон мне льстит, — ответил Адаз Промп. — Уверен, что в вашей стране есть не менее сильные воины.

— Возможно. По крайней мере, я слышал, что солдаты Темной Империи так же свирепы, как наши драконособаки, — сказал Као Шалан Гатт.

— Драконособаки? Что это? — спросил Мелиадус, вспомнив наставления короля.

— В Грэнбретании о них не слышали?

— Быть может, мы называем их по-другому. Как они выглядят?

Као Шалан Гатт поднял посох:

— Они раза в два выше человека — нашего человека, я имею в виду — с семьюдесятью зубами, острыми как бритва. Покрыты шерстью, когти, как у кошки. Они помогают нам отлавливать диких рептилий, которых мы дрессируем для военных нужд.

— Понимаю, — пробормотал Мелиадус, думая о том, что война с этими бестиями потребует особой тактики. — И сколько драконособак уже выдрессировано?

— Много, — ответил посол.

Они продвигались по залу, перебрасываясь словом-другим с аристократами и их дамами, и у каждого встречного был заготовлен вопрос, подобный тому, который задал Адаз Промп, — чтобы помочь Мелиадусу добыть дополнительные сведения от послов. Но чужеземцы, говоря о силе и мощи своей страны, всячески избегали обсуждения численности армий и принципов действия своего оружия. Мелиадус понял, что на получение такой информации уйдет не один вечер... если вообще это реально.

— Ваши ученые, должно быть, очень мудры. Возможно, даже мудрее, чем наши... — заметил он.

— Наверное. Я плохо знаком с нашей наукой. Хотя было бы интересно сравнить, — ответил Оркай Хеон Фунь.

— Весьма интересно, — согласился Мелиадус. — К примеру, я слышал, что' ваша летающая машина может в мгновение ока переносить людей на тысячи миль.

— Это не летающая машина, — ответил Оркай Хеон Фунь.

— Вот как? А что же?

— Она движется сквозь землю. Мы называем ее Земляной Колесницей.

— А на каком топливе она работает? Что позволяет ей проходить сквозь землю?

— Мы не ученые, — вмешался Као Шалан Гатт, — и не понимаем, как действуют наши механизмы. Это дело низших каст.

Мелиадус вновь почувствовал себя задетым, но тут они подошли к женщине в маске Цапли — к графине Флане. Барон представил ее послам.

— Какие вы высокие, — проговорила она грудным голосом. — Да, очень высокие...

Мелиадус хотел было пойти дальше, но графиня остановила его — чего барон, впрочем, и ожидал. Он представил ее только затем, чтобы получить небольшую передышку.

Флана подошла ближе и коснулась плеча Оркай Хеон Фуны:

— И плечи у вас очень широкие...

Ничего не ответив, посол остановился. Неужели она заинтересовала его? Мелиадус недоумевал. Однако это на руку всем — сейчас в интересах послов не портить отношений с Гранбританией, а в интересах Гранбритании — оставаться в хороших отношениях с послами.

— Позвольте, я немного развлеку вас... — проговорила Флана, делая двусмысленный жест.

— Спасибо, но о развлечениях я сейчас и думать не могу, — ответил посол, и они двинулись дальше.

Удивленная Флана смотрела им вслед. Она никогда еще не получала отказа и была крайне заинтригована. При первом же удобном случае надо будет продолжить знакомство... О, они так необычны, эти неуклюжие создания на негнущихся ногах! «Они похожи на металлических кукол, — подумала Флана. — Интересно, что может пробудить в них человеческие чувства?»

Их маски из раскрашенной кожи покачивались над толпой, а Мелиадус уже представлял им Йорика Нанкенсена и его даму, герцогиню Фалмоливу Нанкенсен, которая в пору своей молодости сражалась бок о бок со своим мужем.

А когда обход закончился, барон Мелиадус вернулся к своему золотому трону, сильно удивленный и раздосадованный. Он все еще недоумевал, куда исчез его соперник Шенегар Тротт и почему Король не соблаговолил поделиться с ним информацией об этом. Ему захотелось тотчас же освободиться от своих обязанностей по приему гостей и поспешить в лаборатории Тарагорма. Ему не терпелось узнать о научных достижениях владельца дворца Времени и о том, имеется ли возможность отыскать, наконец, ненавистный замок Брасс.

Глава 8

МЕЛИАДУС ВО ДВОРЦЕ ВРЕМЕНИ

Проведя бессонную ночь и встав ни свет ни заря, барон Мелиадус отправился к Тарагорму во дворец Времени.

В Лондре было мало открытых улиц. Дома, дворцы, склады и бараки соединялись крытыми проходами. В богатых районах их раскрашивали яркими красками — и создавалось впечатление, что стены здесь сделаны из стекла, покрытого эмалью, а в бедных кварталах, казалось, они сложены просто из серого камня.

Мелиадуса, расположившегося в портшезе, несли через эти проходы двенадцать нагих наруганных рабынь. Он собирался нанести визит Тарагорму до того, как проснутся эти грубияны — послы Коммуназии. Возможно, эта загадочная страна оказывала содействие Хокмуну и остальным беглецам, однако у Мелиадуса не было против них никаких улик. Но барон надеялся на открытия Тарагорма. Тогда он получит все необходимые доказательства, чтобы оправдаться перед Королем и избавить себя от неприятного и хлопотливого поручения — изображать перед эмиссарами гостеприимного хозяина.

Улица расширилась, стали слышны странные звуки — глухие удары и монотонный шум механизмов. Мелиадус знал, что это такое. Часы Тарагорма.

По мере того, как портшез приближался ко дворцу Времени, шум нарастал: лязгали тысячи гигантских маятников, жужжали и скрежетали механизмы, молоточки ударяли по гонгам и цимбалам, пели механические птички и переговаривались механические голоса. Короче, это был весьма многообразный шум, но все звуки почти заглушало гулкое, тяжелое шипение, с которым разрезал воздух закрепленный под самой крышей маятник в зале Маятника. Здесь Тарагорм проводил большую часть своих экспериментов. Хотя в здании находилось несколько сотен часов всевозможных размеров, дворец сам по себе являлся гигантскими часами, которые регулировали ход остальных.

Портшез Мелиадуса приблизился к ряду сравнительно невысоких бронзовых дверей, навстречу выскочил механический человек и преградил путь барону. Сквозь шум часов донесся металлический голос:

— Кто беспокоит лорда Тарагорма в его дворце Времени?

— Барон Мелиадус, его шурина, с соизволения Короля-Императора, — ответил барон, вынужденный кричать.

Двери еще долго оставались закрытыми, и Мелиадус решил было, что его так и не пустят. Но наконец створки медленно раскрылись, и портшез проследовал внутрь.

Мелиадус оказался в зале с изогнутыми стенами, похожими на корпус часов; грохот стоял невообразимый: тиканье, скрежет, жужжание, звон, удары, шорохи и бой... Если бы не шлем на голове, барон зажал бы уши: от такого шума можно было легко оглохнуть.

Через этот зал портшез проследовал в следующий, задрапированный тканями, поглощающими наиболее громкие звуки (рисунок на тканях напоминал сотни различных стилизованных устройств для измерения времени). Здесь девушки-рабыни опустили носилки. Барон Мелиадус раздвинул занавески и остался ждать своего зятя.

И вновь ему показалось, что прошло очень много времени, пока, наконец, из противоположного конца зала не появился человек в покачивающейся маске с циферблатом.

— В такую рань, брат, — поморщился Тарагорм, подходя к барону. — Сожалею, что заставил тебя ждать, но я еще не завтракал.

Мелиадус, подумав, что Тарагорму всегда не хватало такта или хотя бы простейших правил приличия, резко ответил:

— Прими мои извинения, брат, мне не терпится увидеть твою работу.

— Я польщен. Сюда, брат.

Тарагорм повернулся и направился к двери, из которой минуту назад появился. Мелиадус последовал за ним.

Пройдя по коридорам, затянутым дорогой драпировкой, они подошли к высокой запертой на засов двери.

Тарагорм с трудом отодвинул тяжелый брус, и дверь открылась. Ударил внезапный порыв ветра. Мелиадуса оглушил мерный гул, похожий на звук, который издает гигантский барабан, если по нему часто-часто ударять палочками.

Барон машинально поднял голову и увидел раскачивающийся прямо над ним маятник. Отвес — пятьдесят тонн меди, — отлитый в форме лучистого солнца и украшенный драгоценными камнями, отбрасывал тысячи бликов. По стенам скользили солнечные зайчики. Ветер с ревом вздымал полы плаща Мелиадуса, и казалось, что за спиной барона трепещут два шелковых крыла. Вдоль всего зала Маятника тянулись ряды механизмов, находящихся на различных стадиях сборки, стеллажи с лабораторным оборудованием, инструментами из меди, бронзы и серебра, бухтами тонкой золотой проволоки, мотками драгоценных нитей, приборами для измерения времени — часами водяными, анкерными, пружинными, часами на подшипниках, наручными, настольными, астрономическими, астролбиями, часами в виде скелетов, листьев и солнечных дисков... Над ними хлопотали слуги Тарагорма — ученые и инженеры разных стран, многие из которых когда-то были гордостью своих государств.

Пока Мелиадус осматривался, в одном конце зала вдруг вспыхнул яркий пурпурный огонь, в другом — брызнул фонтан зеленых искр, и откуда-то повалили клубы алого дыма. Барон увидел, как рассыпалась в пыль черная машина, а обслуживающий ее человек закашлялся, упал и исчез.

— Что это было? — услышал барон спокойный голос и обернулся.

Калан Витальский, Главный придворный Ученый, тоже пришел проводить Тарагорма.

— Эксперимент по ускорению времени, — ответил Тарагорм. — К сожалению, мы не можем контролировать этот процесс. Пока не можем. Взгляните сюда... — он кивнул на большую яйцевидную машину из желтого полупрозрачного вещества. — Этот аппарат создает противоположный эффект, который, увы, пока тоже не поддается нашему контролю. Стоящий позади аппарата человек, — он указал Мелиадусу на неподвижную фигуру, которую тот поначалу принял за механическую куклу из часов с «картинками», — пребывает в таком состоянии уже не одну неделю.

— А как насчет путешествий во времени? — спросил Мелиадус.

— Обернись, — ответил Тарагорм. — Видишь ряд серебряных ящиков? Это недавно созданный нами прибор, он позволяет переносить сквозь время различные предметы — в прошлое или в будущее; правда, с большой погрешностью. Однако живые существа сильно страдают от таких путешествий, лишь немногие рабы и животные пережили это, и все они мучились от страшных болей, так как оказались изуродованными.

— Поверь мы Тоузе, — вставил Калан, — и у нас в руках, возможно, уже был бы секрет путешествий во времени. Не следовало насмехаться над ним... Но откуда я мог знать, что этот паяц и вправду владеет тайной!

— Что? Как это? — Мелиадус ничего не слышал ни о каком Тоузе. — Тоузе? Драматург? Я думал, он умер! Что он знал о путешествиях во времени?

— Он вернулся в Лондру и, очевидно, желая восстановить свое положение при дворе, поведал историю о том, как какой-то старик на западе научил его путешествовать сквозь время — силой мысли, как он сказал. Ну, мы пригласили его сюда и шутки ради попросили куда-нибудь переместиться. После чего, барон Мелиадус, он исчез!

— Вы... вы даже не попытались остановить его?

— Да никто его всерьез не принял! — воскликнул Тарагорм. — Вот ты смог бы поверить?

— Я бы принял некоторые меры предосторожности.

— Мы думали, он просто хочет понравиться при дворе. В отличие от тебя, брат, мы не хватаемся за что попало.

— Что ты хочешь этим сказать, брат? — резко спросил Мелиадус.

— Я хочу сказать, что мы работаем над серьезными задачами, не терпящими спешки, а ты требуешь немедленных результатов... И только ради того, чтобы отомстить обитателям замка Брасс.

— Брат, я — воин, человек действия, я не люблю играть в игрушки или корпеть над книжицами!

Удовлетворив таким ответом свое самолюбие, барон Мелиадус вернулся к вопросу о Тоузе.

— Значит, этот бумагомаратель узнал секрет от старика, живущего где-то на западе?

— Так, по крайней мере, он сказал, — ответил Калан. — Соврал, наверное. Он заявил, что все дело — в силе мысли. Однако я не думаю, что Тоузе на подобное способен. Впрочем, факт остается фактом: он растворился в воздухе на наших глазах.

— Почему же мне ничего не сообщили об этом?! — прорычал Мелиадус.

— Тебя тогда не было на континенте, — ответил Тарагорм. — Кроме того, мы не думали, что это заинтересует такого человека действия, как ты.

— Но его знания могли бы помочь вам в работе, — сказал Мелиадус. — Похоже, вы многое потеряли!

Тарагорм пожал плечами:

— Что теперь говорить? Мы потихоньку продвигаемся вперед...

Прогремел взрыв, кто-то закричал, и оранжевая вспышка осветила зал...

— ...и вскоре покорим время, как уже покоряем пространство.

— Лет этак через тысячу... — фыркнул Мелиадус и задумался. — Запад... Необходимо отыскать старика. Как его зовут?

— Тоузе сказал только, что его имя — Майган и что он великий волшебник. Но все-таки, мне кажется, Тоузе лгал. Разве на западе остались нетронутые земли? Со времен Страшного Тысячелетия там никто не живет, кроме злобных уродливых тварей.

— Мы должны отправиться туда, — решительно заявил Мелиадус. — Мы прочедем весь Йель, но найдем старика!..

— Только не я, — вздрогнув, ответил Калан. — Непрístupные горы, дикие звери... У меня и здесь забот по горло — надо устанавливать на корабли новые двигатели, с помощью которых мы завоюем весь мир так же легко, как завоевали Европу... Я полагаю, что и у вас, барон Мелиадус, есть безотлагательные дела — например, наши гости...

— К черту гостей! Они только отнимают драгоценное время...

— Скоро я смогу предоставить тебе, брат, сколь угодно времени, — сказал Тарагорм. — Дай лишь срок...

— Тьфу! Мне нечего тут делать! Эти рассыпающиеся ящики и взрывающиеся машины производят эффекты на глупого зрителя, но для меня они бесполезны. Играй в свои игры, брат, играй. Желаю тебе всяческих успехов!

И, чувствуя огромное облегчение от того, что больше не нужно быть вежливым с ненавистным ему зятем, Мелиадус покинул зал Маятника и вернулся к носилкам.

Он плюхнулся на подушки и раздраженно приказал девушкам нести его прочь отсюда.

На обратном пути Мелиадус обдумывал все услышанное им во дворце Времени. При первом же удобном случае надо отделаться от послов и отправиться на запад. Там он проследит путь Тоузе и найдет старика, который не только хранит секрет времени, но и, возможно, знает способ, как отомстить обитателям замка Брасс.

Глава 9

ИНТЕРЛЮДИЯ В ЗАМКЕ БРАСС

Граф Брасс и Оладан с Булгарских гор оседлали лошадей и выехали на болота. У них уже вошло в привычку отправляться каждое утро на прогулку.

После визита Рыцаря в Черном и Золотом граф перестал чураться общества и даже несколько повеселел. Эльвереццо Тоузе по-прежнему содержался под арестом в одной из башен замка, но, похоже, был доволен своей участью — с тех пор как Богенталь принес ему бумагу, перья и чернила и попросил написать пьесу, чтобы драматург хоть как-то смог отработать свое пропитание. Богенталь даже пообещал Тоузе малочисленную, но внимательную аудиторию.

— Хотел бы я знать, как дела у Хокмуна, — сказал граф. — Обидно, что не я вытянул короткую соломинку...

— Мне тоже обидно, — ответил Оладан. — Д'Аверку повезло. Жаль, что у нас только два кольца. Если они вернутся и принесут еще, мы, пожалуй, потягеемся с Темной Империей.

— И все-таки это опасная затея, друг Оладан, — соваться в Гранбретанию и искать этого Майгана.

— Я где-то слышал, что иногда безопаснее находиться в пасти льва, чем рядом со львом, — ответил Оладан.

— Еще безопаснее жить в стране, где совсем нет львов, — улыбнулся Брасс.

— Ладно, граф, будем надеяться, что львы их не сожрут, — сказал Оладан и зевнул. — Может, это и глупо с моей стороны, но я по-прежнему завидую Хокмуну и д'Аверку...

— А у меня такое чувство, что нам уже не долго осталось сидеть сложа руки, — ответил граф, направляя коня по узкой тропинке, ведущей в заросли тростника. — По-моему, нам отовсюду грозит опасность.

— Как раз это меня тревожит меньше всего, — сказал Оладан. — Я боюсь за Исольту, Богенталья и простых горожан — ведь они не привыкли к жизни, которую ведем мы...

Они ехали к морю, наслаждаясь тишиной и покоем. Но мысли их нет-нет, да и возвращались туда, где звенели мечи и лилась кровь.

«Не лучше ли разрушить оберегающую их Хрустальную Машину, подумывал граф Брасс, и вернуться в тот мир, который они покинули? Вернуться — и сражаться за него? Даже если нет ни единого шанса победить Темную Империю...»

Глава 10

ЛОНДРА С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА

Крылья орнитоптера рассекали воздух; летательный аппарат парил над Лондрой.

Это была большая машина, рассчитанная на пять человек, ее металлический корпус украшал причудливый орнамент.

Мелиадус окинул взглядом горизонт и посмотрел вниз. Послы тоже выглянули, но только из вежливости: казалось, еще немного, и тяжелые маски свалятся с плеч.

— Вон там виден Дворец Короля Хаона, — сказал Мелиадус, подчеркивая этим первостепенную значимость резиденции своего Короля. Возвышаясь над остальными зданиями, Дворец находился в самом центре города и был окружен гигантским пустырем — в отличие от большинства строений к нему нельзя было выйти через переходы. Четыре башни из чистого золота, сияющие на солнце, были столь громадными, что даже орнитоптер, парящий высоко, над городом, находился ниже верхних этажей. Барельефы на ярусах дворца воссоздавали жестокие деяния, которыми славилась Темная Империя. По углам парапетов располагались гигантские уродливые статуи, которые, казалось, вот-вот рухнут с этой головокружительной высоты. Дворец был расписан красками всех воображимых оттенков, подобранных таким образом, чтобы у смотрящего на него уже через несколько секунд начинали слезиться глаза.

— Дворец Времени... — продолжал Мелиадус, указывая на здание в форме исполинских часов.

— Мой собственный дворец...

Мрачное черное строение, отделанное серебром.

— Это — знаменитая река Тайма.

По кроваво-красным волнам полноводной реки скользили баржи из черного дерева, суда, сделанные из тика, украшенные драгоценными металлами и полудрагоценными камнями, с огромными белыми парусами, покрытыми нарисованными или вышитыми узорами.

— А слева от вас, — радушно вещал барон Мелиадус, в душе кипя от злости, — находится наша Висячая башня. Как видите, она будто свисает с неба, но не касается земли. Это — результат эксперимента одного из наших волшебников. Чародей сумел поднять башню на несколько футов, но не выше. Затем выяснилось, что он не может и опустить ее — с тех пор башня пребывает в этом положении.

Он показал послал причалы, где из огромных, красных, как гранат, боевых кораблей Гранбретании выгружались захваченные богатства; квартал Неносящих Масок, где жили отбросы общества; купол громадного театра, где когда-то ставились пьесы Тоузе; храм Волка — цитадель Ордена, с устрашающей, исполинской волчьей головой на крыше; множество других храмов, также увенчанных причудливыми каменными головами зверей...

Весь день они кружили над городом, приземляясь только для того, чтобы заправиться топливом и сменить пилотов. Мелиадус изнывал от тоски. Он показал гостям все достопримечательности, которыми славился этот древний город, пытаясь, как велел ему Король, поразить гостей могуществом Темной Империи.

Вечером, когда заходящее солнце укрыло город зловещим багровым светом, барон Мелиадус, облегченно вздохнув, приказал пилоту возвращаться на посадочную площадку, расположенную на крыше королевского Дворца.

Металлические крылья протестующе закрипели, машина с грохотом и треском приземлилась. Послы неуклюже выбрались из кабины — совсем как механические куклы.

Они прошли к неприметному входу во Дворец и спустились по винтовой лестнице. В освещенном мерцающим светом коридоре их встретил почетный караул — шесть высокопоставленных военачальников Ордена Богомола. На их масках вспыхивали блики света. Караул проводил послов в покои, где они могли бы поесть и отдохнуть.

У дверей в отведенные для гостей апартаменты барон Мелиадус поспешил откланяться, пообещав напоследок, что завтра они обсудят вопросы науки и сравнят достижения Коммуназии с достижениями Гранбритании.

Проходя по узким, плохо освещенным коридорам, он чуть не столкнулся с родственницей Короля — Фланой, графиней Канберийской.

— Милорд!

Барон посторонился, уступая ей дорогу.

— Примите мои извинения, миледи.

— Вы так спешите, милорд!

— Да, Флана.

— Похоже, у вас неважное настроение...

— Хуже некуда.

— Могу я вас утешить?

— Флана, столько дел...

— Дела надо делать на свежую голову, милорд.

— Вероятно.

— Будет лучше, если ваш гнев остынет.

Он пошел было прочь, но, подумав, остановился. Мелиадус знал, как Флана умеет утешать. Возможно, она права и сейчас действительно нужна ему. Однако, как только послы покинут Лондру, надо готовиться к экспедиции на запад. А с другой стороны, эмиссары пробудут здесь еще несколько дней... К тому же он провел беспокойную ночь и теперь пребывал в плохом настроении. С Фланой, по крайней мере, он хотя бы почувствует себя мужчиной.

— Вероятно, — задумчиво повторил он.

— Тогда поспешим в мои апартаменты, милорд, — сказала она с ноткой нетерпения в голосе.

Мелиадус взял ее за руку, предвкушая ожидающее его наслаждение.

— Ах, Флана, — пробормотал он. — Ах, Флана...

Глава 11

МЫСЛИ ГРАФИНИ ФЛАНЫ

У Фланы были несколько иные причины искать общества Мелиадуса, поскольку ее главным образом интересовали подопечные барона — два неуклюжих великана с Востока.

Когда Флана и барон, мокрые от пота, лежали в огромной постели графини, она спросила об эmissарах, и Мелиадус поведал ей о своих бедах — о том, как он ненавидит свое поручение и этих истуканов; рассказал о своем сокровенном желании отомстить врагам, которые, кстати, убили ее мужа. Сообщил и о том, что Тоузе нашел где-то в пустынной провинции Йель старика, возможно, знающего способ, как добраться до недругов барона... Даже поведал ей о своих страхах, прекрасно понимая, что этими сокровенными мыслями нельзя делиться с женщиной, и уж тем более с Фланой: о том, что, кажется, попал в немилость к монарху, потерял престиж, что в последнее время Король доверяет важные дела, которые раньше поручал Мелиадусу, другим подлинным — например, Шенегару Тротту...

— Ох, Флана, — прошептал он, уже погружаясь в глубокий сон, — какую могущественную империю могли бы мы создать, если бы ты была Королевой!..

Но Флана не вдумывалась в смысл его речей и даже не слушала их, просто лежала и иногда отворачивалась, чтобы Мелиадус не смог увидеть выражение ее лица. Мыслями она была в другом месте: в покоях эmissаров, спящих двумя этажами выше.

Во сне Мелиадус храпел и посапывал.

Наконец она поднялась с постели, оделась, прикрыла лицо маской и, выскользнув из комнаты, направилась по коридорам и лестницам к покоям, охраняемым Богомолами. Маски стражников вопросительно повернулись к ней.

— Вам известно, кто я, — сказала Флана.

Да, они знали ее и отошли от входа. Она приоткрыла одну створку дверей и скользнула в волнующую темноту апартаментов для гостей.

Глава 12

РАЗОБЛАЧЕНИЕ

Только лунный свет освещал комнату, кровать, в беспорядке разбросанные украшения и доспехи. На кровати лежал человек.

Графиня подошла ближе.

— Милорд?..

Внезапно человек вскочил и сел, Флана увидела его испуганные глаза, и в тот же момент он закрыл лицо рукой. Графиня чуть не вскрикнула от изумления.

— А ведь я знаю вас!

— Кто вы? — Голый человек выскользнул из-под шелковых простыней и кинулся вперед, чтобы схватить ее. — Женщина!

— Ах, — проворковала она. — А вы — мужчина. — Она рассмеялась. — И вовсе не великан, просто очень высокий. А в своем балахоне и маске вы выглядели на фут выше.

— Что вам надо?

— Я хочу развлечь вас, сэр, и развлечься сама. Однако жаль, что вы — человек... Мы ведь уже встречались — два года назад в Тронном Зале. Мелиадус представлял вас Королю...

— Итак, в тот день вы были там... — он внезапно схватил Флану и поднял руку, чтобы сбросить с нее маску и зажать рот. Она вцепилась зубами в его пальцы, ударила по бицепсу... Рука разжалась. — Кто вы? — прошептал он. — Другие обо мне знают?

— Я — Флана Микосеваар, графиня Канберийская. Никто и не догадывается, что ты здесь, бесстрашный германец. И не бойся, я не позову стражу, мне глубоко безразличны и политика, и барон Мелиадус. А вообще-то я благодарна тебе, что ты избавил меня от противного, надоедливового мужа.

— Вы — вдова Микосеваара?

— Да. А я тебя сразу узнала — по Черному Камню, который ты попытался закрыть рукой. Ты ведь герцог Дориан Хокмун фон Кельн и прибыл сюда в таком виде, чтобы разведать секреты своих врагов.

— Боюсь, мне придется убить вас, мадам.

— Но я же не собираюсь выдавать тебя, герцог Дориан... Во всяком случае, пока. Я просто хочу доставить тебе удовольствие, вот и все... Ты снял с меня маску... — Она подняла свои золотистые глаза и заглянула ему в лицо. — Теперь тебе остается снять с меня все остальное.

— Мадам, — хрипло проговорил он, — я не могу. Я женат.

Она рассмеялась.

— Как и я. Я тоже была замужем, и не раз...

В ответ он также пристально посмотрел на нее. Его лоб покрылся испариной, мускулы напряглись.

— Мадам, я... я не могу...

Послышался шорох, и они обернулись.

Разделяющая апартаменты дверь открылась, на пороге возник высокий красивый мужчина, который притворно закашлялся и поклонился. Он был совершенно наг.

— Мой друг, мадам, — сказал Хьюлам д'Аверк, — человек строгих моральных правил. Но, вероятно, я смогу помочь...

Флана повернулась к нему и оглядела с головы до пят.

— Что ж, вы не производите впечатления слабака, — сказала она.

Он потупил взор.

— Ах, мадам, вы так добры! — Подойдя, он обнял ее за плечи и повел в свою комнату. — Я сделаю все, что в моих слабых силах, по крайней мере, если это позволит мое больное сердце.

Дверь закрылась, и Хокмун, весь дрожа, остался один.

Он сел на край постели, ругая себя за то, что не лег спать в одежде и маске... Но тяжелый день заставил его забыть о мерах предосторожности. План Рыцаря в Черном и Золотом показался достаточно рискованным, но ничего другого придумать не могли — прежде чем искать старого колдуна на западе Гранбритании, они должны были выяснить, не попал ли он уже в темницы Лондры. Однако теперь им, похоже, уже не суждено этого узнать.

Стражники наверняка видели, как графиня входила сюда. Даже если убить ее или хотя бы связать, охрана все равно заподозрит неладное. Ведь они находились в городе, где каждый человек жаждет их смерти. Здесь нет друзей и нет никакой надежды спастись в случае разоблачения.

Надо бежать отсюда, пока Флана не подняла тревогу... Но как это сделать? Хокмун не знал.

Он надел доспехи, поверх них — свой клоунский наряд. Единственным оружием ему мог послужить золотой посох, который дал ему Рыцарь как «знатному сановнику Коммуназии» для пущей убедительности. Хокмун взвесил его на руке, с грустью вспомнив меч.

До самого рассвета он так и не сомкнул глаз, меряя комнату шагами и тщетно пытаясь найти хоть какой-нибудь выход из положения.

На утро Хьюлам д'Аверк просунул голову в дверь и, ухмыльнувшись, сказал:

— Доброе утро, Хокмун! Дружище, ты так и не ложился? Здорово! Я тоже. Графиня — натура требовательная... Я рад, что ты готов. Надо торопиться.

— Куда? Я всю ночь ломал голову над тем, как выбраться отсюда, но ничего не придумал...

— А я поговорил с Фланой, и она рассказала мне много интересного — Мелиадус, как видно, доверяет ей. Она согласилась помочь нам.

— Каким образом?

— Мы сбежим на ее орнитоптере. Он в любое время к нашим услугам.

— Ты доверишь ей?

— Ничего другого не остается... Видишь ли, у Мелиадуса не было времени разыскивать Майгана из Лландары — но счастливой случайности он задержался именно из-за нашего приезда. Но барон знает о том, что Тоузе выведал секрет у какого-то старика на западе и намерен найти его. Так что у нас есть шанс первыми добраться до Майгана. Часть пути мы сделаем на орнитоптере Фланы, — я умею управлять им, — а дальше пойдем пешком.

— Но у нас нет ни оружия, ни подходящей одежды!

— Оружие и одежду нам предоставит Флана, маски — тоже. У нее в гардеробе хранятся тысячи трофеев, оставшихся от прошлых побед.

— Мы должны отправиться к ней немедленно!

— Нет. Мы должны дождаться ее возвращения.

— Почему?

— Потому, мой друг, что Мелиадус может еще спать в ее покоях. Имей терпение... И молись, чтобы нам и дальше так везло!

Вскоре Флана вернулась, сняла маску и поцеловала д'Аверка — смутившись, как молоденькая девушка. Ее взгляд подобрел, исчезло выражение охотничьего азарта, словно она нашла в д'Аверке нечто новое для себя — может быть, нежность, так несвойственную мужчинам Гранбритании.

— Он ушел... — сказала она. — Хьюлам, я чуть с ума не сошла! Так хочется задержать тебя, оставить

здесь, рядом с собой. Столько лет у меня в душе была такая пустота, которую нечем было заполнить. Тебе почти удалось это...

Д'Аверк наклонился, коснулся губами ее губ и искренне ответил:

— И ты, Флана, ты тоже кое-что дала мне...

Он неуклюже выпрямился, надел тяжелые доспехи и свою высокую маску.

— Идем, надо торопиться, пока во Дворце все спят.

Хокмун накинул балахон, и вновь оба превратились в странных, так непохожих на людей послов Коммунации.

Выйдя из покоев, Флана повела их мимо стражников-Богомоллов (которые, впрочем, тут же последовали за ними на почтительном расстоянии) по ярко освещенным извилистым коридорам к своим апартаментам. У дверей она велела охране оставаться снаружи.

— Но они же донесут, что видели нас вместе, — сказал д'Аверк. — Флана, тебя заподозрят!

Флана приподняла свою маску Цапли и улыбнулась:

— Нет.

По ворсистому ковру она подошла к полированному комоду, отделанному бриллиантами, и, подняв крышку, достала длинную трубку, к одному концу которой был прикреплен мягкий шарик.

— В этом шарике ядовитый газ, — сообщила она, — от которого человек теряет рассудок, начинает бредить, а потом умирает. Так что перед смертью стражники будут метаться по коридорам, и никто не узнает, что они были около моих покоев. Этот яд еще ни разу меня не подводил!..

Она говорила об убийстве с такой легкостью, что Хокмун содрогнулся.

— Поэтому все, что мне надо, — продолжала она, — так это сунуть трубку в замочную скважину и сжать шарик.

Флана положила свое оружие на крышку комода и провела их через несколько шикарных, броско обставленных комнат в помещение с огромным окном, выходящим на широкий балкон. На балконе, аккуратно сложив крылья, стоял орнитоптер, похожий на грациозную серебристо-красную цаплю.

Она быстро прошла в другую часть комнаты и отдернула занавеску. Там, на длинной вешалке, находились ее трофеи — одежды, маски и оружие всех ее покойных мужей и любовников.

— Возьмите все, что вам нужно, — прошептала она. — И поспешите.

Хокмун выбрал узкие штаны из черной оленьей кожи, синий бархатный камзол, кожаную, отделанную парчой перевязь с мечом и длинным, отлично сбалансированным кинжалом и маску убитого им Азровака Микосеваара — свирепую маску Стервятника.

Д'Аверк надел ярко-желтый костюм, высокие сапоги из оленьей шкуры, узкие штаны, как у Хокмуна, и блестящий голубой плащ. Он тоже выбрал маску Стервятника, полагая, что двое людей из одного Ордена, путешествующие вместе, привлекут к себе меньше внимания. Теперь их нельзя было отличить от высокородных дворян Гранбритании.

Флана открыла окно, и они вышли на балкон — в холодное туманное утро.

— До свидания, — прошептала она. — Я должна вернуться... До свидания, Хьюлам д'Аверк. Надеюсь, мы еще встретимся.

— Я тоже надеюсь, Флана, — ответил д'Аверк с необычной для него теплотой в голосе. — До свидания...

Он забрался в кабину орнитоптера и завел мотор. Хокмун поспешно сел сзади.

Забились крылья, с металлическим скрежетом аппарат поднялся в серое небо Лондры и повернул на запад.

Глава 13

КОРОЛЬ НЕДОВОЛЕН

Самые противоречивые чувства боролись в душе Мелиадуса, когда он, войдя в Тронный Зал и подавив раздражение, начал свой долгий путь к Тронной Сфере.

Белая жидкость в Сфере волновалась сильнее обычного, и это еще больше встревожило барона. Он был взбешен, узнав, что послы исчезли, боялся гнева монарха и горел желанием начать поиски старика. Старика, который откроет ему способ, как добраться до замка Брасс.

Меньше всего он беспокоился за свое шаткое положение при дворе и поруганную честь воина; не опасался и того, что Король может изгнать его в квартал Неносящих Маски... Барон нервно теребил ремешок маски Волка. С каждым шагом все более нерешительно, он наконец приблизился к Тронной Сфере и робко посмотрел на напоминающее зародыш тельце своего монарха.

— Великий Король-Император, это твой слуга Мелиадус.

Он упал на колени и поклонился до земли.

— Слуга? Не слишком же хорошо ты нам служишь, Мелиадус!

— Я раскаиваюсь, Ваше Величество, но...

— Но?

— Но я не думал, что они собираются отбыть этой ночью, воспользовавшись тем же таинственным способом, которым прибыли сюда.

— Это было твое дело, Мелиадус, — знать, что у них на уме.

— Знать? *Знать*, что у них на уме, Могушественнейший Король?..

— Чутье подводит тебя, Мелиадус. Раньше этого не случалось. Раньше ты мог на него положиться — и никогда не ошибался. А теперь твои мозги забиты идиотскими планами мести и ты слеп ко всему остальному... Мелиадус, эти послы убили шестерых наших лучших стражников. Мы не знаем как — возможно, с помощью заклинания или чего-нибудь в этом роде, — но они убили их, каким-то образом покинули Дворец и вернулись к своей машине, перенесшей их сюда. Они узнали про нас довольно много, а мы, Мелиадус, почти ничего не узнали про них.

— Нам известно кое-что об их вооружении...

— Разве? А тебе известно, Мелиадус, что люди умеют лгать?.. В общем, мы недовольны тобой. Мы поручили тебе важное задание, а ты исполнял его спустя рукава и практически ничего не добился... Потратил столько времени во дворце Тараорма, предоставив послам делать все, что им заблагорассудится, хотя не должен был отходить от них ни на шаг. Ты — дурак, Мелиадус, круглый дурак!

— Ваше Величество, я...

— А все из-за того, что тебе не дает покоя кучка отщепенцев из замка Брасс. Тебе нужна эта девчонка, что ли? Поэтому ты и преследуешь их с тупой настойчивостью?

— Я боюсь, что они угрожают Империи, Великий Король...

— Коммуназия тоже угрожает нашей Империи, барон Мелиадус, — реальными мечами, реальными солдатами и реальными кораблями, которые могут проходить сквозь землю. Забудь о своей мести, барон, и подумай о том, что мы тобой недовольны.

— Но, сэр...

— Мы предупредили тебя, барон Мелиадус. Выкинь замок Брасс из головы. Лучше попытайся разузнать все, что сможешь, о послых; выясни, где их ждала машина, как они ухитрились выйти из города... Оправдайся в наших глазах, барон Мелиадус, верни свою былую славу...

— Слушаюсь, сэр, — проговорил сквозь зубы барон Мелиадус, едва сдерживая злость и досаду.

— Аудиенция окончена.

— Благодарю, сэр, — ответил Мелиадус. Кровь стучала у него в висках.

Он повернулся на каблуках и пошел к выходу.

Дойдя до украшенных драгоценными камнями дверей, он оттолкнул стражников и двинулся по освещенным мерцающим светом извилистым коридорам.

Он шел быстрым размеренным шагом, сжимая рукоять меча так, что побелели костяшки пальцев.

Он пересек приемную Дворца, где знатные господа ожидали аудиенции Короля, спустился по ступеням к воротам и вышел в город. Девушки-рабыни подали носилки, он устало развалился на подушках и приказал возвращаться домой.

В эту минуту барон ненавидел Короля, глубоко презирая существо, которое так его унизило, оскорбило и опозорило. Король Хаон просто дурак, если не видит опасности, исходящей от замка Брасс. Такому дураку не пристало носить корону, не пристало повелевать рабами и уж давно бароном Мелиадусом Кройденским, магистром Ордена Волка!

Мелиадус не будет подчиняться глупым приказам Короля Хаона, а будет делать то, что считает нужным, и если Император посмеет возражать, то он выкажет ему открытое неповиновение...

Спустя некоторое время Мелиадус выехал из ворот своего дворца на коне. Он скакал во главе отряда из двадцати человек — двадцати отборных воинов, которые последуют за ним куда угодно, даже в Йель.

Глава 14

ПУСТЫНИ ЙЕЛЯ

Орнитоцер графини Фланы, все реже и реже взмахивал крыльями, опускаясь над лесом, и уже задевал макушки высоких сосен, путался в ветвях берез, пока, наконец, не приземлился на вересковую пустошь.

День был холодный, резкий ветер пронизывал тонкие камзолы Хокмуна и д'Аверка.

Ежась от холода, они вылезли из летающей машины и с беспокойством огляделись. Вокруг не было ни души.

д'Аверк сунул руку за пазуху и достал кусок тонкой кожи, на котором была нацарапана карта.

— Мы будем двигаться вот в этом направлении, — показал он и добавил: — Надо спрятать орнитоцер в лесу.

— А почему бы не оставить его здесь? Кто его найдет за день-два? — спросил Хокмун.

д'Аверк возразил:

— Я не хочу, чтоб на графиню Флану пало подозрение. А если машину обнаружат, то это грозит ей серьезными неприятностями. Берись-ка!

Они затащили орнитоцер подальше в сосновый бор и прикрыли ветками. «Цапля» несла их, пока хватало топлива, а дальше беглецам предстояло идти пешком.

Четыре дня они шли по лесам и полям, и с каждым часом местность становилась все более безжизненной.

И вот настал день, когда Хокмун остановился и поднял руку:

— Смотри, д'Аверк, Йельские горы!

Да, вдалеке виднелись горы — их пурпурные пики были укутаны облаками, а равнину у подножия ограждали рыжевато-коричневые и желтые утесы.

Это была красивая дикая местность, и Хокмун, ничего подобного раньше не видавший, застыл в изумлении.

— Значит, д'Аверк, в Гранбритании еще остались земли, которые радуют глаз...

— Да, красиво, — согласился д'Аверк. — Но жутковато... Где-то там живет Майган. Еще несколько десятков миль — и мы в Лландаре, далеко в горах.

— Тогда вперед, — сказал Хокмун, поправляя перевязь. — Вперед. Пока у нас есть незначительное преимущество, но как знать — возможно, Мелиадус уже на пути в Йель.

д'Аверк, морщась, массировал ногу.

— Твоя правда, но боюсь, эти сапоги долго не протянут. Я выбрал их за красоту, и теперь, видно, придется поплатиться за свою глупость.

Хокмун хлопнул его по плечу:

— Я слышал, здесь водятся дикие пони. Обещаю, мы найдем парочку и отправимся верхом!

Но никаких пони они не встретили. Каменистая почва под ногами была желтой, небо над головой — мертвенно-белым... Хокмун и д'Аверк начали понимать, почему эта территория пользуется дурной славой среди простолюдинов Гранбритании — какими-то неестественными казались и земля, и небо.

Наконец они добрались до подножия гор.

Вблизи горы были такого же желтоватого цвета, с темно-красными и зелеными прожилками — такие же безжизненные и мрачные. Карабкаясь по склонам, Хокмун и д'Аверк видели странных животных,

спешащих укрыться в чаще; диковинные, ростом не более фута, отдаленно похожие на людей, существа с волосатыми телами и совершенно лысыми головами следили за ними из укрытий.

— А ведь когда-то они были людьми, — заметил д'Аверк, — их предки жили в этих местах. Страшное Тысячелетие хорошо здесь поработало...

— Откуда ты это знаешь? — спросил Хокмун.

— Из книг. Последствия Тысячелетия особенно сильно сказались на Йеле — сильнее, чем на других провинциях Гранбритании. Вот почему здесь почти никто не живет — люди боятся сюда возвращаться.

— Кроме Тоузе и старика Майгана.

— Да, если Тоузе не солгал. Возможно, Хокмун, мы все еще гонимся за синицей в небе...

— Но Мелиадусу он рассказал ту же историю.

— Ну, может быть, Тоузе просто врет последовательно?..

В сумерках обитатели гор вылезли из своих нор и напали на путешественников.

У них были кошачьи лапы, жуткие огромные глаза горели в темноте. Из разинутых зубастых птичьих клювов доносилось злобное шипение. Твари — три самки и шестеро самцов, насколько друзья разглядели в потемках, — кутались в лоснящиеся от грязи шкуры.

Хокмун выхватил меч, поправил маску, как обычно поправлял свой шлем, и прислонился спиной к скале.

д'Аверк встал рядом, и в тот же миг чудовища бросились на них.

Хокмун ударил, и на груди первого нападающего появилась длинная кровавая полоса. Чудовище отскочило с пронзительным криком. Со вторым разделался д'Аверк, поразив его в сердце. Третьему Хокмун перерезал горло, но когти четвертого вцепились ему в левую руку. Он извернулся, напрягшись всем телом, и попытался выхватить кинжал, одновременно отбиваясь еще от одной твари.

От ужасной вони к горлу подкатывалась тошнота. В конце концов герцогу удалось достать кинжал, и он вонзил клинок в державшую его лапу. Закричав, тварь отпустила герцога.

И тогда Хокмун погрузил клинок в светящийся глаз — и оставил оружие там, ибо пора было заняться другой тварью.

В темноте он не мог разглядеть, сколько чудовищ еще живы. д'Аверк изрыгал грязные ругательства собственного изобретения; кровь вокруг него лилась рекой.

Хокмун поскользнулся в луже крови, немного отступил от скалы, и этой секундной заминки оказалось достаточно, чтобы очередное чудовище с громким воем прыгнуло на него и вцепилось мертвой хваткой. Прижав обе руки Хокмуна, оно с яростью заколотило клювом по маске, пытаясь добраться до лица.

Хокмун мотнул головой, оставив маску в зубах врага, с трудом развел руки в стороны и изо всех сил боднул противника в грудь. Тварь отшатнулась в замешательстве: откуда ей было знать, что маска Стервятника — отнюдь не часть человеческого тела; Хокмун вонзил меч чудовищу в сердце и быстро обернулся к д'Аверку, на котором повисло сразу два монстра.

Он снес голову одному и занес меч над вторым, но существо, вдруг вырвав клоч камзола д'Аверка, бросилось прочь и исчезло в ночи.

Друзья в итоге расправились почти со всеми мерзкими созданиями — лишь одному удалось спастись.

д'Аверк тяжело дышал; он не пострадал, если не считать нескольких глубоких царапин в том месте, где когти твари отхватили кусок одежды. Хокмун разодрал свой плащ и перевязал рану.

— Будем считать, обошлось, — сказал д'Аверк. Он снял помятую маску и выбросил ее. — Маски неплохо нам помогли, но, раз уж ты потерял свою, то и я не стану ее носить. Камень у тебя во лбу невозможно ни с чем спутать, так что нет смысла продолжать маскарад... — Он усмехнулся. — Страшное Тысячелетие породило безобразных созданий, друг Хокмун, как я и говорил.

— Я и не спорил, — улыбнулся Хокмун. — Идем, надо поискать ночлег. Тоузе отметил на карте

безопасные места, посмотри-ка.

Д'Аверк полез за пазуху и вдруг в ужасе закричал:

— Ох, Хокмун! Ну что за невезение!

— Что случилось, мой друг?

— Эта зверюга вместе с куском камзола оторвала карман, а в нем была карта. Хокмун, мы пропали!

Хокмун выругался и спрятал меч в ножны.

— Ничего не поделаешь, — нахмурился он, — надо отыскать эту тварь. Она ранена и наверняка оставила кровавый след. А может быть, возвращаясь в свое логово, она выбросила карту. Ну, а если нет, мы найдем ее берлогу и попробуем отобрать карту силой.

— Стоит ли? — мрачно заметил д'Аверк. — Неужели мы не вспомним, где находится Лландар?

— А вдруг ошибемся? Нет, надо идти. — С этими словами Хокмун полез на уступ скалы — туда, где скрылось отвратительное создание. Нехотя д'Аверк последовал за ним.

К счастью, небо было чистым, и в ярком лунном свете Хокмун разглядел на камнях блестящие пятна, которые, несомненно, были кровью. Чуть дальше он увидел целую лужу.

— Сюда, д'Аверк, — позвал он. Его друг вздохнул, пожал плечами и двинулся следом.

Поиски продолжались до рассвета, пока Хокмун, наконец, не потерял след. Они забрались высоко в горы, откуда хорошо были видны две долины, расстилавшиеся внизу. Хокмун, покачивая головой, запустил пятерню в копну светлых волос.

— Никого. А я был почти уверен...

— Эх, ничего у нас не получается, — вздохнул д'Аверк, потирая усталые глаза. — Карты нет, с пути сбились...

Хокмун пожал плечами:

— Извини, д'Аверк. Я хотел как лучше...

Внезапно его лицо просветлело, он вытянул руку:

— Эй, там что-то движется! Пойдем-ка... — И он скрылся за скалой.

Чуть позже д'Аверк услышал изумленный крик, а затем наступила тишина.

Француз выхватил меч и бросился за своим другом, недоумевая, что могло его так удивить.

За поворотом открывался вид на ущелье, в котором лежал город — город, полностью построенный из металла. Там были блестящие — красные, золотые, оранжевые, синие, зеленые металлические дома, остроконечные металлические башни и извивающиеся металлические дороги. Но даже отсюда было хорошо видно, что жители давно покинули город и теперь он медленно разрушается, ржавеет, теряя былое величие...

Повернувшись лицом к городу, Хокмун указывал на что-то рукой. По склону горы убежал давешний противник, направляясь напрямик к городу.

— Должно быть, он живет там, — сказал Хокмун.

— Что-то не хочется мне туда спускаться, — проворчал д'Аверк. — А вдруг там ядовитый воздух, от которого кожа сходит с лица, или, к примеру, наступает удушье...

— Ядовитого воздуха больше не существует, д'Аверк, и тебе это известно. Он держится совсем недолго, после чего исчезает. Уверен, что уже несколько веков здесь все чисто. — И Хокмун стал спускаться вниз, по пятам существа, все еще прижимающего к груди клочок камзола с картой Тоузеа.

— Ну, ладно, — вздохнул д'Аверк. — Помирать, так вместе. — И он последовал за своим другом. — Герцог фон Кельн, ты грубый, нечувствительный к чужим страданиям человек!

Катящиеся камни заставляли тварь нестись во всю прыть. А Хокмун и д'Аверк, как ни старались, не

могли ее догнать — бегать по горам им было в диковинку, да и от сапог д'Аверка уже почти ничего не осталось.

Тварь нырнула в тень.

Спустя несколько минут преследователи достигли первого ряда металлических зданий и с опаской оглядели нависающие над ними громадные, отбрасывающие зловещие тени, конструкции.

Заметив еще несколько пятен крови, Хокмун медленно двинулся вперед, с трудом разбирая дорогу в тусклом свете.

Внезапно послышался скрежет, раздался вопль, перешедший в рычание, и на Хокмуна прыгнула тварь, вцепившись ему в горло.

Он почувствовал, как когти все глубже впиваются в кожу, а острый клюв немилосердно лупит по затылку, и попытался оторвать лапы от шеи, но тщетно...

Затем существо вдруг дико завизжало, взвыло, и когти его разжались.

Хокмун обернулся. Д'Аверк с обнаженным мечом в руке глядел на поверженного врага.

— У этого пугала совсем мозгов нет, — спокойно заметил француз. — Ну не глупо ли нападать на тебя, повернувшись ко мне спиной! — Он аккуратно наколол на острие меча клочок своей одежды, выпавший из лап мертвой твари. — Вот она, наша карта, — цела и невредима.

Хокмун вытер с шеи кровь. Когти оставили неглубокие царапины.

— Бедняга...

— Хокмун, ты же знаешь, что у меня сердце кровью обливается, когда ты так говоришь. Они первыми на нас напали, вспомни.

— Хотел бы я знать — почему? В горах полно зверья: у них не должно быть недостатка в пище. Почему они набросились именно на нас?

— Возможно, потому что наше мясо им не нужно долго сторожить, — предположил д'Аверк, а оглядев металлические каркасы, окружавшие их со всех сторон, добавил: — Или они просто ненавидят людей...

Он со звоном вернул меч в ножны и, оглядываясь, пошел через лес металлических опор, поддерживающих башни и изящные виадуки. Повсюду валялись кости и гниющие потроха каких-то животных.

— Слушай, уж если мы здесь, давай обследуем город, — сказал д'Аверк, вскарабкавшись на балку. — А ночь проведем здесь...

Хокмун сверился с картой:

— Город называется Халапандур. А пристанище нашего таинственного мудреца находится к востоку от него.

— Далеко?

— День пути по горам.

— Отдохнем и завтра продолжим путь, — предложил д'Аверк.

Секунду Хокмун стоял, нахмурившись.

— Ну, ладно, — пожал он, наконец, плечами и вслед за другом полез на балку.

Они оказались на странно изогнутой улице.

— Попробуем пробраться туда, — показал рукой д'Аверк.

Они пошли вдоль идущей под уклон улице к башне, которая отливала бирюзой и пурпуром в солнечных лучах.

Глава 15

ПОКИНУТОЕ УБЕЖИЩЕ

В башню вела маленькая дверь, висевшая на одной петле — словно снесенная ударом гигантского кулака. Заглянув в дверной проем, Хокмун и д'Аверк пытались рассмотреть что-нибудь в царящем там мраке.

— Лестница или что-то в этом роде, — сказал Хокмун.

Они пробрались через обломки, усеивающие пол, и убедились, что это не лестница, а просто наклонная плоскость, похожая на те, которые соединяли здания друг с другом в этом городе.

— Я читал, что город был построен незадолго до Страшного Тысячелетия — специально для ученых, — сказал д'Аверк. — «Исследовательский Городок», так он, кажется, назывался. Сюда съезжались ученые со всего света... Идея состояла в том, чтобы делать новые открытия, ведя исследования одновременно в разных направлениях: получался этаким гибрид наук. Если память мне не изменяет, в легенде говорилось, что открытий было сделано множество, но суть большинства из них сейчас не понять никому.

Они поднимались все выше и выше, пока не оказались в огромном круглом помещении со множеством стеклянных окон. Большая часть окон потрескалась или оказалась выбита, но теперь весь город был виден как на ладони.

— Наверняка отсюда велось наблюдение за всем, что происходит в Халапандуре, — сказал Хокмун, оглядываясь.

Повсюду валялись осколки инструментов, назначение которых оставалось для него загадкой. На вид они были невообразимо древними, — сделанные из самых простых материалов, снабженные простыми символами, совершенно непохожими на вычурные буквы и цифры, которыми люди пользовались теперь, — в общем, что-то вроде наблюдательной вышки...

Д'Аверк поджал губы и указал вниз:

— Ага, представляется случай использовать ее по назначению. Смотри, Хокмун.

С противоположной стороны города приближалась группа всадников. Они находились достаточно далеко, но и уже с такого расстояния можно было разглядеть доспехи и маски, не оставляющие сомнений: это скачут воины Темной Империи.

— Держу пари, это Мелиадус, — сказал Хокмун, сжимая рукоять меча. — Он не знает точно, где живет Майган, но наверняка выяснил, что Тоузе побывал в этом городе — ищейки барона теперь без труда отыщут пристанище Майгана. Не время отдыхать, д'Аверк, надо торопиться.

Д'Аверк кивнул:

— Обидно.

Нагнувшись, он поднял с пола какой-то маленький предмет и сунул его в свой порванный камзол:

— Кажется, я знаю, что это.

— Что же?

— Запал, который использовался в старинных ружьях. Он нам пригодится, — сказал д'Аверк.

— Но у тебя нет ружья!

— Оно мне и не нужно, — загадочно ответил д'Аверк.

Они бросились вниз, к выходу из башни, рискуя попасть на глаза воинам Темной Империи, пронеслись по висячим улицам, соскользнули по опорам на землю и, наконец, выбежали из города.

— Думаю, нас не заметили, — сказал д'Аверк. — Идем, обитель Майгана в той стороне.

Скользя и спотыкаясь, друзья начали карабкаться в гору.

Настала ночь, но они, не останавливаясь, продолжали путь.

Друзья были голодны, поскольку почти ничего не ели с тех пор, как спустились в долину Лландара. Силы были на исходе, но они все шли и шли вперед и незадолго перед рассветом оказались, наконец, в отмеченной на карте долине, где, как утверждал Тоузе, жил Майган.

Хокмун повеселел.

— Эти парни из Темной Империи наверняка разобьют лагерь на ночь. Так что мы успеем встретиться с Майганом, забрать его кристаллы и скрыться!

— Будем надеяться, — сказал д'Аверк вслух, а про себя подумал, что Хокмуну необходимо отдохнуть, ибо герцог Кельнский выглядел совсем неважно. Однако он молча последовал за другом в долину и только там уже сверился с картой.

— Здесь, — сказал он. — Точно. Тут должно быть убежище Майгана, но я ничего похожего не вижу.

— Если верить карте, оно находится на середине склона вон той горы, — ответил Хокмун. — Давай поднимемся и посмотрим.

Они пересекли долину, переправились через небольшой чистый ручеек, берущий начало в расселине и текущий через всю долину. Здесь встречались следы человека — узкая тропка и деревянное приспособление, несомненно служившее для подъема воды из ручья.

Они подошли к склону и увидели металлические скобы, вделанные в камень. Создавалось впечатление, что скобы появились здесь за много веков до рождения Майгана.

Друзья начали подъем. Восхождение было трудным, но в конце концов они достигли уступа скалы, на котором стоял огромный валун, и там, за валуном, им открылся вход в пещеру!

Хокмун рванул было вперед, но д'Аверк схватил его за плечо.

— Осторожнее, — предупредил он и вытащил меч.

— Старик вряд ли сможет причинить нам вред, — возразил Хокмун.

— Ты устал и слишком взволнован, мой друг. Надо остановиться и немного подумать. Ведь у такого мудрого, по словам Тоузе, старика наверняка есть оружие, способное доставить нам немало хлопот. Майган, опять же по словам Тоузе, терпеть не может людей, и я не понимаю, почему он должен радоваться нашему приходу.

Хокмун кивнул, достал свой меч, и они осторожно вошли в пещеру.

Пещера была темной и, по-видимому, необитаемой, однако чуть позже друзья заметили в глубине мерцающий огонек.

За поворотом открылась другая пещера — гораздо больших размеров. Здесь находилась уйма всевозможных вещей — инструменты, похожие на виденные в Халапандуре, две койки, кухонные принадлежности, химическое оборудование и многое другое. Источником света служил шар, подвешенный к потолку в центре пещеры.

— Майган! — позвал д'Аверк.

Никто не отозвался.

Они обшарили все вокруг в поисках какого-нибудь лаза, но тщетно.

— Он исчез! — простонал Хокмун. — Исчез, д'Аверк, и Бог знает, куда. Очевидно, после бегства Тоузе он решил, что оставаться здесь небезопасно, и перебрался в другое место...

— Не думаю, — сказал 'Аверк. — Тогда он забрал бы свои пожитки, не так ли?.. — Он оглядел пещеру. — На койке, похоже, кто-то недавно спал. Нигде нет пыли. Скорее всего, Майган просто вышел ненадолго и скоро вернется. Подождем.

— А как же Мелиадус?

— Ну, уповай на то, что барону еще придется поискать пещеру.

— Если он настроен так же решительно, как описывала Флана, то это не составит для него труда, — заметил Хокмун. Он подошел к скамье, где были разложены блюда с мясом и овощами, и принялся есть. Д'Аверк присоединился к нему.

— Будем ждать и отдохнем заодно, — сказал француз. — Ничего другого не остается.

Прошел день, минула ночь, а старик не возвращался. Хокмун не находил себе места.

— Боюсь, что его схватили, — сказал он. — Мелиадус нашел его в горах.

— Если так, то Мелиадус все равно притащит его сюда, а мы заслужим признательность старика, освободив его из плена, — нарочито весело ответил д'Аверк.

— Там, насколько я понял двадцать человек, вооруженных огненными копьями. Нам не справиться.

— Ох и настроеннице у тебя, Хокмун! Раньше мы справлялись и с большим количеством врагов.

— Угу, — согласился Хокмун, но было видно, что путешествие сильно измотало его. Возможно, маскарад во дворце Короля Хаона дался ему тяжелее, нежели д'Аверку, который страсть как любил плутовство и мистификации.

Наконец Хокмун не выдержал и шагнул на уступ у входа в пещеру. Какое-то чувство толкнуло его посмотреть вниз.

Теперь всадники были совсем близко, и сомнений не оставалось: во главе отряда скакал Мелиадус.

Богато украшенная маска Волка ослепительно сверкнула на солнце, когда он поднял голову и увидел Хокмуна — в ту же секунду, когда герцог глянул вниз.

Долину огласил хриплый вой. В этом звуке слились ярость и ликование, это был голос волка, почуявшего добычу.

— Хокмун! — ревел он. — Хокмун!..

Барон соскочил с лошади и стал карабкаться на скалу.

— Хокмун!

Следом за ним взбирались до зубов вооруженные воины, и Хокмун понял, что у него и д'Аверка не было никаких шансов.

— Д'Аверк! Мелиадус здесь! — закричал он. — Быстрее, надо забраться на вершину склона, иначе он загонит нас в ловушку!

Д'Аверк выскочил из пещеры, на ходу натягивая перевязь, глянул вниз и согласно кивнул. Хокмун побежал к скале, нащупал скобы и быстро стал подниматься.

Струя пламени, выпущенная из огненной пики, подпалила волосы на его запястье, другая струя ударила в скалу чуть ниже, но он продолжал карабкаться.

Возможно, на вершине склона им придется принять бой и сражаться не на жизнь, а на смерть.

— Хо-о-о-к-му-у-ун! — гремел дрожащий от жажды мести голос Мелиадуса, и многократное эхо вторило ему: — Хо-о-о-к-му-у-ун!

Хокмун не останавливался ни на секунду, царапая ладони об острые выступы скалы, сбивая в кровь ноги, рискуя сорваться и увлечь за собой лезущего следом д'Аверка.

Они достигли вершины, за которой простиралось плато, и бросились прочь от обрыва, но огненные пики отрезали им путь к бегству.

— Ну, а теперь, — сурово произнес Хокмун, вытаскивая меч, — мы будем драться.

Д'Аверк усмехнулся:

— Наконец-то. А я уж решил, дружище, что ты совсем голову потерял.

Они посмотрели вниз. Барон Мелиадус добрался до уступа перед пещерой и ринулся внутрь,

приказав своим людям карабкаться дальше и схватить ненавистных беглецов. Очевидно, он надеялся обнаружить в пещере и остальных — Оладана, графа Брасса или даже Исольту.

Вскоре над обрывом появилась голова первого гранбританца в маске Волка, и Хокмун ударил по ней ногой. Маска лязгнула, однако воин удержался на краю и даже схватил Хокмуна за ногу, рассчитывая либо на то, что тот затащит его на плато, либо на то, что сорвутся оба.

Подбежавший д'Аверк пнул солдата в плечо. Воин промычал что-то нечленораздельное, отпустил ногу Хокмуна, попытался ухватиться за выступ скалы на краю обрыва, но, взмахнув руками, полетел спиной вниз, воя почти непрерывно на всем долгом пути к равнине.

Следующему воину Хокмун перерезал горло, другому почти по рукоять вонзил меч в нижнюю часть живота, в щель между пластинами доспехов, но на месте убитых тут же появлялись другие Волки.

Друзья сражались около часа, стараясь не дать противнику забраться на плато и одновременно отражая атаки тех, кто все-таки забрался.

Но их все-таки окружили, и мечи, точно зубы гигантской акулы, нацелились им в лица.

— Сдавайтесь, джентльмены, — послышался голос Мелиадуса. — Или я прикажу зарезать вас.

Опустив оружие, Хокмун и д'Аверк в полном отчаянии посмотрели друг на друга.

Они прекрасно понимали, что Мелиадус ненавидит их лютой ненавистью, и что теперь, попав в плен на вражеской территории, у них не оставалось никакой возможности спастись.

Мелиадус, как видно, тоже понимал это, поскольку, сдвинув набок маску Волка, ухмыльнулся и заметил:

— Не знаю, как вы попали в Гранбританию, но то, что вы оба круглые идиоты, — это несомненно! Стало быть, вы тоже искали старика? Зачем он вам, позвольте спросить? Ведь уже получили от него то, что нужно.

— Возможно, у него есть кое-что еще, — сказал Хокмун, решив: — чем меньше будет знать Мелиадус, тем больше шансов, что им удастся его обмануть.

— Другое? То есть, другие устройства, полезные Темной Империи? Спасибо, что сообщил. Сам старик, разумеется, расскажет подробнее.

— Старик исчез, — добродушно проговорил д'Аверк. — Мы предупредили его о твоём появлении.

— Исчез? Хм... Не уверен. Но если и так, то вы знаете, куда он делся, сэр Хьюлам.

— Я — нет, — сказал д'Аверк, брезгливо глядя на солдат, связывающих его и Хокмуна одной веревкой.

— Посмотрим, — ухмыльнулся Мелиадус. — Я бы хотел прямо здесь, немедленно, устроить вам небольшую пытку. Чтобы хоть чуточку утолить жажду мести. Надеюсь, вы простите мне этот каприз. А позже, когда мы прибудем в мой дворец, я использую другие, более интересные способы... К тому моменту, думаю, старик уже будет в наших руках — старик и его секрет путешествий во времени... — Про себя барон добавил: к тому моменту он уже оправдается перед Императором и заслужит прощение за то, что покинул столицу без соизволения монарха.

Он протянул руку и нежно погладил Хокмуна по щеке:

— Ах, Хокмун, скоро ты на собственной шкуре почувствуешь, что такое моя злость. Очень скоро...

Хокмун задрожал всем телом, глубоко вздохнул и плюнул в ухмыляющуюся волчью маску.

Мелиадус отпрянул, вытер слюну с маски и наотмашь ударил Хокмуна по губам.

— Одной пыткой больше, — прошипел он. — И обещаю, что муки продлятся для тебя целую вечность!..

Хокмун опустил голову. Солдаты грубо схватили его, вместе с д'Аверком подтащили к краю обрыва и сбросили вниз.

Веревка, которой они были связаны, натянулась и не дала упасть на дно ущелья. Их небрежно опустили на уступ перед пещерой. Через несколько минут подошел Мелиадус, спустившийся по скобам.

— Мне еще надо найти старика, — сказал барон. — Думаю, он прячется где-то поблизости. Мы хорошенько свяжем вас и бросим в пещеру, поставив у входа пару стражников — просто на случай, если вы каким-либо образом освободитесь от пут, а сами отправимся на его поиски. На этот раз тебе не убежать, Хокмун. И тебе тоже, д'Аверк. Наконец-то вы принадлежите мне! Тащите их внутрь, ребята. Свяжите их всеми веревками, которые только найдете. И не спускайте с них глаз, потому что это любимые игрушки Мелиадуса!

Проследив за тем, чтобы приказание было исполнено точно, Мелиадус оставил троих воинов у входа и в отличном настроении спустился в долину.

«Еще немного, — сказал он себе, — и враги окажутся в его власти, все их секреты попадут к нему в руки, и тогда Император поймет, что он говорил правду. И что с того, что монарх плохо думал о нем?»

У Мелиадуса уже созрел план, как исправить эту ошибку.

Глава 16

МАЙГАН ИЗ ЛЛАНДАРА

Опустилась ночь, но в дальней пещере все еще горел свет, поэтому Хокмун с д'Аверком откатились в тень.

Выход загораживали широкие спины стражников; веревки, которыми связали пленников, были крепкими, а узлы — надежными.

Хокмун попытался напрячь мышцы, но не смог даже пошевелиться. Единственное, что ему оставалось, это строить гримасы, таращить глаза и слегка наклонять голову. Д'Аверк находился в таком же положении.

— Что ж, мой друг, значит, мы были недостаточно осторожны, — сказал д'Аверк самым веселым голосом, на который только был способен.

— Да, — согласился Хокмун, — голод и усталость заставляют даже мудрецов делать глупости. Мы сами во всем виноваты...

— Мы получили по заслугам, — продолжал д'Аверк с ноткой сомнения в голосе. — Но разве наши друзья виноваты? Надо попытаться сбежать, Хокмун, каким бы безнадежным делом это ни казалось.

Хокмун кивнул.

— Верно. Если Мелиадус доберется до замка Брасс...

Он вздрогнул.

После недавней беседы Мелиадус показался ему еще более одержимым, чем раньше. Может, это из-за того, что Хокмун и обитатели замка Брасс неоднократно обводили его вокруг пальца? Или потому, что исчезновение замка и его защитников бросило тень на победы барона? Хокмун не мог ответить на эти вопросы, но точно знал одно — его заклятый враг совершенно не отдает себе отчета в своих поступках. И оставалось только гадать, на какие безумства он еще способен.

Хокмун повернул голову и нахмурился — ему показалось, что из дальней пещеры донесся какой-то шорох. Со своего места он видел только небольшой уголок...

Вновь послышался шорох, и он чуть не свернул шею, пытаясь разглядеть, что там происходит. Д'Аверк еле слышно, чтобы стража не заподозрила неладное, прошептал:

— Могу поклясться, там кто-то есть...

В этот момент на них упала чья-то тень, и они увидели высокого старика с гривой седых волос и крупным, словно высеченным из камня морщинистым лицом.

Сдвинув брови, старец осмотрел двух связанных людей, поджал губы, оглянулся на трех стражников, застывших у выхода, и вновь обратил взор на Хокмуна и д'Аверка. Не говоря ни слова, он стоял, скрестив руки на груди. Хокмун заметил, что все пальцы незнакомца унизаны хрустальными кольцами.

Майган из Лландара! Но как он попал в пещеру? Через потайной ход?

Хокмун в отчаянии посмотрел ему в глаза, беззвучно моля о помощи.

Исполин улыбнулся и немного придвинулся, чтобы расслышать шепот Хокмуна.

— Сэр, если только вы Майган из Лландара, знайте, что мы ваши друзья и пленники ваших врагов.

— А откуда мне знать, что вы говорите правду? — прошептал старец в ответ.

Один из стражников, очевидно услышав что-то, зашевелился и обернулся. Майган отпрянул в тень.

— О чем это вы там шепчетесь? — проворчал стражник. — Обсуждаете, что сделает с вами барон, а?.. Ох, Хокмун, ты даже не представляешь, какие прелести тебя ждут!

Хокмун промолчал.

С ехидным смешком стражник отвернулся. Майган вновь придвинулся к пленникам.

— Так ты Хокмун?

— Ты слышал обо мне?

— Кое-что. Если твое имя — Хокмун, то, возможно, ты говоришь правду. Я терпеть не могу теперешних правителей Гранбритании, хоть сам и являюсь ее подданным... Но откуда тебе знать, кто мои враги?

— Барон Мелиадус Кройденский выведал секрет, доверенный тобой некоему Тоузе. Он не так давно гостил у тебя...

— Доверенный, ха-ха! Этот тип подольстился ко мне, а потом, пока я спал, стащил одно из колец и сбежал с его помощью... Думаю, он хотел оправдать себя в глазах своих хозяев в Лондре...

— Верно. Тоузе наплел им, что овладел какой-то таинственной силой, продемонстрировал свое умение и очутился в Камарге...

— Разумеется, случайно. Он понятия не имел, как правильно пользоваться кольцом.

— И мы так решили.

— Я верю тебе, Хокмун, и боюсь этого Мелиадуса.

— Так освободи нас, мы попытаемся защитить тебя...

— Сомневаюсь, что мне нужна ваша защита.

И Майган растворился в темноте.

— Хотел бы я знать, что он задумал, — подал голос д'Аверк, который до этого момента умышленно хранил молчание.

Хокмун пожал плечами.

Майган вернулся с длинным ножом и, просунув его под веревки, опутывающие Хокмуна, принялся осторожно водить лезвием, пока герцог Кельнский не смог освободиться сам.

— Дайте-ка мне нож, — прошептал он и, взяв его из рук Майгана, стал обрезать веревки д'Аверка, поглядывая на стражников.

Снаружи донеслись голоса.

— Барон Мелиадус возвращается, — сказал один из охранников. — Похоже, злой как черт.

Хокмун бросил взволнованный взгляд на д'Аверка. Они вскочили.

Краем глаза заметив движение, один из стражников обернулся и вскрикнул от изумления.

Пленники бросились на охранников. Рука Хокмуна успела помешать воину вытащить меч. Рука д'Аверка сжалась на шее второго, другой рукой француз уже выхватил у него оружие. Лезвие поднялось и опустилось прежде, чем охранник успел крикнуть.

Пока Хокмун боролся с первым стражником, д'Аверк уже занимался третьим. В ночном воздухе слышался звон мечей. Долетел удивленный возглас Мелиадуса.

Хокмун повалил своего противника, прижал коленом к земле, вытащил кинжал, все еще висевший у него на поясе, сорвал с врага маску и всадил клинок в горло.

Между тем д'Аверк расправился с последним солдатом и, тяжело дыша, стоял над его трупом.

Майган окликнул их из глубины пещеры.

— Я вижу, у вас есть хрустальные кольца, — такие же, как у меня. Вы знаете, как ими пользоваться?

— Мы знаем только, как вернуться в Камарг! Один поворот влево...

— Так и быть, Хокмун, я помогу тебе. Поверни кристалл сначала вправо, а затем влево. Повторите движение шесть раз, а затем...

У входа в пещеру возникла огромная маска Мелиадуса.

— Ага, Хокмун, ты все еще пытаешься мне досадить... Старик!!! Хватайте его, хватайте!

Солдаты Мелиадуса кинулись в пещеру. Д'Аверк и Хокмун встали на их пути, решив драться до конца.

— Назад, мерзавцы! — в бешенстве закричал старик и бросился на непрошенных гостей, высоко подняв нож.

— Стойте! — гаркнул Хокмун. — Майган, оставьте нам грязную работу. Держитесь подальше. Вы беззащитны перед этими головорезами!

Но Майган словно не слышал.

Увидев, что сраженный ударом солдата старик медленно опускается на землю, Хокмун рванулся к нему и пронзил нападавшего мечом.

Хокмун и д'Аверк отступали во внутреннюю пещеру. Звон мечей и яростные крики Мелиадуса эхом перекатывались под сводчатым потолком.

Поддерживая раненого Майгана, Хокмун отражал удары, градом сыпавшиеся на них. Сквозь толпу воинов протиснулся барон и, ухватив меч обеими руками, ринулся на своего заклятого врага.

Вспыхнула резкая боль в левом плече, и герцог почувствовал, как кровь пропитывает рукав... Он парировал следующий удар, сделал стремительный выпад и поразил Мелиадуса в руку.

Барон зарычал и отскочил назад.

— Д'Аверк! Майган! — выкрикнул Хокмун. — Ну же, давайте! Поверните кристаллы! Это единственное спасение!

Он повернул камень на своем кольце вправо, влево и шесть раз повторил это движение. Мелиадус взвыл от гнева и вновь бросился на него. Хокмун поднял меч, чтобы парировать выпад барона...

И тут Мелиадус исчез.

Исчезла пещера, исчезли солдаты...

Один-единешенек, он стоял на плоской, как стол, равнине, простиравшейся во все стороны до самого горизонта. Высоко в небе сияло огромное солнце — по-видимому, был полдень. Невысокая трава пахла весной.

Где он? Неужели Майган обманул их? Где все остальные?..

Неподалеку материализовалась фигура Майгана. Старик лежал на земле, прижимая руку к глубокой ране. Искаженное болью лицо было мертвенно-белым. Хокмун вложил меч в ножны и бросился к нему.

— Майган...

— Хокмун, я умираю... Это страшно. Но, по крайней мере, я знаю твою судьбу. Рунный Посох...

— Мою судьбу? Что ты хочешь этим сказать? И при чем тут Рунный Посох? Я много слышал об этом загадочном предмете, но еще никто толком не объяснил, какое отношение он имеет ко мне...

— Узнаешь в свое время. А сейчас...

Внезапно появился д'Аверк и удивленно огляделся.

— Надо же, сработало! Хвала Рунному Посоху! А я был уверен, что нас всех прикончат.

— Ты... должен найти... — Майган закашлялся. У него пошла горлом кровь...

Хокмун приподнял голову старика.

— Ты тяжело ранен, но мы поможем тебе. Как только вернемся в замок Брасс...

Майган покачал головой:

— Вы не сможете вернуться.

— Не сможем? Почему это? Кольца перенесли нас сюда. Один поворот влево...

— Нет. После того, как вы сместили камни таким образом, кольца надо привести в исходное положение.

— И как это сделать?

— Не скажу!

— Не скажешь? То есть — не знаешь?

— Знаю. Но я должен был перенести вас сквозь измерения в эту страну, где ты исполнишь то, что тебе предназначено. Вы должны найти... о-о-о!.. Как больно!..

— Ты обманул нас, старик, — сказал д'Аверк. — Хочешь, чтоб мы плясали под твою дудку? Но ты умираешь, и пока мы не можем тебе помочь. Расскажи, как вернуться в замок Брасс, и мы приведем тебе лекаря.

— Я доставил вас сюда не потому, что мне так захотелось; знание грядущего побудило меня сделать это. С помощью колец я путешествовал сквозь пространство и время. Я многое знаю. Знаю, чему ты служишь, Хокмун, знаю, что настал твой час действовать здесь.

— Где? — в отчаянии произнес Хокмун. — В какое время ты перенес нас? Как называется эта страна? Здесь же нет ничего, кроме пустынной равнины!

Майган закашлялся кровью, и стало ясно, что конец его близок.

— Возьми мои кольца, — сказал он, тяжело дыша. — Они могут тебе пригодиться. Но сначала найди Нарлин и Меч Зари... Это на юге... Когда дело будет сделано — поверни на север. Ищи город Днарк... и Рунный Посох.

Он вновь закашлялся, потом тело его свела судорога, и с тихим вздохом старик скончался.

Хокмун посмотрел на д'Аверка.

— Рунный Посох? Значит, мы в Коммуназии — ведь там, если верить слухам, он находится?

— Какая ирония судьбы, если вспомнить наш маскарад в Лондре! — сказал д'Аверк, перевязывая платком рану на ноге. — Возможно, мы туда и попали. Плевать. Главное, мы далеко от этого грубияна Мелиадуса и его кровожадной стаи. Солнышко светит. Тепло. Если не обращать внимания на наши раны, то мы еще неплохо отделались.

Бросив на друга косой взгляд, Хокмун вздохнул:

— Не уверен. Если эксперименты Тараорма увенчались успехом, барон найдет путь в Камарг. Я предпочел бы сейчас находиться там, а не здесь. — Он задумчиво повертел кольцо. — Интересно, а если...

Д'Аверк отдернул его руку.

— Нет, Хокмун, и думать не смей. Я почему-то верю старику. Кроме того, кажется, он хорошо к тебе относился. Хотел сделать, как лучше. Может быть, он собирался объяснить, где мы находимся, подробнее рассказать, как добраться туда, куда он нас послал. А начни мы сейчас вертеть кольца, и, кто знает, куда нас занесет — вдруг обратно к нашим друзьям в пещеру Майгана!

Хокмун кивнул:

— Возможно, ты прав, д'Аверк... Но теперь-то что нам делать?

— Прежде всего снимем его кольца, как и советовал старик. А потом двинемся на юг, к этому месту... как там он его назвал?

— Нарлин. С чего ты взял, что это место? Может быть, имя какого-нибудь человека. Или название предмета.

— В любом случае, идем на юг, там и выясним — город это, человек или вещь. Ну-ка... — Он перевернул труп Майгана и принялся снимать кольца с его пальцев. — Осмотрев его жилище, я понял, что кольца сделаны в Халапандуре. Во всяком случае, инструменты и приборы в пещере точно оттуда. Должно быть, их изобрел ученый, живущий в городе до Страшного Тысячелетия...

Хокмун почти не слушал его. Он обзривал горизонт и вдруг поднял руку.

— Смотри-ка!

Поднимался ветер.

Вдалеке катилась какая-то пурпурная громадина, излучающая свет.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Подобно Дориану Хокмуну, делу Рунною Посоха служил и Майган из Лландара; правда, в отличие от герцога, его действиями не руководил слепой случай. Йельский колдун перенес Хокмуна в необычную, пустынную страну, вкратце сообщив ему, что исполняет волю Рунного Посоха. Как много судеб переплелось — Камарга и Гранбретании, Коммуназии и Амарика; Хокмуна и д'Аверка, д'Аверка и Фланы, Фланы и Мелиадуса, Мелиадуса и Короля Хаона, Короля Хаона и Шенегара Тротта, Шенегара Тротта и Хокмуна... Итак, множество судеб слилось, чтобы служить делу Рунного Посоха — делу, которое началось в тот момент, когда Мелиадус поклялся Рунным Посохом отомстить обитателям замка Брасс и тем самым predetermined дальнейший ход событий. Значение насмешек судьбы и парадоксов, встречающихся тут и там в ткани истории, становилось все яснее для тех, чьи судьбы вплелись в ее узор. И пока Хокмун недоумевал, в каком месте и времени он оказался, ученые Короля Хаона создали более мощные военные машины, которые помогали силам Темной Империи еще быстрее шагать по Земле, окрашивая ее в цвет крови...

Из «Истории Рунного Посоха»

Глава 1

ЖЕНАК-ТЕНГ

Не ожидая ничего хорошего от приближающегося странного шара, Хокмун и д'Аверк вытащили мечи.

Их одежда превратилась в лохмотья, тела были покрыты коркой запекшейся крови, а в сердцах почти не осталось надежды...

— Ах, как бы мне сейчас пригодилась волшебная сила Алого Амулета! — вздохнул Хокмун, по совету Рыцаря оставивший этот талисман в замке.

д'Аверк криво усмехнулся:

— Как мне сейчас пригодилась бы обычная сила простого смертного... И тем не менее, герцог Дориан, мы должны сделать все, что в наших силах.

Он расправил плечи.

Громыхая и подпрыгивая, шар приближался. Он переливался всеми цветами радуги и был такой огромный, что стало ясно: мечи против него бесполезны.

Шар издал глухой рокочущий звук и, нависнув над ними, остановился.

Донеслось жужжание, на поверхности странного аппарата появилась щель и расширялась до тех пор, пока шар не раскололся надвое. Потянулся белый дымок и облачком поплыл над землей.

Когда дым рассеялся, из шара показался высокий, бронзовокожий, хорошо сложенный человек с длинными волосами, удерживаемыми серебряным обручем. Он был наг, если не считать короткой темно-коричневой юбки с разрезом, и, — как видно, безоружен.

Хокмун неприязненно посмотрел ему в глаза и спросил:

— Ну, чего тебе надо?

Незнакомец улыбнулся.

— То же самое я хотел спросить у вас, — сказал он со странным акцентом. — Я вижу, вы сражались, и один из вас мертв. Хм, он слишком стар, чтобы быть воином... Чудно.

— Кто ты? — поинтересовался Хокмун.

— Ты очень напорист, воин. Я — Женак-Тенг из рода Тенг. Так с кем вы здесь сражались? С шарки?

— Это слово ничего не говорит нам, — вставил д'Аверк. — Мы путешественники. Наши враги теперь далеко. Спасаясь от них, мы и попали сюда...

— А раны ваши выглядят свежими... Вы не составите мне компанию до Тенг-Камппа?

— Это ваш город?

— У нас нет городов. Поехали, мы поможем вам — перевяжем раны и, надеюсь, оживим вашего друга.

— Это невозможно. Он же мертв!

— Иногда нам удается оживить мертвых, иногда нет, — спокойно произнес человек и сделал приглашающий жест. — Так вы едете со мной?

Хокмун пожал плечами.

— Почему бы и нет?

Бережно подняв тело Майгана, герцог и д'Аверк направились к сфере. Женак-Тенг шел впереди.

Внутри шара находилась кабина, в которой с удобством могли разместиться несколько человек. Очевидно, этот вид транспорта был распространен здесь, поскольку хозяин даже не указал, куда надо садиться.

Женак-Тенг расположился у панели управления, трещина начала затягиваться, пока совсем не исчезла. Сфера плавно покатилась вперед и набрала такую скорость, что пейзаж превратился в туманные полосы.

Равнина простиралась без конца и края: ни деревьев, ни гор, ни холмов, ни рек... «Может быть, это — дело рук человеческих, — подумал Хокмун, — или какая-то сила в далеком прошлом сравняла все возвышенности...»

Склонившись над пультом, Женак-Тенг не сводил глаз с прибора, по которому он, очевидно, следил за курсом. Его руки лежали на большом колесе с рукояткой, которое он время от времени поворачивал, управляя своим удивительным аппаратом.

Один раз вдалеке промелькнули несколько движущихся предметов, разглядеть которые друзья не успели. Хокмун спросил, что это.

— Шарки, — ответил Женак-Тенг. — К счастью, они далеко, не нападут.

Шарки были серого, как камень, цвета, со множеством ног и извивающихся щупалец. Хокмун так и не понял, живые это существа, механизмы или что-то вообще им неведомое.

Прошло около часа, и наконец сфера замедлила ход.

— Мы приближаемся к Тенг-Камппу, — сказал Женак-Тенг.

Вскоре шар остановился. Бронзоволицый человек откинулся на спинку кресла и облегченно вздохнул.

— Ну вот, — сказал он. — Я выяснил то, что хотел. Стая шарки движется на юго-запад и оставит Тенг-Кампп в стороне.

— Кто такие шарки? — спросил д'Аверк, попытался встать и застонал — малейшее движение причиняло ему боль.

— Шарки — наши враги, созданные специально для того, чтобы убивать людей, — ответил Женак-Тенг. — Они нападают из-под земли, проникают в подземные Камппы нашего народа...

Он коснулся рукоятки, и сфера толчками стала опускаться под землю.

Почва словно заглотила аппарат и сомкнулась над ним, шар погружался все глубже и, наконец, остановился. Вспыхнул яркий свет, и они увидели, что находятся в маленькой подземной камере, где едва хватало места для сферы.

— Тенг-Кампп, — кратко произнес Женак-Тенг, нажимая кнопку на панели управления.

Шар раскрылся.

Они осторожно вынесли Майгана из экипажа, пригнулись, чтобы пройти под низкой аркой, и попали в другую камеру. Люди, одетые так же, как Женак-Тенг, поспешили к шару.

— Сюда, — Женак-Тенг провел их в квадратную камеру, которая начала медленно вращаться. Хокмун и д'Аверк машинально прислонились к стене, испытывая головокружение, но наконец камера остановилась, и Женак-Тенг показал им хорошо обставленную комнату. Мебель была проста и удобна на вид.

— Мои апартаменты, — сказал он. — Сейчас я приведу врачей, которые, наверное, смогут помочь вашему другу. Прошу прощения. — Он вышел, но вскоре вернулся, улыбаясь. — Мои братья будут с минуты на минуту.

— Надеюсь, — сварливо заметил д'Аверк. — Мне никогда не нравилось общество трупов...

— Потерпите еще немного. А пока предлагаю вам перекусить.

Оставив тело Майгана в комнате, они перешли в соседнюю, где подносы с едой и напитками безо всякой опоры парили в воздухе над разложенными прямо на полу подушками.

Следуя примеру Женак-Тенга, Хокмун и д'Аверк расселись на этих подушках и основательно подкрепились. Пища была восхитительной, они поглощали ее огромными порциями, пока не почувствовали, что их животы вот-вот лопнут.

Незадолго до конца трапезы появились два человека, удивительно похожие на Женак-Тенга.

— Слишком поздно, — сказал один из них. — Мне очень жаль, брат, но мы не сумели оживить старика. Раны тяжелые, да и время упущено...

Женак-Тенг виновато посмотрел на своих гостей.

— Боюсь, вы навсегда потеряли вашего друга.

— Что ж, — ответил д'Аверк, едва сдерживая вздох облегчения, — тогда хоть похороните его, как следует.

— Конечно, мы сделаем все, что полагается в таких случаях.

Братья Женак-Тенга удалились и вернулись через полчаса — Хокмун и д'Аверк как раз закончили трапезу. Они представились как Бралан-Тенг и Полад-Тенг; потом осмотрели и перевязали раны беглецов. Очень скоро друзья почувствовали себя лучше.

— Ну, а теперь поведайте нам, как вы попали в страну Камппов, — попросил Женак-Тенг. — Из-за проклятых шарки здесь редко появляются путешественники. Расскажите, что творится в других частях света...

— Как мы попали сюда... Не думаю, что наш ответ будет понятен, — с сомнением произнес Хокмун. — И вряд ли мы знаем, что происходит в других странах вашего мира.

И он объяснил, как мог, кто они, откуда и каким образом очутились здесь.

Женак-Тенг внимательно слушал.

— Да, — протянул он, когда Хокмун закончил. — Вы были правы. Я понял очень немного из вашего рассказа. Никогда прежде мне не доводилось слышать ни про «Европу», ни про «Гранбританию», и это устройство, перенесшее вас сюда, нашей науке неизвестно. Но я вам верю. Иначе как бы вы умудрились появиться незамеченными на равнине Камппов?

— А что такое — Камппы? — спросил д'Аверк. — Вы говорили, что это не города...

— Так оно и есть. Камппы — родовые дома кланов. Этот подземный дом принадлежит роду Тенгов. По соседству находятся дома Онов, Секов и Ненгов. Много лет назад домов было больше, гораздо больше... Шарки нашли их и... теперь их нет...

— Да кто ж такие шарки? — вставил Хокмун.

— Наши давние враги, созданные тем, кто когда-то пытался уничтожить дома под землей. Создатель погиб, экспериментируя со взрывчатыми веществами, но его творения — шарки — уцелели. Единственное назначение этих существ — убивать нас, высасывая жизненную силу... — Женак-Тенг содрогнулся.

— Они питаются вашей жизненной силой? — нахмурился д'Аверк. — Что вы имеете в виду?

— То, что поддерживает в нас жизнь, то, что является самой жизнью, — они отбирают это, опустошают наши тела и бросают, неспособных даже пошевелиться, на медленную смерть...

Хокмун открыл было рот, чтобы задать следующий вопрос, но передумал. Очевидно, этот разговор хозяину был неприятен. Герцог переменял тему:

— Что представляет собой эта равнина? По-моему, она не естественного происхождения.

— Верно. В свое время здесь находились плодородные поля; это была могущественная страна — страна Ста Родов... пока не пришел, тот кто создал шарки. Ему были нужны наши знания, наши источники энергии. Врага звали Шенатар-ворн-Кенсай, он и привел шарки откуда-то с востока. Их назначением было уничтожение Родов. И шарки уничтожили все Рода, за исключением немногих... Но пройдет совсем немного времени, несколько веков, и они доберутся до остальных...

— Похоже, вы опустили руки, — хмуро проговорил д'Аверк.

— Просто мы реально смотрим на жизнь, — пожал плечами Женак-Тенг.

— Мы бы хотели завтра отправиться в путь, — сказал Хокмун. — Нет ли у вас карты или чего-нибудь,

что поможет нам добраться до Нарлина?

— Карта есть, правда неточная. Когда-то Нарлин был оживленным торговым городом в устье реки. Много веков назад... Не знаю, что с ним случилось.

Женак-Тенг поднялся.

— Идемте, я покажу приготовленную для вас комнату. Ночь проведете здесь, а утром продолжите ваше путешествие.

Глава 2

ШАРКИ

Хокмуна разбудил шум сражения.

На мгновение ему показалось, что все происшедшее — лишь сон, что он по-прежнему в пещере, а д'Аверк бьется с бароном Мелиадусом. Хокмун вскочил с постели и бросился к своему мечу, лежащему на стуле рядом с изорванной одеждой. Он был в комнате Женак-Тенга... На соседней кровати испуганно озирался проснувшийся д'Аверк.

Пока Хокмун судорожно натягивал одежду, из-за стены слышались крики, бряцание мечей, непонятный свист и стоны. Одевшись, он неслышно подошел к двери, немного приоткрыл ее...

И замер в изумлении. Бронзоволицые дружелюбные обитатели Тенг-Камппа были поглощены взаимным уничтожением. И вовсе не мечи издавали клацающие звуки, а ножи для мяса, железные прутья, всевозможная кухонная утварь и приборы — все это они использовали в качестве оружия. Рычащие, озверевшие, с искаженными лицами, с пеной на губах и безумными глазами, люди сражались друг с другом, словно разум их помутился в одночасье!

По коридору плыл синий, дурно пахнущий дымок; слышался звук разбиваемого стекла и лязг металла.

— Д'Аверк, клянусь Рунным Посохом! — выдохнул Хокмун, — Они просто сошли с ума!

Несколько дерущихся ввалились в комнату, и Хокмун неожиданно оказался в самой гуще свалки. Он быстро вытолкнул их за дверь и отпрыгнул в сторону, готовый защищаться. Но никто и не собирался нападать на него. Обитатели Тенг-Камппа были так заняты друг другом, что на невольных зрителей даже не обращали внимания.

— Пойдем-ка отсюда, — предложил Хокмун и первым вышел из комнаты, держа меч наготове. Кашляя и щурясь от едкого синего дыма, он огляделся. Повсюду царил хаос, на полу валялось множество трупов.

Они с трудов добрались до комнаты Женак-Тенга. Дверь оказалась заперта, и Хокмун неистово заколотил по ней рукояткой меча.

— Женак-Тенг, это Хокмун и д'Аверк! Ты здесь?

Изнутри донесся шорох, дверь приоткрылась, Женак-Тенг с расширенными от ужаса глазами втащил их внутрь и быстро запер дверь.

— Шарки, — простонал он. — Значит, поблизости рыскала еще одна стая. Я ничего не мог поделать, нападение было таким внезапным... Мы погибли!..

— Но я не видел никаких чудовищ, — возразил д'Аверк. — Люди твоего клана убивают друг друга.

— Да. Именно так шарки нас и уничтожают. Они' испускают какие-то волны, воздействующие на мозг. Эти волны сводят нас с ума, заставляют брата убивать брата, друга убивать друга... А пока мы деремся, они захватывают Кампп. Вот и сейчас они должны уже быть рядом...

— А синий дым откуда? — спросил д'Аверк.

— Нет, шарки тут ни причем. Это дымятся разбитые генераторы. Теперь у нас не будет энергии, даже если мы включим их на полную мощность...

Откуда-то сверху раздались скрежет и глухие удары, сотрясающие всю комнату.

— Шарки, — прошептал Женак-Тенг. — Их лучи вот-вот достигнут и меня... и меня...

— Почему же излучение не поразило тебя раньше? — поинтересовался Хокмун.

— Некоторые из нас могут долгое время сопротивляться ему. Вы, очевидно, вовсе не подвержены его влиянию. Другие сдаются очень быстро.

— Разве мы не можем бежать? — Хокмун оглядел комнату. — Тог шар, в котором мы прибыли сюда...

— Поздно, слишком поздно...

Д'Аверк потряс Женак-Тенга за плечо:

— Ну же, будь мужчиной, мы убежим, если поторопимся! Только ты можешь управлять шаром!

— Я умру вместе с моим родом — родом, который я сам помог уничтожить...

Перемена, происшедшая с Женак-Тенгом, была разительной. Вместо доброжелательного, уверенного в себе человека, с которым они разговаривали только вчера, перед друзьями стояло трясущееся, сломленное существо с остекленевшими глазами... Хокмун подумал, что еще немного и Женак-Тенг совсем покорится таинственной силе неведомых «шарки».

Быстро взвесив все «за» и «против», он перехватил свой меч и рукояткой ударил человека в основание черепа. Женак-Тенг потерял сознание.

— Ну, д'Аверк, — хмуро проговорил Хокмун, — отнесем его в сферу. Скорее!

Кашляя от становившегося все более густым дыма, они выскочили из комнаты. Хокмун помнил, где находился чудесный шар, и указывал дорогу.

Весь коридор сотрясся так, что в конце концов им пришлось остановиться. А потом...

— Стена! Она рушится! — заорал д'Аверк, отшатываясь. — Быстрее, Хокмун, другой дорогой!

— Мы должны попасть в сферу! — прокричал в ответ Хокмун. — Надо идти вперед!

Посыпались куски штукатурки, по стене побежали трещины и из пролома выползло серое омерзительное существо, вытягивая в их сторону щупальце с присоской, будто собираясь поцеловать их.

Хокмун вздрогнул от ужаса и нанес удар мечом. Щупальце тут же отпрянуло в явном замешательстве, но затем, словно желая им показать, что такой пустяк не изменит его намерений подружиться с людьми, вновь придвинулось.

Хокмун рубанул по щупальцу. В ответ раздались недовольное ворчание и свист. Создание, казалось, было удивлено тем, что кто-то оказывает ему сопротивление. Взвалив Женак-Тенга на плечо, Хокмун напоследок еще раз ударил по щупальцу, перепрыгнул через него и побежал по трясущемуся коридору.

— Быстрее, д'Аверк! К шару!

Д'Аверк перескочил через раненое щупальце и последовал за другом. Стена рухнула, и они увидели множество беспорядочно двигающихся рук, аморфную студенистую голову и скривившуюся в идиотской улыбке физиономию, представляющую собой пародию на человеческое лицо.

— Оно хочет, чтобы мы его приласкали! — мрачно засмеялся д'Аверк, уклоняясь от щупалец. — Хокмун, неужели ты оскорбишь его в лучших чувствах?

Хокмун возился с замком двери, ведущей в камеру со сферой. Женак-Тенг, которого он опустил на пол, застонал и приподнял голову.

Наконец Хокмун открыл дверь, вновь взвалил Женак-Тенга на плечо и быстро вошел внутрь.

Щель была достаточно широкой, чтобы они сумели попасть в кабину, но двигатели этого странного аппарата не работали. Хокмун забрался по лестнице и усадил Женак-Тенга на кресло водителя. Д'Аверк не отставал от них ни на шаг.

— Заставь эту штуку двигаться, — сказал он Женак-Тенгу, — или нас сожрут твои шарки... о, они уже здесь! — И он указал мечом на гигантскую тварь, протискивающуюся в дверь камеры.

Несколько щупалец потянулось к сфере, одно коснулось плеча Женак-Тенга; тот застонал. Хокмун выругался и отрубил извивающуюся конечность. Но теперь и другие щупальца проникли в сферу, зазмеились вокруг бронзовокожего человека. Женак-Тенг принимал прикосновения существа совершенно безучастно. Хокмун и д'Аверк, сражаясь с десятками вьющихся конечностей, кричали, чтобы он привел аппарат в движение...

Отбиваясь от «рук» шарки, Хокмун приподнял голову Женак-Тенга и заорал ему в самое ухо:

— Закрой сферу, Женак-Тенг! Закрой сферу!

Женак-Тенг непроизвольно повиновался и нажал на какую-то кнопку. Шар зажужжал, засверкал всеми цветами радуги, и половинки аппарата начали смыкаться.

Щупальца старались не дать сфере закрыться; три из них, избежав яростных ударов меча д'Аверка, присосались к телу Женак-Тенга. Бронзоволицый человек застонал и обмяк в кресле. И вновь Хокмун пустил в ход свой клинок; сфера наконец закрылась и начала подниматься.

Одно за другим щупальца исчезли, Хокмун с облегчением вздохнул и обратился к Женак-Тенгу:

— Мы свободны!

Но тот сидел неподвижно, безвольно опустив руки и устремив в пространство равнодушный взгляд.

— Все кончено... — запинаясь, прошептал он. — Шарки высосал мою жизнь...

Хокмун наклонился и, положив руку ему на грудь, попытался услышать стук сердца.

— Д'Аверк, он холодный — невероятно холодный! — Хокмун вздрогнул.

— Но он жив? — спросил француз.

Хокмун покачал головой:

— Мертв...

Сфера быстро поднималась, и Хокмун повернулся к пульту, в отчаянии пытаясь понять назначение кнопок и не решаясь дотронуться до рычагов, чтобы, не дай Бог, снова не провалиться вниз, туда, где шарки уничтожали жителей Тенг-Камппа.

Внезапно шар оказался на поверхности равнины и покатился. Хокмун сел в кресло и взялся за ручку управления, лихорадочно вспоминая, как это делал Женак-Тенг, когда они направлялись в Тенг-Кампп. Осторожно передвинув ее в одну сторону, он с удовлетворением отметил, что сфера повернула именно в этом направлении.

— Думаю, я сумею управлять этой машиной, — сказал он своему другу. — Но как ее остановить и открыть!..

— Пока мы удаляемся от чудовищ, я спокоен, — с улыбкой ответил д'Аверк. — Поворачивай на юг, Хокмун. По крайней мере, будем двигаться в нужном направлении...

Долгое время они катились по пустынной равнине, пока на горизонте не показался лес.

— Интересно, — заметил д'Аверк, когда Хокмун указал ему на деревья, — как поведет себя сфера, когда мы въедем в чащу. Наверно, этот аппарат не предназначен для леса.

Глава 3

РЕКА САЙО

Шар с грохотом врезался в дерево.

Д'Аверк и Хокмун отлетели в дальний угол кабины, наткнувшись там на неприятно холодный труп Женак-Тенга.

Их бросило вверх, потом — вбок, и, не будь стены покрыты мягким материалом, они наверняка переломали бы себе все кости.

Наконец сфера остановилась — несколько секунд ее сотрясала дрожь, — и внезапно развалилась на две половины. Хокмун и д'Аверк полетели на землю.

Д'Аверк простонал:

— Ну вот и выяснили, как поведет себя эта штуковина... Совершенно ненужный эксперимент для такого больного человека, как я.

Хокмун облегченно улыбнулся.

— Что ж, — сказал он, — мы отделались легче, чем я думал. Поднимайся, д'Аверк, надо идти дальше — на юг!

— А я считаю, что самое время немного отдохнуть, — возразил д'Аверк, растягиваясь на траве и устремив взор в сплетение ветвей.

Сквозь листву пробивался солнечный свет, окрашивая лес в изумрудный и золотой цвета. Пахло хвоей и березой, на ветке ближайшего дерева сидела белка и хитро поглядывала на людей черными бусинками глаз. Обломки сферы лежали среди выкорчеванных пеньков и поломанных сучьев. Сила удара вырвала тонкие деревца с корнем, те, что потолще — согнула до земли... Хокмун понял, что им и в самом деле здорово повезло. Реакция на все происшедшее наступила только сейчас, начался сильный озноб, и до него, наконец, дошел смысл шутки д'Аверка. Отведя взгляд от покореженной машины и трупа, оставшегося среди обломков, он сел на поросшую травой кочку.

Д'Аверк перевернулся на спину и достал из кармана своего превратившегося в лохмотья камзола туго скатанный свиток пергамента — карту, которую Женак-Тенг дал им вчера вечером.

Развернув пергамент, он углубился в его изучение. На карте достаточно подробно была изображена равнина, отмечены Камппы и предполагаемые охотничьи тропы шарки. Большинство подземных городов оказались перечеркнуты крест-накрест — это, видимо, означало, что они уничтожены.

— Здесь, — д'Аверк ткнул пальцем. — Вот лес, а к северу от него — река Сайо. Эта стрелка указывает на юг, в сторону Нарлина. Насколько я понимаю, к городу мы сможем добраться по реке.

Хокмун кивнул.

— Отдохнем и отправимся на поиски реки. Чем скорее мы попадем в Нарлин, тем лучше — там, по крайней мере, мы сможем выяснить, куда нас занесло... Плохо, что шарки напали именно сегодня, — расспроси мы Женак-Тенга подробнее, глядишь, и уже знали бы, где находимся...

Час-полтора они мирно проспали в лесу, потом встали, кое-как привели в порядок свою изорванную одежду, подтянули перевязи и отправились на север, к реке.

С каждой милей подлесок становился гуще, деревья толще, а склоны холмов круче, так что к вечеру они вконец измотались, были раздражены и едва разговаривали друг с другом.

Хокмун заглянул в кошель у себя на поясе и достал богато украшенную трутницу. Через полчаса они вышли к устью ручья, впадающего в озеро, с трех сторон окруженное высокими берегами. За озером друзья обнаружили небольшую полянку, и Хокмун решительно заявил:

— Переночуем здесь, д'Аверк. Я валяюсь с ног от усталости.

Кивнув, д'Аверк присел около озера и сделал несколько больших глотков воды.

— Похоже, тут глубоко, — сказал он, поднимаясь и вытирая губы.

Хокмун в это время разводил огонь и ничего не ответил.

Вскоре костер разгорелся на славу.

— Наверное, нам стоит немного поразмяться и найти какую-нибудь дичь, — лениво произнес д'Аверк. — Я проголодался. Хокмун, ты знаешь что-нибудь о лесных обитателях?

— Так, кое-что, — ответил Хокмун. — Но я не голоден, д'Аверк, — с этими словами он лег и уснул.

Ночь выдалась холодной, но Хокмун так устал, что даже не заметил этого. Его разбудил леденящий душу вопль друга.

Хокмун тут же вскочил, и, выхватив меч, посмотрел туда, куда указывал ему д'Аверк. Зрелище было настолько ужасным, что он вскрикнул.

Из озера поднималась кошмарная исполинская рептилия с блестящими черными глазами и черной, как смоль чешуей; вода скатывалась с ее лоснящихся боков. И только в широко разинутой пасти сверкали два ряда ослепительно белых зубов. С громким сопением тварь приближалась.

Хокмун попятился, чувствуя себя карликом рядом с этим чудовищем. Голова рептилии рванулась вниз, и огромные зубы лягнули в дюйме от его лица. От зловонного дыхания он едва не потерял сознание.

— Назад, Хокмун, беги! — закричал д'Аверк, и они припустили к деревьям.

Но тварь уже выбралась из воды, и лес огласил ужасный квакающий рев: охота началась. Взявшись за руки, чтобы не потеряться, почти вслепую продирались друзья через заросли.

Вновь раздался квакающий рык, и длинный, гибкий язык, свистнув в воздухе, как хлыст, обвился вокруг талии д'Аверка.

Француз взвизгнул и полоснул мечом по языку. Завопив, Хокмун изо всех сил дернул друга за руку, уперся ногами в землю, пытаясь вырвать его из смертельных объятий, но тщетно: язык неумолимо тащил их к разинутой пасти. Хокмун отпустил руку и, прыгнув в сторону, рубанул по языку мечом. Потом, взяв оружие двумя руками, он поднял его над головой и со всего маху вонзил в черный, влажный отросток.

Чудовище опять заквакало — так громко, что задрожала земля, его язык лопнул, хлынул поток вонючей крови. Затем раздался оглушительный рев, и тварь завертелась на месте, ломая деревья и кустарник. Хокмун рывком поставил д'Аверка на ноги и, освободив его от кровоточащего обрубка, потащил прочь от этого места.

— Благодарю... — сказал д'Аверк, часто дыша на бегу. — Хокмун, мне начинает не нравиться эта страна!.. В ней, как видно, еще больше опасностей, чем в нашей!

Пыхтя, квакая, иногда пронзительно ревя в тупой ярости, земноводная продолжала их преследовать.

— Она настигает! — закричал Хокмун. — Нам не убежать!

Они обернулись, пристально всматриваясь в темноту, и разглядели лишь два горящих глаза. Хокмун перехватил меч, чуть не потеряв равновесие.

— Остается только одно, — воскликнул он и метнул меч прямо в налитый злобой глаз.

Раздался еще один квакающий вопль, глаза исчезли, и оглушительный треск деревьев возвестил о том, что чудовище возвращается к озеру, проламываясь сквозь перелесок.

Хокмун облегченно вздохнул.

— Я не убил ее, но, несомненно, она решила, что мы не такая уж легкая добыча, как ей казалось. Идем, д'Аверк, надо скорее выйти к реке. Я не хочу оставаться в этом лесу.

— А с чего ты взял, что река безопаснее? — ухмыльнувшись, поинтересовался д'Аверк, когда они вновь двинулись на север, ориентируясь по мху на деревьях.

Двумя днями позже они поднялись на пологий холм, где лес кончился, открывая вид на долину, по которой величаво катила свои воды река — несомненно, Сайо.

Единственным оружием Хокмуна был кинжал. Д'Аверк давно выбросил превратившийся в жалкое рубище камзол...

Грязные, давно не брившиеся, в изодранной в клочья одежде, друзья помчались вниз по склону холма, перепрыгивая через корни деревьев, не обращая внимания на хлещущие по лицу ветви, думая лишь об одном — добраться до реки. И не важно, в какие земли она приведет их, главное — поскорее выбраться из леса с его кошмарными обитателями, которых они видели издали и чьи следы встречались на каждом шагу.

Они с разбега прыгнули в воду и, смеясь во весь голос, принялись смывать грязь со своих тел.

— Ах, благословенная вода! — воскликнул д'Аверк. — Ты помчишь нас к городам и селам — к цивилизации. И не важно, что даст нам цивилизация, — вряд ли там будет хуже, чем в этом ужасном дремучем лесу!..

Хокмун улыбнулся сентиментальности д'Аверка, хотя и прекрасно понимал его чувства.

— Нам повезло, что река течет на юг, — сказал он. — Остается построить плот и довериться течению — делов-то!..

— Ты, Хокмун, будешь ловить рыбу и готовить лакомые блюда... Бр-р, как мне надоели эти ягоды и коренья!

— Я и тебя, д'Аверк, рыбачить научу — пригодится, если попадешь когда-нибудь в такую заварушку! — и рассмеявшись, Хокмун похлопал друга по спине.

Глава 4

ВЭЙОН СТАРВЕЛЬСКИЙ

Четыре дня плот нес их вниз по широкой реке. Леса, растущие вдоль берегов, сменились холмами, поросшими дикой пшеницей.

Хокмун и д'Аверк питались жирной рыбой, выловленной в реке, зерном и фруктами, которые они собирали на берегу во время коротких стоянок. Друзья уже не выглядели такими измученными и отчаявшимися, в глазах погас голодный огонек. Рваная одежда и густая многодневная щетина делали их похожими на потерпевших кораблекрушение моряков.

К полудню четвертого дня они увидели корабль и, вскочив на ноги, отчаянно замахали руками, в надежде привлечь внимание его команды.

— Быть может, это судно из Нарлина! — закричал Хокмун. — И нас подбросят до города!

Деревянное судно, нечто среднее между двухмачтовой шхуной и баркасом, было выкрашено в красный цвет с золотыми, желтыми и синими полосами по бортам. Сотня разноцветных вымпелов развевалась над ним, по палубам сновали матросы в пестрых одеждах.

На судне подняли весла, и оно заскользило вперед по инерции. Над фальшбортом показалось широкое бородатое лицо.

— Кто такие?

— Путешественники из далекой страны. Вы не могли бы подбросить нас до Нарлина? Мы отработаем! — сказал д'Аверк.

Бородач рассмеялся.

— Отчего ж, это мы можем... Поднимайтесь на борт, господа!

По сброшенной веревочной лестнице Хокмун и д'Аверк поднялись на корабль.

— Это «Речной ястреб», — сказал бородач. — Слышали о таком?

— Мы чужеземцы, — повторил Хокмун.

— А, да... Ее владелец — Вэйон Старвельский, уж о нем-то вы наверняка слыхали.

— Не-а, — ответил д'Аверк. — Но мы благодарны ему за то, что ради нас он изменил курс, — он улыбнулся. — А теперь, мой друг, скажи, чем мы можем отплатить за проезд до Нарлина?

— Ну, если у вас нет денег...

— Ни гроша.

— Спросим у Вэйона, что он собирается с вами делать.

Бородач провел их на корму, где стоял худощавый человек, так глубоко погруженный в какие-то невеселые мысли, что даже не взглянул в их сторону.

— Лорд Вэйон, — позвал бородач.

— Чего тебе, Ганак?

— Те двое, которых мы взяли на борт... У них нет денег — говорят, что хотели бы отработать свое путешествие.

— Желание гостя для нас закон, Ганак, — криво усмехнулся Вэйон. — Пусть поработают.

Он так и не посмотрел на Хокмуна и д'Аверка, и его печальный взгляд по-прежнему был устремлен на реку. Взмахом руки Вэйон отпустил их.

Хокмун ощутил легкое беспокойство. Вся команда молча разглядывала их, на лицах матросов блуждали слабые улыбки.

— Что за шутки? — спросил он, хотя и видел, что ничего веселого не происходит.

— Шутки? — удивился Ганак. — Никаких шуток... Ну, господа, не соблаговолите ли сесть на весла, чтобы добраться до Нарлина?

— Если это поможет нам туда попасть... — с некоторым сомнением пробормотал д'Аверк.

— Похоже, эта работенка не из легких, — сказал Хокмун. — Но если верить карте, до Нарлина рукой подать... Где наши места, Ганак?

Ганак повел их вдоль ряда банок — к пустующим местам между гребцами. Хокмун встал, как вкопанный, пораженный тем, что гребцы были грязными и тощими — вероятно, от голода.

— Я не понимаю... — начал он.

Ганак рассмеялся:

— Ничего, скоро поймешь.

— Кто эти гребцы? — в испуге спросил д'Аверк.

— Это рабы — как теперь и вы, господа. Никто не поднимается на борт «Речного ястреба» без выгоды для команды. А поскольку денег у вас нет, а на выкуп рассчитывать не приходится, мы сделаем вас гребцами на этом судне. Садитесь здесь!

Д'Аверк выхватил меч, Хокмун достал свой кинжал, и Ганак отскочил назад, призывно махая своей команде:

— Эй, ребята, проучите-ка их хорошенько — как видно, они не понимают, что должны делать рабы!

Сзади них, вдоль борта, приближалась толпа матросов с блестящими ножами в руках: другой отряд наступал спереди.

Д'Аверк и Хокмун приготовились умереть, убив как можно больше врагов, но. тут на салинге показался какой-то человек, опустил вниз деревянный брус на веревке и — раз, а потом другой — ударил по их головам этой импровизированной дубинкой. Оглушенные друзья свалились вниз — туда, где находились гребцы.

Человек ухмыльнулся и соскочил на палубу, убирая свою дубинку. Ганак рассмеялся и похлопал его по плечу:

— Хорошая работа, Ориндо. Этот фокус всегда срабатывает, а главное — без лишней крови.

Матросы прыгнули вниз, обезоружили оглушенных пленников и привязали их к веслам.

Очнувшись, Хокмун обнаружил, что сидит бок о бок с д'Аверком на деревянной скамье, а Ориндо, парнишка лет шестнадцати, устроившись на верхней палубе, болтает ногами в воздухе и нахально улыбается.

— Очнулись, — сообщил он кому-то позади себя. — Можем идти к Нарлину, — и он подмигнул Хокмуну и д'Аверку. — Приступайте, господа. Будьте настолько любезны, начинайте грести. — Казалось, Ориндо передразнивает чей-то голос. — Вам повезло, — добавил он. — Мы поворачиваем вниз по течению. Ваша первая работа будет легкой.

Хокмун отвесил шутовской поклон.

— Спасибо, юноша, мы ценим твою заботу.

— По доброте душевной я буду время от времени давать вам советы.

Ориндо встал, надел красно-голубую курточку и исчез из поля зрения.

Следующим показался Ганак. Он ткнул Хокмуна в плечо острым багром.

— Гребите хорошо, друзья мои, или я посчитаю ваши ребра этой штучкой.

И Ганак тоже исчез. Остальные гребцы взялись за весла. Хокмуну и д'Аверку волей-неволей пришлось присоединиться к ним.

Они гребли весь день, и их пот смешивался с потом других рабов. В полдень им дали миску отрубей. От тяжелой работы невыносимо болела спина, и они с ужасом думали, каково же это — грести против течения, поскольку остальные рабы с благодарностью бормотали о том, как им легко.

Ночью они бросили весла и легли здесь же, на скамье, даже не притронувшись ко второй миске тошнотворного месива, которое было еще хуже первого.

Хокмун и д'Аверк слишком устали, чтобы разговаривать, но попытались избавиться от пут. Бесплезно — веревки были крепкими, узлы — надежными, а у них почти не осталось сил.

На следующее утро их разбудил голос Ганака:

— Всем начать грести! Пошевеливайтесь, вы, подонки! — Я к вам обращаюсь, господа! Гребите, гребите. Добыча на горизонте, если мы ее упустим, вы узнаете на себе ярость Вэйона!

Рабы из последних сил налегли на весла, и Хокмуну с д'Аверком пришлось поднажать, чтобы грести в общем ритме, разворачивая неповоротливую шхуну против течения.

Сверху донеслись звуки какой-то возни — матросы поспешно готовили корабль к сражению. Голос Ганака ревел с кормы, направо и налево раздавая команды от имени своего хозяина, лорда Вэйона.

Хокмун думал, что умрет от напряжения. Его сердце разрывалось, а мускулы были готовы вот-вот лопнуть. Он мог справиться с тяжелой работой, но здесь основная нагрузка приходилась на те мышцы, которые раньше никогда не подвергались такому напряжению. Пот градом катил с него, волосы прилипали к лицу, он жадно ловил воздух широко открытым ртом.

— Ох, Хокмун... — простонал д'Аверк, едва дыша, — похоже... в этой жизни... мне была уготована... другая роль...

Из-за боли в груди и руках Хокмун ничего не ответил.

Раздался короткий треск, когда их судно врезалось в другое, и Ганак закричал:

— Суши весла!

Все гребцы беспрекословно повиновались и распростерлись без сил на скамьях. Сверху донеслись звуки битвы: звон мечей, хриплые вопли людей — убивающих и убиваемых, но для Хокмуна все это было далеким сном. Он чувствовал, что умрет, если будет и дальше «работать» на галере Вэйона.

Внезапно над его головой раздался пронзительный крик и на него рухнуло чье-то грузное тело. Человек барахтался, пытался встать, но потом затих и свалился рядом с Хокмуном. Это был матрос со свирепым лицом, все его тело поросло густыми рыжими волосами. Из живота торчал большой абордажный крюк. Матрос судорожно вздохнул, задрожал и, выронив нож, умер.

Некоторое время Хокмун тупо смотрел на оружие, затем мысли его прояснились. Он вытянул ногу и увидел, что может его коснуться. Очень осторожно, то и дело останавливаясь, Хокмун подтягивал к себе нож, пока тот не оказался под скамьей. И с бешено колотящимся сердцем он вновь облокотился на свое весло.

Тем временем битва смолкала и к действительности Хокмуна вернул запах гари. Он в панике огляделся и наконец сообразил, в чем дело.

— Это другое судно горит, — сказал д'Аверк. — Мы на борту пиратской шхуны, Хокмун, пиратской шхуны... — Он вдруг невесело ухмыльнулся. — Что за вредная работа — а у меня такое слабое здоровье...

Хокмун ощутил укол задетого самолюбия: д'Аверк, похоже, лучше приспособился к ситуации, в которой они оказались.

Он глубоко вздохнул и, насколько смог, расправил плечи.

— У меня есть нож... — начал он шепотом. Д'Аверк быстро кивнул:

— Знаю. Видел. Ты неплохо соображаешь, Хокмун. И вообще не так уж плох, как мне показалось!

Хокмун сказал:

— Ночь переждем. На рассвете — бежим.

— Договорились, — ответил д'Аверк. — Надо поберечь силы... Мужайся, Хокмун, скоро мы снова станем свободными людьми!

Весь день они гребли вниз по реке, сделав перерыв в полдень, чтобы съесть очередную порцию помоев. Один раз Ганак присел на корточки на верхней палубе и ткнул Хокмуна в плечо багром:

— Неплохо, друзья, еще день пути — и ваше желание сбудется. Утром мы пришвартуемся в Старвеле.

— Старвель — это город? — прохрипел Хокмун.

Ганак удивленно воззрился на него.

— Из каких же краев вы прибыли, раз ничего не знаете о Старвеле? Это — район Нарлина, самый богатый из районов этого города. Окруженные стеной дворцы, где проживают великие принцы реки. А величайшим из них является лорд Вэйон.

— И они все — пираты? — спросил д'Аверк.

— Поосторожнее, чужестранец, — нахмурился Ганак. — У нас есть право собственности на все, что плавает по реке. Река принадлежит лорду Вэйону и его пэрам.

Он выпрямился и ушел. Они же продолжали грести, пока не опустилась ночь, и только тогда Ганак позволил гребцам отдохнуть. В этот день работа пошла у Хокмуна легче — тело и мускулы начали привыкать к ней, но все равно он вымотался до предела.

— Будем спать по очереди, — шепнул он д'Аверку, когда настало время вечерней похлебки. — Сначала ты, потом я.

д'Аверк кивнул и тут же уснул, уронив голову на весло.

Становилось все холоднее, и Хокмун неоднократно ловил себя на том, что начинает клевать носом. Один раз пробили склянки, потом второй... Когда настало время, он с облегчением растолкал своего друга.

д'Аверк недовольно заворчал, но Хокмун уже погружался в сон, вспоминая слова француза. К рассвету, если повезет, они будут свободны. Самое трудное — незамеченными покинуть корабль...

Он проснулся, чувствуя странную легкость во всем теле, и с радостью увидел, что веревка, связывающая его руки, перерезана. Должно быть, д'Аверк поработал ночью. Небо на востоке посерело.

Хокмун повернулся к своему товарищу по несчастью, и они улыбнулись друг другу.

— Готов? — прошептал д'Аверк.

— Готов, — кивнул Хокмун, с завистью посмотрев на длинный нож в руке д'Аверка. — Будь нож у меня, — сказал он, — я отплатил бы Ганаку за оскорбления...

— Не время, — возразил д'Аверк. — Мы должны двигаться как можно тише.

Они осторожно встали с банки и заглянули на верхнюю палубу. В дальнем ее конце нес вахту матрос, а на юте, в той же скужающей и отрешенной позе стоял лорд Вэйон, обратив свое бледное лицо к укутанной темнотою реке.

И матрос, и Вэйон стояли к ним спиной и, похоже, оборачиваться не собирались. Беглецы осторожно взобрались на верхнюю палубу.

В этот миг Вэйон обернулся и над судном раздался его замогильный голос:

— Вот как? Двое рабов пытаются бежать?

Хокмун вздрогнул. У этого человека просто дьявольский инстинкт! Он же не видел их, разве что мог уловить еле слышный шорох! Голос Вэйона, глубокий и спокойный, разнесся по всему кораблю. Вахтенный матрос повернулся и закричал. Лорд Вэйон холодно смотрел на них; в предрассветных сумерках его лицо казалось мертвенно-бледным.

С нижних палуб появилось несколько матросов, отрезая беглецам путь к борту. Пираты окружали их, и Хокмун побежал на корму — к Вэйону. Один из матросов выхватил саблю и кинулся на него, но Хокмун был настороже. Он нырнул под руку нападающего, схватил его за талию и повалил. Сабля тут же перешла к

Хокмуну, и он, уставший от длительного бездействия, одним махом отрубил голову матросу. Затем выпрямился и посмотрел прямо в глаза Вэйону.

Предводитель пиратов, казалось, был ничуть не обеспокоен тем, что опасность так близко, и продолжал бесстрастно разглядывать Хокмуна.

— Глупец, — медленно проговорил он. — Ведь я — лорд Вэйон.

— А я — Дориан Хокмун, герцог фон Кельн! Я сражался и победил властелинов Темной Империи Гранбритании, устоял против самого сильного их волшебства, о чем говорит этот камень у меня во лбу. Я не боюсь тебя, лорд пиратов!

— Тогда бойся вон тех, — прошептал Вэйон, костлявым пальцем указывая за спину Хокмуна.

Хокмун тут же обернулся и увидел надвигающуюся на него и на д'Аверк толпу матросов. А д'Аверк был вооружен только длинным ножом...

Хокмун отдал другу саблю.

— Задержи их, д'Аверк, а я разберусь с вожаком!

Перевалившись через леера, он оказался на мостике.

Вэйон испуганно отступил шага на два.

Хокмун бросился к нему, вытянув руки. Из складок своей свободной одежды Вэйон извлек тонкий меч, но не делал никаких попыток атаковать.

— Раб... — пробормотал лорд Вэйон, и его лицо исказилось. — Раб!

— Я не раб, и ты уже знаешь это, — Хокмун нырнул под вытянутый меч и попытался схватить странного капитана пиратской шхуны. Вэйон медленно отступал, по-прежнему держа меч перед собой.

По-видимому, еще никогда он не попадал в такое положение, и теперь не знал, что делать. Хокмун казался ему лишь дурным сном.

Вновь Хокмун нырнул под длинный меч, и вновь Вэйон отступил.

Д'Аверк, повернувшись спиной к корме и едва сдерживая своей саблей натиск матросов, запрудивших узкую верхнюю палубу, крикнул:

— Поспеши, дружище Хокмун, иначе у меня будет целая дюжина сабель!

Хокмун ударил Вэйона кулаком в лицо и почувствовал, какая у того сухая, холодная кожа. Кожа мумии. Голова предводителя пиратов дернулась, меч выпал из его рук, и Вэйон без чувств рухнул на палубу. Хокмун подобрал оружие, с удовлетворением отметив прекрасную балансировку, поставил Вэйона на ноги и коснулся острием меча его солнечного сплетения.

— Назад, негодяи, или ваш хозяин умрет! — прокричал он. — Назад!

Матросы в смятении отступили, оставив три трупа у ног д'Аверка. Невесть откуда взявшийся Ганак, увидев Хокмуна, замер на месте и разинул рот. На нем была надета только юбка; в руке он держал саблю.

— Ну, д'Аверк, пожалуй, теперь ты можешь присоединиться ко мне! — весело крикнул Хокмун.

Д'Аверк взобрался на мостик и усмехнулся:

— Неплохо, мой друг!

— Мы будем ждать до восхода солнца! — холодно сказал Хокмун Ганаку. — Затем ваши матросы направят корабль к берегу. Когда это будет исполнено и мы окажемся на свободе, я отпущу вашего хозяина.

Ганак бросил на них свирепый взгляд:

— Дурак, как смеешь ты так обращаться с Повелителем Вэйоном?! Разве тебе не известно, что это самый могущественный речной принц в Старвеле?

— Я ничего не знаю про ваш Старвель, дружище, но я смотрел в лицо опасностям Гранбритании; я

проник в самое сердце Темной Империи и сомневаюсь, что ты сможешь запугать меня. Страх — это чувство, которое я испытываю крайне редко, Ганак... Но заруби себе на носу: дни твои сочтены. Я отомщу.

Ганак рассмеялся:

— Раб, хмель первой победы ударил тебе в голову. Мстить будет лорд Вэйон!

Хокмун пропустил насмешку мимо ушей. Рассвет уже позолотил горизонт.

Но, казалось, прошло столетие, прежде чем взошло солнце и окрасило розовым верхушки деревьев вдоль реки. Они находились у левого берега, в полумиле от небольшой заводи.

— Приказывай грести, Ганак! — крикнул Хокмун. — Правь к левому берегу!

Ганак бросил на него свирепый взгляд, но даже не пошевелился.

Хокмун схватил Вэйона за горло (тот закатил глаза) и провел мечом по его животу.

— Ганак! Я ведь не сразу убью Вэйона! Он будет умирать медленно!

Тут из горла предводителя пиратов вырвался смешок.

— Умирать медленно... — пробормотал Вэйон. — Умирать медленно...

Хокмун недоуменно воззрился на него.

— Да, я знаю, куда надо ударить, чтобы ты умирал как можно дольше и мучительнее.

Больше Вэйон не издал ни звука и стоял совершенно спокойно, хотя рука Хокмуна по-прежнему сжимала его горло.

— Ну, Ганак! Приказывай! — прокричал д'Аверк.

Ганак глубоко вздохнул.

— Гребцы!.. — заорал он и начал отдавать распоряжения.

Заскрипели весла, спины напряглись, и судно медленно направилось к левому берегу широкой реки Сайо.

Хокмун пристально следил за Ганаксом, опасаясь, что тот попытается что-нибудь предпринять, но Ганак не двигался, изредка бросая на них испепеляющие взоры.

Берег становился все ближе и ближе, и Хокмун позволил себе расслабиться. Они почти были на свободе. На суше они отразят любую атаку пиратов, но вряд ли матросы осмелятся покинуть судно.

Тут он услышал вопль д'Аверка и быстро поднял голову. Какой-то человек спускался вниз по веревке.

Это был мальчик Ориндо с неизменной дубинкой.

Хокмун отпустил Вэйона и, защищаясь, поднял руку, начисто забыв о том, что у него есть меч. Дубинка так двинула его в плечо, что Хокмун попятился. Д'Аверк рванулся вперед и схватил Ориндо за талию, прижав его руки к бокам.

Внезапно Вэйон, о котором все забыли, вырвался и стремглав кинулся к трапу, оглашая воздух нечеловеческим криком.

Д'Аверк с проклятиями толкнул Ориндо вслед.

— Дважды попасться на эту удочку, Хокмун! Убить нас мало!

Рычащие матросы во главе с Ганаксом уже взбирались по трапу. Хокмун бросился на бородача, но тот парировал удар и, взмахнув саблей, едва не подрубил герцогу ноги. Хокмун вынужден был отскочить; тогда Ганак залез на мостик и, глумливо усмехаясь, встал перед ним.

— Ну, раб, посмотрим, чего ты стоишь по сравнению с настоящим мужчиной!

— Я не вижу здесь мужчины, — ответил Хокмун. — Одно зверье...

И он засмеялся, легко парируя выпады пирата великолепно сбалансированным мечом Вэйона.

Они кружили по мостику, в то время как д'Аверк умудрялся сдерживать натиск остальных

разбойников. Ганак фехтовал мастерски, но его сабля не шла ни в какое сравнение с сияющим мечом вожака пиратов.

Быстрым выпадом Хокмун насквозь проткнул плечо бородача, тут же отступил, поднял меч, отбивая удар сабли... Оружие чуть не вылетело из его рук, но он собрался с силами и ранил Ганака в левую руку.

Взвыв, бородач с яростью возобновил атаку.

Хокмун нанес еще один удар, на этот раз поразив Ганака в правое предплечье. Теперь кровь стекала по обеим рукам пирата, его противник же был без царапины. В панике Ганак вновь бросился на Хокмуна.

Но Хокмун избежал Ганака от страданий, следующим ударом пронзив его сердце. Лезвие меча вошло в плоть, царапнуло по ребрам, и жизнь покинула пирата.

Д'Аверку приходилось туго — матросы теснили его, заходя с тыла... Француз яростно размахивал саблей. Хокмун переступил через труп Ганака и поспешил на помощь, одному пирату вонзив меч в горло, другому — под ребра, и разбойники только теперь заметили, что д'Аверку пришло подкрепление.

Спиной к спине Хокмун и д'Аверк отражали удары нападающих матросов, но тех становилось все больше, и было ясно, что долго друзьям не продержаться.

Вскоре палуба оказалась завалена трупами, однако Хокмун с д'Аверком, истекая кровью, сочащейся из дюжины неглубоких ран, продолжали сражаться. Хокмун поймал взгляд лорда Вэйона, стоящего около фок-мачты. Капитан не спускал с него своих глубоко посаженных глаз, словно желая запомнить его лицо на всю жизнь...

Хокмун содрогнулся всем телом, но все же нашел в себе силы, чтобы вернуться к схватке. Внезапно сабля плашмя ударила его по голове. Он тяжело навалился на д'Аверка, и вместе они повалились на палубу, все еще отбивая выпады и пытаясь встать. Одному из нападавших Хокмун вспорол живот, другого ударил кулаком, разбив ему в кровь лицо, и поднялся на колени.

Внезапно матросы отступили, как один устремив взоры на реку. Хокмун вскочил, д'Аверк вслед за ним.

Из заводи вышло другое судно и направилось прямо к пиратской шхуне. Свежий южный ветер надувал белые паруса, черные с темно-синим бока блестели в лучах утреннего солнца. По обеим бортам судна выстроились вооруженные люди.

— Еще одна банда речных пиратов, — проворчал д'Аверк и заколол ближайшего матроса, воспользовавшись тем, что все внимание команды было приковано к приближающемуся судну, и бросился к грот-мачте. Хокмун не отставал от него ни на шаг. Прижавшись спинами к мачте, они продолжали сражаться, хотя половина матросов поспешила к Вэйону за новыми распоряжениями.

С другого корабля что-то прокричали, но было еще слишком далеко, чтобы расслышать, что именно.

Вэйон произнес только одно слово, и в его голосе, обычно таком холодном, словно не от мира сего, проскользнула нотка отвращения.

— Бьючард, — сказал Вэйон.

Матросы вновь кинулись на них, сабля одного из них кольнула Хокмуна прямо в лицо; он повернулся, вонзил острие меча в рот наглецу и нажал. Лезвие проткнуло небо и вонзилось в мозг нападавшего. Матрос издал протяжный предсмертный вопль.

Не чувствуя жалости, Хокмун выдернул меч и поразил другого врага в сердце.

Они сражались, а шхуна цвета ночи подходила все ближе и ближе.

Хокмун на секунду отвлекся, подумав — друг это или враг? Но времени на раздумья не было, поскольку горящие жаждой мести матросы напирали, размахивая тяжелыми саблями.

Глава 5

ПАЛ БЬЮЧАРД

Когда черное с синим судно с треском ударилось о борт пиратской шхуны, Хокмун услышал голос Вэйона:

— Забудьте про рабов... Бросьте их! Готовьтесь к схватке с псами Бьючарда!

Матросы попятились от тяжело дышащих Хокмуна и д'Аверка. Хокмун сделал выпад, что заставило их отступить быстрее, но для контратаки у него уже не было сил.

Лезущие на борт «Речного ястреба» люди были одеты в одинаковые камзолы такого же цвета, как и их судно, и вооружены тяжелыми боевыми топорами и саблями. Они сражались согласованно и четко, чего нельзя сказать о пиратах, хотя те из кожи вон лезли, чтобы, навалившись всем вместе, отразить атаку.

Хокмун поискал глазами капитана, но Вэйон исчез — наверное, спрятался в трюме.

Он обернулся к д'Аверку.

— Ну что ж, мой друг, мы внесли свой вклад в кровавую летопись этого дня. Как ты посмотришь на то, чтобы освободить этих бедолаг на веслах? По крайней мере, не надо пускать кому бы то ни было кровь!

Он перелез через леера, прыгнул с верхней палубы и оказался среди гребцов.

Рабы с изумлением взирали на то, как Хокмун и д'Аверк освобождают их от оков, словно не понимая, что те делают.

— Вы свободны, — сказал Хокмун.

— Свободны, — повторил д'Аверк. — Послушайте нашего совета и бегите с корабля, пока не поздно. Никто не знает, чем кончится эта битва.

Рабы стояли, растирая затекшие члены, а затем один за другим попрыгали за борт.

Д'Аверк с усмешкой следил за ними.

— Как жаль, что мы не можем помочь гребцам на другой стороне судна.

— Отчего же, — Хокмун указал на люк в палубе. — Если не ошибаюсь, он ведет в трюм, и с другого борта должен быть выход.

Привалившись спиной к фальшборту, он дернул за крышку. Раз, другой — люк открылся. Они спустились и в кромешной темноте двинулись вдоль борта. Звуки битвы раздавались над ними.

Неожиданно д'Аверк остановился и, влекомый любопытством, поддел крышку сундука своей затупившейся, с множеством зазубрин саблей. Сундук оказался битком набит драгоценностями.

— Их добыча! — сказал д'Аверк.

— У нас нет на это времени, — предупредил Хокмун.

— Я и не собирался тащить это с собой, — усмехнулся д'Аверк. — Но меня аж зло берет, как подумаю о том, что все это так и будет принадлежать Вэйону, если он выиграет сражение. Смотри сюда... — Он указал на большой круглый люк кингстона. — Если я не ошибаюсь, мой друг, при помощи этой штуковины можно впустить внутрь реку!

Хокмун кивнул:

— Давай. А я пока освобожу рабов.

Оставив д'Аверка заниматься своими делами, он пошел в дальний конец трюма — к люку — и выдернул крепезные клинья.

С треском люк распахнулся, и появились двое сражающихся друг с другом мужчин. Один из них был пиратом, другой носил форму атаковавшего «Речного ястреба» судна. Пирата Хокмун убил стремительным

выпадом. Незнакомец с удивлением воззрился на неожиданного союзника.

— Вы один из тех, что дрался на мостике!

Хокмун кивнул:

— Что это за корабль?

— Судно принадлежит Бьючарду, — ответил человек, вытирая пот со лба. Он произнес это с таким видом, как будто одно имя все объясняло.

— А кто такой Бьючард?

Человек в форме рассмеялся.

— Заклятый враг Вэйона, если вы это хотите знать. Он видел, как вы сражались, и был поражен вашим искусством.

— Ничего удивительного, — усмехнулся Хокмун, — сегодня я дрался, как никогда в жизни... Еще бы, ведь я дрался за свою жизнь!

— Да, в таких случаях все мы становимся превосходными бойцами, — согласился человек. — Я — Кулард и твой друг, если ты — враг Вэйона.

— Тогда предупреди своих товарищей, — сказал Хокмун. — Мы топим судно... Взгляни-ка! — он указал в трюм, где д'Аверк открывал кингстон.

Кулард кивнул и пошел к нижней палубе.

— Увидимся, когда все будет сделано, дружище, — сказал он напоследок. — Если останемся в живых!

Хокмун последовал за ним, чтобы перерезать пути рабов.

Люди Бьючарда, очевидно, теснили пиратов Вэйона. Хокмун почувствовал, как палуба внезапно качнулась под его ногами, увидел д'Аверка, поспешно вылезавшего из люка.

— Думаю, нам лучше править к берегу, — сказал француз и с улыбкой ткнул большим пальцем в сторону рабов, прыгающих за борт. — Последуем примеру наших друзей.

Хокмун кивнул.

— Я предупредил человека Бьючарда о том, что происходит. Полагаю, Вэйон получил сполна. — Он коснулся меча вожака пиратов. — Постараюсь не потерять этот клинок — лучшего оружия мне еще не приходилось держать в руках. Такой меч кого хочешь сделает непобедимым бойцом!

Он поднялся на верхнюю палубу и убедился, что люди Бьючарда в самом деле побеждают. Они согнали пиратов к борту, однако теперь быстро покидали судно.

Кулард, как видно, уже сообщил им новости.

Вода подступала к самому люку — кораблю недолго осталось быть на плаву. Если они спрыгнут с этого борта, то им грозит опасность быть раздавленными между двух судов. Поэтому лучше было бы перейти на корабль Бьючарда.

Хокмун предложил это д'Аверку, тот кивнул. Друзья перепрыгнули через фальшборт и оказались на палубе другого корабля.

Банки у весел пустовали. Хокмун решил, что гребцы Бьючарда — свободные люди, члены команды. Это, без сомнения, было менее убыточно, нежели содержание рабов. Подумав так, он на секунду остановился и услышал голос с борта «Речного ястреба»:

— Эй, приятель! Да, вы, с черным камнем во лбу! Уж не собираетесь ли вы потопить и мой корабль?

Хокмун обернулся и увидел молодого человека приятной внешности, одетого в черный кожаный костюм со стоячим воротничком и синий запятнанный кровью плащ, ниспадающий до пят. В одной руке человек сжимал меч, в другой — боевой топор. Мечом он указывал с борта обреченной шхуны на Хокмуна.

— Мы идем своей дорогой, — ответил Хокмун. — И вреда вашему судну не причиним...

— Погодите минутку! — человек в черном вспрыгнул на фальшборт «Речного ястреба» и покачнулся, удерживая равновесие. — Я хочу отблагодарить вас за то, что вы сделали добрую половину нашей работы.

Нехотя Хокмун дождался, пока человек вернется на свой корабль.

— Я — Пал Бьючард, владелец этого судна, — сказал он, подходя к ним. — Много недель мы поджидали удобного момента, чтобы напасть на «Речной ястреб», и, возможно, так никогда и не дождались бы, не отвлеки вы на себя внимание большей части команды и не дай нам время выйти из заводи...

— Ладно, — ответил Хокмун. — Хорошо. Но больше я не желаю участвовать в распрях между пиратами...

— Сэр, вы оскорбляете меня, — спокойно возразил Бьючард. — Между прочим, я поклялся очистить реку от лордов-пиратов Старвеля. Я — их заклятый враг.

Люди Бьючарда вновь собрались на своем корабле и перерубили абордажные канаты. Потерявший управление «Речной ястреб» закрутился на стремнине; его корма скрылась под водой. Некоторые пираты кинулись в воду, но Вэйона среди них не было.

— Куда же делся атаман? — спросил д'Аверк, внимательно изучая тонущее судно.

— Вэйон, как крыса, — ответил Бьючард. — Он, несомненно, ускользнул, как только понял, что сегодняшний день закончится для него поражением. Вы оказали мне неоценимую помощь, господа, ибо Вэйон — самый опасный из пиратов. Я вам очень признателен.

Д'Аверк, всегда старавшийся любезно прийти на помощь тому, чье самолюбие, по его мнению, было задето, ответил:

— А мы, в свою очередь, признательны вам, капитан Бьючард, за то, что вы прибыли в самое время — как раз тогда, когда нам стало казаться, что дело табак. — Он благодарно улыбнулся.

Бьючард поклонился.

— Спасибо. Однако позвольте заметить, что вам необходима помощь. Вы оба изранены, ваша одежда... э-э... несколько не в том состоянии, в каком полагается быть платью таких достойных джентльменов... Короче, я сочту за честь, если вы любезно согласитесь погостить на моем корабле, пока мы идем в город, и погостить в моем доме, когда мы пристанем к берегу.

Хокмун в нерешительности нахмурился. Молодой капитан ему положительно нравился.

— Сэр, а где вы намерены пристать к берегу?

— В Нарлине, — ответил Бьючард. — В моем родном городе.

— Мы туда и направлялись, пока не повстречали Вэйона, — заметил Хокмун.

— Тогда тем более вы должны отправиться с нами! И если я могу быть чем-нибудь полезен...

— Благодарю, капитан Бьючард, — сказал Хокмун. — Пожалуй, мы воспользуемся вашим предложением. И, может быть, по пути вы дадите нам кое-какие интересующие нас сведения.

— С удовольствием. — Бьючард махнул рукой в сторону юта. — Прошу вас в мою каюту, господа.

Глава 6

НАРЛИН

В иллюминаторах каюты капитана Бьючарда был виден пенный след в кильватере идущего на всех парусах корабля.

— Если встретятся пираты, — сказал Бьючард, — то у нас почти не будет шансов одолеть их. Вот почему мы идем с такой скоростью.

Кок уставил стол изысканными яствами — несколько мясных блюд, рыба с овощами, фрукты и вино. Хокмун старался не налегать на еду, но был не в силах отказаться от того, чтобы все-таки не попробовать хотя бы по кусочку от каждого блюда, он хорошо знал, тем не менее, что теперь его желудок может не осилить такой роскошный обед.

— Это праздничная трапеза, — весело сообщил Бьючард. — Ибо долгие месяцы я охотился за Вэйоном.

— Очень странный человек этот Вэйон, — заметил Хокмун, отправляя в рот очередной кусок. — Кто он?

— Пиратов я себе представлял совсем иначе, — вставил д'Аверк.

— Он пират в силу традиций, — сказал Бьючард. — Все его предки были пиратами — веками грабили речные суда. Долгое время купцы платили огромную дань лордам Старвеля, а несколько лет тому назад начали роптать и сопротивляться. Вэйон стал мстить им за это. В ответ несколько единомышленников — и я в том числе — решили построить военные корабли, чтобы противостоять пиратским набегам. Я командую одним из этих кораблей... Я — мирный купец, но не оставлю оружия до тех пор, пока Вэйон и его сподвижники не оставят Нарлин в покое.

— Ну и как ваши дела? — спросил Хокмун.

— Трудно сказать. Вэйон и его пэры по-прежнему неуязвимы за высокими стенами. Старвель — город в городе, город в Нарлине, и до сего времени мы могли лишь противостоять их пиратским вылазкам. А помериться силами в настоящем бою пока не удавалось.

— Так вы говорили, что Вэйон — пират по происхождению, — напомнил д'Аверк.

— Да. Его предки пришли в Нарлин много веков назад. Они были сильными, опытными воинами, мы же до той поры ни с кем не сражались. Легенда рассказывает, что предок Вэйона, Батах Герандиун, знал волшебство, и это еще более укрепило могущество пиратов. Они захватили один из районов города, Старвель, возвели вокруг него стены и с тех пор обитают там.

— А как Вэйон смотрит на то, что вы нападаете на его суда? — Хокмун сделал большой глоток вина.

— Он мстит нам, как только возможно, но мы заставили пиратов бояться нас — они уже с опаской выходят на разбой... Впрочем, еще многое предстоит сделать. Я обязательно убью Вэйона, как только представится случай, — это наверняка внесет разлад в их шайку... но пока ему всегда удавалось ускользнуть. У этого типа какой-то нюх на опасность — он исчезает сразу, как только почувствует, что дело плохо.

— Желаю вам удачи... — ответил Хокмун. — А теперь скажите, капитан Бьючард, известно ли вам что-нибудь о клинке, который называют Меч Зари? Нам говорили, что мы найдем его в Нарлине.

— Да, я слышал о нем, — удивленно произнес Бьючард. — Это связано с легендой, которую я начал рассказывать, — о предке Вэйона, Батахе Герандиуне. Ходят слухи, что вся колдовская сила Батаха заключена в этом клинке. Батах якобы стал богом — по крайней мере, пираты обожествили его и теперь поклоняются ему в своем храме, который так и называется: Храм Батаха Герандиуна... Суеверные люди эти пираты. Мне, простому торгашу, зачастую не понятны их дела и помыслы.

— А где сейчас этот клинок? — спросил д'Аверк.

— Ну, я слышал, что именно ему и поклоняются разбойники в Храме, — для них меч олицетворяет силу и могущество Батаха. Вы хотите выкрасть этот клинок, господа?

— Я не... — начал Хокмун, но д'Аверк мягко перебил его:

— Да, капитан. У нас на севере есть родственник — очень мудрый человек, который слышал о клинке и хотел бы исследовать его. Он и послал нас сюда, чтобы мы попытались раздобыть этот меч...

Бьючард рассмеялся.

— О, вы можете раздобыть его, друзья, — ценой крови полумиллиона фанатиков. Пираты будут защищать Меч Зари до последнего вздоха — для них во всем мире нет ничего превыше этой святыни.

Хокмун опечалился. Неужели Майган послал их на невыполнимое дело?..

— Что ж, ладно, — д'Аверк меланхолично пожал плечами. — Тогда будем надеяться, что вы все-таки одолеете Вэйона и его сторонников, а их имущество пустите с молотка.

Бьючард улыбнулся:

— Много лет пройдет, прежде чем Вэйон будет окончательно разбит. Не думаю, что увижу это собственными глазами. — Он встал из-за стола. — Прошу извинить, меня ждут дела, я вернусь через несколько минут.

И он вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Хокмун нахмурился.

— Ну, д'Аверк, что будем делать? Мы недалеко от места назначения, но без гроша в кармане и не имея возможности взять то, что нам нужно. — Он вынул из кошель кольца Майгана и подбросил их на ладони. Теперь их было одиннадцать, поскольку он и д'Аверк сняли свои. — Хоть кольца у нас... Может, стоит переместиться в другое измерение и искать дорогу в Камарг?

д'Аверк фыркнул.

— Мы запросто можем оказаться при дворе Короля Хаона. Или, чего доброго, в лапах какого-нибудь омерзительного чудовища... Нет, я думаю, надо добраться до Нарлина и покрутиться там несколько дней. Прощупаем почву, так ли трудно раздобыть пиратский меч. — Он извлек что-то из своего кошель. — Я и забыл совсем, что у меня есть эта милая вещица.

Это был запал для ружей, которыми в незапамятные времена пользовались в городе Халапандуре.

— Какой от него толк, д'Аверк? — спросил Хокмун.

— Я ведь говорил, что он может нам пригодиться.

— Без ружья?

— Без ружья, — кивнул д'Аверк.

Пока он засовывал его обратно в кошель, вернулся Бьючард. Капитан улыбался.

— Меньше чем через час, друзья мои, мы бросим якорь в Нарлине, — сказал он. — Надеюсь, город вам понравится...

По крайней мере, те районы, где нет лордов-пиратов, — добавил он с усмешкой.

Стоя на палубе, Хокмун и д'Аверк наблюдали за медленно приближающейся гаванью. В чистом небе жарко пылало солнце, и весь город сверкал в его лучах. Здания были невысокими — почти все не больше четырех этажей, но богато украшенные лепкой в стиле рококо, выглядевшей очень старой. Краски казались приглушенными, выцветшими, но по-прежнему яркими и чистыми. Для построек в основном использовалась древесина — колонны, резные балконы и фасады были сделаны из дерева, — но в некоторых сооружениях встречались покрашенные металлические опоры и даже металлические двери.

Десятки торговых судов — либо отправляющихся в плавание, либо только что доставивших в Нарлин товары — загрохотали гавань. Грузчики, раздетые до пояса и мокрые от пота, при помощи лебедок

переносили тюки к докам и причалам, стаскивали их по сходням. Повсюду царили шум и суета, и Бьючард, похоже, был рад вернуться наконец домой.

На причале собралась толпа встречающих; капитан в сопровождении Хокмуна и д'Аверка спустился по трапу.

Его приветствовали со всех сторон.

— Как дела, капитан?

— Нашли Вэйона?

— Много потеряли людей?

Бьючард остановился и добродушно рассмеялся.

— Ладно, жители Нарлина! — прокричал он. — Вижу, что я должен все вам рассказать, иначе вы не дадите нам пройти. Да, мы потопили судно Вэйона...

Над толпой пронесся вздох и воцарилось молчание. Бьючард влез на стоящий рядом ящик и поднял руки.

— Мы потопили «Речной ястреб»... Но вряд ли нам удалось бы это сделать, не будь рядом двух моих друзей.

Д'Аверк с наигранным смущением поглядел на Хокмуна. Удивленные горожане уставились на них, словно не веря, что капитан говорит об этих оборванцах, более похожих на беглых рабов.

— Вот ваши герои, а не я, — продолжал Бьючард. — Вдвоем они сражались против всей команды пиратов, убили Ганака — старшего помощника Вэйона — и дали нам возможность захватить судно. Они же потопили «Речной ястреб».

Теперь по толпе пронеслась волна ликования.

— Знайте их имена, жители Нарлина! Помните, что они друзья нашего народа, и ни в чем им не отказывайте. Это Дориан Хокмун, владелец Черного Камня, и Хьюлам д'Аверк! Никогда еще вам не приходилось видеть таких смельчаков и таких искусных бойцов!

Эти речи заставили Хокмуна смутиться. Он нахмурился и показал Бьючарду, чтобы тот заканчивал апологию.

— А что случилось с Вэйоном? — выкрикнул кто-то из толпы. — Он мертв?

— Нет, он ускользнул от нас, — с сожалением ответил Бьючард. — Сбежал, как крыса... Но рано или поздно мы покончим с ним!

— Или он с тобой, Бьючард! — Человек в богатом наряде протиснулся сквозь толпу. — Ты всего лишь причинил ему кое-какие убытки!.. Годами я платил пошлину людям Вэйона, и они разрешали мне ходить по всей реке. А теперь ты и тебе подобные говорят: «Не платите!» Ладно, я перестал платить, так что же? Ни днем, ни ночью мне нет покоя, уснуть не могу от страха, как подумаю о том, на что способен Вэйон... А Вэйон мстителен! И он может отомстить не только тебе! Ты подумал о всех остальных — тех, кто хочет мира, а не воинской славы? Ты всех нас подвергаешь опасности!

Бьючард рассмеялся.

— Если я не ошибаюсь, ведь именно ты Верониг, первым стал жаловаться на пиратов — дескать, тебе не по карману их грабительские поборы! Ведь именно ты, поддержал нас, когда мы объединились, чтобы дать отпор Вэйону! Ну так вот, Верониг, мы даем ему отпор. Это трудно, но мы победим, не сомневайся!

Толпа одобрительно загудела, но ликования было меньше. Некоторые начали расходиться.

— Вэйон отомстит, Бьючард, — повторил Верониг. — Дни твои сочтены. Поговаривают, что лорды-пираты собирают все свои силы, что до сих пор они просто играли с нами, как кошка с мышкой. Стоит им захотеть, и Нарлин окажется в руинах!

— Окажется в руинах источник их существования! Это будет глупо с их стороны! — Бьючард пожал плечами, как бы говоря, что спорить тут не о чем.

— Не глупее того, что делаешь ты, — проворчал Верониг. — Но заставь их ненавидеть нас еще сильнее, и ненависть заставит забыть, что мы их кормим!

Бьючард улыбнулся и покачал головой.

— Тебе пора на покой, Верониг. Превратности купеческой жизни тебе не по плечу.

Почти все уже разошлись. На лицах горожан, которые только что с ликованием приветствовали героев, теперь появилось выражение тревоги.

Бьючард спрыгнул с ящика и обнял своих спутников за плечи.

— Идемте, друзья, нечего слушать брюзгу Веронига. Он не испортит наш праздник своими причитаниями. Отправимся ко мне домой и поищем наряды, более подходящие для таких господ, как вы. А утром пройдемся по лавкам и купим вам новое снаряжение!

Он повел их петляющими улочками Нарлина, изгибающимися под самым неожиданным углом, узкими, пропитанными миллионом всевозможных запахов; улочками, запруженными моряками, солдатами, купцами, портовыми рабочими, старухами, хорошенькими девушками, лоточниками, всадниками, пробирающимися сквозь толпы пешеходов... За сапожными лавками улица пошла в гору, и вскоре Бьючард вывел их на площадь, с одной стороны которой зданий не было. Там было море.

Бьючард замедлил шаг, засмотревшись на сверкающую в лучах солнца водную гладь.

Д'Аверк указал на горизонт и спросил:

— Вы торгуете с заморскими жителями?

Сняв свой тяжелый плащ, Бьючард перекинул его через локоть, расстегнул воротник рубашки и, улыбаясь, потер шею.

— Никто не знает, что там, за морем, — может быть, вообще ничего нет... Мы торгуем только вдоль побережья, миль на двести-триста в обе стороны. Здесь много богатых городов, не очень сильно пострадавших в Страшное Тысячелетие.

— Ясно. А как вы называете свой континент? Полагаю, Коммуназия, да?

Бьючард нахмурился.

— Не припомню, чтобы его так называли... впрочем, я не ученый. Я слышал разные имена: Яршай, Амарик, Ништай... — Он пожал плечами. — Я даже не знаю, где находятся другие континенты, если они вообще существуют...

— Амарик! — воскликнул Хокмун. — А я всегда считал, что здесь обитают сверхъестественные существа.

— А я думал, что Рунный Посох находится в Коммуназии, — рассмеялся д'Аверк. — Никогда не доверяй легендам, дружище Хокмун! Вполне может статься, что Рунного Посоха вообще не существует!

Хокмун кивнул.

— Все может быть.

— Рунный Посох... легенды, — нахмурился Бьючард. — О чем это вы, господа?

— Э-э, об этом говорил тот ученый, помните — наш родственник, — поспешно пояснил д'Аверк. — Долго рассказывать. И скучно.

Бьючард пожал плечами.

— Не терплю скуки, друзья, — признался он и повел их дальше.

Вскоре они вышли за пределы торговых кварталов города и поднялись на холм, где дома были богаче и не лепились друг к другу. Над высокими стенами виднелись макушки цветущих деревьев, искрились фонтаны.

Перед высокой стеной одного из таких домов Бьючард остановился.

— Добро пожаловать, мои дорогие друзья, — сказал он, постучав в ворота.

Отворилось решетчатое окошко, и пристальный глаз привратника оглядел их. Затем ворота раскрылись настежь и слуга поклонился Бьючарду.

— С возвращением, господин. Успешно ли было ваше путешествие? Сестра ждет вас.

— Весьма успешным, Пер! А, вот и Джелиана пришла приветствовать нас... Друзья, рекомендую вам: моя сестра!

Глава 7

ПЛАМЯ

Джелиана была красивой молодой девушкой с черными как смоль волосами, живой и веселой, что совершенно покорило ветреного Д'Аверка. За обедом этим же вечером он отчаянно флиртовал с ней и радовался как ребенок, когда она отвечала ему тем же.

Бьючард наблюдал за ними с легкой улыбкой. У Хокмуна на сердце же скребли кошки: образ Исольты то и дело вставал перед его глазами. Она ждет своего мужа за тысячи миль отсюда. И, возможно, за сотни лет, ведь Хокмун не знал, только ли сквозь пространство перенесли его волшебные хрустальные кольца, или сквозь время тоже.

Бьючард, как видно, заметил в глазах Хокмуна грусть и попытался развеселить его смешными историями о менее опасных и даже в чем-то забавных стычках со старвельскими пиратами.

Хокмун слушал внимательно, в нужных местах смеялся, но никак не мог избавиться от тягостных размышлений о судьбе своей возлюбленной.

Сумел ли Тарагорм построить машину для путешествий во времени? Нашел ли Мелиадус другой способ добраться до замка Брасс?

И чем больше темнело за окном, тем труднее становилось Хокмуну поддерживать светскую беседу. Наконец он встал и вежливо поклонился:

— Извините, капитан Бьючард, — пробормотал он, — но я очень устал. Рабство, сегодняшнее сражение...

Джелиана Бьючард и Хьюлам д'Аверк, поглощенные друг другом, даже не обратили на него внимания.

Капитан Бьючард быстро поднялся и с пониманием кивнул:

— Конечно, прошу прощения, господин Хокмун, за то, что я был столь невнимателен...

Хокмун улыбнулся в ответ.

— Отнюдь, капитан. Ваше гостеприимство выше всяческих похвал. Однако...

Рука Бьючарда потянулась к звонку, но прежде чем он успел позвонить слуге, раздался стук в дверь.

— Войдите! — резко сказал Бьючард.

Появился запыхавшийся привратник.

— Капитан Бьючард! На пристани пожар... горит судно!

— Судно? Чье судно?

— Ваше судно, капитан... то, на котором вы сегодня прибыли.

Бьючард поспешил к выходу. Хокмун, д'Аверк и Джелиана последовали за ним.

— Коляску, Пер, — на ходу приказал хозяин. — Скорее коляску!

Через несколько минут крытый экипаж, запряженный четверкой лошадей, стоял у подъезда, и Бьючард уже залезал в него, нетерпеливо подгоняя Хокмуна и д'Аверка. Джелиана тоже высказала желание сесть в коляску, но брат покачал головой.

— Нет, Джелиана, жди нас здесь. Мы не знаем, что происходит в гавани.

И кони понесли их во весь опор к порту. Коляска подпрыгивала на булыжной мостовой.

Узкие улочки были освещены факелами, укрепленными в специальных подставках на стенах домов. Проносящийся с грохотом и треском экипаж отбрасывал зловещие черные тени.

Наконец они выехали на набережную, освещенную куда лучше, чем просто факелами: у причала

горела шхуна.

Повсюду царила суматоха — владельцы соседних судов загоняли свои команды на борт, чтобы те отвели суда подальше, — не ровен час, огонь перекинется на другие корабли.

Бьючард выпрыгнул из коляски, Хокмун и д'Аверк не отставали. Капитан побежал к пристани, продираясь сквозь толпу зевак, но у самой воды остановился, понурившись.

— Безнадёжно, — прошептал он. — Судно погибло... Как пить дать, работа Вэйона!..

Верониг с лицом, лоснящимся от пота и пунцовым в отсвете пожара, прокричал из толпы:

— Ну, Бьючард, убедился? Вэйон мстит! Я предупреждал!

Раздался стук копыт. Они обернулись — к ним приближался всадник на взмыленном скакуне, одетый в причудливый наряд. В левой руке наездник держал свиток.

— Бьючард! — кричал он на скаку. — Пал Бьючард, осмелившийся потопить «Речной ястреб»!

— Ну, я — Бьючард. А ты кто такой?

— Посланник Вэйона! — Он бросил свиток к ногам Бьючарда, но тот даже не пошевелился, чтобы поднять его.

— Что это? — процедил капитан сквозь зубы.

— Это счет, Бьючард. Чек за пятьдесят воинов и сорок рабов, за судно и всю его оснастку плюс двадцать пять тысяч за утерянные драгоценности. Вэйон тоже может играть в ваши купеческие игрушки!

Бьючард внимательно посмотрел на посланника. Колеблющийся отсвет бросал на его лицо причудливые тени. Ногой он сбросил свиток в грязную речную воду.

— Ты, как видно, решил напугать меня этой мелодрамой! — твердо ответил он. — Что ж, передай своему хозяину Вэйону, что я не испугался и не намерен платить по его счету. Скажи ему так: если он хочет «играть в купеческие игрушки», то пусть зарубит себе на носу, что он и его ненасытные предки задолжали Нарлину сумму, много большую, нежели написанная в этой бумажке, а я буду и впредь гасить этот долг!

Всадник открыл было рот, но отвечать раздумал, сплюнул на мостовую и умчался во тьму.

— Теперь он убьет тебя, Бьючард! — сказал Верониг почти с торжеством. — Он убьет тебя. Я надеюсь, Вэйон понимает, что не все такие дурни, как ты!

— А я надеюсь, что не все такие дурни, как ты, Верониг, — презрительно ответил Бьючард. — Если Вэйон угрожает мне, значит, я добился успеха — хотя бы частичного — и вывел его из себя!

Он вернулся к экипажу, галантно пропустил вперед Хокмуна и д'Аверка, сел сам, захлопнул дверцу и постучал по крыше рукоятью меча, показывая вознице, что можно трогать.

— А вы уверены, что Вэйон так слаб, как вы предполагаете? — с сомнением спросил Хокмун.

Бьючард мрачно улыбнулся.

— Уверен, что он сильнее, чем я предполагаю, — даже сильнее, чем полагает Верониг. Мне кажется, Вэйон так и не пришел в себя от изумления, — после того, как мы осмелились сегодня напасть на его судно... О, он еще себя покажет! Но разве стоило говорить об этом Веронигу? А, друзья?

Хокмун в восхищении посмотрел на Бьючарда.

— Капитан, вы полны отваги.

— Скорее отчаяние переполняет меня, дружище Хокмун.

Хокмун кивнул.

— Я понимаю, что вы хотите сказать.

Всю остальную дорогу они молчали.

Ворота дома были распахнуты, коляска въехала прямо во двор. У парадной двери их поджидала побледневшая Джелиана.

— С тобой все в порядке, Пал? — спросила она, как только он вышел из экипажа.

— Конечно, — ответил Бьючард. — Ты не на шутку испугана, Джелиана. Успокойся, ничего ужасного не произошло.

Она повернулась и пошла в дом — в столовую, где на столе остывал недоеденный ужин.

— Это не из-за пожара, — сказала она и, дрожа всем телом, посмотрела на брата, затем на д'Аверка и наконец перевела взгляд на Хокмуна. Ее глаза были широко раскрыты. — Пока вас не было, сюда приходил один человек.

— Человек? Кто? — Бьючард обнял ее за плечи.

— Он... он приходил один... — начала она.

— И что же замечательного в посетителе, который приходит один? Где он сейчас?

— Это был Вэйон. Вэйон Старвельский собственной персоной. Он... — она закрыла лицо руками. — Он потрепал меня по щеке... он смотрел на меня своими холодными... нечеловеческими глазами, он... говорил этим ужасным голосом...

— И что же он сказал? — мрачно вставил Хокмун. — Что он сказал, леди Джелиана?

Ее взгляд заметался между ними и вновь остановился на Хокмуне.

— Что он пока просто играет с Палом. Что он слишком горд, чтобы тратить на него время и силы, но если завтра утром на городской площади Пал не объявит во всеуслышанье, что больше не будет досаждать лордам-пиратам своими... своими глупыми выходками... то ему, Палу, заплатят по заслугам... Сказал, что этого заявления он ждет только до полудня...

Бьючард нахмурился.

— Думаю, он пришел сюда, в мой дом, выразить свое презрение. Поджог судна — это просто показуха, а также повод, чтобы выманить меня из дома. И разговор с тобой, Джелиана, должен означать, что он сможет добраться до самых близких и дорогих мне людей... — Бьючард помолчал. — Теперь уже не остается сомнений, что Вэйон угрожает не только моей жизни... Я должен был ждать такого подвоха, в глубине души я и ждал его, но... — Он бросил на Хокмуна усталый взгляд. — Боюсь, Верониг был прав, и в конце концов в дураках остался я, господин Хокмун. Я не могу добраться до Вэйона, пока он прячется за стенами Старвеля, не могу сражаться его же оружием!..

— Я не имею права советовать вам, — тихо проговорил Хокмун. — Но вы можете распоряжаться мной и д'Аверком... если собираетесь бороться и дальше.

Бьючард посмотрел прямо в глаза Хокмуну и рассмеялся так, что плечи его затряслись.

— Вы не советуете мне, Дориан Хокмун, владелец Черного Камня, но ясно даете понять, что я должен думать о себе, если откажусь от помощи двух таких искусных фехтовальщиков! Да. Я буду бороться дальше. А завтра отдохну, наплевав на предупреждение Вэйона. Тебя, Джелиана, будут охранять. Я пошлю за отцом и попрошу его прийти сюда вместе со своими стражниками, чтобы они охраняли вас обоих. Хокмун, д'Аверк и я... э-э... мы отправимся за покупками. — Он указал на изношенные платья своих гостей. — Я обещаю вам новые костюмы и хорошие ножны для вашего меча, господин Хокмун, — меча, когда-то принадлежавшего Вэйону. Так что завтра у нас много дел. Мы покажем и пиратам, и горожанам, что мы не боимся угроз Вэйона.

Д'Аверк спокойно кивнул.

— Думаю, это единственный способ поддержать боевой дух жителей города. Тогда даже если вы, капитан, умрете, то умрете героем и вдохновите на борьбу своих единомышленников.

— Ну, надеюсь, я не умру, — улыбнулся Бьючард. — Ведь я так люблю жизнь!.. Что ж, посмотрим, друзья. Посмотрим.

Глава 8

СТЕНЫ СТАРВЕЛЯ

Следующий день выдался таким же жарким, как и предыдущий. Пал Бьючард с друзьями вышел на прогулку.

Двигаясь по улицам Нарлина, они ловили на себе косые взгляды — было ясно, что многие уже знают об ультиматуме Вэйона и ждут, что предпримет Бьючард.

Бьючард не предпринимал ничего. Сопровождая Хокмуна и д'Аверка к центру, где, по его словам, находились самые богатые лавки, он улыбался каждому встречному, поцеловал ручки нескольким дамам, раскланивался со множеством знакомых.

Центр города лежал неподалеку от стен Старвеля, что вполне устраивало Бьючарда.

— Все эти лавки посетим днем, — сказал он. — Но сначала позавтракаем в таверне, которую я бы рекомендовал вам. Она расположена вблизи центральной площади, и многие знатные жители нашего города посещают ее. Пусть все видят, что мы спокойны и уверены в себе. Будем говорить о разных пустяках, не вспоминая про угрозу Вэйона, даже если кто-нибудь попытается навести нас на эту тему.

— В опасные игры вы играете, капитан Бьючард, — заметил д'Аверк.

— Возможно, — пожал плечами Бьючард. — Но я чувствую, что от сегодняшнего дня многое зависит — даже больше, чем сейчас могу себе вообразить. Я иду ва-банк, и этот день станет либо днем моего триумфа, либо днем моего поражения.

Хокмун понимающе кивнул, но ничего не сказал. Он тоже чувствовал какую-то напряженность в воздухе.

Они зашли в таверну, перекусили и выпили вина, стараясь не замечать, что находятся в центре внимания, и ловко уклоняясь от расспросов по поводу того, как они собираются ответить на ультиматум Вэйона.

День перевалил за полдень. Бьючард еще часок посидел, поболтал со своими друзьями, затем поднялся и, поставив на стол бокал, произнес:

— Ну, господа, а теперь отправимся к торговым рядам...

На улицах было полно людей, многие пристраивались в хвост безмятежно прогуливающейся троице; в окнах то и дело мелькали любопытные лица. Бьючард ухмыльнулся.

— Сегодня мы единственные актеры на сцене, друзья. И надо хорошо сыграть свою роль.

Наконец Хокмун впервые разглядел стены Старвеля. Они возвышались над крышами, белые, неприступные, таинственные; ворот нигде не было видно.

— Отчего же, есть несколько дверей, — ответил на вопрос Хокмуна Бьючард, — но они редко открываются. Пираты в основном пользуются обширными подземными каналами и доками, ведущими непосредственно к реке.

Бьючард свернул на боковую улицу и указал на здание, находящееся в полуквартале от них.

— Вот мы и пришли, друзья!

Они вошли в лавку, ломящуюся от обилия товаров. Здесь были тюки с одеждой, кипы плащей, камзолов и бриджей, стойки с мечами и кинжалами всевозможной формы и длины; на крючках висели искусно сделанные упряжи и перевязи, прилавки были завалены шлемами, шляпами, сапогами и всем, что может понадобиться мужчине. Хозяин — веселый, подтянутый человек средних лет с красным лицом и белыми волосами — разговаривал с покупателем. Он кивнул Бьючарду, и посетитель обернулся. Это был юноша; увидев, кто пришел, он открыл рот в изумлении, пробормотал что-то невнятное и сделал шаг к выходу.

— Как, вам уже не нужен меч? — удивился хозяин. — Послушайте, милейший, я скину цену на полсмайгара, и ни гроша больше.

— В другой раз, Пайар, в другой раз... — ответил юноша, едва заметно поклонился Бьючарду и выскочил из лавки.

— Кто это был? — улыбнулся Хокмун.

— Сын Веронига, если не изменяет память, — ответил Бьючард и рассмеялся. — Он унаследовал трусость своего отца!

Подошел Пайар.

— Добрый день, капитан Бьючард. Вот уж не ждал, что вы сегодня заглянете сюда. Так вы не сделали того заявления?

— Нет, Пайар, не сделал.

Пайар улыбнулся:

— Я почему-то так и думал, капитан. Однако теперь вы в серьезном положении. Вэйон ведь должен выполнить свою угрозу, а?

— Попытается, Пайар.

— И очень скоро. Он не любит тянуть кота за хвост. Вы уверены, что стоит так близко подходить к стенам Старвеля?

— Должен же я показать, что не боюсь Вэйона, — ответил Бьючард. — Кроме того, мне не пристало ради какого-то пирата менять свои планы. Я обещал друзьям, что они выберут себе одежду у лучшего купца в Нарлине, а я не привык бросать слова на ветер!

Пайар улыбнулся и сделал приглашающий жест:

— Желаю удачи, капитан... Ну-с, господа, я к вашим услугам.

Хокмун в это время рассматривал пурпурный плащ с золотой каймой.

— У вас богатая лавка, господин Пайар. Прямо глаза разбегаются.

Пока Бьючард беседовал с хозяином, Хокмун и д'Аверк медленно обходили прилавки, примеряя там шелковые рубашки, здесь — сапоги. Прошло два часа, прежде чем они, наконец, выбрали все, что им было нужно.

— Не желаете ли пройти в примерочную? — сказал Пайар. — У вас хороший вкус, господа!

Хокмун с д'Аверком скрылись за занавесками. Хокмун выбрал шелковую рубаху бледно-лилового цвета, камзол из мягкой светлой кожи с ворсом, алый шарф и тонкие блестящие шелковые бриджи такого же цвета, как шарф. Шарф он обмотал вокруг шеи, бриджи заправил в светлые кожаные сапоги, камзол оставил расстегнутым, подпоясался широким кожаным ремнем и, наконец, набросил на плечи голубой плащ, застегнув его у горла.

Д'Аверк надел алую рубаху, алые бриджи, камзол из блестящей черной кожи и сапоги, доходящие ему почти до колен. Сверху он накинул плотный шелковый плащ вишневого цвета и начал подыскивать себе подходящую перевязь для меча, когда из лавки внезапно донесся крик.

Хокмун откинул занавески примерочной.

Магазин был захвачен вооруженными людьми, очевидно — пиратами Старвеля. Они окружили Бьючарда, который даже не успел достать меч.

Повернувшись, Хокмун выхватил свое оружие из груды одежды, бросился к вошедшим и столкнулся с падающим Пайаром. Из его горла хлестала кровь.

Пираты скрутили Бьючарда и волокли его к выходу. Капитана даже не было видно под навалившимися телами.

Хокмун поразил одного пирата в сердце и парировал выпад другого.

— Не лезьте не в свое дело! — прорычал тот. — Нам нужен один Бьючард.

— Только через наши трупы! — воскликнул д'Аверк, присоединяясь к Хокмуну.

— Бьючард должен понести наказание за то, что оскорбил нашего повелителя Вэйона, — ответил пират и нанес удар.

Отпрыгнув, д'Аверк сделал почти неуловимое движение мечом, и рукав пирата окрасился кровью. Противник заревел и метнул кинжал, который держал в другой руке. Но д'Аверк отбил его лезвием меча и пронзил пирату горло.

Теперь уже половина пиратов отделилась от толпы и бросилась на Хокмуна и д'Аверка, тесня их в глубь магазина.

— Они уводят Бьючарда! — в отчаянии проговорил Хокмун. — Мы должны спасти его!..

Он яростно накинулся на пиратов, прорубая себе дорогу к дверям, за которыми исчез Бьючард, но тут д'Аверк закричал:

— Еще один отряд — через черный ход!

В тот же момент рукоять меча ударила герцога в основание черепа, и Хокмун ничком повалился на груды рубашек.

Он очнулся от удушья и перевернулся на спину. Внутри лавки было темно и царила странная тишина.

Хокмун вскочил, по-прежнему сжимая меч. Первое, что он увидел, — это труп Пайара, лежащий рядом с примерочной.

Второе — тело д'Аверка, распростертое на тюках оранжевой ткани. Лицо его друга покрывала корка запекшейся крови.

Хокмун подошел к нему, сунул руку под камзол и облегченно вздохнул: сердце билось. Очевидно, пираты просто оглушили их обоих — чтобы было кому рассказать жителям Нарлина, что ожидает наглецов, смеющихся, подобно Палу Бьючарду, оскорблять лорда Вэйона.

Пошатываясь, Хокмун пошел в заднюю комнату и обнаружил там кувшин с водой. Он приложил кувшин к губам д'Аверка, затем оторвал кусок ткани и обтер его лицо. Кровь шла из широкого, но неглубокого пореза на виске.

Д'Аверк заворочался, поднял веки и посмотрел прямо в глаза Хокмуну.

— Бьючард, — сказал он. — Мы должны освободить его.

Хокмун кивнул:

— Да, но сейчас он уже в Старвеле.

— Кроме нас, об этом никто не знает, — сказал д'Аверк, с трудом принимая сидячее положение. — Если мы освободим его и расскажем всему городу эту историю, представляешь, как поднимется боевой дух горожан?

— Ладно, — ответил Хокмун. — Мы нанесем визит в Старвель — и молись, чтобы Бьючард был еще жив. — Он вложил меч в ножны. — Надо как-то перелезть через стену, д'Аверк. Понадобится снаряжение.

— В этой лавке мы найдем все' необходимое, — сказал д'Аверк. — Пошли, только тихо. Уже темнеет.

Хокмун коснулся Черного Камня во лбу. Его мысли вновь обратились к Исольде, графу Брассу, Оладану и Богенталю. Как сложится их судьба?.. Всем существом он пытался забыть о Бьючарде, наставлениях Майгана, о мифическом Мече Зари и не менее мифическом Рунном Посохе. Украсть бы какое-нибудь судно в порту и отправиться в плавание по морю, отыскать тех, кого он любит. Но...

Хокмун вздохнул и расправил плечи. Но они не могут бросить Бьючарда на произвол судьбы. Они или спасут его, или погибнут.

Он подумал о стенах Старвеля, которые возвышались совсем рядом. Такие гладкие и, без сомнения,

бдительно охраняющиеся. Очевидно, никто не пытался забраться не них. Однако никто и не говорил, что это невозможно. Как бы то ни было, они должны попробовать.

Глава 9

ХРАМ БАТАХА ГЕРАНДИУМА

Заткнув за пояса свыше двух десятков кинжалов, Хокмун и Д'Аверк начали подъем на стену Старвеля.

Хокмун лез первым. Он выискивал в стене достаточно глубокую трещину, вставлял в нее клинок и подтягивался, думая лишь о том, чтобы кинжал выдержал его вес и чтобы сверху их не услышали.

Они медленно взбирались все выше, проверяя, надежно ли закреплен каждый кинжал.

Вдруг Хокмун почувствовал, как клинок под его ногой поддается, схватился за тот, который он секунду назад укрепил над головой, и понял, что и этот сейчас вылетит. Земля была в сотне футов под его ногами. В отчаянии Хокмун выхватил из-за пояса еще один кинжал, лихорадочно нашел трещину в камне и вставил клинок. Лезвие держало, а «упор», на котором покоилась его нога, выпал — до них донесся тихий звон далеко внизу. Теперь Хокмун висел на одном кинжале, не в силах двинуться ни вниз, ни вверх, пока Д'Аверк не вогнал другой клинок для его ноги. Хокмун облегчено вздохнул. Осталось пройти совсем немного — несколько футов. Но что ждет их на гребне стены? Что ждет их за стеною?

Возможно, все усилия напрасны, а Бьючард уже мертв? На сомнения времени не было.

Добравшись до края стены, Хокмун стал двигаться с еще большей осторожностью. Над ним слышались шаги: стража. Хокмун замер. Еще один кинжал — и он наверху. Поглядев вниз, он увидел освещенное лунным светом невозмутимое лицо Д'Аверка. Наконец шаги стихли в отдалении и Хокмун вставил кинжал в стену.

Когда он уже забрался на верх, шаги слышались вновь — торопливые, будто стражник бежит. Хокмун поднял голову и нос к носу столкнулся с изумленным пиратом.

В ту же секунду Хокмун, поставив все на карту, забросил свое тело на гребень стены и, пока охранник доставал меч, уцепился за его ноги и что есть сил дернул.

Пират замахал руками, пытаясь сохранить равновесие, и рухнул вниз, не издав ни единого звука.

Тяжело дыша, Хокмун встал на колени и помог залезть Д'Аверку. По стене к ним спешили еще два стражника.

Хокмун выпрямился, вынул свой меч из ножен и приготовился к встрече.

Клинки скрестились. Схватка была короткой, поскольку Хокмун и Д'Аверк находились в отчаянном положении и не могли терять ни секунды. Они почти одновременно поразили пиратов: те упали, дернулись в агонии и замерли без движения.

Друзья осмотрелись. Судя по всему, другие охранники их пока не заметили. Хокмун указал на ступени, ведущие вниз, Д'Аверк кивнул, и они стали спускаться — быстро и по возможности бесшумно, от всей души надеясь, что никому не придет в голову подниматься по лестнице именно в эту минуту.

Внизу было темно и тихо, словно вымерло все. Далеко, в самом центре Старвеля, мигал маяк, однако город буквально потонул во мраке; лишь сквозь ставни и дверные щели кое-где пробивался тусклый свет.

Подойдя ближе к жилым кварталам, они услышали голоса, доносящиеся из домов: крики, громкий хохот. Одна из дверей распахнулась, открыв на мгновение переполненное пьяными людьми помещение; на улицу, спотыкаясь на каждом шагу, выбрался пират, невнятно ругаясь, и упал ничком на мостовую. Дверь за ним захлопнулась. Пират не шелохнулся.

Здания Старвеля были беднее и проще домов по ту сторону стены — ни богатой отделки, ни лепных украшений, как в Нарлине, и не зная Хокмун правды, он решил бы, что Старвель — город нищих. Но Бьючард рассказал ему, что пираты все свои богатства прячут на кораблях, в подвалах и в таинственном Храме Батаха Герандиуна, где, по слухам, находится Меч Зари.

Друзья крались по улицам, держа оружие наготове. Они даже не знали, жив ли Бьючард, и уж тем более не подозревали, где его искать, в какую темницу его заточили... Но что-то влекло их к маяку в центре

города.

И когда они подобрались уже совсем близко к источнику света, ночную тишину внезапно прорезала оглушительная барабанная дробь, эхом перекатываясь по пустым темным переулкам. Затем они услышали звуки шагов и цоканье копыт.

— Что это? — прошептал д'Аверк. Он глянул за угол и тут же отдернул голову. — Они приближаются, — сказал он. — Назад!

Появился мерцающий свет факелов, и на мостовую упали зловещие тени. Отступив в темноту, друзья разглядывали проходящую мимо процессию.

Возглавлял шествие сам Вэйон, восседающий на черном скакуне. Его лицо было холодным и безжалостным, глаза смотрели прямо перед собой. Он направлялся к Центру города — туда, где горел сигнальный огонь. Позади него шли барабанщики, отбивая медленный монотонный ритм, дальше — группа вооруженных всадников в богатых нарядах, видимо, повелители Старвея. Их лица и позы были такими же застывшими, как у Вэйона. Но внимание двух друзей привлек тот, кто двигался за лордами-пиратами... Бьючард.

Его руки и ноги были привязаны к каркасу из согнутой китовой кости, установленному на влекомой шестеркой лошадей телеге. Лошадей вели под уздцы пираты в ливреях. Бьючард был бледен, и его нагое тело блестело от пота. Врезающиеся в лодыжки и запястья веревки, очевидно, причиняли ему ужасную боль, но он крепко сжимал зубы и молчал. Странные символы, нанесенные краской, покрывали торс и щеки капитана. Напрягая каждый мускул, он пытался разорвать путы, но тщетно.

д'Аверк шагнул было из-за угла, однако Хокмун удержал его.

— Нет, — прошептал он. — Пойдем следом. Быть может, нам представится более удобный момент...

Они подождали, пока процессия скроется за поворотом, и незаметно пристроились ей в хвост. Процессия медленно вышла на обширную площадь, освещенную гигантским маяком. Этот сигнальный огонь был укреплен над входом в высокое асимметричное здание, которое казалось и не зданием вовсе, а естественным образованием из стеклообразной вулканической породы. Глядя на него, мороз пробежал по коже.

— Это, несомненно, и есть Храм Батаха Герандиуна, — прошептал Хокмун. — Интересно, зачем Бьючарда сюда привели?

— Давай выясним, — проговорил д'Аверк. Процессия неторопливо исчезала в Храме.

Они метнулись через площадь и спрятались в тени у самой двери. Дверь была приоткрыта и, очевидно, никто ее не охранял. Скорее всего, пираты были уверены, что посторонний и близко не подойдет к Храму.

Убедившись, что за ними никто не наблюдает, Хокмун прокрался к двери и, скользнув внутрь, очутился в темном коридоре. Из-за угла лился красноватый свет и доносились звуки песнопений. Хокмун начал медленно продвигаться по коридору, д'Аверк следовал за ним по пятам.

Не доходя до поворота, Хокмун замер. В нос ударил странный, отвратительный запах, казавшийся одновременно знакомым и незнакомым. Хокмун содрогнулся и сделал шаг назад. Лицо д'Аверка исказилось, он сглотнул, борясь с тошнотой.

— Фу ты... Это что такое?

Хокмун покачал головой.

— Что-то очень знакомое... Возможно, запах крови. Хотя нет, не совсем...

д'Аверк взглянул на Хокмуна широко раскрытыми глазами. Было видно, что он колеблется — не пойти ли назад, но потом француз расправил плечи и крепче ухватил свой меч. Он снял шарф, который был повязан вокруг шеи, обмотал им лицо, оставив только щелки для глаз, а свободный конец залихватским жестом, напомнившим Хокмуну прежнего д'Аверка, перекинул через плечо. Хокмун усмехнулся и последовал его примеру.

Они осторожно двинулись вперед и повернули за угол.

Свечение делалось все ярче, его цвет напоминал цвет крови. Оно исходило из двери в дальнем конце коридора и, казалось, пульсировало в ритме пения, которое становилось все громче и громче и в котором явственно проступали зловещие нотки. Зловоние тоже усиливалось.

Один раз зал, из которого струился пульсирующий свет, пересекла какая-то темная фигура. Хокмун и д'Аверк застыли, но их по-прежнему никто не замечал. Силуэт исчез, и они вновь пошли вперед.

Тяжелый смрад затруднял дыхание; звуки песнопений терзали слух; розовое свечение почти ослепило их. Казалось, разом отказали все чувства. В происходящем было что-то неестественное; что-то, заставляющее дрожать каждый нерв. Но они шли дальше и дальше и, оказавшись футах в двух от двери, увидели, что делается за нею. И содрогнулись.

Зал выглядел почти круглым, если бы не его высота: кое-где потолок был низким — всего несколько футов от пола, а кое-где таким высоким, что совершенно исчезал в розовой дымке. Зал повторял очертания самого строения, казавшегося не рукотворным, а скорее природным сооружением, с неправильными и неупорядоченными, как представлялось Хокмуну, формами. Стены из стеклообразного материала отражали розовое сияние, а весь зал был залит ярким кроваво-красным светом.

Свет исходил из точки высоко под крышей. Хокмун; поднял голову.

Он сразу понял, что это, сразу узнал эту вещь, которая довлела над залом. Именно за ней и послал Хокмуна умирающий Майган.

— Меч Зари... — прошептал д'Аверк. — Но не может же эта гнусная штука играть такую роль в наших судьбах!

Хокмун нахмурился и пожал плечами.

— Мы ведь пришли не за ней. Нам нужен вон кто... — кивнул он.

Под мечом были полукругом расставлены двенадцать каркасов из китовой кости. И на каждом был распят нагой человек, мужчина или женщина. Некоторые уже умерли, большинство остальных находилось при смерти.

Д'Аверк в ужасе отвернулся, но потом заставил себя смотреть.

— Клянусь Рунным Посохом! — с трудом пробормотал он. — Это... это варварство!

Из перерезанных вен медленно струилась кровь.

Несчастные умирали от потери крови.

Лица живых были искажены страданием, и чем больше ее вытекало, тем слабее становились их потуги освободиться. Кровь лилась в яму, высеченную под ними в скале обсидиана.

И в этой яме сновали какие-то твари, то всплывая, чтобы налакаться свежей крови, то вновь погружаясь. Темные тени, шевелящиеся в кровавом бассейне...

Как глубока эта яма? Сколько тысяч невинных людей было принесено в жертву, чтобы заполнить ее до краев? Какими странными свойствами она обладает, если кровь в ней не свертывается?

Вокруг ямы теснились лорды-пираты Старвеля, распевая и раскачиваясь, их лица были обращены к Мечу Зари. Под Мечом находился прикованный к каркасу Бьючард.

Вэйон держал нож, и не оставалось никаких сомнений в том, что он собирается делать. Бьючард с отвращением посмотрел на Пирата сверху вниз и что-то сказал, но Хокмун не расслышал. Блестело лезвие ножа, уже запятнанное кровью, пение становилось все громче, и сквозь него доносился холодный голос Вэйона:

— Меч Зари, в котором обитает дух нашего бога и нашего предка, Меч Зари, сделавший неуязвимым Батаха Герандиуна и давший нам все, что мы имеем, Меч Зари, который оживляет мертвых и позволяет жить живущим, меч, чьим источником света является кровь, дарующая жизнь человеку, Меч Зари, прими нашу последнюю жертву и знай, что тебе будут поклоняться во все века, пока ты пребываешь в Храме

Батаха Герандиуна, и пока это так, Старвель никогда не падет! Прими эту тварь, нашего врага, этого нечестивца, прими Пала Бьючарда из той невежественной касты, которая именует себя купечеством!

Бьючард опять что-то сказал — его губы шевелились, но голос был не слышен за истерическим пением других лордов-пиратов.

Нож медленно приближался к телу Бьючарда, и Хокмун не выдержал. Из уст герцога Кельнского невольно вырвался боевой клич предков, похожий на крик дикой птицы, и размахивая своим сверкающим, смертоносным мечом, во все горло выкрикивая родовой клич: «Хокмун! Хокмун!», — он кинулся на защиту распятых, умирающих и уже умерших людей.

— Хокмун! Хокмун!

Лорды-пираты обернулись и замолкли. Глаза Вэйона расширились, он откинул полу плаща и выхватил точно такой же, как у Хокмуна, меч. Потом бросил нож в яму и поднял сияющее лезвие.

— Глупец! Разве ты не знаешь, что ни один чужеземец, входящий в Храм Батаха, не покидал его до тех пор, пока тело его не было полностью обескровлено?

— Сегодня обескровлено будет твое тело, Вэйон! — закричал Хокмун и кинулся на своего врага. Но внезапно путь ему преградили двадцать человек. Двадцать клинков против одного.

В ярости он бросился на пиратов; из его горла раздавалось звериное рычание; он был почти ослеплен ярким светом, исходящим от Меча. Мельком Хокмун увидел Бьючарда, вырывающегося из своих пут. Он сделал выпад — и один пират упал; нанес рубящий удар — и другой рухнул спиной в яму, прямо в пасть ее зловещих обитателей; взмахнул мечом — и рука третьего покатилась по полу...

Д'Аверк тоже бился весьма успешно, и пока им удавалось держать пиратов на расстоянии.

Некоторое время можно было даже подумать, что одна их ярость обратит врагов в бегство и Бьючард окажется на свободе. Хокмун прорубал себе путь в самой гуще противников и, добравшись до края ужасной ямы, попытался перерезать пути Бьючарда, одновременно нанося удары направо и налево. Однако он поскользнулся и по лодыжку погрузился в кровь. В тот же момент его коснулось что-то мягкое и омерзительное... Хокмун стремительно вытащил ногу, но тут на него навалились пираты и обезоружили.

Он повернул голову и закричал;

— Прости меня, Бьючард, я был нетерпелив — но времени не оставалось!

— Зачем ты пошел за мной! — в отчаянии воскликнул тот. — Теперь ты на себе испытаешь мои страдания и станешь пищей для чудищ из ямы! Ох, Хокмун, зачем ты пошел за мной!

Глава 10

НЕОЖИДАННАЯ ПОМОЩЬ

— Боюсь, друг Бьючард, зря ты был так гостеприимен! — Даже в таком бедственном положении д'Аверк не удержался от шутки.

Он и Хокмун были распяты по обе стороны от Бьючарда, заняв места двух умерших жертв. Под их ногами, в яме с кровью, неумолимо выныривали и вновь погружались в нее темные твари. Свет Меча Зари отбрасывал на стены красные отблески, освещал поднятые кверху лица лордов-пиратов, лицо Вэйона с горящими триумфом глазами и их обнаженные тела — подобно телу Бьючарда, размалеванные странными знаками.

Создания в яме издавали отрывистые громкие звуки, несомненно, ожидая, когда же в их бассейн польется свежая, теплая кровь. Хокмун вздрогнул и с трудом удержался от стога. Голова болела, мышцы спины затекли и страшно ныли. Он думал об Исольте, о своем доме и своих попытках выиграть войну против властелинов Темной Империи. Никогда не увидеть ему своей жены, не дышать воздухом Камарга, не принять участия в разгроме Гранбритании... Если такое вообще произойдет когда-нибудь... Он потерял все в бесплодных попытках спасти чужеземца — человека, которого он едва успел узнать; и что могла значить борьба какого-то Бьючарда по сравнению с борьбой против Темной Империи!

Поздно разбираться в этом, ибо он вот-вот должен умереть. Умереть лютой смертью, истечь кровью, точно свинья на бойне, чувствуя, как силы покидают его с каждым ударом сердца...

Вэйон усмехнулся:

— Что же ты не издаешь боевого клича, мой друг, мой раб? Молчишь... Неужели тебе не о чем меня попросить? Ты не хочешь вымолить пощады, чтобы я вновь сделал тебя рабом? Не хочешь принести свои извинения — за то, что потопил мое судно, убил моих людей?.. За то, что оскорбил меня?

Хокмун плюнул ему в лицо, но промахнулся.

Вэйон еле заметно пожал плечами.

— Я жду нового ножа. Как только его принесут, я должным образом освящу его и вскрыю твои вены здесь и вот здесь, чтобы ты умирал очень медленно, чтобы видел, как твоей кровью питаются эти существа в яме. А ваши обескровленные трупы будут посланы мэру Нарлина — дядюшке Бьючарда, если не ошибаюсь, — как свидетельство того, что Старвель не прощает оскорблений.

Вошел пират и, преклонив колени перед Вэйоном, подал ему длинный острый нож. Вэйон принял его, и пират отступил.

Вэйон прошептал над ножом какие-то слова, часто поднимая взор к Мечу Зари, потом взял нож в правую руку и слегка коснулся им паха Хокмуна.

— Что ж, начнем сначала, — сказал он и затянул медленную литанию, которую Хокмун уже слышал.

Ощущая во рту привкус желчи, Хокмун попытался освободиться от веревок. Вэйон пел на одной ноте, все громче и громче, пока его жертвам не стало казаться, что он впадает в транс...

— Меч Зари, который оживляет мертвых и позволяет жить живущим...

Кончик ножа царапнул бедро Хокмуна...

— ...источником чьего света является кровь, дарующая жизнь человеку...

Невольно Хокмун подумал, действительно ли розовый меч каким-то образом берет свой свет из крови. Нож дотронулся до его колена, и он вновь вздрогнул, наблюдая за действиями Вэйона и напрягая мышцы, чтобы порвать путы...

— ...знай, что тебе будут поклоняться во все века...

Внезапно Вэйон замолчал и разинул рот, глядя вверх головы Хокмуна. Хокмун поднял глаза и тоже

поперхнулся.

Меч Зари опускался! Он опускался медленно, и Хокмун заметил, что чудесный клинок висит на паутине из металлических нитей. И что в этой паутине находится что-то еще... Человек.

Лицо человека полностью закрывал высокий шлем. Доспехи были только двух цветов: черного и золотого, на боку висел огромный меч.

Хокмун не верил своим глазам. Он узнал этого человека... если это был человек.

— Рыцарь в Черном и Золотом! — закричал он.

— К вашим услугам, — раздался из-под шлема иронический голос.

Вэйон зарычал и кинул в Рыцаря нож. Нож со звоном ударился о его доспехи и упал в бассейн.

Одной рукой сжимая рукоять Меча Зари, Рыцарь осторожно разрезал кинжалом путы, стягивающие запястья Хокмуна.

— Ты... ты осквернил нашу святыню... — словно не веря в происходящее, выдавил из себя Вэйон. — Почему ты не наказан? Наш бог, Батах Герандиун, покарает тебя. Это его меч, в нем живет его дух!

— Мне лучше знать, — ответил Рыцарь. — Меч принадлежит Хокмуну. Однажды Рунный Посох счел нужным использовать твоего предка Батаха Герандиуна в своих целях, дав ему власть над этим розовым клинком. Не сейчас ты потерял эту власть, и ее получает Хокмун!

— Я не понимаю тебя, — растерянно проговорил Вэйон. — Кто ты? Откуда пришел? Ты... может ли это быть? Ты — Батах Герандиун?

— Возможно, — пробормотал Рыцарь. — Я могу принимать самые различные обличья.

Хокмун молился, чтобы Рыцарь освободил его поскорее. Не вечно же Вэйон будет стоять столбом... Как только его запястье освободилось, герцог схватил кинжал, протянутый ему Рыцарем, и стал торопливо обрезать путы на ногах.

Вэйон потряс головой.

— Невозможно. Я брежу... — Он обернулся к пиратам. — Вы тоже видите его — человека, взявшего наш Меч?

Пираты мрачно кивнули, затем один из них побежал к выходу:

— Я за подмогой. Людей позову...

И тогда Хокмун прыгнул — прямо на ближайшего лорда-пирата — и схватил его за горло. Человек захрипел, вцепился в сжимающиеся, как клешни, руки, но Хокмун так рванул его голову, что сломались шейные позвонки. Он медленно вынул меч из ножен пирата и отпустил тело. Труп осел на пол.

Хокмун стоял, обнаженный, освещаемый великим Мечом, а Рыцарь перерезал веревки, стягивающие его друзей.

Вэйон отступил на шаг, глядя на них непонимающим взглядом.

— Этого не может быть! Не может быть...

Д'Аверк встал позади Хокмуна, а вскоре к ним присоединился Бьючард. Оба были наги и без оружия.

Введенные в замешательство нерешительностью своего повелителя пираты не шевелились. Позади трех обнаженных человек Рыцарь дернул за огромный меч, подтягивая его к полу.

Тут Вэйон взвизгнул и ухватился за рукоятку розовой клинка, вырывая его из металлической паутины.

— Он мой! Мой по праву!

Рыцарь покачал головой:

— Он принадлежит Хокмуну, и принадлежит ему по праву!

Наконец пирату удалось освободить Меч, и с криком «Он его не получит! Убейте их!» — Вэйон отскочил в сторону.

В зал вбегали люди с факелами. Лорды-пираты выхватили мечи и двинулись на четверых людей, стоящих на краю ямы. Рыцарь вытащил свой огромный клинок и взмахнул им, точно косой, убив сразу нескольких, а остальных заставив поспешно отступить.

— Возьмите мечи, — сказал он д'Аверку и Бьючарду. — Как видно, мы должны сражаться.

Д'Аверк и Бьючард подняли клинки только что убитых Рыцарем пиратов и вслед за ним двинулись к выходу.

Но не тут-то было: казалось, тысяча человек ворвалась в зал. Их взгляды горели жаждой крови; их мечи скрестились с мечами четырех воинов.

— Хокмун, ты должен отнять Меч у Вэйона! — прокричал Рыцарь сквозь грохот сражения. — Забери его, или мы все погибнем!

И вновь их оттеснили к краю ямы, откуда вдруг раздались квакающие звуки. Краем глаза Хокмун посмотрел на кровавую жижу и в ужасе закричал:

— Они ползут сюда!

Твари подплыли к краю, и только теперь Хокмун увидел, что они похожи на чешуйчатое чудовище, которое он повстречал в лесу; но эти были гораздо меньших размеров. Они явно относились к одному виду, много веков назад завезенному сюда предками Вэйона, но как сильно изменились эти существа — обитая не в воде, а в человеческой крови!

Он почувствовал прикосновение щупальца к своей обнаженной коже и вздрогнул от омерзения. Притаившаяся за спиной опасность придала ему новые силы, и он бросился в гущу пиратов, пробиваясь к Вэйону, стоящему в стороне и сжимающему Меч Зари, который освещал все розовым сиянием...

Увидев своего врага, Вэйон взял Меч обеими руками, позвал кого-то и застыл в ожидании. Но ничего не произошло, и ошарашенный предводитель пиратов бросился навстречу Хокмуну, занеся Меч над головой.

Хокмун отступил в сторону, парировал удар и покачнулся, полуослепленный светом. Вэйон взвизгнул и вновь поднял розовый меч. Хокмун нырнул под него, доставая свое оружие, и ранил Вэйона в плечо. Крича от растерянности и испуга, Вэйон продолжал наступать, но вновь и вновь его удары были отбиты герцогом.

Вэйон на минуту остановился, с ужасом и удивлением вглядываясь в лицо Хокмуну.

— Как же так? — шептал он. — Как же это может быть?

Хокмун рассмеялся.

— Не спрашивай, Вэйон, ибо для меня это такая же загадка, как для тебя. Но мне было велено забрать твой Меч, и я это сделаю!

И с этими словами он нанес своему врагу еще один удар, который лорд Старвеля едва отразил вялым движением Меча Зари.

Теперь уже Вэйон стоял спиной к яме, и Хокмун видел, как твари выбирают из нее, — с их покрытых чешуей боков стекали кровавые струи. Хокмун теснил лорда-пирата все ближе и ближе к ужасным тварям. Вытянулся длинный язык и обхватил ногу Вэйона. Закричав, тот попытался отрубить гибкий отросток...

Хокмун сделал шаг вперед, нанес сокрушительный удар кулаком в лицо Вэйону и вырвал Меч из его ослабевших рук.

А потом он просто стоял и смотрел, как тварь неторопливо тащит его врага к яме.

Вэйон тянул к Хокмуну руки:

— Спаси меня! Пожалуйста, Хокмун, спаси меня!..

Но в глазах Хокмуна был лед, он даже не пошевелился.

Он стоял, положив локти на рукоять Меча Зари, и смотрел, как Вэйон все ближе и ближе сползает к яме.

Вэйон больше не кричал, не молил, а, закрыв лицо руками, молча ждал исхода. Вот одна, а затем и вторая его нога исчезла в кровавом омуте.

Затем раздался долгий, отчаянный крик, перешедший в бульканье, и Вэйон с головой погрузился в кровь... Только тогда Хокмун отвернулся и взвесил на руке огромный меч, поражаясь излучаемому им свету. Он взял его обеими руками и посмотрел, как обстоят дела у его друзей. Они стояли спиной к спине, едва сдерживая натиск врагов, однако было ясно: это им удастся только из-за того, что с тыла их подстерегают вылезающие из кровавых глубин мерзкие твари.

Рыцарь увидел, что Мечом Зари завладел Хокмун, и крикнул что-то, но герцог не расслышал. Он поднял розовый клинок, защищаясь от выпадов врагов, расшвырял стоявших рядом пиратов и начал прокладывать путь и Рыцарю, д'Аверку и Бьючарду, нанося смертельные удары.

Чудовищ становилось все больше, и Хокмун понял, что положение безнадежно: они попали меж двух огней. С одной стороны наседали вооруженные до зубов пираты, с другой — тянули свои извивающиеся языки отвратительные создания.

И вновь Рыцарь что-то крикнул, и вновь Хокмун его не услышал. Он продолжал сражаться, отчаянно пробираясь поближе к своему таинственному союзнику, снося по пути головы, отрубая конечности.

Снова раздался голос Рыцаря, и только на этот раз Хокмун сумел разобрать слова:

— Взови к ним! — гремел он. — Взови к Легиону Зари, Хокмун, или мы пропали!

Хокмун нахмурился.

— Что ты говоришь?

— Ты можешь командовать Легионом. Вызови его, именем Рунного Посоха, Хокмун, вызови его!

Хокмун парировал удар и разрубил нападавшего на него человека от шеи до пояса. Свет Меча Зари померк, возможно, от множества факелов, принесенных в зал.

— Позови своих людей, Хокмун! — в отчаянии закричал Рыцарь.

Хокмун пожал плечами и, чувствуя себя ужасно глупо, сказал:

— Призываю Легион Зари!

И ничего не случилось. Он и не ждал ничего. Как уже говорилось, он не верил в легенды.

Но потом он вдруг заметил, что пираты кричат по-другому — от страха и боли, и что на поле боя невесть откуда появились новые воины, яростно бьющиеся и повергающие пиратов, — странные воины, сияющие ровным розовым светом.

Хокмун глубоко вздохнул и с любопытством оглядел их.

Пришельцы были одеты в дорогие доспехи, выглядевшие несколько старомодными. Вооружены они были пиками, с пучками окрашенных волос у наконечника, и огромными шипастыми дубинками, покрытыми искусным орнаментом. Воины Легиона выли, кричали и убивали с нечеловеческой жестокостью, в считанные мгновения очистив зал от большинства пиратов.

Коричневая кожа, раскрашенные лица, черные горящие глаза... Из глоток сражающихся воинов Зари доносился то ли стон, то ли погребальная песнь.

Пираты сопротивлялись отчаянно и убили многих Воинов Легиона Зари. Но тело мертвого воина исчезало, и откуда-то возникал другой. Хокмун решил проследить, как они появляются в зале, но ничего не вышло — стоило ему на мгновение отвлечься, как на том месте, куда он только что смотрел, уже стоял новый солдат.

Тяжко вздохнув, Хокмун присоединился к своим друзьям. На обнаженных телах д'Аверка и Бьючарда виднелись многочисленные, но неопасные раны. Они стояли и наблюдали, как Легион Зари справлялся с пиратами.

— Эти солдаты служат Мечу, — сказал Рыцарь. — С их помощью, когда это было необходимо Рунному Посоху, предок Вэйона сумел внушить страх всему Нарлину и его окрестностям. Но теперь Меч обратился

против людей Вэйона, отнимая у них то, что дал когда-то!

Хокмун почувствовал, как что-то коснулось его лодыжки, обернулся и в ужасе закричал:

— Твари из ямы! Я забыл о них!

Он полоснул по туше Мечом и отскочил.

В мгновение ока между ним и чудовищами оказалась дюжина сияющих воинов. Украшенные пучками волос пики поднимались и опускались, дубинки били без промаха, и чудовища начали отступать. Но Солдаты Зари не позволили им уйти безнаказанными. Окружив тварей, они били, резали и кололи до тех пор, пока от чудовищ не осталось ничего, кроме бесформенного черного пятна на полу.

— Все... — не веря сам себе, прошептал Бьючард. — Мы победили. Наконец-то Старвель повержен! — Он поднял факел. — Идем же, дружище Хокмун. Давай поведем твоих чудесных воинов по улицам этого гнусного города и будем убивать каждого, кто встретится на пути. Давайте жечь дома.

— Да... — начал было Хокмун, но Рыцарь покачал головой.

— Нет, Хокмун, Легион подчиняется тебе не для того, чтобы уничтожить пиратов. Он стал твоим, чтобы ты мог служить делу Рунного Посоха.

Хокмун заколебался.

Рыцарь положил руку на плечо Бьючарда.

— Теперь, когда большинство лордов-пиратов мертвы, когда Вэйон погиб, ничто не мешает тебе и твоим единомышленникам прийти в Старвель и завершить работу, начатую нами сегодня. А Хокмун и его Меч нужны для более важных дел. Скоро вы расстанетесь.

Хокмун почувствовал тупое раздражение.

— Я крайне признателен тебе за помощь, Рыцарь... Но позволь напомнить, что меня вообще не было бы здесь, если б не твои хитрости и не выкрутасы Майгана из Пландара. Короче, я должен вернуться домой, в замок брасс, к моей возлюбленной. Я сам себе хозяин, Рыцарь, сам себе хозяин! И сам буду решать свою судьбу!

Рыцарь рассмеялся.

— Ты все так же наивен, Дориан Хокмун. Поверь мне, твой хозяин — Рунный Посох. Ты полагаешь, что пришел в этот Храм, дабы помочь своему другу... Но именно так и вершит свои дела Рунный Посох! Ты ни за что не сунул бы в самое логово лордов-пиратов, если бы шел сюда просто за Мечом Зари, в легенды о котором, кстати, ты не верил. Но ради спасения Бьючарда ты, не моргнув глазом, сражался с целым войском... Рунный Посох строит странные узоры... Люди никогда не разбираются в причинах, побуждающих их действовать так, а не иначе, если во всем этом замешан Рунный Посох. Теперь ты должен выполнить вторую часть своей миссии в Америке. Иди на север — можешь двигаться вдоль побережья, поскольку я уверен, что Бьючард одолжит тебе корабль, — и отыщи Днарк, город Великих Добродетельных Людей, которому нужна твоя помощь. Там ты найдешь подтверждение тому, что Рунный Посох существует.

— Меня не интересуют тайны, Рыцарь. Я хочу знать, что стало с моей женой и моими друзьями. Скажи мне — мы находимся в одном времени с ними?

— Да, — ответил Рыцарь. — Европа, которую ты покинул, лежит в этом же потоке времени. Но ты же знаешь, что замок Брасс находится в каком-то другом...

— Знаю... — Хокмун в нерешительности нахмурился. — Хорошо, Рыцарь, быть может, я соглашусь одолжить судно у Бьючарда и отправлюсь в Днарк. Быть может...

Рыцарь кивнул.

— Идем, — сказал он. — Покинем это гнусное место и вернемся в Нарлин. Там и поговорим с Бьючардом о корабле.

Бьючард улыбнулся.

— Все, что у меня есть, Хокмун, — твое. Ты ведь так много сделал для меня и для моего города. Спас

мне жизнь и помог уничтожить страшных врагов Нарлина... если нужно, бери и два десятка кораблей.

Хокмун глубоко задумался. У него возникла мысль обмануть Рыцаря.

Глава 11

ПРОЩАНИЕ

На следующий день Бьючард проводил их на пристань. Город праздновал победу. Солдаты Нарлина заняли Старвель, вышвырнув из него последнего пирата.

Бьючард положил руку на плечо Хокмуна.

— Я бы хотел чтобы ты остался, герцог Хокмун. Мы будем праздновать целую неделю, и как бы это было здорово, если б ты и твой друг погостили у нас еще! Мне будет грустно пировать без вас — ведь вы настоящие герои Нарлина, а не я!

— Всем нам повезло, капитан Бьючард. Счастливый случай соединил наши судьбы. Ты избавился от злейших врагов, а мы получили, что хотели. — Хокмун улыбнулся. — И настало время прощаться.

Бьючард кивнул.

— Раз надо, значит, надо... — Он посмотрел на Хокмуна с благодарностью и вдруг усмехнулся. — Надеюсь, ты уже не считаешь, что я целиком и полностью поверил в сказки о родственнике-чародее, интересующемся тем самым мечом, что сейчас у тебя в ножнах?

Хокмун рассмеялся.

— Нет... Но, капитан, с другой стороны, я ничего не могу предложить взамен. Понятия не имею, на кой мне сдался этот меч... — Он коснулся ножен, в которых лежал Меч Зари. — Рыцарь сказал, что это — часть всеобщей судьбы. А я не хочу быть рабом Судьбы. Мне нужно только немного любви, немного покоя и... и отомстить тем, кто разорил мою родину. И тем не менее, я нахожусь здесь — за много миль от того места, куда всем сердцем хочу вернуться. И должен искать еще одну мифическую вещь. Думаешь, с охотой? Отнюдь...

Бьючард серьезно посмотрел на него.

— Я думаю, Хокмун, что ты служишь великой цели. Я думаю, что твоя судьба — благородная судьба.

Хокмун рассмеялся.

— Да не нужна мне благородная судьба! Я хочу, чтобы она была безопасной.

— Возможно, — сказал Бьючард. — Возможно... Ну что ж, мой друг, лучшее судно готово, и камбуз ломится от провизии. Опытнейшие моряки Нарлина выразили желание отправиться в плавание вместе с тобой, они уже на борту. Удачи тебе, Хокмун... и тебе тоже, д'Аверк.

Д'Аверк кашлянул в кулак.

— Если Хокмун является безвольным слугой своей, так сказать, «благородной судьбы», то что же движет мной? Неизлечимая тупость, быть может? Я слаб, я болен, у меня отнюдь не богатырское телосложение, однако и меня втянули в историю с этим подозрительным Рунным Посохом!.. Ну, во всяком случае, это помогает убивать время.

Улыбнувшись, Хокмун повернулся и взбежал по трапу на судно. Рыцарь сделал нетерпеливое движение рукой.

— Запомни, Хокмун: Днарк, — сказал он. — В Днарке ты должен отыскать Рунный Посох.

— Да, — ответил Хокмун. — Я помню, помню...

— Меч Зари в Днарке пригодится, — продолжал Рыцарь, — и ты должен беречь его.

— Я все сделаю так, как ты хочешь, Рыцарь, — заверил его Хокмун. — Ты поплывешь с нами?

— У меня есть другие дела.

— Конечно, мы еще встретимся.

— Несомненно.

Д'Аверк кашлянул и поднял руку.

— Что ж, прощай, Рыцарь. Спасибо за помощь.

— За вашу помощь тоже спасибо, — загадочно проговорил Рыцарь.

Хокмун приказал отдать швартовы и снять весла.

Вскоре судно покинуло бухту и вышло в открытое море. Хокмун посмотрел, как фигуры Бьючарда и Рыцаря становятся все меньше и меньше, а потом с улыбкой повернулся к д'Аверку.

— Ну, д'Аверк, так ты знаешь, куда мы направляемся?

— Думаю, что в Днарк? — невинно ответил д'Аверк.

— В Европу, д'Аверк. Мне дела нет до какой-то там судьбы, в которую меня постоянно тычут носом. Я хочу увидеть свою жену. Мы пройдем море и окажемся в Европе. Там воспользуемся нашими кольцами и вернемся в замок Брасс. И я вновь увижу Иsoleду.

Д'Аверк ничего не ответил, он только поднял голову и посмотрел в небо. Белые паруса наполнились ветром, корабль набирал скорость.

— Что ты на это скажешь, д'Аверк? — с усмешкой спросил Хокмун, похлопывая друга по спине.

Д'Аверк пожал плечами.

— Скажу, что неплохо бы некоторое время отдохнуть в замке Брасс.

— У тебя такой тон, приятель... Уж не смеешься ли ты часом надо мной? — Хокмун нахмурился. — В чем дело?

Д'Аверк бросил на него косой взгляд, который вполне соответствовал его странному тону.

— Да-да, может быть. Только сомневаюсь я, друг мой, что это судно найдет дорогу в Европу. Быть может, я больше верю в Рунный Посох.

— Ты веришь в такую чушь?! Как же так? Ведь мы думали, что Амарики населены полубогами. А что оказалось, а?

— Мне кажется, ты слишком много говоришь, что Рунного Посоха не существует. Кажется, твое желание увидеть Иsoleду слишком сильно на тебя повлияло.

— Возможно.

— Ладно, Хокмун, — сказал д'Аверк, глядя на горизонт. — Время покажет, насколько силен Рунный Посох.

Хокмун недоуменно посмотрел на него и, пожав плечами, начал спускаться к каютам.

Д'Аверк улыбнулся и покачал головой, наблюдая за своим другом.

Затем он перевел взгляд на моряков, гадая про себя, увидит ли когда-нибудь еще замок Брасс...

IV

РУННЫЙ ПОСОХ

Джиму Кауторну за помощь в работе

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

...Опытные полководцы и отважные воины, они не боялись рисковать своей жизнью. Что толку жалеть эту жизнь, если их души растлились, разум помутился, а помыслы заняла чудовищная ненависть ко всему, в чем билась искра жизни.

Бароны Гранбритании, лишённые всякого понятия о нравственности, пронесли знамя своего Короля-Императора Хаона через весь европейский континент и сделали эти земли собственностью Гранбритании. Затем они отправились дальше: на запад и на восток к другим континентам, на которые тоже притязала Темная Империя. И, казалось, нет в мире такой силы, которая смогла бы остановить этот безумный и смертоносный натиск. Теперь им вообще никто не оказывал сопротивления; с гордой усмешкой и холодным презрением завоеватели требовали дань у покорённых народов, и дань эту они получали.

В завоеванных ими землях вряд ли кто верил, что существующее положение изменится к лучшему. А те немногие, в ком ещё не угасла надежда, не осмеливались высказать сокровенные мысли вслух. И едва ли кто-нибудь был настолько отважен, чтобы произнести слова, символизирующие эту надежду: замок Брасс.

Произносившие это название понимали, что оно в действительности означает. Ведь замок Брасс оставался единственной цитаделью, не покорённой полководцами Гранбритании. Он был обителью героев, сражавшихся с Темной Империей, — тех, кого так люто ненавидел мрачный барон Мелиадус, магистр Ордена Волка, Главнокомандующий армии, завоевавшей весь мир. Все знали, что барон Мелиадус вел войну с героями Замка, особенно — с легендарным Дорианом Хокмуном, герцогом Кельнским. Хокмун женился на Исольде, дочери графа Брасса, однако и Мелиадус мечтал обладать Исольдой...

Обитатели замка Брасс не разгромили армию Гранбритании. Замок просто уклонился от битвы, исчезнув вместе с обитателями, переместившись в другое измерение Земли при помощи древней машины-кристалла. Там, в новом измерении, и нашли убежище Хокмун, граф Брасс, Оладан с Булгарских гор и небольшой отряд воинов Камарга. Многие из оставшихся думали, что герои Камарга покинули это измерение навсегда. Они ни в чем не винили ушедших. И с каждым днем в сердцах жителей Камарга угасала надежда на их возвращение.

В том, незнакомом для них Камарге, Хокмун и остальные столкнулись с новыми трудностями. Выяснилось, что колдуны-учёные Темной Империи задумали прорваться в их измерение или вернуть исчезнувших обратно. И они были близки к своей цели. Загадочный Рыцарь в Черном и Золотом посоветовал Хокмуну и д'Аверку отправиться на поиски

легендарного Меча Зари, который мог бы помочь им в борьбе с Гранбританией. Этот меч, как оказалось, каким-то образом связан с Рунным Посохом, управляющим судьбою Хокмуна, да и судьбами всех людей на Земле.

Герцогу Кельнскому удалось завладеть Мечом Зари. Тогда Рыцарь объявил, что Хокмун должен пройти морем вдоль побережья Амарики к городу Днарку, где необходимы услуги этого клинка.

Но Хокмуном овладели сомнения. Ему не терпелось вернуться в Камарг к своей прекрасной жене Исольде. И вместо того, чтобы плыть вдоль побережья, Хокмун вместе с легкомысленным д'Аверком отправился в Европу.

А тем временем в Гранбритании барон Мелиадус исходил злобой из-за того, что Король-Император не одобрил его планы относительно замка Брасс. Барон решил, что это — очередная блажь правителя. Это не ускользнуло от Короля.

Хаон становился все более недовольным и недоверчивым, а это грозило Мелиадусу опалой. А между тем Шенегар Тротт, граф Суссекский, пользовался все большей милостью Императора.

Мелиадус, преследовавший своих врагов в пустынном Йеле, упустил их и вернулся в Лондру, кипя ненавистью. В Лондре же его ненависть к защитникам замка Брасс обратилась против самого бессмертного правителя, Короля-Императора Хаона...

Из «Истории Рунного Посоха»

Глава 1

В ТРОННОМ ЗАЛЕ КОРОЛЯ ХАОНА

Огромные двери распахнулись, и в Тронном Зале Короля-Императора появился барон Мелиадус.

Когда Мелиадус входил в огромный Зал с высоким потолком, уходящим в поднебесье, дорогу ему преградил двойной ряд стражей из личного королевского Ордена Богомола. На них были громадные, усыпанные драгоценными камнями маски насекомых. Похоже, они не собирались пропускать его.

Мелиадус с трудом взял себя в руки. Он ждал момента, когда стража расступится и позволит ему пройти.

Затем он вошел в зал, увешанный знаменами пятиста знатнейших семейств Темной Империи. Мозаика из драгоценных камней на стенах изображала памятные эпизоды из истории Гранбретании. Затем по коридору, образованному воинами, Мелиадус направился к Тронной Сфере, которая находилась чуть ли не в миле от входа.

На полпути к цели барон что-то почувствовал и упал на пол. Когда он поднялся, твердая черная Сфера как будто на мгновение поблекла, и ее тьму пронизали алые и белые прожилки.

Мелиадус почувствовал на себе пронзительный взгляд, исходящий из Сферы. На него смотрел Хаон, Король-Император Гранбретании и магистр Ордена Богомола, обладатель абсолютной власти над десятками миллионов людей. Он жил вечно, и именем этого правителя барон Мелиадус завоевал всю Европу и земли за ее пределами.

Из Тронной Сферы донесся юношеский голос:

— А, наш нетерпеливый барон Мелиадус!

Мелиадус вновь поклонился и почтительно произнес:

— К вашим услугам, Повелитель.

— О чем вы хотите нам сообщить, торопливый лорд?

— Об успехе, Великий Император. О том, что мои подозрения подтвердились.

— Вы нашли пропавших эмиссаров из Коммуназии?

— К сожалению, нет, Ваше Величество...

Барон Мелиадус даже не догадывался, что Хокмун и д'Аверк проникли в столицу Темной Империи в обличье эмиссаров. В курсе дела была лишь Флана Микосеваар помогавшая им скрыться.

— Тогда почему же вы здесь, барон?

— Я выяснил, что Хокмун, который по-прежнему угрожает нашей безопасности, — и я на этом настаиваю, — посещал наш остров. Я отправился в Йель и нашел там его в компании предателя Хьюлама д'Аверка, а также волшебника Майгана из Аландара. Им известен секрет путешествий во времени.

Барон не упомянул, что он упустил всех троих.

Он продолжал:

— Они исчезли прежде, чем мы смогли схватить их О, Повелитель, если они могут приходить и уходить из нашего мира, когда пожелают, то очевидно, что мы никогда не сможем Чувствовать себя в безопасности. Я бы предложил нашим ученым, в особенности Тарагорму и Калану, бросить все силы на поиски этих отступников. Их надо обязательно уничтожить, они представляют для нас серьезную угрозу.

— Барон Мелиадус, какие новости об эмиссарах из Коммуназии?

— Пока что никаких, Могущественный, но...

— С несколькими партизанами, барон Мелиадус, наша Империя разделается легко. Но коль скоро стране угрожает сила, которая использует средства, до сей поры нам неизвестные, то мы можем, как вы

сами понимаете, этого не пережить... — голос произносил слова с неторопливостью, в которой чувствовался яд.

— У нас нет доказательств, — нахмурился барон, — что такое вторжение планируется, о Всемогущий Повелитель.

— Согласен. Но у нас также нет и доказательств того, что Хокмун и его банда могут причинить нам сколько-нибудь ощутимый вред. В жидкости, заполняющей Тронную Сферу, вдруг промелькнули яркие искорки ледящей голубизны.

— Великий, дай мне время и средства...

— Мы — Империя, постоянно расширяющая свои границы. И мы желаем продвинуться еще дальше, барон Мелиадус. Было бы ошибкой остановиться на достигнутом, не правда ли? Это не в обычаях Гранбритании. Мы гордимся нашим могуществом на Земле и желаем утвердить его навсегда. Вы, кажется, не рветесь исполнять наши замыслы — нести страх во все пределы. Мы опасаемся, что вы стареете...

— Но, Всемогущий Повелитель, мы не должны отказаться от преследования того, кто хотя и слаб, но может разрушить наши замыслы!

— Мы не терпим инакомыслия, барон Мелиадус. Твоя ненависть к Хокмуну, твоё желание обладать Исольдой Брасс — это пахнет предательством. Мы знаем и помним о твоих личных пристрастиях, барон. И если ты будешь продолжать в том же духе, мы будем вынуждены назначить вместо тебя другого, освободить тебя от службы и даже отстранить от Ордена.

Руки барона Мелиадуса, одетые в латные рукавицы, непроизвольно дотронулись до маски.

Быть без маски!.. Величайший позор и ужас, ибо угроза лишиться Ордена подразумевала именно это. Вступить в ряды самых низких подонков общества в Лондре — в касту не носящих масок! Мелиадус внутренне содрогнулся и едва заставил себя заговорить.

— Я поразмысю над вашими словами, о Император Земли, — удалось ему наконец выдать из себя.

— Сделай это, барон Мелиадус. Мы не хотим, чтобы рассудок столь великого военачальника помрачился от его же собственных мыслей. Это может погубить тебя. Если ты желаешь вновь обрести нашу милость, то узнай каким образом исчезли эмиссары Коммунации.

Склонив голову в громадной маске Волка и раскинув в стороны руки, барон Мелиадус рухнул на колени. Завоеватель Европы пал ниц перед своим Королем. Однако в мыслях он был далеко от рабской покорности. Он возносил благодарность духу своего Ордена за то, что маска скрывала лицо, и никто не увидел гримасу ярости, исказившую его.

Он двинулся прочь от Тронной Сферы, а за ним все следил пронизывающий взгляд Короля-Императора.

Мелиадус повернулся и начал долгий обратный путь к гигантским дверям. Он шел и чувствовал, что глаза за неподвижными масками Богомолов следят за ним со злорадством.

Выйдя из дверей, он свернул налево и зашагал по извилистым коридорам Дворца в поисках покоев графини Фланы Микосеваар — Канберийской, вдовы Азровака Микосеваара, возглавлявшего когда-то Легион Стервятников. Графиня Флана была единственной родственницей Короля Хаона, его кузиной.

Глава 2

МЫСЛИ ГРАФИНИ ФЛАНЫ

Графиня сидела у окна и смотрела на спиралеобразные крыши Лондры. Бледное прекрасное лицо хранило выражение печали и растерянности. На лакированном столе перед ней лежала маска Цапли.

Графиня отвернулась, и по ее нарядному платью из шелка, украшенному драгоценными камнями, скользнул красный отсвет солнца. Она встала и подошла к шкафу. В нем все еще хранились причудливые костюмы двух мужчин, давно уже покинувших ее покои. Это были доспехи, в которые облачались Хокмун и д'Аверк, когда выдавали себя за эмиссаров Коммунации. Графиня Флана погрузилась в раздумья. Она пыталась представить, где эти люди сейчас, что с ними и что произошло с д'Аверком, который, как она догадывалась, полюбил ее.

Графиня Канберийская за всю свою недолгую жизнь имела дюжину мужей и неисчислимое множество любовников и постоянно избавлялась от них тем или иным способом — как любая женщина избавляется от пары старых чулок. Графиня до сих пор не познала любви, она никогда еще не испытывала тех чувств, которые были не чужды даже жителям Гранбритании.

Но д'Аверк, щеголь и гордец, который вечно прикидывался больным, неизвестно почему вызвал у Фланы целую гамму неожиданных для нее чувств и желаний.

Прежде графиня держалась при дворе особняком, будучи едва ли не самой здравомыслящей из всей дворца кой свиты. Теперь же в ней проснулось некое новое чувство, не имеющее ничего общего с эгоизмом, которые славились повелители Темной Империи. Вероятно, ласковый, чувствительный и тонкий д'Аверк пробудил Флану от апатии, вызванной отнюдь не отсутствием души, а напротив — ее величием. Величием души, не желающей покориться существованию в безумном, эгоистичном, извращенном мире короля Хаона.

Будто вырвавшись из объятий дурного сна, она уже не могла не обращать внимания на свое ужасное окружение, не могла бороться с мыслью, что ее возлюбленный никогда не вернется.

Она удалилась в свои покои, старательно избегая разного рода сборищ и встреч. Хотя одиночество и спасало ее от общения с придворными, оно же давало благодатную почву для печальных мыслей...

По бледным щекам графини покатались слезы, и она смахнула их надушенным шелковым платком.

Служанка открыла дверь в комнату и в нерешительности остановилась на пороге. Флана машинально протянула руку за своей маской.

— В чем дело?

— Барон Мелиадус Кройденский, миледи. Он хочет видеть вас. По неотложному делу.

Флана надела маску. С минуту она обдумывала слова служанки, потом пожала плечами, решив, что ничего не изменится, если она уделит несколько минут Мелиадусу. Может быть, у него есть известия о д'Аверке, которого барон так горячо ненавидит. Немного хитрости, и она сумеет выведать все, что ему известно о ее возлюбленном.

Но если Мелиадус пожелает заняться с ней любовью?

Ведь такое бывало уже не раз. Что ж, тогда она просто выставит его вон, как это делала и раньше.

Она чуть наклонила маску и приказала:

— Пригласите барона.

Глава 3

ХОКМУН МЕНЯЕТ КУРС

Корабль быстро рассекал морскую гладь, его огромные белые паруса вытянулись по ветру. Небо было ясным, а море — спокойным. Рулевой смотрел на главную палубу, где стоял, вглядываясь в океан, Хокмун. Золотистые волосы герцога Кельнского трепал ветер. За спиной вился бордовый бархатный плащ. Красивое лицо Дориана Хокмуна портил лишь Черный Камень во лбу.

На палубу поднялся боцман. Хокмун церемонно вскинул руку, приветствуя его.

— Я отдал приказ плыть вдоль побережья в восточном направлении, сэр, — доложил боцман.

— Кто посоветовал вам плыть этим курсом?

— Никто, сэр. Просто я подумал, что раз вы направляетесь в Днарк...

— Мы направляемся не в Днарк. Скажи об этом рулевому.

— Но тот страшный воин — Рыцарь в Черном и Золотом, как вы его называли, он же говорил...

— Он мне не указ, боцман. Мы направляемся напрямиком к Европе.

— К Европе, сэр?! После того как вы спасли Нарлин, мы доставим вас куда захотите и сами последуем за вами. Но понимаете ли вы, какое огромное расстояние мы должны пройти, чтобы достичь Европы, сколько морей нам придется пересечь, какие шторма пережить...

— Да, понимаю. Но все равно мы идем в Европу.

— Как скажете, сэр, — нахмурившись, боцман повернулся, чтобы передать рулевому приказ.

Из своей каюты под главной палубой по трапу поднялся д'Аверк. Хокмун улыбнулся.

— Хорошо спалось, друг д'Аверк?

— Настолько хорошо, насколько это возможно на борту этого плавающего корыта, качающегося в разные стороны. Я и в лучшие времена страдал от бессонницы, но сейчас мне удалось сомкнуть глаза лишь на несколько минут. Пожалуй, на большее я и не рассчитывал.

— Когда я час назад заходил в каюту, ты храпел, — засмеялся Хокмун.

— Так значит, ты слышал, как я тяжело дышал? поднял брови д'Аверк. — Я старался делать это как можно тише, но дурацкая простуда, которую я подхватил на борту корабля, все-таки доконала меня. — Он поднес к носу льняной платок.

На д'Аверке была свободная шелковая голубая рубашка, алые расклешенные брюки, тяжелый широкий кожаный пояс, на котором висели меч и кинжал. Горло он обмотал шарфом пурпурного цвета, а его длинным волосам не позволяла спадать на лоб яркая повязка. Тонкие, почти аскетические черты лица хранили обычное сардоническое выражение.

— Правильно я расслышал ваш разговор с боцманом? — спросил д'Аверк. — Ты приказал направиться в Европу?

— Да.

— Значит, ты все еще надеешься добраться до замка Брасс? А как же предупреждение Рыцаря в Черном и Золотом? Ты ведь знаешь, что твоему клинку, — д'Аверк показал на большой розовый меч на боку Хокмуна, — выпала судьба направиться в Днарк, чтобы служить делу Рунного Посоха?

— Я обязан быть верным себе и своему роду и не стану служить артефакту, в существовании которого я к тому же весьма сильно сомневаюсь.

— Раньше ты не верил в силу этого клинка, — с иронией заметил д'Аверк, — пока собственными глазами не увидел, как Меч Зари вызвал воинов и те спасли наши жизни.

На лице Хокмуна отразилось упрямство.

— Да, — с неохотой признался он, — но я все равно хочу попробовать вернуться в Замок Брасс.

— Сначала неплохо бы узнать, в каком измерении он находится.

— Будем надеяться, что он стоит на прежнем месте, — в голосе Хокмуна прозвучала категоричность. Ему явно не хотелось обсуждать уже давно решенный для себя вопрос. Д'Аверк удивленно поднял брови, но промолчал. Спустившись на нижнюю палубу, он принялся прогуливаться по ней, насвистывая.

Пять дней они шли на всех парусах по спокойному океану. На шестой день боцман подошел к Хокмуну и указал вперед:

— Видите темное облако там, на горизонте? Это шторм, и мы к нему приближаемся.

Хокмун стал вглядываться вдаль.

— Шторм, говоришь? Какой-то странный у него вид.

— Да, сэр. Убрать паруса?

— Нет, боцман. Мы будем идти дальше, пока точно не узнаем, что там впереди.

— Как скажете, сэр. — Боцман, качая головой, спустился на палубу.

Спустя несколько часов перед ними возникло нечто, напоминающее огненную стену, протянувшуюся от края до края водной глади. Стена грозно вздымалась вверх, однако небо оставалось все таким же голубым, как обычно, и море выглядело абсолютно спокойным. Только ветер стих. Создавалось впечатление, будто они плывут по озеру, берега которого поднимаются к самым облакам и исчезают в вышине.

Команда пришла в замешательство: никто не мог толком объяснить столь диковинное явление. В голосе боцмана Хокмун услышал страх:

— Уберем паруса, сэр? Я никогда прежде не слышал ни о чем подобном. Люди волнуются...

— И правда, явление странное, — сочувственно кивнул Хокмун. — Я бы сказал — сверхъестественное.

— Именно так и говорят матросы.

Самого Хокмуна неудержимо тянуло вперед: ему не терпелось встретиться с тем, что его ожидает. Но он нес ответственность за команду корабля, последовавшую за ним добровольно; они были благодарны ему за избавление их родного города Нарлина от власти лорда-пирата Вэйона Старвельского, прежнего владельца Меча Зари. Это заставляло Хокмуна сдерживать свои желания.

— Ладно, боцман, — вздохнул Хокмун. — Уберем паруса и переждем ночь. Может быть, нам повезет и к утру все это прекратится.

— Благодарю вас, сэр, — боцман явно испытал большое облегчение.

Хокмун кивнул ему, а затем, повернувшись, вгляделся в огненную стену, пытаясь понять, что все-таки преградило им путь. Воздух стал прохладнее. И хотя по-прежнему сияло солнце, казалось, что его лучи огибают огненную стену. Все было недвижимо и спокойно.

Хокмун гадал, мудро ли он поступил, направившись прочь от Днарка. Насколько он знал, никто, кроме древних, не переплывал этот океан. И можно было лишь догадываться, какие неведомые опасности могут таиться в нем.

Наступила ночь, а стена все еще горела в темноте красным и пурпурным светом. Это было весьма странным. Беспокойство Хокмуна нарастало.

Утром выяснилось, что стена придвинулась ближе к кораблю, и спокойствие океана теперь казалось зловещим. «Мы в ловушке, — подумал Хокмун. — И расставили ее какие-то сверхъестественные силы».

Он расхаживал по палубе в теплом плаще, который не очень-то спасал от холода. Вслед за герцогом на палубу выбрался дрожащий д'Аверк, закутавшийся сразу в три плаща.

— Прохладное утро, Хокмун.

— Да, — пробормотал герцог Кельнский. — Что ты об этом думаешь, д'Аверк?

— Довольно мрачная перспектива, — покачал головой француз. — А вот и боцман...

Они оба повернулись, чтобы поприветствовать боцмана, появившегося в широком кожаном плаще.

— У тебя есть какие-нибудь мысли насчет нашего положения, боцман? — спросил д'Аверк.

Боцман пожал плечами и обратился к Хокмуну:

— Матросы говорят, что они будут с вами до конца, сэр, чтобы ни случилось. Если понадобится, они умрут за вас.

— Похоже, им не очень весело, — улыбнулся д'Аверк, — но нельзя винить их за это.

— В самом деле, сэр, — круглое, честное лицо боцмана выражало отчаяние. — Может быть, приказать поставить паруса?

— Так будет лучше, чем сидеть и ждать, когда эта стена нас накроет, — подтвердил Хокмун. — Поднимайте паруса!

Матросы бросились выполнять приказ.

Постепенно паруса наполнились ветром, и корабль с явной неохотой двинулся к загадочной багрово-красной стене.

Вдруг стена дрогнула и сквозь нее проступила другая, более темного цвета. Со всех сторон послышался какой-то воющий звук. Люди застыли в ужасе от происходящего.

Но вот в один миг преграда исчезла.

Хокмун ахнул.

Их опять окружала бескрайняя гладь океана. Все было, как прежде. Палуба огласилась радостными криками. Но лицо д'Аверка оставалось по-прежнему мрачным. Хокмун тоже понимал, что опасность, возможно, еще не миновала. Он стоял наготове у фальшборта и ждал. Предчувствие не обмануло его.

Тут и там из воды высунулись морды отвратительных чудовищ: гигантские рептилии с зияющими красными пастьми и тройными рядами зубов. Вода струилась по чешуе, а глаза горели безумной злобой.

Раздался оглушительный звук хлопающих крыльев, и чудовища поднялись в воздух.

— Нам конец, Хокмун, — с философским спокойствием произнес д'Аверк, вынимая меч. — Жаль, что не пришлось напоследок увидеть замок Брасс и сорвать последний поцелуй с губ любимой.

Хокмун едва его расслышал. Он был зол на судьбу, которая послала ему гибель в этом проклятом океане: никто никогда не узнает, как и где они погибли...

Глава 4

ОРЛАНД ФАНК

Гигантские рептилии нависли над палубой, их крылья с шумом рассекали воздух. Хокмун неподвижно стоял и смотрел, как одно из чудовищ стало снижаться над ними, разинув пасть. Он приготовился принять смерть. Но рептилия, задев мачту, вновь поднялась в воздух.

Сделав над собой невероятное усилие, Хокмун выхватил Меч Зари. Никто, кроме него, не смог бы удержать в руках этот меч и при этом остаться в живых. Но Хокмун понимал, что Меч Зари будет бессилен против таких ужасных тварей. Ведь им даже не нужно нападать на людей — стоит лишь нанести кораблю несколько пробоин и отправить его на дно.

Поднятый рептилиями ветер раскачивал судно. За несколько секунд воздух, как губка водой, пропитался зловонным дыханием чудовищ.

— Почему они не нападают? — нахмурился д'Аверк. — Как будто играют с нами в какую-то игру.

Хокмун кивнул и процедил сквозь стиснутые зубы:

— Может быть, им хочется поиграть с нами прежде, чем уничтожить.

Громадная тень опустилась на корабль, д'Аверк взмахнул мечом. Клинок со свистом рассек воздух, а монстр снова взмыл вверх.

— Фу! — поморщился д'Аверк. — Ну и вонь! Это явно не на пользу моим легким.

Чудовища снова начали снижаться. Чешуйчатые крылья несколько раз ударили по корпусу корабля. Судно содрогалось. Матросы, громко крича, посыпались с мачт на палубу. Хокмун и д'Аверк, вцепившись в фальшборт, еле удержались на ногах и едва не свалились в воду.

— Они поворачивают корабль! — озадаченно воскликнул д'Аверк.

Хокмун мрачно взглянул на мерзких созданий, но промолчал. Вскоре корабль уже был развернут градусов на восемьдесят. А потом рептилии поднялись еще выше и закружили в воздухе, словно не понимая, что им делать дальше. Хокмун хотел разглядеть в глазах животных проблески разума. Но это было невозможно.

Рептилии отлетели чуть ли не на милю от корабля и вновь повернули обратно. Ветер, поднятый рептилиями, заставил Хокмуна и д'Аверка пригнуться. Паруса корабля выгнулись, и пораженный д'Аверк воскликнул:

— Так вот что они делают! Они гонят корабль туда, куда им приказано его направить! Это невероятно!

— Мы поворачиваем обратно к Амариду, — произнес Хокмун. — Хотел бы я знать...

— Чем же питаются эти мерзкие твари? — прокричал сквозь шум ветра д'Аверк. — Дыхание их чересчур зловонно! Уфф!

Несмотря на свое отнюдь не веселое положение, Хокмун усмехнулся.

Все матросы забились в весельные ячейки и с ужасом смотрели на жутких рептилий.

— Вероятно, они гнездятся вон там, — Хокмун указал направление. — А их детеныши питаются сырым мясом.

— То, что ты говоришь, — д'Аверк выглядел оскорбленным, — может быть и верно. Но все же с твоей стороны было бестактно высказывать подобную мысль вслух.

Хокмун криво усмехнулся.

— Если их гнездовье находится на суше, — сказал он, — есть шанс сразиться с ними. Здесь же, в открытом море, не стоит даже и думать об этом.

— Вы оптимист, герцог Кельнский...

Больше часа кошмарные создания гнали по морю корабль с головокружительной скоростью. Вдруг Хокмун I молча показал вперед.

— Остров! — воскликнул д'Аверк. — Похоже, ты оказался прав!

Они приближались к небольшому, совершенно голому, без всякого намека на растительность, островку. Склоны его резко поднимались к центру, как будто островок был вершиной какой-то горы, еще не до конца погрузившейся в воду.

Тут Хокмун понял, что им грозит.

— Скалы! Мы направляемся прямо на них! Матросы! По местам! Рулевой!..

Он сам метнулся к рулю, изо всех сил навалившись на тяжелую перекладину, желая спасти корабль от столкновения со скалами.

Остров стремительно приближался. Уже слышался шум прибоя, предрекающий гибель.

Когда утесы были уже совсем близко, судно стало медленно поворачиваться. Стоящих на палубе обдало солеными брызгами. Вдруг они услышали ужасный звук. Трещала обшивка. Стало ясно, что скалы распорили правый борт ниже ватерлинии.

— Спасайся кто может! — крикнул Хокмун и бросился к борту. Д'Аверк последовал за ним. Корабль накренился, корма угрожающе задралась вверх. Всех швырнуло к левому борту. Хокмун и д'Аверк, секунду поколебавшись, прыгнули в черные бурлящие волны.

Пытаясь удержаться на поверхности, Хокмун почувствовал, как Меч Зари тянет его на дно, но все же не решился бросить оружие, а попытался всплыть вместе с тяжелым клинком. Пробившись сквозь толщу воды, Хокмун увидел смутный силуэт корабля. Море казалось более спокойным, а ветер и вовсе стих; грохот прибоя перешел в легкий шепот волн, странное безмолвие сменило царившую только что какофонию.

Хокмун доплыл до плоской скалы, выбрался на нее и выволок за собой меч. Затем он огляделся.

Рептилии все еще кружили в небе, но так высоко, что уже не чувствовалось ветра от взмахов их крыльев. Потом они внезапно взмыли вверх и спустя мгновение нырнули обратно в море.

Нырнув, чудовища подняли необычайно высокие волны, которые докатились до корабля, и он затрещал от их ударов.

Хокмуна чуть не сбросило со скалы. Он вытер воду с лица и сплюнул морскую горечь. Что будут делать чудовища дальше? Может, когда-нибудь им понадобится живое мясо? Этого никто не мог сказать.

Хокмун услышал, как его окликнули. Обернувшись, он увидел д'Аверка и матросов, пробирающихся к нему по скользким камням.

— Ты видел, Хокмун, как эти твари скрылись? — вид у д'Аверка был очень удивленный.

— Да... Хотел бы я знать, вернутся ли они.

Д'Аверк мрачно посмотрел туда, где исчезли рептилии, и пожал плечами.

— Я предлагаю двигаться в глубь острова. Но прежде надо достать с корабля все, что уцелело, — сказал Хокмун. — Сколько людей осталось в живых? — Он повернулся к стоящему позади д'Аверка боцману.

— Думаю, большинство, сэр. Нам повезло. Посмотрите...

— Пошлите на корабль несколько человек, — приказал Хокмун, — и начинайте выгружать припасы.

— Как скажете, сэр. А если вернутся чудовища?

— Когда их увидим, тогда и решим, — ответил Хокмун.

Несколько часов подряд Хокмун наблюдал, как выгружают на остров остатки их багажа.

— Как ты думаешь, можно будет отремонтировать корабль? — спросил д'Аверк.

— Наверное. Теперь, когда море спокойно, он навряд ли разобьется о скалы. Но на ремонт нужно

время, — Хокмун потер тусклый Камень во лбу. — Пошли, д'Аверк, обследуем остров.

Они стали подниматься по голым, безжизненным скалам к вершине в центре острова. Единственное, что им оставалось делать — это отыскать подходящую лужу пресной воды, а на берегу могут быть устрицы, выброшенные прибоем. Невозможно было даже представить себе жизнь на этом острове в том случае, если им не удастся отремонтировать корабль. К тому же чудовища...

Они добрались до вершины и остановились передохнуть.

— Та сторона столь же пустынна, как и эта, — показал вниз д'Аверк. — Интересно... — Он оборвал фразу и воскликнул: — Клянусь глазами Березанта! Человек!

Хокмун взглянул в направлении, указанном д'Аверком.

И правда, вдоль берега двигалась какая-то фигура. Пока они соображали, кто бы это мог быть, человек поднял голову и приветливо помахал рукой, приглашая спуститься к нему.

Оба друга начали медленно спускаться, думая, не галлюцинация ли это. Они подошли поближе. Незнакомец стоял, уперев руки в бока, широко расставив ноги, и улыбался. Хокмун и д'Аверк остановились.

Человек был весьма странно одет, на первый взгляд просто допотопно. На мускулистый торс была натянута кожаная безрукавка. Копну рыжих волос прикрывала вязаная шапочка, изящно украшенная пером из хвоста фазана. Весь наряд дополняли несуразные клетчатые штаны, а на ногах красовались стоптанные штилеты с пряжками. К спине веревкой был привязан гигантский боевой топор со стальным топорщиком и выщербленным от долголетней службы лезвием. В голубых глазах, ярко выделяющихся на скуластом и красном лице, мелькала лукавая искорка.

— Ну, так значит вы, должно быть, и есть те самые Хокмун и д'Аверк? — проговорил человек со странным акцентом. — Мне говорили, что вы, наверное, появитесь здесь.

— А вы кто будете, сэр? — несколько надменно поинтересовался д'Аверк.

— Да я же Орланд Фанк, разве вы не узнали? Я к вашим услугам, милорды.

— Вы живете на этом острове? — спросил Хокмун.

— Я здесь жил, но в данный момент уже не живу, вы должны знать об этом. — Фанк снял шапочку и вытер лоб тыльной стороной ладони. — Сейчас я, как и вы, путешествую...

— А кто рассказал вам о нас? — полюбопытствовал Хокмун.

— У меня есть брат. Он любит носить довольно пижонские черно-золотые доспехи...

— Рыцарь в Черном и Золотом! — воскликнул Хокмун.

— Как я слышал, ему действительно присвоили это дурацкое прозвище. Должно быть, он ничего не сказал вам о своем грубом и шустром братце.

— Не сказал. А кто вы?

— Меня зовут Орланд Фанк из местечка на Оркнее, знаете...

— С Оркнея! — рука Хокмуна непроизвольно рванулась к мечу. — Разве это не часть Гранбритании? Остров находится на далеком севере!

— Скажите любому оркнейцу, что его родина принадлежит Темной Империи, — засмеялся Фанк, — и он перегрызет вам глотку! — Он извинился и пояснил: — Это, знаете ли, наш любимый способ разделяться с врагами. Мы не очень-то утонченный народ.

— Так значит Рыцарь в Черном и Золотом тоже с Оркнея... — начал было д'Аверк.

— Помилуйте, какое там! Это он-то с Оркнея? С его пижонскими доспехами и изысканными манерами?! — Орланд Фанк от души расхохотался, так, что даже слезы выступили. — Нет, он не оркнеец! — Своей потрепанной шапочкой Фанк утер слезы. — Почему вы так подумали?

— Вы же сказали, что он ваш брат.

— Так оно и есть. Можно сказать, что он мой духовный брат. А может быть, и не только духовный. Я

этого не помню. Прошло уже столько лет с тех пор, как мы встретились...

— И что же вас свело?

— Можно сказать, общее дело.

— А не было ли это связано с Рунным Посохом? — пробормотал Хокмун тихим голосом, прозвучавшим в унисон с далеким гулом морского прибора.

— Может быть.

— Что это ты, Фанк, стал вдруг неразговорчивым, — заметил д'Аверк.

— Да. На Оркнее народ неразговорчивый, — улыбнулся Орланд. — Правда, я у них считаюсь болтуном. — Казалось, он ничуть не обиделся.

— Скажи, те чудовища и странные облака как-то связаны с Рунным Посохом? — поинтересовался Хокмун.

— Я здесь недавно и не видел еще никаких чудовищ и облаков. А собственно, как вы попали сюда?

— Нас пригнали к этому острову гигантские рептилии, — пояснил Хокмун, — и теперь я, кажется, понимаю... Они тоже служили Рунному Посоху.

— Может быть. Но это совершенно не мое дело.

— Значит, это Рунный Посох вызвал крушение нашего корабля? — свирепо спросил Хокмун.

— Не знаю, — ответил Фанк, накрывая шапочкой копну рыжих волос и почесывая острый подбородок. — Я до сих пор торчу здесь только для того, чтобы дать вам лодку и сообщить, где ближайшая обитаемая земля.

— Вы хотите дать нам лодку? — поразился д'Аверк.

— Да, вполне сносную для двоих.

— Двоих?! Но у нас пятьдесят матросов! — глаза Хокмуна вспыхнули. — О, если Рунный Посох желает, чтобы я служил ему, ему следовало бы тоже постараться. Пока что он заслужил только мой гнев!

— Гнев лишь утомит вас, — мягко сказал Фанк. — Я думал, что вы направляетесь в Днарк, чтобы послужить делу Рунного Посоха. Мой брат говорил мне...

— Твой брат настаивал, чтобы я плыл в Днарк. Но разве я могу забыть о жене и друзьях... Ведь они ждут моего возвращения.

— Обитатели замка Брасс? Да, я слышал о них. Сейчас они в безопасности, если вас это известие утешит.

— Ты это точно знаешь?

— Да. Их жизнь течет без особых происшествий, если не считать неприятностей с Эльвереццо Тоузе...

— А что с ним стряслось?

— Как я понял, он вернул себе кольцо и смылся, — Орланд изобразил взмах крыльями.

— Куда?

— Кто его знает! Вы ведь на себе испытали силу кольца Майгана.

— Не стоит доверять этим вещицам.

— Так я и понял.

— Ладно, они хоть избавились от Тоузе.

— Я его не знаю. Кто это? — спросил Орланд.

— Талантливый драматург, — пояснил Хокмун, — с моралью... э-э-э...

— Гранбретанца? — подсказал Фанк.

— Именно, — Хокмун нахмурился и пристально посмотрел на Фанка. — Ты меня не обманываешь? Мои близкие и друзья действительно в безопасности?

— Пока им нечего бояться.

— А где же лодка? И куда мне девать команду?

— Я помогу им вернуться в Нарлин. У меня есть кое-какие навыки в кораблестроении, и мы починим корабль.

— А почему мы не можем плыть вместе с ними? — спросил д'Аверк.

— Сдается мне, что вы очень нетерпеливы, — спокойно заметил Фанк. — Они отправятся с острова при первой же возможности. Надо ж понимать: чтобы отремонтировать такое большое судно, понадобится много времени.

— Хорошо, мы согласны на лодку, — решил Хокмун. — Боюсь, что в противном случае нам не отделаться от накликанных кем-то неудач. То ли Рунный Посох, то ли...

— Вполне вероятно, — с улыбкой согласился Фанк.

— А как же ты покинешь остров, если мы заберем твою лодку? — поинтересовался д'Аверк.

— Я пойду с моряками до Нарлина. У меня масса свободного времени.

— Далеко ли отсюда до материка? — спросил Хокмун. — Ты можешь одолжить нам компас?

— Здесь близко. И я думаю, компас вам не понадобится. Вам следует лишь дождаться нужного ветра.

— Что ты имеешь в виду?

— Скоро поймете. Ветры здесь очень необычные.

Хокмун пожал плечами. И они пошли вдоль берега вслед за Фанком.

«Похоже, не такие уж мы и хозяева собственной судьбы», — ехидно заметил про себя д'Аверк.

Наконец, они увидели небольшую лодку.

Глава 5

ГОРОД СВЕТАЩИХСЯ ТЕНЕЙ

Уже целый день ветер гнал суденышко в нужном направлении. Хокмун лежал на дне лодки и хмурился; д'Аверк, стоя на носу, насвистывал какой-то мотивчик, не обращая внимания на хлещущие по лицу брызги.

— Теперь я понимаю, что имел в виду Фанк, — сказал Хокмун. — Это не похоже на обычный бриз. Знаешь, мне не по вкусу быть марионеткой в руках каких-то сверхъестественных сил...

д'Аверк усмехнулся и показал вперед:

— Смотри, земля! Должно быть, у нас скоро появится возможность пообщаться с этими таинственными силами.

Хокмун лениво приподнялся и увидел на горизонте землю.

— Итак, мы возвращаемся в Амарик, — рассмеялся д'Аверк.

— Если б это вдруг оказалась Европа и я смог бы увидеть Исольту... — печально вздохнул Хокмун.

— А я — Флану. — д'Аверк кашлянул. — А все же хорошо, что она не обручилась с больным, умирающим человеком.

Постепенно на побережье стали различимы контуры деревьев, неровные утесы и холмы. Непредвиденно берег озарило странное золотое сияние. Казалось, свет пульсирует в такт ударам гигантского сердца.

— Похоже, опять что-то сверхъестественное, — сказал д'Аверк.

Ветер усилился, и лодочка повернула прямо на свет.

— Мы направляемся прямо туда, — простонал Хокмун. — Я уже начинаю уставать от всего этого.

Они вошли в залив между материком и длинным островом. С дальнего конца стороны острова и шло золотое сияние.

По обеим сторонам тянулся пологий берег с песчаными пляжами и зелеными холмами. Людей нигде не было видно.

По мере того как лодка приближалась к источнику света, он тускнел, превратившись под конец в слабое свечение. Лодка медленно приближалась к таинственному острову.

И вдруг взорам путешественников предстал город такой необычайной красоты, что они лишились дара речи. Город был таким же огромным, как и Лондра, если не больше; его здания венчались симметричными шпилями, куполами и башнями. Все они светились тем же удивительным светом. И каждый дом имел свой оттенок — розовый, желтый, зеленый, фиолетовый, вишневый, краски были словно сотканы из солнечных лучей и золотых нитей. Эта красота казалась не человеческой, а какой-то божественной.

Лодка вошла в порт — столь же прекрасный и светлый, как сам город.

— Все это похоже на город мечты... — прошептал Хокмун.

— Мечты о рае, — подхватил д'Аверк. Весь его цинизм куда-то исчез.

Лодка остановилась у лестницы, спускавшейся к воде.

— Я думаю, здесь мы и высадимся, — предложил д'Аверк.

Хокмун кивнул с серьезным видом, а потом спросил:

— А кольца Майгана все еще у тебя в сумке?

— Они в безопасности! — похлопал себя по боку д'Аверк. — А что?

— Мне просто хотелось убедиться, что на случай опасности у нас есть не только клинки, но и кольца.

Д'Аверк понимающе кивнул, а потом вдруг наморщил лоб:

— Странно, что мы забыли о них на острове...

На лице Хокмуна застыло недоумение.

— Да, да... — И он поджал губы в негодовании. — Конечно, на нас повлияла какая-то чертовщина. Как я ненавижу все эти сомнительные дела!

Д'Аверк приложил к губам палец и изобразил на лице недовольную мину:

— Что за выражения в таком месте!

— Надеюсь, что обитатели так же симпатичны, как и сам город.

— Если только они здесь действительно есть, — ответил, оглядываясь, д'Аверк.

По лестнице они поднялись на набережную. Повсюду возвышались необычные здания, а между ними протянулись широкие улицы.

— Давай осмотрим город, — предложил Хокмун, — Нужно поскорее выяснить, зачем нас сюда притащили. Тогда, наверное, нам все же позволят вернуться домой, в замок Брасс.

Шагая по улице, друзья ловили себя на мысли, что даже тени домов были будто живые и светились собственным сиянием. Высокие башни вблизи казались призрачными и неосязаемыми. Хокмун протянул руку, дотронулся до одной из стен и застыл в изумлении: материал не был похож ни на что, к чему он прикасался раньше. Не камень и не дерево, и даже не сталь: материя слегка подалась под пальцами и заставила их дрогнуть. Кроме того, Хокмуна удивила теплота, волной пробежавшая по руке и заполнившая все тело.

— Это скорее плоть, чем камень. — Он озадаченно покачал головой.

Д'Аверк вслед за ним протянул руку и тоже был поражен.

— Да, похоже на плоть или даже на какое-то растение. Материал определенно напоминает что-то живое, или, во всяком случае, он органического происхождения.

Они двинулись дальше. Каждая вторая улица оканчивалась площадью. Хокмун и д'Аверк шли наобум по новым улицам, разглядывая уходящие ввысь здания, верхние этажи которых терялись в золотом тумане.

Друзья старались говорить тише, словно боясь нарушить безмолвие великого города.

— Ты заметил, — прошептал Хокмун, — что у домов вообще нет окон?

— И никакого намека на двери, — добавил д'Аверк. — Сдается мне, что этот город построен не для людей и строили его не люди!

— Наверное, это были какие-то существа, жившие во времена Страшного Тысячелетия, — прошептал Хокмун. — Существа вроде призрачного народа Сориандума.

Д'Аверк кивнул.

Шагая по пустынным улицам, друзья заметили, что впереди по ходу следования сгущаются какие-то непонятные тени. И как только Хокмун и д'Аверк попадали в такую тень, их наполняло ощущение полнейшего благополучия и оба начинали улыбаться. А вокруг кружили мерцающие тени. Хокмуну пришла в голову мысль, что, возможно, это и есть жители города.

Они пересекли еще одну улицу и оказались в центре города. На громадной площади находилось самое высокое здание города, которое, несмотря на свои размеры, выглядело необыкновенно изящно. Оно было цилиндрической формы, на стенах переливались разноцветные огни, а у подножия Хокмун заметил кое-что еще.

— Смотри, д'Аверк, лестница! Ведет к дверям!

— Что же нам делать? — прошептал д'Аверк.

— Конечно же войти! — разрешил его сомнения Хокмун. — Терять нам нечего.

— Внутри, наверное, мы найдем ответ на все вопросы... Пожалуйста... Я после вас, герцог Кельнский.

Друзья поднялись по лестнице и добрались до дверного проема высотой в человеческий рост. Внутри они увидели множество светящихся теней.

Хокмун храбро шагнул вперед. Д'Аверк неотступно следовал за ним.

Глава 6

ДЖЕМИЯ КОНАЛИС

Они двигались в мерцающей тьме башни. Ноги будто утопали в зыбком веществе, а тени, казалось, обволакивали их с головы до пят.

Коридоры наполнила сладкая и нежная мелодия, похожая на какую-то неземную колыбельную песню. Музыка еще более усилила ощущение благополучия и покоя.

И вот они вошли в небольшую комнату, наполненную тем же золотым пульсирующим светом.

Этот свет исходил от ребенка.

Перед ними сидел мальчик в одежде, расшитой драгоценными камнями. Смуглая, нежная кожа и раскосые глаза говорили о его восточном происхождении. Он был так прекрасен, что казался воплощением любви.

Мальчик улыбнулся — будто солнце взошло.

— Герцог Дориан фон Кельн, — нежно произнес мальчик, склонив голову, — и Хьюлам д'Аверк. Я восхищаюсь и вашими картинами, и вашими зданиями, сэр.

— Вы знаете о них? — д'Аверк был поражен.

— Они великолепны. Почему вы не создаете новых?

— Я... я думаю, — д'Аверк смущенно откашлялся, — что утратил навыки. И потом война...

— Ах, да. Конечно. Темная Империя. Потому-то вы и здесь.

— Я так и предполагал...

— Меня зовут Джемия Коналис, — снова улыбнулся мальчик. — И это все, что я могу вам сообщить. Этот город называется Днарк. Во внешнем мире его обитателей за мудрость и доброту называют Великими Добродетельными Людьми. По-моему, вы уже встретили кое-кого из них.

— Светящиеся тени? — спросил Хокмун.

— Вы так их воспринимаете? Да, значит это были жители Днарка.

— Они разумны? — поинтересовался Хокмун.

— Даже более чем разумны.

— Значит, этот город Днарк и есть легендарный город Рунного Посоха?

— Да.

— Странно, но все легенды говорят, что он находится не на континенте Амарик, а в Коммуназии, — заметил д'Аверк.

— Наверное, это неслучайно, — улыбнулся мальчик. — Такие легенды чрезвычайно удобны.

— Понятно.

Джемия Коналис спокойно улыбнулся:

— Как я понимаю, вы хотите увидеть Рунный Посох? Вы для этого явились сюда?

— Очевидно, — ответил Хокмун, который не мог испытывать гнев в присутствии этого ребенка. — Сначала ваш слуга — Рыцарь в Черном и Золотом велел нам отправиться сюда, а потом, когда мы сбились с пути, нас познакомили с его братом — Орландом Фанком...

— Ах, да, — воскликнул Джемия Коналис, — Орланд. Я испытываю особую симпатию к этому слуге Рунного Посоха, — он слегка нахмурился. — Однако чуть не забыл. Вас нужно накормить. Вы, наверное, голодны. А затем вы встретитесь с одним путешественником — он опередил вас всего на несколько часов.

— А мы его знаем?

— По-моему, вы раньше встречались. Сюда, пожалуйста, — мальчик как будто выплыл из своего кресла.

— Кто же еще прибыл в Днарк? — шепнул Хокмуну д'Аверк. — Интересно...

Глава 7

ВЕЛИКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК

Они шли за Джеммией Коналисом по извилистым коридорам. Вокруг теперь стало светлей, потому что тени исчезли. Надо думать, они уже выполнили свою задачу, приведя сюда Хокмуна и д'Аверка.

Наконец путники остановились в большом зале. Там стояли скамьи и длинный, накрытый яствами стол. Пища была сравнительно простой: блюда с рыбой, хлеб и овощи.

Внимание Хокмуна и д'Аверка привлекла фигура в другом конце зала. Приглядевшись внимательно, они непроизвольно ухватились за рукояти мечей. На лицах проступило выражение гнева и удивления.

Наконец Хокмун смог выдавить сквозь стиснутые зубы:

— Шенегар Тротт!

Толстяк тяжело двинулся к ним. Его простая серебряная маска была пародией на лицо, что скрывалось под ней.

— Добрый день, господа!

— Ты знаешь, что это за птица? — обратился Хокмун к д'Аверку.

— По-моему, исследователь из Европы.

— Это граф Суссекский, правая рука короля Хаона. Он изнасиловал пол-Европы. Пожалуй, его превзошел только барон Мелиадус, преуспевший в этом больше всех.

— Бросьте, — проговорил Тротт мягким и веселым голосом. — Нет необходимости оскорблять друг друга. Мы здесь на нейтральной территории. Вопросы войны — другое дело. Но поскольку они нас сейчас не волнуют, давайте не будем огорчать нашего юного хозяина.

— Как ты прибыл сюда, граф Шенегар? — гневно спросил Хокмун.

— На корабле. Наш барон Калан, с которым, думается мне, вы встречались... — Тротт засмеялся, когда Хокмун машинально коснулся Черного Камня во лбу. — Он изобрел новый вид двигателя. Теперь наши корабли могут идти с невероятной скоростью. Принцип тот же, что и в наших орнитоптерах, но конструкция посложнее. Так вот, мудрый Король-Император поручил мне отправиться в Амарик. Цель моего визита — завязать дружественные отношения со здешними правителями.

— То есть вы прибыли сюда, чтобы выяснить их сильные и слабые места, прежде чем напасть! — вскипел Хокмун. — Нельзя доверять слугам Темной Империи!

Мальчик развел руками. На его лицо набежало облачко грусти.

— Мы здесь, в Днарке, добиваемся всего лишь равновесия. Оно и есть главная цель и причина существования Рунного Посоха. Умоляю вас, поберегите ваши споры до более подходящего случая. Подайте друг другу руки и попробуйте наше угощение.

— Но я должен предупредить, — произнес д'Аверк более легким тоном, чем Хокмун, — что Шенегар появился здесь не случайно. Обычно он приносит с собой беды и разрушения. Недаром граф Суссекский считается самым хитрым лордом Гранбретании.

Мальчик, похоже, смутился и лишь немного погодя снова пригласил их к столу.

— Садитесь, пожалуйста...

— А где ваш флот, граф Шенегар? — спросил д'Аверк, усаживаясь на скамью и придвигая к себе блюдо с рыбой.

— Флот? — с невинным видом переспросил Тротт. — Какой флот? Я ничего не говорил о флоте, а только упомянул о своем корабле, который бросил якорь в нескольких милях от города.

— Тогда, должно быть, это большое судно, — пробурчал Хокмун, взяв кусок хлеба. — Что-то

непохоже, чтобы граф Темной Империи отправлялся в путешествие, не подготовившись к битве.

— Вы забыли, что в Гранбритании тоже есть ученые и исследователи, — возразил с показной обидой Тротт. — Мы ищем знания, истину и разум. Наша цель — объединить враждующие государства Европы и добиться мира.

Д'Аверк никак не отреагировал на эту сентенцию, лишь закашлял еще более нарочито.

И тут Тротт выкинул нечто совершенно беспрецедентное для вельможи Темной Империи. Он сдвинул маску на затылок и принялся за еду. В Гранбритании этот поступок всех бы шокировал. Там считалось неприличным открывать свое лицо, а уж тем более есть на виду у всех.

Тротт слыл личностью эксцентричной. И вся знать Гранбритании терпела его только потому, что он был владельцем громадного состояния и обладал недюжинными военными способностями.

Его белое и пухлое лицо действительно было похоже на маску. В холодных глазах угадывался ум и способность принимать любое обличье.

Все молча ели, лишь мальчик не притрагивался к еде.

Хокмун нарушил молчание, указав на тяжелые посеребренные доспехи графа:

— Если у вас мирная исследовательская миссия, зачем вы путешествуете в таком наряде?

— Нельзя предугадать, с какими опасностями придется столкнуться в пути.

Д'Аверк сменил тему, понимая, что Тротта голыми руками не возьмешь.

— Как протекает война в Европе? — спросил он.

— В Европе нет никакой войны, — заверил его Тротт.

— Никакой войны? — ехидно переспросил Хокмун. — Тогда почему же мы изгнаны из своих владений и находимся здесь?

— Во всей Европе царит мир. За этим следит наш добрый покровитель Король Хаон, — пояснил Шенегар, дружески подмигнув. Это заставило Хокмуна умолкнуть.

— За исключением разве что Камарга, — добавил Тротт, — как известно, он исчез. Мой собрат барон Мелиадус был крайне взбешен этим обстоятельством.

— Я в этом не сомневаюсь, — сказал Хокмун. — Он все еще мечтает отомстить нам?

— Да... Вернее, когда я покидал Лондру, он уже стал посмешищем почти для всего двора.

— Кажется, вы не слишком симпатизируете барону? — поинтересовался д'Аверк.

— Вы меня правильно поняли, — подтвердил граф Шенегар. — Сохраняя верность своей Родине и Королю, я все же не всегда был доволен тем, что делалось от его имени. Однако приказ есть приказ. Я — солдат. Но, по правде говоря, я предпочел бы сидеть дома, читать книги и писать мемуары. Ведь когда-то я считался подающим большие надежды поэтом.

— Когда-то... Но теперь вы пишите лишь эпитафии, да и то — огнем и кровью, — бросил Хокмун.

Вместо того чтобы обидеться, граф Шенегар с достоинством ответил:

— У вас своя точка зрения, у меня — своя. Я верю в справедливость нашего дела, в то, что необходимо объединение всего мира. А личные интересы, пусть даже самые благородные, должны быть принесены в жертву великим принципам.

Но Хокмуна нельзя было переубедить.

— Это обычный ответ гранбританца, — заявил Хокмун. — То же самое говорил Брассу барон Мелиадус, когда собирался похитить дочь графа.

— Мое мнение о бароне вы уже слышали, — возразил граф Тротт. — Что поделаешь, при каждом дворе есть свой шут.

Казалось, Шенегар пытается убедить не Хокмуна и д'Аверка, а мальчика, который безмолвно слушал

их разговор.

Закончив есть, Тротт отодвинул от себя блюдо и опустил на лицо маску.

— Благодарю вас, сэр, за гостеприимство, — обратился он к хозяину. — А теперь мне очень хотелось бы посмотреть на легендарный Рунный Посох. Это мне доставит большую радость...

Хокмун и д'Аверк выразительно посмотрели на мальчика, но тот будто бы не заметил этого.

— Сейчас уже поздно, — ответил Джемия Коналис. — Мы посетим зал Рунного Посоха завтра. А пока вы можете отдохнуть. Комнаты для вас приготовлены. Там вы найдете все необходимое. А я навещу вас утром.

— Спасибо за гостеприимство, — Шенегар поднялся и поклонился, — но мне нужно вернуться на корабль, иначе мои люди будут волноваться. Я присоединюсь к вам завтра.

— Как пожелаете, — согласился мальчик.

— Мы благодарим вас за радушный прием, — произнес в свою очередь Хокмун. — Но еще раз предупреждаю вас, что Шенегар Тротт преследует не те цели, о которых он здесь говорил.

— Такое упорство достойно восхищения. — Шенегар шутливо махнул рукой в латной рукавице и беззаботной походкой покинул зал.

— Боюсь, что сон сегодня будет тревожным: наш враг в Днарке, — сказал д'Аверк.

— Не бойтесь, — успокоил их мальчик. — Великие Добродетельные Люди помогут вам и защитят от любой опасности. Спокойной ночи, господа! До завтра!

Мальчик вышел из зала, а Хокмун и д'Аверк отправились осматривать комнаты, где для них были приготовлены постели.

— А вдруг Шенегар задумал какую-нибудь пакость и попытается причинить зло мальчику?

— Нам придется защитить его, — отозвался д'Аверк. — Спокойной ночи, Хокмун.

Хокмун вошел в свою комнату, наполненную светящимися тенями. Звучала та же неземная музыка.

«Колыбельная», — подумал Хокмун и сразу же крепко заснул.

Глава 8

УЛЬТИМАТУМ

Хокмун проснулся. Что ж, отдохнул он неплохо. Однако странное волнение светящихся теней, кружащихся, словно в панике, заставило его насторожиться. От них исходило холодное синее свечение.

Хокмун нахмурился, быстро встал с постели и, предчувствуя близкую опасность, пристегнул пояс с мечом.

В комнату к Хокмуну вбежал д'Аверк:

— Как ты думаешь, Хокмун, что случилось?

— Не знаю. Не замышляет ли Шенегар нападение на Днарк? Может быть, мальчик попал в беду? Или...

Не успел Хокмун договорить, как светящиеся тени заключили их в свои холодные объятия, и друзья почувствовали, что их стремительно уносят куда-то.

Они пронеслись через зал, где накануне ужинали, пролетели по коридорам, покинули здание. И вот их поглотил золотой свет...

Тени замедлили свой полет; Хокмун и д'Аверк, едва переведя дух, увидели далеко внизу главную площадь и побледнели от страха — под ногами не было никакой опоры. Но все-таки они не падали: что-то держало их в воздухе.

Внизу, на площади, крохотные фигурки двигались по направлению к башне.

— Это же целая армия! — воскликнул Хокмун. — Здесь их, должно быть, не меньше тысячи. Вот чего стоят красивые слова Шенегара Тротта о его мирных намерениях! Он вторгся в Днарк! Но зачем?

— Разве тебе еще не ясно? — мрачно ответил д'Аверк. — Он ищет Рунный Посох, чтобы с его помощью стать властелином всего мира.

— Но он же не знает, где находится Посох!

— Вот потому-то Тротт, вероятно, и собирается захватить башню. Видишь, воины уже внутри!

Друзья в ужасе смотрели на открывшуюся им зловещую картину.

— Мы должны спуститься, — сказал Хокмун.

— Но ведь нас всего двое против тысячи! — воскликнул д'Аверк.

— Да, но если с помощью Меча я снова вызову Легион Зари, то мы сумеем их одолеть! — возразил Хокмун.

Словно уловив смысл его слов, Великие Добродетельные Люди устремились вниз. Хокмун и д'Аверк в мгновение ока очутились прямо на площади, целиком заполненной людьми в масках. Это были слуги Темной Империи, воины Легиона Сокола. Как и в Легион Стервятников, сюда тоже были набраны добровольцы из других стран — еще более жестокие, чем гранбретанцы. Налитые яростью глаза Соколов устремились вверх в предвкушении кровавого пира. Казалось, что клювы их с легкостью растерзают двух заклятых врагов Темной Империи. Мечи, палицы, топоры напоминали когти хищных птиц, готовых разорвать на части добычу.

Светящиеся тени опустили Хокмуна и д'Аверка у входа в башню. И едва друзья успели выхватить мечи, как на них уже налетели Соколы. Вдруг из дверного проема появился Шенегар и окликнул своих солдат:

— Стойте, Соколы мои! В кровопролитии нет надобности. Мальчик у меня!

Хокмун и д'Аверк увидели, как он поднял за одежду брыкающегося Джемию Коналиса и показал его своим солдатам.

— Я знаю, этот город кишит привидениями, которые сделают все, чтобы помешать нам, — объявил граф. — И если они тронут хоть одного из нас, я пережужу мальчишке горло!

Хокмун потянулся за мечом, чтобы вызвать Легион Зари. Но Тротт, заметив это, погрозил ему пальцем:

— Вы погубите ребенка, герцог Кельнский!

С гневом глядя на него, Хокмун опустил руку и обратился к мальчику:

— Я же предупреждал тебя о его вероломстве!

— Да... — мальчик запыхался, пытаясь вырваться из рук Тротта. — Мне следовало обратить больше внимания на ваши слова, сэр...

Граф Шенегар засмеялся. Его маска сверкала в золотистом свете.

— А теперь говори, где находится Рунный Посох!

Мальчик кивнул на цилиндрическую башню:

— Зал Рунного Посоха там, внутри.

Шенегар обернулся к своим воинам.

— Хорошенько следите за этой парочкой. Я предпочел бы привезти их живыми! Король-Император будет весьма доволен, если мы вернемся и с Рунным посохом, и с героями Камарга. Оставьте несколько воинов следить за пленниками, остальные — за мной! Если только они шевельнутся, крикните мне, и я отхвачу у мальчишки ухо-другое. — Он вынул кинжал и взмахнул им у лица мальчика.

Шенегар и его войско исчезли в башне, а шестеро воинов остались охранять Хокмуна и д'Аверка.

— Если бы мальчик внял нашим предупреждениям! — нахмурился Хокмун. Стоило ему сделать один шаг, как Соколы угрожающе зашевелились. — Как же нам теперь спасти и его, и Рунный Посох из лап Тротта?

Вдруг стражники оторопело уставились вверх. Взгляд д'Аверка устремился в том же направлении.

Это возвращались светящиеся тени.

— Кажется, нам пришли на помощь, — улыбнулся д'Аверк.

Соколы не успели ничего толком сообщить, как тени уже обволокли двух друзей и спокойно стали подниматься вверх. Воины пришли в замешательство и принялись размахивать мечами, пытаясь их остановить. А потом повернулись и побежали в башню — предупредить своего предводителя о том, что пленники удрали.

Все выше и выше поднимались Великие; Добродетельные Люди, унося Хокмуна и д'Аверка в светящееся марево в густой золотистый туман. В этом тумане друзья не могли видеть даже друг друга, не говоря уже о том, что было внизу.

Им казалось, что они провели в воздухе не один час, прежде чем туман стал редеть.

Глава 9

РУННЫЙ ПОСОХ

Когда золотой туман наконец рассеялся, Хокмун, едва не ослепнув, смежил на минуту веки: здесь царило буйство света, фейерверк всевозможных красок и оттенков. Лучи исходили откуда-то из центра зала, создавая в воздухе необычные и причудливые фигуры.

Хокмун, прищурив глаза, осмотрелся. Они парили под самым потолком зала, стены которого были сделаны из оникса и полупрозрачного изумруда. В центре возвышался помост, а со всех сторон к нему вели лестницы.

Радужные узоры — звезды, конусы, круги постоянно перемещались, но их источник, находящийся в центре помоста, оставался недвижим. Это был небольшой, длиной примерно с короткий меч, черный стержень.

«И эта штукавина — легендарный Посох?» — недоумевал Хокмун. Слишком невзрачно выглядел он для предмета, о мощи которого ходило столько легенд. Хокмун представлял его огромным — высотой с человека. А эту вещицу можно спокойно унести в одной руке.

Внезапно открылась дверь и в зал ввалились Тротт и его телохранители из Легиона Сокола. Мальчик все так же дергался в руках графа Суссекского. Гнусный смех злодея-гранбританца раскатился по всему залу:

— Наконец-то он мой! Даже Король-Император не посмеет мне ни в чем отказать, когда в моих руках будет Рунный Посох!

Хокмун почувствовал, что в воздухе стал распространяться душистый горько-сладкий запах. Зал наполнился мягким гудящим звуком.

Великие Добродетельные Люди опустили Хокмуна и д'Аверка на одну из лестниц, ведущих к помосту. И тут граф Шенегар увидел их.

— Как?! — воскликнул Тротт.

Хокмун окинул врага полным ненависти взглядом и приказал:

— Отпусти ребенка!

Граф Суссекский рассмеялся, мгновенно оправившись от неожиданности:

— Сначала объясните мне, как вам удалось попасть сюда раньше нас?

— С помощью сверхъестественных созданий, которых ты так боялся. Но кроме них у нас есть и другие друзья, граф Шенегар.

Кинжал Тротта замер в миллиметре от лица мальчика.

— Я был бы последним идиотом, если б упустил свой единственный шанс!

— Предупреждаю тебя, граф, — произнес Хокмун, — этот клинок — не простое оружие. Видишь, как пылает он розовым светом!

— Да, забавная вещица! Но вряд ли она помешает мне выколоть этому сорванцу глаза!

Д'Аверк окинул взглядом зал. Светящиеся тени, похоже, наблюдали за ними, повиснув под самым потолком.

— Судя по всему, ждать какой-то еще помощи от светящихся теней не приходится, — прошептал д'Аверк. — Очевидно, они хотят остаться в стороне от людских дел.

— Если ты отпустишь мальчика, я позволю тебе покинуть Днарк невредимым, — пообещал Тротту Хокмун.

— Неужели? — засмеялся тот. — И вы сможете изгнать нас из города? Вы двое?

— У нас есть союзники! Не забывайте об этом!

— Возможно... Но у меня есть встречное предложение: сложите мечи и позвольте мне взять Рунный Посох. Когда он будет у меня в руках, вы получите мальчишку.

— Живого?

— Живого.

— Как можно доверять такому человеку, как Шенегар? — задал себе риторический вопрос д'Аверк. — Он убьет мальчика, а потом разделается с нами. У вельмож Гранбретании не в обычае держать свое слово.

— Если бы у нас были какие-то гарантии... — прошептал в отчаянии Хокмун.

В этот момент позади двух друзей раздался знакомый голос, и они удивленно обернулись.

— Немедленно освободи ребенка! У тебя нет выбора, Шенегар! — прогремел из-под черно-золотого шлема голос Рыцаря.

С другой стороны появился Орланд Фанк со своим чудовищным топором на плече.

— Как вы сюда попали? — поразился Хокмун.

— Я мог бы задать вам тот же вопрос, — усмехнулся Фанк. — По крайней мере, теперь мы все в сборе и ничто не мешает нам обсудить сложившуюся ситуацию.

Глава 10

ДУХ РУННОГО ПОСОХА

Граф Суссекский опять засмеялся и покачал головой:

— Ну, даже если вас теперь четверо, это ничуть не меняет дела! У меня за спиной тысяча солдат, и мальчишка тоже в моих руках! Так что посторонитесь, господа! Дайте мне забрать Рунный Посох!

Орланд Фанк только усмехнулся, а Рыцарь в Черном и Золотом переступил с ноги на ногу. Хокмун и д'Аверк вопросительно взглянули на них.

— Я полагаю, вы кое-что упустили из виду, — произнес Орланд Фанк. — В ваших аргументах есть одна слабость.

— Абсолютно никакой, — Шенегар двинулся вперед.

— А я бы сказал, что есть...

— Какая же?

— Вы думаете, что можете удержать мальчика?

— Я могу убить его прежде, чем вы успеете моргнуть глазом.

— Вы думаете, что ребенок сам не может освободиться от вас?

— Освободиться... — Шенегар хохотнул, подняв трепыхающегося ребенка за одежду. — Полюбуйтесь!

Вдруг у гранбританца вырвался крик удивления. Джемия Коналис, казалось, вытек из его рук, вытянулся в узкую ленту, которая в искаженном виде сохранила очертания тела мальчика, а потом превратилась в луч света. Музыка в зале стала громче, а запах еще сильнее.

Шенегар попытался схватить этот луч, но тщетно! Он оказался так же неуловим, как и светящиеся тени.

— Клянусь Сферой Хаона, он не человек! — завизжал в бессильной ярости Тротт. — Он не человек!

— А он на это и не притязал, — мягко заметил Орланд Фанк и весело подмигнул Хокмуну: — Теперь вы с другом готовы к хорошей драке?

— Конечно, готовы! — усмехнулся в ответ Хокмун.

В это время мальчик (вернее то, что осталось от него) проплыл над их головами и коснулся Рунного Посоха.

В воздухе появились новые узоры, а по лицам и доспехам собравшихся в зале людей пробежали полосы света.

Орланд Фанк внимательно следил за этими полосами. Лицо оркнейца стало печальным, когда луч света, который раньше был мальчиком, растворился в Рунном Посохе. Мальчик исчез, а Рунный Посох засиял еще ярче.

— Так кто же он, этот Джемия Коналис?! — воскликнул Хокмун.

— Ясно кто — дух Рунного Посоха, — ответил Орланд Фанк. — Он редко принимает облик человека. Вам оказана особая честь.

— Тебе пора подготовиться к смерти, граф Суссекский! — прогремел из-под опущенного забрала голос Рыцаря.

— Вы опять ошибаетесь! — как безумный расхохотался Шенегар. — Вас четверо, а нас — тысяча. Вы умрете еще до того, как я завладею Рунным Посохом!

Тогда Рыцарь обратился к Хокмуну:

— Герцог Кельнский, не хотите ли вызвать нам подмогу?

— С удовольствием, — отозвался Хокмун и поднял над головой розовый меч. — Я вызываю Легион Зари!

И зал сразу же озарился розовым сиянием. Появилась сотня свирепых воинов. На них были набедренные повязки из цветной ткани, а в руках они держали громадные дубины с шипами и копья, украшенные пучками волос. Их темные тела и лица были вымазаны яркой краской. От ударов их защищали пластины, привязанные к рукам и ногам сыромятными ремнями. Они окинули зал печальными взорами и запели тягучую погребальную песню.

Это были воины Зари.

И солдаты Ордена Сокола, повидавшие на своем веку всякое, узрев этих дикарей, в ужасе закричали. Шенегар Тротт невольно отшатнулся.

— Я предлагаю вам сложить оружие и сдаться, — решительно заявил Хокмун.

— Никогда! — замотал головой Тротт. — Нас все равно больше, чем вас!

— Тогда приступим, — сказал Хокмун и начал спускаться по лестнице навстречу врагам.

Шенегар выхватил огромный меч и приготовился к схватке. Хокмун взмахнул Мечом Зари, но граф увернулся и сделал выпад, едва не распоров Хокмуну живот. Что и говорить, Хокмун в своем легком шелковом наряде был более уязвим, чем Тротт, закованный в латы...

Погребальная песнь воинов Зари сменилась грозным воем. Они бросились вслед за Хокмуном и принялись орудовать дубинами и копьями. Соколы стойко встретили их.

Но вскоре гранбретанцы обнаружили, что на месте каждого убитого воина Зари появляется новый, и это привело Соколов в замешательство.

Тем временем д'Аверк, Орланд Фанк и Рыцарь спускались по лестнице, без устали работая клинками...

Следующим выпадом Шенегар разорвал Хокмуну рукав рубашки, а удар герцога Кельнского пришелся по маске противника, которая прогнулась, став еще более уродливой.

В тот самый момент, когда Хокмун отскочил, чтобы нанести решающий удар, кто-то стукнул его по затылку древком топора. Хокмун повернулся и, падая, увидел солдата-Сокола. Уже теряя сознание, он успел заметить, как исчезают воины Зари. Похоже, они не могли драться, если Хокмун был в беспамятстве. Усилием воли он попытался сосредоточиться, остановить ускользающую действительность, но было поздно.

Падая с лестницы лицом вниз, он услышал зловещий смех Шенегара.

Глава 11

СМЕРТЬ БРАТА

Через некоторое время Хокмун стал приходить в себя. До него донеслись звуки внешнего мира, он смутно услышал отдаленный шум битвы.

Хокмун тряхнул головой и попытался встать, но сообразил, что его придавило по меньшей мере четырьмя трупами. Что ж, его друзья хорошо постояли за себя.

С трудом выбравшись из-под груды тел, Хокмун увидел, как Шенегар тянется к Рунному Посоху. Там же находился Рыцарь в Черном и Золотом. Его ранили, когда он пытался помешать гранбританцу добраться до Рунного Посоха.

Шенегар Тротт поднял огромную булаву и обрушил ее на шлем Рыцаря. Шлем сплюснулся, и Рыцарь пошатнулся.

Хокмун набрал воздуха в легкие и хриплым голосом закричал:

— Легион Зари! Вернись ко мне!

И вновь появились воины, окруженные розовым сиянием. Они бросились в атаку, рассекая ряды застывших от удивления Соколов.

Шатаясь, Хокмун начал подниматься по лестнице, но на него повалилось тело в черно-золотых доспехах. Герцог подхватил падающего Рыцаря, будучи уверен, что под доспехами уже не бьется сердце.

Хокмун горько пожалел о человеке, к которому раньше не испытывал особой симпатии. Он попытался открыть забрало, чтобы увидеть лицо загадочного Рыцаря, направившего их сюда. Но забрало не поддавалось — его нельзя было сдвинуть ни на дюйм: так деформировался шлем от удара Шенегара Тротта.

— Рыцарь...

— Рыцарь убит! — Тротт сорвал с себя маску и с победоносным видом протянул руку к Рунному Посоху. — И твоя смерть близка, Хокмун!

Хокмун выпустил из рук мертвое тело и с воплем ярости взлетел по лестнице к своему врагу. Шенегар Тротт обернулся, отступая от Рунного Посоха, и вновь поднял свою булаву.

Хокмун увернулся от удара и, подскочив к Тротту вплотную, сцепился с ним на верхней ступеньке.

Повсюду в зале шла кровавая резня.

Краем глаза Хокмун разглядел д'Аверка, который отчаянно бился с пятью Соколами. Рубашка д'Аверка превратилась в кровавые лохмотья, левая рука бессильно висела. Орланд Фанк вращал над головой своим громадным топором, оглашая зал страшным боевым кличем.

— Ты умрешь, Хокмун! — прорычал Тротт, и Хокмун был поражен силой его ударов. — Ты должен умереть, чтобы Рунный Посох стал моим!

— Он никогда не станет твоим! Им не может владеть человек! — Хокмун изо всех сил рванулся вперед и, прорвав защиту Шенегара; нанес ему удар прямо в лицо. Граф завизжал, но продолжал наступать, и тогда герцог Кельнский пнул Тротта сапогом в грудь. Граф скатился с помоста, но, ослепленный яростью, вскочил и снова бросился на Хокмуна. И напоролся прямоком на Меч Зари. Так и умер Шенегар Тротт: с непристойным ругательством на устах, бросив последний взгляд на вождьеленный Рунный Посох.

Хокмун осмотрелся. Легион Зари заканчивал свою работу, добывая последних врагов. Д'Аверк и Орланд Фанк устало прислонились к перилам.

Когда умер последний гранбританец, Легион Зари исчез.

Хокмун посмотрел на труп Тротта и нахмурился:

— Одного мы уничтожили. Но где побывал один, там жди другого. Днарк никак не защищен от

Темной Империи и...

Фанк чихнул и вытер нос рукавом.

— Именно ты и должен обеспечить безопасность Днарка и безопасность остального мира, если уж на то пошло.

— Как я могу это сделать? — саркастически усмехнулся Хокмун.

Фанк открыл рот, чтобы ответить, но вместо слов из его губ вырвался стон:

— Брат! — Он увидел неподвижное тело Рыцаря в Черном и Золотом. Шатаясь, Фанк спустился по лестнице и обнял мертвеца.

— Он мертв, — мягко проговорил Хокмун. — Он пал от руки Шенегара. Но я убил проклятого гранбретанца...

По лицу Фанка катились слезы.

Хокмун и д'Аверк отвернулись от плачущего воина и осмотрели зал, весь заваленный трупами. Даже световые узоры, мельтешащие в воздухе, приняли теперь красноватый оттенок. Горько-сладкий аромат не мог заглушить запах смерти.

Хокмун вложил в ножны Меч Зари.

— Надеюсь, теперь-то нам можно вернуться в Европу, хотел бы я знать? — произнес Хокмун. — Мы выполнили свою задачу — спасли Рунный Посох...

Его прервал знакомый нежный голос. Обернувшись, Хокмун увидел Джемию Коналиса. Тот стоял в центре помоста с Посохом в руках.

— Теперь, герцог Кельнский, ты возьмешь то, что заслужил по праву, — сказал мальчик. В его раскосых глазах играла улыбка. — Ты вернешься в Европу, а Посох поможет тебе решить судьбу Земли.

— В Европу?! Я думал, что его нельзя увозить из Днарка!

— Можно, но не всякому. А ты, как избранник Рунного Посоха, можешь взять его. Служи ему верой и правдой. Защищай его! И он оградит тебя от зла.

— А в чем его секрет? — поинтересовался д'Аверк.

— Он будет с вами как символ. Пусть все люди знают, что Рунный Посох на вашей стороне. Расскажи всем, что барон Мелиадус посмел поклясться Рунным Посохом и этим предопределил дальнейшие события, которые приведут к гибели одного из вас. Прорвись в Гранбретанию, если сможешь это сделать, или погибни. Грядет последняя великая битва — битва между бароном Мелиадусом и герцогом Хокмуном. А судьей в ней будет Рунный Посох.

Хокмун молча принял Посох. Тот был холодным на ощупь и очень тяжелым, а вокруг него все еще переливались цветные узоры.

— Благодарю тебя! — тихо сказал Хокмун.

— Великие Добродетельные Люди помогут вам вернуться домой, — добавил мальчик. — Прощай, Хокмун.

— Прощай. Куда же ты отправишься теперь?

— Туда, где я должен быть.

И вдруг мальчик снова стал вытягиваться, превращаясь в луч золотистого света, какое-то время еще сохраняя подобие человеческого тела. Потом он как бы влился в Рунный Посох, и в маленьком холодном предмете сразу же заиграла жизнь, тепло и свет.

Хокмун с трепетом спрятал Посох за пазуху.

Когда они выходили из зала, д'Аверк заметил, что Орланд Фанк все еще плачет.

— Что тебя так расстраивает? — спросил д'Аверк. — Ты все еще горюешь о человеке, который был тебе братом?

— Да... Но еще больше я горюю о своем сыне.

— О сыне? А что с ним?

Орланд Фанк указал в сторону Хокмуна:

— Он у него.

— О чем это ты?

— Я знаю, что так и должно быть, — тяжело вздохнул Фанк. — Но я все-таки человек и могу плакать... Я говорю о Джемии Коналисе.

— О мальчике? О Духе Рунного Посоха?

— Да, он был моим сыном или мной самим... Я никогда не мог понять этого до конца...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Сказано, тот, кто поклялся Рунным Посохом, должен или победить, или погибнуть. Это предопределено всем ходом событий, которые последуют за клятвой. А барон Мелиадус Кройденский дал такую клятву, пожелав отомстить всем обитателям замка Брасс. Он поклялся, что Исольда, дочь графа Брасса, будет принадлежать ему. В тот злополучный день появился новый узор на ткани истории. Бароном овладели странные, кощунственные желания, а Хокмун оказался вовлеченным в очередную опасную авантюру...

Правда, история близилась к развязке, которую, к сожалению, нельзя назвать счастливой...

Из «Истории Рунного Посоха»

Глава 1

ШЕПОТ НА ВЕРАНДЕ

Веранда, где происходил разговор, была обращена к кроваво-красной реке Тайме, которая, огибая мрачные причудливые башни, несла свои воды через самое сердце Лондры.

Изредка здесь пролетал, лязгая металлом, орнитопптер — блестящая металлическая птица. А по реке баржи, украшенные бронзой и слоновой костью, везли с побережья награбленное добро, пленных женщин, мужчин и детей, которым предстояло стать рабами повелителей Темной Империи.

Навес из тяжелого пурпурного бархата, украшенный алыми шелковыми кисточками, защищал сидящих на веранде от любопытных взглядов сверху, а тень от навеса заслоняла их от людей на баржах.

На веранде стояли медный стол и два позолоченных кресла с голубой плюшевой обивкой. На богато инкрустированном подносе красовались кувшин из темного стекла, наполненный вином, и пара бокалов. По обеим сторонам двери, ведущей на веранду, стояли обнаженные девушки. Румяна украшали не только их лица, но и грудь, и нижнюю часть живота. Всякий, кто был знаком со знатью Лондры сразу узнал бы в них рабынь барона Мелиадуса Кройденского, ибо единственной их одеждой были румяна и пудра — на этом настаивал барон.

Одна из девушек — блондинка, устремившая неподвижный взгляд на реку, скорее всего была взята в плен в Германии, а другая — темноволосая — несомненно была родом из какого-нибудь городка на Ближнем Востоке, тоже присоединенного бароном к своим владениям.

В позолоченных креслах сидели мужчина и женщина. Женщина была одета в богатую парчу. Ее наряд дополняла серебряная маска Цапли. Плечи мужчины, одетого в костюм из черной кожи, увенчивала огромная маска, изображавшая морду оскалившегося черного волка. Он опустил в свой бокал золотую трубочку, вставил ее в крохотное отверстие напротив рта, скрытого под маской, и медленно потягивал вино.

Мужчина и женщина молчали. До них лишь доносились шум проплывающих барж, плеск волн, разбивающихся о гранит набережной, визг или смех из башен замка и мерное хлопанье крыльев орнитопптера высоко над ними.

Наконец человек в маске Волка заговорил тихим, приятным голосом. Не поворачивая головы, женщина дала понять, что слышит, но продолжала смотреть на кроваво-красную воду.

— Ты, Флана, знаешь, что сама находишься под подозрением? Король Хаон думает, что именно с тобой как-то связано странное безумие, охватившее стражников в ночь исчезновения эмиссаров из Коммуназии. Естественно, я рискую своим положением, встречаясь с тобой в такой обстановке, но сейчас меня заботит лишь судьба нашей великой родины, слава Гранбритании... — Говоривший сделал паузу, ожидая ответа, но так его и не дождался. — Совершенно очевидно, Флана, что нынешняя ситуация при Дворе — не лучшая для Империи. Я, конечно, восторгаюсь эксцентричностью и все такое... Но есть существенная разница между эксцентричностью и старческим маразмом. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Флана Микосеваар опять промолчала.

— Я полагаю, — продолжал мужчина, — что нам нужен новый правитель. Единственный человек, который находится в прямом родстве с Хаоном и которого все примут в качестве сюзерена, законного наследника трона Темной Империи, — это...

Ответа не последовало.

Мужчина в волчьей маске нагнулся к женщине:

— Флана?

Маска Цапли повернулась, взгляд скользнул по маске оскалившегося зверя.

— Флана, ты могла бы стать Королевой Гранбритании! Если я стану твоим регентом, мы сможем

обеспечить безопасность страны и завоеванных территорий. Мы сделаем Гранбританию еще более великой и завоюем весь мир!

— А что нам делать с миром, когда он будет принадлежать нам? — прервала собеседника Флана.

— Пользоваться и наслаждаться!

— Неужели вы не устали от насилия, грабежей и убийств? От пыток и ненависти?

Казалось, мужчину озадачило ее замечание.

— Пресытиться можно, конечно, чем угодно. Но нельзя забывать и о другом. Об экспериментах Калана и Тараорма, если уж на то пошло. Имея в своем распоряжении ресурсы всего мира, наши ученые смогут творить чудеса! Они даже смогут построить для нас космические корабли, подобные тому, на котором, если верить легендам, был доставлен на Землю Рунный Посох. Мы отправимся к новым мирам и завоюем их! И таким образом гранбританская экспансия будет продолжаться миллионы лет!

— Значит, мы ищем всего лишь приключений и острых ощущений. Так, Мелиадус?

— Да, а почему бы и нет? Вокруг нас лишь хаос, все утратило свой первоначальный смысл — даже сама жизнь. Есть только одно, что может оправдать наше существование... Мы должны испытать на себе все ощущения, какие только способны испытать человеческая душа и тело. Это ведь наверняка займет миллион лет...

— Верно, это наше кредо, — кивнула, вздохнув, Флана. — Пожалуй, я могу согласиться с тобой, Мелиадус. Ведь то, что ты предлагаешь, не скучнее всего остального. — Она пожала плечами. — Ладно, я стану Королевой, когда это будет необходимо. А если Король Хаон обнаружит нашу измену, что ж, смерть будет для нас только облегчением.

Услышав это, Мелиадус поднялся из-за стола, слегка потеряв свой апломб:

— Надеюсь, пока не придет время, ты никому ничего не скажешь, Флана?

— Не беспокойся, я никому ничего не скажу.

— Хорошо. Теперь я должен навестить Калана. Мой замысел понравился ему, поскольку его осуществление обещает большой простор для научных экспериментов. Тараорм тоже со мной...

— Ты доверяешь Тараорму? Всем известно, как вы ненавидите друг друга...

— Да, это правда. Но теперь ненависть сменилась дружбой. А дело вот в чем... Как ты помнишь, наша вражда началась, когда он женился на моей сестре, с которой я сам хотел обвенчаться. Но сестра моя, как я слышал, согрешила с ослом, и Тараорм застал ее на месте преступления. После чего рабы убили и сестру, и осла. Нам с Тараормом пришлось вдвоем разобраться с этими рабами. Тогда-то мы и восстановили наши отношения. Тараорму можно доверять, а он чувствует, что Король Хаон препятствует его исследованиям.

Все это время они беседовали шепотом, так что даже рабыни у двери не могли их расслышать.

На прощание Мелиадус поклонился Флане, щелкнул пальцами, подавая рабыням сигнал принести носилки и доставить его домой.

Флана осталась сидеть в кресле, продолжая задумчиво глядеть на воду и едва ли раздумывая о замысле Мелиадуса. Она скорее грезилась о красавце д'Аверке и о том времени, когда они смогут встретиться вновь. Графиня мечтала о том, как д'Аверк унесет ее куда-нибудь далеко от Лондры и от всех этих гнусных дворцовых интриг. Может быть, они отправятся во Францию, где находятся поместья, когда-то принадлежавшие д'Аверку и которые она, став Королевой, сможет ему вернуть...

Она подумала, что для нее все же будет выгодно стать Императрицей. Тогда она сможет выбрать себе мужа, и им обязательно станет д'Аверк. Она простит ему все его преступления против Гранбритании и, скорее всего, помилует его друзей — Хокмуна и остальных.

Но, судя по всему, Мелиадус не пощадит их, если даже и согласится отменить смертный приговор д'Аверку.

Наверное, ее замысел не отличался мудростью. Она вздохнула, подумав о том, что все это ей абсолютно безразлично. Глупо надеяться на то, что д'Аверк до сих пор еще жив. В то же время Флана не видела никакой причины, мешающей ей принять хотя бы пассивное участие в заговоре Мелиадуса.

Графине Флане трудно было себе представить степень его отчаяния, если барон решился на такое. Ведь за две тысячи лет правления Хаона ни один гранбританец не смел даже подумать о свержении Короля.

Глава 2

РАЗГОВОР У МАШИНЫ МЕНТАЛЬНОСТИ

Калан Витальский ощупал свою змеиную маску бледными старческими пальцами, на которых проступали вены, похожие на голубых змей. Он находился в огромном зале с высокими потолками. Это была главная лаборатория. Люди, одетые в мундиры и маски Ордена Змеи, возглавляемого бароном Каланом, проводили здесь всевозможные эксперименты. Какие-то машины издавали странные звуки и источали резкие запахи, а вокруг них трещали и сверкали разноцветные маленькие молнии. Словом, все в этом зале напоминало преисподнюю. Еще бы! Ведь здесь без остановки шли эксперименты над человеческим разумом и телом. Здесь людей скрещивали с машинами. Некоторые из подопытных рабов дергались, стонали и кричали, будто умалишенные. Эти крики раздражали экспериментаторов, и они запихивали в рот особо буйного кляп или вообще удаляли голосовые связки, добиваясь таким образом тишины.

Калан положил руку на плечо Мелиадуса и показал на бездействующую машину.

— Помните ее? Это машина ментальности. Мы ее использовали для проверки разума Хокмуна.

— Да, — буркнул Мелиадус. — Именно это и заставило нас поверить, что он будет нам предан.

— Мы исходили лишь из известных нам факторов, не учитывая тех, которые невозможно предвидеть, — отозвался Калан, защищая себя и свое изобретение. — Но я не для этого упомянул о ней. Сегодня утром меня попросили использовать машину...

— Кто?

— Сам Король-Император. Он вызвал меня в Тронный Зал и сообщил, что желает проверить одного из придворных.

— И кого же?

— А как по-вашему, милорд?

— Меня?! — возмутился Мелиадус.

— Да, именно вас. Я думаю, что он усомнился в вашей преданности, барон.

— Как вы думаете, это серьезно?

— Не очень. Похоже, а беспокоит то, что вы чересчур сосредоточены на своих личных замыслах и мало внимания уделяете интересам престола. Ему, скорее всего, не терпится узнать, насколько сильна ваша преданность и не оставили ли вы свои помыслы...

— И ты намерен подчиниться его приказу?

— А что, ты предлагаешь игнорировать его? — поинтересовался Калан.

— Нет... Что же нам делать?

— Придется поместить тебя в машину ментальности. Но я думаю, что сумею получить нужные нам результаты, — Калан тихо засмеялся. — Ну как, Мелиадус, начнем?

Барон медленно, с явной неохотой двинулся вперед, напряженно всматриваясь в блестящую машину из красно-синего металла с разнообразными выступами, тяжелыми членистыми суставами и приборами неизвестного назначения. Единственной округлой частью в ее конструкции был огромный колокол, подвешенный с помощью специальной системы, чем-то напоминающей гильотину.

Калан включил рубильник и сделал жест рукой, как бы извиняясь:

— Раньше мы держали машину в специальном зале. Но в последнее время стало катастрофически нехватать места для наших опытов. Это и есть одна из моих претензий. Как же можно от нас чего-то требовать, не создав соответствующих условий?

Из машины послышался звук, похожий на дыхание какого-то гигантского зверя. Мелиадус отступил на

шаг. Калан снова тихо засмеялся и сделал служителям в змеиных масках знак, чтобы те подошли и помогли ему.

— Будь добр, Мелиадус, встань под этот колокол, а мы опустим его.

Барон окинул машину подозрительным взглядом и занял место под колоколом. Колокол начал медленно опускаться, пока полностью не закрыл барона. Мягкие, похожие на плоть стенки изогнулись, заключая в себя его тело. Затем у барона появилось ощущение, будто в его мозг всадили раскаленную иглу, проникающую все глубже и глубже. Он попробовал было закричать, но голос его не слушался... У него начались галлюцинации, перемежающиеся с воспоминаниями о прошлом. Перед глазами проплывали битвы и казни, то и дело появлялось ненавистное лицо Дориана Хокмуна, повторяясь в миллионах искаженных образов. И возникало прекрасное лицо Исольты Брасс — женщины, которую он желал больше всех других женщин мира. Постепенно перед ним прошла вся его жизнь. Он вспомнил все, что с ним происходило, о чем он когда-либо думал и мечтал. Все... Но не в хронологическом порядке, а в порядке важности событий. И надо всем довлела его страсть к Исольте, ненависть к Хокмуну и замыслы о свержении Короля Хаона.

Затем колокол поднялся и Мелиадус снова увидел маску Калана. Как ни странно, но барон ощутил вдруг себя душевно очистившимся и испытывал теперь небывалый подъем духа.

— Ну, Калан, что ты обнаружил?

— Пока что ничего нового. Потребуется час-другой, чтобы сверить все результаты. — Он хихикнул. — Император, увидев их, здорово бы позабавился!

— Надеюсь, он их не увидит.

— Он увидит несколько другое. Что твоя ненависть к Хокмуну становится меньше, а любовь к Императору — постоянна и глубока. Не зря говорят, что любовь и ненависть идут рука об руку! Так что твои потаенные чувства к Хаону, при незначительном вмешательстве с моей стороны, превратятся в любовь.

— Хорошо. Теперь давай обсудим наши планы. Во-первых, мы должны найти способ вернуть замок Брасс в наше измерение или же найти путь туда. Во-вторых, нужно каким-то образом вдохнуть жизнь в Черный Камень, что находится во лбу у Хокмуна. И тогда он вновь окажется в нашей власти. И, наконец, необходимо изобрести оружие, которое поможет нам победить Хаона.

— Конечно, — согласился Калан. — Для этого имеется все необходимое: и новые металлы, и новые устройства, изобретенные мною для наших кораблей...

— Для тех, которыми сейчас командует Тротт?

— Да, эти двигатели гонят суда намного быстрее и на большие расстояния. Пока что ими оснащены только корабли Тротта. Он скоро должен прислать нам сообщение.

— А куда Тротт направился?

— Я не уверен, но думаю, что в Коммуназии... Да, путь не близкий!

— Допустим, что так, — согласился Мелиадус. — И все же давай не будем говорить о Тротте и обсудим наши дальнейшие действия. Тарагорм тоже думает над тем, как нам добраться до замка Брасс.

— Да, ему следует серьезно этим заняться, а я постараюсь активизировать Черный Камень, — предложил Калан.

— Наверное, — согласился Мелиадус. — Но я еще посоветуюсь с Тарагормом и скоро вернусь.

С этими словами Мелиадус призвал своих рабынь, уселся в носилки, махнул на прощание рукой Калану и приказал девушкам нести себя во дворец Времени.

Глава 3

ТАРАГОРМ ИЗ ДВОРЦА ВРЕМЕНИ

Итак, Мелиадус оказался во дворце Тарагорма, выстроенного в форме гигантских часов. Воздух здесь был заполнен лязганьем, жужжанием и тиканьем маятников и маятничков. Тарагорм в своей огромной маске-часах, показывающих абсолютно точное время, взял Мелиадуса за руку. И они пошли через зал Маятника. Громадная медная чаша весом в пятьдесят тонн, сделанная в форме пылающего солнца, раскачивалась взад и вперед — через весь зал.

— Ну, брат, — обратился Мелиадус к Тарагорму, перекрывая голосом шум механизмов. — Ты направил мне сообщение, что у тебя есть для меня радостное известие. Я подумал, что должен повидаться с тобой.

— Да, лучше всего передать тебе новость лично.

Тарагорм повел Мелиадуса через короткий коридор в небольшое помещение, где стояли только одни старые часы. Барон закрыл дверь, и стало более-менее тихо. Тарагорм показал на часы:

— Это, наверное, самые старые часы в мире. Их мастером был Томас Томпсон, а теперь эту вещь называют «дедушкой Томпсоном».

— Никогда не слыхал о Томпсоне...

— Мастер-ремесленник — величайший для своего века. Он жил задолго до Страшного Тысячелетия.

— В самом деле? И это имеет какое-нибудь отношение к тому, что ты хотел мне сказать?

— Конечно, нет. — Тарагорм хлопнул в ладоши, и сразу же открылась боковая дверь. К ним навстречу шагнул тощий оборванец, лицо которого было скрыто под простой маской из потрескавшейся кожи. Человек отвесил Мелиадусу экстравагантный поклон.

— Кто это?

— Эльвереццо Тоузе. Ты помнишь, кто он?

— Конечно. Это он украл кольцо у Майгана, а затем исчез.

— Правильно. Расскажи-ка барону Мелиадусу, где ты был!..

Тоузе вновь поклонился, потом уселся на край стола, свесив ноги.

— Да не был я нигде, кроме замка Брасс.

Мелиадус внезапно подпрыгнул и, мгновенно оказавшись в другом конце комнаты, вцепился в пораженного Тоузе.

— Где ты был? — зарычал он, тряся Тоузе за рубашку.

— В 3-3-замке Брасс, ваша честь...

Мелиадус встряхнул Тоузе, подняв его за шиворот.

— Как? Как ты попал туда?

— Совершенно случайно... Я был взят в плен Хокмуном Кельнским. У меня отняли мое кольцо, но я сумел вернуть его и бежал сюда... — на одном дыхании выпалил Тоузе.

— Он принес с собой кое-какие чрезвычайно интересные сведения, — добавил Тарагорм. — Расскажи ему, Тоузе!

— Существует некая машина, которая удерживает замок Брасс в другом измерении и гарантирует его безопасность. Она находится в подземелье замка и тщательно охраняется. Ее привезли из местечка под названием Сориандум. Сделана она из какого-то кристалла.

— Это правда, Мелиадус, — засмеялся Тарагорм. — Я проверял слова Тоузе раз десять. Я слышал об

этой кристаллической машине, но даже не подозревал, что она еще где-то используется. Но если обобщить все сведения, которые передал мне Тоузе, то... мне думается, я смогу сделать все, что требуется.

— Как, ты сможешь помочь нам найти дорогу в другое измерение, к замку Брасс?!

— Все гораздо проще, чем ты думаешь... Я верну замок Брасс в наше измерение! И в самые кратчайшие сроки.

С минуту Мелиадус молча смотрел на Тараорма, а потом громко засмеялся, почти заглушая стук часов.

— Наконец-то! Наконец-то! Спасибо тебе, брат! Спасибо, Тоузе! Судьба определенно на моей стороне!

Глава 4

ПРИКАЗ КОРОЛЯ

На следующий день Мелиадус вызвали в Тронный Зал, к Королю Хаону.

По пути во Дворец Мелиадус озабоченно хмурился. Может быть, его предал Калан, сообщив Королю истинные результаты проверки? Или же Хаон сам обо всем догадался... Ведь он прожил две тысячи лет и наверняка немало повидал за это время. Кто знает, может, фальшивые сведения Калана были слишком грубо сработаны и Хаон разглядел обман... Мелиадус почувствовал, как в нем поднимается страх: не прикажет ли Король стражникам из Ордена Богомола уничтожить его, как только он прибудет в Тронный Зал?

Огромные ворота распахнулись. И Мелиадус увидел за ними стражников. В противоположном конце зала висела Тронная Сфера — темная и таинственная.

Барон двинулся к Тронной Сфере и, добравшись до нее, склонился в ожидании. Но Сфера долгое время оставалась темной и непроницаемой, как будто испытывала Мелиадуса.

Наконец она вспыхнула зеленым, потом розовым и белым цветом и открыла скорченную фигурку Короля. Он пристально смотрел на Мелиадуса.

— Барон...

— Благороднейший из правителей...

— Мы довольны тобой!

— Великий Император... — поднял удивленные глаза Мелиадус.

— Мы довольны тобой и хотим оказать тебе честь...

— Повелитель...

— ...и вот какую. Ты ведь знаешь, что Шенегар Тротт отправился с особой экспедицией?

— Знаю, о Могущественный Монарх.

— А знаешь, куда?

— Нет, о Свет Вселенной.

— Он направился в Амарик, чтобы выяснить, встретим ли мы там сопротивление, если высадим на побережье свои войска.

— Значит, он встретил там сопротивление, о Бессмертный Правитель?..

— Да, мы озабочены его молчанием. Еще неделю назад Тротт должен был прислать сообщение.

— Благородный Император, вы думаете, что он убит?

— Вот нам и хотелось бы это выяснить, барон. И узнать, кто его убил. Поэтому мы думаем доверить вторую экспедицию тебе.

Мелиадуса охватила ярость при мысли, что ему предлагают играть вторую скрипку после этого толстого шута Тротта. Он, *Мелиадус*, теряя время, должен рыскать вдоль берегов континента в надежде обнаружить останки Тротта. Он не потерпит ничего подобного!

Мелиадус в тот же миг напал бы на Тронную Сферу, если бы не был уверен, что этот бессмертный маразматик тут же прикажет страже убить его.

Граф проглотил оскорбление, и в его голове начал складываться новый замысел.

— Это большая честь для меня, Король, — произнес он с притворным унижением. — Мне самому подобрать экипажи кораблей?

— Как пожелаешь.

- Тогда я возьму надежных людей — своих Волков и воинов Ордена Стервятника.
- Но они же не моряки! Они даже не морская пехота!
- Среди Стервятников есть моряки, о Император Всего Мира, и я отберу именно их.
- Как пожелаешь, барон Мелиадус.

Мелиадус был поражен, узнав, что Тротт отплыл в Амарик. Еще бы, значит, Хаон доверил графу Суссекскому задание, которое по праву должен был выполнять Мелиадус. Что ж, это еще один счет, который Королю придется оплатить.

Мелиадус был рад, что дождался своего часа, и сделал вид, что покорился приказу Короля — теперь уже своего главного врага, если не считать Хокмуна.

На миг Мелиадус сделал вид, что раздумывает, а потом предложил:

— Если ты считаешь, что Стервятники не заслуживают доверия, о Монарх Пространства и Времени, то нельзя ли мне взять с собой их предводителя?

— Их предводителя? Но Азровак Микосеваар мертв, его убил Хокмун!

— Да... Но его вдова унаследовала титул магистра.

— Флана! Женщина!

— Да, Великий Император. Я полагаю, она с ними управится.

— Странно, графиня Канберийская настолько рассеянна, что, мне кажется, она не управится и с кроликом. Но если ты так хочешь, милорд, пусть так и будет...

Около часа они подробно обсуждали детали предстоящего похода. Хаон поведал Мелиадусу все, что знал об экспедиции Тротта. Мелиадус ушел, и его глаза, невидимые под маской, сияли торжеством.

Глава 5

ФЛОТ В ДЮ-ВЕРЕ

Небольшой флот стоял на якоре в мертвенно-бледном море. Напротив возвышались башни города Дю-Вера, окаймленного с двух сторон набережными из красного камня. Тысячи орнитоптеров, сделанных в виде мифических птиц и зверей, облюбовали плоские крыши домов. А внизу, по улицам двигались пилоты в масках Ворона и Совы, сливаясь с моряками в масках Рыбы и Морского Змея. Здесь же были пехота и кавалерия — Свины, Черепахи, Псы, Козлы и Быки. Все они готовились пересечь пролив, но не на кораблях, а по прославленному Серебряному мосту, который, сверкая и переливаясь всеми цветами радуги, изгибался огромной дугой, пропуская через себя большой поток людей — с континента и обратно.

На кораблях в порту толпились солдаты в масках Волков и Стервятников. Они были до зубов вооружены копьями, мечами и луками. Один из знаменосцев держал в руках знамя магистра Ордена Волка, а другой — магистра Ордена Стервятников (бывшего Легиона Стервятников, получившего свой высокий титул за битвы в Европе и в память его кровожадного предводителя Азровака Микосеваара).

С кораблей сняли все паруса, а вместо них установили громадные водяные колеса, сделанные из украшенных искуснейшей резьбой дерева и металла. Борта корабля украшали панели с картинами, изображавшими прежние морские победы Гранбритании. А на носках были установлены позолоченные фигуры ужасных древних богов Гранбритании, которые, по преданиям, правили страной до Страшного Тысячелетия, — Джона, Джорга, Поула, Рунгу... Здесь же были и Бог Войны — Чиршил, Воющий Бог, Джиджи Блад, Стонущий Бог и Бджрин Адасс — Поющий Бог; Плачущий Бог — Да'Им Слас; Рычащий Бог Арал Вилэн — Верховный Бог, отец Свиза и Блансахредиды — Богов Рока и Хаоса.

На мостике флагманского корабля возвышалась зловещая фигура барона Мелиадуса, а рядом с ним стояла графиня Флана Микосеваара.

Капитаны кораблей в масках Волка и Стервятника начали собираться здесь же внизу, под мостиком. Они выжидающе глядели на барона.

Мелиадус откашлялся.

— Все вы, наверное, господа, гадаете о цели нашего плавания и пытаетесь понять, что это за странные корабли, на которых мы двинемся в путь. Скажу вам, ибо здесь нет никакой тайны. Суда снабжены двигателями — наподобие тех, что движут наши орнитоптеры, но намного мощнее. Эти двигатели изобрел герой Гранбритании барон Калан Витальский. Они могут нести нас через водные просторы гораздо быстрее, чем паруса, и независимо от воли стихии. Что же касается цели нашего плавания, то я расскажу вам об этом чуть позже. Этот корабль назван «Арал Вилэн» — в честь Верховного Бога древней Гранбритании. Его братья-корабли «Сквиз» и «Блансахредид» представляют древнюю и кровавую славу нашей земли. Славу, которой, я уверен, все вы гордитесь... — Мелиадус перевел дыхание. — Вы не хотели бы оказаться недостойными ее, господа?

Ответом был мощный рев:

— Нет! Нет! Клянусь Аралом Вилэном! Клянусь Сквизом и Блансахредидом! Нет!

— И вы сделаете все, чтобы Гранбритания сохранила свое могущество и свою неувядаемую славу?

— Да! Да!

— И вы все будете со мной за одно в той безумной авантюре, которая ожидает «Арал Вилэн» и его собратьев?

— Да! Скажи нам, что произойдет! Скажи!

— А вы не откажетесь от затеи? Последуете за мной до конца?

— Да! — в едином порыве выкрикнули более двух десятков глоток.

— Тогда следуйте за мной в каюту, и я изложу вам план со всеми подробностями. Но предупреждаю:

если вы туда войдете, вам придется следовать за мной всегда. В противном случае вам не удастся покинуть каюту живыми!

Мелиадус сошел с мостика и направился в каюту. Все до единого офицера последовали за ним.

Темная каюта барона освещалась только одним тусклым фонарем. На столе лежали карты, но Мелиадус не собирался сверять по ним курс.

— Не буду больше терять времени, господа, — произнес барон низким, вибрирующим голосом, — а сразу же сообщу вам о характере нашей авантюры. Мы затеем измену... — Он откашлялся. — Нам предстоит поднять бунт против нашего Правителя, Короля-Императора Хаона.

В каюте прозвучало несколько возгласов недоумения, и маски Волков и Стервятников с величайшим вниманием обратились к Мелиадусу.

— И не мое честолюбие побуждает меня к этому замыслу, а любовь к родной стране. Король Хаон безумен! — выпалил Мелиадус. — Две тысячи лет, прожитые им, омрачили его рассудок, а не придали ему мудрости. Наша экспедиция, например, должна отправиться в Амарик, чтобы узнать, нельзя ли завоевать этот континент. И это тогда, когда мы только что покорили Ближний Восток и есть еще части Московии, не принадлежащие нам!

— А вместо Хаона станете править вы, барон? — цинично съязвил капитан Стервятников.

— Вовсе нет, — покачал головой Мелиадус. — Нашей Королевой станет Флана Микосеваар. Стервятники и Волки займут места Богомолов — тех, кто пользуется королевской милостью сейчас. Ваши Ордена будут принадлежать к числу высших...

— Но ведь Стервятники — Орден, состоящий из наемников, — заметил капитан Волков.

— Они доказали свою преданность Гранбретании, — вступился за них Мелиадус. — К тому же многие из наших высших Ордеров сейчас разлагаются... Темной Империи нужна свежая кровь.

Еще один капитан Стервятников вступил в разговор:

— Так значит, Флана будет нашей Королевой-Императрицей... А вы, барон?

— Регентом и Консортом. Я женюсь на Флане и буду ее первым помощником в государственных делах.

— Значит, вы станете настоящим Королем-Императором во всем, кроме титула, — добавил тот же капитан-Стервятник.

— Верно, я буду могуществен! Но в жилах Фланы течет королевская кровь. Она ваша Императрица по праву. Я буду всего лишь Верховным Военачальником, а все остальные государственные дела предоставлю ей. Потому что моя жизнь — это война, господа. И я только желаю изменить тактику наших военных действий.

Казалось, капитаны были удовлетворены.

— Поэтому вместо того, чтобы отплыть с утренним отливом в Амарик, — продолжал Мелиадус, — мы пройдем немного вдоль побережья, дожидаясь своего часа. А затем вернемся в устье Таймы, поднимемся вверх по течению до Лондры и прибудем в центр города раньше, чем кто-либо догадается о наших намерениях.

— Но ведь Хаон хорошо защищен! И взять штурмом его Дворец практически невозможно! В городе наверняка есть преданные Королю Ордена, — предостерег еще один офицер — капитан Волков.

— У нас в городе тоже будут союзники! Многие пойдут за нами. На нашей стороне и Тарагорм, а он после смерти своего кузена стал наследным командиром нескольких тысяч воинов. Конечно, Орден Хорька — невелик, но большая его часть находится сейчас в Лондре, а не в Европе, где размещены основные силы других Ордеров, которые охраняют наши владения. Все вельможи, которые приняли бы сторону Хаона, сейчас на материке. Так что для нанесения удара время выбрано превосходно. Барон Калан тоже поможет нам новым оружием и предоставит своих подчиненных — Змей. Если мы добьемся быстрой победы или даже незначительных успехов, то вполне вероятно, что к нам присоединятся и другие, потому что

немногие испытывают любовь к Королю, да и те в глубине души будут рады, если на троне окажется Флана.

— Моя преданность Королю всегда была непоколебима, — признался один из Волков. — Она у меня врожденная.

— Так же, как верность духу Арала Вилэна и всему, что зовется гордым именем — Гранбретания?.. Разве эта преданность не врожденная? Разве она не сильнее верности Королю?

Капитан некоторое время размышлял, а потом кивнул:

— Да, вы правы. С появлением новой Императрицы на троне к нам вернется все наше величие.

— Оно вернется, обязательно вернется! — яростно пообещал Мелиадус, сверкая черными зрачками в отверстиях маски.

Глава 6

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЗАМОК БРАСС

Исольда плакала от радости. Она все никак не могла поверить, что перед ней стоит ее муж. Она боялась прикоснуться к нему... Вдруг это всего лишь призрак, который — лишь тронь — растворится в воздухе? Хокмун засмеялся, шагнул вперед и, обняв любимую, осушил ее слезы поцелуями. Тогда улыбка заиграла на ее губах, а лицо засветилось радостью.

— Ах, Дориан, Дориан! Мы уже боялись, что вас убили в Гранбретании.

— Судя по всему, что с нами произошло, — усмехнулся Хокмун, — Гранбретания оказалась самым безопасным местом из всех, что мы посетили за время нашего путешествия, Ты согласен, д'Аверк?

— Да, — откашлялся тот. — И, возможно, самым здоровым.

Худощавый Богенталь покачал головой, выражая легкое недоумение.

— Но как же вы смогли вернуться из Америка, существующего в другом измерении, сюда, в Камарг?

— Не спрашивайте меня, сэр Богенталь, — попросил Хокмун, — не спрашивайте... Нас доставили сюда Великие Добродетельные Люди — вот и все, что мне известно. Обратное путешествие заняло всего несколько минут.

— Великие Добродетельные Люди?.. Никогда не слыхал о них! — проговорил граф Брасс, поглаживая рыжие усы и пытаясь скрыть слезы радости. — Это какие-то духи?

— Да, в некотором роде, — Хокмун протянул руку тестю. — Вы хорошо выглядите. Ваши волосы по-прежнему рыжие.

— Это вовсе не признак юности, — пожаловался граф. — Это ржавчина! Я загниваю здесь, пока вы путешествуете по миру.

Оладан, маленький сын великанов с Булгарских гор, робко выступил вперед.

— Я рад видеть тебя, друг Хокмун, в добром здравии. — Он улыбнулся, предлагая Хокмуну кубок вина. — Вот, выпей эту чашу до дна!

Хокмун с радостью принял кубок и осушил его одним глотком.

— Спасибо, друг Оладан. Как твои дела?

— Мы все здесь очень скучали и боялись, что вы не вернетесь.

— Но вот я вернулся. И думается мне, что у нас накопилось достаточно историй, чтобы развеять вашу скуку. У меня есть кое-какие новости...

— Выкладывай скорее! — загремел голос графа.

— Сейчас, — Хокмун улыбнулся. — Дайте мне сначала насмотреться на жену.

Он повернулся, взглянул в глаза Исольде и увидел, что в них появилось беспокойство.

— Что случилось, Исольда?

— Мне показалось, что ты снова хочешь рисковать своей жизнью.

— Наверное, так оно и есть.

— Что ж, если по-другому нельзя, пусть так и будет. — Она глубоко вздохнула и улыбнулась ему. — Но надеюсь, это случится не сегодня ночью?

— Нет, не сегодня, и даже не завтра и не послезавтра... Нам надо будет многое обсудить и составить план действий.

— Да, — тихо проговорила она, потупив взгляд в пол. — Я тоже должна многое сообщить тебе.

Граф Брасс вышел вперед и кивнул на другой конец зала, где слуги сервировали стол:

— Давайте поедим. Мы приказали подать самые лучшие яства в честь вашего прибытия домой.

Пообедав, они сели у огня. Хокмун показал им Меч Зари, а затем вытащил из-за пазухи Рунный Посох. В воздухе сразу же закружились, засверкали огни, образуя сложные узоры, и зал наполнился горько-сладким запахом.

Все взирали на Посох с немим благоговением, пока Хокмун не спрятал его обратно.

— Это наше знамя, друзья мои. Именно ему станем мы служить теперь. Мы пойдем в бой против Темной Империи.

— Против всей Темной Империи? — Оладан почесал затылок.

— Да, — мягко улыбнулся Хокмун.

— А разве армия Гранбретании не насчитывает несколько миллионов солдат? — невинно осведомился Богенталь.

— Да, именно несколько миллионов.

— А у нас в замке Брасс осталось всего пятьсот воинов, — произнес, как бы размышляя про себя, граф Брасс. Он вытер рот рукой и притворно нахмурился. — Дайте-ка мне подсчитать...

— Больше пятисот, — уточнил д'Аверк. — Вы забываете, что у нас есть Легион Зари. — Он показал на Меч, лежащий в ножнах рядом с креслом.

— И сколько же солдат в этом таинственном Легионе? — поинтересовался Оладан.

— Не знаю, может, бесконечно много.

— Ну, скажем, хотя бы тысяча, — размышлял вслух граф Брасс. — Это уже составит полторы тысячи воинов против...

— Нескольких миллионов, — закончил за него д'Аверк.

— Да, нескольких миллионов воинов Темной Империи, с которыми нам не тягаться...

— У нас есть еще Алый Амулет и кольца Майгана, — напомнил ему Хокмун.

— Ах, да... — Граф Брасс, казалось, нахмурился. — У нас они есть. И еще, кроме всего прочего, мы боремся за правое дело. Так, герцог Дориан? Это тоже сыграет свою роль!

— Наверное... Если мы используем кольца Майгана, чтобы вернуться в наше измерение, и выиграем несколько небольших битв неподалеку от Камарга, мы сможем освободить угнетенных и собрать кое-какую армию из крестьян...

— Из крестьян, хм...

— Я знаю, такое соотношение сил вас не радует, граф, — вздохнул Хокмун.

И вдруг на лице графа появилась улыбка:

— Совершенно верно, малыш, ты угадал!

— О чем вы?

— Это как раз подходящее соотношение! Я принесу карты, и мы сможем составить подробный план наших действий.

Когда граф Брасс вышел, Оладан обратился к Хокмуну:

— Мы, наверное, забыли сообщить тебе, что Эльвереццо Тоузе сбежал. Он убил охранника во время прогулки, затем вернулся сюда, нашел свое кольцо и исчез.

— Это плохая новость, — нахмурился Хокмун.

— Итак, давайте посмотрим... — сказал граф, вернувшись с картами.

И они начали разрабатывать план действий.

Час спустя Хокмун поднялся, взял Исольту за руку. Пожелав остальным спокойной ночи, они

отправились в свои покои.

Прошло уже пять часов, а они все не могли уснуть. Тогда Исольтда и сообщила мужу, что у них будет ребенок.

Хокмун молча привлек ее к себе и поцеловал. Когда любимая уснула, он встал и подошел к окну. Он долго стоял, глядя на тростники и заводи Камарга, он размышлял о том, что теперь должен сражаться за нечто более важное, чем просто свои идеалы.

Ему хотелось верить, что он увидит своего ребенка, верить, что ребенок родится, даже если сам он до этого и не доживет.

Глава 7

ЗВЕРИ НАЧИНАЮТ ГРЫЗНЮ

Корабли Мелиадуса приближались к цели. Вот уже стали видны башни Лондры. На лице Мелиадуса, скрытом под маской, заиграла улыбка, а его рука сжала плечо Фланы Микосеваар.

— Все идет хорошо, — прошептал он. — Скоро, моя дорогая, ты будешь Королевой. Ведь они ничего не подозревают и даже не могут подозревать — таких восстаний не было веков сто! Хаон к этому абсолютно не готов. А как они будут проклинать тех, кто построил казармы для солдат вдоль берегов!

За время их сравнительно недолгого плавания Флана уже устала от грохота двигателей и шума водяных колес. Она теперь поняла, что одним из достоинств парусного корабля было отсутствие этого грохота. Она подумала, что этим «шумным» судам, после того, как они сослужат свою службу, не стоит больше появляться вблизи Лондры. Но это решение казалось ей не настолько важным, чтобы долго думать о нем. Она снова углубилась в воспоминания и стала мечтать о д'Аверке, окончательно забыв про Мелиадуса и его планы.

Вдоль берега, возле самой окраины Лондры, тянулись казармы Свиней, Крыс, Мух и других Орден. Кораблям, идущим впереди флагмана, было дано задание разрушить эти казармы. Для чего Калан Витальский установил на судах огненные пушки.

Барон Мелиадус тихо приказал капитану корабля поднять флаг — это был сигнал начать обстрел.

Утренняя Лондра была такой же, как всегда — безмолвной и мрачной. Устремившиеся в небо статуи богов напоминали скрюченные пальцы юродивых.

В этот ранний час вся знать Лондры еще сладко спала. Бодрствовали только Тарагорм, Калан и его люди, которые с нетерпением ждали начала сражения. Они намеревались уничтожить как можно больше врагов и гнать оставшихся во Дворец Короля-Императора, а потом осадить и сам Дворец.

Барон Мелиадус прекрасно понимал, что даже если его войска и выиграют сражение за город, настоящий бой начнется при штурме Дворца. Учитывая то, что к Королю может подойти подкрепление, захватить его резиденцию следовало как можно быстрее.

Дыхание Мелиадуса участилось, глаза засверкали. Из дул бронзовых пушек вырвалось пламя. И вслед за этим раздался страшный взрыв — одна из казарм лопнула как пузырь, и ее обломки взлетели в воздух.

— Какая удача! — радостно воскликнул Мелиадус. — Это добрый знак! Не ожидал я такого успеха, да еще с первого выстрела.

Через мгновение разлетелась в щепки и вторая казарма, а из остальных выбежали перепуганные солдаты, забывшие о доспехах и даже о масках. Пушки стреляли по бегущим, крики и вопли разнеслись среди безмолвных башен Лондры — это было первое предупреждение жителям города.

На набережной шла жестокая резня. Волчья маска на корабле повернулась к маске Стервятника, выражая молчаливое удовольствие.

Свиньи и Крысы разбежались в поисках укрытия, а Мухи попрятались в другие, уцелевшие здания.

Солдаты, успевшие вооружиться на берегу, открыли ответный огонь.

Звери начали грызню.

Так стал вырисовываться на ткани истории узор судьбы, появившийся в тот момент, когда Мелиадус поклялся Рунным Посохом, с позором покидая замок Брасс.

Но пока еще невозможно было предсказать, каким будет этот узор и кто в конечном итоге станет победителем: Хаон, Мелиадус или Хокмун.

Глава 8

ИЗОБРЕТЕНИЕ ТАРАГОРМА

Прошло несколько часов, и от казарм не осталось камня на камне. Они были стерты с лица земли. Уцелевшие воины сражались на улицах недалеко от центра города. Вероятно, Хаон еще не понял, что происходит. Наверное, он даже подумал, что это солдаты Коммуназии, замаскировавшись под гранбританцев, напали на Лондру. И Король послал своим солдатам подкрепление — несколько тысяч воинов-Богомоллов.

Мелиадус, с неизменной улыбкой на губах, высадился вместе с Фланой на берег и пешком, в сопровождении Волков и Стервятников, отправился во дворец Времени. Его солдаты оставались только на открытых улицах, не пытаясь проникнуть в лабиринты коридоров, соединяющих башни. Они поджидали воинов противника и, как только те появлялись, убивали их. Воины Мелиадуса загнали солдата в западню: в городе было мало окон, которые могли бы служить амбразурами. Надо сказать, что гранбританцы старались обходиться вообще без окон, так как им не очень-то нравились свежий воздух и яркий дневной свет. А те немногие окна, которые все-таки имелись, располагались так высоко, что были совершенно бесполезны даже для самых метких стрелков. Ко всему прочему орнитоптеры оказались совершенно ненужными в таком городе, как Лондра, и поэтому представляли собой гораздо меньшую угрозу для восставших, чем предполагал Мелиадус.

Барон вошел во дворец Времени в прекрасном расположении духа. Тарагорм оказался в маленькой комнате и был чем-то занят.

— Брат, наши успехи налицо! Они превзошли все мои ожидания!

— Да, — ответил Тарагорм, кивнув Флане, на которой он, как и Мелиадус, был женат в свое время. — Моим Хорькам пока что нечего делать. Но они будут полезны, когда придется выкуривать тех, кто засел в переходах. Как только мы локализуем главные очаги, я планирую использовать Хорьков для удара по врагу с тыла.

— Но почему ты предложил мне встретиться с тобой здесь?

— Знаешь, мне кажется, я нашел способ вернуть наших друзей из замка Брасс обратно, в их собственное измерение, — тихо произнес Тарагорм голосом, в котором чувствовалось спокойное удовлетворение.

Мелиадус даже застонал от радости.

— Ах, брат, наконец-то эти птички попадут к нам в клетку!

— Я не совсем уверен, — рассмеялся Тарагорм, — что моя машина сработает, но чувствую, что она должна сработать. В ее основу легла формула, описанная в одной книге... Кстати говоря, там же упоминалась и кристаллическая машина Сориандума. Хочешь осмотреть ее?

— Да! Отведи меня туда, брат! Умоляю!

— Тогда будь любезен, следуй за мной...

Тарагорм провел Мелиадуса и Флану по извилистым коридорам, где со всех сторон тикали, скрипели и скрежетали часовые механизмы, и открыл небольшим ключом низенькую дверцу.

— Здесь. — Он вынул факел из гнезда возле двери и осветил им подземелье. — Вот... Она находится примерно на том же уровне, что и кристаллическая машина замка Брасс. С помощью этого устройства я могу посылать сигналы сквозь измерения.

— Я ничего не слышу... — несколько разочарованно произнес Мелиадус.

— Ты ничего не слышишь, потому что ничего слышать не можешь. По крайней мере в нашем измерении. Уверяю тебя, что она издает весьма громкий звук в какой-то другой точке пространства и времени.

Мелиадус подошел к машине. Механизм напоминал большой медный остов часов размером с человека. Внизу раскачивался маятник и двигались стрелки. Сзади находился предмет с молоточком, судя по всему — гонг.

Пока они рассматривали это странное сооружение, стрелки, качнувшись, передвинулись на половину деления циферблата. Молоточек медленно поднялся, упал на гонг, и тот завибрировал. Но звука барон не услышал.

— Невероятно! — прошептал Мелиадус. — Но как вы будете использовать эту машину?

— Мне надо еще немного подрегулировать механизм, чтобы он смог работать в нужном измерении, которое я при помощи Тоузе сумел найти. Когда наступит полночь, наши друзья в замке Брасс получат приятный сюрприз.

Мелиадус удовлетворенно кивнул, сказав:

— О, благородный брат, ты станешь самым богатым и самым почитаемым человеком в Империи!

Маска-часы Тараорма слегка наклонилась после слов Мелиадуса.

— Я заслужил это, — тихо произнес Тараорм. — Благодарить тебя не буду.

— Скажи, ты уверен, что механизм работает?

— Что ж, тогда я не стану самым богатым и самым почитаемым человеком в Империи, — с усмешкой ответил Тараорм. — Мне думается, ты позаботишься, чтобы я был вознагражден менее приятным способом.

Мелиадус порывисто обнял Тараорма за плечи:

— Не говори так, брат! Не надо!

Глава 9

ХАОН СОВЕЩАЕТСЯ

— Ну-ну, господа, какие-то гражданские беспорядки? — прозвучал юношеский голос из Тронной Сферы, и острые черные глаза стрельнули по собравшимся в зале маскам.

— Это измена, благородный Монарх! — произнес воин в маске Богомола, опаленной огненным копьем.

— Гражданская война, — уточнил второй.

— И мы оказались совершенно неподготовленными, о Мудрый Правитель, — проговорил шепотом воин, стоявший рядом.

— В самом деле, господа. Мы все виноваты. Нас обманули. — Король-Император медленно обвел взглядом всех собравшихся капитанов. — Калан здесь?

— Нет, Великий Государь.

— А Тарагорм? — промурлыкал сладкий голос.

— И Тарагорм отсутствует, о Король над Королями.

— Так... И некоторые утверждают, что видели на флагмане Мелиадуса?

— С графиней Фланой, о Великий Император.

— Да, нас ловко провели. Но надо думать, Дворец хорошо защищен?

— Только очень крупные силы могут рассчитывать на успех, о Повелитель Всего Света.

— Может быть, они собрали очень крупные силы? А если с ними Калан и Тарагорм, то у них есть и другие средства... Мы подготовлены к осаде, капитан? — обратился Хаон к капитану стражников-Богомолов.

— В какой-то степени — да, Величайший. Никто не мог предположить такого поворота событий...

— Тогда нам стоит вызвать подкрепление...

— С континента, — добавил один из капитанов. — И Адаз Промп, и Йорик Нанкенсен, и Мигель Хольст, и Шенегар Тротт — все преданные Вашему Величеству люди там.

— Шенегар Тротт совсем в другом месте, — вежливо поправил его Король Хаон. — Кстати, можем ли мы быть уверены в преданности остальных?

— Я бы сказал, что да, Великий: множество солдат из этих Орденов погибло сегодня. Если бы их начальники были в сговоре с Мелиадусом, то солдаты наверняка перешли бы на его сторону.

— Должно быть, так оно и есть. Я принимаю ваше предложение. Отзовите всех лордов Гранбритании. Прикажите им взять с собой те отряды, которые не заняты в военных кампаниях, и как можно быстрее подавите этот бунт. Скажите им, что восставшие причиняют нам массу хлопот. А гонцу прикажите отправиться с крыши Дворца на орнитоптере.

В это мгновение откуда-то донесся отдаленный рев огненной пушки, и Тронный Зал вздрогнул.

— Очень много неудобств, — вздохнул Король-Император, — Каковы успехи Мелиадуса на данный момент?

— В его руках весь город, Мудрейший Монарх, исключая, конечно, Дворец.

— Я всегда считал его своим лучшим полководцем, — с грустью заметил Хаон.

Глава 10

ПОЛНОЧЬ

Барон Мелиадус наблюдал за пожарами в городе из окна своей башни. Особенно он любовался пожаром на одном из разбившихся орнитоптеров.

Это был исключительно приятный вечер: звезды ярко сверкали на ночном ясном небе. Для полноты ощущений Мелиадус приказал квартету рабынь сыграть симфонию Лондена Джона — прекраснейшего композитора Гранбритании, Музыка, сливаясь с лязгом металла, взрывами и воплями гибнущих людей, приятно ласкала слух Мелиадуса. Он потягивал вино из бокала и, насвистывая, изучал план Лондры.

В дверь постучали. Рабыня открыла, и вошел начальник пехоты Бели. Он поклонился.

— Обязан доложить, сэр, что у нас недостает солдат. Нам удалось сделать невозможное, имея в распоряжении столь малое количество воинов. Но сейчас нам необходимо подкрепление, иначе очень сложно будет удержать захваченные позиции. Если подкрепления не будет, мы будем вынуждены перегруппироваться.

— То есть придется оставить город и выбрать себе открытое пространство для боя. Так, капитан?

— Именно так, сэр.

Мелиадус осторожно потрогал свою маску.

— На континенте есть подразделения Волков, Стервятников и даже Хорьков. Вероятно, если их отозвать...

— Хватит ли у нас времени, сэр?

— Что ж, придется выкроить время, капитан.

— Да, сэр.

— А не предложить ли пленным сменить маски? — пришла Мелиадусу хорошая мысль. — Они же видят, что Король побежден, и наверняка захотят перейти на нашу сторону.

— Дворец Короля Хаона отлично защищен, сэр, — проговорил Бели, отдавая честь.

— Он будет взят, я в этом уверен!

Музыка Лондена Джона все еще звучала. Мелиадус смотрел на пожар и думал о том, что все идет отлично. Он был абсолютно уверен, что через некоторое время Дворец будет взят, Хаон — уничтожен, а Флана займет его место. Мелиадус уже представлял, как он станет самым могущественным человеком в Империи.

Барон взглянул на стенные часы. Время приближалось к одиннадцати. Он встал и хлопнул в ладоши. Девушки умолкли.

— Принесите мои носилки, — приказал он. — Я отправляюсь во дворец Времени.

Те же рабыни вернулись с носилками, барон сел в них и облокотился на подушки.

Когда его медленно несли по коридорам, Мелиадус все еще слышал музыку огненных пушек, крики сражающихся солдат. Он отдавал себе отчет, что победа еще не достигнута: могут найтись лорды, которые даже после смерти Хаона не признают Императрицу Флану. Мелиадус понимал, что для укрепления своего положения ему понадобится несколько месяцев. Впрочем, делу можно помочь, если удастся объединить всех против Камарга и замка Брасс.

— Быстрее! — крикнул он обнаженным девушкам. — Быстрее! Мы не должны опоздать!

Если машина Тарагорма вернет замок Брасс назад, то он получит двойное преимущество: насладится местью и объединит против врагов всю Империю. Ненависть к жителям Камарга должна сплотить гранбританцев, решил он.

Мелиадус вздохнул. Он был очень доволен — все шло просто превосходно.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

...Близилась развязка. Пока герои Камарга строили в замке Брасс свои планы, а Король-Император Хаон совещался в Тронном Зале, барон Мелиадус, находившийся во дворце Времени у Тарагорма, уже мысленно расставлял свои ловушки. Все эти планы начали влиять друг на друга, а Рунный Посох — оказывать на всех свое воздействие. Кроме того, Темная Империя раскололась на части из-за ненависти. Мелиадуса к Хокмуну, которого барону не удалось использовать как марионетку. У Хокмуна оказалось достаточно сил, чтобы пойти против Мелиадуса. Вероятно, именно в то время, когда Мелиадус выбрал Хокмуна для диверсии против обитателей замка Брасс, Рунный Посох и сделал свой первый ход. И на ткани истории начал вырисовываться узор судьбы, сплетенный настолько хитро, что некоторые нити уже были патовы вот-вот оборваться...

Из «Истории Рунного Посоха»

Глава 1

БОЙ ЧАСОВ

Стало прохладнее. Хокмун плотнее закутался в свой плащ и посмотрел на друзей. Их взгляды были устремлены на стол. Хотя огонь в очаге почти угас, в полумраке отчетливо выделялись некоторые предметы.

Ближе всего к собравшимся лежал Алый Амулет. Он отбрасывал на их лица кровавые блики. Там же находились и кольца Майгана. С их помощью люди могли проникать в другие измерения. Они служили своим владельцам как бы пропусками в тот мир, откуда те бежали. А рядом с кольцами лежал Меч Зари, хранивший в себе армию Хокмуна. И наконец, картину дополнял Рунный Посох — знамя и последняя надежда Хокмуна.

Граф Брасс откашлялся и сказал:

— Даже владея этими волшебными предметами, мы вряд ли сможем нанести поражение столь могущественной Империи как Гранбретания.

— У нас есть безопасное убежище — наш замок, — напомнил Оладан. — Мы сможем в любое время проникать в другие измерения и возвращаться назад, то есть вести партизанскую войну.

— Так-то оно так, — кивнул граф Брасс, — но у меня все же есть сомнения...

— При всем моем уважении к вам, надо признаться, что вы — сторонник классических способов ведения войны, — сказал д'Аверк. Воротник черного кожаного плаща еще больше оттенял бледное лицо воина. — Вам больше пришлось бы по душе, когда все воины — лучники, копьеносцы, кавалерия — сходятся в открытом бою... А мы вынуждены наносить удары из засады, по крайней мере — на первом этапе войны.

— Да, думаю, вы правы, д'Аверк, — вздохнул граф.

Богенталь налил всем вина:

— Наверное, нам нужно идти спать, друзья мои. Предстоит еще немало сделать, и надо беречь силы.

Хокмун подошел к другому концу стола, где были разложены карты. Он потер Черный Камень у себя во лбу.

— Да, мы должны спланировать свои первые шаги с предельной осторожностью. — Он принялся изучать карту Камарга. — Не исключено, что на прежнем месте замка Брасс Мелиадус выставил постоянный дозор, ожидающий нашего возвращения. Скорее всего, так оно и есть.

— Но ты ведь считаешь, что Мелиадус потерял свое влияние при дворе? — возразил д'Аверк. — Похоже, то же самое думал и Шенегар Тротт.

— Если это действительно так, — согласился Хокмун, — то возможно, войска Мелиадуса находятся где-нибудь далеко от Камарга. Кажется, в Лондре возникли какие-то разногласия.

Богенталь собрался что-то сказать, но промолчал. Ему показалось, что замок слегка содрогнулся.

— Этот дьявольский холод, — проворчал граф Брасс и подбросил полено в очаг. Полетели искры, и пламя взвилось вверх; по залу замечались огромные тени. Граф еще плотнее запахнул свой шерстяной халат, мысленно сожалея, что ничего больше не надел. Он обвел мрачным взглядом висевшие на стенах копыя, луки, колчаны со стрелами, палицы, доспехи из меди и остановил взгляд на собственном тяжелом мече.

Стены замка задрожали вновь — уже сильнее, и щиты, украшавшие их, загремели.

Хокмун взглянул на Богенталь и прочитал в его глазах предчувствие надвигающегося несчастья.

— Землетрясение, наверное?

— Наверное, — с большим сомнением в голосе ответил Богенталь.

И вдруг они услышали отдаленный звук, напоминающий гудение гонга, — тихий, почти неслышный. Они бросились к дверям, и граф Брасс, прежде чем распахнуть их, на мгновение остановился в нерешительности.

Небо почернело; тревожно клубились рваные облака. Казалось, небосвод вот-вот должен расколоться.

Через некоторое время до них опять донесся тот же звук. Но теперь он усилился до звона огромного колокола.

— Такое впечатление, что находился в колокольне замка, когда бьют часы, — встревоженно произнес Богенталь.

Их лица побледнели, напряглись... Хокмун широкими шагами прошел в зал, протянув руку к Мечу Зари. Д'Аверк окликнул его:

— Ты о чем-нибудь догадывается, Хокмун? Это какие-то козни Темной Империи?

— Да... Или еще что-то сверхъестественное, — ответил Хокмун.

Прозвучал третий удар, и эхо раскатилось по плоским равнинам Камарга — над заводами и тростниками. Фламинго, встревоженные шумом, закричали в гнездах.

За третьим последовал четвертый, всепоглощающий удар судьбы.

Пятый... Граф Брасс подошел к стене и снял свой меч.

И шестой... Звук усилился. Д'Аверк заткнул уши и пожаловался:

— Это вызовет по меньшей мере мигрень...

Когда прозвучал седьмой удар, замок сильно потрянуло и с потолка посыпалась штукатурка.

По лестнице сбежала Исольда в ночной сорочке.

— Что такое, Дориан? Отец, что это за звук? Похоже на бой часов! От него могут лопнуть барабанные перепонки!

Оладан мрачно поднял голову.

— Мне кажется, он угрожает всему нашему существованию, — проговорил он. — Хотя трудно сказать, почему...

— Лучше, пожалуй, закрыть двери, — сказал граф Брасс, когда эхо замерло и он смог услышать собственный голос. Вместе с Хокмуном они наложили на двери тяжелый железный засов.

Восьмой удар заполнил весь зал, и все закрыли уши ладонями. Громадный гербовый щит, висевший на стене с незапамятных времен, сорвался, упал на каменные плиты и с шумом покатился, остановившись неподалеку от стола.

В зал начали сбегаться перепуганные слуги.

При девятом ударе стекла зазвенели, осколки полетели на пол. Хокмуну показалось, будто он находится в море, на корабле, который внезапно врезался в невидимый риф. Весь замок содрогнулся, а людей просто разметало по залу. Исольда чуть не упала, но Хокмун в последний момент успел подхватить ее. Он уцепился за стену, чтобы удержаться на ногах. Его стало тошнить, а в глазах помутилось.

В десятый раз отзвучал огромный гонг, будто бы сотрясая всю вселенную.

Богенталь рухнул без сознания на пол. А вслед за ним и Оладан закружился на месте, прижав ладони к голове, и не смог удержаться на ногах. Хокмун изо всех сил пытался не упасть, но тошнота подступила к самому горлу, а в голове будто стучали кузнечным молотом. Граф Брасс и д'Аверк, шатаясь, двинулись через зал к столу и, подойдя, повисли на нем, чтобы не дать ему опрокинуться.

Когда эхо смолкло, Хокмун услышал возглас д'Аверка:

— Хокмун, посмотри!

Поддерживая Исольду, Хокмун добрался до стола и ахнул: кольца, лежавшие на столе, все до единого

разбились вдребезги!

— Вот и рухнула наша мечта о партизанских рейдах, — хмуро изрек д'Аверк. — Кроме того, похоже, это вообще конец всем нашим замыслам!

Раздался одиннадцатый удар. Он был дольше и громче, чем предыдущий. Весь замок вновь содрогнулся: людей швырнуло на пол. Хокмун закричал от боли. Казалось, что-то взорвалось в его черепе, и этот страшный взрыв выжег ему мозг. Из-за шума он даже не расслышал собственного крика. Он катался по полу, а все вокруг сотрясало.

Хокмун полз к Исольте, отчаянно пытаясь добраться до нее. По лицу его текли слезы, а из ушей сочилась кровь. Он смутно видел, как граф Брасс пытается подняться, цепляясь за стол. Уши графа тоже были окровавлены.

— Мы уничтожены! — услышал Хокмун слова графа. — Уничтожены каким-то трусливым врагом, которого даже не можем увидеть! Здесь действует сила, против которой наши мечи бессильны...

И вот замок угрожающе затрещал от двенадцатого удара — самого громкого и дикого. Крышка стола упала и раскололась. Некоторые каменные плиты треснули или вообще рассыпались на мелкие осколки. Замок швырнуло, будто пену морского прибоя. Хокмун взревел от боли: на глазах у него выступили кровавые слезы, а все мускулы напряглись до предела — так, что, казалось, вот-вот лопнут.

Вслед за ударом гонга раздался другой звук — тонкий визг. И в зал вдруг хлынули потоки яркого света — фиолетового, затем пурпурного, потом снова опустилась тьма, и будто бы миллионы крохотных колокольчиков зазвенели в унисон. И можно было различить звук, доносившийся из-под земли.

Хокмун попытался подняться, но не смог и упал лицом на камни. Звон внезапно затих; воцарилась тишина.

Глава 2

ЧЕРНЫЕ БОЛОТА

— Кристалл уничтожен...

Хокмун встряхнул головой и моргнул.

— А?..

— Кристалл уничтожен! — Д'Аверк опустился на колени рядом с ним, стараясь помочь ему подняться на ноги.

— А как Исольда?

— Не хуже, чем ты. Мы уложили ее в постель. Слышишь? Кристалл уничтожен!

Хокмун начал счищать запекшуюся кровь с лица.

— Ты говоришь о кольцах Майгана?

— Д'Аверк, объясни ему как следует, — прозвучал голос Богенталя. — Объясни ему, что машина, которую подарили люди-призраки, погибла.

— Погибла? — Хокмун поднялся. — Ее разрушил тот последний удар?

— Именно так, — подошел к ним, тяжело дыша, граф Брасс. — Вибрация уничтожила кристалл.

— Значит... — Хокмун вопросительно взглянул на графа, и тот кивнул ему.

— Да, мы вернулись в наше собственное измерение...

— И на нас еще не напали?

— Кажется, нет.

Хокмун глубоко вздохнул и медленно побрел к дверям.

С трудом сняв засов, он распахнул их.

За дверьми по-прежнему была ночь. На небе сияли все те же звезды. Но кружащиеся синие облачка куда-то исчезли, а вокруг воцарилось жуткое безмолвие; в воздухе витал какой-то странный запах. Не кричали фламинго, и не играл в тростнике ветер.

Хокмун задумчиво закрыл двери.

— Где же войска? — спросил д'Аверк. — Мы-то думали, нас здесь с нетерпением ждут!

— Об этом еще рано говорить! Надо дожждаться восхода, — нахмурился Хокмун. — Наверное, они хотят захватить нас врасплох.

— Ты думаешь, это Темная Империя виновата в том, что с нами произошло? — спросил Оладан.

— Нечего и думать, — ответил граф Брасс. — Именно они вернули замок в наше измерение. Хотел бы я знать, что это за запах?

В это время д'Аверк разбирал вещи, извлекая их из-под обломков стола.

— Просто чудо, что мы живы, — заметил он.

— Да, — согласился Хокмун. — Кажется, эти удары больше повлияли на предметы, чем на людей.

— Два человека скончались, мои старые слуги... — сообщил граф Брасс. — Видимо, сердечный приступ. Сейчас их хоронят — на тот случай, если утром что-то случится.

— Как замок? — спросил Оладан.

— Трудно сказать, — пожал граф плечами. — Я был только в подвалах и могу сказать, что кристаллическая машина полностью разбита, а каменная кладка кое-где потрескалась. Это очень старый и крепкий замок. Кажется, он не сильно пострадал, если не считать того, что в нем не осталось ни одного

целого стекла. В остальном же... — заметил он с небывалым спокойствием, будто речь шла не о его любимом замке, — судя по всему, мы стоим на земле так же твердо, как и раньше.

— Будем надеяться, что так оно и есть, — пробормотал себе под нос д'Аверк. Он держал в руках Меч Зари и Алый Амулет. — Тебе лучше взять это, — сказал он, подавая их Хокмуну, — наверняка они тебе скоро понадобятся.

Хокмун надел Амулет, пристегнул ножны к поясу, а затем нагнулся и поднял Рунный Посох.

— Кажется, он не принес нам удачи, — вздохнув, проговорил Хокмун.

И вот забрезжил серый и холодный рассвет. На горизонте клубился туман, а небо скрыли облака цвета слоновой кости. Пятеро друзей стояли на холме у ворот замка Брасс, стиснув рукояти мечей, и с болью в сердце наблюдали картину, представшую перед ними.

Они увидели свой любимый Камарг совсем другим — опустошенным войной. А раздражавший обоняние запах был запахом смерти, тления и выжженной земли. Все болота и заводи опалило и высушило пламя пушек. Нигде не осталось и следа от фламинго, лошадей и быков... Животные и птицы покинули эти места или были уничтожены гранбретанцами. Охранявшие границы Камарга сто-рожевые башни оказались тоже стертыми с лица земли. Вся страна превратилась в море серого пепла.

— Все пропало, — произнес безжизненным голосом граф Брасс. — Все пропало. — мой любимый Камарг, мой народ, мои животные... Они избрали меня своим защитником, а я не справился со своими обязанностями. Что еще мне остается? Только месть, и ничего кроме мести. Дайте мне добраться до ворот Лондры и увидеть, что город пал... Только тогда я спокойно умру.

Глава 3

РЕЗНЯ В ТЕМНОЙ ИМПЕРИИ

С трудом добравшись до границ Камарга, Хокмун и Оладан были с ног до головы облеплены пеплом, от которого жгло кожу, разъедало глаза и першило в горле. Кони их тоже выглядели не лучше и уже выбивались из сил.

Теперь море пепла уступило место скудной желтой траве. Но пока нигде не было видно и намека на присутствие гранбретанцев.

Жидкий солнечный свет проникал сквозь толщу облаков. Хокмун натянул поводья, остановил коня, сверяя свой путь с картой, и показал на восток:

— Вон там находится деревня Берлин. Давай подъедем осторожно и посмотрим, занимают ли ее гранбретанские войска.

Увидев деревню, Хокмун пустил коня рысью. Оладан окликнул его:

— Что такое, Дориан? Что случилось?

Хокмун ничего не ответил. Осторожно въехав в деревню, они увидели, что половина зданий разрушена, а улицы усеяны трупами. Многие дома почернели от пламени огненных копий. То там, то здесь лежали трупы в доспехах и масках.

— Судя по одежде — это солдаты Империи, — проговорил, будто размышляя про себя, Хокмун. — И к тому же, воины Мелиадуса. Наверное, они напали на жителей деревни, а те стали сопротивляться. Видишь, этого Волка закололи серпом, а тот умер от удара лопатой — она все еще торчит из его шеи...

— Или, может, деревенские жители восстали против них, а Волки им отомстили? — предположил Оладан.

— Тогда почему же солдаты покинули деревню? — возразил Хокмун. — Они же стояли здесь гарнизоном.

Хокмун и Оладан повели лошадей в поводу, старательно обходя трупы людей и животных. Хокмун разглядывал мертвых лошадей, коз, коров и собак. Чувствовалось, что резня в деревне была совсем недавно. В воздухе все еще витала смерть.

— Они не оставили ничего живого. И ничего, что можно было бы употребить в пищу. Такое впечатление, будто они отступали перед мощным противником.

— Да, но кто же мощнее Темной Империи? — содрогнувшись, произнес Оладан. — Не придется ли нам, Хокмун, столкнуться с каким-то новым врагом?

— Надеюсь, что нет... Но все же это зрелище меня озадачило... Оно просто отвратительно, — добавил Оладан.

На улицах лежали убитые мужчины, женщины и дети. Над многими женщинами, очевидно, сначала надругались, а потом перерезали им горло: гранбретанская солдатня обожала убивать свои жертвы с особой жестокостью и садизмом.

— Этот знак Темная Империя, по-моему, оставляет повсюду, — вздохнул Хокмун.

Он поднял голову, уловив слабый звук, принесенный холодным ветром.

— Слышишь? Стон! Может быть, кто-нибудь еще жив?

Он прищепил коня и направил его туда, откуда слышался стон. Хокмун свернул на боковую улочку и наткнулся на дом с выломанной дверью. Отсюда и доносился стон. Герцог присмотрелся и увидел тельце девочки, распростертое на пороге. Стоны усилились. Хокмун спешил и осторожно подошел к дому. Он опустился на колени, взял на руки стонущую девочку и ужаснулся. Поперек горла у нее тянулась красная линия, словно прочерченная тупым кинжалом, а на теле остались лишь жалкие лохмотья. На вид ей можно

было дать лет пятнадцать. Все тело девочки казалось одной сплошной раной. Лишь голубые глаза, отражавшие бледное небо, выделялись на осунувшемся лице. Хокмун поднял ее, и девочка глухо застонала.

Тогда ее пришлось снова опустить на землю. Герцог вернулся к своей лошади и снял притороченную к седлу флягу с вином. Он приложил флягу к губам ребенка. Девочка, сделав глоток, поперхнулась. От страха ее глаза внезапно расширились.

— Не бойся, — мягко сказал Хокмун, — я враг Темной Империи.

— И ты жив?

— Да, как видишь, — Хокмун сардонически улыбнулся. — Я — Дориан Хокмун, герцог Кельнский.

— Хокмун фон Кельн! Мы думали, что ты погиб или исчез навсегда...

— Я вернулся. И клянусь, что за твою деревню мы отомстим. Что здесь произошло?

— Ничего не знаю, милорд, кроме того, что звери Темной Империи не собирались никого оставлять в живых. — Она вдруг подняла голову. — Мои мать и отец, моя сестра...

Хокмун заглянул в дом и содрогнулся.

— Мертвы, — сказал он. Но в его словах была не вся правда: родственники девочки были изрублены на части.

Хокмун поднял рыдающую девочку на руки и отнес к своей лошади.

— Я отвезу тебя в замок Брасс, — сказал Хокмун.

Глава 4

НОВЫЕ ШЛЕМЫ

Девочке отдали самую лучшую и мягкую постель в замке Брасс. Богенталь лечил ее, а Исольда и Хокмун попеременно дежурили у ее постели и старались утешить. Но девочка умирала. Она умирала не столько от ран, сколько от горя. Она не хотела жить, и это было вполне понятно.

— Несколько месяцев, — рассказывала она, — солдаты-Волки стояли в нашей деревне. Они все отбирали у нас, а мы умирали от голода. Говорят, что их оставили караулить Камарг. Хотя мы не могли понять, кого можно караулить в этой пустоши...

— Скорее всего, они ждали нашего возвращения, — сказал Хокмун.

— Наверное... — серьезно отозвалась девочка. — Вчера в деревню прибыл орнитоцер, — продолжала она, — и его пилот поспешил прямо к командиру гарнизона. Мы очень обрадовались, узнав, что солдат отзывают в Лондру. Но не прошло и часа, как они бросились грабить, насиловать и убивать. Воины получили приказ — убивать всю живность, чтобы тем, кто остановится в деревне после них, нечего было есть. И людей заодно убить, чтоб никто уже здесь никогда не сопротивлялся. Быстро расправившись со всеми, солдаты ушли...

— Так значит, они могут вернуться? — задумчиво произнес Хокмун. — Но все-таки хотелось бы знать, почему они ушли?

— Вероятно, из-за какого-то вторгшегося врага, — предположил Богенталь, обтирая лоб девочки влажной тряпкой.

— Я подумал то же самое, но это только догадки, — Хокмун вздохнул. — Отсутствие информации всегда меня пугает.

Раздался стук в дверь, и вошел д'Аверк:

— Хокмун, появился наш старый знакомый!

— И кто же?

— Орланд Фанк.

— Наверное, уж он-то сможет разъяснить нам, что здесь происходит, — поднялся Хокмун.

Когда они подошли к двери, Богенталь тихо произнес:

— Герцог Дориан, девочка умерла...

— Она умерла с мыслью, что за нее отомстят, — ровным голосом проговорил Хокмун и начал спускаться в зал по лестнице.

Внизу у камина стояли граф Брасс и Орланд Фанк.

— Согласен: что-то витает в воздухе, — говорил Орланд Фанк графу. Он махнул рукой, увидев Хокмуна. — А у тебя как дела, герцог Дориан?

— Достаточно неплохо, если учитывать сложившиеся обстоятельства. Ты не знаешь, почему отсюда ушли воины Темной Империи?

— Как раз я только что говорил графу, что не...

— А я-то думал, что ты всеведущ, мастер Фанк.

Фанк застенчиво улыбнулся, стянул с головы шапочку и вытер ею лицо.

— Мне ведь нужно время для сбора информации! А с тех пор, как вы покинули Днарк, я был очень занят. И вот... Я привез подарки для героев замка Брасс.

— Ты очень добр!

— Они вовсе не от меня, а, насколько я понимаю, от Рунного Посоха. Вам может показаться, что эти вещи принесут мало практической пользы. Но согласитесь: трудно сказать заранее, насколько полезно то или другое в боях против Темной Империи.

— Что ты обнаружил во время своей поездки? — повернулся Хокмун к д'Аверку.

— То же, что и вы, — ответил д'Аверк. — Стертые с лица земли деревни, убитые в спешке жители... И следы очень быстрого ухода войск Гранбритании. Как я понял, у них еще есть какие-то небольшие артиллерийские гарнизоны в городах покрупнее.

— Это похоже на безумие... — пробормотал граф Брасс.

— Если это так, мы сможем воспользоваться их безумием, — с мрачной улыбкой заметил Хокмун.

— Отлично сказано, герцог Дориан. — Фанк хлопнул Хокмуна по плечу своей красной мускулистой рукой. — Теперь я могу принести подарки?

— Мы не против, мастер Фанк.

— Если можно, пошлите со мной пару слуг, потому что подарков шесть и они очень тяжелые: я привез их на двух лошадях.

Через несколько минут вошли слуги. Каждый нес по два предмета, завернутых в ткань. Сам Фанк принес два оставшихся и сложил их на каменные плиты.

— Разверните, господа!

Хокмун нагнулся и откинул ткань. Ему в глаза ударил яркий свет, и он увидел на обнажившейся части предмета свое отражение. Озадаченный, он отбросил ткань целиком.

Перед ним был боевой шлем, сделанный так, чтобы закрывать всю голову и плечи. Он был изготовлен из какого-то незнакомого металла, отполированного лучше самого прекрасного зеркала, которое когда-либо доводилось видеть Хокмуну. Шлем был совершенно гладким, без украшений. Единственное, что выделялось на ровной поверхности, были прорези для глаз. Поэтому кто бы ни смотрел на шлем, он видел в нем лишь свое собственное отражение. Сзади шлемы были украшены гребнями из того же металла, выполненными настолько искусно, что сразу можно было сказать, что делал их не простой ремесленник, а настоящий мастер. Хокмуну вдруг пришло в голову, насколько они могут быть полезны в бою: противника испугает собственное отражение, создающее иллюзию, что он сражается сам с собой.

Граф Брасс громко засмеялся.

— Да ведь тот, кто изобрел эти шлемы, был просто гением! Ничего лучше я никогда не видел!

— Примерьте их, — усмехнулся в ответ Фанк. — Ваш — тот, что вы развернули. С гребнем под цвет меди.

Граф Брасс улыбнулся и поднял шлем, водрузив его на плечи. Хокмун посмотрел на него и увидел свое лицо с тусклым Черным Камнем во лбу, веселое и удивленное. Хокмун примерил свой шлем — с золотым гребнем. Когда он посмотрел на графа, ему сначала показалось, что шлем графа вообще ничего не отражает. А потом сообразил, что, напротив, он создает бесконечное множество отражений.

Остальные тоже примеряли свои шлемы. Д'Аверку достался шлем с синим гребнем, а Оладану — алый. Довольные, они улыбались.

— Хороший подарок, мастер Фанк, — сказал Хокмун, снимая шлем.

— Превосходный подарок. А кому же два оставшихся?

— Ах, да. Они для тех, кто пожелает ими воспользоваться.

— Для тебя?

— Нет. Должен признаться, что я пренебрежительно отношусь к доспехам. Они весьма обременительны и затрудняют мою работу со старым боевым топором. — Он ткнул пальцем за спину, где на веревке висел огромный топор.

— Тогда для кого же два других? — осведомился граф Брасс, снимая свой шлем.

— Когда настанет время, вы узнаете, — уклонился от ответа Фанк. — А как дела у обитателей замка Брасс?

— Ты говоришь о тех, кто живет на холме? — уточнил Хокмун. — Некоторые из них были убиты звуком огромного гонга, вернувшего нас в наше измерение. Несколько зданий обрушились, но в целом замок сохранился достаточно хорошо. Кроме того, кавалерия Камарга уцелела.

— Около пятисот человек, — уточнил д'Аверк. — Вся наша армия.

— Ясно, — сказал Фанк, покосившись в сторону француза. — Я должен отправиться по своим делам.

— И что же это за дела, мастер Фанк? — спросил Оладан.

— У нас на Оркнейских островах не принято спрашивать о таких вещах, — упрекнул он Оладана.

— Спасибо за подарки, — поклонился Оладан, — и простите меня за излишнее любопытство.

— Я принимаю ваши извинения, — несколько напыщенно ответил Фанк.

— Позвольте поблагодарить вас, мастер Фанк, от лица всех обитателей замка Брасс за эти прекрасные подарки, — произнес граф Брасс. — Нельзя ли вас побеспокоить последним вопросом?

— Все вы любите задавать слишком много вопросов, — отозвался Фанк, — а мы, оркнейцы, народ не очень разговорчивый. Спрашивай, друг, и я отвечу на твой вопрос, если он не относится лично ко мне.

— Вы знаете, как была уничтожена кристаллическая машина? — поинтересовался граф Брасс.

— Я думаю, что это Тарагорм, хозяин дворца Времени в Лондре, нашел средство уничтожить машину, разобравшись в принципе ее работы. У него хранится много старинных рукописей, в которых рассказывается о подобных вещах. И, очевидно, он построил часы, бой которых, прошел через измерения и расколол кристалл. По-моему, это средство применяли враги обитателей Сориандума, подаривших вам эту машину.

— Так значит, нас вернула сюда Темная Империя? — констатировал Хокмун. — Но тогда почему же они нас не встретили?

— Вероятно, из-за каких-то беспорядков внутри самой Империи, — предположил Орланд Фанк, — Посмотрим! Прощайте, друзья мои. У меня такое чувство, что мы вскоре встретимся вновь.

Глава 5

ГЕРОИ

Когда за Фанком закрылись ворота замка, Богенталь спустился в зал на негнущихся ногах и с непонятым выражением на лице.

— В чем дело, Богенталь? — озабоченно спросил граф Брасс, подойдя и обняв за плечи старинного друга. — Ты, похоже, чем-то встревожен.

— Это не тревога, — покачал головой Богенталь. — Много лет прошло, с тех пор как я не держал в руках оружия, которое было бы тяжелее пера. Теперь я поднимаюсь против Лондры и Темной Империи. Я поеду с вами.

— Но, Богенталь, — возразил Хокмун, — ты же не воин! Ты утешаешь нас, поддерживаешь своей добротой и мудростью. А это тоже увеличивает наши силы.

— Да, все так... Но эта битва будет последней в любом случае: победим мы или нет, — напомнил Богенталь. — Если вы не вернетесь, то моя мудрость никому уже не понадобится. А если вернетесь, вам мои советы будут не нужны. Вы ведь станете людьми, победившими Темную Империю. Поэтому я возьму меч и шлем. Один из двух зеркальных шлемов — тот, что с черным гребнем, — как раз мне подойдет.

Хокмун посторонился. Богенталь подошел к шлему, поднял его и медленно водрузил на свою голову. Шлем сидел превосходно.

И они увидели в шлеме отражение — свои лица, одновременно и мрачные, и восхищенные.

Д'Аверк первым шагнул вперед и протянул руку:

— Приятно будет отправиться в поход с человеком, обладающим утонченным остроумием.

— Согласен, — подхватил Хокмун. — Мы будем счастливы, что ты поедешь с нами. На мне хотелось бы знать, кому предназначен оставшийся шлем.

— Мне! — прозвучал знакомый голос. Хокмун обернулся и взглянул на свою жену.

— Нет, он не для тебя, Исольда.

— Ты в этом уверен?

— Ну...

— Посмотри, он с белым гребнем и меньше, чем остальные. Как будто специально сделан для мальчика или женщины.

— Да, — неохотно признал Хокмун.

— Разве я не дочь графа Брасса? Разве я держусь в седле хуже любого из вас?

— Да.

— Вы забыли, как я девчонкой сражалась на арене с быками? Разве, отец, я не обучалась вместе с гвардейцами нашего Камарга искусству владеть топором, мечом и огненным копьем?

— Это правда, — согласился граф. — У нее есть сноровка в этом искусстве. Но от воина требуется гораздо больше.

— Но разве я не крепка?

— Да, для женщины... — согласился хозяин замка. — «Крепкая и мягкая, как шелк». Так, по-моему, выразился один местный поэт, — он бросил взгляд на покрасневшего Богенталья.

— Тогда, значит, у меня не хватает выносливости? — глаза Исольды горели и вызывающе, и весело.

— Нет, выносливости у тебя более чем достаточно, — уверил ее Хокмун.

— Смелость? У меня нет смелости?

— Да, никого не сыскать смелее тебя, дитя мое, — согласился граф.

— Тогда чего мне не достает?

— У тебя все в порядке, — согласился Хокмун. — Но... ты ведь женщина, а...

— А женщины не воюют? Они остаются возле очага скорбеть о погибших близких, так?

— Или встречают их, когда они возвращаются...

— Но почему я должна оставаться в замке? А кто будет меня защищать?

— Мы оставим охрану.

— Но вы же отлично знаете, что у вас каждый человек на счету.

— Да, это правда, — вздохнул Хокмун. — Но не забывай, что ты ждешь ребенка!

— Я не забыла... Но я понесу его с собой в битву. Ведь если мы победим, он узнает радость победы даже раньше, чем появится на свет. А если мы будем разбиты, ему нечего будет унаследовать, кроме гибели. Тогда мы погибнем все вместе. Я не стану вдовой Хокмуна, и ребенок не родится сиротой. Я ни за что не останусь одна в замке Брасс, Дориан. Я поеду с вами.

Она подошла к зеркальному шлему с белым гребнем, подняла его, надела на голову и восторженно всплеснула руками:

— Видите, он сидит превосходно! Он явно был изготовлен для меня. Мы поедем все вместе, вшестером, и поведем Камарг вперед, против войск Темной Империи.

— Да будет так, — тихо произнес Хокмун, обнимая жену.

Глава 6

НОВЫЙ СОЮЗНИК

Командный пункт Мелиадуса в Лондре находился на одной из самых высоких башен. Оттуда барон и наблюдал за прибытием войск.

Волки и Стервятники, с боями покинув континент, уже вступали в город. Они вливались в ворота и сразу вступали в бой. Сюда же спешили Крысы, Кролики, Козлы, Собаки... Мелиадус с напряжением смотрел вниз... Его озадачило одно подразделение, продвигавшееся под знаменем в черно-белую полосу, что означало нейтралитет. Подразделение приближалось, и вскоре Мелиадус рассмотрел их маски.

Знамя принадлежало Адазу Промпу, магистру Ордена Собаки. Трудно было сказать, что означало сейчас это знамя. Может быть, то, что Промп еще не решил, чью сторону он примет. Или же за всем этим крылся какой-то подвох.

Мелиадус в задумчивости облизнул губы. С таким союзником можно было начать наступление на Дворец Хаона.

За последние несколько дней битва за Лондру приобрела затяжной характер. Мелиадус стал задумчиво-мрачен. Он не знал, сработало ли устройство Тарагорма и возвратился ли замок Брасс в свое собственное измерение. Его прежнее радостное настроение, вызванное первыми успехами, сменилось нервозностью и тревогой. Главной причиной тому была неуверенность в своих силах.

Открылась дверь. И барон, машинально надев маску, повернулся и увидел графиню Флану.

— А, это ты, Флана? Чего ты хочешь?

— Здесь Тарагорм.

— Тарагорм? У него есть хорошие известия?

Из-за спины показалась маска-часы.

— Я надеюсь, что у тебя, брат, скоро будут кое-какие радостные вести! — ядовито воскликнул Тарагорм. — За последние несколько дней мы еще не добились существенных успехов.

— Подкрепления прибывают, — раздраженно бросил Мелиадус, махнув рукой в латной рукавице в сторону окна. — На нашей стороне Стервятники и даже Хорьки.

— Да, но и для Хаона тоже прибыло подкрепление. И, кажется, численностью оно превосходит наше.

— У Калана скоро должно быть готово новое оружие, — поднялся Мелиадус. — Оно даст нам решающее преимущество.

— Если оно сработает, — саркастически заметил Тарагорм. — Я уже начинаю сомневаться, не допустил ли я ошибку, присоединившись к тебе.

— Теперь уже слишком поздно об этом думать, брат. Мы не должны ссориться, иначе нам конец.

— Да, тут я с тобой согласен. Если победит Хаон, то нам с тобой конец.

— Но он не победит.

— Нам понадобится для штурма дворца миллион солдат.

— У нас их столько и будет. Если мы одержим пусть даже небольшую победу, многие перейдут на нашу сторону.

Тарагорм не обратил на это заявление никакого внимания и вместо ответа повернулся к Флане:

— А жаль, Флана, ты была бы прекрасной Королевой...

— Она еще станет Королевой, — резко произнес Мелиадус, еле сдержавшись, чтобы не ударить Тарагорма. — Твой пессимизм, Тарагорм, граничит с изменой.

— И ты убьешь меня за эту измену вместе со всеми моими знаниями? Ведь только я знаю тайны времени!

Мелиадус пожал плечами.

— Нет, не убью. И давай лучше прекратим этот разговор и сосредоточимся на штурме Дворца.

Флане наскучил их разговор, и она оставила их вдвоем.

— Я должен повидать Калана, — сказал Мелиадус, — Он несколько пострадал. Ему пришлось перемещать все свое хозяйство на новое место. Пошли, навестим его!

Они вызвали свои носилки, и их понесли по тускло освещенным коридорам и извивающимся лестницам вниз, к комнатам, которые Калан приспособил под новые лаборатории. Дверь отворилась, и им в ноздри ударил отвратительный запах. Мелиадус даже сквозь маску ощутил жар. Выходя из носилок, он закашлялся. Барон увидел обнаженного до пояса Калана. Его костлявое тело резко выделялось на фоне остальных. Калан в маске наблюдал за работой ученых. Он нетерпеливо поздоровался с прибывшими.

— Что вам надо? У меня нет времени на разговоры.

— Мы хотели бы знать, как продвигаются дела, барон, — повысил голос Мелиадус, пытаясь перекричать шум, царивший в зале.

— Надеюсь, хорошо. Оборудование до смешного примитивно. Но, несмотря на это, оружие почти готово.

Тарагорм взглянул на сплетение гибких трубок и проводов. Оттуда и исходил весь этот шум, жар и вонь.

— Это и есть твое оружие?

— Оно им станет...

— А что оно будет делать?

— Дайте мне людей, чтобы поднять его на крышу, и через несколько часов я покажу вам его в действии.

— Отлично, — кивнул Мелиадус. — Ты помнишь, как много зависит от твоего изобретения?

— Помню... Я начинаю проклинать себя за то, что присоединился к тебе. Но теперь нет смысла об этом говорить. Уходите, пожалуйста. А когда оружие будет готово, я дам вам знать.

Тарагорм и Мелиадус пошли обратно пешком. Носилки следовали за ними.

— Надеюсь, что Калан не потерял здравомыслия, — ледяным тоном произнес Тарагорм, — ибо в противном случае эта штука может уничтожить всех нас.

— Или вообще ничего не уничтожить, — мрачно подытожил Мелиадус.

— А теперь скажи, кто из нас пессимист?

Возвратившись в свои покои, Мелиадус увидел, что его ждут. Это был толстый человек, одетый в щегольские, покрытые черным шелком доспехи. На нем была ярко раскрашенная маска, изображавшая оскалившегося пса.

— Барон Адаз Промп, — объявила Флана, появившись из другой комнаты. — Он прибыл вскоре после твоего ухода.

— Барон, — обратился к нему Мелиадус, небрежно кланяясь, — ваше появление — большая честь для меня.

Из-под маски раздался голос Адаза Промпа:

— Из-за чего вы начали войну? И каковы ваши цели?

— Предмет спора — наши планы относительно завоевания новых земель. А цель — посадить на престол Гранбретании более разумного монарха, который будет уважать таких опытных воинов, как мы с вами.

— Вы имеете в виду — уважать ваши советы, — хихикнул Адаз Промп. — Ей-богу, должен признаться, я думал, что безумец не Хаон, а вы, милорд. К примеру, взять ваше маниакальное желание отомстить этому Хокмуну и обитателям замка Брасс... Я подозреваю, что оно объясняется вашей похотью.

— И вы больше так не считаете?

— Мне наплевать. Но я начинаю разделять ваше мнение о том, что они представляют величайшую опасность для Гранбритании и поэтому должны быть уничтожены, прежде чем мы станем думать о чем-нибудь другом.

— Почему же так изменилось ваше мнение? — В нетерпении Мелиадус наклонился вперед. — У вас есть какие-то данные, неизвестные мне?

— Есть одно-два подозрения, — неторопливо и тихо ответил Адаз Промп.

— И какие?

— Например, корабль, встреченный нами в северных морях, когда мы возвращались из Скандии на зов нашего Императора... И слухи из Франции... Вот и все.

— А что это был за корабль?

— Очень похож на те, что стоят на реке — со странной машиной в кормовом отделении и совершенно без парусов. Корабль был достаточно потрепан и дрейфовал. На его борту находились всего лишь два гранбританца — оба раненые. Они умерли до того, как мы успели перенести их на наш корабль.

— Корабль Шенегара Тротта из Америка?

— Да, именно так они нам сказали.

— Но какое это имеет отношение к Хокмуну?

— Похоже, что они встретили Хокмуна в Амарики и чудом не погибли в кровавой битве у города под названием Днарк. А сражение, по словам солдат, разгорелось за право владеть Рунным Посохом.

— И Хокмун выиграл сражение?

— В самом деле, странно... Солдат Тротта, как нам удалось выяснить, была тысяча, а против них — всего лишь четверо, включая Хокмуна.

— И Хокмун победил?

— Да, с помощью каких-то сверхъестественных сил. Все это напоминает глупую сказку. Но ясно одно: Хокмун разгромил войско, во много раз превышающее его собственное, и убил Шенегара Тротта. Похоже, что ему служат какие-то неизвестные нам колдуны или ученые. Вспомните, как ловко он сумел скрыться от нас первый раз! И еще... Один из ваших Волков, когда мы двигались к Лондре, рассказал мне об одном слухе...

— Что за слух?

— Он сказал, что замок Брасс появился снова. И Хокмун со своими воинами взял городок к северу от Камарга, уничтожив его гарнизон полностью — до последнего солдата. Но это только слух, и в него трудно поверить. Где мог Хокмун набрать армию за столь короткий срок?

— Такие слухи — обычное дело во время войны, — задумчиво произнес Мелиадус. — Но не исключено, что так оно и есть. Значит, теперь вы верите, что Хокмун для нас — большая угроза, чем считал Хаон?

— Это только предположение. Но я чувствую, что для него есть веские основания. И еще... Я думаю, будет лучше, если мы быстрее прекратим эту междоусобицу. Нам нужно побыстрее выяснить, есть ли у Хокмуна армия, и разделаться с ним. Я с вами, Мелиадус. В течение следующего дня я могу предоставить в ваше распоряжение около полумиллиона моих Собак.

— У нас достаточно сил, чтобы взять дворец, если учесть тех, кто находится в моем распоряжении?

— Возможно, если у нас будет поддержка артиллерии.

— Будет. — Мелиадус стиснул руку Промпа. — О, барон Адаз, я считаю, что к утру победа будет за нами!

— Но многие ли из нас доживут, чтобы увидеть ее? — мрачно отозвался Адаз Промп. — Взятие дворца Короля-Императора обойдется нам очень дорого. Мы потеряем несколько сот тысяч...

— Оно будет того стоить, барон. Поверьте мне!

Мелиадус ощутил радостное возбуждение. Его взбодрила перспектива грядущей победы над Хаоном. Но в еще больший восторг его приводила мысль, что скоро у него появится шанс получить власть над Хокмуном — если Калан сумеет найти способ снова вдохнуть жизнь в Черный Камень.

Глава 7

БИТВА ЗА ДВОРЕЦ

Мелиадус наблюдал, как на крыше его штаба устанавливают изобретение Калана. Неподалеку от башни, возле Дворца бушевали бои. Промп еще не отдал своим Собакам приказ пойти на штурм дворцовых ворот. Он хотел немного подождать, чтобы увидеть изобретенное Каланом оружие в действии.

Громадное здание дворца выглядело так, как будто могло выдержать не только любую атаку, но и конец света.

Дворец, окруженный четырьмя громадными башнями, пылающими странным золотистым светом, был украшен причудливыми барельефами. Они изображали сцены из истории Грэнбретании. Здание сияло всеми цветами радуги. Гигантские стальные ворота девятиметровой толщины, казалось, были неприступны.

Даже Мелиадус, глядя на Дворец, ощутил некоторое сомнение. Потом он внимательно осмотрел оружие Калана. Из массы проводов и трубок выделялась большая воронка, похожая на раструб чудовищной духовой трубы. Она была повернута к стенам дворца, где толпились солдаты из Орденов Богомола, Мухи, Вепря... За пределами города солдаты других Орденов готовились напасть на Мелиадуса с тыла. И барон знал, что время теперь решает многое. Если он одержит победу у дворцовых ворот, то может надеяться, что эти Ордена перейдут на его сторону.

— Готово, — сообщил ему Калан.

— Тогда приступай, — проворчал Мелиадус. — Попробуй использовать эту штуку против войск, что скопились вон там, на стенах...

Калан кивнул, и его Змеи навели оружие. Сам же он шагнул вперед и взялся за большой рычаг. Калан обратил свое лицо в маску к грозовым небесам, словно в молитве, а затем потянул рычаг на себя.

Машина завибрировала. Из недр ее поднялся пар. Она затряслась, загрохотала, зарычала, а из трубы появился и стал расти огромный пульсирующий зеленый пузырь. На столпившихся у орудия людей дохнуло жаром. Пузырь отделился от воронки и медленно начал продвигаться к стенам.

Словно замороженный, Мелиадус смотрел, как пузырь плывет, достигает стены и опускается на столпившихся за ней воинов. Солдаты начали извиваться в зеленом горячем веществе, их крики оборвались, а потом воины исчезли совсем. Зеленый пузырь покатился по стене, пожирая человеческую плоть. Но вдруг он лопнул, и зеленая жидкость, булькая и шипя, стала стекать по стене вязкими ручьями.

— Он лопнул! Он не действует! — в ярости закричал Мелиадус.

— Терпение, Мелиадус! — крикнул Калан.

Его солдаты изменили положение орудия на несколько градусов.

— Смотри! — он снова потянул за рычаг. Машина опять затряслась и зашипела, а в воронке опять образовался гигантский зеленый пузырь. Он поплыл к стене и прокатился, вращаясь, по другой группе солдат. Он катился все дальше, не оставляя на стене ни единого человека. И в конце концов тоже лопнул.

— А теперь мы пошлем их через стену, — довольно усмехнулся Калан и вновь потянул за рычаг. На этот раз он не тратил времени: вслед за первым пузырем полетел следующий, а потом еще и еще... Так десятка два пузырей переплыли через стену во внутренний двор. Калан ушел с головой в свою работу. Машина содрогалась и шипела; рядом с ней было невыносимо жарко.

— Эта смесь разъест все! — возбужденно говорил Калан. — Все! — он остановился на миг, чтобы показать. — Смотри, что она делает со стенами!

И вправду, вязкое вещество разъедало камень. Громадные куски разрушенной кладки падали вниз, на улицу. Солдаты в панике отступали. Зеленая смесь проходила через каменную кладку, будто кипящее масло сквозь лед, оставляя в стене огромные рваные бреши.

— Но как же здесь пройдут наши солдаты? — встревожился Мелиадус. — Этому веществу наплевать, что оно разъедает.

— Не бойся, — засмеялся Калан. — Смесь эффективно действует лишь несколько минут. — Он снова потянул за рычаг, посылая через стену очередной пузырь. И большой участок стены неподалеку от ворот полностью рухнул. Когда рассеялась пыль, Мелиадус увидел, что путь во Дворец открыт. Радости барона не было границ.

Внезапно из машины раздался визг, Калан поспешил отдать указания своим людям. Те принялись за работу.

На крыше появился Тарагорм и кивнул Мелиадусу.

— Я вижу, что недооценивал Калана. — Он двинулся в сторону ученого. — Поздравляю, Калан.

— Ты видишь, Тарагорм? — замахал руками Калан. — Ты видишь? Почему бы тебе не попробовать? Надо всего лишь потянуть за рычаг...

Тарагорм обеими руками ухватился за рычаг. Его маска повернулась в сторону бреши в стене: сквозь нее были видны солдаты Хаона, отступающие во Дворец. Их преследовали смертоносные пузыри.

Вдруг со стороны Дворца рванула огненная пушка. Солдаты Короля сумели, наконец, установить артиллерию так, как нужно. Несколько огромных огненных молний пронеслось над головами Мелиадуса, Калана и Тарагорма, а другие, не причинив никому вреда, рассыпались внизу по крышам и стенам зданий. Калан победно рассмеялся.

— Эти штуки бесполезны против моего оружия! Тарагорм, отправь туда пару пузырей. — И он ткнул пальцем в сторону окна, где находилась пушка.

Тарагорм, казалось, был так же увлечен машиной, как и Калан. Мелиадус забавлялся, глядя на двух ученых, играющих со смертоносным оружием, словно дети с новой игрушкой. Теперь он испытывал умиротворение: стало очевидно, что оружие Калана склонило чашу весов в его пользу. Настало время присоединиться к Адазу Промпу и повести войска на решительный штурм Дворца.

Он спустился по лестнице внутрь башни и крикнул, чтобы принесли носилки. Усевшись в них, он поудобнее устроился на подушках, уже ощущая сладость триумфа.

Вдруг над головой раздался чудовищный взрыв, потрясший всю башню. Мелиадус вскочил из носилок и бросился обратно на крышу. Не успел он достигнуть цели, как лицо его обдало сильным жаром. Мелиадус увидел Калана в погнутой маске. Он шел, шатаясь, в его сторону.

— Назад! — закричал Калан. — Машина взорвалась. Я был возле входа, иначе и меня бы убило. Моя смесь растекается по всей башне. Быстрее отсюда, иначе это вещество нас убьет!

— Тарагорм! — крикнул Мелиадус. — Что с ним?

— От него ничего не осталось, — бросил Калан. — Быстрее, нам придется как можно скорее покинуть башню. Поспешим, Мелиадус!

— Тарагорм погиб? После того, как сделал все, что мне нужно? — Мелиадус спускался по лестнице вслед за Каланом. — Я знал, что он доставит мне много хлопот после победы над Хаоном. Но теперь этого можно не опасаться! Бедный мой брат!

На бегу Мелиадус расхохотался.

Глава 8

ФЛАНА НАБЛЮДАЕТ

Из безопасного укрытия Флана следила, как сквозь брешь солдаты проникают во Дворец. Вдруг у нее на глазах башня, которая последнее время служила штабом Мелиадусу, накренилась и с грохотом рухнула на нижние этажи города.

Сначала графиня решила, что Мелиадус погиб, но потом заметила его знамя над рядами солдат, идущих в бой. Там же Флана разглядела и знамя Адаза Промпа. Оказалось, что Собака и Волк, старые враги, теперь вместе атакуют Дворец Хаона.

Она вздохнула. Шум битвы заглушал все другие звуки, от него некуда было спрятаться. Флана следила, как солдаты Хаона тщетно пытаются изменить радиус действия огненных пушек — чтобы стрелять по солдатам во дворе. Но артиллерия уже была бесполезна. Ее установили для длительной осады. И теперь невозможно было за короткое время переместить пушки на новые позиции. Ворота защищались всего лишь несколькими орудиями.

Постепенно звуки битвы стихали. Флана вновь подумала о д'Аверке, о том, скоро ли он появится. Новости, которые принес Промп, пробудили в ней надежду. Хотелось верить в то, что если Хокмун жив, то и д'Аверк, вероятнее всего, тоже. Но ей казалось, что она уже никогда с ним не встретится. Кто знает, может быть, он погибнет в какой-нибудь битве... А если он даже не погибнет, то скорее всего станет отщепенцем, изгоем... Она была уверена, что Темная Империя непобедима и что Хокмун, д'Аверк и их воины погибнут в одном из сражений. Они, возможно, даже не смогут добраться до побережья раньше, чем их уничтожат, и не смогут близко подойти к Лондре, потому что их разделяет море. А Серебряный мост будет закрыт для партизан из Камарга.

У Фланы даже мелькнула мысль о самоубийстве. Но сейчас она не могла думать об этом всерьез. Она решила, что убьет себя, когда исчезнет всякая надежда, но не раньше. Еще графиня утешала себя мыслью, что если она станет Королевой, у нее будет какая-то власть. А также оставалась слабая надежда на то, что Мелиадус пощадит д'Аверка, ведь барон ненавидит его не так сильно, как Хокмуна, хотя француз тоже считался предателем.

Крики с улицы опять стали громче, и Флана выглянула в окно.

Мелиадус и Адаз Промп въезжали во Дворец. Победа явно была близка.

Глава 9

СМЕРТЬ КОРОЛЯ

По коридорам Дворца на черном жеребце мчался барон Мелиадус. Много раз бывал он здесь прежде, унижаясь перед хозяином этих роскошных покоев. Теперь он, гордо вскинув голову, летел по ним, а эхо разносило по коридорам его боевой клич. Еще недавно он с трепетом проходил мимо стражников-Богомоллов, а теперь, пробивая себе дорогу сквозь их ряды, без устали разил их большим черным мечом, так преданно прежде служившим Хаону. Барон поднимал своего коня на дыбы; конь копытами бил по шлемам и ломал стражникам шеи.

Мелиадуса душил смех, он рвался к Тронному Залу. Вслед за Мелиадусом мчалась дюжина Волков. В зале сосредоточились остатки защитников Короля. Они пытались установить пушку в противоположном конце коридора, но барон не остановился, а атаковал тех, кто суетился у огненной пушки, застав орудейную прислугу врасплох. За шесть секунд с плеч слетели шесть голов. Лучи огненных копий с визгом мелькали вокруг волчьей маски, но Мелиадус не обращал на это внимания. Он ворвался в ряды врагов. Глаза барона покраснели от боевого азарта. Ноздри его коня раздувались.

Мелиадус теснил стражников-Богомоллов. Он нещадно рубил их, и те умирали в уверенности, что он обладает сверхъестественной силой.

Но в огромные двери Тронного Зала барона Мелиадуса Кройденского гнала уверенность в успехе и небывалое ощущение собственной силы. Барон обнаружил в зале немногочисленных защитников Короля, пребывавших в полнейшем замешательстве. Когда оставшиеся в живых стражники-Богомоллы стали наступать, выставив вперед копья, Мелиадус громко расхохотался и промчался прямо на них раньше, чем они что-либо успели предпринять. Он галопом пронесся прямо к Тронной Сфере, у которой еще совсем недавно стоял на коленях.

Черный Шар замерцал, и в нем постепенно проявилась сморщенная фигура бессмертного Короля-Императора. Крохотное тельце зародыша извивалось, словно рыба, которую запустили в чуждую ей среду. Оно металось туда-сюда вдоль ограниченного пространства Сферы. Король был беззащитен и беспомощен. Хаон раньше не мог и представить, что ему когда-то придется защищать себя самому. Даже он при всей своей мудрости, накопленной за две тысячи лет, вряд ли всерьез предполагал, что гранбританский вельможа посмеет выступить против своего законного правителя.

— Мелиадус... — в юношеском голосе старца слышался страх. — Мелиадус, ты сошел с ума! Слушай, с тобой говорит твой Император. Я приказываю тебе покинуть Дворец и присягнуть мне на верность.

В черных глазах, некогда злобно-насмешливых и язвительных, теперь читался просто животный ужас, цепкий язычок выскакивал изо рта, словно змеиное жало, а слабенькие крохотные ручки беспорядочно местили белую жидкость.

— Мелиадус!..

Содрогаясь от смеха, барон взмахнул своим громадным мечом и ударил по Тронной Сфере. Когда его клинок вошел в Сферу, Мелиадус ощутил шок, пронзивший все тело.

Произошел взрыв, раздался чей-то вопль, и зал наполнился звоном падающих осколков. Жидкость брызнула на Мелиадуса.

Он протер глаза, ожидая, что увидит скорченное тело убитого, но не увидел ничего: вокруг была крошечная тьма.

Смех торжества сменился воплем ужаса:

— Клянусь зубами Хаона! Я ослеп!

Глава 10

ГЕРОИ ВЫСТУПАЮТ

— Форт горит неплохо, — заметил Оладан. Он обернулся, чтобы в последний раз взглянуть на казарму, где недавно размещался отряд пехотинцев-Крыс. Теперь там никого не осталось в живых, кроме умирающего командира: жители городка распяли его на эшафоте, где он сам когда-то замучил множество мужчин, женщин и детей.

Шесть зеркальных шлемов — Исольда, граф Брасс, Хокмун, д'Аверк, Оладан и Богенталь во главе пятисот воинов Камарга, вооруженных огненными копьями, оставили городок далеко позади.

Первое столкновение с силами Темной Империи окончилось полной победой маленькой армии Камарга. Они внезапно атаковали небольшой гарнизон и меньше чем за час превратили всю крепость в руины.

Испытывая легкую эйфорию и не ощущая усталости, Хокмун вел своих товарищей к следующему городку. Они слышали, что там находится гарнизон гранбретанцев.

Вдруг он увидел всадника, приближающегося к ним галопом, и натянул поводья своего коня. Хокмун узнал во всаднике Фанка, с его неизменным боевым топором.

— Приветствую вас, друзья! — начал Фанк. — У меня есть кое-какие новости. В Гранбретании идет гражданская война: звери пожирают друг друга и Мелиадус восстал против Хаона, Лондра превратилась в огромное поле битвы. Погибли уже тысячи гранбретанцев!

— Так вот почему их так мало здесь! — протянул Хокмун, снимая зеркальный шлем и вытирая лоб платком. В последнее время он так редко носил доспехи, что никак не мог к ним привыкнуть. — Их всех отозвали на защиту Короля...

— Или же на помощь Мелиадусу... Все это нам только на руку.

— Действительно, — отозвался граф Брасс несколько более взволнованным голосом, чем обычно, — это означает, что они уничтожают друг друга и выравнивают соотношение сил в нашу пользу. Пока они грызутся, мы должны как можно скорее добраться до Серебряного моста, переправиться через него и достичь Гранбретании. Удача с нами, мастер Фанк!

— Тогда не лучше ли нам направиться к морю? — предложила Исольда.

— Конечно, — согласился Хокмун. — Надо воспользоваться затруднениями врагов.

— Разумная мысль, — кивнул Фанк. — И поскольку я считаю себя человеком разумным, то поеду с вами.

— Мы будем весьма рады вам, мастер Фанк.

Глава 11

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ

Мелиадус лежал на носилках, жадно хватая ртом воздух, а склонившийся над ним Калан обследовал его глаза своими инструментами. В голосе барона чувствовались боль и ярость.

— В чем дело, Калан? — стонал Мелиадус. — Почему я ослеп?

— Все дело в интенсивности света, который высвободился при взрыве, — пояснил Калан. — Твое зрение восстановится уже через день-другой.

— Через день-другой... Но я должен видеть! Мне нужно точно знать, что против меня не затевается никаких заговоров. Мне необходимо убедить вельмож присягнуть на верность Флане сейчас же. А потом — выяснить, что делает Хокмун.

— Большая часть лордов уже решила поддержать нас, — успокоил его Калан. — Серьезную угрозу для нас представляет лишь Йорик Нанкенсен, его Мухи и Вреналь Фарно. Но от Ордена Фарно фактически ничего не осталось: большинство Крыс погибло еще до штурма Дворца. Промп сейчас как раз очищает город от Мух и Крыс.

— Крыс не осталось, — проговорил задумчиво Мелиадус. — Как ты думаешь, Калай, сколько всего убитых?

— Убита примерно половина воинов Гранбретании.

— Половина? Я уничтожил половину наших воинов?

— Разве одержанная тобой победа не стоит этого?

Невидящий взор Мелиадуса был устремлен в потолок.

— Да, я полагаю, стоит... — теперь он, выпрямившись, сел на носилках. — Но я должен чем-то оправдать их гибель... Я сделал это ради Гранбретании и для того, чтобы избавить мир от Хокмуна и подонков из замка Брасс. Я должен победить, иначе меня ничто не оправдает.

— На этот счет не волнуйся, — улыбнулся Калан. — Я работаю еще над одной из своих машин.

— Новое оружие?

— Старое... Но я заставил его вновь заработать.

— И что же оно собой представляет?

— Это машина Черного Камня, барон, — усмехнулся Калан. — Скоро Хокмун окажется в нашей власти. Сила Черного Камня просто уничтожит его мозг!

Теперь на губах Мелиадуса медленно проступала удовлетворенная улыбка.

— Ах, Калан, наконец-то!

Калан заставил Мелиадуса лечь и принялся втирать мазь в слепые глаза барона.

— А теперь отдохни и помечтай о власти, старый друг. Мы вместе насладимся ею.

Вдруг Калан поднял голову. В комнату вошел гонец.

— Что такое? Какие-то новости?

— Я прибыл с континента. — Гонец тяжело дышал. — У меня новости о Хокмуне и его войске, Ваше превосходительство.

— Что там еще? — снова приподнялся на носилках Мелиадус, и мазь потекла у него по щекам. — Что там о Хокмуне?

— Они движутся по Серебряному мосту, милорд!

— Так они собираются вторгнуться в Гранбретанию? — недоверчиво спросил Мелиадус. — Сколько

же у них бойцов?

— Пятьсот всадников, милорд.

Мелиадус засмеялся.

Глава 12

НОВАЯ КОРОЛЕВА

Калан подвел Мелиадуса к ступенькам трона. Он заменял теперь зловещую Тронную Сферу. На троне сидела Флана Микосеваар в маске Цапли, усыпанной драгоценными камнями. Ее голову украшала корона, а плечи прикрывала роскошная королевская мантия.

— Вот, — произнес Мелиадус голосом, гордо прозвучавшим в огромном зале, — наша новая Королева. При Королеве Флане вы обретете величие, о котором до этого только могли мечтать. Мы вступаем в новую жизнь и теперь будем по-новому наслаждаться всеми удовольствиями, которыми мы, гранбретанцы, дорожим. Весь мир станет послушной игрушкой в наших руках!

И бароны по очереди клялись в верности Королеве Флане. Когда наконец церемония закончилась, вновь заговорил Мелиадус:

— А где Адаз Промп, Главный Военачальник Гранбретании?

— Я здесь, милорд, — отозвался Промп. — И я благодарю за честь, оказанную мне.

Впервые Мелиадус сообщил о том, что Промпу даруется власть над всеми другими военачальниками, исключая, естественно, самого Мелиадуса.

— Доложи нам, Адаз Промп, как обстоят дела с мятежниками!

— Их осталось немного, милорд. Те Мухи, которых мы еще не прихлопнули, разлетелись. А их магистр Йорик Нанкенсен мертв. Я сам убил его. Вреналь Фарно и кое-какие оставшиеся Крысы разбежались по своим норам и скоро будут уничтожены. Остальные объединились в своей преданности Королеве Флане.

— Это нас радует. Я доволен. А как обстоят дела с Хокмуном и его бандой? Они все еще движутся сюда?

— Именно так докладывают наши пилоты с разведывательных орнитоптеров. Скоро они пожалуют к нам, милорд.

— И пусть, — засмеялся Мелиадус. — Пусть пройдут хотя бы половину пути до Лондры... А потом мы уничтожим их. Идемте, мои капитаны!

Калан повел Мелиадуса по ступеням трона через зал. Они подошли к воротам, которые охраняли теперь не стражники-Богомолы, а Волки и Стервятники. Мелиадус сожалел, что не может этого увидеть и насладиться своим триумфом еще раз.

Двери в зал закрылись, а Флана все сидела на троне и думала о д'Аверке. Ее терзали сомнения, жив ли он. Графиня попыталась было поговорить о нем с Мелиадусом, но тот даже не захотел ее выслушать.

Она размышляла о том, что ждет ее в будущем. Пожалуй, единственная из всей знати (за исключением разве что Шенегара Тротта), Флана прочла множество древних манускриптов. Некоторые из них были как бы легендами и историей жизни до Страшного Тысячелетия. Графиня знала: она правит страной на последней стадии упадка. Захватнические войны и внутренняя борьба были признаками предсмертной агонии. И хотя сама смерть наступит еще через двести-триста лет, Флана понимала, что Темная Империя обречена.

Она молилась о том, чтобы на ее место явился кто-то более достойный.

Глава 13

«ЧТО ТЫ ВИДИШЬ?»

Мелиадус держал за поводья коня своего герольда.

— Ты не должен покидать меня, мой мальчик, ты должен рассказывать мне все, что видишь, а я, соответственно, буду командовать войсками.

— Милорд, я расскажу вам все.

— Хорошо. Все ли войска приведены в боевую готовность?

— Все, милорд. Они ждут вашего сигнала.

— Этого негодяя Хокмуна еще не видно?

— Видны всадники, скачущие по Серебряному мосту. Если они не остановятся, то врежутся прямо в наши ряды.

— Не остановятся, — хмыкнул Мелиадус. — Нет, теперь уже вряд ли... Ты различаешь их лица?

— Я вижу блеск — будто от серебра или сигнала гелиографа. Один, два, три, четыре, пять, шесть... Это солнце заставляет их так сверкать! Шесть серебряных зеркал... Интересно, что это может быть?

— Блестящие наконечники копий?

— Не думаю, милорд.

— Ну, мы это скоро узнаем!

— Да, милорд.

— А что теперь?

— Теперь я вижу шестерых всадников во главе кавалерии. Каждый всадник увенчан украшением из серебра. Ой, милорд, это так блестят их шлемы!

— Значит, они хорошо начищены!

— Шлемы закрывают лица. Я едва могу вынести их блеск — такие они яркие.

— Странно... И все-таки их шлемы не выдержат ударов нашего оружия! Ты передал нашим воинам, что Хокмуна надо взять живым, а остальных они могут убить?

— Передал, милорд.

— Молодец.

— И еще я сказал им то, что вы велели: если Хокмун начнет хвататься за голову или странно себя вести, то необходимо сразу же сообщить вам об этом.

— Превосходно! — захохотал Мелиадус. — Превосходно! Я отомщу им, так или иначе.

— Они уже почти перебрались на берег, милорд. Они нас заметили. Но не остановились.

— Тогда подавай сигнал к атаке! — приказал Мелиадус. — Дуй в свою трубу, герольд! Они атакуют?

— Атакуют, милорд!

— И что теперь? Армии встретились?

— Они схватились, милорд.

— И что происходит?

— Я... я не, понимаю, милорд... Из-за блеска этих странных шлемов... Откуда-то появился ярко-красный свет. В армии Хокмуна, кажется, больше солдат, чем мы думали. Пехота и немного кавалерии. Клянусь зубами Хаона... Ой, прошу прощения, милорд, клянусь грудями Фланы! Это самые страшные воины, каких я когда-либо видел!

— А как они выглядят?

— Как варвары, первобытные люди... И кажутся ужасно свирепыми. Они врезаются в наши ряды, как нож в масло!

— Что?! Этого не может быть! У нас пять тысяч солдат, а у них — пятьсот. Все рапорты подтверждают это число!

— Там больше пятисот, милорд. Намного больше!

— Значит, все разведчики лгали? Или же мы все сошли с ума? Откуда взялись эти воины-варвары? Они, должно быть, прибыли с Хокмуном из Америка. Что происходит? Наши воины дают им отпор?

— Нет, милорд.

— Тогда что же они делают?

— Они отходят.

— Отступают? Невозможно!

— Похоже, они отступают очень быстро. Те, что остались живы...

— Что ты говоришь? Так сколько осталось от наших пяти тысяч?

— Я бы сказал, примерно пятьсот человек пехоты, милорд, и сотня — кавалерии, рассеянной по полю.

— Прикажи, герольд, приготовить орнитоптер.

— Да, милорд! Пилот готов!

— Как там Хокмун и его банда в серебряных шлемах?

— Они преследуют остатки наших войск.

— Меня каким-то образом обманули!

— Много убитых... А теперь воины-варвары уничтожают пехоту. Осталась только кавалерия!

— Я не могу в это поверить! О, будь проклята моя слепота! Я чувствую себя, словно во сне!

— Я отведу вас к орнитоптеру, милорд!

— Да-да. В Лондру! Спешите! Я должен обдумать все случившееся и решить, что делать дальше.

Когда орнитоптер набирал высоту, барон Мелиадус почувствовал, что в глазах у него мелькнул серебристый отблеск. Моргнув, он посмотрел вниз. Да, зрение возвращалось к нему. Мелиадус увидел шесть сверкающих шлемов — это о них говорил ему герольд. Он увидел поле, усеянное трупами его солдат, которые, по его расчетам, должны были уничтожить силы Хокмуна. Барон заметил остатки своей кавалерии и услышал отдаленный смех, принадлежавший его самому ненавистному врагу.

Мелиадус погрозил кулаком:

— Хокмун! Хокмун!

Блеснуло серебро: человек в блестящем шлеме задрал голову вверх.

— Какими бы фокусами ты ни пользовался, Хокмун, все равно этой ночью ты погибнешь. Тебя ничто не спасет! Я знаю это! Я знаю!

Он снова посмотрел вниз, отвечая полным ненависти взглядом на смех Хокмуна. Мелиадус искал варваров, разгромивших его армию, но нигде их не увидел.

«Это кошмар», — подумал Мелиадус. Он не мог понять: герольд ли был подкуплен Хокмуном, или варвары оказались невидимыми для его глаз?

Мелиадус потер лицо. Наверное, виной всему — его недавняя слепота, от которой он еще не оправился... Варвары исчезли. Он осмотрел все поле.

Но нет, нигде не оказалось ничего похожего...

— Поторопись, пилот! — приказал он, пытаясь перекричать шум крыльев. — Мы должны как можно

скорее вернуться в Лондру.

Мелиадус начал уже понимать, что разгром Хокмуна будет не таким простым делом, как он предполагал раньше. Но потом он вспомнил о Калане и машине Черного Камня. И улыбнулся.

Глава 14

ЧЕРНЫЙ КАМЕНЬ ВНОВЬ ОЖИВАЕТ

Шестеро воинов сняли свои зеркальные шлемы и посмотрели вслед отступающему противнику, испытывая благоговейный страх перед собственной победой. Они потеряли всего человек двадцать, и еще около двадцати получили ранения.

— Они не ждали Легиона Зари, — улыбнулся граф Брасс, — и были настолько поражены его появлением, что не могли оказать достойного сопротивления. Но, я думаю, к тому времени, когда мы доберемся до Лондры, они подготовятся лучше.

— Да, — согласился Хокмун. — Вне всяких сомнений, Мелиадус в следующий раз выставит намного больше солдат. — Он дотронулся до Алого Амулета у себя на шее и взглянул на Исольту.

— Ты хорошо сражался, — произнесла она, откинув белокурые пряди волос. — С яростью сотни воинов.

— Это Амулет придает мне силу пятидесяти солдат, а твоя любовь — энергию еще стольких же, — отшутился он.

— До нашей помолвки ты мне никогда не льстил, — тихо засмеялась она.

— Наверное, это потому, что я стал тебя любить еще больше, чем прежде.

— Нам лучше разбить лагерь подальше отсюда, — вмешался д'Аверк. — Эти трупы мне не нравятся.

— Я займусь ранеными, — сказал Богенталь.

Он повернул коня туда, где сгруппировались кавалеристы Камарга. Они, спешившись, переговаривались друг с другом.

— Вы действовали отлично, ребята, — крикнул им граф Брасс. — Что скажете, а? Это было похоже на старые добрые времена, когда мы сражались в Европе! А теперь мы убьемся за спасение той же Европы!

Хокмун хотел что-то сказать, но вдруг издал страшный вопль и выронил шлем, прижав руки к голове и выкатив глаза от боли и ужаса. Он закачался в седле и, наверное, упал бы, если бы его не поддержал Оладан.

— Что такое, Дориан? — встревожился Оладан.

— Почему ты кричишь, любовь моя? — испугалась Исольта, спешиваясь и помогая Оладану держать Хокмуна.

Побледневшими губами Хокмун смог только выдавить из себя сквозь стиснутые зубы:

— Эт-тот... Камень... Черный Камень... Он... он снова вгрызается в мой мозг! Его сила вернулась! — Он закачался и упал к ним в объятия — бледный, как смерть. Руки его безвольно повисли. Когда шлем сняли, жена и друг увидели, что Черный Камень во лбу у Хокмуна вновь начал наливаться жизнью. К нему вернулся прежний блеск.

— Оладан, он умер? — в ужасе вскрикнула Исольта.

— Нет, еще жив, но не могу сказать, надолго ли... Богенталь! — позвал Оладан. — Сэр Богенталь! Скорее сюда!

Богенталь поспешил к ним, поднял Хокмуна на руки и покачал головой. Не в первый раз видел он герцога Кельнского в подобном состоянии.

— Я могу попробовать сделать лекарство, но у меня нет тех составляющих, что были тогда в замке Брасс.

Богенталь принялся за работу. Исольта, Оладан, а потом и граф Брасс с испугом наблюдали за происходящим. Наконец Хокмун зашевелился и открыл глаза.

— Камень... — пробормотал он. — Мне приснилось, что он снова пожирает мой мозг...

— Так и будет, если мы в ближайшее время не найдем средство его нейтрализовать, — проговорил Богенталь. — Сила его пока исчезла, но я не знаю, когда, где и как она может вернуться.

Хокмун с огромным трудом поднялся. Он был бледен и едва стоял на ногах.

— Тогда мы должны немедленно отправиться дальше — к Лондре, пока у нас есть время. Если оно, конечно, есть...

— Да, если есть время...

Глава 15

ВРАТА ЛОНДРЫ

Когда шестеро всадников въехали на вершину холма во главе своей кавалерии, они увидели, что войска Мелиадуса построились перед главными воротами Лондры и ждут армию Камарга.

Хокмун, морщась от страшной боли, нащупал Амулет. Дориан знал, что теперь только Амулет сохранял ему жизнь, помогая бороться с силой Черного Камня. Этот Камень питала энергией машина, которой управлял Калан, находившийся, как слышал Хокмун, где-то в Лондре. А значит, чтобы добраться до Калана, Дориан должен был взять город и разбить многочисленное войско.

Хокмун вытащил из ножен Меч Зари и, не колеблясь ни секунды, подал сигнал к атаке. Он знал, что медлить нельзя, ибо каждая секунда могла стоить жизни ему и его друзьям.

Кавалерия Камарга поднялась на холм и атаковала войско, намного превосходившее ее по численности.

Гранбретанцы встретили их огненными копьями, и нападавшие открыли ответный огонь. Хокмун, сочтя момент наиболее подходящим, крикнул.

— Легион Зари! Я вызываю Легион Зари!

Его череп пронзила боль, и он застонал, ощутив жар Камня во лбу.

Исольду охватило беспокойство. Она только успела спросить:

— Что с тобой, любовь моя?

Но ответить ее любимый не смог.

Они оказались в гуще битвы. Глаза Хокмуна остекленели: он с трудом различал силуэты вражеских солдат и не мог определить, появились ли воины Зари.

Но Легион все-таки вступил в бой, освещая себе путь среди массы дерущихся особым розовым светом. Дориан вдруг почувствовал, что его наполняет энергия Алого Амулета, нейтрализующая Черный Камень. Он ощутил, что к нему вновь возвращаются силы. Но он не знал, надолго ли.

Теперь Хокмун беспощадно разил воинов в масках Стервятника, сражающихся палицами с рукоятками и набалдашниками, похожими на растопыренные лапы с длинными когтями. Вот Дориан отразил удар и нанес ответный: его громадный меч прорубил панцирь воина и вошел тому прямо в грудь. Хокмун откинулся в седле, чтобы уклониться от вражеской палицы, и проткнул ее владельца, угодив тому прямо в пах.

Воины сражались словно в горячке. Воздух вокруг был пропитан страхом. Хокмун скоро осознал, что это худшая из битв, в которых ему когда-либо доводилось участвовать: солдаты Темной Империи, потрясенные появлением Легиона Зари, утратили свою обычную храбрость и дрались совершенно беспорядочно, нарушив порядок и не слушая командиров.

Дориан Хокмун понял, что это будет нелегкий бой, в котором уцелеют немногие. Кроме того, он начал подозревать, что ему, вероятно, тоже не придется увидеть, чем кончится сражение, — боль в голове усиливалась.

Никто не заметил, как погиб Оладан. Он сражался один против дюжины пехотинцев-Свиной и был истреблен в куски их топорами.

Граф Брасс погиб после схватки с тремя баронами. Адаз Промп, Мигель Хольст и Сак Гордон, магистр Ордена Быка, узнали его, но не по шлему, который отличался от других шести только гребнем. Графа выдавало его телосложение и медные доспехи. Трое — Собака, Козел и Бык набросились на него. Граф встретил их пешим — в бою он лишился коня. Оторвав взгляд от очередного поверженного врага, граф увидел пробивающихся к нему баронов и крепче ухватился обеими руками за свой огромный меч. Когда всадники подъехали поближе, он взмахнул мечом и подрубил лошадям передние ноги, так что бароны

перелетели через головы своих лошадей и упали в грязь. Первым успешно отправился на тот свет Адаз Промп, распластавшийся в весьма недостойной позе. Следом граф отсек голову Мигелю Хольсту, хотя магистр Ордена Козла и молил о пощаде. Оставалось лишь разделаться с Саком Гордоном. У барона Сака было достаточно времени подняться на ноги и подготовиться к бою. Он несколько раз мотнул головой: его ослеплял зеркальный шлем графа. Заметив это, Брасс сорвал с себя шлем и отшвырнул его в сторону, выставляя во всей красе свои ошетилившиеся усы и медные волосы. Боевой азарт охватил его.

— Двоих я прикончил не совсем честно, — проворчал граф, — так что будет справедливо дать тебе шанс убить меня.

Сак Гордон бросился вперед подобно бешеному быку своего Ордена. Граф посторонился и, взмахнув мечом, рассек пополам маску Сака Гордона вместе с черепом. Барон рухнул как подкошенный; граф, глядя на бездыханное тело, торжествующе улыбнулся. Но он на мгновение утратил обычную бдительность, и всадник в маске Козла, подъехавший сзади, проткнул его шею копьем.

У графа даже хватило сил повернуться и вырвать копье из рук нападавшего. Уже на последнем вздохе он метнул свой меч и попал Козлу в горло. А потом затих навсегда.

Свидетелем этой нелепой гибели стал Орланд Фанк. Перед боем он ненадолго покинул героев Камарга и вступил в битву позже, с большим искусством орудуя своим боевым топором.

Солдаты Темной Империи, потеряв трех своих предводителей, стали продвигаться ближе к воротам. И лишь барон Мелиадус в устрашающего вида черных доспехах, черной волчьей маске и с огромным мечом в руках пытался поначалу удержать своих воинов от панического бегства.

Но и он был оттеснен, когда Хокмун, Исольтда, д'Аверк, Богенталь и Орланд Фанк повели свое немногочисленное воинство и Легион Зари против оставшихся зверей Гранбретании.

Воины Мелиадуса не успели закрыть ворота, и герои Камарга ворвались в город. Тогда барон понял, что он с самого начала не ошибся в оценке сил Хокмуна, только позже из-за своей излишней самоуверенности потерял бдительность. Мелиадус подумал, что им теперь остается только одно — вызвать к воротам все оставшиеся в городе войска и ждать, когда Калан найдет способ увеличить энергию Черного Камня.

Однако барон неожиданно преобразился, заметив, что Хокмун закачался в седле, а руки его взметнулись к серебряному шлему. Мелиадус увидел странного человека в шапочке и клетчатых штанах, подхватившего Дориана и вытащившего из седельной сумки Хокмуна что-то обернутое в кусок материи.

— Слушай меня, друг, — шепнул Фанк Хокмуну, — настало время воспользоваться Рунным Посохом. Настало время поднять наше знамя. Сделай это сейчас, иначе больше не проживешь и минуты.

Хокмун остро ощущал силу, вгрызающуюся в мозг. Фанк вложил ему в руку Рунный Посох; Дориан стиснул его левой рукой, высоко поднял над головой и увидел, что воздух вокруг него вспыхнул золотым светом.

— Рунный Посох! — закричал Фанк. — Рунный Посох! Мы сражаемся за Рунный Посох! — И захохотал.

Гранбретанцы в ужасе начали отступать. Они были уже настолько деморализованы, что, несмотря на численность своего войска, превосходящую в несколько раз силы Хокмуна, отхлынули к воротам города. Фанк чувствовал себя победителем.

Но барон Мелиадус не собирался признавать себя побежденным. Он заорал на своих солдат:

— Это обычный посох! Он не может причинить нам вреда! Вперед, идиоты, взять их!

И тогда воины Камарга рванулись вперед. Хокмун, с трудом удерживаясь в седле, все же сумел пересилить себя и пронести через ворота Лондры Рунный Посох. На улицах города их пыталась остановить миллионная армия гранбретанцев, находившаяся в резерве.

Дориан, словно во сне, вел свой сверхъестественный Легион с Мечом Зари в одной руке и Рунным Посохом — в другой.

Толпа стала совершенно непроходимой. Пехотинцы-Свиньи и всадники-Козлы пытались стащить героев Камарга с лошадей, и на некоторое время всякое движение камаргцев застопорилось. Хокмун

заметил, как дюжина гранбританских зверей стащила с седла одного человека в зеркальном шлеме. Тот сражался доблестно и самоотверженно. Дориан испугался: этим воином могла оказаться Исольда. Он вдруг почувствовал необычный прилив сил в одревеневших мускулах. Он уже развернулся, чтобы добраться до упавшего товарища. Но там появился еще один всадник в сверкающем шлеме. Он продвигался вперед, расчищая себе дорогу мечом. И Хокмун понял, что в опасности оказалась не Исольда, а Богенталь, и на помощь тому пришла его любимая. Но было уже поздно. Богенталь исчез в массе Козлов, Псов и Свиней, а потом кто-то из них поднял высоко над головой окровавленный зеркальный шлем. Правда, воин держал его лишь мгновение — тонкий меч Исольды тут же перерубил запястье убийцы, и кровь хлынула фонтаном...

Хокмуна потряс еще один приступ головной боли, который почти ослепил его. Калан снова увеличил мощность. Хокмун застонал, его глаза вновь затуманились. Но Дориан, защищая себя от мелькающего вокруг оружия, сумел удержать над толпой Рунный Посох.

Когда на минуту его зрение прояснилось, он увидел, что д'Аверк прорубает себе дорогу явно в определенном направлении. Хокмун понял, что друг стремится во Дворец, чтобы поскорее увидеть любимую женщину, Королеву Флану. Но, увы! Суждено ему было другое...

Каким-то образом д'Аверк все же сумел пробиться к самому Дворцу. Он проник внутрь сквозь брешь в стене, спешил к наружной лестнице и бросился к стражникам, охраняющим вход. У них были огненные копья, а у д'Аверка остался только меч. Пламя с визгом, пронеслось над его головой. Он бросился наземь и перекатился в канаву, которую прорезала жидкость от пузырей Калана. Д'Аверк нашел там огненное копье и направил его на стражников, прежде чем они осознали, что произошло.

Затем д'Аверк выбрался из канавы и помчался по коридорам. Грохот его сапог эхом разносился по покоям Дворца. Он бежал, пока, наконец, не добрался до дверей Тронного Зала. Ему вновь пришлось воспользоваться тем же огненным копьем: д'Аверк сразил два десятка стражников, отделавшись при этом легким ожогом правого предплечья. Д'Аверк приоткрыл дверь и заглянул в Тронный Зал. Примерно в миле от дверей виднелось возвышение, где должен был находиться трон. Но разглядеть, сидит ли там Флана, он не мог. В Зале, казалось, никого больше не было.

Д'Аверк оглянулся и побежал к трону. На бегу он выкрикивал ее имя:

— Флана! Флана!..

Флана грезила, сидя на троне. Подняв взгляд, она увидела приближающегося к ней человека. Графиня услышала свое имя, подхваченное тысячекратным эхом в огромном зале:

— Флана! Флана! Флана!

Она узнала знакомый голос, но боялась поверить, думая, что это игра ее воображения...

К ней приближался человек в шлеме, сверкающем, словно начищенное до зеркального блеска серебро. Но этого человека нельзя было не узнать.

— Хьюлам? — неуверенно прошептала она. — Хьюлам д'Аверк?

— Флана. — Человек снял с себя шлем и отшвырнул его прочь; шлем покатился по полу. — Флана!

— Хьюлам, — она поднялась с места и стала медленно спускаться к д'Аверку.

Он раскрыл ей навстречу объятия, радостно улыбаясь.

Но им было не суждено соединить руки. С галереи над ними ударил луч пламени, подобный разряду молнии, и выжег лицо д'Аверка. Он с пронзительным воплем упал на колени, а потом рухнул навзничь и умер у ног своей возлюбленной. Рыдания сотрясли ее тело.

А с галереи прозвучал самодовольный голос солдата:

— Теперь вы в безопасности, сударыня.

Глава 16

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Войска Темной Империи еще наводняли город-лабиринт, и Хокмун с отчаяньем заметил, что Легион Зари становится все меньше и меньше. Теперь уже, когда погибал один воин, не всегда его место занимал другой. Но воздух вокруг Хокмуна был насыщен горько-сладким запахом Рунного Посоха и заполнен его странными узорами.

Дориан Хокмун увидел Мелиадуса, и волна боли вновь захлестнула его мозг; в глазах вдруг потемнело, и он рухнул с лошади.

Мелиадус тоже сошел со своего черного скакуна и медленно направился к Хокмуну. Рунный Посох выпал у него из рук, а Меч Зари Дориан еле удерживал.

Хокмун пошевелился и застонал. Вокруг него бушевала битва, но она, казалось, не имела к нему никакого отношения. Дориан почувствовал, что боль усиливается, открыл глаза и заметил приближающегося Мелиадуса в маске, которая своим оскалом как бы предрекала ее владельцу близкую победу. В горле у Хокмуна пересохло. Он попытался дотянуться до Рунного Посоха, что лежал на камнях мостовой.

— Ах, Хокмун, наконец-то, — мягко произнес Мелиадус. — Тебе больно, я вижу. Ты слаб... Единственное, о чем я сожалею, так это о том, что ты не доживешь до нашей победы и не увидишь Исолду в моей власти, — Мелиадус говорил с глумливой жалостью и заботой. — Неужели ты не можешь подняться?.. Что, Камень разъедает твой мозг, скрытый за этой серебряной маской? Как ты думаешь, стоит ли мне подождать, пока он убьет тебя, или сделать это самому? Ты можешь мне ответить?.. Не хочешь ли попросить пощады?

Рука Хокмуна схватила Рунный Посох и крепко сжала его. Дориан ощутил, что в него вливаются новые силы. Энергии оказалось не так много, но по крайней мере достаточно, чтобы подняться на ноги. Он стоял согнувшись, а дыхание перемежалось тяжкими рыданиями, приглушенными шлемом. Хокмун будто в тумане увидел Мелиадуса: барон взмахнул мечом, намереваясь собственноручно лишить жизни героя Камарга.

Дориан попробовал поднять Меч Зари, но не смог.

Мелиадус на секунду заколебался:

— Так значит, ты не можешь сражаться? Ты не можешь драться! Мне тебя жаль, Хокмун. — Он протянул вперед руку. — Отдай мне этот посошок! Именно им я поклялся отомстить замку Брасс и его обитателям. И теперь моя месть почти завершена. Позволь мне забрать его, Хокмун!

Дориан, шатаясь, сделал пару шагов назад и покачал головой. Он не мог говорить из-за страшной слабости во всем теле.

— Хокмун, отдай его мне!

— Ты... не... получишь... его, — прохрипел герцог Кельнский.

— Тогда мне придется убить тебя. — Мелиадус вновь поднял меч, и в этот момент Рунный Посох вдруг вспыхнул еще ярче, и барон увидел свое отражение в сверкающем шлеме Хокмуна.

Это так поразило Мелиадуса, что он замешкался, опуская свой меч.

А Хокмун, получив новые силы от Рунного Посоха, поднял Меч Зари. Он чувствовал, что его хватит лишь на один удар, и понимал, что удар этот должен быть смертельным для противника, загипнотизированного собственным отражением.

Герцог Кельнский поднял Меч Зари и опустил его. Мелиадус издал громкий мучительный крик, когда клинок Хокмуна перебил ему предплечье и вошел прямо в сердце.

И вместе с последним вздохом из уст Мелиадуса вырвалось:

— Будь проклята эта вещь! Будь проклят этот Рунный Посох! Он принес гибель Гранбретании!

Хокмун уже ничего не слышал. Он рухнул на землю, думая, что теперь он несомненно умрет, что погибнут Исольда и Орланд Фанк, у которых совсем не осталось сил. А у Темной Империи осталось еще неисчислимое войско...

Глава 17

ПЕЧАЛЬНАЯ КОРОЛЕВА

Хокмун очнулся и с ужасом увидел над собой змеиную маску барона Калана Витальского. Дориан выпрямился, словно пружина, и рука схватилась за оружие.

Калан повернулся к стоящим рядом людям:

— Я же говорил, что смогу это сделать. И вот... мозг его восстановлен, силы к нему вернулись... А теперь, Королева Флана, я бы хотел попросить разрешения продолжить то, что я делал, когда меня прервали.

Хокмун узнал маску Цапли. Флана кивнула Калану, и тот проскользнул в соседнюю комнату, осторожно закрыв за собой дверь. К нему приблизились какие-то люди, и Дориан с радостью увидел среди них Исольту. Он заключил ее в объятия и поцеловал.

— Ах, Хокмун! — выдохнула она. — Я так боялась, что Калан как-нибудь обманет нас. Это Королева Флана приказала своим людям прекратить сражение, а потом нашла тебя. Орланд Фанк и я оставались последними, и мы думали, что ты умер. Но Калан вернул тебя к жизни — удалил Камень из твоего черепа и разбил машину Черного Камня. Так что теперь никому не придется испытать на себе ее действие.

— А от какого занятия ты оторвала его, Королева Флана? — поинтересовался Хокмун. — Почему он был так недоволен?

— Он собирался покончить с собой, — ровным голосом ответила Флана. — Я пригрозила, что оставлю его живым навеки, если он не выполнит моего приказа.

— Д'Аверк? — встревоженно спросил Хокмун. — Где д'Аверк?

— Мертв, — таким же ровным голосом произнесла опечаленная Флана. — Он убит в Тронном Зале стражником, чересчур ревностно несшим службу.

Мгновенно радость Хокмуна сменилась глубокой грустью.

— Так значит и граф Брасс, и Оладан, и Богенталь — все погибли?

— Да, — подтвердил его страшную догадку Орланд Фанк. — Но они погибли за великое дело и освободили от рабства миллионы людей. До этого дня в Европе бушевала война. Теперь же, наверное, люди станут стремиться к миру. Ведь они уже видели, к чему приводит война.

— Граф Брасс больше всего на свете хотел мира, — проговорил Хокмун. — Как жаль, что он не дожил до сегодняшнего дня!

— Наверное, это увидит его внук, — пообещала Исольта.

— Пока я Королева, — произнесла печальная Флана, — вам нечего страшиться Гранбритании. Я намерена уничтожить Лондру и сделать столицей мой родной город Канберри. А непомерные богатства, скопившиеся в Лондре, будут отданы на восстановление городов, деревень, ферм... Насколько только возможно исправить зло, причиненное Гранбританией. — Она сняла маску, открыв свое прекрасное, величественное, но печальное лицо. — Я также отменю ношение масок.

Орланд Фанк, похоже, отнесся к новшествам скептически, но ничего не сказал по этому поводу, а изрек лишь следующее:

— Если Гранбритания сломлена навеки, то и работа Рунного Посоха здесь завершена. — Он похлопал по свертку у себя под мышкой. — Я забираю с собой Рунный Посох, Алый Амулет и Меч Зари. Я постараюсь сохранить их. И если когда-нибудь у вас вдруг возникнет необходимость вновь выступить против общего врага, то обещаю помочь вам в этом.

— Хотелось бы верить, друг Фанк, что такие времена не наступят никогда.

— Мир не меняется, — вздохнул Фанк. — Бывают лишь временные нарушения равновесия, друг

Хокмун. И если равновесие нарушается в одном направлении слишком сильно, то Рунный Посох старается исправить это на век-другой, пока все не утихнет... Но не знаю...

— Тебе все следовало бы знать, — засмеялся Хокмун, — ведь ты всеведущ!

— Не я, друг мой, — улыбнулся Фанк, — а то, чему я служу. Всеведущ Рунный Посох...

— Твой сын — Джемия Коналис...

— Нет! Есть многое, чего не знает даже Рунный Посох. — Фанк почесал свой длинный нос и посмотрел на них. — Я хочу попрощаться с вами. Вы хорошо сражались, и сражались за справедливость.

— Справедливость? — крикнул ему вслед Хокмун. — А существует ли она?

— Она существует, но ее всегда не хватает, — ответил Фанк. — И чтобы создать лишь малую ее толику, нам нужно упорно трудиться, хорошо сражаться... короче, использовать каждую возможность.

— Да, — согласился Хокмун, — вероятно, ты прав...

— Я знаю, что я прав, — засмеялся Фанк.

А потом он пропал, и откуда-то, как будто из другого пространства, послышался его голос.

— Справедливость — это не порядок и не право, как думают люди. Равновесие — вот что такое справедливость. Равновесие весов... Помни об этом, Хокмун!

Дориан обнял за плечи Исольту.

— Да, я помню, — тихо сказал он. — А теперь мы вернемся в замок Брасс, вычистим родники, вернем в лагуны тростник и на природу — животных: быков, рогатых лошадей и розовых фламинго... Вдохнем снова жизнь в наш Камарг!

— И мощь Темной Империи больше никогда не будет угрожать ему, — печально улыбнулась Королева Флана.

— Я уверен в этом, — кивнул Хокмун. — Но если другое зло явится к замку Брасс, я буду готов отразить его, каким бы мощным и ужасным оно ни было, и в какой бы форме оно ни появилось. Мир еще далек от совершенства. Справедливость, о которой говорил Фанк, едва ли вообще существует. И мы должны стараться сделать хоть что-то, чтобы она все-таки существовала... Прощай, Королева Флана!

Флана смотрела, как они уходят все дальше и дальше, и по щекам ее медленно катились слезы.

fantasy



•Северо-Занәг•

Примечания

1

Стихи в переводе Г. Корчагина.